ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2020. № 457. Август

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2020. № 457. August

Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Н.А. Глущенко**, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **N. Glushchenko,** PhD in History, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **D. Katunin,** PhD in Philology, Associate Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Мультидисциплинарный научный журнал

№ 457 Август 2020

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

Multidisciplinary academic journal

№ 457 August 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Власов М.С., Трофимова У.М., Подрезов М.В., Абдуллина У.В. Связь частотности и эмотивности молодежных сленгизмов русского языка (на материале психолингвистической базы данных)..... 5
Кхемка А.К. Речевой жанр киноанонса (на материале киноанонсов к индийским фильмам)..... 16
Мельник Н.Д. П.П. Вейнер – издатель-редактор и публицист журнала «Старые годы» (1907–1916) 26
Разина А.С. Проект этнолингвистического словаря «Мир, отраженный в народных названиях растений»..... 34
Цао Юй. Трансформация структуры и специфики современного детского телевидения на универсальных каналах Китая (1992–2018 гг.) 46
Шеина И.М., Сидорина Е.И. Русские заимствования в языках коренных народов Аляски как отражение историко-культурного наследия Русской Америки 53

ФИЛОСОФИЯ

Андреев А.А. Учение о бессознательном в русской философии и психоанализе 61
Гиренок Ф.И. О двух философских стратегиях в исследовании человека 66
Клёцкин М.В. Начала познания физических сущностей. 72
Хитрук Е.Б. Философия религии Ричарда Рорти: на стыке эпох 77

ИСТОРИЯ

Бадмаева Е.Н. Проблема водообеспечения в условиях кочевого способа хозяйствования (на примере Калмыцкой степи в конце XIX – начале XX в.) 85
Бехтерев С.Л., Бехтерева Л.Н. «Миша», «Молот», «Беленький»: биография М.Ф. Шитова в контексте событий российской истории первой трети XX в. 94
Гаврилов С.В. Историк и меценат: к истории взаимоотношений В.И. Семевского и И.М. Сибирякова 101
Герман П.В., Онищенко С.С., Савельева А.С., Святко С.В. Ключевые аспекты экономики населения тагарской культуры: основные концепции и проблемы изучения скотоводства 110
Костылева Е.Н. Проблемы улучшения экономического положения крестьян Рязанской губернии в трудах Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1903 гг.) 123
Портнягина Н.А., Портнягин Д.И. Кадеты и британские дипломатические представители в России: два взгляда на революционный террор в 1905–1907 гг. 133
Румянцев П.П. Жандармские штаб-офицеры и начальники губернского жандармского управления в Томской губернии: практика назначения и социальный портрет 141
Сарычева Т.В., Ростов Н.Д. Военное обучение и военно-физическая подготовка учащейся молодежи Западной Сибири как часть советской культуры предвоенного времени 150
Сидоров В.А. Зимбабве: от Мугабе к Мнангагве 157

CONTENTS

PHILOLOGY

Vlasov M.S., Trofimova U.M., Podrezov M.V., Abdullina U.V. The Relationship Between Word Frequency and Affective Characteristics of Youth Slang Words in Russian (Evidence From a Psycholinguistic Database) 5
Khemka A.K. The Speech Genre of the Movie Announcement (On the Material of Movie Announcements of Indian Films) 16
Melnik N.D. Petr Weiner: The Publisher, Editor and Publicist of the *Starye Gody* Journal 26
Razina A.S. The Project of the Linguacultural Dictionary *The World Reflected in the Folk Names of Plants* 34
Cao Yu. Transformation of the Structure and Features of Children's Television on the Generalist Channels of China (1992–2018) 46
Sheina I.M., Sidorina E.I. Russian Borrowings in the Languages of Alaska Indigenous Peoples as a Manifestation of the Historical and Cultural Heritage of Russian America 53

PHILOSOPHY

Andreev A.A. The Theory of the Unconscious in Russian Philosophy and Psychoanalysis 61
Girenok F.I. On Two Philosophical Strategies in Human Research 66
Kletskin M.V. The Origins of Cognition of Physical Entities 72
Khitruk E.B. Richard Rorty's Philosophy of Religion: At the Crossroads of Eras 77

HISTORY

Badmaeva E.N. The Problem of Water Supply in the Nomadic Way of Management (On the Example of Kalmyk Steppe in the Late 19th – Early 20th Centuries) 85
Bekhterev S.L., Bekhtereva L.N. "Misha", "Molot", "Belenky": The Biography of Mikhail Shitov in the Context of the Events of the Russian History of the First Third of the 20th Century 94
Gavrilov S.V. A Historian and a Philanthropist: On the History of Relations Between Vasily Semevsky and Innokenty Sibiryakov 101
German P.V., Onishchenko S.S., Savel'eva A.S., Svyatko S.V. Key Aspects of the Economy of the Tagar Culture Population: Main Concepts and Problems of Research Into Animal Husbandry 110
Kostyleva E.N. The Problems of Improving the Peasants' Economic Status in Ryazan Province in the Proceedings of the Special Conference on the Needs of the Agricultural Industry (1902–1903) 123
Portnyagina N.A., Portnyagin D.I. Cadets and British Diplomatic Representatives in Russia: Two Views on Revolutionary Terror in 1905–1907 133
Rumyantsev P.P. Gendarme Staff Officers and Heads of the Provincial Gendarme Administration in Tomsk Province: The Practice of Appointment and the Social Portrait 141
Sarycheva T.V., Rostov N.D. Military Instruction and Military Physical Training of Students in Western Siberia as Part of the Pre-War Soviet Culture (1939–1941) 150
Sidorov V.A. Zimbabwe: From Mugabe to Mnangagwa 157

ПЕДАГОГИКА

Белевитин В.А., Смирнов Е.Н., Корнеев Д.Н., Евплова Е.В. Квалиметрическая оценка уровня сформированности профессиональных компетенций выпускников вузов в сфере информационных технологий 168
Гареева Э.А., Дубинина Э.В. «Учебная фирма» как один из способов реализации системно-деятельностного подхода в высшей школе 175
Кирьяш Н.С., Мухина М.П., Кравчук А.И. Содержание и направленность подготовки юных гимнасток к квалификационным соревнованиям по спортивной гимнастике 187
Лазарева О.П., Мороз Н.А., Полетаева О.Б., Шатилович О.В. Интеграция формального и неформального обучения переводу в вузе в рамках реализации программы 5-100 192
Пешков В.Ф. Методика применения восстановительных средств в системе физкультурно-оздоровительных занятий мужчин 65–69-летнего возраста 205
Пивторак А.Н. Анализ авторской программы по социально-культурной реабилитации инвалидов среднего возраста средствами бальной хореографии «Танцы на колясках» 214

PEDAGOGICS

Belevitin V.A., Smirnov E.N., Korneev D.N., Evplova E.V. Qualimetric Assessment of the Level of Formation of Professional Competencies of University Graduates in the Field of Information Technologies 168
Gareyeva E.A., Dubinina E.V. The "Training Firm" as a Way of Implementing a System- and Activity-Based Approach to Teaching in Higher Education Institutions 175
Kiryash N.S., Mukhina M.P., Kravchuk A.I. The Content and Focus of Preparing Young Gymnasts for Qualification Competitions in Artistic Gymnastics 187
Lazareva O.P., Moroz N.A., Poletaeva O.B., Shatilovich O.V. Integration of Formal and Non-Formal Translation Teaching at a University Under 5-100 Programme 192
Peshkov V.F. A Methodology for the Use of Recovery Exercises in the System of Health-Improving Physical Training Sessions for Men Aged 65 to 69 205
Pivtorak A.N. An Analysis of the "Wheelchair Dance" Authorial Program for Social and Cultural Rehabilitation of Middle-Aged Disabled People by Means of Ballroom Choreography 214

ПРАВО

Добряков Д.А., Минязева Т.Ф., Поздняков В.М. Тенденции применения пожизненного лишения свободы 221
Князев Д.В. Эволюция требований к содержанию искового заявления под давлением повышенной нагрузки на судебную систему США 229
Копылов А.Ю. Условия охраноспособности персонажа художественного произведения 243
Лебедева Е.А. Контрольно-надзорная деятельность в сфере создания и использования генно-модифицированных организмов в России и Германии 249
Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Критерии выделения теорий среднего уровня в криминологии 256
Филиппова О.В. Общесоциальные детерминанты рецидивной преступности 261

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 266

LAW

Dobryakov D.A., Minyazeva T.F., Pozdnyakov V.M. Tendencies of Imposing Life Imprisonment 221
Kniazev D.V. Evolution of the Requirements for the Content of the Statement of Claim Under the Increased Caseload Pressure on the Judicial System of the United States 229
Kopylov A.Yu. Conditions for the Protectability of the Character of a Work of Art 243
Lebedeva E.A. Control and Supervision Over the Use of Genetically Modified Organisms in Russia and Germany 249
Prozumentov L.M., Shesler A.V. Criteria for Identifying Middle-Range Theories in Criminology 256
Filippova O.V. Society-Wide Determinants of Recidivism 261

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN 266

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'23

М.С. Власов, У.М. Трофимова, М.В. Подрезов, У.В. Абдуллина

СВЯЗЬ ЧАСТОТНОСТИ И ЭМОТИВНОСТИ МОЛОДЕЖНЫХ СЛЕНГИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ БАЗЫ ДАННЫХ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Алтайского края в рамках проекта № 19-412-220004 «Лингвистические, когнитивные и эмоциональные факторы восприятия молодёжного сленга субъектами деструктивного поведения: экспериментальное исследование»

Представлен опыт создания психолингвистической базы данных молодежных сленгизмов и жаргонизмов русского языка с квантитативными характеристиками единиц, необходимых для психолингвистических и нейрокогнитивных исследований. В базу включены лексические единицы молодежного жаргона, связанного с деструктивным поведением (опасным и криминальным поведением, наркоманией, гейм-аддикцией и т.д.), а также повседневного молодежного сленга, связанного с устным и сетевым дискурсом. Из базы данных приводятся оценки 68 лексических единиц по параметрам частотности и эмотивности.

Ключевые слова: молодежный сленг; жаргон; база данных лексических единиц; субъекты деструктивного поведения; эмоционально окрашенная лексика.

Введение

В рамках настоящего исследования *молодежный сленг* рассматривается как лексикон на фонетической и грамматической основе общенационального языка, отличающийся разговорной и нередко грубофамильярной окраской. Термины *жаргон* и *жаргонизм* мы применяем для указания на специальный сленг замкнутых референтных групп (уголовный жаргон, жаргон наркоманов, жаргон фанатов аниме и т.п.).

Молодежный сленг распространен в среде учащейся молодёжи и отдельных замкнутых референтных группах, в том числе *группах деструктивного поведения*. Формы деструктивного поведения достаточно хорошо изучены в психологической литературе [1, 2].

Для целей нашего исследования мы придерживались классификации форм такого поведения с опорой на работы К.В. Злоказова [2, 3], который выделяет интраперсональный, интерперсональный и метаперсональный контексты проявления деструктивного поведения. Так, помимо агрессивного поведения, например в интраперсональном аспекте рассматриваются разрушительные формы отношения человека к собственному телу через самоповреждение и самоизменение [2]. Иными словами, деструктивное поведение может быть направлено как «на других», так и «на себя», что в свою очередь влечет за собой множество социально значимых проблем (криминал, аддикции, депрессия и суицид). Не разворачивая дискуссию об этиологии и разных формах проявления деструктивного поведения, в рамках данной статьи мы сосредоточимся на психолингвистическом аспекте восприятия молодежного сленга, в котором наблюдается проникновение различных жаргонизмов из других социальных групп.

Нейрокогнитивные аспекты восприятия лексики и базы данных лексических единиц

С помощью современных методов психофизиологии (регистрации времени реакции, айтрекинга) и методик экспериментальной психолингвистики (распознавание лексики, «доступ» к значению многозначного слова) у исследователей появляется возможность имплицитной диагностики установок, скрытых мотивов и эмоциональных состояний субъектов деструктивного поведения через экспериментальное моделирование процесса переработки лексической информации носителями сленга того или иного языка. Данные «онлайновые» методики нацелены на извлечение лексических репрезентаций из имплицитной памяти человека и позволяют экспериментатору избежать получения социально желательных (намеренно искаженных) ответов от респондентов (как это нередко происходит при «офлайновом» анкетировании или опросе). В качестве конкретных методик используются широко известные в психолингвистике задача лексического решения (*lexical decision task*) и методика «Визуальный мир» (оценка скорости доступа к значениям сленгизмов при помощи метода регистрации движений глаз в экспериментальной парадигме *Visual World Paradigm*). Результаты, полученные в виде реакций испытуемых, обрабатываются с помощью методов математической статистики, после чего исследователь может построить вероятностную модель взаимосвязи скорости переработки вербальных стимулов и активации лексических репрезентаций, сопоставить реакции на маркированные и немаркированные лексические единицы с опорой на нормативные базы данных.

Для проведения подобных исследований необходимы как большие репрезентативные базы лексических единиц (например, *StimulStat*) [4], в которых представлены, как правило, единицы литературного языка разной частотности, так и специализированные базы *EnRuN* [5], Томская психолингвистическая база имен существительных [6] в которых лексические единицы репрезентируют самые разнообразные категории (лингвистические, социолингвистические, перцептивные, аффективные и т.д.).

Опыт создания подобной специализированной психолингвистической базы данных молодежных сленгизмов русского языка представлен в данной статье.

Методика сбора языкового материала

Основным критерием для отбора сленгизмов являлась его достоверная репрезентация на молодежных сайтах, а также в ряде лексикографических источников. Для первичного сбора материалов использовались сайты http://www.slovonovo.ru (далее *Slovonovo*), https://teenslang.su/ (далее *Teenslang*) как источники для обнаружения частотной сленговой и жаргонной лексики, а также обыденных толкований значений слов. Обзор подобных словарей обыденных толкований жаргонизмов и сленгизмов представлен в нескольких работах [7, 8] и на сегодня является одним из самых «прямых» путей извлечения знаний о молодежном сленге. Отличительными особенностями таких «народных» сетевых словарей является возможность анонимной работы авторов словарных статей, вариативность толкований сленгизмов и отражение в дефинициях, как правило, личного языкового опыта носителей языка [8]. Достоинством таких ресурсов для психолингвистики и когнитивной лингвистики является отсутствие профессиональной редакторской правки статей со стороны профессиональных лексикографов [7], возможность постоянного доступа исследователей к новой лексике и отслеживания реакций пользователей на ту или иную лексическую единицу, которые можно рассматривать как параметры *метаязыковой оценки* слова в специализированном массиве молодежного сленга (как «косвенный» показатель частотности слова в молодежном дискурсе). Как отмечает Е.Г. Лукашанец, исследование таких народных онлайн-словарей, создаваемых наивными носителями языка, при всех их недостатках (прежде всего, вследствие непрофессионализма их создателей), позволяет пополнять сведения о субстандартных подсистемах языка [9].

Критерием для первичного отбора единиц в нашу базу данных молодежных сленгизмов являлось наличие метаязыковых оценок, или «лайков» (количество которых варьировалось от 1 до 1 097) пользователей *Teenslang* на каждую единицу, и обнаружение в толкованиях социальной группы, использующей то или иное слово (например, «наркоманы», «тюремный сленг», «гопники», «аниме» и т.д.). Для каждой единицы в базу вносились следующие данные: часть речи, метаязыковая оценка по данным словаря *Teenslang* (количество «лайков»), количество знаков в слове, тип сленгизма, включающий молодежный сленг или специальный сленг (жаргон отдельных социальных групп), количество значений слова и их народные толкования. При отсутствии общеупотребительного значения многозначного сленгизма в народном словаре (например, *Вася, вафля*), в базу добавлялось кодифицированное значение слова. Кодифицированные значения проверялись по словарям русского языка, включая Большой словарь иностранных слов [10], Большой толковый словарь русского языка [11], Словарь русского арго (материалы 1980–1990 гг.) [12], Исторический словарь галлицизмов русского языка [13], Новый словарь русского языка [14], Новый словарь иностранных слов: 25 тыс. слов и словосочетаний [15], Словарь молодёжного сленга (на материале лексикона студентов Томского государственного университета) [16], Ключевые концепты молодежной культуры: тематический словарь сленга [17], Толковый словарь русского языка [18], Словарь воровского жаргона [19], Словарь синонимов русского языка [20], Словарь современной лексики, жаргона и сленга [21].

В базу не включались узкоспециализированные терминологические значения, малоизвестные топонимы, поскольку, как нам представляется, функция психолингвистической базы – это представление репрезентативной сленговой и жаргонной лексики, значимой для рядового носителя русского языка. Это дает возможность проводить экспериментальные исследования актуального ментального лексикона, строить вероятностные модели распознавания активного словаря участниками психолингвистических экспериментов.

Общее описание и структура базы данных: пилотажное исследование

По результатам сбора материала из народных онлайн-словарей *Teenslang* и *Slovonovo* в базу данных были включены 200 единиц молодежного сленга и жаргонных единиц групп зависимого поведения (геймеров, фанатов аниме, косплея, наркоманов, лиц, зависимых от соцсетей и т.д.) и потенциально опасного деструктивного поведения (гопники, представители АУЕ и др.). Перейдем к описанию структуры базы данных.

Референтные группы

Все лексические единицы базы распределены условно на две референтные группы, использующие то или иное слово: молодежный сленг и специальный сленг (или жаргон). Критерий для отнесения того или иного слова ко второй группе достаточно условный, и он определялся по характеру обыденных толкований слов по данным молодежных сайтов. Например, такое жаргонное слово, как *лаг,* употребляется преимущественно в среде геймеров, среди лиц, большое количество времени проводящих за видеоиграми. Слово *лаг* не представлено в кодифицированных источниках и имеет следующее народное толкование[1]:

ЛАГ. 1. Задержка в игре, вызванная недостаточным качеством связи. То же: кратковременное «подвисание» в онлайн-игре из-за прерывания коннекта у геймера, вызвавшего потерю пакета данных. На такие задержки геймеры часто ссылаются, объясняя свои неудачи. Игрок с большим лагом, вызывающий лаги, называется лаггером. 2. Время передачи сигнала от сервера к клиенту или обратно. 3. иногда так называют любой сбой в игре, независимо от его причин. пример текста: Я из-за этих лагов играть не могу. 4. Может использоваться как *лага* (доска) в мн.ч., много *лаг*.

Например, другое потенциально опасное жаргонное слово «*зига*» также имеет ограниченную сферу употребления, что отражается в народном толковании:

ЗИГА. 1. Фанатское приветствие, объединяющее ту группу фанатов, которая заряжает (орёт) Зигу в данный момент. Так: Зига!, Ой!, Зага!, Ой!, Зигазага зигазага, ой ой ой!. Чаще всего присуща ультрапра-

вым футбольным фанатам и сопровождается выбрасыванием правой руки, очень похожее на приветствие нацистов. Смотри, мясо зигу заряжают! То же: жест в виде вскинутой вперед и вверх руки с обращенной вниз ладонью и вытянутыми пальцами. (Это «большая зига», бывают еще модификации – «средняя» и «малая»). Как и многие известные жесты (кукиш, хер, виват, честь и др.) имеет древнее (вероятнее всего, культовое) происхождение и в разные времена означал разное. В наше время трактуется как приветствие немецких и итальянских фашистов времен Второй мировой войны, а также современных молодежных неофашистских течений, например White Power Skins. Уточнение: Римский салют. Использовался в фашистской Германии как приветствие (обычно с возгласом: «Хайль Гитлер!»). В наши дни используется неонацистами и им сочувствующими. (Свердловск). Пример текста: ВСем ЗИГА! Смерть анти фашистам 1488 зига. • Зига. Всем дико привет! • Тотальный зиг тебе читатель. Тут тусуются зига-парни, зига-бабы. Прям перед матчем на шествие с фаерами и со всей муйней, тотальная зига. • Зига тебе брат мой русич! Налетела куча какого-то фанатья с криками «зига-зига» и вопросом к бедным мальчикам и девочкам эмо и скейтерам: «Вы че, антифа?!». Кол-во синонимов: 2 *приветствие* 21 *складка* 46.

Подобные жаргонные слова маркируются в базе как специальные («спец.») и по виду референтной группы, например «геймеры», «опасные» (наркоманы, гопники и др.), «фэндом» (фанаты аниме, косплея и др.).

В базу данных также включены сленгизмы, которые употребляются часто в сетевом общении и хорошо известны молодежи. Например, обыденное толкование слова *лол* следующее:

ЛОЛ. 1. От англ. – laughing out loud, lots of laughing – громко смеюсь, необидный смех. Эта история просто лол! Изначально от англ. – laughing out loud, lots of laughing – громко смеюсь, необидный смех. В настоящее время в результате долгого использования приобрёл несколько значений. 2. Обзывательство (из-за созвучия со словом «лох»). 3. Слово-паразит, вставляется везде. 4) Одобрение, но не смех. Примеры: Эта история просто лол! Ты лол что ли? Как дела, лол? – …так оно и было. – Лол. Кол-во синонимов слова *лол*: *15 бездарь 15 бестолочь 181 забавно 24 лох 124 неудачник 56 ололо 9 олололо 8 растяпа 57 ржака 5 ржач 13 смех 49 смешной человек 1 тормоз 60 тупня 2 хохот 14*.

Подобные сленгизмы маркируются в базе как молодежные («молодежн.») и соответственно по виду референтной группы как «молодежь» и «молодежь и др. группы» (при употреблении слова как общеизвестного сленгизма, так и узкоспециализированного жаргонизма).

Например, слово *батл* имеет следующее народное толкование, в котором наблюдается референция как к сленговому, «молодежному значению», так и к жаргону наркоманов (маркируется в базе как «молодежь и др. группы»). Также данное слово имеет третье значение в словаре Т.Г. Никитиной [17].

БАТЛ. 1. Пластиковая бутылка с дыркой, предназначенная для курения смолы каннабиса или анаши. 2. Соревнование, участники батла доказывают кто из них лучше двигается, рисует граффити, читает рэп и т.д. пример текста: Батл будет приблизительно по такой схеме: 1. Презентация по одному треку на сцене. 2. Батл фри. Батл с нормальными судьями и призами. Но, по сути батл будет между 2–3 участниками группы ГР. Я просто хочу батл между БЦ реперами! Ты идёшь завтра на танцевальный батл? Я забиваю тебе батл. И было решено провести рэп-батл. Называться он будет «Первый официальный межсетевой батл». Кто идёт на рэп батл Black&White? 3. Батл, -а, м., баттл, -а, м., ботл, -а, м., боттл, -а, м., боттл, неизм., ж., ботла, -ы, ж. У меня с собой два батла вайна. Рожанский, 14. < Из англ. bottle – в этом же значении (словарь Т.Г. Никитиной, 2013).

Всего в базу данных из 200 слов включены 94 молодежных и 106 специализированных лексических единиц, что обеспечивает относительную сбалансированность базы данных по социолингвистическим характеристикам. Количество слов для каждой референтной группы представлено в табл. 1.

Таблица 1

Распределение слов в базе данных по типу референтной группы

Тип референтной группы	Количество слов, n	Примеры слов
Геймеры	30	*ГГ, ГГВП, афк, нуб, ганкать, лаг, ламоган, катка*
Молодежь	48	*лол, хейтер, няшка, вписка, лалка, агриться, чика*
Молодежь и др. группы	45	*кек, ТП, батл, рофлить, краш, флексить, чилить, баян*
Опасные	38	*АУЕ, зига, ЦП, безмазняк, антифа, слон, вася, урла, ССЖВ*
Соцсети	14	*сайн, топикстартер, баттхерт, низачот, ъеъ, шаути*
Фэндом	25	*тамблрегёрл, ОТП, пейринг, бака, каваиться, отаку, этти, ксо, уке*
Всего слов	200	

Распределение частей речи и частотности слов в базе данных

База данных включает 134 существительных (Сущ, 67%), 36 глаголов (Глаг, 18%), 11 грамматических омонимов (Сущ / Межд, Сущ / Прил, 5,5%), 7 междометий (Межд, 3,5%) и 12 слов-аббревиатур, обозначающих фразеологические единицы молодежного сленга и жаргона (ФЕ, 6%).

Необходимо отметить, что распределение частей речи в базе в целом экстраполируется на более крупные массивы данных.

Так, в частности, из списка пяти тысяч самых частотных слов русского языка, построенного на основе

русского Интернет-корпуса *I-RU* и опубликованного в книге «A Frequency Dictionary of Russian: Core Vocabulary for Learners» [22], части речи распределились следующим образом: существительные 2 621 ед. (52%), глаголы 952 ед. (19%), междометие 5 ед. (0,1%).

Распределение частотности глаголов и существительных (наиболее репрезентативных компонентов базы) приближено к нормальному. На рис. 1 – распределение 200 слов базы данных по частям речи и параметру *метаязыковой оценки* сленгизмов (количеству «лайков» по данным сайта *Teenslang* (https://teenslang.su/):

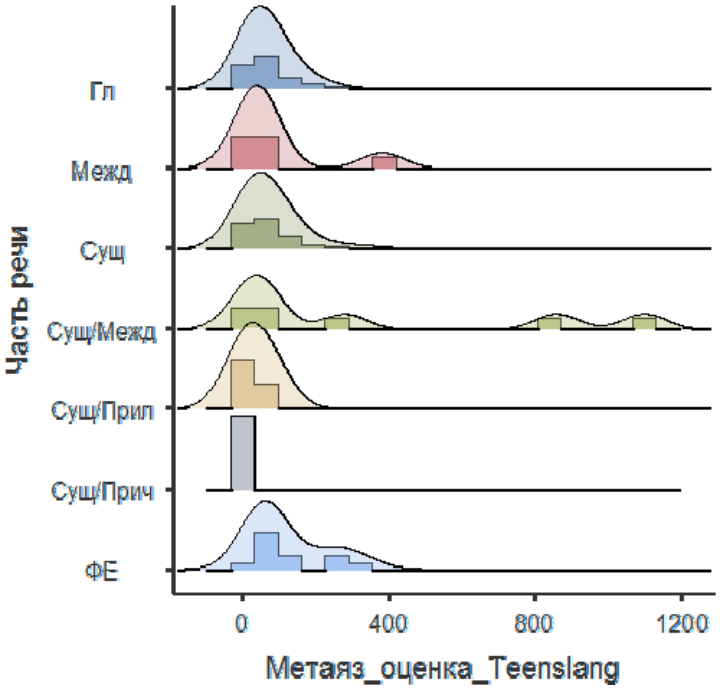


Рис. 1. Распределение 200 слов базы данных по частям речи и параметру метаязыковой оценки

Отклонение от нормального распределения грамматических омонимов, междометий и аббревиатур не являлось основанием для их исключения из базы данных, поскольку данные единичные слова представляют собой значимые единицы современного сленга и жаргона. Например, высокочастотные сленгизмы *кек, лол* употребляются намного чаще других сленгизмов в сетевом общении, а отдельные высокочастотные жаргонизмы используются намного чаще других жаргонных слов в замкнутых референтных группах, например *АУЕ* (очень распространенная аббревиатура среди опасных деструктивных групп)*, сайн, сигна* (распространены среди наиболее активных пользователей соцсетей) и др. Такие единичные слова с очень высокой частотностью влияют на характер распределения всех слов в базе данных, однако они являются, на наш взгляд, очень важными индикаторами референтных групп. При необходимости отбора слов для психолингвистических и нейрокогнитивных исследований из представленной базы у исследователей есть возможность задать необходимые параметры частотности слов, отобрав, например, список слов, распределение частотности которых отвечает закону нормального распределения (исключив крайне высокочастотные слова и слова с крайне низкой частотностью).

Отметим, что для верификации объективной частотности сленгизмов (в том числе многозначных) необходимо введение параметра субъективной частотности через оценивание частотности потенциальных референтов (денотатов) слова (например, изображений, репрезентирующих отдельные значения сленгизма), определение корреляционных связей между объективной и субъективной частотностью лексической единицы. Такая выборочная верификация на материале 68 единиц базы также представлена в рамках данной статьи.

Верификация частотных и эмотивных характеристик 68 слов из базы данных

Для оценки параметров субъективной частотности и эмотивных характеристик сленгизмов (по шкалам «валентность» и «активация», традиционно выделяемых параметров эмотивности слов для экспериментально-психологических исследований) был проведен опрос с целью получения данных нормативных характеристик 68 наиболее частотных лексических единиц.

Процедура опроса

Опрос проводился в онлайн-режиме. Для вопросника было отобрано 68 лексических единиц разной частотности[2] из описанной выше 200-словной базы сленгизмов, включая 23 молодежных сленгизмов и 45 специальных жаргонных слов.

Слова для оценки предъявлялись вне контекста, однако часть слов (44 слова, 65% от предъявляемого словника) сопровождалась изображениями денотатов в целях снятия потенциальной многозначности слов. Наличие изображений позволит в дальнейшем использовать их в нейрокогнитивных исследованиях при изучении скорости доступа к значениям многозначных слов (например, с помощью метода анализа движений глаз в парадигме «Визуальный мир»). Слова и аббревиатуры с имплицитным обсценным значением, отражающие «запрещенный» контент, не сопровождались никакими изображениями в целях соблюдения этики (например, *ТП, хентай, безмазняк*). Содержание вопросника было одобрено этическим комитетом. Список 68 слов с отдельными квантитативными характеристиками представлен в Приложении.

В онлайн-опросе приняли участие 113 человек (мужчин 44, женщин 69) в возрасте от 18 до 28 лет (M = 21, SD = 3,24), носители русского языка (монолингвы). В данном исследовании респондентами являлись носители среднелитературной речевой культуры (студенты педагогических вузов и учителя средних школ), т.е. лица, не относящиеся к группам деструктивного поведения, но, предположительно, владеющие активным, базовым лексиконом молодежи (теми лексическими единицами, которые «на слуху» в образовательной среде, активно используются в интернете). Для оценки степени «знакомости» респондентов с каждым сленгизмом применялась шкала субъективной частотности. Из всех участников постоянно проживает на территории Сибири 92%, в городах – 83%. Перед началом заполнения в анкете участники указывали, какой тип сленга для них знаком: молодежный сленг (школьники, студенты, интернет-сленг и др.) или специальный сленг (наркоманы, уголовный жаргон, геймеры, гопники, аниме и др.), при этом участник мог выбрать оба варианта. В итоге 54 человека указали первый вариант, а 59 человек – оба варианта. Таким образом, по данному параметру выборка представляется сбалансированной. Все участники оповещались о том, что они могут прекратить заполнение вопросника в любой момент без объяснения причин.

Для оценки слов использовались четыре шкалы, представляющие собой значимые квантитативные характеристики для экспериментально-психологических исследований: субъективная частотность, три эмотивные характеристики (валентность, активация-возбуждение, активация-напряжение). Остановимся на данных характеристиках подробнее.

Субъективная частотность слова оценивалась по следующей инструкции:

Оцените, часто ли Вы слышите или встречаете в интернете следующие ниже жаргонные слова по шкале от 0 до 5, где 0 – никогда, а 5 – очень часто. В некоторых случаях приводятся картинки и мемы, отражающие значение слова.

При выборе параметров для оценки эмотивности мы опирались на скалярный подход к измерению эмоциональной окраски, в которых выделяется шкала *валентности* (неприятное-приятное) и две шкалы *активации* (активация-энергетическое возбуждение и активация-напряжение) [23]. Девятибалльная шкала для измерения валентности и активации применялась в связи с распространенной практикой оценки эмотивных характеристик слов [24–26].

Инструкции к эмотивным шкалам были сформулированы следующим образом:

Оцените, пожалуйста, насколько приведенные ниже слова кажутся Вам приятными, возбуждающими и напрягающими по шкале от 1 до 9, где 1 – очень слабо, а 9 – очень сильно выражен признак.

Всего было получено 7 797 наблюдений (реакции 113 человек на 68 слов, а также на одно повторяющееся слово). В список для оценки по трем шкалам (субъективной частотности, валентности и двум шкалам активации) было включено повторяющееся слово в разных частях списка для установления согласованности ответов и проверки надежности измерения. Коэффициент Альфа Кронбаха (0,846) показал высокую согласованность в оценках данного проверочного слова, что позволяет предположить следующее: респонденты давали осознанные, согласованные оценки на предъявляемые слова.

Связь метаязыковой оценки, субъективной и объективной частотности сленгизмов

Между показателями объективной частотности (по ГИКРЯ [27]) и метаязыковой оценки (по *Teenslang*) установлена значимая умеренная положительная корреляция при $r_s = 0{,}424$, $p < 0{,}001$[3]. Субъективная частотность сильнее коррелирует с объективной частотностью по ГИКРЯ ($r_s = 0{,}322$, $p < 0{,}001$), чем с метаязыковой оценкой по народному онлайн-словарю *Teenslang* ($r_s = 0{,}228$, $p < 0{,}001$).

Анализ показал, что только субъективная частотность имеет (хотя и очень слабую) отрицательную корреляцию с возрастом респондентов ($r_s = –0{,}057$, $p < 0{,}001$), а объективная частотность не связана с возрастом.

Данные позволяют сделать вывод о том, что в нашем случае параметры объективной частотности и метаязыковой оценки не являются значимыми в «возрастных предпочтениях» при оценке сленгизмов, а параметры субъективной частотности недостаточно надежными для этого анализа. Вместе с тем корреляционный анализ лишь дает предположение о вероятности связи признаков, причинно-следственные отношения при этом не выявляются. Последнее остается на перспективу дальнейших исследований, с использованием более мощных шкал и инструментов для построения регрессионных моделей. В целом же показатели объективной частотности по *ГИКРЯ* и метаязыковой оценки по народному словарю *Teenslang* достаточно надежно коррелируют с оценками по шкале субъективной частотности (табл. 2).

Таблица 2

Корреляции между метаязыковой оценкой, субъективной и объективной частотностью сленгизмов и возрастом респондентов

Correlation Matrix

		Возраст	Суб_част	Объект_част_ГИКРЯ_ipm	Метаяз_оценка_Teenslang
Возраст	Spearman's rho	—			
	p-value	—			
Суб_част	Spearman's rho	-0.057***	—		
	p-value	< .001	—		
Объект_част_ГИКРЯ_ipm	Spearman's rho	0.000	0.322***	—	
	p-value	1.000	< .001	—	
Метаяз_оценка_Teenslang	Spearman's rho	0.000	0.228***	0.424***	—
	p-value	1.000	< .001	< .001	—

Note. * p < .05, ** p < .01, *** p < .001

Связь шкал субъективной частотности и эмотивности

Анализ связи субъективной частотности с тремя шкалами эмотивности (валентности, активации-напряжения и активации-возбуждения) показывает закономерную, хотя и слабую, отрицательную корреляцию между валентностью и активацией-напряжением (r_s = –0,226, p < 0,001). Умеренная отрицательная корреляция обнаруживается между оценками по шкале валентности и активации-возбуждения (r_s = –0,340, p < 0,001). Также небольшая, но значимая положительная корреляция обнаружена между субъективной частотностью сленгизма и его валентностью (r_s = 0,25, p < 0,001), табл. 3.

Таблица 3

Корреляции между субъективной частотности сленгизма и его оценок по шкалам эмотивности

		Суб_част	Активация_напряж	Активация_возбужд	Валентность
Суб_част	Spearman's rho	—			
	p-value	—			
Активация_напряж	Spearman's rho	-0.008	—		
	p-value	0.458	—		
Активация_возбужд	Spearman's rho	0.176***	0.167***	—	
	p-value	< .001	< .001	—	
Валентность	Spearman's rho	0.250***	-0.226***	0.340***	—
	p-value	< .001	< .001	< .001	—

Note. * p < .05, ** p < .01, *** p < .001

Корреляции между эмотивными оценками, параметрами объективной частотности и метаязыковой оценки показали очень слабые корреляции в пределах не выше r_s = 0,04. Очень слабые корреляции также были обнаружены между возрастом респондентов и шкалами эмотивности (r_s < 0,04). Данный результат говорит о важности учета в дальнейшем индивидуальных особенностей респондентов при оценке и восприятии сленга как очень вариативного языкового явления.

Отмечается слабая, но статистически значимая положительная связь между субъективной частотностью и количеством значений сленгизма (r_s = 0,27, p < 0,001), рис. 2.

Данная связь представляется обоснованной, поскольку в психолингвистике существует предположение о том, что многозначное слово несет в себе бо̀льшее количество лексических репрезентаций, поэтому допускается бо̀льшая вероятность получить более высокие оценки по шкале субъективной частотности на многозначные слова, чем на однозначные (при учете всех остальных параметров, например частотности, длины и т.д.). Данная связь в зарубежной психолингвистике рассматривается как эффект «семантического богатства слова» (*semantic richness*) [28]. Учет фактора многозначности и омонимии является перспективой для дальнейших исследований восприятия сленга.

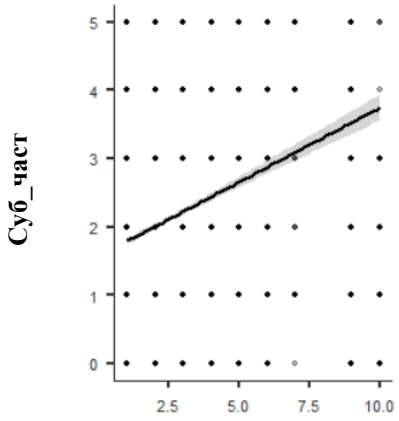


Рис. 2. Связь между субъективной частотностью и количеством значений сленгизма

Выводы и обсуждение

Молодежный сленг в настоящее время – это очень динамичный пласт устного и сетевого дискурса с лексическими «вкраплениями», жаргонизмами из абсолютно разных сфер: от «безобидного», на первый взгляд, геймерского сообщества до потенциально опасных группировок АУЕ и т.п. Представленная база данных включает единицы, маркированные на молодежных сайтах ориентировочно с 2008 г. по настоящее время. Некоторые лексические единицы только недавно вошли в молодежный сленг и маркированы в базе данных как «new» – новые (например, слово и соответствующий мем *ъеъ*).

Появление новых «народных» онлайн-словарей, с одной стороны, упрощает сбор данных для различных экспериментальных задач, с другой стороны, словарные статьи таких ресурсов недостаточно структурированы.

В аспекте диагностических задач идентификация «своих» и «чужих» по отдельным жаргонным единицам становится все более сложной, поскольку новые единицы все чаще проникают в ежедневное сетевое общение большого количества молодых людей. Проникновение специального сленга в соцсети, молодежный дискурс, бытовое устное общение наблюдается достаточно широко, однако до конца не изучено отношение носителей языка к данным единицам. Важнейшим параметром степени знакомства носителя языка со сленгом определенной социальной группы является субъективная частотность отдельных сленгизмов, значимых для этой группы. Нормативные характеристики субъективной частотности можно (и скорее следует) соотносить с параметрами объективной частотности по корпусу или с метаязыковыми оценками из специализированного народного словаря.

Проведенное нами исследование носило пилотажный характер. На первом этапе собрано 200 слов из народных словарей молодежного сленга и жаргона. На следующем этапе для получения нормативных оценок частотности и эмотивности были выбраны 68 наиболее частотных слов. На данной подвыборке ставилась задача проверить, насколько сильна связь объективной частотности (по *ГИКРЯ*) и субъективной частотности лексических единиц для носителей среднелитературной речевой культуры (по данным нашего опроса). Таким образом, собирались нормативные оценки слов, релевантные для «широкого круга» носителей русского языка. На следующих этапах работы данные сленгизмы планируется охарактеризовать по параметрам субъективной частотности и эмотивности с привлечением представителей разных групп деструктивного поведения.

На материале разработанной базы данных в подвыборке 68 сленгизмов получены умеренные корреляции между метаязыковой оценкой (по народному онлайн-словарю *Teenslang*), объективной частотностью (по *ГИКРЯ*) и субъективной частотностью данных лексических единиц (по данным опроса). Это дает основание использовать указанные параметры для подбора высокочастотных и малочастотных лексических единиц в исследованиях процессов восприятия молодежного сленга.

Разрабатываемая база данных может использоваться как ресурс для подбора стимулов с разными параметрами частотности и эмотивности в таких известных экспериментально-психологических, психолингвистических и нейрокогнитивных парадигмах, как задача лексического решения, тест Струпа, исследования неологизмов и т.д. Отметим, что в качестве участников исследований с использованием базы данных могут привлекаться только лица старше 18 лет[4].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее толкования приводятся в том виде, в каком они представлены на молодежных сайтах с сохранением орфографии и пунктуации.

[2] Учитывались показатели метаязыковой оценки слов по сайту https://teenslang.su (фиксировалось количество «лайков» пользователей) и Генеральному интернет-корпусу русского языка (ГИКРЯ) [27], сегменту соцсети «ВКонтакте» – Кассандра (9 820 млн слов), в котором фиксировался показатель ipm (число вхождений сленгизма на 1 млн словоформ). В дальнейшем в корреляционном анализе использовались показатели объективной частотности и метаязыковой оценки для достижения максимальной достоверности.

[3] Здесь и далее приводятся коэффициенты корреляции Спирмена для порядковых и нестандартизованных шкал. Высокие значения p-уровня значимости связаны с большим объемом наблюдений (7 797), однако в тексте интерпретируются значения коэффициентов корреляции при r < 0,3 как слабые.
[4] Для получения доступа к базе данных необходимо обратиться с запросом к М.С. Власову (первый автор) по электронной почте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Социодинамическая психиатрия. Москва ; Екатеринбург, 2000.
2. Злоказов К.В. Деструктивное поведение в различных контекстах его проявления // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 26, вып. 4. С. 67–73.
3. Злоказов К.В. Контент-анализ текстов деструктивной направленности // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 244–251.
4. Alexeeva S., Slioussar N., Chernova D. StimulStat: a lexical database for Russian // Behavior Research Methods. 2018. Vol. 50. 2305–2315. DOI: 10.3758/s13428-017-0994-3. URL: https://link.springer.com/article/10.3758/s13428-017-0994-3
5. Люсин Д.В., Сысоева Т.А. Эмоциональная окраска имён существительных: база данных ENRuN // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 2. С. 122–131.
6. Резанова З.И., Миклашевский А.А. Моделирование образноперцептивного компонента языковой семантики при помощи психолингвистической базы данных // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 5 (43). DOI: 10.17223/19986645/43/6
7. Бойко Б.Л. Самодеятельный онлайновый словарь современной лексики, жаргона и сленга «Словоново» как форма общения в Интернете // Вопросы психолингвистики. 2010. № 2 (12). С. 64–70.
8. Лукашанец Е.Г. Интернет и язык: народная лексикография // Вестник Нижегородского государственного университета. 2011. № 6 (2). С. 378–381.
9. Лукашанец Е.Г. Вариативность как специфическая черта онлайн-словарей сленга и разговорной лексики // Вопросы лексикографии. 2014. № 1 (5). С. 16–31.
10. БСИС – Большой словарь иностранных слов. URL: https://gufo.me/dict/foreign_words
11. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. URL: https://gufo.me/dict/kuznetsov
12. Елистратов В.С. Словарь русского арго (материалы 1980–1990 гг.). 2002. URL: http:// www.gramota.ru/slovari/argo/.
13. Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М. : Словарное изд-во ЭТС, 2010. URL: http://gallicismes.academic.ru/.
14. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Рус. яз., 2000. URL: https://www.efremova.info/
15. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний. М. : Азбуковник, 2003. 783 с. (Филологические словари русского языка).
16. Захарова Л.А., Шуваева А.В. Словарь молодёжного сленга (на материале лексикона студентов Томского государственного университета). Учебно-методическое пособие. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2014. 126 с.
17. Никитина Т.Г. Ключевые концепты молодежной культуры: тематический словарь сленга СПб. : Дмитрий Буланин, 2013. 864 с.
18. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., стереотип. М. : Аз, 1996. 928 с.
19. Словарь воровского жаргона. URL: https://gufo.me/dict/criminal_slang
20. Словарь синонимов русского языка. URL: https://gufo.me/dict/synonyms
21. Словарь современной лексики, жаргона и сленга. 2014. URL: http://argo.academic.ru/.
22. Sharoff S., Umanskaya E., Wilson J. A Frequency Dictionary of Russian. London : Routledge, 2013. URL: https://doi.org/10.4324/9781315852157
23. Люсин Д.В. Трехмерная модель структуры эмоциональных состояний, основанная на русскоязычных данных // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16, № 2. С. 341–356. DOI: 10.17323/1813-8918-2019-2-341-356
24. Bradley M.M., Lang P.J. Affective Norms for English Words (ANEW): Stimuli, instruction manual and affective ratings (Technical Report C-1). 1999. Gainesville, FL: University of Florida, NIMH Center for the Study of Emotion and Attention.
25. Janschewitz K. Taboo, emotionally valenced, and emotionally neutral word norms // Behavior Research Methods. 2008. Vol. 40. P. 1065–1074. https://doi.org/10.3758/BRM.40.4.1065
26. Warriner A.B., Kuperman V., Brysbaert M. Norms of valence, arousal, and dominance for 13,915 English lemmas // Behavior Research Methods. 2013. Vol. 45. P. 1191–1207. URL: https://doi.org/10.3758/s13428-012-0314-x
27. ГИКРЯ – Генеральный интернет-корпус русского языка. URL: https://int.webcorpora.ru/drake/
28. Rabovsky M., Sommer W., Abdel Rahman R. The time course of semantic richness effects in visual word recognition // Frontiers in Human Neuroscience. 2012. Vol. 6. P. 11. URL: https://doi.org/10.3389/fnhum.2012.00011

Приложение

Список слов (n = 68) с квантитативными характеристиками, отобранные для опроса (значения слов приводятся в полной 200-словной базе данных)

Уловные сокращения: *Объект_част* – объективная частотность, *ipm* (вхождений на 1 млн словоформ), *Суб_част* – субъективная частотность по шкале от 0 до 5, *Md* (медианное значение), *ВЧ* – высокочастотные слова (по шкале субъективной частотности медианное значение > 2,5), *НЧ* – низкочастотные слова (по шкале субъективной частотности медианное значение < 2,5 и > 0), *СНЧ* – слова сверхнизкой частотности (по шкале субъективной частотности медианное значение равно 0), валентность (неприятное-приятное) и активация (спокойствие-напряжение) измерялись по шкале от 1 до 9, *группа* – референтная группа, указанная в онлайн-словарях *Teenslang* и *Slovonovo*, год фиксации по источнику *Slovonovo*, *new* – год фиксации слова в онлайн-словарях не определен.

Слово	Часть_ речи	Объект_ част_ГИКРЯ _ipm	Метаязыковая_ оценка_ teens-lang (количество «лайков»)	Суб_ част_ Md	Частот_ груп	Количество_значений	Длина_в_знаках	Валентность_ Md	Активация_Md	Тип_ сленгизма	Группа	Год_ фиксации_ значения
аниме	Сущ	8,8 420	320	5	ВЧ	4	5	4,50	1,00	молодежн.	молодежь	2008
АУЕ	Сущ/Межд	0,1 110	857	3	ВЧ	2	3	1,00	5,00	спец.	опасные	new

базарить	Гл	0,1 200	59	5	ВЧ	7	8	2,50	3,00	молодежн.	Молодежь и др. группы	2008
бака	Сущ	0,6 450	125	0	СНЧ	1	4	3,00	1,00	спец.	фэндом	2009
баребухи	Сущ	0,0 040	45	0	СНЧ	1	8	1,00	2,00	молодежн.	молодежь	2009
барыга	Сущ	0,2 150	152	3	ВЧ	6	6	2,00	3,50	спец.	опасные	2009
баттхерт	Сущ	0,0 470	50	0	СНЧ	1	8	2,00	2,00	спец.	соцсети	2010
безмаз-няк	Сущ	0,0010	112	0	СНЧ	3	9	2,00	2,50	спец.	опасные	2008
ботан	Сущ	0,7 150	96	4	ВЧ	2	5	3,00	3,00	молодежн.	молодежь	2009
бугага	Сущ / Межд	0,1 950	61	3	ВЧ	1	6	3,00	2,00	молодежн.	молодежь и др. группы	2008
ванилька	Сущ	0,1 200	77	2	НЧ	2	8	2,50	4,00	спец.	фэндом	new
вася	Сущ	7,4 570	83	3	ВЧ	3	4	2,00	3,00	спец.	опасные	2009
ватакат	Сущ	0,0090	56	0	СНЧ	1	7	1,00	2,00	молодежн.	молодежь	2010
вафля	Сущ	0,1 410	66	0	СНЧ	5	5	2,00	1,00	спец.	опасные	2010
вписка	Сущ	0,3 060	184	5	ВЧ	5	6	2,00	2,00	молодежн.	молодежь	2008
ганкать	Гл	0,0 050	102	0	СНЧ	1	7	2,00	1,00	спец.	геймеры	new
ГГ	ФЕ	1,7 920	240	2	НЧ	2	2	4,00	1,00	спец.	геймеры	2009
ГГВП	ФЕ	0,0 070	46	0	СНЧ	1	4	3,00	1,00	спец.	геймеры	2013
ГЖ	ФЕ	0,0 210	97	0	СНЧ	1	2	2,00	1,00	спец.	геймеры	2009
говнарь	Сущ	0,0 600	53	2	НЧ	2	7	1,00	5,00	спец.	опасные	2009
гопник	Сущ	0,7 080	127	4	ВЧ	3	6	2,00	4,00	спец.	опасные	2008
гопота	Сущ	0,2 340	59	4	ВЧ	1	6	2,00	4,00	спец.	опасные	2008
зафарш-мачить	Гл	0,0 020	53	2	НЧ	2	12	2,00	2,00	молодежн.	молодежь	2008
зига	Сущ / Межд	0,1 250	277	2	НЧ	1	4	1,00	5,00	спец.	опасные	2009
каваить-ся	Гл	0,0 020	101	0	СНЧ	2	9	2,00	2,00	спец.	фэндом	2008
катка	Сущ	0,8 140	26	4	ВЧ	9	5	4,00	1,00	спец.	геймеры	2014
кек	Сущ / Межд	0,1 790	1097	4	ВЧ	5	3	3,00	4,00	молодежн.	молодежь и др. группы	new
краш	Сущ	0,1 160	100	3	ВЧ	5	4	4,00	1,00	молодежн.	молодежь и др. группы	new
ксо	Межд	0,0 640	50	0	СНЧ	2	3	2,00	1,00	спец.	фэндом	2009
лаг	Сущ	0,1 500	85	4	ВЧ	4	3	3,00	1,00	спец.	геймеры	new
лали	Сущ	0,0 590	60	0	СНЧ	4	4	2,00	1,50	спец.	фэндом	new
лалка	Сущ	0,3 170	171	2	НЧ	2	5	1,00	4,00	молодежн.	молодежь	new
ламоган	Сущ	0,0 000	70	0	СНЧ	1	7	2,00	1,00	спец.	геймеры	new
лел	Сущ / Межд	0,0 570	19	0	СНЧ	1	3	3,00	1,00	спец.	соцсети	new
лол	Межд	5,4 900	380	5	ВЧ	4	3	4,00	2,00	молодежн.	молодежь	2008
напи-рисдачу-нах	ФЕ	0,0 000	58	0	СНЧ	1	14	1,00	3,00	спец.	соцсети	new
низачот	ФЕ	0,0 050	33	1	НЧ	1	7	2,00	2,50	спец.	соцсети	new
нуб	Сущ	0,4 670	164	3	ВЧ	1	3	3,00	2,00	спец.	геймеры	2008
нубик	Сущ	0,0 100	35	1	НЧ	1	5	3,00	3,00	спец.	геймеры	new
ня	Межд	1,5 620	66	3	ВЧ	2	2	3,00	3,00	спец.	фэндом	2008
няшка	Сущ	1,0 050	203	5	ВЧ	3	5	4,00	3,00	молодежн.	молодежь	2010

отаку	Сущ	0,1 160	89	0	СНЧ	3	5	3,00	1,00	спец.	фэндом	2009
ОТП	ФЕ	0,2 860	242	0	СНЧ	3	3	3,00	1,00	спец.	фэндом	new
очковать	Гл	0,0 200	59	4	ВЧ	1	8	2,50	3,00	молодежн.	молодежь	2008
пацантрэ	Сущ	0,0 470	59	2	НЧ	1	8	1,00	4,00	спец.	опасные	new
пейринг	Сущ	0,1 310	118	0	СНЧ	1	7	3,50	1,00	спец.	фэндом	new
перди-монокль	Сущ	0,0 130	79	0	СНЧ	1	12	1,00	1,50	молодежн.	молодежь	new
рофлить	Гл	0,0 020	162	5	ВЧ	2	7	5,00	1,00	молодежн.	молодежь и др. группы	new
сайн	Сущ	0,0 330	371	0	СНЧ	1	4	2,00	1,00	спец.	соцсети	new
слон	ФЕ	4,3 010	92	0	СНЧ	10	4	2,00	2,00	спец.	опасные	2009
ССЖВ	ФЕ	0,0 030	19	0	СНЧ	1	4	1,00	1,00	спец.	опасные	new
тамблер-гёрл	Сущ	0,0 020	263	1	НЧ	4	11	2,50	1,00	спец.	фэндом	new
ТП	ФЕ	3,0 890	325	3	ВЧ	2	2	1,00	5,00	молодежн.	молодежь и др. группы	2010
уке	Сущ	0,0 540	12	0	СНЧ	1	3	2,00	1,00	спец.	фэндом	2010
урла	Сущ	0,0 080	64	0	СНЧ	2	4	1,50	2,00	спец.	опасные	new
флексить	Гл	0,0 005	68	5	ВЧ	3	8	5,00	1,00	молодежн.	молодежь и др. группы	new
фуцин	Сущ	0,0 030	101	0	СНЧ	1	5	1,00	1,00	молодежн.	молодежь	new
хейтер	Сущ	0,1 140	230	5	ВЧ	1	6	3,00	1,00	молодежн.	молодежь	2010
хентай	Сущ	0,2 880	80	2	НЧ	1	6	3,00	1,00	спец.	фэндом	2010
ЦП	ФЕ	0,3 430	114	1	НЧ	2	2	1,00	2,50	спец.	опасные	2010
чика	Сущ	0,7 910	74	4	ВЧ	3	4	2,00	4,00	молодежн.	молодежь	2009
чикуля	Сущ	0,0 600	72	4	ВЧ	3	6	2,00	5,00	молодежн.	молодежь	new
чилить	Гл	0,0 030	63	5	ВЧ	1	6	5,00	1,00	молодежн.	молодежь и др. группы	new
читер	Сущ	0,2400	133	4	ВЧ	3	5	3,00	1,00	спец.	геймеры	2008
шаути	Сущ	0,0009	14	0	СНЧ	1	5	2,50	1,00	спец.	соцсети	new
шиппе-рить	Гл	0,0280	228	4	ВЧ	1	9	4,00	1,00	спец.	фэндом	new
ъеъ	Сущ	0,0020	32	0	СНЧ	1	3	3,00	1,00	спец.	соцсети	new
этти	Сущ	0,0480	84	0	СНЧ	2	4	3,00	1,00	спец.	фэндом	new

Статья представлена научной редакцией «Филология» 9 июня 2020 г.

The Relationship Between Word Frequency and Affective Characteristics of Youth Slang Words in Russian (Evidence From a Psycholinguistic Database)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 5–15.
DOI: 10.17223/15617793/457/1

Mikhail S. Vlasov, Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy (Biysk, Russian Federation), Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vlasov_mikhailo@mail.ru
Ulyana M. Trofimova, St. John the Theologian's Russian Orthodox Institute (Moscow, Russian Federation); Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: umt2005@rambler.ru
Mikhail V. Podrezov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mvpodrezov@gmail.com
Ulyana V. Abdullina, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ulya-a@bk.ru

Keywords: youth slang; jargon; lexical database; subjects of destructive behavior; affective words.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and Altai Krai Government, Project No. 19-412-220004 "Linguistic, Cognitive and Emotional Factors of Youth Slang Perception by Subjects of Destructive Behavior: An Experimental Study".

The article provides a description of a psycholinguistic database of Russian youth slang and jargon words with normative characteristics of lexemes suitable for using in psycholinguistic and neurocognitive research. The database includes jargon words associated with destructive behavior, for example, dangerous and criminal behavior, drug addiction, video game addiction, etc. (n = 45), as well as everyday youth slang words related to oral and web discourses (n = 23). The database contains such characteristics of slang and jargon

words as objective and subjective word frequency, length, number of meanings, lexical meanings, sources and year of fixation. The database includes words marked on websites *teenslang.su* and *slovonovo.ru* from 2008 to the present time. For the 68 slang and jargon words of different objective word frequency, subjective word frequency and affective characteristics (valence and two scales of arousal) were verified on a sample of monolingual Russian speakers (n = 113), aged 18 to 28 (M = 21, SD = 3.24). For this subset of words, the authors used four scales of significant quantitative word characteristics reliable for experimental psychological research: subjective frequency (on the 0–5 points Likert scale), three scales of affective characteristics (valence, arousal-excitation, arousal-tension) on the 9-point Likert scale. Overall, 7,797 observations were analyzed; they comprised responses to 68 slang words (+1 repeating word to check the reliability) in 113 participants. A significant moderate positive correlation was observed between objective word frequency (ipm in *General Internet-Corpus of Russian*) and subjective word frequency ($r_s = 0.322$, $p<0.001$), as well as a moderate negative correlation between word ratings on the valence and arousal-excitation scales ($r_s = -0.340$, $p<0.001$). There is a weak, but statistically significant positive correlation between subjective word frequency and number of word meanings ($r_s = 0.27$, $p<0.001$). Currently, the presented database can be used as a resource for Russian slang words selection with varying norms of words frequency in such experimental psychological, psycholinguistic and neurocognitive paradigms as lexical decision task, Stroop task, processing of neologisms, etc. The authors note that only persons over 18 years of age can be involved as participants in studies using the database.

REFERENCES

1. Korolenko, Ts.P. & Dmitrieva, N.V. (2000) *Sotsiodinamicheskaya psikhiatriya* [Sociodynamic Psychiatry]. Moscow: Akademicheskiy Proekt; Yekaterinburg: Delovaya kniga.
2. Zlokazov, K.V. (2016) Destructive Behavior in Various Contexts of Representation. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 4 (26). pp. 67–73. (In Russian).
3. Zlokazov, K.V. (2015) Content Analysis of Texts with Destructive Direction. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 1 (51). pp. 244–251. (In Russian).
4. Alexeeva, S., Slioussar, N. & Chernova, D. (2018) StimulStat: a lexical database for Russian. *Behavior Research Methods*. 50. pp. 2305–2315. [Online] Available from: https://link.springer.com/article/10.3758/s13428-017-0994-3. DOI: 10.3758/s13428-017-0994-3
5. Lyusin, D.V. & Sysoeva, T.A. (2017) Emotional Norms for Nouns: The Database ENRuN. *Psikhologicheskiy zhurnal*. 2 (38). pp. 122–131. (In Russian).
6. Rezanova, Z.I. & Miklashevskiy, A.A. (2016) Modeling of the Perceptual-Based Component of Language Semantics Using a Psycholinguistic Database. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (43). (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/43/6
7. Boyko, B.L. (2010) A collaborative web-based dictionary of contemporary vocabulary, jargon and slang "slovonovo" as a form of online communication. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*. 2 (12). pp. 64–70. (In Russian).
8. Lukashanets, E.G. (2011) The Internet and the language: popular lexicography. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 6 (2). pp. 378–381. (In Russian).
9. Lukashanets, E.G. (2014) Variability as a specific feature of online dictionaries of slang and colloquial lexicon. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (5). pp. 16–31. (In Russian).
10. GUFO.ME. (n.d.) *BSIS – Bol'shoy slovar' inostrannykh slov* [BSIS – Large Dictionary of Foreign Words]. [Online] Available from: https://gufo.me/dict/foreign_words.
11. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. [Online] Available from: https://gufo.me/dict/kuznetsov.
12. Elistratov, V.S. (2002) *Slovar' russkogo argo (materialy 1980–1990 gg.)* [Dictionary of Russian Argot (Materials of 1980–1990)]. [Online] Available from: http:// www.gramota.ru/slovari/argo/.
13. Epishkin, N.I. (2010) *Istoricheskiy slovar' gallitsizmov russkogo yazyka* [Historical Dictionary of Russian Gallicisms]. Moscow: Slovarnoe izd-vo ETS. [Online] Available from: http://gallicismes.academic.ru/.
14. Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and derivational]. Moscow: Russkiy yazyk. [Online] Available from: https://www.efremova.info/.
15. Zakharenko, E.N., Komarova, L.N. & Nechaeva, I.V. (2003) *Novyy slovar' inostrannykh slov: 25 000 slov i slovosochetaniy* [New Dictionary of Foreign Words: 25,000 words and phrases]. Moscow: Azbukovnik.
16. Zakharova, L.A. & Shuvaeva, A.V. (2014) *Slovar' molodezhnogo slenga (na materiale leksikona studentov Tomskogo gosudarstvennogo universiteta)* [Dictionary of Youth Slang (Based on the lexicon of students of Tomsk State University)]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Nikitina, T.G. (2013) *Klyuchevye kontsepty molodezhnoy kul'tury: tematicheskiy slovar' slenga* [Key Concepts of Youth Culture: A thematic dictionary of slang]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin.
18. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1996) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 3d ed. Moscow: Az.
19. GUFO.ME. (n.d.) *Slovar' vorovskogo zhargona* [Dictionary of Thieves' Argot]. [Online] Available from: https://gufo.me/dict/criminal_slang.
20. GUFO.ME. (n.d.) *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. [Online] Available from: https://gufo.me/dict/synonyms.
21. Akademik [Academic]. (2014) *Slovar' sovremennoy leksiki, zhargona i slenga* [Dictionary of Modern Vocabulary, Jargon and Slang]. [Online] Available from: http://argo.academic.ru/.
22. Sharoff, S., Umanskaya, E. & Wilson, J. (2013) *A Frequency Dictionary of Russian*. London: Routledge. [Online] Available from: https://www.taylorfrancis.com/books/9781315852157.
23. Lyusin, D.V. (2019) A three-dimensional model of the affect structure based on the Russian data. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2 (16). pp. 341–356. (In Russian). DOI: 10.17323/1813-8918-2019-2-341-356
24. Bradley, M.M. & Lang, P.J. (1999) *Affective Norms for English Words (ANEW): Stimuli, instruction manual and affective ratings (Technical Report C-1)*. Gainesville, FL: University of Florida, NIMH Center for the Study of Emotion and Attention.
25. Janschewitz, K. (2008) Taboo, emotionally valenced, and emotionally neutral word norms. *Behavior Research Methods*. 40. pp. 1065–1074. DOI: 10.3758/BRM.40.4.1065
26. Warriner, A.B., Kuperman, V. & Brysbaert, M. (2013) Norms of valence, arousal, and dominance for 13,915 English lemmas. *Behavior Research Methods*. 45. pp. 1191–1207. [Online] Available from: https://link.springer.com/article/10.3758%2Fs13428-012-0314-x. DOI: 10.3758/s13428-012-0314-x
27. *GICR – General Internet-Corpus of Russian*. (n.d.) [Online] Available from: https://int.webcorpora.ru/drake/. (In Russian).
28. Rabovsky, M., Sommer, W. & Abdel Rahman, R. (2012) The time course of semantic richness effects in visual word recognition. *Frontiers in Human Neuroscience*. 6. p. 11. [Online] Available from: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnhum.2012.00011/full. DOI: 10.3389/fnhum.2012.00011

Received: 09 June 2020

УДК 81'42

А.К. Кхемка

РЕЧЕВОЙ ЖАНР КИНОАНОНСА (НА МАТЕРИАЛЕ КИНОАНОНСОВ К ИНДИЙСКИМ ФИЛЬМАМ)

Рассматриваются характерные черты речевого жанра киноанонса. Материалом выступают 200 киноанонсов к индийским фильмам, написанных на русском языке и размещенных на сайте Indiankino.net. Описание речевого жанра осуществляется по предложенной Т.В. Шмелевой модели, в которую вводятся дополнительные параметры (композиция и учет невербальных средств), обусловленные особенностями анализируемого материала. Выявляются характерные средства языкового воплощения речевого жанра киноанонса на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.
Ключевые слова: речевой жанр; виртуальное жанроведение; киноанонс; индийские фильмы; кино; Индия.

Индия – крупнейший в мире кинопроизводитель, который ежегодно выпускает порядка 1 500 фильмов. Киноиндустрия этой страны является быстрейшей в мире, поскольку отличается самыми короткими сроками производства [1]. Индийское кино смотрят в разных странах мира, в том числе и в России. Судьба индийского кинематографа в России, по мнению исследователей, сложна и неоднородна: начиная с 1950-х гг. интерес советских зрителей к нему стал постепенно расти, успешный прокат индийских кинофильмов продолжался впоследствии несколько десятилетий, а с 1990-х гг. индийское кино начало постепенно сходить с больших киноэкранов, с конца 1990-х гг. и в настоящее время благодаря распространению кабельных телеканалов и интернет-ресурсов, посвященных индийской культуре и кинематографу, происходит постепенное возвращение российского зрителя к индийскому кинематографу, он «вновь начинает завоевывать внимание отечественного зрителя, пусть и не столь широко, как это было в советский период, но интерес к индийским фильмам современной тематики прослеживается» [2. С. 71].

Данный факт вызывает интерес к изучению киноанонсов к фильмам именно этой страны.

Вместе с тем в настоящее время изучение отдельных речевых жанров, в том числе разных видов анонсов, стало очень популярным и актуальным в лингвистике. С появлением и развитием интернета начало развиваться изучение анонсов, бытующих в этой коммуникативной среде. Так, к настоящему времени исследователи обратили внимание на анонсы, функционирующие в разных типах дискурса, среди которых выделяют новостной анонс [3], спортивный анонс [4], телевизионный анонс [5], анонс радионовостей [6], книжный анонс [7], анонс художественных произведений [8], а также киноанонс [9, 10]. В этих исследованиях отмечаются черты, которые свойственны анонсам разных типов: краткость [3, 6], информативная и воздействующая функции [3, 4–6, 8], интрига [5, 8], сочетание знаков разных семиотических систем [3, 8], вторичность [8], агрессивность [5]. Многие из анонсов ранее существовали только в «бумажной» форме, а затем с распространением интернета появились и в электронной, к примеру, рассматриваемый в данной работе жанр киноанонса.

Киноанонс – один из основных источников информации о фильме и его кратком содержании; это неотъемлемая часть современной киноиндустрии, потому что он выполняет функцию рекламы фильмов. Способность воздействовать на адресата, влиять на его желание или нежелание познакомиться с фильмом, привлечь его внимание к фильму определяет специфику киноанонса как коммуникативного явления.

«Проблематика киноанонса – это одна из составляющих проблем кинотекста, а соответственно, дискурса и текста в целом, которая не раз рассматривалась и лингвистами, и представителями других наук» [11. С. 79]. В рамках лингвистических исследований киноанонс рассматривается как особый вид текста [11], тип текста [12], тип рекламного жанра [13], исследуются его языковые и стилистические особенности [14, 15], лингвопрагматические характеристики [9, 10], функциональный потенциал [16] и др. Рассматриваются киноанонсы на материале немецкого языка [9, 16], русского языка [12], в английской и русской [14] лингвокультурах. Отметим также исследование киноанонсов как исторического источника, с помощью которого исследуется репертуар провинциального кинотеатра периода Великой Отечественной войны [17]. Таким образом, в современных гуманитарных исследованиях изучаются в основном современные киноанонсы, опубликованные в печатных изданиях или распространяемые на флаерах. Несмотря на достаточное количество исследований, киноанонс до сих пор не был изучен как речевой жанр, не существует и исследований киноанонсов индийских фильмов.

В данной работе мы обратились к изучению киноанонсов к индийским фильмам.

Цель исследования – описание речевого жанра киноанонса, функционирующего в интернет-среде: выявление его основных жанрообразующих признаков и особенностей языкового воплощения.

Актуальность работы обусловлена не только экстралингвистическими факторами, указанными выше, но и собственно лингвистическими: малоизученностью киноанонсов в современном языкознании и вписанностью данного исследования в интенсивно разивающуюся отрасль современной лингвистики – жанроведение. Вместе с тем исследований киноанонсов с позиции теории речевых жанров в российской лингвистике пока не представлено. Поэтому актуальность работы определяется необходимостью изучения отдельных речевых жанров, развития виртуального

жанроведения, одной из целей которого является описание и выявление речевых жанров интернет-дискурса и сопоставление их с традиционными «бумажными» жанрами [18].

Материалом для исследования послужили 200 киноанонсов к индийским фильмам, написанных на русском языке и размещенных на сайте Indiankino.net. Авторы этого портала называют его «проводником по индийскому кино», а в описании феномена индийского кино обозначаются некоторые целевые установки создания сайта: *«Теперь уже можно не довольствоваться редкими встречами с любимым видом искусства. Смотреть индийские фильмы в любое время – это всеобщее желание посетителей онлайн-кинотеатра».* Изученные исследователями киноанонсы, как правило, создавались к картинам, которые ожидаются в прокате, в располагаемом нами материале анонсы написаны к фильмам разных эпох, начиная с середины XX в. и заканчивая современным периодом. Материал был собран методом сплошной выборки.

Исследование выполнено в русле коммуникативной лингвистики. При анализе материала был использован комплекс методов, включающий метод лингвистического описания, дискурсивного анализа, подразумевающий описание не только языковых средств, но и комплекс внеязыковых характеристик, отражающих функционирование киноанонсов в интернете.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно вносит вклад в исследования в области лингвистики текста (через описание модели текстов речевого жанра киноанонса), служит развитию виртуального жанроведения.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в создании киноанонсов к любым фильмам, преподавании русского языка в иноязычной аудитории. Кроме этого, разработанная описательная модель речевого жанра киноанонса может быть использована при анализе других типов анонсов, существующих в интернете.

Обратившись к анализу материала, мы обнаружили, что данные киноанонсы обладают всеми характеристиками речевого жанра: у них относительно устойчивая тематика, композиция и стилистические особенности. Такие параметры речевых жанров были выделены основателем теории речевых жанров М.М. Бахтиным [18].

Исследуемые тексты функционируют в интернет-пространстве, которое стало основой для возникновения различных речевых жанров и трансформации существовавших ранее в устной и письменной (бумажной) формах жанров. Речевые жанры, порожденные в интернет-среде, можно назвать виртуальными, изучением которых занимается виртуальное жанроведение. Проблематика виртуального жанроведения впервые была обозначена в работах Е.И. Горошко и Е.А. Жигалиной [19–21]. Задача данного направления в современном жанроведении состоит в описании и структурировании всего многообразия виртуальных или интернет-жанров, способов их классификации, а также их сопоставлении с традиционными «бумажными» жанрами [21].

При исследовании «бумажных» и виртуальных речевых жанров одним из актуальных вопросов является методика их описания. К настоящему времени наиболее известными и универсальными являются описательные модели речевых жанров, предложенные Т.В. Шмелёвой [22], А. Вежбицкой [23], Н.Б. Лебедевой [24]. На основе этих моделей исследователи разрабатывают новые, приспосабливая их под свои исследовательские цели и задачи, материал, тип дискурса и т.п.

При описании речевого жанра киноанонса мы опираемся на модель речевого жанра, предложенную Т.В. Шмелевой, но дополняем ее параметрами, которые релевантны для исследуемого материала и обусловлены местом его функционирования:

– коммуникативная цель и тип речевого жанра;
– образ автора;
– образ адресата;
– образ прошлого;
– образ будущего;
– композиция киноанонсов;
– тип диктумного (событийного) содержания;
– особенности языкового воплощения [22. С. 97];
– невербальные характеристики, обусловленные интернет-пространством.

Обратимся к анализу речевого жанра киноанонса по указанной модели.

1. **Коммуникативная цель** – это, как отмечает Т.В. Шмелёва, самый главный жанрообразующий признак, который противопоставляет четыре типа речевых жанров: информативные, императивные, оценочные и этикетные [22].

Создавая киноанонсы, авторы, как представляется, преследуют две основные цели:

а) информативную – киноанонс является источником информации о фильме: в нём коротко даются такие сведения, как, например, имена главных героев, год выхода, жанр фильма, режиссер, имена актеров, краткий сюжет и др. Кроме того, киноанонсы также включают такую информацию, как рейтинг (IMDB – крупнейшая в мире база данных и вебсайт о кинематографе), и оценку описываемого фильма. С помощью этих оценок и рейтинга читатели могут определить наиболее или наименее интересные фильмы, которые стоит или не стоит смотреть;

б) рекламную – киноанонсы создаются для того, чтобы информировать людей о фильмах и воздействовать на потенциальных зрителей, привлечь их внимание к просмотру.

Коммуникативная цель может быть выражена в некоторых исследуемых киноанонсах: ***Представляем вашему вниманию*** *новый южноиндийский экшн-фильм;* ***Представляем вашему вниманию*** *сюжетное продолжение полюбившейся зрителям романтической комедии, главный герой которой – убеждённый холостяк по имени Сэм.*

Тип жанра. Таким образом, на наш взгляд, речевой жанр киноанонса – это информативный речевой жанр с элементами императивного. Как видим, это речевой жанр, который совмещает в себе черты ре-

кламного, публицистического дискурса, а также черты дискурса кино и интернета.

2. **Образ автора.** Все рассматриваемые тексты киноанонсов анонимны, авторы являются неэксплицированными: отсутствуют указания на их имя, род занятий, профессию, возраст, место жительства и т.д. Однако можно сказать, что автор выступает в качестве повествователя, знающего больше, знакомящего адресата с фильмом.

Как уже отмечалось, при рассмотрении параметра коммуникативной цели, встречаются такие анонсы, в которых она эксплицирована, вместе с ней проявляются и некие представления об авторе: *«**Представляем вашему вниманию** новый индийский мультипликационный фильм, сюжет которого расскажет о влиятельном и могущественном царе Кочадаияне»*. Глагол «представлять» в форме будущего числа настоящего времени *представляем* указывает на множественность автора, за которым скрывается некое «мы». Автор может репрезентироваться через подборку лексем, характеризующих и оценивающих героев, события в фильме, каким-то образом квалифицирующих происходящее, через вводные слова: *Такие союзы заключаются родителями задолго до совершеннолетия их детей, и, **конечно же**, далеко не всегда всё проходит гладко; **Конечно же**, этот фильм о любви, о **настоящих и высоких чувствах**; **Конечно же**, фильм, так же, насыщен и **драматическими событиями; Очень добрая мелодрама** «Школьная любовь» (Bhanwar) индийского кино середины 70-х. В фильме снялись **звезды того времени**, сын Раджа Капура Рандхир Капур и **красавица** Парвин Баби. **Незамысловатый сюжет, красивая картинка, прекрасные пейзажи** Шимлы, леса, снега, яркое солнце, молодость, любовь* и т.п. (Здесь и далее орфография и пунктуация сохранены. – *А.К.*).

Авторы киноанонсов стремятся воздействовать на зрителей, используют для этого разнообразные средства (вопросительные конструкции, конструкции с многоточием и т.п.): *сможет ли он убедить отца в своей искренности и бескорыстности?; Есть ли у влюблённых будущее и смогут ли они справиться со всеми своими проблемами?; Кого же выберет героиня фильма? К кому из братьев у неё появятся чувства, которые перерастут в настоящую любовь?; У него нет времени ни на молодую жену, ни на своих детей. А она не может забыть своего Раджа…*; *Девушка находит дневник в куртке и из него узнает всю историю жизнь Самара…* Таким образом, можно сказать, что автор является влияющим на адресата.

3. **Образ адресата** – адресат, как и автор, в речевом жанре киноанонса не определен, потому что он является множественным, удалённым.

Перед началом текста киноанонса даётся основная информация о фильме, содержащая сведение о жанре фильма, актёрах, режиссёрах, годе выхода, языке, мировом рейтинге (IMDB) фильма, поэтому адресат для каждого киноанонса может группироваться по своим интересам (рис. 1).

Рис. 1. Пример размещения основной информации о фильме перед киноанонсом

Таким образом, каждый киноанонс может иметь определённую группу людей в качестве адресата.

4. **Образ прошлого**, как и следующий признак, Образ будущего, по мнению Т.В. Шмелевой, связаны с местом анализируемого речевого жанра в речевой цепи, т.е. отмечают предшествующий и последующий за речевым жанром эпизоды общения. В случае с речевым жанром киноанонса образ прошлого не выражен вербально, он лежит внеречевой плоскости. Для появления исследуемого речевого жанра необходим просмотр фильма. Это вторичный речевой жанр, поскольку для его создания необходимо сначала познакомиться с фильмом, его содержанием, посмотреть его.

5. **Образ будущего** также в основном не проявлен в данном типе речевого жанра, потому что он зависит от решения адресата, предполагающего смотреть или не смотреть фильм, о котором он получил информацию. Однако поскольку все исследуемые тексты размещаются в интернете и сайт подразумевает возможность комментирования, то встречаются комментарии зрителей, но они скорее, оценивают не киноанонсы, а сами фильмы: *Какой паршивый фильм. Сюжет хуже, чем наивный, интриги нет, скукота. Чудовищно жаль, что Ритик, который кстати, совсем не подходит под эту роль, потратил съемочное время именно на этот проект; Фильм шикарный... теперь он в списке моих самых любимых; супер..супер..супер фильм.... не зря ждала когда наконец можно будет посмотреть в хорошем качестве...спасибо огромное сайту за такую возможность...фильм мало сказать супер... смотрите и все поймете...* К киноанонсам на сайте привязаны

определенные рейтинги и инструменты для репоста в социальных сетях, соответственно, можно отметить и такую реакцию зрителей, которая выражается с помощью невербальных компонентов.

6. **Композиция киноанносов.** Как отмечают исследователи, киноанонсы обладают обязательными и необязательными элементами.

Ю.А. Колодная при изучении анонсов фильмов на немецком языке, предназначенных к показу на телевидении, из специализированных журналов «TV Spielfilm» за 2004 г., выделяет в них девять структурных компонентов: 1) надзаголовок (цитата); 2) собственно заголовок (название фильма или название анонса); 3) подзаголовок (краткое содержание фильма, определение его жанра); 4) основной текст (описание сюжета фильма, его оценка, информация об актерах); 5) изображение (фотография, сцена из фильма); 6) подпись; 7) дополнительная информация (сведения о режиссере, актерах, оригинальном названии фильма, годе выхода фильма в прокат, ограничениях для просмотра); 8) оценочный компонент (вербально выраженное предложение, жестовая эмблема «большой палец руки вверх / вправо / вниз», выражающая значения «хорошо», «посредственно», «плохо», комбинация вербально выраженного предложения и жестовой эмблемы или комбинация вербально выраженного предложения, жестовой эмблемы и оценочной таблицы); 9) указатели четырех типов (У1 – технические символы; У2 – время показа, название канала; УЗ – отметки; У4 – длительность, время окончания фильма) [9. С. 8]. Автор указывает на то, что с точки зрения структуры все анонсы можно классифицировать на стандартные и нестандартные, а количество компонентов может варьироваться от 2 до 9.

С.А. Панченко, исследуя структуру киноанонсов, отобранных из периодических изданий «Теленеделя», «Артмозаика», «Телемост» за 2005–2008 гг., отмечает, что она может включать в себя такие компоненты, как 1) собственно заголовок (название фильма); 2) дополнительная информация (сведения о режиссере, актерах, годе выхода фильма в прокат), 3) основной текст, т.е. собственно киноанонс (описание сюжета фильма, его оценка); 4) креолизованный оценочный компонент, условное обозначение жанра фильма; 5) в незначительном количестве случаев – кадр из фильма [11].

Исследуя анонсы фильмов, размещенные на листовках, Т.Г. Федотовских пишет, что композиционные рамки жанра киноанонса создаются его обязательными составляющими, к которым автор относит название фильма, информацию о дате выхода в прокат, сведения о создателях, указание призов, которые получил фильм, либо участие фильма в престижных кинофестивалях, цветное изображение. В качестве дополнительных сведений могут быть приведены мнения компетентных лиц, жанр фильма, ссылка на книгу, по которой снят фильм, описание фабулы, слоган и т.д. [13].

О.С. Рогалева при изучении кинофлаеров, собранных в кинотеатрах г. Омска в 2012–2013 гг., отмечает, что структурная модель исследуемых киноанонсов включает в себя следующие компоненты: слоган фильма, заголовок (название фильма), основной текст (сюжет фильма), дополнительную информацию (сведения о режиссере, катерах, наградах, возрастных ограничениях и т.д.), различных указателей (на рекламных партнеров фильма, QR-коды для перехода на сайт фильма и т.д.) [12].

Как видим, все рассмотренные исследователями киноанонсы имеют общие компоненты, а также отличительные особенности, которые обусловлены местом их размещения.

Исследуемые нами киноанонсы включают следующие элементы: оригинальное название фильма, год выхода, жанр, режиссер, актеры, язык, текст (описание фильма), инструменты (указания на социальные сети) для возможности сделать репост на странице в соцсети, для оценки фильма, рейтинг IMDB, категория (например*: КАТЕГОРИЯ: Индийские фильмы 2018 года, Индийская мистика, Индийские триллеры*).

В исследуемых текстах описаний фильмов (собственно анонсах) выделяются четыре основных композиционных элемента:

1. Название фильма.
2. Завязка.
3. Краткий сюжет фильма.
4. Концовка.

Например,

Название фильма: *«Богатей»*

Завязка: *Сюжет фильма рассказывает о том, что происходит в подноготной нелегального бизнеса по изготовлению и продаже контрафактного алкоголя.*

Краткий сюжет: *Это очень прибыльное дело, и главный герой картины давно сделал на этом состояние. Однако в один прекрасный день на его пути встал принципиальный полицейский, готовый пойти на всё, лишь бы этот нечистый на руку бизнесмен отправился в тюрьму. Этот страж порядка собирается пожертвовать всем, что имеет во имя торжества справедливости.*

Следует отметить, что краткость, компрессия свойственны изучаемым текстам, как и всем другим типам анонсов.

Концовка: *Чем же закончится эта история? Кто победит: бизнесмен или полицейский; добро или зло?*

Как правило, в концовке используются такие приемы, которые возбуждают интерес зрителя, создают интригу. И это также свойственно не только киноанонсам, но и анонсам других типов.

В отличие от изученных исследователями киноанонсов в нашем материале не встречается такой структурный элемент, как слоган.

7. **Тип диктумного (событийного) содержания.** Анализ материала позволил выяснить, что основной темой анонсов к индийским фильмам является любовь: *Молодой поэт Амит решает забыть свою несчастную любовь и начать жизнь с чистого листа. На это он решился после того, как встретил Шобху. А вот Шобха наоборот не хотела ничего начинать, она была в отчаянии оттого, что погиб ее жених Шекхар, который был братом Амита. Амит пыта-*

ется привести Шобху в чувства и доказать ей, что жизнь продолжается не смотря ни на что, но… Проходит время, Шобха и Амит вновь встречаются, у каждого из них своя жизнь, но, все же, некие чувства в душе каждого из них еще остались.

В киноанонсах вместе с темой любви тесно сопряжены и другие темы, например, преступления, кровная месть, социальные конфликты, убийства, политика и т.д.: *В этом фильме перед вами развернётся невероятная история любви. Молодой человек влюбился в девушку, и она ответила ему взаимностью. Их роман стал развиваться крайне стремительно, даже несмотря на то, что оба персонажа страдают от слепоты. Но влюблённые не смогли сполна насладиться своим счастьем, ведь однажды главную героиню изнасиловали убили представители одной криминальной группировки. Смирившись с утратой, молодой человек начинает разрабатывать свой план мести. Он намерен добиться возмездия любой ценой. И даже если ему придётся пожертвовать своей жизнью, он, не задумываясь сделает это.* Как отмечается на сайте Indiankino.net, в фильмах также «затрагиваются социальные проблемы, например, непреодолимая пропасть между людьми из разных каст или огромная разница между богатством и жизнью в бедных кварталах».

Из примеров видно, что киноанонсы представляют, как разворачиваются события в фильме, как складывается судьба героев, соответственно, диктумное содержание всей совокупности анализируемых текстов имеет в основе событийные и логические пропозиции.

Событийные пропозиции, как отмечает Т.В. Шмелёва, «“портретируют” действительность – происходящие в них события с их участниками» [25. С. 10]. В проанализированных киноанонсах они описывают разнообразные сферы: физическую, психическую, интеллектуальную и социальную и отражают несколько типов событий: состояние, движение, существование, действие, восприятие: *Действие фильма разворачивается где-то на севере Индии* (событийная пропозиция движения, отражающая физическую сферу)*; Он принимает решение вернуться на ринг и заработать денег именно там* (событийная пропозиция действия, отражающая интеллектуальную сферу) *и др.*

Логические пропозиции «представляют результаты умственных операций и сообщают о некоторых установленных признаках, свойствах, отношениях» [25. С. 10]. В исследуемом материале встречаются каузальные пропозиции, которые отражают зависимость одного события от другого, релятивные пропозиции, описывающие отношения между объектами, а также логические пропозиции характеризации и идентификации, отражающие признаки объектов: *Семидесятилетний старик Амол возвращается в родные края, чтобы найти свою первую любовь Ваджанти* (каузальная пропозиция причинности)*; В центре повествования находится* ***простая девушка по имени Бинду*** (логическая пропозиция характеризации); ***Жизнь главных героев фильма «В ритме танца» очень похожа на сам танец****, в котором есть весь спектр эмоций, в котором постоянно присутствует настоящий взрыв страстей* (релятивная пропозиция подобия); ***Абхай типичный неудачник. Замкнутый парень в очках****, которому вечно не везет, который постоянно не понимает, что происходит вокруг него – это все Абхай* (логическая пропозиция характеризации) и др.

8. **Особенности языкового воплощения**. При описании отдельных параметров речевого жанра киноанонса фрагментарно уже были проанализированы особенности языкового воплощения, которые служат для реализации именно этих параметров жанра. Кроме этого, в исследуемых текстах киноанонсов мы выделили средства лексического, морфологического и синтаксического уровней, вербализующие речевой жанр киноанонса и его коммуникативную цель (сообщение информации о фильме и его рекламу, воздействие на адресата, привлечение внимания).

На **лексическом уровне** выделяются:

1) антропонимическая лексика, называющая имена главных персонажей фильма: ***Рохит*** *и* ***Рашми*** *полюбили друг друга с первого взгляда. Они теперь и представить себе не могли жизнь друг без друга; Юная* ***Бобби*** *увидев 18-летнего юношу по имени* ***Радж*** *влюбляется в него;* главные герои фильма, Дженни и Сурадж, относятся к разным социальным группам;

2) топонимы, раскрывающие сведения о месте, где происходит действие фильма, например: *действие фильма разворачивается где-то на севере* ***Индии****; сюжет фильма перенесёт вас в* ***ОАЭ****, где развернётся история любви одного богатого индийца Ананда и ирландки индийского происхождения Ниши; в городе* ***Мумбае*** *живет популярный ведущий местной радиостанции – это симпатичный парень по имени Виван;*

Антропонимы и топонимы чаще всего встречаются в названиях фильмов и в завязке киноанонсов.

3) слова национально-специфичного характера (наряду с отмеченными антропонимами и топонимами): *Всё дело в том, что девушка и парень принадлежат разным* ***кастам****, а, согласно индийским законам, межкастовые браки не могут быть зарегистрированы; Действие фильма разворачивается в* ***североиндийском штате Бихар****, где всё ещё очень распространены древние традиции;* ***Минакши*** *исповедует* ***индуизм*** *и она замужем. А вот Джахангир мусульманин, он родом из Колкаты. Неожиданно для всех автобус захватывают* ***индусские*** *экстремисты; Парень из простой семьи, в которой придерживаются традиционных обычаев. А вот девушка из более современной семьи. Эта девушка не привыкла к тому, что ей нужно облачаться в* ***сари*** *и целый день стоят у плиты. Ведь она не для этого выходила замуж*;

4) слова, входящие в лексико-семантическое поле «кино»: *сюжет, фильм, картина, кинокартина, история, повествование, боевик, мелодрама, фэнтези, ремейк, экран, саундтрек, режиссер, герой, героиня, персонаж, актёр, актриса, звезда, Болливуд, остросюжетный, разворачиваться, раскручиваться, закручиваться, повествовать, сниматься* и т.д. – эти слова часто встречаются в завязке киноанонса, например *Перед вами* ***ремейк*** *известной южноиндийской* ***кинокартины*** *«Арджун Редди», появившейся на* ***экранах***

два года назад. Главный ***герой фильма*** *Кабир выучился на хирурга и теперь пытается совладать со своим вспыльчивым характером;* ***Сюжет фильма закручивается*** *вокруг двух братьев, которые всегда были в хороших отношениях друг с другом; Новый* ***фэнтезийный фильм, сюжет*** *которого* ***закручивается*** *вокруг страшного проклятья, которое было наложено на демона Калингама; Перед вами интересная романтическая* ***комедия, сюжет*** *которой* ***закручивается*** *вокруг необычной истории любви. В центре* ***повествования*** *находится простой парень из бедной семьи, живущий в индийской деревне; Новый* ***остросюжетный фильм****,* ***главный герой*** *которого Кришна Кумар очень хочет влюбить в себя красавицу из какой-нибудь богатой семьи; В центре* ***повествования разворачивается*** *классическая индийская* ***история*** *любви; Эта замечательная* ***мелодрама*** *от* ***режиссера*** *Кунала Кохли* ***повествует*** *о трех невероятно интересных* ***историях*** *любви и т.п.;*

5) слова, которые употребляются в большинстве киноанонсов к индийским фильмам:

– **любовь** и слова, входящие в лексико-семантическое поле с одноимённым названием: *роман, страсть, отношения, союз, любимый, любимая, любовный, влюбиться, влюбляться* и мн. др. – употребление данных слов помогает раскрыть сюжет, например: *Молодой человек* ***влюбился*** *в неё буквально с первого взгляда. Вскоре между Викрамом и Ниттой стали завязываться серьёзные* ***отношения****, к которым он никогда не был готов; Парень собирается сделать всё возможное для того, чтобы вернуть своей* ***любимой*** *возможность видеть свет; Перед вами классическая* ***любовная история****, снятая в лучших традициях индийского кинематографа. Можно сказать, что это очередной вольный пересказ истории о Ромео и Джульетте.* ***Влюблённые*** *хотят проводить больше времени друг с другом. Именно* ***страсть*** *заставляет их постоянно бороться за своё совместное счастье; Как теперь будет развиваться* ***любовный роман*** *между Шивом и Сайрой?; однако судьба внесла свои коррективы в её планы, и девушка, в конце концов,* ***влюбилась*** *в простого конюха Адила; Сиддхарт* ***влюбляется*** *в Суприю, родители которой смотрят на молодого человека свысока;*

– **судьба** – данное слово используется при описании кульминации сюжета, например: ***Судьба*** *их романа теперь зависит от того, сможет ли главный герой справиться со своими страхами относительно возможных обязательств, которых он всегда невольно избегал…; в итоге, молодые люди расстались, а через некоторое время* ***судьба*** *свела их вновь*.

– **жизнь** – *Главный герой и предположить не мог, что встреча с этой девушкой буквально перевернёт всю его* ***жизнь****;* ***Жизнь*** *главного героя меняется после того, как отец его девушки не даёт своё согласие на их свадьбу; Неожиданно Альберт сталкивается с женщиной, появление которой приносит хаос в его* ***жизнь***;

6) лексика, выражающая динамику, изменений жизни, состояний, значение случайности, неожиданности в разворачивании событий, обстоятельств, а также разнообразные средства, выражающие неуверенность: *случай, случайный, случайно, однако, однажды, казалось бы, неожиданно, кажется: Неожиданно главная героиня сталкивается с некой тайной, которая долгое время хранилась в этих забытых местах…; Она долго планировала своё будущее,* ***однако*** *череда случайностей целиком и полностью разрушила её мечты;* ***Однажды*** *судьба столкнет этих двух героев совершенно* ***случайно****…; Всё произошло в результате* ***случайного*** *стечения обстоятельств, которые и свели Дева с той самой девушкой; Спустя пятнадцать лет Тара и Амар обзавелись семьями, и,* ***казалось бы****, перестали думать друг о друге; Она строит успешную карьеру в качестве режиссёра-постановщика, и,* ***кажется****, вокруг неё мужчины должны ходить толпами и т.п.; Но всё* ***меняется*** *после того, как в школу, где учится Намрата, приходит новый преподаватель; Всё в его карьере складывается просто замечательно, пока* ***однажды*** *он не* ***сталкивается*** *с серьёзной проблемой, требующей немедленного разрешения*;

7) разнообразные тропы: метафоры, эпитеты и сравнения: *В этом фильме перед вами* ***развернётся история любви****,* ***приправленная*** *элементами остросюжетного боевика; Действие фильма разворачивается на берегу* ***живописного озера*** *Дал в Кашмире. Парень по имени Нур влюбился* ***в избалованную Фирдаус****, девушку из богатой семьи; Неужели* ***хрупкое равновесие*** *в жизни главных героев нарушится после появления этой* ***роковой девушки;*** *О самой* ***настоящей, нежной, страстной любви****, которая порой* ***накрывает*** *двух влюбленных* ***словно стена проливного дождя****. Любовь такая же* ***непредсказуемая, как и дождь****…*

На **морфологическом уровне** встречаются следующие языковые средства:

1. Глаголы в форме прошедшего времени или настоящего исторического, например: *Она долго* ***планировала*** *своё будущее, однако череда случайностей целиком и полностью* ***разрушила*** *её мечты. Сунайну* ***изнасиловал*** *богатый бизнесмен Радж. Конечно же, главная героиня* ***горит*** *желанием отомстить своему обидчику. Она* ***открывает*** *свой бизнес, становясь конкурентом Раджа. Постепенно ей* ***удаётся*** *захватить практически весь рынок, и компания её обидчика* ***начинает*** *банкротиться.*

2. Оценочные прилагательные: ***Беспринципный*** *чиновник Суджата организовывает теракт, в ходе которого погибает несколько десятков человек; В центре развития событий находится* ***талантливый*** *молодой танцор, который последние несколько лет не общался с отцом; Какое продолжение получит эта* ***увлекательная*** *история? Какие* ***судьбоносные*** *события произойдут в жизни главного героя в дальнейшем?; Двадцатиоднолетний юноша Дэн работает в* ***шикарном*** *пятизвёздочном отеле, который находится в Дели, одном из крупнейших индийских городов. Жизнь Дэна течёт тихо и размеренно до тех пор, пока не случается один* ***неприятный*** *инцидент.*

3. Служебные части речи (ли, однако), например: *есть* ***ли*** *будущее у их отношений?; смогут* ***ли*** *они построить совместное счастье, несмотря на козни родных?; они не могут расстаться друг с другом ни на минуту,* ***однако*** *спустя несколько месяцев Амар уходит от Тары.*

Частица «ли» выражает сомнение, неуверенность, догадку, привлекает интерес адресата к просмотру фильма.

Союз «однако» выражает противоположность, который нередко употребляется при описании кульминации или контраста между действиями фильма.

На **синтаксическом уровне** выделены следующие особенности:

Исследуемые тексты киноанонсов состоят из 5–10 предложений, большинство – из 6–7 предложений.

В анонсах встречаются:

1. Вопросительные конструкции, которые воздействуют на адресата таким образом, чтобы у него возник интерес узнать полную историю фильма. Вопросительное предложение, в основном, используются в концовке, например: *смогут ли они построить совместное счастье, несмотря на козни родных?; неужели им больше никогда не суждено быть вместе?* Это, как правило, риторические вопросы.

2. Простые предложения: *Сюжет этого нового увлекательного триллера рассказывает о четырёх женщинах; Мира работает официанткой. Она страдает от пагубного пристрастия к наркотикам.*

3. Сложные предложения, например: *Мокше приходится воевать с магом по имени Йоги, и эта борьба оказывает серьёзное влияние на её жизнь*. *Сюжет картины закручивается вокруг преуспевающего спортивного агента Рона Сена, который уже много лет занимается продвижением молодых талантов.*

4. Безличные предложения, например: *однажды ему приходится отвезти отца в местную клинику; но все это им придется испытать на себе.*

5. Для установления связи с адресатом употребляются такие синтаксические конструкции как: ***в этом фильме вы станете свидетелями*** *развития очень интересной любовной истории.;* ***в этом фильме перед вами развернётся*** *история любви, приправленная элементами остросюжетного боевика.;* ***сначала вам будет показана*** *история молодого человека по имени Дипак, который влюбился в девушку из другой касты.;* ***сюжет картины расскажет вам*** *об обычном индийском молодом человеке, которого зовут Мандар Понкше.*

6. Важнейшим средством речевого жанра киноанонса являются конструкции с многоточием, которые используются в конце текстов, и, на наш взгляд, являются средством оказания влияния на адресата, направленным на то, чтобы вызвать интерес к фильму и его дальнейший просмотр: *Чтобы вырваться из нищеты, Мира вместе со своей подругой собирается ограбить одного состоятельного мужчину… Первое время Раджа не подозревает, что отец его избранницы ненавидит воров и очень жестоко наказывает тех, кто хотя бы попытался что-то у него украсть…*; *Бхавна рассказывает ему, что у него есть сын, которому уже десять лет. А мать мальчика недавно умерла…*

Интересной особенностью киноанонсов к индийским фильмам, на наш взгляд, является редкая встречаемость восклицательных предложений (1 предложение в 200 исследованных текстах), в то время как М.Г. Алексеева и К.П. Осипян отмечают, что в немецких киноанонсах встречаются их активное употребление [16].

9. Невербальные средства. Следует отметить, что изучаемые тексты киноанонсов являются креолизованными: вместе с текстовой, вербальной составляющей киноанонсов, встречаются и невербальные элементы. Среди них: постер, отражающий кадры из фильма, в нём обычно даются название, указан режиссер, перечислены актеры, показаны герои фильма. Функция этих постеров, как представляется, заключается в привлечении внимания адресата к чтению киноанонса и просмотру фильма (рис. 2).

Рис. 2. Примеры постеров фильмов

Вместе с постером отметим и инструменты для приглашения других людей к коммуникации. Это иконки социальных сетей, нажав на которые адресат может поделиться данным киноанонсом со своими знакомыми (рис. 3).

Этот параметр отличает исследуемый материал от киноанонсов, существующих в бумажной форме.

Таким образом, изучение речевого жанра киноанонса весьма актуально в настоящее время. Это вторичный, информативный, рекламный виртуальный речевой жанр с элементами императивного, целью которого является не только передача краткой информации о фильме, но и воздействие на адресата, привлечение его внимания и возбуждение интереса.

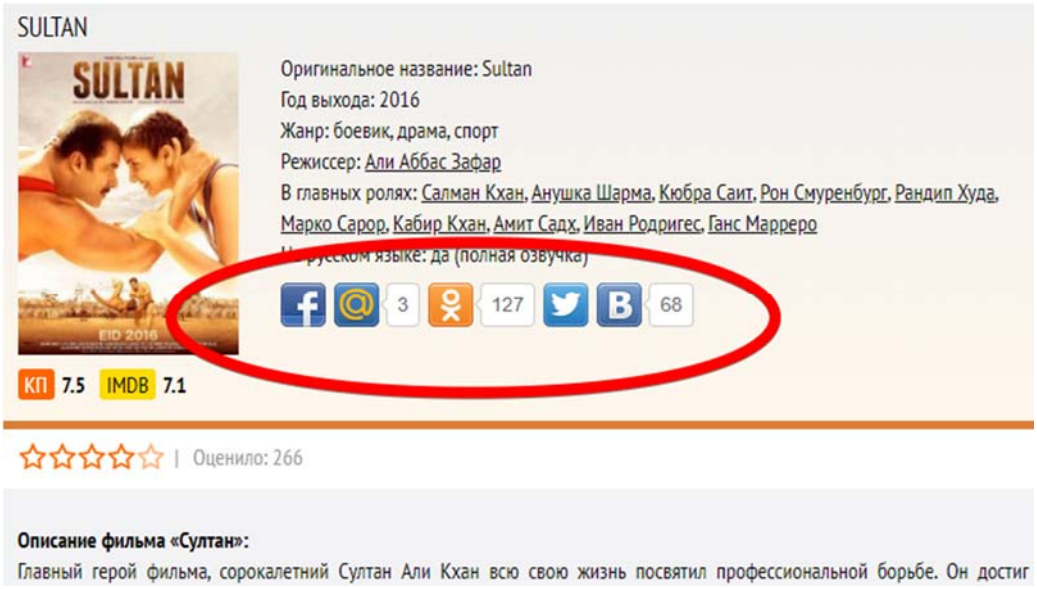


Рис. 3. Иконки социальных сетей как инструмент для приглашения к коммуникации

Анализ киноанонсов к индийским фильмам показал, что киноанонсы не во всех лингвокультурах могут быть построены одинаково: в киноанонсах к индийским фильмам отсутствуют подзаголовки и слоганы. Исследованные креолизованные тексты киноанонсов имеют устойчивую композицию, содержание, языковые средства, поэтому могут считаться речевым жанром. В отличие от других типов анонсов (новостных анонсов) для киноанонсов не характерна такая черта, как агрессивность. Наиболее специфичными средствами языкового воплощения киноанонсов к индийским фильмам являются единицы лексико-семантического поля «любовь», слова *жизнь, судьба*, слова национально-специфического характера, а также почти полное отсутствие восклицательных предложений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ткачева Н.В., Эль-Бакри Т.В. Индийские медиа на орбитах мультикультурализма и либерализации // Вартанова Е.Л., Ткачёва Н.В., Филаткина Г.С., Эль-Бакри Т.В. Медиасистемы стран БРИКС: исторический генезис, особенности функционирования. М. : Аспект Пресс, 2018. С. 86–114.
2. Нефёдова Д.Н. Судьба индийского кинематографа в России // Вестник ВГИК. 2016. № 4 (30). С. 66–74.
3. Ковальчукова М.А. Новостной анонс в сети интернет как речевой жанр дискурса СМИ : автореф. дис. … канд. филол. наук. Ижевск, 2009. 24 с.
4. Жаркова У.А. К проблеме интердискурсивности типа текста «Спортивный анонс» (на материале немецкоязычных текстов) // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2014. № 4. С. 21–29.
5. Малыгина Л.Е. Телевизионный анонс: Лингвостилистическая трансформация жанра // Русская речь. 2009. № 6. С. 76–79.
6. Грибкова Е.И. Реализация речевого воздействия в анонсе радионовостей // Наука и общество. 2013. № 2 (11). С. 11–14.
7. Гладкова Н.П. Лексико-грамматические и жанрово-стилистические особенности книжного анонса // Изоморфные и алломорфные признаки языковых систем : сб. ст. по материалам IV Ежегодной науч.-практ. конф. «Университетская наука – региону» (Ставрополь 12–19 апреля 2016 г.). Ставрополь, 2016. С. 101–107.
8. Сараева К.И. Анонс: способы выражения базовых компонентов (на материале анонсов художественных произведений на французском языке) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. № 2 (121). С. 98–103.
9. Колодная Ю.А. Лингвопрагматические характеристики печатного креолизованного текста киноанонса (на материале немецкого языка) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Самара, 2006. 21 с.
10. Панченко С.А. Лінгвістичні параметри кіноанонсу : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Днепропетровск, 2008. 20 с.
11. Панченко С.А. Структура киноанонса как речевой цепи. Лінгвістика. Лінгвокультурологія : зб. наук. пр. Д. : Вид-во Дніпропетр. нац. ун-ту, 2011. С. 79–86.
12. Рогалева О.С. Современный киноанонс как тип текста: структурное и языковое оформление // Коммуникативные исследования. 2015. № 3 (5). С. 76–86.
13. Федотовских Т.Г. Средства привлечения зрительского внимания в киноанонсе как рекламном жанре // Речевая коммуникация в современной России : материалы III Междунар. конф. : в 2 т. (Омск, 27–30 июня, 2013 г.). Омск : Изд-во Омского гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского. 2013. С. 506–516.
14. Кашкарова О.В. Лексико-семантические особенности текста киноанонса в английской и русской лингвокультурах // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2016. № 1 (7). С. 160–163.
15. Дмитриева В.А. Эффективность языково-стилистических приемов в киноанонсах // Вестник МГУП им. Ивана Фёдорова. 2016. № 2. С. 152–156.
16. Алексеева М.Г., Осипян К.П. Специфика реализации информационной и апеллятивной функций киноанонса (на материале современного немецкого языка) // Вопросы филологии и переводоведения в контексте современных исследований : сб. науч. ст. XI Междунар. науч.-практ. конф. «Вопросы языковой динамики и лингводидактики: современные взгляды и научные исследования» (Чебоксары, 26 апреля 2019 г.). Чебоксары : Изд-во Чувашского гос. пед. ун-та, 2019. С. 3–7.
17. Копылов Ф.В. Рекламные анонсы в периодической печати как основной источник по истории городской кинокультуры периода Великой Отечественной войны (на примере г. Череповца) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. Т. 1, № 4 (42). С. 25–28.
18. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров : в 7 т. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. М. : Русские словари, 1996. С. 159–206.

19. Горошко Е.И. Теоретический анализ Интернет-жанров: к описанию проблемной области // Жанры речи. Вып. 5. Жанр и культура. Саратов : Издательский центр «Наука», 2007. С. 370–389.
20. Горошко Е.И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии // Жанры речи. Вып. 6. Жанр и язык. Саратов : Издательский центр «Наука», 2009. С. 111–127.
21. Горошко Е.И., Жигалина Е.А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Вопросы психолингвистики. 2010. № 12. С. 105–123.
22. Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : Изд-во Гос. УНЦ Колледж, 1997. С. 91–96.
23. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов : Колледж, 1997. Вып. 1. С. 99–111.
24. Лебедева Н.Б. Коммуникативно-семиотическая модель жанров естественной письменной речи // Русский язык: исторические судьбы и современность : II Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2004 г.): Труды и материалы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 364–365.
25. Шмелёва Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск, 1994. 43 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 апреля 2020 г.

The Speech Genre of the Movie Announcement (On the Material of Movie Announcements of Indian Films)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 16–25.
DOI: 10.17223/15617793/457/2

Anand Kumar Khemka, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anandkhemka45@gmail.com

Keywords: speech genre; virtual genre studies; movie announcement; Indian films; cinema; India.

The aim of the work is to describe the speech genre of the movie announcement functioning in the Internet environment: to identify its main genre-forming and linguistic embodiment features. The material of the work consists of 200 movie announcements of Indian films written in Russian and posted on the website Indiankino.net. The material was collected through a continuous sampling method. The speech genre is described on the basis of the model proposed by Tatyana Shmeleva. The model consists of 7 constitutive parameters (communicative goal, image of the author and image of the addressee, image of the past and image of the future, parameters of dictum content and linguistic embodiment); some other additional parameters are also included (composition and account of non-verbal means) due to the characteristics of the analyzed material. The movie announcement is a secondary, informative, advertising virtual speech genre with elements of an imperative speech genre, the purpose of which is not only to transmit brief information about the film, but also to influence the addressee. In the analyzed texts of film descriptions (actually announcements), four main compositional elements are distinguished: (1) title of the film; (2) exposition; (3) brief plot of the film; (4) denouement. In contrary to the studies of other researchers on movie announcements, the author's material does not contain such a structural element as the slogan. The analysis of the material shows that the main theme of Indian films and, respectively, their announcements is love. Other topics, such as crimes, blood feuds, social conflicts, murders, politics, etc. are also found to some extent in movie announcements of Indian films along with the theme of love. Movie announcements represent how events develop in the film, how the fate of the characters unfolds; thus, the dictum content of all the analyzed texts is based on event-based and logical propositions. The characteristic means of the linguistic embodiment of the speech genre of the movie announcement are revealed at the lexical, morphological and syntactic levels. The studied creolized texts of movie announcements have their own stable composition, content, and language means. The analysis of the movie announcements of Indian films shows that movie announcements of films in different countries may be constructed in different ways. There are no subtitles and slogans in the movie announcements for Indian films. Unlike other types of announcements (news announcements), movie announcements do not possess the feature of aggressiveness. The most specific means of the linguistic embodiment of movie announcements of Indian films are units of the lexical-semantic field "love", the words *life, fate*, words of nationally specific nature, as well as an almost complete absence of exclamatory sentences.

REFERENCES

1. Tkacheva, N.V. & El-Bakri, T.V. (2018) Indiyskie media na orbitakh mul'tikul'turalizma i liberalizatsii [Indian media in the orbits of multiculturalism and liberalization]. In: Vartanova, E.L. et al. *Mediasistemy stran BRIKS: istoricheskiy genezis, osobennosti funktsionirovaniya* [Media Systems of the BRICS Countries: Historical genesis, features of functioning]. Moscow: Aspekt Press. pp. 86–114.
2. Nefedova, D.N. (2016) Destiny of Indian cinema in Russia. *Vestnik VGIK – Journal of Flm Arts and Film Studies*. 4 (30). pp. 66–74. (In Russian).
3. Koval'chukova, M.A. (2009) *Novostnoy anons v seti internet kak rechevoy zhanr diskursa SMI* [News Announcement on the Internet as a Speech Genre of Media Discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Izhevsk.
4. Zharkova, U.A. (2014) To the problem of interdiscursivity of "sports announcement" type of text (based on the German-language texts). *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta – The Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. 4. pp. 21–29. (In Russian).
5. Malygina, L.E. (2009) Televizionnyy anons: Lingvostilisticheskaya transformatsiya zhanra [Television trailer: Linguo-stylistic transformation of the genre]. *Russkaya rech'*. 6. pp. 76–79.
6. Gribkova, E.I. (2013) Speech manipulation in radio announcement as a speech genre. *Nauka i obshchestvo*. 2 (11). pp. 11–14. (In Russian).
7. Gladkova, N.P. (2016) [Lexico-grammatical and genre-stylistic features of the book announcement]. *Izomorfnye i allomorfnye priznaki yazykovykh sistem* [Isomorphic and Allomorphic Features of Language Systems]. Proceedings of the IV Annual Conference "Universitetskaya nauka – regionu" ["University Science to the Region"]. Stavropol. 12–19 April 2016. Stavropol: Stavropol'skoe izdatel'stvo "Paragraf". pp. 101–107. (In Russian).
8. Saraeva, K.I. (2013) Announcement: ways of expression of basic components (from materials of fiction announcements in French). *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. 2 (121). pp. 98–103. (In Russian).
9. Kolodnaya, Yu.A. (2006) *Lingvopragmaticheskie kharakteristiki pechatnogo kreolizovannogo teksta kinoanonsa (na materiale nemetskogo yazyka)* [Linguo-Pragmatic Characteristics of the Printed Creolized Text of the Movie Announcement (Based on the material of the German language)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Samara.
10. Panchenko, S.A. (2008) *Lingvistichni parametri kinoanonsu* [Linguistic Parameters of Film Preview]. Abstract of Philology Cand. Diss. Dnepropetrovsk.
11. Panchenko, S.A. (2011) *Struktura kinoanonsa kak rechevoy tsepi. Lingvistika. Lingvokul'turologiya* [The Structure of the Movie Announcement as a Speech Chain. Linguistics. Linguoculturology]. Dnipropetrovsk: Dnipropetrovsk National University. pp. 79–86.
12. Rogaleva, O.S. (2015) Modern movie preview as a text type: structural and language execution. *Kommunikativnye issledovaniya – Communication Studies*. 3 (5). pp. 76–86. (In Russian).
13. Fedotovskikh, T.G. (2013) [The means of attraction of viewers' attention in the cinema bills as advertising genre]. *Rechevaya kommunikatsiya v sovremennoy Rossii* [Speech Communication in Modern Russia]. Proceedings of the III International Conference. Omsk. 27–30 June 2013. Omsk: Omsk State University. pp. 506–516. (In Russian).

14. Kashkarova, O.V. (2016) Leksiko-semanticheskie osobennosti teksta kinoanonsa v angliyskoy i russkoy lingvokul'turakh [Lexico-semantic features of the film announcement text in English and Russian linguocultures]. *Na peresechenii yazykov i kul'tur. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniya*. 1 (7). pp. 160–163.
15. Dmitrieva, V.A. (2016) The effectiveness of linguistic and stylistic techniques in the movie previews. *Vestnik MGUP im. Ivana Fedorova*. 2. pp. 152–156. (In Russian).
16. Alekseeva, M.G. & Osipyan, K.P. (2019) [The specifics of the implementation of the informational and appellative functions of the film announcement (based on the material of the modern German language)]. *Voprosy filologii i perevodovedeniya v kontekste sovremennykh issledovaniy* [Questions of Philology and Translation Studies in the Context of Modern Research]. Proceedings of the XI International Conference "Voprosy yazykovoy dinamiki i lingvodidaktiki: sovremennye vzglyady i nauchnye issledovaniya" ["Questions of Linguistic Dynamics and Linguodidactics: Modern views and scientific research"]. Cheboksary. 26 April 2019. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University. pp. 3–7. (In Russian).
17. Kopylov, F.V. (2012) Reklamnye anonsy v periodicheskoy pechati kak osnovnoy istochnik po istorii gorodskoy kinokul'tury perioda Velikoy Otechestvennoy voyny (na primere g. Cherepovtsa) [Advertising announcements in periodicals as the main source on the history of urban film culture during the Great Patriotic War (on the example of Cherepovets)]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta – Cherepovets State University Bulletin*. 4–1 (42). pp. 25–28.
18. Bakhtin, M.M. (1996) *Problema rechevykh zhanrov* [The Problem of Speech Genres]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari. pp. 159–206.
19. Goroshko, E.I. (2007) Teoreticheskiy analiz Internet-zhanrov: k opisaniyu problemnoy oblasti [Theoretical analysis of Internet genres: to the description of the problem area]. In: *Zhanry rechi* [Genres of Speech]. 5. Saratov: Izdatel'skiy tsentr "Nauka". pp. 370–389.
20. Goroshko, E.I. (2009) Internet-zhanr i funktsionirovanie yazyka v Internete: popytka refleksii [Internet genre and the functioning of language on the Internet: an attempt at reflection]. In: *Zhanry rechi* [Genres of Speech]. 6. Saratov: Izdatel'skiy tsentr "Nauka". pp. 111–127.
21. Goroshko, E.I. & Zhigalina, E.A. (2010) Virtual Genre Study: Fixed and Disputable. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*. 12. pp. 105–123. (In Russian).
22. Shmeleva, T.V. (1997) Model' rechevogo zhanra [Model of the speech genre]. In: *Zhanry rechi* [Genres of Speech]. Saratov: Kolledzh. pp. 91–96.
23. Vezhbitska, A. (1997) Rechevye zhanry [Speech genres]. In: *Zhanry rechi* [Genres of Speech]. 1. Saratov: Kolledzh. pp. 99–111.
24. Lebedeva, N.B. (2004) [Communicative-semiotic model of natural writing genres]. *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [Russian Language: Historical destiny and modernity]. Proceedings of the II International Congress of Russian Language Researchers. Moscow. 18–21 March 2004. Moscow: Moscow State University. pp. 364–365. (In Russian).
25. Shmeleva, T.V. (1994) *Semanticheskiy sintaksis: Tekst lektsiy iz kursa "Sovremennyy russkiy yazyk"* [Semantic Syntax: Text of lectures from the course "Modern Russian language"]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.

Received: 20 April 2020

УДК 070.1

Н.Д. Мельник

П.П. ВЕЙНЕР – ИЗДАТЕЛЬ-РЕДАКТОР И ПУБЛИЦИСТ ЖУРНАЛА «СТАРЫЕ ГОДЫ» (1907–1916)

Анализируется редакционно-издательская, публицистическая и выставочная деятельность П.П. Вейнера, в течение десятилетия возглавлявшего журнал «Старые годы». На основе архивных материалов и контента издания рассматривается выполнение редактором главной задачи: охрана памятников истории и культуры Санкт-Петербурга путем просветительских публикаций и профессиональное освещение его музейной жизни. Делается вывод о внесении им значимого вклада в историю русского искусства и периодической печати.

Ключевые слова: П.П. Вейнер; журнал «Старые годы»; охрана памятников истории и культуры; музейное дело; выставочная деятельность.

Введение

Современная отечественная журналистика, освещающая вопросы культуры, прежде всего, в ее журнальном варианте, зачастую делает упор на *развлечение* аудитории, не всегда при этом заботясь о соблюдении в публикациях моральных, нравственных аспектов. Поэтому нам представляется закономерным и чрезвычайно важным обращение ряда исследователей к изучению истории лучших русских литературно-художественных изданий конца XIX – начала XX в., руководители и ведущие публицисты которых главную свою задачу видели в *просвещении* читателей, пробуждении у них интереса к прекрасному и, как следствие, – к содействию в сохранении культурных ценностей.

В ряду таких получивших заслуженную известность и признание у критиков и читателей изданий рассматриваемого периода, как «Мир искусства», «Весы», «Золотое руно», «Аполлон» и некоторых других, достойное место занимает «ежемесячник для любителей искусства и старины» – журнал «Старые годы» (1907–1916), организатором, издателем-редактором и ведущим публицистом которого был Петр Петрович Вейнер.

Цель настоящего исследования – отразить историю создания и десятилетней деятельности редакционного коллектива под руководством П.П. Вейнера, успешно реализовавшего главные задачи, поставленные им перед изданием: регулярную публикацию научно выверенных статей и обзоров об охране памятников истории и культуры и освещение музейной и выставочной жизни столицы Российской империи.

При написании статьи автор использовал труды С.Я. Махониной [1] и Е.В. Минкиной [2], обращавшихся ранее к истории журнала, дополнив их цитированием не публиковавшихся ранее документов, хранящихся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Отделе рукописей Государственного Русского музея (ОР ГРМ), воспоминаний современников и публикаций авторов издания, позволяющих более полно оценить вклад руководителя «Старых годов» в развитие отечественного искусства и периодической печати.

Предпосылки и создание журнала «Старые годы»

Конец XIX – начало XX в. в России характеризуется, по определению советского ученого-литературоведа Ю.М. Лотмана, культурным «взрывом» [3. С. 12–149] в общественной, духовной жизни общества, прежде всего интеллигенции. Это явление, подобно Возрождению в Западной Европе (XIV–XVI вв.), в ходе которого культура в основе своей приобрела светский и гуманистический характер, в значительной степени стало возможным благодаря аккумулированию человеческим сознанием современности и своего места в ней «в двух планах – и как некоего “итога”, и как некоего “начала”». Человек, живущий в то время, «ощутил себя на грани эпох», и это ощущение стало доминирующим «во внутренней организации его личности. Художник открывал какую-то истину людям и самому себе – она неизбежно носила не только отвлеченно-философский, но и конкретно-исторический характер» [4. С. 13].

Конец исторической эпохи, неоднократно описанный в трудах западных и отечественных философов, подталкивал людей творческого круга к созданию чего-то нового, необыкновенного. «Опыт, накопленный поколениями лучших представителей русской интеллигенции, совершенно естественно привел к появлению прекрасных образцов художественного и литературного творчества, публицистики» [5. С. 5], что, безусловно, способствовало динамичному развитию художественного процесса в целом. Совокупность появления выдающихся достижений в сфере искусства, культуры в течение весьма непродолжительного периода – нескольких десятилетий – и определила в истории его название: *серебряный век*.

Одним из ярких выразителей культурного процесса в России в рассматриваемый период, его духовной основы, цементирующей нацию, был Петр Петрович Вейнер (1879–1931) – общественный деятель, коллекционер, издатель, редактор журнала «Старые годы» (1907–1916) и публицист. Потомственный дворянин, он, завершив в 1898 г. обучение в Императорском Александровском лицее, поступил на службу в Государственную канцелярию делопроизводителем (сверх штата). Однако все свободное время уделял увлечениям, которым не изменил до конца жизни: коллекционированию предметов искусства, театру и чтению.

Своеобразным духовным наставником молодого любителя искусства стал его старший коллега – статс-секретарь Государственного Совета, редактор журнала «Русский библиофил» и автор монографии «Русский книжный знак» Василий Андреевич Верещагин (1859–1931). Именно он привлек П.П. Вейнера к участию в «Кружке любителей русских изящных изда-

ний», организованном им в 1903 г. в Санкт-Петербурге и имевшем целью «содействовать развитию художественной стороны в издаваемых в России произведениях печатного и графического искусств и способствовать взаимному сближению собирателей означенных произведений»[1] [6. С. 95–103]. В 1907 г. Вейнер стал секретарем кружка, в недрах которого и родилась идея издания для любителей искусства и старины – ежемесячного журнала «Старые годы».

В рассматриваемый нами период, в значительной степени благодаря поступательному развитию капиталистических отношений, в Российской империи год от года увеличивалось число читателей газет и журналов. Быстрыми темпами развивалось и «русское книгоиздание, где капитал нашел свое основательное применение… Россия выпускала книг больше, чем любая страна мира, а к 1905 г… она заняла первое место в мире по объему печатной продукции на душу населения. Большинство издателей страны активно участвовали в просвещении народа. Ежегодно они выпускали 85 млн экземпляров книжек для него» [7. С. 181].

Развитие системы периодической печати в России способствовало как увеличению числа изданий, так и появлению их новых типов. В 1890-е гг. резко увеличился удельный вес газет, и в кругах образованных людей «заговорили о смерти толстого ежемесячного журнала, основного для журналистики XIX в. типа издания, господствовавшего на протяжении почти ста лет» [1. С. 12].

Однако издатели и сотрудники большинства толстых журналов не спешили сдавать позиции, зачастую трансформируя формат, объем, направление своих изданий. Так, многие из толстых общественно-политических ежемесячников, на протяжении десятилетий формировавшие общественное мнение, перешли в разряд «журналов по интересам» [8. С. 61].

Нашлась ниша и для изданий, освещающих вопросы искусства. Первым и самым значительным в их ряду стал журнал-манифест модернистов «Мир искусства» (1898–1904), основанный С.П. Дягилевым и его соратниками. Но, став для своих потенциальных последователей ярким примером в деле организации и ведения редакционно-издательской деятельности, этот журнал, в силу финансовой нестабильности, просуществовал всего шесть лет. Таким образом, ко времени создания «Старых годов» образовалась лакуна в деле широкого освещения в периодической печати насущных вопросов теории, истории и современной практики искусствознания, его духовной основы, а также сохранения культурного наследия.

Несмотря на то, что ко времени создания журнала П.П. Вейнер был начинающим коллекционером, делавшим первые попытки в изучении и собирании произведений искусства, в течение весьма непродолжительного времени он сумел завоевать признание коллег, а в дальнейшем – и читателей издания, которых с каждым годом становилось все больше. Вспоминая первую встречу с Вейнером в июне 1907 г., А.А. Бенуа, ставший одним из ведущих авторов «Старых годов», писал, что «был поражен встретить в качестве официального руководителя нового сборника такого “розового юнца”, сильно конфузившегося своей молодости…». В дальнейшем же, отмечает он, «Вейнер вполне доказал, что в нем была l'etoffe [задатки – фр.] настоящего деятеля» [9. С. 13]. О том же, что эти задатки были всецело реализованы, свидетельствует и другой автор журнала (с 1912 г.), С.Р. Эрнст, в письме к М.А. Витухновской от 28 декабря 1977 г.: «…душой “Старых годов” был всегда Петр Петрович Вейнер. Это был идеальный редактор, всецело преданный своему делу» [10. С. 76].

Изначально П.П. Вейнер выступил в качестве мецената, подписавшись на 12 паев из 200 необходимых для сбора первоначального капитала. Если учесть, что остальные члены «Кружка любителей русских изящных изданий» подписались всего на 10 паев, становится понятным, почему многие из них назвали поступок товарища, по его признанию, «сумасшествием и расточительством». Однако необходимое для открытия дела количество пайщиков так и не было найдено, в связи с чем Вейнер, «возмущенный таким отношением любителей», заявил, что покроет «всю недостающую сумму» [11. С. 79], после чего можно приступить к подготовке к печати первого номера журнала.

В связи с возникновением сложных финансовых обстоятельств, преодолеть которые помог Вейнер, и по настоянию членов кружка с самого начала существования «Старых годов» именно он стал издателем, а с конца 1907 г. – и редактором журнала. Но круг его обязанностей оказался чрезвычайно широк, поэтому возникла необходимость в создании Редакционного комитета, в который вошли А.Н. Бенуа, В.А. Верещагин, Н.Н. Врангель, И.И. Леман, С.К. Маковский, С.Н. Тройницкий и А.А. Трубников (он работал до ноября 1908 г.). Кроме того, редактор журнала вместе с В.А. Верещагиным сумел привлечь к многолетнему сотрудничеству таких известных деятелей отечественной культуры, как И.Э. Грабарь, Г.К. Лукомский, П.П. Муратов, Н.К. Рерих, С.Р. Эрнст и др.

В авангарде сохранения памятников культуры

В первом же номере журнала, вышедшем 15 января 1907 г., была опубликована его программа, представленная В.А. Верещагиным: «В ряду немногочисленных в России повременных изданий, занимающихся вопросами искусства, журнал “Старые годы” должен занять совершенно особое место. Уже одно его название определяет с достаточной ясностью его непосредственную цель – он посвящается памяти прошлого». Отказываясь от партийности на страницах созданного издания, приветствуя свободное выражение мнений и вкусов, в качестве главной своей задачи Редакционный комитет выдвигал «спокойное исследование драгоценных останков былого, беспристрастное и обстоятельное обсуждение их всестороннего значения, восстановление забытого и искание неизвестного, живое участие к этой памяти прошлого и вдумчивое к нему отношение». Стремясь привить читателям уважение к старине, памятникам культуры далекого прошлого, развивая их, тем самым, духовно, один из идейных вдохновителей журнала выражал надежду на их сочувствие, «нравственную помощь и

поддержку, которые так необходимы для всякого труда» [12. С. 1–2].

Однако первый номер журнала, тщательно подготовленный редакционным коллективом, не всем читателям и критикам пришелся по вкусу. Некоторых из них оттолкнула, с одной стороны, энциклопедичность подачи материала, а с другой – отсутствие привычных для толстого журнала отделов, освещавших новинки литературы, театральной жизни, подробное описание быта прошедших эпох. Видимо, перечисленные выше причины, а возможно, ревность к конкурирующему изданию подтолкнули корреспондента «Золотого руна» написать о постигшем его разочаровании в связи с выходом в свет нового журнала: «Вместо серьезного “делового” издания, с определенной программой и целями получилось нечто чисто-дилетантское, “любительский” журнальчик, издаваемый кружком людей, не лишенных вкуса, с кое-какими, довольно случайными, впрочем, познаниями в области антикварной и коллекционерной» [13. С. 90].

Похожая ситуация, только более радикальная, имела место в связи с выходом в свет в ноябре 1898 г. № 1–2 журнала «Мир искусства» (в выходных данных указан 1899 г.). Видимо, П.П. Вейнер, используя опыт С.П. Дягилева, продемонстрировал умение «держать удар»: уже в февральском номере «Старых годов» за 1907 г. была опубликована статья барона Н.Н. Врангеля «Забытые могилы», в которой автор поднял вопрос о плачевном состоянии памятников на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Тематика выступления молодого искусствоведа, поддержанная редактором, дала толчок к регулярным публикациям на страницах журнала, посвященным защите памятников истории и культуры в нашей стране. Немаловажно подчеркнуть, что Вейнер инициировал обсуждение данной темы, привлекая к нему как известных деятелей культуры, так и читателей. Результатом этих усилий стало создание в Императорской Академии художеств комиссии по охране монументов, в состав которой вошли преподаватели во главе с архитектором В.В. Сусловым и скульптором В.А. Беклемишевым. Откликнулся и Литературный фонд, взяв на себя обязательство ухаживать за могилой супруги писателя Г.Р. Державина [2. С. 38].

Организаторские способности редактора журнала, его умение найти «болевые точки» в вопросах, поднимаемых на страницах «Старых годов», и найти пути их решения способствовали быстрому признанию издания среди искусствоведов, критиков и постоянно расширяющегося круга читателей. В собрании Государственного Русского музея (в фонде Ф.Ф. Нотгафта) хранится рукопись П.П. Вейнера «“Старые годы”, их история и критика (комментарии). 1928 г. Плод трехлетней ссылки». В ней автор отмечает: «“Старые годы” почти сразу стали иметь большой успех, который рос до конца, и просуществовали десять лет. Значение, признававшееся за ними, доказано хотя бы тем, что Академия художеств избрала меня в действительные члены, а Академия наук proprio motu [по собственной инициативе – лат.] присудила им в моем лице золотую Пушкинскую медаль[2]. Статьи академического содержания интересовали научную среду; статьи, где смешивалось искусство с историей, изучение частных собраний с описанием усадеб и вообще ласкалось частновладельческое тщеславие, привлекали широкий круг» [14. Л. 1, 2].

Журналисты ряда периодических изданий, внимательно следившие за вопросами, обсуждаемыми на страницах «Старых годов», постепенно стали склоняться к положительной оценке деятельности редактора и авторов журнала. Так, корреспондент «Исторического вестника» уже в ноябре 1907 г., отметив неудачную, на его взгляд, подборку книг для библиографического отдела, а также ограниченные временные рамки изучаемого материала, в целом достаточно высоко оценил деятельность редакционного коллектива: «Великолепно составленный последний двадцатый номер “Старых годов” настолько определил общую физиономию нового журнала, что теперь о нем можно говорить как о таковом, а не просто – художественном альманахе. Теперь журнал собрал свои определенные силы, известную аудиторию, наметил задачи – задачи чисто художественные…» [15. С. 662].

Еще больший авторитет журнал под руководством Вейнера завоевал в сентябре 1907 г., когда был выпущен единый номер за июль–сентябрь. В нем доминировала тема «Очерки по искусству XVIII века», отраженная в статьях Н. Врангеля, В. Трутовского, С. Маковского, А. Бенуа, Э. Ленца, А. Трубникова, И. Грабаря. В разделе «Библиографические листки» она была удачно дополнена статьей Н. Соловьева «Русская книжная иллюстрация XVIII века» и Н. Врангеля – «О русской книге XVIII века». Усилия редактора и авторов не пропали даром: в кратчайшие сроки подписка номера была покрыта.

В значительной степени эта издательская удача помогла определить круг тем, необходимых, по мнению редактора и его коллег, для освещения на страницах журнала. **Доминантой стали публикации об охране памятников истории и культуры**. Выбор был обусловлен и увеличившимися в конце XIX – начале XX в. темпами городского строительства, которые, наряду с внедрением новых технологий, улучшавших быт людей, приводили порой к деформации и даже разрушению памятников старины.

Так, в декабре 1912 г. редакция журнала поставила перед общественностью и городскими чиновниками вопрос о недопустимости разрушения ансамбля Марсова поля, призвав ответственных лиц к соблюдению градостроительных требований. Итогом этих усилий стало то, что, как информировали «Старые годы», «детали, которые уцелеют, обещано передать в Музей Старого Петербурга» [16. С. 65–66]. Многолетнее сотрудничество редакционного коллектива с этим музеем объясняется как общими целями и задачами по сохранению столичных памятников культуры, так и тем, что ряд сотрудников, включая редактора – П.П. Вейнера, трудились на благо обеих организаций культуры.

Помимо этого, редакционный коллектив под руководством П.П. Вейнера плодотворно сотрудничал с Комиссией по изучению старого Петербурга при Обществе архитекторов-художников. Спасти памятники старины, даже совместными усилиями, удавалось не

всегда, тем отраднее оказывались положительные результаты. После сообщения А.А. Ростиславова в рубрике «Хроника» в апрельском номере журнала за 1913 г. о том, что «на заседании 30 января… обсуждался вопрос о предполагаемой засыпке Лебяжьей канавки (около Летнего сада) с разрушением двух красивейших мостов…» [17. С. 55] и обращений редактора журнала в соответствующие инстанции с требованием остановить беспредел, эти памятники архитектуры удалось сохранить.

Не менее важной темой, чем охрана памятников истории и культуры, стало для журнала «Старые годы» **освещение музейной и выставочной жизни**. Нередко на страницах издания публиковались статьи сотрудников петербургских музеев. Дав «зеленый свет» таким крупным искусствоведам, как Э.К. Липгард, С.Н. Тройницкий и другим, П.П. Вейнер имел все основания утверждать: «В музеях, где у нас было много друзей, в ведомствах, где должна быть сосредоточена забота о тех или иных памятниках», начали считаться с позицией редакции и зачастую публикации издания вызывали «бурю среди заинтересованных, а нашим мнением стали дорожить» [11. С. 78]. Буквально за первые несколько лет своего существования журнал стал главным в Санкт-Петербурге охранителем памятников культуры. И лидирующую роль в этом сыграл издатель-редактор.

Однако содержание каждого номера обсуждалось членами Редакционного комитета: на традиционных «вторниках», в квартире П.П. Вейнера, и решение о распределении между авторами тем, судьбе той или иной публикации принималось коллегиально. Редактор так вспоминал об этих встречах со своими единомышленниками: «Здесь происходили многие забавные сцены,… после бурных споров начала вечера бывали взрывы бурного хохота. Вторники эти, я думаю, памятны многим из собиравшихся на них. На этих собраниях обсуждались все вопросы, связанные с журналом и с жизнью искусства вообще…» [11. С. 82].

В значительной степени успех издания определялся и его открытостью читателям. Активная переписка с ними велась в рубрике «Почтовый ящик», завершающей почти каждый номер издания. В ней публиковались разнообразные вопросы читателей по вопросам искусства и развернутые ответы ведущих публицистов и искусствоведов «Старых годов». Эту рубрику зачастую курировал П.П. Вейнер. Следуя стремлению Редакционного комитета журнала «принести посильную пользу всем тем, кому близки и дороги интересы искусства и старины» [12. С. 2], он настаивал также на регулярной переписке с представителями различных организаций культуры и частными лицами – коллекционерами и библиофилами. Тем самым читательская аудитория постоянно расширялась, выйдя далеко за пределы Российской империи.

Доверительные отношения с читателями способствовали тому, что они зачастую оказывали существенную помощь автором в подготовке материалов. Так, в июньском номере «Старых годов» за 1909 г. было помещено обращение Редакционного комитета с просьбой помочь найти малоизвестные и ценные в художественном отношении памятники культуры прошлого – для подготовки публикаций на данную тему. Многие из подписчиков журнала откликнулись, и это способствовало сбору материалов и ряду интересных публикаций о старинных дворянских усадьбах [18–25].

С самого начала существования журнала П.П. Вейнер и его соратники уделяли большое внимание его оформлению, советуясь с читателями и в этом вопросе. Их отклики были внимательно изучены Редакционным комитетом, о чем сообщал издатель-редактор: «Внимание читателей к внешности “Старых годов” нам очень ценно… Поэтому и внешний вид журнала составляет нашу особую заботу. Вполне понимая интерес узнать названия книг, в которых мы черпаем наши виньетки, мы по возможности будем указывать эти источники в оглавлениях…» [26. С. 63]. Данное читателям слово издатель-редактор сдержал: в конце каждого номера указаны издания, из которых взяты графические материалы, а также авторы опубликованных произведений и владельцы коллекций.

Требовательность П.П. Вейнера к оформлению журнала имеет глубокие корни. Программным документом библиофильства, основанным на концепции В.А. Верещагина, стал доклад П.П. Вейнера «Художественный облик книги», прочитанный им на Всероссийском съезде художников в Санкт-Петербурге в конце 1911 – начале 1912 г. В этом докладе, признавая достоинства оформления старой книги, он ставит вопрос о возрождении в книжном деле художественных традиций, призывает, в частности, художников к созданию простых, но истинно красивых шрифтов [27. С. 121–128].

Характерной особенностью редакционной политики П.П. Вейнера было также сочетание публицистической, исследовательской деятельности с экспозиционной. В ноябре 1908 г. коллектив журнала планировал устроить в залах Общества поощрения художеств в пользу Общества попечения о бедных и больных детях «Выставку старинных картин», которую предполагалось составить из произведений мастеров западноевропейского искусства из частных коллекций.

В подготовке экспозиции принимали участие все члены Редакционного комитета. Генеральным комиссаром выставки был назначен барон Н.Н. Врангель, а августейшим покровителем – великая княгиня Елизавета Маврикиевна. Субсидию же на ее проведение выделил издатель-редактор журнала «Старые годы».

По инициативе выставочного комитета, обращавшегося ко многим известным коллекционерам с просьбой выдать на экспозицию картины, было изучено около сотни частных собраний в Санкт-Петербурге и Москве. После тщательного отбора на выставке, как предполагалось, будут представлены вниманию зрителей 463 картины. Среди авторов – Тинторетто, Эль Греко, Перуджино, Рубенс, Леонардо да Винчи и другие прославленные мастера живописи.

При развеске картин организаторами было принято решение перепланировать залы в комнаты и украсить их старинными люстрами и мебелью. При этом возникла проблема безопасности ценных экспонатов, которую, несмотря на многочисленные усилия П.П. Вейнера и его помощников, так и не

удалось решить. В журнале в связи с этим отмечалось: «Нам поставили требования: мы исполняли их; на смену явились новые. Мы не знаем, мы не хотим знать, почему допущенное многократно, везде – у нас признавалось недопустимым – у нас встречало отказ…» [28. С. 662].

Но запрет открытия экспозиции, хотя и нарушил планы ее организаторов, все же не помешал им, хотя бы в некоторой степени, добиться своей цели. Благодаря сделанным для журнала фотографиям Редакционному комитету удалось выпустить также и Каталог выставленных картин [29]. Как вспоминал С.К. Маковский, «не открытие выставки не помешало, однако, кое-кому побродить по ней по знакомству, освещая картины карманным фонариком. Посетило ее и несколько заинтересованных иностранцев в том числе – Ван-Оост, знаменитый голландский издатель книг по искусству. Выставке “Старых годов” он посвятил объемистый том со статьями по разным отделам и большим количеством превосходных воспроизведений» [30. С. 186]. Немаловажно и то обстоятельство, что выставочному комитету все же удалось за посещение экспозиции получить деньги (972 рубля), которые были переданы Обществу попечения о бедных и больных детях. В ответ П.П. Вейнер получил письмо, в котором было сказано: «…все члены Комитета последнего отнеслись с искренним соболезнованием к той печальной неудаче, которая встретилась на пути выставки…» [31. Л. 191].

Круг читателей и приверженцев журнала расширялся год от года: это были плоды творческих усилий П.П. Вейнера и его единомышленников. Соответственно, увеличивался и тираж издания. Как вспоминал редактор, «1907 г. печатался в количестве 1 000 экз [емпляров] (+150), которые всегда печатались для рассылки сотрудникам и другим бесплатным подписчикам, напр[имер] учреждениям, 1908 г. – 1 200, 1909 г. – 1 500, 1910 г. – 1 800 или 2 000, 1913 г. – уже 4 500, 1914 – 5 000, т.е. увеличение тиража шло последовательно и все позднейшие подписчики искали себе комплекты предыдущих годов, и их не могло хватить на всех» [14. Л. 7–8].

Однако с началом Первой мировой войны ситуация кардинально изменилась. Сотрудники «Старых годов», охваченные, как и вся страна, патриотическим подъемом, вынуждены были обратиться к подписчикам с заявлением о прекращении выпуска журнала на неопределенный срок, объясняя это следующими обстоятельствами: «Война за Отечество захватила все наши мысли и чувства, жизнь в области искусства замерла, интерес к нему в среде читателей тоже естественно заглушен…» [32. С. 119]. В помещении издательства в кратчайшие сроки был организован лазарет, получивший название «Старые годы». Практически все члены Редакционного совета работали в нем безвозмездно. Ведение всей документации и несение материальных затрат взял на себя П.П. Вейнер.

Помимо этого, сотрудники журнала осуществляли благотворительную деятельность, объединив усилия с членами Кружка любителей русских изящных изданий, стремясь помочь воинам. Для этого 30 ноября 1914 г. они организовали аукцион, на котором были представлены книги, произведения живописи и декоративно-прикладного искусства. Согласно финансовому отчету, на аукционе было продано 160 предметов, а выручка, переданная на нужды воинов, составила 2 348 рублей. Кроме того, сотрудники журнала совместно с членами Кружка приобрели для фронтовиков 600 теплых фуфаек, 500 пар нижнего белья, а к Рождеству собрали 6 ящиков подарков и ящик табака [33. Л. 424, 426, 434, 443, 450].

Благотворительная деятельность сотрудников журнала и Кружка продолжалась в течение всех военных лет. Но, пожалуй, самой запоминающейся стала совместно подготовленная и проведенная в залах Императорской Академии художеств в начале 1916 г. выставка, посвященная английской и французской гравюре XVIII в., на которой экспонировалось более 500 листов графики. В посвященной экспозиции статье в возобновившем выход журнале отмечалось, что, несмотря на недостаточный обзор творчества некоторых мастеров, связанный с трудностями собирания экспонатов в военное время, «достигнутый результат превзошел все ожидания» [34. С. 109]. К выставке редакцией был также выпущен каталог со вступительной статьей Е.Г. Лисенкова «Очерк истории гравюры XVIII в. во Франции и Англии».

Несмотря на трудности военного времени, П.П. Вейнер по-прежнему своими главными задачами считал охрану памятников истории и культуры путем просветительских публикаций и освещение музейной и выставочной жизни Санкт-Петербурга. И его многолетняя плодотворная деятельность в данной сфере была отмечена соратниками и почитателями. В январе 1917 г., к десятилетию журнала и руководства им бессменным редактором, был подготовлен специальный выпуск «Старых годов», торжественно поднесенный Петру Петровичу Вейнеру. Библиографической редкостью тут же стали 75 именных и пронумерованных экземпляров подарочного издания, предназначенного для членов Кружка любителей русских изящных изданий.

Кроме того, издатель-редактор журнала получил приветственный адрес от Общества охраны памятников старины (бывшее Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины). В нем, в частности, говорилось: «Десять лет как журнал… верный раз избранному пути, сеет истинно культурные семена, будит уважение к прошлому искусству, развивает вкус и распространяет в широких кругах понимание поэзии и глубокого человеческого смысла в произведениях поколений давно сошедших в могилу… Вы, как редактор и издатель, блюли неотступную верность в предначертанной программе. И вы как умели на этом пути одобрять своих спутников, подыскивать все новых и новых сотрудников. Вы следили и за высоким уровнем научности в «С[тарых] г[одах]» и за тем, чтобы Ваш журнал не впадал в… чрезмерную удушливую специализацию… Общество охраны пам[ятников] ст[арины] имеет честь насчитывать Вас среди своих членов-основателей, и мы пользуемся настоящим случаем, чтобы в день десятилетия “С[тарых] г[одов]” приветствовать Вас как нашего товарища по деятельности…» [35. Л. 1–2].

Несмотря на безусловный авторитет журнала и его издателя-редактора среди любителей искусства как в России, так и далеко за ее пределами, 1917 г. стал последним в истории «Старых годов». Все возраставшие финансовые трудности семьи Вейнеров стали непреодолимым препятствие для его дальнейшего издания.

Заключение

Исследование редакционно-издательской, публицистической, выставочной, а в целом – просветительской, деятельности П.П. Вейнера во главе журнала «Старые годы», бывшего в течение десятилетия в авангарде сохранения отечественных памятников истории и культуры, профессионально освещавшего столичную музейную и выставочную жизнь, позволяет сделать вывод о непреходящей значимости целей издания, заявленных в первом номере и неуклонно реализуемых в течение всего времени его существования. Также, помимо актуальности и в наши дни многих журнальных публикаций, основанных на изучении архивных документов, их просветительской значимости, следует отметить, что в ряде случаев они имели и чисто практический результат: спасение Лебяжьей канавки, ряда памятников Александро-Невской Лавры, а также многих архитектурных деталей построек старого Санкт-Петербурга. Все это свидетельствует о том, что П.П. Вейнер вместе со своими единомышленниками оставил глубокий след в истории русского искусства, сумев сделать руководимый им журнал высоким образцом распространения художественных знаний посредством отечественной периодической печати.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Также Устав был опубликован отдельным изданием, без указания места, в 1903 г., 1904 г. и 1913 г.
[2] Золотая медаль имени А.С. Пушкина была присуждена редакции журнала «Старые годы» в марте 1911 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века : учеб.-метод. комплект (учеб. пособие, хрестоматия). М. : Флинта: Наука, 2004. 368 с.
2. Минкина Е.В. П.П. Вейнер. Жизнь и творчество. СПб., 2011. 202 с.
3. Лотман Ю.М. Культура и взрыв / Семиосфера. СПб. : Искусство – СПб, 2000. 704 с.
4. Долгополов Л. На рубеже веков. Л. : Сов. писатель, 1985. 351 с.
5. Чернышова-Мельник Н. Сергей Дягилев – редактор, публицист и критик. СПб. : Алетея, 2018. 464 с.
6. Устав «Кружка любителей русских изящных изданий» // Антиквар. 1903. № 9–12. С. 95–103.
7. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. : учеб. пособие. М. : Аспект Пресс, 2001. 367 с.
8. Есин Б.И. История русской журналистики (1703–1917) : учеб.-метод. комплект. М. : Флинта: Наука, 2000. 249 с.
9. Бенуа А. Воспоминания о В. А. Верещагине. Париж : Общество друзей русской книги, 1932. 18 с.
10. Витухновская М.А. Воспоминания П.П. Вейнера о журнале «Старые годы» / Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1984. Л. : Наука, 1986. 559 с.
11. Вейнер П.П. «Старые годы», их история и критика / Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1984. Л. : Наука, 1986. 559 с.
12. Верещагин В.А. Цель и задачи журнала // Старые годы. 1907. Январь. С. 1–2.
13. Ф.В. Старые годы. Ежемесячник для любителей искусства и старины. № 1 (январь). Год издания первый. С.-Петербург. 1907 года // Золотое руно. 1907. № 2. С. 90.
14. «Старые годы», их история и критика (комментарии). 1928 г. Плод трехлетней ссылки. Рукопись / ОР ГРМ. Ф. 117. Д. 190. Ед. хр. 23.
15. Яцимирский А.И. «Старые годы». Ежемесячник для любителей искусства и Старины. 1907. Январь – сентябрь // Исторический вестник. 1907. Т. CX. Ноябрь. С. 662–664.
16. Б /п. [Ростиславов А.А.] Вести за месяц // Старые годы. 1912. Декабрь. С. 65–66.
17. Ростиславов А.А. Хроника // Старые годы. 1913. Апрель. С. 46–57.
18. Грабарь И.Э. Останкинский дворец // Старые годы. 1910. Май–июнь. С. 5–37.
19. Врангель Н.Н. Помещичья Россия // Старые годы. 1910. Июль–сентябрь. С. 5–79.
20. Средин А.В. Полотняный Завод // Старые годы. 1910. Июль–сентябрь. С. 80–114.
21. Макаренко Н.Е. Ляличи // Старые годы. 1910. Июль–сентябрь. С. 131–151.
22. Б.Н.В. [Врангель Н.Н.] Последняя старая дача на Каменном острове // Старые годы. 1910. Июль–сентябрь. С. 182–185.
23. Лансере Н. Е. Архитектура и сады Гатчины // Старые годы. 1914. Июль–сентябрь. С. 5–32.
24. Трубников А.А. Старые портреты старого замка // Старые годы. 1914. Июль–сентябрь. С. 84–100.
25. Казнаков С.Н. Павловская Гатчина // Старые годы. 1914. Июль–сентябрь. С. 101–188.
26. От редакции // Старые годы. 1908. Январь. С. 63–64.
27. Вейнер П.П. Художественный облик книги // Искусство. 1912. № 3–4. С. 121–128.
28. Б / п. Выставка картин [Подготовка выставки, препятствия, неудачное открытие] // Старые годы. 1908. Ноябрь–декабрь. С. 661–662.
29. «Старые годы»: каталог выставки картин: ноябрь–декабрь 1908. СПб. : Типография «Сириус», 1908. 86 с.
30. Маковский С.К. На Парнасе «Серебряного века» / Трофимов А. От императорского музея к Блошиному рынку. М. : Наше наследие, 1999. 192 с.
31. Редакция журнала «Старые годы» / РГИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 160. Ед. хр. 292.
32. Ростиславов А.А. Отражения войны [Разрушения памятников культуры на территориях воюющих государств] // Старые годы. 1914. Октябрь–декабрь. С. 119–120.
33. Кружок любителей русских изящных изданий. Петроград. 1903–1917 / ЦГИА СПб. Ф. 540. Оп. 1. Д. 3. Ед. хр. 453.
34. Эрнст С.Р. Выставка английских и французских гравюр XVIII века // Старые годы. 1916. Январь–февраль. С. 100–112.
35. Текст приветствия Бенуа А.Н. Вейнеру П.П. в день десятилетнего юбилея журнала «Старые годы» от имени Общества охраны памятников старины. Апрель 1917 г. Автограф / ОР ГРМ. Ф. 137. Д. 375. Ед. хр. 2.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 12 мая 2020 г.

Petr Weiner: The Publisher, Editor and Publicist of the *Starye Gody* Journal

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 26–33.
DOI: 10.17223/15617793/457/3

Natalya D. Melnik, Saint Petersburg State Institute of Film and Television (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: melnik.natalija2017@yandex.ru
Keywords: Petr Weiner; *Starye Gody* journal; protection of historical and cultural monuments; museum business; exhibition activities.

The aim of this article is to study the editorial, publishing and exhibition activities of Petr Weiner, the publisher, editor and publicist of the journal *Starye Gody* [The Bygone Years] (1907–1916) against the background of the cultural "explosion" in Russia in the late 19th – early 20th centuries. To reach the aim, the author had studied the issues of the periodical of different years and identified two important goals the editor and the staff of the journal set to achieve: (1) the publication of articles on the protection of historical and cultural monuments to educate readers and (2) the coverage of museum and exhibition life in St. Petersburg and the surrounding area in the period under review. The memoirs of Weiner's contemporaries, including the journal's reviewers, the works of researchers of the history of Russian periodical press, responses to the publications of *Starye Gody* in various editions, and archival documents were also used. The author begins the article with the topic of the spiritual guidance that V.asily Vereshchagin (1859–1931), the editor of the *Russkiy Bibliofil* [Russian Bibliophile] journal and the author of the book *Russkiy Knizhnyy Znak* [Russian Bookplate], provided to Weiner and the role he played in the professional formation of the young lover of art. It was Vereshchagin who attracted Weiner to participate in the Circle of Lovers of Russian Elegant Editions that Vereshchagin organized in St. Petersburg in 1903. Later Weiner became its secretary, and the idea of an edition for lovers of art and antiquity—a monthly journal *Starye Gody*—was born in this Circle. The author emphasizes that, despite the fact that at the time of the establishment of the journal Weiner was a novice collector, he managed to quickly win the recognition of his colleagues and, in the future, the journal readers whose number increased every year. One of the important reasons for this was the content and design of the journal, the rejection of party membership, and the free expression of opinions and tastes. The editor's trust in the readers, correspondence with them, and seeking help and assistance in the preparation of issues for printing contributed to success. Thanks to the solution of many artistic tasks the editor of had set, the journal gradually gained respect among journalists of a number of metropolitan editions. During the first few years of its existence, as evidenced by the cited responses in the periodicals, *Starye Gody* became the main guard of cultural monuments in St. Petersburg. And Weiner, its editor and publisher, played the leading role in this process. The author also notes that a characteristic feature of Weiner's editorial policy was the combination of journalistic research activities and expository and even charitable ones. The study shows that, despite the difficulties of the wartime and the forced closure of *Starye Gody* in 1917, the multifaceted activity of its creator and leader left a deep mark on the history of Russian art and became a high model of the spread of artistic knowledge through the national periodical press.

REFERENCES

1. Makhonina, S.Ya. (2004) *Istoriya russkoy zhurnalistiki nachala XX veka* [History of Russian Journalism at the Beginning of the 20th Century]. Moscow: Flinta: Nauka.
2. Minkina, E.V. (2011) *P.P. Veyner. Zhizn' i tvorchestvo* [P.P. Weiner. Life and Work]. Saint Petersburg: [s.n.].
3. Lotman, Yu.M. (2000) *Kul'tura i vzryv/Semiosfera* [Culture and Explosion/Semiosphere]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb.
4. Dolgopolov, L. (1985) *Na rubezhe vekov* [At the Turn of the Century]. Leningrad: Sovetsiy pisatel'.
5. Chernyshova-Mel'nik, N. (2018) *Sergey Dyagilev – redaktor, publitsist i kritik* [Sergei Diaghilev – Editor, Publicist and Critic]. Saint Petersburg: Aleteya.
6. Antikvar. (1903) Ustav "Kruzhka lyubiteley russkikh izyashchnykh izdaniy" [Charter of the "Circle of lovers of Russian fine publications"]. *Antikvar*. 9–12. pp. 95–103.
7. Zhirkov, G.V. (2001) *Istoriya tsenzury v Rossii XIX–XX vv.* [The history of Censorship in Russia in the 19th – 20th Centuries]. Moscow: Aspekt Press.
8. Esin, B.I. (2000) *Istoriya russkoy zhurnalistiki (1703–1917)* [History of Russian Journalism (1703–1917)]. Moscow: Flinta: Nauka.
9. Benois, A. (1932) *Vospominaniya o V. A. Vereshchagine* [Memories of V.A. Vereshchagin]. Paris: Obshchestvo druzey russkoy knigi.
10. Vitukhnovskaya, M.A. (1986) Vospominaniya P.P. Veynera o zhurnale "Starye gody" [Memoirs of P.P. Weiner about the "Starye Gody" journal]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya. Ezhegodnik. 1984* [Cultural Monuments. New Discoveries. Writing. Art. Archeology. Yearbook. 1984]. Leningrad: Nauka. pp. 76–84
11. Weiner, P.P. (1986) "Starye gody", ikh istoriya i kritika ["Starye Gody" their history and criticism]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya. Ezhegodnik. 1984* [Cultural Monuments. New Discoveries. Writing. Art. Archeology. Yearbook. 1984]. Leningrad: Nauka. pp. 76–84.
12. Vereshchagin, V.A. (1907) Tsel' i zadachi zhurnala [The purpose and objectives of the journal]. *Starye Gody*. pp. 1–2.
13. F.V. (1907) Starye gody. Ezhemesyachnik dlya lyubiteley iskusstva i stariny. № 1 (yanvar'). God izdaniya pervyy. S.-Peterburg. 1907 goda [Starye Gody. A monthly journal for art and antiquity lovers. No. 1 (January). First year of publication. St. Petersburg. 1907]. *Zolotoe runo*. 2. p. 90.
14. Department of Manuscripts of the State Russian Museum. Fund. 117. File 190. Item 23. *"Starye gody", ikh istoriya i kritika (kommentarii). 1928 g. Plod trekhletney ssylki* ["Starye Gody", their history and criticism (comments). 1928. The fruit of a three-year exile]. Manuscript.
15. Yatsimirskiy, A.I. (1907) "Starye gody". Ezhemesyachnik dlya lyubiteley iskusstva i Stariny. 1907. Yanvar' – sentyabr' ["Starye Gody". A monthly journal for art and antiquity lovers. 1907. January – September]. *Istoricheskiy vestnik*. 110. November. pp. 662–664.
16. B/p. [Rostislavov, A.A.] (1912) Vesti za mesyats [News of the month]. *Starye Gody*. December. pp. 65–66.
17. Rostislavov, A.A. (1913) Khronika [Chronicle]. *Starye Gody*. April. pp. 46–57.
18. Grabar', I.E. (1910) Ostankinskiy dvorets [Ostankino Palace]. *Starye Gody*. May – June. pp. 5–37.
19. Vrangel', N.N. (1910) Pomeshchich'ya Rossiya [Pomeshchiks' Russia]. *Starye Gody*. July – September. pp. 5–79.
20. Sredin, A.V. (1910) Polotnyanyy Zavod. *Starye Gody*. July – September. pp. 80–114. (In Russian).
21. Makarenko, N.E. (1910) Lyalichi. *Starye Gody*. July – September. pp. 131–151. (In Russian).
22. B.N.V. [Vrangel', N.N.] (1910) Poslednyaya staraya dacha na Kamennom ostrove [The last old dacha on Kamenny Island]. *Starye Gody*. July – September. pp. 182–185.
23. Lansere, N.E. (1914) Arkhitektura i sady Gatchiny [Architecture and gardens of Gatchina]. *Starye Gody*. July – September. pp. 5–32.
24. Trubnikov, A.A. (1914) Starye portrety starogo zamka [Old portraits of the old castle]. *Starye Gody*. July – September. pp. 84–100.
25. Kaznakov, S.N. (1914) Pavlovskaya Gatchina [Pavel's Gatchina]. *Starye Gody*. July – September. pp. 101–188.
26. *Starye Gody*. (1908) Ot redaktsii [From the editors]. January. pp. 63–64.
27. Weiner, P.P. (1912) Khudozhestvennyy oblik knigi [Artistical appearance of the book]. *Iskusstvo*. 3–4. pp. 121–128.
28. B/p. (1908) Vystavka kartin [Podgotovka vystavki, prepyatstviya, neudachnoe otkrytie] [Exhibition of paintings [Preparation of the exhibition, obstacles, unsuccessful opening]]. *Starye Gody*. November – December. pp. 661–662.

29. Starye Gody. (1908) *"Starye gody": katalog vystavki kartin: noyabr'–dekabr' 1908* ["Starye Gody": Catalog of the exhibition of paintings: November – December 1908]. Saint Petersburg: Tipografiya "Sirius".
30. Makovskiy, S.K. (1999) Na Parnase "Serebryanogo veka" [On Parnassus of the "Silver Age"]. In: Trofimov, A. *Ot imperatorskogo muzeya k Bloshinomu rynku* [From the Imperial Museum to the Flea Market]. Moscow: Nashe nasledie.
31. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 788. List 1. File 160. Item 292. *Redaktsiya zhurnala "Starye gody"* [Editorial office of the "Starye Gody" journal].
32. Rostislavov, A.A. (1914) Otrazheniya voyny [Razrusheniya pamyatnikov kul'tury na territoriyakh voyuyushchikh gosudarstv] [Reflections of the war [Destruction of cultural monuments on the territories of the belligerent states]]. *Starye Gody*. October – December. pp. 119–120.
33. The Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA). Fund 540. List 1. File 3. Item 453. *Kruzhok lyubiteley russkikh izyashchnykh izdaniy. Petrograd. 1903–1917* [Circle of Lovers of Russian Fine Publications. Petrograd. 1903–1917].
34. Ernst, S.R. (1916) Vystavka angliyskikh i frantsuzskikh gravyur XVIII veka [Exhibition of English and French prints of the 18th century]. *Starye Gody*. January – February. pp. 100–112.
35. Department of Manuscripts of the State Russian Museum. Fund 137. File 375. Item 2. *Tekst privetstviya Benua A.N. Veyneru P.P. v den' desyatiletnego yubileya zhurnala "Starye gody" ot imeni Obshchestva okhrany pamyatnikov stariny. Aprel' 1917 g.* [Text of greeting from Benois A.N. to Weiner P.P. on the tenth anniversary of the "Starye Gody" journal on behalf of the Society for the Protection of Antiquities. April 1917]. Autograph.

Received: 12 May 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 34–45. DOI: 10.17223/15617793/457/4

УДК 81’374

А.С. Разина

ПРОЕКТ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ «МИР, ОТРАЖЕННЫЙ В НАРОДНЫХ НАЗВАНИЯХ РАСТЕНИЙ»

Представлена концепция этнолингвистического словаря «Мир, отраженный в народных названиях растений». Новый лексикографический труд воспроизводит специфику фрагмента диалектной языковой картины мира, связанную с метафорическим переосмыслением названий растений в терминах объектов и явлений других сфер мироустройства. Реалии флоры и объекты, с которыми они ассоциируются, вписаны в русское культурное пространство. Описана макро- и микроструктура словаря. Приводится пример словарной статьи.

Ключевые слова: этнолингвистический словарь; фитонимы; фитоморфонимы; диалект; языковая метафора; народная культура.

Рубеж XX–XXI вв. ознаменован выходом в свет целого ряда словарей, объединяющих языковедческую информацию и сведения из области культурологии и этнографии: этнолингвистические, этнодиалектные, лингвокультурологические [1–6]. В научной периодике описываются проекты ещё не опубликованных словарей такого типа, а также их отдельные параметры [7]. Такое мощное развитие данного лексикографического направления объясняется сформировавшейся теоретико-методологической базой этнолингвистики и лингвокультурологии. Более подробно эти дисциплины и их «словарные продукты» рассмотрены в статье [8].

Представляется закономерным, что на ранних этапах становления названных направлений отечественного языкознания большинство словарей обращались к очевидно специфичным чертам народной культуры. Первые издания такого рода сосредоточивались на тех сферах жизни, которые могут быть непосредственно наблюдаемы. Язык выступал лишь средством их описания. Однако сейчас ясно, что многие «лексические единицы (в том числе и те, которые на первый взгляд кажутся имеющими переводные эквиваленты в других языках) включают в себя лингвоспецифичные конфигурации идей. При этом нередко обнаруживается, что эти конфигурации смыслов соответствуют каким-то представлениям, которые традиционно принято считать характерными именно для «русского» взгляда на мир» [9. С. 18].

Со временем в поле исследовательского интереса оказались особенности не только «русского языка вообще», но и конкретных диалектных систем, репрезентированные в языке (диалекте), где тоже могут существовать специфичные «конфигурации идей».

Фитонимы (названия растений) и фитоморфонимы («лексические единицы, обозначающие различные органы растений и их отдельные участки» [10. С. 5]), казалось бы, не относятся к лексике, аккумулирующей своеобразие этнической культуры. Вместе с тем растения испокон веков активно задействованы как в материальной, так и в духовной составляющей национального уклада жизни. Как следствие, названия растений и их частей являют собой фрагмент диалектной языковой картины мира, выступающей фундаментом для картины мира общенациональной.

Отметим, что фитонимы уже не раз становились материалом строгого аспектного лексикографрования, осуществляемого авторами разной квалификации по разным принципам.

Так, фитонимы являются объектом ряда **тематических словарей**.

Одним из первых отечественных изданий такого рода стал напечатанный в 1878 г. в Санкт-Петербурге выдающийся по своей задумке и содержанию «Ботанический словарь» Н.И. Анненкова [11]. Работа над ним, по признанию автора, была начата еще в 1850 г. Замысел заключался в систематизации книжных и простонародных названий растений и установлении соответствий между эквивалентными наименованиями. Первоначально словарь составлялся на основе произведений русской литературы. Собранные материалы были опубликованы в 1858 г. под названием «Простонародные названия русских растений». В предисловии автор просил знатоков помочь ему дополнить книгу. В 1859 г. расширенная версия вышла уже под названием «Ботанический словарь». Размер его статей зависит от объёма собранной автором информации и варьирует от указания на единичный эквивалент латинского наименования до сообщения различных лингвистических и экстралингвистических сведений. Собственно языковая часть словарной статьи во многом воспроизводит традицию переводных многоязычных словарей, расцветшую в отечественной лексикографии XVIII в. Автором приводятся родовые и видовые номенклатурные названия растения на латыни и русском языке; греческие, латинские и средневековые имена, названия, связанные со средневековой фармацевтической практикой; русские диалектные, славянские, а также западноевропейские названия. Кроме того, во многих статьях есть энциклопедический раздел, где указаны места обитания растений, изготавливаемые из них продукты, описано их применение в сельском хозяйстве, медицине и т.д. Дополняют статьи сведения о растениях, почерпнутые из легенд, преданий и других произведений устного народного творчества.

В течение последующего столетия фитонимы не привлекали внимания лексикографов. Новый всплеск интереса к сбору и словарному описанию растительной лексики приходится на вторую половину XX–начало XXI в. Например, близкие по духу к детищу

Н.И. Анненкова словари созданы ботаником И.В. Бугаевым [12, 13][1]. В них приведены наименования того или иного растения, встречающиеся в разных языках (они даются в переводе), в том числе общерусские и сибирские фитонимы, современные и устаревшие. Основные разделы словаря выделены по ботаническому основанию, например «Деревья», «Папоротники», «Цитрусовые». В качестве заглавного слова выступает научное родовое русское наименование растения (иногда с уточнением через латинскую номенклатуру). Далее приводятся сведения о происхождении слова, которые составитель усматривает в дословном переводе его родового латинского или греческого названия и в «народной этимологии». Русские литературные и диалектные фитонимы собраны автором из научной и научно-популярной литературы. В конце статьи обозначаются ботаническое семейство и характеристики растения, а также дается информация об изготавливаемых из него продуктах.

Собственно региональной фитонимической лексике внимание стало уделяться сравнительно недавно. Вышедший в свет в 2000 г. «Словарь народных растений Урала» Н.И. Коноваловой [14] посвящен диалектным номинациям дикорастущих трав. Помимо толкования, словарная статья традиционно содержит вариантные названия, латинский эквивалент и научное наименование диалектного фитонима, сведения о системных отношениях фитонимов, стилистические, социальные и ареальные характеристики. Статьи включают небольшие по объему иллюстративные контексты, где эксплицированы мотивировочные признаки, выявлены родовидовые соотношения понятий, полисемия и парадигматика [14. С. 11–12]), В качестве новаторского шага предстает попытка автора выделить «культурологический, сакральный компонент значения» [14. С. 13]: если фитоним и именуемая им реалия связаны с обрядами или народными верованиями, то словарные статьи дополняются фольклорными материалами и сведениями, собранными в полевых условиях или же заимствованными из других публикаций. Зачастую в словарной статье описаны лекарственные свойства растений.

Фитонимической лексике среднеобского диалекта посвящены «Словарь фитонимов Среднего Приобья» [15] и «Словарь названий частей растений: говоры Среднего Приобья» [10] В.Г. Арьяновой, созданные по единому принципу. Структура словарной статьи позволяет соотнести диалектные названия с научной русской и латинской номенклатурой, при этом приведены синонимы, функционирующие в говоре. По сравнению с уральским словарем выигрышным моментом стала иллюстративная зона словарной статьи. Контексты употребления фитонима отражают живую речь носителей диалекта и содержат самые разнообразные экстралингвистические сведения: о внешнем виде растений (цвете, форме, высоте и т.д.) и источаемых запахах, особенностях их вегетации, выращивания и сбора, использовании в быту и роли в праздниках и обрядах. В жанровом отношении речевые иллюстрации очень разнообразны, встречаются частушки, загадки, пословицы, приметы. Многие иллюстративные тексты являются спонтанными импровизациями информантов, основанными на «традиционных механизмах порождения текста и стереотипах мышления» [16. С. 32]. Они выявляют прагматическое и эмоционально-эстетическое отношение носителей говоров к реалиям флоры, нередко в них встречаются факты метаязыковой рефлексии. Высказывания сопровождаются ареальными пометами, что повышает их эвристическую ценность для дальнейших исследований говора.

Два фитонимических словаря были созданы в рамках мотивологического направления языкознания. «Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: фитонимы» А.С. Савенко [17] и казахско-русский «Мотивационно-сопоставительный словарь наименований растений и птиц» под ред. А.Д. Жакуповой [18] систематизируют мотивированную, полумотивированную и немотивированую лексику, анализируют внутреннюю форму фитонимических единиц. В словарной статье представлены показания языкового сознания и этимологическая справка. Компоненты статьи в целом повторяют разработанную мотивологами универсальную схему представления любого лексического материала.

Всплеск интереса к феномену метафоры, характерный для последних десятилетий, привел к лексикографированию фитонимов как метафорического (образного) пласта лексики. В целом описание единиц с метафорической внутренней формой имеет богатую историю. В нее внесли вклад и томские лексикографы [19–22]. Последний по времени выхода в свет «Словарь образных единиц сибирского говора» [22] включает и ряд фитонимов. Их толкование раскрывает основание ассоциативной связи денотата и источника образной номинации. Соотнесённость образной единицы со сферой-источником фиксируется посредством помет, которые маркируют данные области реальной действительности, но дифференциации статей в отношении сферы-источника образной лексемы нет.

Более плодотворными для нас представляются принципы, разработанные для словаря пищевой метафоры [5]. Несмотря на то, что он не содержит фитонимов, тематический отбор и расположение материала, описание метафорических моделей посредством формулировки образного значения лексем и типовых образных представлений, а также включение культурологического комментария видятся перспективным способом словарного представления сведений о метафорическом миромоделировании самых разных тематических полей.

Предлагаемый нами словарь «Мир, отраженный в народных названиях растений» разрабатывается с учетом опыта рассмотренных выше лексикографических проектов.

Эмпирической базой стали данные, полученные из тематических [10, 15], образных [19, 20, 22] и толковых диалектных [23–26] словарей русских говоров средней части бассейна реки Оби, а также материал, собранный автором в полевых условиях в Шегарском р-не Томской области (2018).

Словарь описывает фитонимы и фитоморфонимы, среди которых встречаются как **собственно диалектные** лексемы – «такие элементы структуры диалекта,

которые свойственны ему, но не известны ни в просторечии, ни тем более в литературном языке» [27. С. 7], так и **общерусские** – «такие элементы его [диалекта] структуры, которые присущи говору, литературному языку и городскому просторечию» [27. С. 7], а также **диалектные варианты общерусских слов.**

Несмотря на то, что названные типы функционирующих в говоре единиц не вызывают дискуссий, специальных исследований, касающихся подобного членения образной лексики, нами не обнаружено. Применительно к собранному нами на настоящий момент фитонимическому материалу мы предлагаем следующее решение этой задачи. Фитонимы и фитоморфонимы, значение и форма которых полностью тождественны в литературном языке и диалекте, относятся к общерусским лексическим единицам: *маслёнок* ‘маслёнок’[2], *горицвет весенний* ‘горицвет весенний’, *ножка* ‘часть плодового тела гриба, играющая роль опоры для шляпки’. Когда у диалектной номинации есть литературный эквивалент, но их звуковые оболочки и внутренние формы не имеют пересечений, лексическая единица считается собственно диалектной: *бархатинка* ‘медуница мягчайшая’, *собачка* ‘череда’, *белоголовый щавель* ‘гречиха кистевидная’, *боговы батожки* ‘зопник клубненосный’, *стебель* ‘ножка гриба’. При этом наименование может иметь в литературном языке первичное неметафорическое значение, например: *барашек* ‘ирис (касатик-узик)’ / *барашек* ‘молодой баран, ягненок’, *медвежьи ушки* ‘толокнянка обыкновенная’ / *медвежьи ушки* ‘органы слуха крупного хищного млекопитающего, обладающего густой шерстью и толстыми ногами’. Если литературное и диалектное названия обозначают одну и ту же реалию, оба слова мотивированы одной и той же лексемой, но различаются аффиксами (*кувшинчик* ‘кувшинка белая’, *свинуха* ‘свинушка тонкая’) или частеречной принадлежностью компонентов (*гусиная лапка* ‘лапчатка гусиная’), то перед нами общерусский фитоним или же фитоморфоним и его диалектный вариант. Диалектный вариант общерусского названия возникает также в результате замены в говоре одного из компонентов (*полевой зверобой* ‘зверобой обыкновенный’, *узкопёрый пырей* ‘пырей ползучий’).

В структурном отношении отобранные фитонимы и фитоморфонимы представлены различными типами единиц: универбами (*аистник* ‘аистник цикутный’, *собачки* ‘львиный зев крупный’), двусловными номинациями (*дикая рябинка* ‘пижма обыкновенная’, *куриные хвостики* ‘мятлика луговая’), сложными словами, компоненты которых соединены дефисом (*рука-трава* ‘ятрышник шлемовидный, *мать-и-мачеха* ‘мать-и-мачеха обыкновенная’), творительным сравнения (*копейками* ‘цветочные корзинки пижмы’, *парашютиками* ‘семянки одуванчика’); сравнительными оборотами: *как ватка* (‘трубчатый гименофор гриба’), *как тарелочка* (‘вогнутая шляпка гриба’).

Принципиальным отличием разрабатываемого нами словаря от «Словаря русской пищевой метафоры» Е.А. Юриной является не только растительная тематика, но и направление исследования метафорических проекций. Описание пищевой метафоры осуществлено в направлении от сферы-источника к сфере-мишени. В нашем словаре направленность обратная: от сферы-мишени «растения» к сфере-источнику «мир».

Анализ сфер-источников растительных метафор проведен в двух направлениях: (1) принадлежность предметов и явлений, с которыми соотносятся наименования растений и их частей, к определённой сфере мироустройства с учётом членения каждой из них на более узкие предметные области; (2) анализ места ассоциируемых реалий в культуре данной языковой общности.

Словарь выстроен как дифференциальный (включающий лексику отдельной тематической группы) и аспектный (метафорологический). Ограничение материала образными названиями растений и их частей позволяет более четко по сравнению с прямыми номинациями увидеть неявные этические, эстетические, аксиологические и утилитарные предпочтения языкового сообщества.

Этнолингвистическая аспектуализация фитонимической лексики прослеживается во всех макроструктурных и микроструктурных компонентах лексикона. Так, макроструктура словаря задана вычленением семантических сфер, с объектами и явлениями которых сравниваются растения и их части. Идеографический принцип, взятый на вооружение языкознанием с 1930-х гг. (см. работы В. Вартбурга, Р. Халлига, Ф.П. Дорнзайфа, Х. Касареса, Й. Трира, Л.Г. Бабенко, О.С. Баранова, Ю.Н. Караулова, Т.В. Козловой, В.П. Москвина, Н.Ю. Шведовой и др.), имеет бесспорные достоинства. Идеографическое распределение лексики позволяет смоделировать области мироустройства, дающие образные рефлексы в сферу флоры, и выявить их весомость как источника метафоризации. Однако ни одна идеографическая классификация не может быть проведена на строгих основаниях. Причисление в нашем словаре определённой лексемы к той или иной тематической группировке иногда имеет условный характер, поскольку семантические сферы находятся в отношениях пересечения, включения и т.д. Например, отсылочный образ *голова*, актуализованный в номинациях *белоголовник* ‘тысячелистник обыкновенный’, *бордоголовка* ‘кровохлёбка лекарственная’, *красноголовка* ‘клевер луговой’, *синеголовник* ‘синеголовник плосколистный’, *черноголовка* ‘черноголовка обыкновенная’, *голова* ‘плод или соцветие округлой формы, расположенные на конце стебля’ и др., входит одновременно в вычленяемые в словаре таксоны «человек» и «фауна».

Разработанная идеографическая классификация сфер-источников (с учетом количественной иерархии) выглядит следующим образом:

I. Человек (*рука-трава* ‘растение ятрышник шлемовидный с корнем в форме руки’; *невеста* ‘растение колокольчик ломкий с белыми, как платье невесты, цветами’).

II. Фауна (*клоповник* ‘растение ярутка полевая с резким, как от клопов, запахом’; *кошка* ‘растение подмаренник Вайланта, стебли которого цепкие, будто кошачьи когти’).

III. Флора (*дикая рябинка* ‘растение пижма обыкновенная, соцветие которого в перевёрнутом виде напоминает гроздь рябины’; *морковка* ‘растение вёх ядовитый, листья и корень которого имеют сходство с морковными’).

IV. Артефакты (*мешочница* ‘растение сумочник пастуший с соцветием наподобие мешочка’; *фонарики* ‘растение коровяк скипетровидный с ярко-жёлтыми, словно фонарики, цветами’).

V. Неорганическая природа (*серебристый тополь* ‘дерево тополь серебристый, у которого одна сторона листа будто посеребрённая’; *огонёк* ‘растение купальница азиатская с цветами огненно-жёлтого цвета’).

VI. Религиозные представления (*ангеловы крылышки* ‘растение бегония королевская, листья которого по форме похожи на крылья ангела’; *чертополох* ‘растение альфредия с формой соцветия, напоминающей чёрта’).

VII. Пространство (*уголочек* ‘заострённая лопасть листа калины, похожая по форме на угол’).

VIII. Количество (*тысячелистник* ‘растение тысячелистник обыкновенный, у которого так много листьев, словно их тысяча’).

Каждая из сфер сегментирована на подразделы. Например, сфера «Человек» представлена: соматизмами (*борода* <= *борода* ‘многочисленные тонкие свисающие стебли-усы’); антропонимами (*Тимофей* <= *тимофей* ‘тимофеевка луговая’); наименованиями сословий (*княгиня* <= *княгиня* ‘смородина белая’); номинациями чувств, эмоций, свойств характера, поведенческих реакций (*плакать* <= *плакун-трава* ‘дербенник иволистный’); терминами родства (*пасынок* ‘боковой побег растения’); названиями занятий, профессий, социального положения (*доктор* <= *дохтур* ‘алоэ древовидное’); обозначениями половозрастных характеристик (*бабка* <= *бабка* ‘белый гриб’); наименованиями физических действий (*перехватывать* <= *перехватка* ‘кольцо на ножке опёнка’); этнонимами (*татары* <= *татарин* ‘чертополох курчавый’); номинациями, связанными с речевыми характеристиками человека (*ворчун* <= *ворчун* ‘донник лекарственный’); обозначениями эстетического восприятия человеческой внешности (*красавица* <= *ночная красавица* ‘ночная красавица’); названиями обрядов (*венчание* <= *венчальный цвет* ‘колокольчик ломкий’).

Сложность и возникающая в результате неоднозначность систематизации эмпирического материала связаны с тем, что растительные номинации, в зависимости от их структуры, могут содержать отсылочные образы, относящиеся:

1) не только к одной и той же области мироустройства, но и к более узкой сфере внутри неё (*граммофончик* ‘глоксиния’ – артефакты: музыкальные инструменты);

2) к двум разным узким сферам внутри одной и той же области (*лисохвостка* ‘лисохвост луговой’ – фауна: млекопитающие, соматизмы; *дедушкина борода* ‘камнеломка отпрысковая’ – человек: половозрастные характеристики, соматизмы);

3) к разным областям мироустройства (*мышерепка* ‘клевер белый и луговой’ – фауна, флора: млекопитающие / травянистые дикорастущие растения <= овощные культуры; *пастушья сумка* ‘сумочник пастуший’ – человек / артефакты: профессии, предметы гардероба; *сахарная берёзка* ‘бальзамин султанский’ – артефакты / флора: пищевые продукты, травянистые комнатные растения <= дерево).

Фитонимы, ассоциативные источники которых представляют вторую группу, в словаре включаются в одну из восьми крупных сфер (см. выше) со сдвоенными подразделами. Например, внутри сферы I. Человек: имена собственные / соматизмы (*дунькина губа* ‘свинушка тонкая’); физические действия / соматизмы (*кровохлёбка* ‘кровохлёбка лекарственная’); имя собственное / чувства, эмоции (*анютины слёзки* ‘фиалка трёхцветная’); сословия / соматизмы (*царёвы очи* ‘подсолнечник обыкновенный’); половозрастная характеристика / речь (*бабски сплетни* ‘традесканция’); половозрастная характеристика / обряд (*бабья свадьба* ‘колокольчик ломкий’); половозрастная характеристика / соматизмы (*девичьи щёчки* ‘травянистое растение (?)’); половозрастная характеристика / эстетическая оценка внешности (*девичья красота* ‘колокольчик ломкий’); родственные отношения / чувства, эмоции (*мамины слёзы* ‘ирис’).

Группы фитонимов с метафорическими отсылками к разным областям мироустройства в словаре выступают как сдвоенные крупные сферы, которые также разбиты на более узкие. Например, сдвоенная сфера «Фауна / Неорганическая природа, Неорганическая природа / Фауна») дробится на подразделы: млекопитающие / стихия огня (*медвежий дым* ‘дождевик’), стихия огня / птицы (*горицвет кукушкин* ‘горицвет кукушкин’).

В лексикографируемом материале встречаются также парные номинации с дефисом, содержащие два метафорических источника из одного подраздела сферы «Человек». Эти метафорические источники приводятся в конце данного подраздела в рамках одной словарной статьи. Например, в подразделе «Имена собственные» заголовок словарной статьи выглядит следующим образом: **ИВАН / МАРЬЯ**. В статье объединены два омонимичных названия растения *иван-да-марья* ‘бегония фуксиевидная’, ‘марьянник (дубравный?)’. Названия *мать-и-мачеха, мать-мачеха* ‘мать-и-мачеха обыкновенная’ входят в статью **МАТЬ / МАЧЕХА**.

Как видим, организация макроструктуры словаря уже сама по себе несет этнолингвистическую информацию: выделением сфер-источников метафорических фитонимов и фитоморфонимов манифестированы не только типовые метафорические модели, но и своеобразие ассоциативного восприятия объектов флоры носителями говоров.

Микроструктура словаря состоит из ряда компонентов.

1. Зона заглавной лексической единицы. В качестве заглавного слова используется обозначение ассоциативного источника метафорических наименований: например, **ПУГОВИЦА**. Внутри словарной статьи выделяются подразделы, в которых описывается диалектное название (названия) определённого растения или его части, устанавливающее ассоциативную

связь с указанным в заглавии отсылочным образом: ***пуговочник*** ‘пижма обыкновенная’, ***пуговки*** ‘семена пиона уклоняющегося’. Подраздел включает все формальные варианты данного фитонима, а также эмоционально-экспрессивные наименования. Так, у растения *просвирник маленький* имеются названия ***пуговицы, пуговички, пуговки***. Они даются в столбик. У заглавной единицы и образованных от нее фитонимов выделяется ударный гласный.

Каждый фитоним наделяется пометами, фиксирующими его структурно-семантические (**ЯМ, СО, в сравн.**) и эмоционально-экспрессивные свойства (**ласк., презрит., пренебрежит., снисходит., увелич., уменьш.-ласк., уменьш.-неодобр., уменьш.-пренебр., экспр.**). К языковым метафорам (ЯМ) принадлежат «вторичные косвенные номинации, внутренняя форма которых отражает семантический тип мотивированности» [21. С. 7]: *сапожки* ‘травянистое растение башмачок красный с цветком в форме сапожка’, *петушиный гребешок* ‘растение петуший гребешок с соцветием, напоминающим гребень петуха’, *воротничок* ‘кольцо на ножке гриба в виде воротничка’. К собственно образным (СО) лексемам отнесены «первичные номинации, внутренняя форма которых отражает морфологический тип мотивированности» [21. С. 8]: *гусынка* ‘травянистое растение чина весенняя, с длинным, изогнутым, будто шея гуся, стеблем’, *серебристый тополь* ‘дерево тополь серебристый, у которого одна сторона листа словно посеребрённая’. Фитоморфонимы зачастую имеют форму сравнения, например: *как пуговички, пуговичками*. Такие лексические единицы сопровождаются пометой **в сравн.**

Форма числа, в которой представлены фитонимы, зависит от формы, в которой они актуализованы в контекстах. Если иллюстрации содержат только форму единственного числа, то в заглавии подраздела фитоним или фитоморфоним дается в единственном числе: *пуговочка* ‘плод травянистого растения вороний глаз’. В случае употребления исключительно формы множественного числа название растении или его части приводится во множественном числе: *пуговки* ‘просвирник маленький’. Недифференцированное употребление форм числа у некоторых фитонимов в речи диалектоносителей отражено в заглавии подраздела: *пуговочка*, мн. ч. *пуговочки* ‘цветочная корзинка пижмы’.

Подразделы дополняются перечислением образных синонимов лексикографируемых фитонимов и фитоморфонимов, что позволяет проследить вариативность образного видения той или иной реалии растительного мира.

Среди подразделов вначале приводятся названия растений, затем – наименования их частей. Фитонимы и фитоморфонимы с единым ассоциативным источником выстраиваются в алфавитном порядке как между подразделами, так и внутри них.

2. Зона толкования заглавной лексической единицы и мотивированных ею номинаций. Здесь указывается лексическое значение заглавной единицы. Семантизация мотивированных данным словом фитонимов и фитоморфонимов осуществляется посредством формулировки образного значения. Оно содержит три элемента: 1) денотат (его обозначение выделено полужирным шрифтом), 2) основание сопоставления денотата и образного источника; 3) источник метафорического переноса. Например: *пуговки, как пуговички* **‘цветочная корзинка пижмы** (денотат), маленькая и круглая (основание сопоставления), как пуговица (источник)’.

Образное значение устанавливается с опорой на показания языкового сознания диалектоносителей. Так, приведенное выше образное значение сформулировано с учетом контекста: *Высокая такая растёт, она ещё выше растёт. И вот у неё тоже такой шапкой растут эти вот, такой шапкой [показывает], и на ней вот такие оранжевые пуговки, как пуговички [смеётся]. Цвет вот как пуговички, прям где-то вот такие, вот такие кругленькие [показывает]… А листики какие-то такие мелкие* (Том. Бат.).

3. Иллюстративная зона словарной статьи содержит примеры живого речевого употребления лексикографируемых единиц носителями среднеобских говоров.

В словарь включено максимально возможное количество иллюстративных текстов, собранных томскими диалектологами. Они является значимым ресурсом этнолингвистической информации. Высказывания информантов отражают не только факты народной метаязыковой рефлексии, но и особенности вплетения растений в живую жизнь носителей диалекта, в традиционную культуру вековых среднеобских сел и деревень. Дискурсивные реализации элементов фитонимического поля детально характеризуют особенности внешнего вида и физиологии растений: *Аистник почему так назвали? Так семечки-то у него на клюв ихний похожи. По колено растёт, стволик волосками покрыт, а цветочки небольши, красненьки. А как дождик, так семечко прямое, а как солнышко, так оно кручёное такое, чтоб в землю вкрутиться* (Кем. Бар.). Рассказывают о возможностях их лекарственного применения: *Грибы? Дедушкин табак растёт. От него всё старались подальше, вдруг в глаза. А когда ноги ноют, им обсыпали, раньше ведь всё своими средствами [обходились]. Это теперь химии напридумывали* (Яйск. Арыш.). Сообщают об использовании растений в пищу в обыденной жизни и в годину испытаний: *Маслёнки таки маленьки, жёлтеньки, мы их не солим, а жарим с картошкой* (Яшк. Мох.); *Грибы были всякие, толстяки, а щас их нету, все грибы пастухи выбили. Двадцатый год голодный был, вот мы все грибами да ягодами и питались* (Шег. Мельн.). *Одуванчик вон растёт. В войну-то его ели, и листья, и корни, да и сейчас, говорят, и варенье с него варить можно, и салат делать* (Яйск. Арыш.). Описывают народную смекалку, которая находила необычное применение растениям в тяжелое время: *Раньше в послевоенное время с мылом туго было. Так мы чё похуже из одежды да чё на каждый день мыльцем стирались да губкой. Мыльце – это растение такое. В лесу, на полях оно растёт. Цветёт красными цветами в кучку собранными. Вот наберёшь этих цветков, водичкой помочишь, разотрёшь хорошенько, и оно мылкое такое становится. Вот так и стирала* (Шег. Мельн.).

Приоткрывается завеса над нехитрыми магическими практиками, в которых растения применялись в качестве оберегов, становились атрибутами обрядов, гаданий: *Чертополох. Это такое редкое растение, оно в таком буреломе, глуши, где-то близко возле воды. Колючее, высокое, примерно полтора метра, чашечка такая и цветёт жёлто, а середина беловата. Его срывают и вешают возле зеркала. Там, где маленькие дети, чтобы не боялись. Вот этот чертополох и правда сам похож на чёрта. Колючий и редкий-редкий этот цветок* (Том. Н.-Рожд.). *Зверобой, кровавец ли, в лесу растёт, где кедра, ели, сосны. Или лес срубят, он там и вырастал. На Иванов день девки из него венки плели, а потом смотрели, скоко с венками-то сока и гадали, будущее пророчили. Мама наша его в дому весила, говорила, всё зло он прогоняет и домовых всяких* (Бакч. Порот.).

Иллюстративные тексты свидетельствуют, что объекты мира флоры не так давно были широко задействованы в детских развлечениях, играх: *Есть тако растение, мы их недотрогами звали. Когда они отцветут, там таки коробочки. Еслив их тронешь, то они как бы взрываются, а оттудова семянки вылетают. Когда мы были ребятишками, любили их рвать* (Том. Н.-Рожд.). *И ещё… и ещё сорняк, например, вот похожий… трава куриные хвостики. С них в детстве всё делали так: рукой из низу проведёшь к колоску, и всё отрывается, и определяешь, петушок это или курочка. Если там хвостик торчит длинненький, значит, это петушок. Длинная тоже трава* (Яшк. Полом.).

Этиологические легенды свидетельствуют о желании человека найти причины событий, объяснить устройство жизненного мира: *Растёт и вороний глаз, воронье око, а мама моя всегда называла воронья ягода… Много я знаю легенд, мама всё время рассказывала. И про воронье око знаю. Сейчас расскажу. Много годов тому назад жил в лесу старик одинок, и бывал у его друг ворон. Старик научил своёго друга улетать от глазов людских и научил его будущее видеть. Потом старик умер, а ворон до сих пор плачет по потере друга своёго. И из каждой слезы его вырастает растение с глазом. Поэтому и воронье око* (Шег. Мельн.).

Контексты отобраны по степени полноты экспликации этнолингвистических сведений, которые сопутствуют реализации единиц фитонимического поля в диалектной лингвокультуре. Если несколько имеющихся в нашем распоряжении контекстов включают в себя близкую по содержанию информацию, они не устраняются из числа речевых иллюстраций, поскольку регулярность вербализации тех или иных сведений подтверждает их значимость для данной языковой общности.

4. Этнолингвистический комментарий. Данный компонент словарной статьи выявляет добавочные культурные смыслы, аккумулированные в значении образных фитонимов и фитоморфонимов, и характеризует культурный фон, с которым взаимодействует фитонимическое поле.

По возможности данный раздел включает: I. Экспликацию метафорической модели (моделей), реализуемой фитонимами и фитоморфонимами с общим ассоциативным основанием; II. Этимологию лексической единицы, репрезентирующей отсылочный образ; III. Паремии и фразеологизмы, содержащие лексему – метафорический источник; IV. Сведения о роли растений и реалий, с которыми они сопоставляются, в народной культуре (фольклоре, обрядах и ритуалах, ценностной картине мира сельских жителей).

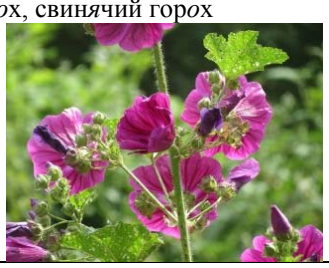
Этнолингвистический комментарий видится одним из важнейших параметров словаря, описывающего взаимодействие языка и культуры. Так, Т.Б. Банкова отмечает, что «сосредоточение на культурном компоненте в семантике слова, представление его в деталях, а затем интерпретация в словотолковании реального бытования лексемы в коммуникативном акте – первостепенная задача словарей, представляющих конкретную лингвокультуру» [28. С. 78].

Образные лексические единицы имеют в этом плане свою специфику. Поскольку семантика образных единиц обладает свойством двуплановости, то культурными коннотациями пронизаны все составляющие образного значения (денотат, образный источник и основание их сопоставления). Так, фитоним *бабий язык* ‘традесканция’ (*Есть [растение] бабий язык называется. Бабий язык длинный, болтает много, сплетни собирает. Он ещё цветёт красиво. Красный цветок на шишечке такой. Листья у него толстые* (Ас. Н.-Кус.)) отражает метафорическое переосмысление лигвокультурного стереотипа о женской болтливости, злоязычии. Основанием сопоставления растения и отсылочного образа является номинативный признак – имеющий длинные, переплетающиеся друг с другом листья. Что касается ассоциативного источника, то лексема *язык* является метонимическим переносом речевой способности в целом, а *бабий* указывает на культурное представление о негативных гендерных характеристиках именно женской коммуникации. Как показывает данный пример, в формировании культурного слоя значения участвуют все компоненты образной семантики.

В диалектном фитонимическом материале встречаются лексемы, культурную семантику которых легко вычленить из контекстуальных реализаций, как в представленном выше примере (впрочем, и здесь роль самого растения *бабий язык* в пространстве народной культуры не осмыслена ввиду сравнительно недавнего его появления в быту информантов). Тем не менее большое количество иллюстративного материала имеет лакуны в плане экспликации этнокультурного слоя тех или иных компонентов значения. В этом случае целесообразно привлечение различных материалов справочного характера, позволяющих увидеть и описать культуру, внутри которой функционирует диалект. Отметим, что словарные статьи опираются на сведения о других региональных лингвокультурах, так как различные диалекты раскрывают единую ментальность русского этноса, а потому имеют множество сходных черт. В качестве источника энциклопедических материалов использован ряд словарей [1, 29–32, 43] и монографий [34–42]. К информации, характеризующей культурный фон, относятся этимология, паремии и фразеологизмы, сведения о месте самого растения и образного источника его номинации в этнической культуре.

5. Фотоизображение.

Пример словарной статьи:

ПУГОВИЦА, мн. ч. пуговицы **ПУГОВИЧКА, мн. ч. пуговица,** уменьш.-ласк. **ПУГОВКА, мн. ч. пуговки,** разг. 	Застёжка, продеваемая в петли одежды, обычно круглой формы. *А я экономка была раньше, всё собирала пуговицы* (Том. Верш.). *Ботинки купят на всю жись. С пуговочками были ботинки, всё равно хор**о**ши были ботинки. Счас таких и нету, как раньше* (Том. Верш.). *Она так**а** растрёпа ходит, как попало: здесь п**е**телька есь – пуговки нету, здесь пуговка есь – п**е**тельки нету* (Том. Верш.). *Брошки там взял, набрал всё это, пуговки так**и** набрал* (Том. Верш.).
Пуговицы. ЯМ. **Пуговички.** ЯМ. **Пуговки.** ЯМ, уменьш.-ласк. *Син.* бар*а*нки, горо*ш*ек, кал*а*чики, кал*а*чики-мал*а*чики, пряники, р*е*пка, свин*и*ный горо*х*, свинячий горо*х* 	Травянистое растение **просвирник маленький** с круглыми семенами наподобие пуговок. *Полевые кудри – пуговички, вот уже от их семянушки дети играют в городушки* (Зыр. Илов.). *Траву эту называют пуговички, ели их раньше* (Томск). *С мальства кудри пуговичками звали* (Зыр. Илов.). *А, вот она, господи, пуговки, ели мы их, мы чё только не ели […]. А пуговки ели, ели, ага, в огороде они есть. А пуговки… так они на твёрдой почве и вот такой круглый листик и эти самые пуговочки, едят которые* (Яйск. Арыш.).
Пуговочник. СО. *Син.* д*и*кая рябина, д*и*кая рябинка, желтоголовник, рябинка, рябинник 	Травянистое растение **пижма обыкновенная** с небольшими круглыми соцветиями в виде желтых пуговок. *Пуговочник собирают молодые цветки. От поносов […]. Против мух и блох* (Кож. Апт.).
Пуговички. В сравн., уменьш.-ласк. *Син.* кал*а*чик (мн. ч. кал*а*чики), лепёшки, п*ы*шечки, с*у*шечки 	**Семена просвирника маленького**, напоминающие по форме пуговицу. *Пуговички» их у нас зовут: семена, как пуговички* (Зыр. Черд.).

Пуговички. В сравн., ЯМ, уменьш.-ласк. *Син.* пузырёчек 	**Соцветие-корзинка ромашки дисковидной (безъязычковой)**, мелкое, круглое, как пуговица. *По обочинам дорог, в огороде, во дворе ромашка растёт, у неё ещё такие жёлтенькие пуговички* (Чебул. Шест.). *Ромашка растёт у нас. Цветок мелкий. На ей ягодки жёлтеньки, как пуговки* (без помет)[3].
Пуговица. ЯМ. **Пуговка, мн. ч. пуговки.** В сравн. ЯМ, уменьш.-ласк. **Пуговички.** В сравн., уменьш.-ласк. **Пуговочка, мн. ч. пуговочки.** В сравн., ЯМ, уменьш.-ласк. *Син.* копейки, копеечки, пятачки 	**Цветочная корзинка пижмы**, маленькая и круглая, как пуговица. *Пижма, её разно зовут, здесь «девятильник», по берегу растёт. Высокая такая, вот только, как пуговица, на былочке. Трава кругом* [листья на стебле], *а сверху – как пятачок. Желтенький такой* (без помет). *Девятильник – пижма. Шестьдесят-восемьдесят сантиметров. Пуговичками жёлтенькими светёт. Говорят, от головы, от желудку* (Шег. Бат.). *Вот только я знаю девятильник траву. Она тоже вот така… большой стебель у ей, и такая вот шишечка, как пуговички жёлтеньки, все в одной кучке. Вот он тоже хорошо* (Том. Яр.). *Высокая такая растёт, она ещё выше растёт. И вот у неё тоже такой шапкой растут эти вот, такой шапкой [показывает], и на ней вот такие оранжевые пуговки, как пуговички [смеётся]. Цвет вот как пуговички, прям где-то вот такие, вот такие кругленькие [показывает]… А листики какие-то такие мелкие* (Том. Бат.). *Вот только я знаю девятильник траву. Она тоже вот така: большой стебель у ей и така вот шишечка, как пуговички жёлтеньки, все в одной куче* (Том. Верш.). *Желотоголовник – листья жёлтые, [цветы], как пуговички, желтенькие* (Крив. Жук). *Пижма – жёлтые головки, пуговки, от печени хорошо* (Яйск. Возн.). *Девятильник, на ветке девять веточек с девятью пуговками, вот и девятильник* (Шег. Бат.). *Желтушница пуговками цветёт. Растёт по берегам, в низинах. Ещё называют пижма* (Кож. Апт.). *Желтушница [это], эти пуговки добавляют в хлеб, чтобы вши не водились. Пьют от желтухи* (Кож. Апт.). *Но он тоже есть женский и мужской, этот девятильник. Есть мужской, эти цветочки таки гладеньки, выпухшие такие, гладенькие, ну, как на пуговке. Пуговочка такая выпухшая. А есть пуговочка, а посерёдке впадинка. Вот это женская будет уже* (Том. Яр.). *«А почему девятильник?» – «А потому что девять пуговочек». – «Всегда?» – «Да. Хоть каку сорви, все – девять. У него на макушке много, а на этих – всегда девять». – «На самой высокой?» – «Хоть на какой»* (Том. Яр.). *Пижма растёт высокая […]. А сверху пуговочка. Шишечки, головочки такие оранжевые* (Яшк. Полом.). *«А вот та самая пижма, а по-нашему она называется девятильник.» – «Ну вот откуда? Разве здесь девять пуговочек?». От печени жёлтый цветочек, она называется пижма… Пижма называется, пижма, пуговочками. Она просто растёт веткой и вот пуговочками жёлтенькими. Она высокая. Вот такая. Высока. И вот лапками, пуговочками жёлтыми. Её запаривают только цветки, он печени хорошо. Ну, я не пила от печени. Мне всё лекарство полынь, и людям советую, чтобы полынь пили от печени, они подыхают червячки в печени. Вот так я и лечусь, дочка* (Том. Пет.). *Пижму, это желтоголовник зовут, пью. Это от желудка хорошо, когда печень болит, тоже пью. Она высокая, а сверьху эти… пуговочки жёлтеньки* (Мар. Кирс.). *Пижма… У ей таки пуговочки жёлтые, ага* (без помет). *Ну вот откуда? Разве здесь девять пуговочек?* (без помет).*Что много вот этих вот пуговочков жёлтеньких* (без помет).

Пуговки. ЯМ, уменьш.-ласк. 	**Семена пиона уклоняющегося**, мелкие, словно пуговицы. *Потом знаю марьин корень, или марья-коренья. Этот цветок высокий растёт, цветёт тёмно-красным. Его ещё иногда называют дикий пион. А когда отцветает марьин корень, то семянушки у него как в коробочку запрятаны и похожи на чёрные бусинки. Когда я была девочкой, то собирали эти пуговки и делали себе бусы* (Чебул. Шест.).
Пуговочка. ЯМ, уменьш.-ласк. *Син.* глаз, глазочек 	**Плод травянистого растения вороний глаз** – синевато-чёрная ягода, круглой, как пуговица, формы. *А в лесу он [вороний глаз] есть. Вот така травочка вырастат, сразу розеточка и больша така пуговочка одна* (Том. Яр.).

I. Растения и их части (соцветия, семянки, плоды) сравниваются с пуговицей в связи с их плоской или круглой формой и маленьким размером.

II. **Пу́говица, пу́говка,** стар. *пугвица* (Котошихин 114), укр. *пу́говиця*, др.-русск. *пугъвъ, пугы*, род. п. *-ъве*, сербск.-цслав. *пѫгы, -ъвеи́оїѣмоς*, словен. *pôglica* «булавка, заколка», польск. диал. *pągwica* «пуговица; утолщение на шее у козы, зоб». || Обычно сравнивают с лтш. *puõga, puogs* «пуговица», др.-инд. *puñjas* м. «куча, ком, масса», *puŋgas* «куча, масса» (М. Фасмер).

III. *Пуговица отъемная* – запонка. *Села, как пуговка* – надоедает. С *пуговки на петельку перебивается – кой-как. Пуговицы продаются портищами* (от *порт* – одежда), либо прибором, сколько идет на известную одежду. *И за светлою пуговицей душа (совесть) живет* – как изъятие, о приказных. *У него рожа вытянулась по шестую пуговицу* – от приятной вести. *На него надо кнут с пуговкой* – грозу. *Пуговички золоченые, а три дня не евши. Щеголек, ровно обтяжная пуговица. Рогатой скотины: ухват да мутовка (петух да курица), медной посуды: крест да пуговица. Стой, батальон: пуговку нашел! Марш, марш – без ушка!* – насмешка над гарнизонным начальником (В. Даль).

IV. Изобретение пуговицы относят к древнейшим временам. Пуговицы, найденные при раскопах города Мохенджо-Даро, датируются третьим тысячелетием до новой эры. Изредка пуговицы встречаются и в античных раскопках. Однако в это время пуговицы выполняли другую роль: они использовались в качестве амулетов, оберегов или просто украшений.

С XIII века пуговица снова стала применяться в качестве украшения. Только в XIV веке появилась на одежде петля для пуговиц. В целом же как в Европе, так и на Руси пуговицы долгое время считались принадлежностью определенных сословий, в особенности военных. Для них пуговицы изготавливались из металла, для штатских – в основном из перламутра. С XVIII века пуговицы стали делать из простых материалов: стали, коровьего копыта, древесины. Тем не менее в сознании русского народа пуговица продолжала ассоциироваться с богатыми сословиями, что отражают приведенные выше пословицы.

Словарь этнолингвистического типа призван стать проводником в мир единства языка и духа народа, ментального своеобразия и бытового уклада. Замечательная мысль Й.Л. Вайсгербера о том, что «**ничто так** тесно не связано с судьбой какого-либо народа, чем его язык, и нет более тесной взаимосвязи, чем между народом и его языком» [42. С. 107], ярко иллюстрируется содержанием этнолингвистических словарей.

Условные сокращения грамматических, структурно-семантических и эмоционально-экспрессивных помет

мн. ч. – множественное число
СО – собственно образная лексическая единица
ЯМ – языковая метафора

ласк. – ласкательное
презрит. – презрительное
пренебрежит. – пренебрежительное
снисходит. – снисходительное
увелич. – увеличительное
уменьш. – ласк. – уменьшительно-ласкательное
уменьш.-неодобр. – уменьшительно-неодобрительное
уменьш.-пренебр. – уменьшительно-пренебрежительное
экспр. – экспрессивное

Условные сокращения географических названий

Ас. Н.-Кус. – Асиновский р-н, Ново-Кусково (Томская обл.)
Бакч. Порот. – Бакчарский р-н, Поротниково (Томская обл.)
Зыр. Илов. – Зырянский р-н, Иловка (Томская обл.)
Зыр. Черд. – Зырянский р-н, Чердаты (Томская обл.)
Кем. Бар. – Кемеровский р-н, Барзас (Кемеровская обл.)
Кож. Апт. – Кожевниковский р-н, Аптала (Томская обл.)
Мар. Кирс. – Мариинский р-н, Кирсановка (Кемеровская обл.)
Том. Бат. – Томский р-н, Батурино (Томская обл.)
Том. Н.-Рожд. – Томский р-н, Ново-Рождественка (Томская обл.)
Том. Пет. – Томский р-н, Петухово (Томская обл.)
Том. Яр. – Томский р-н, Ярское (Томская обл.)
Чебул. Шест. – Чебулинский р-н, Шестаково (Кемеровская обл.)
Шег. Бат. – Шегарский р-н, Баткат (Томская обл.)
Шег. Мельн. – Шегарский р-н, Мельниково (Томская обл.)
Яйск. Арыш. – Яйский р-н, Арышево (Кемеровская обл.)
Яйск. Возн. – Яйский р-н, Вознесенка (Томская обл.)
Яшк. Мох. – Яшкинский р-н, Мохово (Кемеровская обл.)
Яшк. Полом. – Яшкинский р-н, Поломошное (Кемеровская обл.)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Оба издания сходны по назначению и типологическим особенностям, но сильно отличаются объемом представленного материала.
[2] Толкованием диалектного фитонима выступает научное наименование растения.
[3] Контексты взяты из «Полного словаря сибирского говора» (1992–1995) и «Словаря образных единиц сибирского говора» (2014), в которых ареальные пометы отсутствуют.

ЛИТЕРАТУРА

1. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1995–2012.
2. Морозов И.А., Слепцова И.С., Островский Е.Б, Смольников С.Н., Минюхина Е.А. Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь. М. : ИЭА РАН, 1997. 432 с.
3. Гилярова Н.Н., Морозов И.А., Слепцова И.С., Чижикова Л.Н. Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь. Рязань : РОНМЦНТ, 2001. 488 с.
4. Телия В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М. : АСТ-Пресс КНИГА, 2006. 784 с.
5. Балдова А.В., Грекова М.В., Живаго Н.А., Юрина Е.А. Словарь русской пищевой метафоры / под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015–2017. Т. 1–2.
6. Банкова Т.Б. Словарь сибирского свадебного обряда. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2018. Т. 1. 198 с.
7. Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Параметры лексикографической интерпретации диалектной фразеологии: лингвокультурологический аспект // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 119–131.
8. Разина А.С. Этнолингвистические, этнодиалектные и лингвокультурологические словари как новый этап лексикографии // Вопросы лексикографии. 2018. № 14. С. 50–67.
9. Шмелев А.Д. Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка? // А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2005. С. 17–24.
10. Арьянова В.Г. Словарь названий частей растений: говоры Среднего Приобья. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2010–2011. 246 с.
11. Анненков Н.И. Ботанический словарь. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1878. 646 с.
12. Бугаев И.В. Краткий словарь народных и научных названий декоративных, лекарственных и пищевых растений : науч.-попул. изд.. Томск : ТМЛ-Пресс, 2008. 208 с.
13. Бугаев И.В. Научные и народные названий растений и грибов : науч.-попул. изд. Томск : ТМЛ-Пресс, 2010. 688 с.
14. Коновалова Н.И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург : НУДО «Межотраслевой образовательный центр», 2000. 233 с.
15. Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006–2008. Т. 1–3.
16. Мороз А.Б. О фольклорности нефольклорного: евангельские события в восприятии современного крестьянина // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2002. С. 31–43.
17. Савенко А.С. Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков. Фитонимы. М. : Ленанд, 2012. 187 с.
18. Мотивационно-сопоставительный словарь наименований растений и птиц: [на материале русского, казахского языков] / под ред. А.Д. Жакуповой. Кокшетау : Келешек-2030, 2013. 256 с.

19. Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А. Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во НТЛ, 1997. 208 с.
20. Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А. Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во НТЛ, 2001. 312 с.
21. Блинова О.И., Юрина Е.А. Словарь образных слов русского языка. Томск : UFO-Plus, 2007. 364 с.
22. Словарь образных единиц сибирского говора / авт.-сост. О.И. Блинова, М.А. Толстова, Е.А. Юрина; под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 220 с.
23. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / под ред. В.В. Палагиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1964–1967. Т. 1–3.
24. Полный словарь сибирского говора / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1992–1995. Т. 1–4.
25. Вершининский словарь / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. Т. 1–7.
26. Блинова О.И., Сыпченко С.В. Мотивационный словарь сибирского говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009–2010.
27. Блинова О.И. Русская диалектология. Лексика : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 133 с.
28. Банкова Т.Б. Об особенностях толкования лексических единиц в диалектном лингвокультурологическом словаре // Вопросы лексикографии. Томск, 2019. № 16. С. 77–91.
29. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М. : Сов. энциклопедия, 1991. 736 с.
30. Даль В.И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка. М. : Астрель ; АСТ ; Транзиткнига, 2005. 348 с.
31. Русский образ жизни / гл. ред. и сост. О.А. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2007. 944 с.
32. Русский народ. Этнографическая энциклопедия / гл. ред. и сост. О.А. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2013. Т. 1–2.
33. Русские: семейный и общественный быт: [сборник статей] / отв. ред. М.М. Громыко, Т.А. Листова. М. : Наука, 1989. 334 с.
34. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М. : Наука, 1991. 511 с.
35. Головкин Б.Н. О чем говорят названия растений. М. : Колос, 1992. 191 с.
36. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М. : Индрик, 1997. 912 с.
37. Белова О.В. «Народная Библия»: восточнославянские этиологические легенды. М. : Индрик, 2004. 575 с.
38. Колосова В.Б. Лексика и символика славянской народной ботаники: этнолингвистический аспект. М. : Индрик, 2009. 350 с.
39. Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века. М. : ЛИБРОКОМ, 2012. 163 с.
40. Сумцов Н.Ф. Народный быт и обряды. М. : Ин-т русской цивилизации, 2014. 688 с.
41. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М. : Академический проект, 2015. Т. 1–3.
42. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа // пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. 2-е изд., испр. и доп. М. : Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
43. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 1986–1987. Т. 1–4.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 июня 2020 г.

The Project of the Linguacultural Dictionary *The World Reflected in the Folk Names of Plants*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 34–45.
DOI: 10.17223/15617793/457/4

Anastasiya S. Razina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: razina-anastasia@yandex.ru

Keywords: linguacultural dictionary; phytonyms; phytomorphonyms; dialect; language metaphor, folk culture.

The article presents the project of the linguacultural dictionary *The World Reflected in the Folk Names of Plants*. The dictionary will continue a series of dictionaries combining linguistic, cultural, and ethnographic information. In addition, the project expands the number of thematic phytonymic dictionaries (dictionaries by N.I. Annenkov (1878); I.V. Bugaev (2008, 2010); N.I. Konovalova (2000); B G. Aryanova (2006–2008); A.S. Savenko (2012); A.D. Zhakupova (2013). The aim of the study was to develop the concept of an ethnolinguistic dictionary of dialect phytonyms and phytomorphonyms, and to think through its macro- and micro-structure. To achieve the aim, a lexicographic method, through modeling and defining, and the basic method of scientific description with its observation, classification and interpretation techniques were used. The main sources of the material were the Russian dialects of the Middle Ob region, which include all-Russian and dialect names of plants, as well as dialect variants of all-Russian names. In terms of the structure, these nominations are univerbs, two-word names, compounds connected by hyphens, by the instrumental of comparison, by comparative phrases. The dictionary is compiled as differential (thematic) and aspectual (metaphorological) project. Linguistic and cultural information permeates its macro- and micro-structure. The macro-structure of the phytonymic dictionary is built by identifying semantic spheres whose objects and phenomena the realities of the plant world are associated with. The entry includes: (1) the headword zone with the associative source of the figurative nomination and phytonyms with the common source of the metaphorical image; the phytonyms have grammatical, structural-semantic and expressive labels; (2) the interpretation of the figurative meaning that explains the basis of the metaphorical relations of the denotation and the source of the figurative name; (3) illustrative contexts that demonstrate real dialect speech; (4) an ethnolinguistic commentary; (5) photographs. The ethnolinguistic commentary contains: (1) a description of the metaphorical model reflected in phytonyms with a single associative basis; (2) the etymology of the lexical donor unit; (3) paroemias and phraseological units that include the associative image; (5) encyclopedic information from the biological field; (4) encyclopedic information about the role of plants and the realities they are compared with in folk culture (folklore, rituals and rituals, the axiological picture of the world of rural residents). An example of a dictionary entry “PUGOVITSA” [Button] is given.

REFERENCES

1. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995–2012) *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar’* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. Vols 1–5. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya.
2. Morozov, I.A. et al. (1997) *Dukhovnaya kul’tura Severnogo Belozer’ya. Etnodialektnyy slovar’* [Spiritual Culture of the Northern Belozerye. Ethnodialect dictionary]. Moscow: Institute of Anthropology and Ethnography RAS.
3. Gilyarova, N.N. et al. (2001) *Ryazanskaya traditsionnaya kul’tura pervoy poloviny XX veka. Shatskiy etnodialektnyy slovar’* [Ryazan Traditional Culture of the First Half of the 20th Century. Shatsk ethnodialect dictionary]. Ryazan: RONMTsNT.

4. Teliya, V.N. (2006) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskiy kommentariy* [Large Phraseological Dictionary of the Russian Language. Value. Use. Cultural commentary]. Moscow: AST-Press KNIGA.
5. Yurina, E.A. (ed.) (2015–2017) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian Food Metaphor]. Vols 1–2. Tomsk: Tomsk State University.
6. Bankova, T.B. (2018) *Slovar' sibirskogo svadebnogo obryada* [Dictionary of the Siberian Wedding Rite]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
7. Gridina, T.A. & Konovalova, N.I. (2017) Lexicographic interpretation of dialectal phraseology: a cultural-linguistic aspect. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 11. pp. 119–131. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/11/8
8. Razina, A.S. (2018) Ethnolinguistic, ethnodialectal and linguacultural dictionaries as a new stage of lexicography. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 14. pp. 50–67. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/14/3
9. Shmelev, A.D. (2005) Mozhno li ponyat' russkuyu kul'turu cherez klyuchevye slova russkogo yazyka? [Is it possible to understand Russian culture through the keywords of the Russian language?]. In: Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B. & Shmelev, A.D. *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Linguistic World View]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 17–24.
10. Ar'yanova, V.G. (2010–2011) *Slovar' nazvaniy chastey rasteniy: govory Srednego Priob'ya* [Dictionary of Plant Parts Names: Dialects of the Middle Ob region]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
11. Annenkov, N.I. (1878) *Botanicheskiy slovar'* [Botanical Dictionary]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.
12. Bugaev, I.V. (2008) *Kratkiy slovar' narodnykh i nauchnykh nazvaniy dekorativnykh, lekarstvennykh i pishchevykh rasteniy* [A Short Dictionary of Folk and Scientific Names of Ornamental, Medicinal and Food Plants]. Tomsk: TML-Press.
13. Bugaev, I.V. (2010) *Nauchnye i narodnye nazvaniy rasteniy i gribov* [Scientific and Folk Names of Plants and Mushrooms]. Tomsk: TML-Press.
14. Konovalova, N.I. (2000) *Slovar' narodnykh nazvaniy rasteniy Urala* [Dictionary of Folk Names of Plants in the Urals]. Yekaterinburg: NUDO "Mezhotraslevoy obrazovatel'nyy tsentr".
15. Ar'yanova, V.G. (2006–2008) *Slovar' fitonimov Srednego Priob'ya* [Dictionary of Phytoonyms of the Middle Ob Region]. Vols 1–3. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
16. Moroz, A.B. (2002) O fol'klornosti nefol'klornogo: evangel'skie sobytiya v vospriyatii sovremennogo krest'yanina [On the Folklore of Non-Folklore: Evangelical events in the perception of a modern peasant]. In: Ivanova, A.A. (ed.) *Aktual'nye problemy polevoy fol'kloristiki* [Actual Problems of Field Folklore Studies]. Moscow: Moscosw State University. pp. 31–43.
17. Savenko, A.S. (2012) *Motivatsionno-sopostavitel'nyy slovar' russkogo i angliyskogo yazykov. Fitonimy* [Motivational Comparative Dictionary of Russian and English. Fitonyms]. Moscow: Lenand.
18. Zhakupova, A.D. (ed.) (2013) *Motivatsionno-sopostavitel'nyy slovar' naimenovaniy rasteniy i ptits: [na materiale russkogo, kazakhskogo yazykov]* [Motivational-Comparative Dictionary of Names of Plants and Birds: [On the material of Russian and Kazakh languages]]. Kokshetau: Keleshek-2030.
19. Blinova, O.I. (ed.) (1997) *Slovar' obraznykh slov i vyrazheniy narodnogo govora* [Dictionary of Figurative Words and Expressions of Folk Dialect]. Tomsk: Izd-vo NTL.
20. Blinova, O.I. (ed.) (2001) *Slovar' obraznykh slov i vyrazheniy narodnogo govora* [Dictionary of Figurative Words and Expressions of Folk Dialect]. Tomsk: Izd-vo NTL.
21. Blinova, O.I. & Yurina, E.A. (2007) *Slovar' obraznykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of Figurative Words of the Russian Language]. Tomsk: UFO-Plus.
22. Blinova, O.I. (ed.) (2014) *Slovar' obraznykh edinits sibirskogo govora* [Dictionary of Figurative Units of the Siberian Dialect]. Tomsk: Tomsk State University.
23. Palagina, V.V. (ed.) (1964–1967) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi* [Dictionary of Russian Old-Timers' Dialects in the Middle Part of the Ob River]. Vols 1–3. Tomsk: Tomsk State University.
24. Blinova, O.I. (ed.) (1992–1995) *Polnyy slovar' sibirskogo govora* [Complete Dictionary of the Siberian Dialect]. Vols 1–4. Tomsk: Tomsk State University.
25. Blinova, O.I. (ed.) (1998–2002) *Vershininskiy slovar'* [Vershinino Dictionary]. Vols 1–7. Tomsk: Tomsk State University.
26. Blinova, O.I. (ed.) (2009–2010) *Motivatsionnyy slovar' sibirskogo govora* [Motivational Dictionary of Siberian Dialect]. Tomsk: Tomsk State University.
27. Blinova, O.I. (1984) *Russkaya dialektologiya. Leksika* [Russian Dialectology. Lexis]. Tomsk: Tomsk State University.
28. Bankova, T.B. (2019) On the peculiarities of the interpretation of lexical units in a dialectic linguocultural dictionary. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 16. pp. 77–91. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/16/5
29. Meletinskiy, E.M. (ed.) (1991) *Mifologicheskiy slovar'* [Mythological Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
30. Dal', V.I. (2005) *Bol'shoy illyustrirovannyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [A Large Illustrated Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Astrel'; AST; Tranzitkniga.
31. Platonov, O.A. (ed.) (2007) *Russkiy obraz zhizni* [Russian Way of Life]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
32. Platonov, O.A. (ed.) (2013) *Russkiy narod. Etnograficheskaya entsiklopediya* [Russian People. Ethnographic Encyclopedia]. Vols 1–2. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
33. Gromyko, M.M. & Listova, T.A. (eds) (1989) *Russkie: semeynyy i obshchestvennyy byt* [Russians: Family and Social Life]. Moscow: Nauka.
34. Zelenin, D.K. (1991) *Vostochnoslavyanskaya etnografiya* [East Slavic Ethnography]. Moscow: Nauka.
35. Golovkin, B.N. (1992) *O chem govoryat nazvaniya rasteniy* [What Plant Names Say]. Moscow: Kolos.
36. Gura, A.V. (1997) *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Animal Symbolism in the Slavic Folk Tradition]. Moscow: Indrik.
37. Belova, O.V. (2004) *"Narodnaya Bibliya": vostochnoslavyanskie etiologicheskie legendy* ["People's Bible": East Slavic Etiological Legends]. Moscow: Indrik.
38. Kolosova, V.B. (2009) *Leksika i simvolika slavyanskoy narodnoy botaniki: etnolingvisticheskiy aspect* [Lexicon and Symbolism of Slavic Folk Botany: Ethnolinguistic aspect]. Moscow: Indrik.
39. Tokarev, S.A. (2012) *Religioznye verovaniya vostochnoslavyanskikh narodov XIX – nachala XX veka* [Religious Beliefs of the East Slavic Peoples of the 19th – Early 20th Centuries]. Moscow: LIBROKOM.
40. Sumtsov, N.F. (2014) *Narodnyy byt i obryady* [Folk Life and Rituals]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
41. Afanas'ev, A.N. (2015) *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predaniy i verovaniy v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugikh rodstvennykh narodov* [Poetic Views of the Slavs on Nature: The Experience of a Comparative Study of Slavic Traditions and Beliefs in Connection with the Mythical Legends of Other Kindred Peoples]. Vols 1–3. Moscow: Akademicheskiy proekt.
42. Weisgerber, J.L. (2004) *Rodnoy yazyk i formirovanie dukha* [Mother Tongue and Mind Formation]. Translated from German by O.A. Radchenko. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS.
43. Vasmer, M. (1986–1987) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vols 1–4. Moscow: Progress.

Received: 24 June 2020

УДК 07.097

Цао Юй

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ И СПЕЦИФИКИ СОВРЕМЕННОГО ДЕТСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ НА УНИВЕРСАЛЬНЫХ КАНАЛАХ[1] КИТАЯ (1992–2018 гг.)

Рассматриваются особенности развития детского телевидения на универсальных каналах Китая до и после появления специализированных детских телеканалов. Анализируются жанрово-форматная структура, особенности тематики и программирования. Сравнение показало, что в «период каналов» количество детских передач у универсальных вещателей уменьшилось, их программирование больше не рассчитано только на детскую аудиторию, основная функция – развлечение, при проектировании используются разнообразные жанры.

Ключевые слова: детское телевидение; телевидение Китая; история китайского ТВ; жанр; формат; универсальные телеканалы; специализированные телеканалы; телевизионная программа.

Детское телевидение в структуре телевизионного вещания Китая: этапы развития

В 2018 г. китайское телевидение отметило 60-летний юбилей. В КНР это электронное медиа прошло трудный и богатый событиями путь развития. С начала все китайские телеканалы принадлежали государству. Сегодня согласно «Четырехуровневой Телевизионной Системе» структура телевидения в Китае состоит из центральных (CCTV), региональных, городских и районных телевизионных станций. В Китае сосуществуют 1 230 бесплатных центральных и региональных (универсальных и специализированных) каналов, 2 016 универсальных районных каналов и 124 платных специализированных канала. Охват кабельного телевидения в Китае составляет 82,2%. В среднем жители Китая могут принимать сигналы 75 каналов, среди них 198 млн пользователей цифрового телевидения [1].

Практически сразу на телевидении появились детские телепрограммы. 29 мая 1958 г. CCTV показало детскую передачу «Два глупых медведя» и несколько песен и танцев для детей [2]. И в том же году на телеканале CCTV уже была создана рубрика для детской аудитории «Детская программа». Далее открылись шанхайский и харбинский телеканалы. На них также транслировались детские песни, танцы, кукольные представления и другие программы для детей. Однако с начала «культурной революции» работа китайских телеканалов стала в большей степени направлена на политическую пропаганду, многие программы, в том числе детские, были закрыты из-за того, что считались передачами, пропагандирующими капиталистические ценности. Однако после созыва третьего пленарного заседания одиннадцатого Центрального комитета в 1978 г. телевещание Китая вернулось на прежний путь развития. После оформления «Четырехуровневой Телевизионной Системы», кроме трансляции детских программам каналом CCTV, были запущены собственные передачи для детей на региональных и городских каналах [3].

Период стремительного развития детского контента пришелся на 1990-е гг.: начинается так называемый период программ [4]. Появилось много популярных детских передач на универсальных каналах, таких как «Вертушка» на CCTV, «Золотые годы» на Гуандунском, «Счастливые дети» на Шанхайском телеканале, «Лунная лодка» на канале Тяньцзини и многие другие [5]. По мере роста популярности таких программ возникает потребность в специализированных детских телеканалах. Запуск детского канала на Центральной телестанции (28 декабря 2003 г.) вызвал появление множества новых специализированных детских телеканалов, изменился контент универсальных вещателей [6]. Этот период мы будем называть «период каналов».

В данной статье сравниваются наиболее популярные детские программы «периода программ» и «периода каналов». На наш взгляд, изучить жанрово-форматные, тематические, аудиторные особенности детского телевидения в период его активного становления («период программ»), а также сравнить с контентом современного этапа («период каналов»), выявить тенденции развития – задача чрезвычайно интересная, имеющая практическую и теоретическую значимость. В статье вводится богатый теоретический материал, дается анализ того, как изменилась специфика детского телевещания на китайских универсальных каналах, выявляются тенденции проектирования и программирования данных программ.

Проблемы разработки методологии и сбора эмпирического материала

Ценная часть данного исследования – его эмпирическая база и методология. Подбор материала для анализа «периода программ» сопровождался определенными трудностями. На сегодняшний день в архивах осталось не так много детских телепередач ранних этапов (1958–1980 гг.). В период активного развития детского контента (1980–2000 гг.), когда ежегодно появлялось большое количество новых интересных проектов, также не все значимые программы были сохранены. Из-за неполноты эмпирической базы работы китайских ученых о детском телевидении ограничиваются анализом отдельных программам [6], трудами в области психологии (в частности, о влиянии телевидения на детей) [7–9], а также изучением зарубежного детского телевидения (в Европе и Соединенных Штатах Америки) [10, 11]. С началом масштабного развития специализированных каналов исследования были направлены преимущественно на рассмотрение тенденций в деятельности телевизионных каналов [12–14]. Изучение жанрово-форматной

структуры, тематической специфики детского вещания на китайских универсальных каналах могло бы восполнить пробел как в российском, так и в китайском теоретическом поле. Кроме того, чрезвычайно важно проанализировать изменения, произошедшие в детском контенте на универсальных телеканалах после появления специализированного вещания.

В ходе работы с эмпирическим материалом автор данной статьи изучила научные работы по истории телевидения Китая. Данная тема хорошо освещена в различных исследованиях: например, можно познакомиться с трудами по истории каналов каждой провинции. Среди наиболее известных книг – «30-летний юбилей телестанции Сычуань» [15], «Телестанция Цзянсу» (серия из ста томов по истории современного китайского телевидения) [16], «Воспоминания о телестанции Хубэй» [17]. Кроме этого, проанализированы 34 региональные хроники (отдельные тома энциклопедии регионального радио и телевидения). В них входят «Региональные хроники провинции Гуйчжоу» [18], «Региональные хроники автономного округа Нинся» [19] и другие, соответствующие каждому региону Китая. Также были изучены ежегодные обзоры (с 1986 по 2016 г.) развития китайского радио и ТВ, опубликованные в «Ежегоднике радио и телевидения Китая» [20]. Именно по этим источникам анализировались передачи, выходившие в эфир до 2003 г.

Таким образом, эмпирической базой исследования стали данные 97 программ на 34 каналах, вышедшие в эфир в период 1991–2003 гг., и 29 программ на 33 провинциальных специализированных каналах, вышедшие в эфир летом 2018 г.

В классификации жанрово-форматной структуры телевизионного эфира мы основывались на российской теории телевизионной журналистики, так как китайская теория не рассматривает понятия «жанр» и «формат» как отдельные (Сун Маофан в 1997 г.) [21], (Лин Хуэй в 2001 г.) [22]. Такая терминологическая неразграниченность объясняется в работе китайских ученых Чжан Ясина и Фу Сяогуана: «…способ градации телевизионных программ должен отличаться друг от друга из-за их разной практической применяемости в стране» [23]. Именно поэтому, когда говорится о жанрах и тематике, китайские ученые вместо этих слов обычно употребляют термин «тип». Классификации, существующие в Китае, совмещают разные типы телевизионного контента. Например, «разговорная» программа считается отдельным типом, но она же входит в тип развлекательных программ – границы типов в Китае выделены нечетко. Большое количество передач, выходящих на различных телевизионных станциях, приводит к трудностям в их типологизации и к проблемам в их четком разделении на жанры. В связи с этим анализ жанрово-форматной структуры детского телевизионного вещания в данном исследовании основывается на теории, изложенной в советских и российских работах по телевизионной журналистике: Р.А. Борецкого [24], Э.Г. Багирова [25], Ю.И. Долговой, Г.В. Перипечиной [26], С.Н. Ильченко [27].

В начале исследования были выделены следующие жанры и форматы: тележурнал, телесериал, викторина, реалити-шоу, ток-шоу, художественный фильм, беседа, информационная программа, телешоу, документальный фильм и конкурс. Также при анализе телевизионного контента автор определила особенности тематики и аудитории изучаемых передач.

Детские программы на универсальных каналах до масштабного появления детских каналов (1992–2003 гг.)

В течение долгого времени в Китае господствовали универсальные каналы. В 1990-е гг. почти все они выпускали детские программы. Из-за технических ограничений сигнала большинство передач могли принимать жители только той провинции, где вещала сама станция. Однако после развития спутникового вещания некоторые провинциальные каналы начали также выпускать свои программы для детей по всей стране.

Состояние детского телевидения в этот период значительно улучшилось, что, безусловно, отразилось на увеличении количества программ. Детский контент на CCTV охватывал детскую аудиторию всех возрастов, благодаря этому канал сумел увеличить инвестиции и улучшить качество мультфильмов. Количество китайских, отечественных мультиков впервые превзошло импортные по объему в сетке вещания. Детские программы на CCTV пользовались большой популярностью. По статистике, в 1999 г. 99,3% детей в Китае предпочитали смотреть детский тележурнал «Вертушка», выходящий на канале CCTV [28]. В общей сложности в 1994 г. 200 провинциальных и мультипликационных телеканалов транслировали детские программы в Китае, это 26,1% от всех телеканалов. Телевизионные программы для детей транслировались как провинциальными, так и крупными городскими телеканалами каждый день перед прайм-таймом [29].

Автор проанализировала «Ежегодник китайского радиотелевещания» и заметила, что на региональных телеканалах с 1991 до 2003 г. появилась 71 новая детская программа. Эти программы пользовались большой популярностью сразу же после их появления в эфире.

После анализа работы Центрального телевидения Китая и отдельных провинциальных каналов были выделены наиболее популярные у детской аудитории передачи (основной критерий при отборе – объем аудитории), проанализированы их жанрово-форматные особенности, целевая аудитория, специфика тематики.

На основе изученных автором данных можно выделить несколько особенностей детского телевидения на универсальных каналах Китая «периода программ» (см. подробнее в табл. 1):

1. Наиболее популярный формат – тележурнал с различными рубриками. Это такие познавательно-развлекательные программы, как «Вертушка», «Чжэцзянское детское TV» и другие (табл. 1).

2. Много внимания уделялось искусству в различных его формах. Дошкольникам и школьникам предлагались для просмотра эстрадные номера, миниатюры, опера, а также передачи о литературе и живописи.

Таблица 1

Наиболее популярные передачи для детей на центральных и провинциальных универсальных телеканалах Китая (1991–2003 гг.)

Название	Формат	Хронометраж	Целевая аудитория	Периодичность	Содержание
«Город мультиков»	Тележурнал	30 мин	–	Понедельник – суббота	В программе демонстрировались различные мультфильмы и кукольные фильмы
«Танграм»	Тележурнал	45 мин	Дети до 6 лет	По вторникам	В программу входили разнообразные рубрики: познавательные рассказы, музыкальные игры, рассказы о детях и родителях и др.
«Маленький микрофон»	Тележурнал	30 мин	Дети от 6 до 14 лет	По будням	Программа была насыщена разнообразным контентом: рассказы, советы по рукоделию, песни и танцы
«Солнечный город»	Тележурнал	–	Учащиеся начальной и средней школы	По будням	В программе демонстрировалась повседневная жизнь учащихся начальной и средней школы
«Молодые всходы»	Тележурнал	–	Дошкольники, учащиеся начальной и средней школы	–	В программу входили 2–3 рубрики, в них обсуждали ежедневные дела, которыми заняты дети. В ходе программы давались научные знания, в студию приглашали знаменитостей
«Лодка Луны»	Тележурнал	30 мин	Дети в возрасте от 3 до 8 лет	–	В программу входили отдельные познавательные рубрики
«Чжэцзянское детское TV»	Тележурнал	20–30 мин	–	Будние дни	Программа состояла из новостей для детей, игр и пр.
«Детский театр»	Программа	100 мин	–	Выходные	В этой программе выступали различные труппы (эстрада, цирк, музыка и кукольный театр)
«Солнечный ветер»	Тележурнал	25 мин	–	Суббота, повтор по вторникам	Игровые рубрики, музыкальные номера, основы научных знаний
«Колокол рассказов»	Драматургия	10 мин	Дошкольники	Будние дни	Дошкольники слушали рассказы, сами придумывали истории, исполняли роли в них
«Вертушка»	Тележурнал	40 мин	Дети в возрасте 7–12 лет	По будням	Игра, рубрики со специальными темами
«Одуванчик»	Тележурнал	10 мин	Дошкольники	Ежедневно	Программа знакомила детей с различными видами искусства: музыкой, танцами, литературой, оперой и живописью
«Смотрите вместе с папой и мамой»	Тележурнал	10 мин	–	По будням	В программе обсуждали проблемные вопросы, отношения с родителями, а также приглашали родителей с детьми участвовать в играх
«Веселые острова»	Программа	–	–	–	Популярная художественная миниатюра. Главные герои – собака и орангутанг

3. Игра – важный элемент на китайском детском телевидении. Дети играли друг с другом, с игрушками, родителями, получая необходимые знания и навыки.

4. Следует отметить небольшой хронометраж передач. Детские программы на универсальных каналах занимали обычно 30–40 мин[2] по будням. Однако существовали исключения: «Колокол рассказов» и «Одуванчик» шли только 10 мин.

5. Программы выходили в эфир обычно с 17:00 до 19:00 (кроме передачи «Детский театр»), что соответствовало распорядку дня китайских детей – в это время они возвращались домой.

Что касается жанрово-форматной структуры детского телевещания, большой популярность пользовались передачи, сделанные в формате тележурнала, второе и третье место занимали, соответственно, мультфильмы и телесериалы.

Детские программы на универсальных каналах после масштабного появления детских каналов

8 сентября 1999 г. в Китае появился первый специализированный детский телеканал – «Наньфан-дети».

Но только через год Центральная телестанция начала предпринимать попытки создать собственный специальный детский канал. Телестанция транслировала передачу под названием «Наш век», которая шла 12 ч. Эту «попытку» называют «открытием дверей» [30]. Центральная телестанция официально запустила специальный детский канал 28 декабря 2003 г. Канал был ориентирован на аудиторию до 18 лет. Контент включал 22 программы, эфирное время составляло 18 ч 30 мин каждый день [2].

До 2004 г. детские программы выпускались на 90 каналах региональных и административных центров и на 246 городских телевизионных станциях [1]. Но в связи с развитием специализированных детских каналов с 2004 г. телестанции начинают перемещать детские программы с универсальных каналов на специализированные. По этой причине количество детских программ на универсальных каналах резко сокращается. В 2006 г. насчитывается более 3 тыс. телевизионных станций (проводных и беспроводных). Было выпущено более тысячи программ, общий объем еженедельного вещания – десятки тысяч часов, а программы для детской аудитории на универсальных каналах составили только 6% от общего количества детских программ. На многих каналах детские передачи исчезли [31]. До 2016 г. в Китае вещало 42 специализированных детских канала: 34 провинциальных и городских, 4 мультипликационных и 4 платных [6]. В ходе исследования были изучены наиболее популярные детские программы лета 2018 г., их жанрово-форматная структура, темы, аудитория, а также особенности программирования. При проведении исследования часть передач автор проанализировала методом включенного наблюдения.

Таблица 2

Детские программы на провинциальных универсальных каналах (по данным 2018 г.)[3]

Программа	Жанр	Хронометраж	Целевая аудитория	Периодичность	Содержание
«Фантастический город науки»	Викторина и телешоу	45 мин	Дети и их родители	Вторник	Эксперты проводят вместе с детьми научные эксперименты
«Маленькие знаменитости китайской науки»	Викторина	60 мин	Учащиеся средней школы	По средам (в телевизионный сезон с августа до конца октября)	Игроки отвечают на вопросы о китайской литературе и культуре. Побеждает тот, кто быстрее отвечает
«Мир модных детей»	Беседа	30 мин	4–6 лет	Пятница	Ведущий общается с детьми и демонстрирует их таланты
«Супер просто»	Викторина и реалити-шоу	60 мин	Учащиеся начальной школы	Четверг	Программа сочетает викторину и реалити-шоу. В викторине дети отвечают на вопросы о литературе, а в рубрике реалити-шоу выполняют задания
«Отличный ребенок»	Ток-шоу	55 мин	Дети и их родители	По воскресеньям (в телевизионный сезон с июня по октябрь)	Дети демонстрируют свои уникальные способности, беседуют с ведущим и гостями
«Тот же класс»	Реалити-шоу	50 мин	Учащиеся начальной школы	По воскресеньям (в сезон с 27.05 по 05.08)	Знаменитости ведут занятия в школе
«Знание – это сила»	Ток-шоу	40 мин	Для всех	По субботам (в сезон с июня по октябрь)	Ведущий рассматривает разные проблемы, с которыми люди сталкиваются в жизни
«Яркий голос детей»	Конкурс	47 мин	Дети и подростки	Вторник	Дети читают стихи и показывают свои таланты, их оценивают эксперты

Как видно из табл. 2, детский контент на универсальных каналах значительно изменился. При создании программ продюсеры не следуют традициям прошлого века: исчез из сетки вещания такой формат, как тележурнал. Среди популярных передач на всех каналах (провинций, городов центрального подчинения и автономных районов Китая) была выявлена только одна конкурсная программа, одна телевизионная викторина и одна передача в жанре беседы. Большой популярностью пользуются ток-шоу и реалити-шоу.

В этот период развивается тенденция сезонного программирования контента, меняется целевая аудитория детских телепрограмм: если ранее обращали внимание только на детей, то сейчас программы создаются и с учетом интересов родителей. Кроме того, в ходе исследования мы заметили, что мультфильмы доминируют на многих каналах и занимают устойчивую позицию на универсальных.

Следует отметить еще два явления, которые нельзя проигнорировать. Во-первых, среди детских передач превалируют программы литературной и культурной направленности. Первая такая программа появилась в 2017 г., она сразу же стала популярной. После этого на

других каналах стали появляться похожие проекты. Во-вторых, детские программы стоят в программной сетке обычно в прайм-тайм (19:00 – 21:00), но дети в Китае смотрят телевизор перед ужином (с 17:00 до 19.00) – до начала прайм-тайма. Таким образом, при программировании детского контента на универсальных телеканалах не учитывается режим дня юных телезрителей.

Заключение

Сравнительный анализ жанрово-форматной структуры, аудиторной и тематической специфики детского контента «периода программ» и «периода каналов» показал существенные изменения, произошедшие в данном поле.

Исследование позволило выявить, что количество детских передач на универсальных каналах Китая снизилось по сравнению с предыдущим периодом: на двух изучаемых каналах вообще нет программ для детей – на универсальном канале телестанции Пекина и телестанции Хунань. У них, однако, есть специализированные детские каналы «Ка Ку»（卡酷） и «Динин» （金鹰）.

Кроме того, исследование показало, что основной аудиторией этих каналов уже не являются дети. Можно предположить, что контент, близкий к детскому, стоит в данном тайм-слоте на универсальных телевизионных каналах для того, чтобы сохранить долю на рынке и привлечь больше взрослых зрителей в прайм-тайм. Телевизионные продюсеры не обращают внимание на качество программ и потребности детской аудитории, так что содержание программ больше направлено на развлечение, поэтому сейчас основной контент – это мультфильмы.

В ходе исследования были выявлены и позитивные изменения. В «период программ» передачи были более однообразны (с точки зрения жанрово-форматной структуры): детские передачи выходили в основном в формате журнала. В «период каналов» детский контент стал более разнообразным, в эфир стали выходить такие новые жанры, как ток-шоу, реалити-шоу и др.

Сегодня новые технологии (в частности, спутниковое вещание) гарантировали универсальным каналам охват большой аудитории, улучшили качество сигнала. С появлением специализированных телеканалов детское телевидение начало стремительно развиваться. Под влиянием специализированных детских каналов программы для детей на универсальных прошли путь больших изменений и после временного упадка опять завоевывают интерес телезрителей. Однако чтобы достигнуть это, каналы увеличили долю развлекательных программ, оставив на втором плане воспитательные задачи телевещания, именно поэтому мультфильмы стали основным программным контентом для большинства универсальных каналов. Несмотря на развитие жанрово-форматной структуры и улучшение контента по сравнению с «периодом программ», универсальные каналы сегодня выделили меньше времени на программы для детской аудитории, а на многих до сих пор отсутствует четкая ориентация контента для разных возрастных групп. Автор полагает, что возвращение телевизионному контенту на универсальных вещателях воспитательных задач, а также его программирование в интересах детской аудитории могли бы позитивно сказаться на эффективности функционирования детского телевидения как социального института и коммерческого предприятия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Это каналы, в сетке вещания которых присутствуют программы разной тематики (новостные, спортивные, развлекательные и т.д.), они предназначены для разной аудитории.

[2] Хронометраж передач для взрослой аудитории в Китае разный, большинство из них идет примерно 60 мин, а развлекательные еще дольше. Например, самая известная программа «Жизнь искусства» длится 50 мин, развлекательная программа «Бегите, братья!» – 100 мин.

[3] Особенность телевизионного программирования в Китае – специфическая сезонность. Например, передачу (или фильм) начинают показывать несколько раз в августе – это её первый сезон, затем после перерыва показ этой же передачи (или фильма) возобновляют – это второй сезон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Главное государственное управление по делам радиовещания и телевидения КНР http://www.nrta.gov.cn/art/2018/10/20/art_2178_39216.html
2. Чжао Хуаион. История развития центральной телестанции Китая (1998–2008). Пекин : Изд-во. Радио-Телевещания Китая, 2008. 1098 с. 《中央电视台发展史》（1998–2008）.赵化勇主编. – 北京. 中国广播电视出版社. 2008. 1098 с.
3. Яо Юйон, Ян Юся. Анализ развития детских телепрограмм в Китае // Вестник Ляонинского педагогического университета (серия общественных наук). 2006. Т. 29, № 5. С. 109–111. 姚汝勇,杨玉霞. 我国儿童电视节目发展历程探析// 辽宁师范大学(社会科学版). 2006. Т. 29, № 5. Р. 109–111.
4. Цзя Руо, Ван Инин, Чжан Вэй. Сравнительное исследование детских телепрограмм в Китае и Канаде // Медиа. 2016. № 03. С. 68–71. 贾若, 王以宁, 张玮. 中国与加拿大儿童电视节目的比较研究//《传媒》. 2016. № 03. Р. 68–71.
5. Цао Юй. Структура и специфика современного детского телевидения на специализированных каналах Китая // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: филология. Журналистика. 2019. № 1. С. 169–171.
6. Ван Юй. Очерк развития детских каналов // Исследование новых медиа. 2016. № 7. С. 137–138. 王昱. 少儿电视频道发展历程概述 //《新媒体研究》. 2016. № 7. Р. 137–138.
7. Сон И. Анализ использования и удовлетворенности детей на телевидении на примере «Вертушки» на детском канале CCTV // Исследования ТВ. 2008. № 06. С. 18–19. 宋毅. 儿童对电视的使用与满足分析——以中央电视台少儿频道《大风车》为例 //《电视研究》. 2008. № 06. Р. 18–19.
8. Янь Цзысон. Влияние эстрадных телевизионных программ на взросление детей и подростков // Редактирование и писание. 2016. (000),004. С. 109–110. 闫自松.综艺类电视节目对青少年儿童成长的影响 //《采编写》. 2016(000),004. Р. 109–110.
9. Юань Хунчжоу. Развлекательная и образовательная программа для детей. На примере программы «Шоу Фань Мылэ» //Современная

аудиовизуальность. 2013. № 07. С. 49–51. 袁宏舟. 儿童节目的娱乐性和教育性——以深圳卫视《饭没了秀》为例 //《现代视听》. 2013. № 07. P. 49–51.
10. Пу Вы. Детское телевидение: Кто субъект? К вопросу о зрелости детского телевидения в Китае // Новости и коммуникационные исследования.1998. 5(2). С. 13–24. 卜卫. 儿童电视 : 谁是主体？——兼论我国儿童电视成人化问题 //《新闻与传播研究》. 1998. 5 (2). P. 3–24.
11. Во Цзяньчжун. Влияние телевидения на развитие детей // Телевизионные исследования. 2004. № 1. С. 17–19. 沃建中. 电视对儿童成长的影响 //《电视研究》. 2004. № 1. P. 17–19.
12. Ли Шэнчжи. Закон о регулировании американских детских телевизионных программ // ТВ Китая. 2010. № 10. С. 80–85; 李盛之. 美国儿童电视节目法律规制初探 //《中国电视》. 2010. № 10. P. 80–85.
13. Цао Ян. Исследование формы детского телешоу. На примере канала CCTV и программ на американских и европейских каналах // О молодости. 2010. № 05. С. 52. 曹洋. 儿童电视节目形态初探 —以 CCTV 少儿频道和欧美少儿节目为例 //《青年记者》. 2010. № 05. P. 52.
14. Юй Пэйся. Новое направление детского телевидения в мире // Китайское радио и телевидение. 2001. № 05. 13–16. 余培侠. 世界儿童电视的新走向 //《中国广播电视学刊》. 2001. № 5. P. 13–16.
15. 30-летний юбилей телестанции Сычуань. Редакционный комитет книги. 1990. 四川电视台 30 周年编委会. 四川电视台 30 周年. 1990.
16. Телестанция Цзянсу (серия из ста томов книг о современном китайском телевидении) / под ред. авторов книги. Пекин : Изд-во радио и телевидения Китая. Май. 1998. 当代中国广播电视白卷丛书 : 江苏电视台卷. «江苏电视台卷»编委会. – 北京 : 中国广播电视出版社. 1998.
17. Воспоминания о телестанции Хубэй / под ред. Тан Тао. Пекин : Издательство радио и телевидения Китая. Ноябрь. 2000. 夏润 : 湖北电视台回忆录. 唐源涛主编. – 北京 : 中国广播电视出版社. 2000.
18. Региональные хроники провинции Гуйчжоу (тома о радио и телевидении). Гуйян : Народное изд-во Гуйчжоу. Май. 1999. 贵州省志 : 广播电视志. 黄世雄主编. – 贵阳 : 贵州人民出版社. 1999.
19. Региональные хроники автономного округа Нинся (тома о культуре). Пекин : Изд-во Фанчжи. Октябрь. 2009. 宁夏通志 : 文化志. 宁夏通志编纂委员会. – 北京 : 方志出版社. 2009.
20. Ежегодник радиотелевещания Китая / Под ред. авторов книги. Пекин : Изд-во радио и телевидения Китая (с 1986 по 2016 гг.) 中国广播电视年鉴. 广播影视部«中国广播电视年鉴»编委会. – 北京 : 中国广播电视出版社.
21. Сун Маофан. О жанре телевидения // Исследования народного искусства. 1997. № 1. С. 3–12. 森茂芳. 电视体裁论 //《民族艺术研究》. 1997. № 1. P. 3–12.
22. Лин Хуэй. Типология – неизбежная дорога развития китайского телевидения // Журналист. 2001. № 9. С. 26–29. 林晖. 类型化——中国广播电视发展的必由之路 //《新闻界》. 2001. №（09）. P. 26–29.
23. Чжан Ясин, Фу Сяогуан. Введение в телевизионную журналистику. Пекин : Изд-во Университета средств массовых информации Китая, 2015. 电视概论》. 张雅欣, 付晓光.–北京. 中国传媒大学出版社. 2015.
24. Багиров Э.Г. Жанры телевидения. М. : Гос. ком. по рад. и тел. при СМ СССР. Науч.-метод. отд., 1967.
25. Борецкий Р.А. Информационные жанры телевидения. М. : Гос. ком. по рад. и тел. при СМ СССР. Науч.-метод. отд., 1961.
26. Долгова Ю.И., Перипечина Г.В. (ред.) Телевизионная журналистика. М. : Аспект Пресс, 2019.
27. Ильченко С.Н. Отечественное телевидение на рубеже веков. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2009.
28. Яотянь У. «На завтра» – сравнение детских программ в Китае и в некоторые развитых странах // Китайское ТВ. 1999. № 1. С. 16–18. 武耀天. 为了明天 — 我国与一些经济发达国家儿童电视节目比较思考. // «中国电视». 1999. № 1. P. 16–18.
29. Чжан Жуйхуа. Несколько мнений о детских программах // Современное телевидение. 2004. № 6. С. 36–37. 张瑞华. 对儿童节目的几点思考. //«当代电视». 2004. № 6. P. 36–37.
30. Официальный сайт CCTV: http://www.cctv.com/kids/special/C11388/20040224/100621.shtml
31. Официальный сайт исследовательской компании «CSM»: http://www.csm.com.cn

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 марта 2020 г.

Transformation of the Structure and Features of Children's Television on the Generalist Channels of China (1992–2018)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 46–52.
DOI: 10.17223/15617793/457/5

Cao Yu, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: cao.yu@mail.ru

Keywords: children's television; Chinese television; history of Chinese TV; genre; format; generalist channels; specialized channels; TV programme.

This article analyses the transformation of children's television programmes on generalist channels in China. This type of content is an insufficiently studied phenomenon since not so many programmes of the early stages of Chinese television (1958–1980) remained in archives and many interesting projects of the "period of programmes" were not preserved either. That is why modern researchers mostly study contemporary children's specialised broadcasters and foreign content. In the course of the research, the author analyses the place of children's broadcasting in the Chinese television system: examines the history of the development of children's TV programmes and offers its periodisation. In each period (the "period of programmes" and the current "period of channels"), the author compares the genre, format, topic and audience features of the most popular programmes and the specifics of their placement in the broadcast grid. The empirical basis of the study includes the most popular TV shows in the "period of programmes" (1991–2003) and the highest-rating shows in the summer of 2018 in the "period of channels". The author concludes that before the appearance of specialised children's TV in China, children's programmes on generalist channels were more diverse in terms of topics. They mostly realised educational goals and were targeted at children of all age groups. The most common were game formats and magazine shows. The programmes lasted 30 to 40 minutes and paid great attention to science and art. The broadcast programming took into account interests of the children's audience (programmes were broadcast from 5 p.m. to 7 p.m.). After the appearance of specialized TV channels in the Chinese media system, the number of children's programmes on generalist channels has been reduced, the specifics of the genre, format, topic, target audience and broadcast programming have changed. Now TV journalists intend their content not only to children, but also to parents; programmes are placed mostly in prime time and this time-slot does not completely correspond to the rhythm of children's life. Nevertheless, genres and formats that journalists of children's television use have become more diverse. The most common types of programmes are talk shows and reality shows. One can say that children's broadcasting on generalist channels is mostly entertainment-oriented. The author believes that the return of the educational function to the modern children's content on generalist TV channels and its broadcast programming with a focus on interests of young audience would have a positive impact on Chinese children's television.

REFERENCES

1. *Official website of the Main State Administration for Broadcasting and Television of the PRC.* [Online] Available from: http://www.nrta.gov.cn/art/2018/10/20/art_2178_39216.html.
2. Zhao Huayong. (2008) *Dian shi tai fa zhan shi (1998–2008)* [The history about the development of CCTV (1998–2008)]. Beijing.: Zhong guo guang bo dian shi chu ban she.
3. Yao Ruyong & Yang Yuxia. (2006) *Wo guo er tong dian shi fa zhan li cheng tan xi* [Analysis of the development of children's television programs in China]. *Liao ning shi fan da xue (she hui ke xue ban)*. 29 (5). pp. 109–111.
4. Jia Ruo, Wang Yining & Zhang Wei. (2016) *Zhong guo yu jia na da er tong dian shi jie mu bi jiao yan jiu* [A comparative study of children's television programs in China and Canada]. *Chuan mei*. 03. pp. 68–71.
5. Cao Yu. (2019) Structure and Specifics of Modern Children's Television, Specialized Channels in China. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. 1. pp.169–171. (In Russian).
6. Wang Yu. (2016) Shao er dian shi ping dao fa zhan li cheng gai shu [The summary of development of children's channels]. *Xin mei ti yan jiu.* 7. pp. 137–138.
7. Song Yi. (2008) Er tong dui dian shi de shi yong yu man zu fen xi – Yi zhong yang dian shi tai shao er ping dao "Da feng che" wei li [Analysis of Children's Use and Satisfaction of TV. A case study of the program "The Big Windmill" of CCTV Children's Channel. *Dian shi yan jiu.* 06. pp. 18–19.
8. Yan Zisong. (2016) Zong yi lei jie mu dui qing shao nian er tong cheng zhang de ying xiang [The impact of variety TV programs on the growth of young children]. *Cai bian xie*. (000),004. pp. 109–110.
9. Yuan Hongzhou. (2013) Er tong jie mu de yu le xing he jiao yu xing – Yi shen zhen wei shi "Fan Meile xiu" wei li [The entertainment and education of children's programs. A case study of the program "Fan Meile Show" of Shenzhen TV]. *Xian dai shi ting*. 07. pp. 49–51.
10. Pu Wei. (1998) Er tong dian shi: shei shi zhu ti? – Jian lun wo guo er tong dian shi cheng ren hua wen ti [TV for Children: Who is Principal Part? On the Maturity on the Chinese TV for Children]. *Journalism & Communication*. 5 (2). pp. 13–24.
11. Wo Jianzhong. (2004) Dian shi yu er tong cheng zhang de ying xiang [The effect of television on children's development]. *Dian shi yan jiu*. 1. pp. 17–19.
12. Li Shengzhi. (2010) Mei guo er tong dian shi jie mu fa lv gui zhi chu tan [A preliminary study on the legal regulation of children's TV programs in the United States]. *Zhong guo dian shi.* 10. pp. 80–85.
13. Cao Yang. (2010) Er tong dian shi jie mu xing tai chu tan – Yi CCTV shao er ping dao he ou mei shao er jie mu wei li [A preliminary study on the form of children's TV programs. A case study of children's programs on the CCTV children's channel and children's programs in Europe and America]. *Qing nian ji zhe*. 5. p. 52.
14. Yu Peixia. (2001) Shi jie er tong dian shi de xin zou xiang [The new trend of children's TV in the world]. *Zhong guo guang bo dian shi xue kan*. 5. pp.13–16.
15. Book Editorial Committee. (1990) *Si chuan dian shi tai 30 zhou nian* [30th anniversary of the Sichuan television station]. Book Editorial Committee.
16. Zhong guo guang bo dian shi chu ban she. (1998) *Jia su dian shi tai (Dang dai Zhong guo guang bo dian shi bai juan cong shu)* [Jiangsu TV Station (A series of one hundred volumes of books of modern Chinese television)]. Beijing: Zhong guo guang bo dian shi chu ban she.
17. Tang Tao. (ed.) (2020) *Xia run: hui bei dian shi tai hui yi lu. Tang tao zhu bian* [Memoirs of the Hubei TV Station]. Beijing: Press of Chinese Radio and Television.
18. Gui zhou ren min chu ban she. (1999) *Gui zhou shen zhi (guang bo dian shi zhi)* [Regional Chronicles of Guizhou Province (volumes on radio and television)]. Gui yang: Gui zhou ren min chu ban she.
19. Fanzhi. (2009) *Ning xia tong zhi: wen hua zhi. Ning xia tong zhi bian wei hui* [Regional chronicles of the Ningxia Autonomous Region (cultural volumes)]. Beijing: Fanzhi.
20. China Radio and Television Publishing House. (1986–2016) *Zhong guo guang bo dian shi nian jian (1986–2016)* [China Broadcasting Yearbook (1986–2016)]. Beijing: China Radio and Television Publishing House.
21. Song Maofang. (1997) Dian shi ti cai lun [The genre of television]. *Studies of national art.* 1. pp. 3–12.
22. Lin Hui. (2001) Lei xing hua – Zhong guo guang bo dian shi fa zhan de bi you zhi lu [Typology: The inevitable road of development of Chinese television]. *Xin wen jie.* 9. pp. 26–29.
23. Zhang Yasin & Fu Xiaoguang. (2015) *Dian shi gai lun* [Introduction to television journalism]. Beijing.: Zhong guo chuan mei da xue chu ban she.
24. Bagirov, E.G. (ed.) (1967) *Zhanry televideniya* [Television genres]. Moscow: Gos. kom. po rad. i tel. pri SM SSSR. Nauch.-metod. otd.
25. Boretskiy, R.A. (1961) *Informatsionnye zhanry televideniya* [Information genres of television]. Moscow: Gos. kom. po rad. i tel. pri SM SSSR. Nauch.-metod. otd.
26. Dolgova, Yu.I. & Peripechina, G.V. (eds) (2019) *Televizionnaya zhurnalistika* [Television journalism]. Moscow: Aspekt Press.
27. Il'ichenko, S.N. (2009) *Otechestvennoe televidenie na rubezhe vekov* [Domestic television at the turn of the century]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
28. Wu Yaotian. (1999) Wei le ming tian – Wo guo yu yi xie jin ji fa fa da guo jia er tong dian shi jie mu si kao [For Tomorrow: A comparison of children's programs in China and in some developed countries]. *Zhong guo dian shi.* 1. pp. 16–18.
29. Zhang Ruihua. (2004) Dui er tong jie mu de ji dian si kao [Some thoughts on children's programs]. *Dang dai dian shi.* 6. pp. 36–37.
30. CCTV Official Website. [Online] Available from: http://www.cctv.com/kids/special/C11388/20040224/100621.shtml.
31. CSM Research Company Official Website. [Online] Available from: http://www.csm.com.cn

Received: 24 March 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 53–60. DOI: 10.17223/15617793/457/6

УДК 81’373.45

И.М. Шеина, Е.И. Сидорина

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЯЗЫКАХ КОРЕННЫХ НАРОДОВ АЛЯСКИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РУССКОЙ АМЕРИКИ

Статья выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (Проект «Историко-культурное наследие Русской Америки» № 17-18-01567 от 19.05.2017) в Рязанском государственном университете имени С.А. Есенина.

Исследование выявляет закономерности в характере языковых контактов между русскими колонистами и коренными народами Аляски (алеутами и денайна), особенности воздействия русской языковой картины мира на словарный состав языков данных народов с точки зрения количественного обогащения и семантических изменений. Сопоставительный анализ русских заимствований в языках алеутов и денайна показывает значительное сходство в процессах и результатах освоения русских лексических единиц.

Ключевые слова: Русская Америка; заимствование; тематическая группа; алеутский язык; денайна; лексическая единица; диалектные слова; историзмы; архаизмы; профессионализмы.

Введение

Историко-культурное наследие Русской Америки многоаспектно, что объясняется не только полуторавековым присутствием русских колонистов на Аляске и Алеутских островах. Несмотря на то, что взаимоотношения между коренными народами и представителями Российской империи не всегда носили мирный характер, изменения в концептуальной картине мира алеутов, эскимосов и атабасков свидетельствуют о многообразии новых объектов, явлений, идей и понятий, которые появились в опыте этих народов благодаря взаимодействию с россиянами.

Отдельного внимания заслуживают изменения в языковой картине мира народа, которые в условиях языковой интерференции объективно отражают не только характер взаимодействия языковых систем, но и характер межэтнических контактов.

Рассмотрение языковых контактов, происходивших между российскими поселенцами и коренными народами, представляется актуальным, так как за последние 150 лет на Аляске произошли значительные изменения. Как отмечает П.А. Филин, «национальные языки практически забыты... Быт и одежда американизированы» [1. С. 82].

Цель данной работы заключается в выявлении закономерностей в характере языковых контактов между русскими колонистами и коренными народами Аляски о (алеутами и денайна) как с точки зрения количественного обогащения, так и с точки зрения семантических изменений и сдвигов. Языки алеутов и денайна были выбраны в качестве материала исследования, поскольку они располагают наибольшим числом заимствований. Впервые проводится сопоставительный анализ причин и результатов проникновения русских лексических единиц в языки алеутов и денайна в ходе межкультурного и межъязыкового взаимодействия.

Изучение научных трудов, описывающих историко-культурное наследие Русской Америки, показало, что результаты межкультурных контактов населения Аляски с русскими колонистами проявлялись в целом ряде аспектов: в устройстве быта, в изменении семейного уклада, в социально-экономических отношениях, в организации традиционных видов промыслов, в сфере развлечений, а также в принятии религиозной картины мира, задающей новую для этих народов систему ценностей [2–7].

Пребывание на Аляске русских колонистов на протяжении полутора веков в значительной степени преобразовало материальную и духовную культуру коренных народов. Межкультурные и межъязыковые контакты приводили не только к обогащению словарного состава языков коренных народов за счет заимствований из русского языка, но и, по выражению Н.Г. Аветисян, открывали перед обществом новые возможности, знакомили с новыми формами экономической и общественной деятельности, отношений между людьми [8. С. 98].

Разумеется, степень воздействия русской культуры была неодинаковой в разных районах Аляски и на Алеутских островах. Об этом свидетельствует количественный состав русских заимствований: около 800 в алеутском, около 600 в языке денайна и только около 200 в языке эскимосов юпик. В языках других коренных народов Аляски число русских слов не столь значительно. Причины этого связаны с характером языковых контактов. Малое число заимствований в языке тлинкитов объясняется враждебным характером отношений с русскими колонистами, а с народом иннупиак русские не контактировали, хотя несколько заимствований было сделано через языки других народов Аляски, в частности через язык эскимосов юпик. В то же время существует диалект деревни Нинилчик, который фактически является аляскинским вариантом русского языка, на что указывают в своих работах М.Б. Бергельсон и А.А. Кибрик [9, 10]. Подробное исследование происхождения этого уникального явления, развивавшегося изолированно на протяжении нескольких поколений, позволило ученым оценить его как «драгоценный культурный артефакт» [9. С. 39]. Системное описание его фонетики, грамматики и лексики, выявляющее особенные характеристики нинильчикского русского, и создание словаря этого диалекта является огромным вкладом в изучение историко-культурного наследия Русской Америки.

В задачи нашего исследования входит изучение процессов, связанных с причинами и результатами принятия русских лексических единиц в языки коренных народов Аляски. Как будет показано в статье, сопоставительный анализ русских заимствований в алеутском языке и в языке денайна (язык атабаскской семьи) позволяет трактовать воздействие русской культурной и языковой картин мира на картины мира этих народов и как часть историко-культурного наследия России на Аляске.

Методология исследования

Проблемы взаимодействия языков и появления заимствований разрабатывались в лингвистической науке на протяжении последнего столетия. Отечественные и зарубежные лингвисты рассматривали вопросы языковой интерференции, роль культурных факторов в процессах заимствования, причины, пути и источники заимствований, а также особенности адаптации иноязычных единиц и явлений в языке-реципиенте. В своем исследовании мы опирались на труды Л.П. Крысина, Ю.С. Сорокина, Л. Блумфилда, У. Вайнрайха, Э. Хаугена и других ученых [11–15].

Э. Хауген включал проблемы, связанные с изучением заимствований, в сферу исследований языковых контактов [15. С. 61]. Разделяя точку зрения Н.Б. Мечковской на языковые контакты как «предельно широкий класс языковых процессов, обусловленных разного рода взаимодействием языков» [16. С. 178], мы принимаем во внимание все аспекты воздействия русского языка на языки алеутов и денайна.

Исследователи проблем заимствований указывают, что этот процесс может происходить на всех уровнях языка: фонетическом, морфемном, лексическом, семантическом и синтаксическом. На это, например, указывает Л.П. Крысин, описывая процесс «заимствования» как процесс перемещения различных элементов (единиц различных уровней языка – фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики, семантики) из одного языка в другой [11. С. 24].

Такого же подхода придерживается И.Г. Добродомов в статье в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», определяя заимствование как «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция), перенесенный из одного языка в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [17. С. 158].

Заимствование фонетических и грамматических элементов из русского языка наблюдается в языке алеутов. Так, К. Бергсланд в предисловии к «Словарю алеутского языка» отмечает, что со временем алеутская фонологическая система частично русифицировалась в процессе адаптации русских смычных губных и щелевых согласных, а также проникновения несвойственных алеутскому языку сочетаний согласных звуков, таких как «ст» в начале слова, например в слове *«struusa» – «струж, рубанок»*. Грамматическая система алеутского языка интегрировала частицу «бы» для выражения нереального условия [18].

Вместе с тем, поскольку задачи нашего исследования обращены к изучению отражения русской культурной картины мира в языках коренных народов, мы ограничиваемся в данной работе рассмотрением лексических заимствований, так как именно в лексической системе языка культура народа проявляется наиболее явно. При этом нисколько не ограничивается возможность проникновения в социальные параметры языковой ситуации, на необходимость учета которой при исследовании межъязыкового взаимодействия указывает П. Симунд [19. С. 4].

Заимствование лексики может рассматриваться достаточно широко. Так, Т.П. Головацкая включает в понятие «заимствование» все «инновации в лексико-семантической системе языка, которые своим существованием обязаны контакту данного языка с другим языком» [20. С. 7]. Это могут быть не только случаи, когда из языка-источника заимствуются значение и структурные элементы слова, но и случаи иноязычного воздействия на лексико-семантическую систему языка-реципиента (калькирование, конструкции слов, смешанные заимствования и другие). Данное положение можно проиллюстрировать следующими примерами из алеутского языка.

Для формирования понятия «Святая Троица» переводчики Священного Писания использовали два исконных слова: *«Snganaadaa»* с первичным значением *«заколдованный»* и *«Qankuulum»*, означающее *«тройной»*. При этом произошло семантическое заимствование (придание исконному слову заимствованного значения) и калькирование (создание новой единицы переводом каждого элемента иноязычной единицы). К смешанным заимствованиям можно отнести выражение *«Kazakamtaanga-x»*, означающее *«водка»*. Оно состоит из заимствованного слова *«казак»*, которое приобрело алеутском языке значение «русский», и исконного слова *«taanga-x» – «вода»*. Сочетание *«Snganaadaataanga-x»* означает *«святая вода»* и сформировано по той же модели, что и *«SnganaadaaQankuulum» – «Святая Троица»*.

Следует отметить, что религиозная лексика составляет в языках коренных народов Аляски особую группу, в которой преобладают словообразовательные кальки и семантические заимствования. Фактически этот пласт лексики – результат работы миссионеров-переводчиков, пытавшихся донести до коренных жителей истины Православного вероучения. В процессе формирования этих лексических единиц происходило то, что в рамках когнитивного подхода к языку трактуется как «импорт концепта», т.е. проникновение ментальной структуры из концептосферы одного языка в концептосферу другого [21, 22]. Такое понимание позволяет взглянуть на процесс изменения семантики слова как на взаимодействие двух концептуальных систем в рамках некоторого фрагмента концептуальной картины мира.

Предметом данного исследования на первом этапе послужили заимствования в узком смысле, т.е. слова, заимствованные алеутским языком и языком денайна как целостные единицы в той форме и в том значении, в котором слово существует в русском языке. С нашей точки зрения, именно эта группа заимствова-

ний наиболее наглядно отражает особенности контактов с русскими колонистами и их воздействие на материальную и духовную культуру народов алеутов и денайна.

Следует отметить, что в отечественной лингвистике языку алеутов уделялось большое внимание, в первую очередь, языку командорских алеутов, проживающих на территории нашей страны, но и язык американских алеутов также был включен в сферу исследований. Ведущее место в развитии этого направления занимают работы Е.В. Головко и его коллег [23, 24]. Источником информации об алеутском языке и русских заимствованиях в нем послужил также словарь К. Бергсланда [18]. Русские заимствования в языке денайна были выявлены на основе двух словарей Дж. Кэри: тематического словаря языка денайна и словаря основ и морфем языка денайна [25, 26]. Семантический и этимологический анализ исходных единиц в русском языке проводился на основе толковых словарей русского языка, из которых наиболее информативными оказались словари В.И. Даля [27], Т.Ф. Ефремовой [28], а также этимологического словаря М. Фасмера [29].

Исследование проводилось по различным параметрам: с точки зрения сфер опыта, испытавших наибольшее воздействие русской духовной и материальной культуры, с функционально-стилистической точки зрения, а также в аспекте степени семантических изменений, которые заимствования могли претерпеть в языке-реципиенте.

Методология исследования была комплексной и включала значительное число методов: метод сплошной выборки из словарей алеутского языка и языка денайна, анализ значений по словарным дефинициям, компонентный анализ, тематический анализ, анализ социальной стратификации лексики, этимологический, статистический и сопоставительный методы.

Такой комплексный подход позволил определить основные семантические признаки русских заимствований и объем заимствованного значения в каждом случае, выявить признаки изменения значений в языках-реципиентах, определить основные тематические группы, принявшие наибольшее число русских слов, найти диалектные слова, профессионализмы, историзмы и архаизмы, установить определенные закономерности в процессах заимствования и адаптации русских слов в исследуемых языках.

Результаты анализа тематических групп

В ходе анализа был выявлен ряд общих черт как в процессах заимствований, так и в их результатах, что свидетельствует о похожем характере межкультурных и языковых контактов русских колонистов с алеутами и денайна.

В первую очередь это касается причин заимствований. Наибольшее число русских слов пришло в языки коренных народов Аляски вместе с объектами, ранее неизвестными этим народам, что является самой распространенной причиной заимствований вообще, например:

– в языке денайна: *«картошка» – «galduxa»*, *«шелк» – «shulq»*, *«швейная машинка» – «mashina»*, *«клей» – «geléy»*, *«конфеты» – «gamfidi»*, *«блины» – «blini»* и др.;

– в алеутском языке: *«ложка» – «luuxika-x»*, *«пружина» – «prusina-x»*, *«чулки» – «chuulki-x»*, *«бумага» – «bumaagi-x»*, *«bruuki-x»*, *«перец» – «piirichax»* и др.

Вместе с тем в значительной степени пополнились тематические группы, отражающие новые виды отношений и новые формы жизнедеятельности, несмотря на то что слова для соответствующих сфер опыта существовали. К таким заимствованиям следует отнести названия месяцев: *Apriila-x, Maarta-x, Dikaabri-x* (алеут.), *Agust, Yanvar* (ден.) и др. Исконные слова не подходили, так как членили годичный цикл по-другому, основываясь на особых климатических условиях и традиционном образе жизни. Так, название периода *«chagalix»* означает *«время, когда можно охотиться на молодых морских животных: котиков, морских львов и калана»*. По европейскому календарю это время с июля по сентябрь. В языке денайна название месяца, соответствующего апрелю, *«nut'aq'i'n'u»*, означает *«гусиный месяц»*. Оба языка пополнились словами, обозначающими дни недели. Например, в языке денайна: *«понедельник» – «bendilnik»*, *«вторник» – «shtwarik»*, *«среда» – «édvornik»*, *«четверг» – «shtvérik»*, *«пятница» – «byatnitsa»*, *«суббота» – «sabota»,«воскресенье» – «vaskasini, vrasgrusinya»*.

Заимствования проникли и в тематическую группу «Родственные отношения», лексическая детализация которой строится в языках коренных народов по несколько иным принципам. Например, русское слово *«брат»* имеет более широкое значение, чем алеутские лексические единицы «*agiituda-x*» – *«брат мужчины»*, *«huyuuda» – «брат женщины»*, *«luda-x» – «старший брат»*, *«kingi» – «младший брат»*. Причиной заимствования в данном случае, видимо, была потребность в объединяющем концепте.

Еще одной общей чертой является распределение русских заимствований в алеутском языке и в языке денайна по частям речи: количественный анализ показал преобладание существительных: 664 из 760 слов (87%) и 578 из 595 слов соответственно (97%). При этом значительную часть в алеутском языке также составляют глаголы: 74 из 760 слов, т.е. около 10%, в то время как в языке денайна их всего 10, незначительно представлены прилагательные и наречия (15 и 3, 6 и 1 соответственно). Были заимствованы междометия, например *«а»* и *«ах»* (*aa, akh* – алеут.), *axmu* (*axdi* – ден.), о чем свидетельствуют вышеупомянутые словари этих языков.

Анализ тематических групп проводился на основе тематических категорий, выделенных Дж. Кэри, составителем «Тематического словаря языка денайна», но с внесением некоторых изменений. Были выделены в особую группу глаголы, обозначающие повседневные действия, а также отдельно были рассмотрены лексические единицы, связанные по своему значению с образованием и общественным устройством.

Авторы книги «Русские старожилы Сибири» отмечают, что жизнь коренных народов Аляски в связи с деятельностью Российско-американской компании начала строиться на общих формах социальной организации [30. С. 113]. На это указывает и К.С. Картавцев [31]. Лингвистический анализ подтверждает данный тезис: количественный состав тематических групп в двух языках различается не очень значительно, кроме того, значительная часть заимствований совпадает. В табл. 1 представлены тематические группы с наибольшим числом заимствований.

Таблица 1

Количественные характеристики групп русских заимствований

Группы русских заимствований	Алеутский	Денайна	Совпадения в двух языках	Примеры совпадений
Одежда, материалы и способы ее изготовления	59	143	30	*платье: plaati- (алеут.), bladi (ден.)*[1]
Еда и посуда	108	112	53	*квашня: kwasna (алеут.), gwashna (де-н.), бутылка: putiilka(алеут.), vidulga (ден.)*
Инструменты и оружие для охоты и рыбалки	66	62	24	*струж: struusa- (алеут.), shdrush (ден.), drubi (ден.)*
Названия народов и профессий	45	47	19	*чухня: chuxna-x(алеут.), Juxtna (ден.)*
Предметы повседневного обихода	56	84	25	*лампа: laampa (алеут.), lamba (ден.)*
Жилище	33	43	15	*барабара: baraabara (алеут.), barabara (ден.)*
Транспорт	32	18	12	*мачта: maasta-x (алеут.), mashda (ден.)*
Время	26	16	10	*неделя: nidila-x (алеут.), nidili (ден.)*
Число, мера, качество	23	13	5	*тысяча: tiischa-x (алеут.), dishja (ден.)*
Игры, развлечения	30	30	11	*маскарад: maskaarata-x (алеут.), maskarada (ден.)*
Животные	38	14	13	*лисица: lisicha-x (алеут.), lisitsa (ден.)*
Растения	19	22	6	*семена: siimina-x (алеут.), simina (ден.)*
Рыбы и морские животные	14	2	2	*сельдь: sildi-x (алеут.), saldi (ден.)*
Религиозная лексика	55	36	17	*алтарь: ultaara-x (алеут.), aldar (ден.)*

В алеутском языке лексика, связанная с образованием, представляет заметную группу – 12 слов, так же, как и лексика, связанная с понятиями «общество», «государство» – 9 слов. В языке денайна эти тематические группы фактически не сформировались. Такое различие объяснимо, так как на Алеутских островах русские колонисты присутствовали дольше. Как отмечает А.А. Кибрик, «количество заимствований прямо пропорционально близости к местам экономической и культурной активности русских» [32. С. 16].

Стилистический анализ русских заимствований

Наличие сходных черт в межкультурных и межъязыковых контактах русских с алеутами и денайна выявил и стилистический анализ русских заимствований. В оба языка проникло значительное количество диалектных слов. Так, в алеутском языке обнаружены 14 диалектных слов: из сибирских говоров – восемь (*«yivraaska-x»: «еврашка» – «белка»*, *«limisina-n»*: *«леменина»* – жвачка табаку, *«chaalki-x»*: *«чарки»* – ботинки, черевики и др.); камчатских и северо-восточных – три (*«chirila-x»: «цирель»* – циновка из травы, *«baraabara-x»*: *«барабара» – «хижина»*, *«kulumki-x»*: *«кулемка»* – ловушка на мелких зверьков); вологодских и пермских – два (*«maata-x»: «бат» – «долбленный из одной колоды челн»*, *«kasiiga-x»*: *«кашик»* – ковшик, род дырявого половника, или сплетенного из прутьев, для доставления из котла пельменей); и орловских и воронежских – одно (*«usulki-n»*: *«вышкварки»* – вытопки, выварки, выжарки).

В языке денайна было обнаружено пять диалектных слов из сибирских *«gamléga»*: *«камлейка»* – дождевик), камчатских (*«Barabara» – «барабара»*) и архангельских (*«laftak» – лахтак* – тюлень и тюленья шкура, которой обтягивали лодки) говоров. Одно заимствование имеет финское происхождение и проникло, по-видимому, из северо-западного диалекта (*«layda»*: *«лайда»* – угольный слой)[2].

В обоих языках присутствует целый пласт лексики, вышедшей из употребления в современном русском языке (историзмы и архаизмы), что вполне объяснимо, так как процесс проникновения русских слов в алеутский язык наиболее активно происходил в XVIII–XIX вв. Историзмы представлены такими словами, как *«unuuchki-x» – «онучи»*, *«kiichkxi-lix» – «кичка»* (женский головной убор), *«kamzu-x» – «камзол»*, *«maryaasa-x» – «марьяж»* (игра в карты),

«baabka-x» – «бабка» в значении *«повитуха»*. Всего найдено 11 подобных лексических единиц. К архаизмам можно отнести такие слова, как *«pariulka-x» – «наполочье»* (полка), *«laabasa-x» – «лабаз»* (сарай), *«tulmaachi-lix» – «толмачить»* (переводить), *«staanil» – «вздануть»* (поддать пар), *«usmiina-x» – «осьмина»*, *«digaarka-s» – «дрегалка»* (бита), *«taata-x» – «тятя»* – всего девять слов. В языке денайна также обнаружено пять архаизмов, например *«жирник» – «zhirnik»*, *«чухня» – «juxtna»* и др., а также семь историзмов, например *«мамка»* в значении *«няня» – «mamga»*, *«кальсоны» – «vashdanik»*, *«сюртук» – «sertuk»* и др.

Отдельную группу лексики составляют профессионализмы, связанные с традиционными промыслами, а именно охотой и рыболовством. Это названия рыб и животных, оружия для охоты и снастей для рыбалки. Всего в алеутском языке обнаружено 35 таких единиц: *«bruudna-x» – «бродни»* (мягкие кожаные сапоги на помочах с длинными, закрывающими бедро голенищами), *«nagaalisa-x» – «нагалище»* (чехол для оружия), *«klisa-x» – «кляпцы»* (вид ловушки) и др. В язык денайна были заимствованы только семь профессионализмов: *«yarus» – «ярус»* в значении *«род кусовой снасти, перемета, на треску и палтусину»*, *«sadok» – «садок»* (ловушка для рыбы), *«brotni» – «бродни»* и др.

Стилистические характеристики данных лексических групп определены в соответствии с нормами современного русского языка.

Семантическая ассимиляция русских заимствований

Одним из аспектов рассмотрения иноязычных слов в языке-реципиенте является их освоение, которое предполагает не только адаптацию формы слова к новой системе, но и взаимодействие с исконными единицами на семантическом уровне. Так, например, Ю.С. Сорокин говорит о процессе заимствования как о процессе органического освоения новых элементов системой данного языка, «их приспособления к его собственным нуждам, их преображения – формального и семантического – в условиях иной системы» [12. С. 174].

С этой точки зрения интерес представляют слова, прошедшие в алеутском языке и в языке денайна семантическую ассимиляцию, т.е. включение в лексико-семантическую систему языков-реципиентов.

Один из аспектов этой ассимиляции – изменение значения заимствованного слова в языке-реципиенте. При этом, как известно, может происходить сужение или расширение значения лексической единицы, а также трансформация за счет метафорических и метонимических переносов.

В алеутском языке только в шести случаях изменение происходило путем расширения значения (например, *«kasna-x» – «государство»*), в остальных случаях – путем сужения (например, *«maastira-x» – «плотник»*, *«risiinka-x» – «резиновые сапоги»*). Из двух механизмов изменения значений превалирует метонимия: *«kazaka-x»* в значении *«русский»*, *«traapa-x»* в значении *«лестница»* и др. Примером метафорического переноса могут служить слова *«avrakataana-x»* (от *«обвертка»*) в значении *«раковина морской улитки»*, *«siiska-x» – «узел из волос на голове»* [33. С. 126].

В языке денайна также преобладают сужение значения как вид изменения и метонимия как его механизм. Всего семь слов расширили свои значения, например *«bushlat» – «куртка»*, *«gulay» – «прогулка, поездка, отпуск»*. В четырех случаях наблюдается метафорический перенос: *«shishga» – «узел из волос на голове»* и др.

Подобные примеры свидетельствуют о переосмыслении значений целого ряда заимствованных слов прежде всего в денотативной части. Коннотативное значение меняется крайне редко, однако в языке денайна русское слово *«мальчишка»* приобрело отрицательную коннотацию за счет добавления семантического признака «непослушный».

Заключение

Проведенный впервые сопоставительный анализ русских заимствований в языках алеутов и денайна позволил, с одной стороны, подтвердить тезис о глубоком и многогранном воздействии русской культуры и русского языка на повседневную культуру, а также мировосприятие коренных народов Аляски. С другой стороны, исследование выявило целый ряд общих закономерностей в характере языковых контактов между русскими колонистами и коренными народами. В какой-то степени сходные черты, обнаруживающиеся в процессах заимствования в двух языках, можно объяснить тем, что денайна являются единственной лингвистической группой индейцев-атабасков, ареалом проживания которой было побережье (район залива Кука) [34. С. 102], и они были близки алеутам по своему образу жизни. Однако это только одна из возможных причин. Так, большое число существительных следует объяснить тем, что наиболее значительные изменения в быту и повседневной деятельности алеутов и денайна были связаны с большим числом новых предметов. Причем, как показал анализ по тематическим группам, наибольшее число лексических единиц в обоих языках было заимствовано для обозначения предметов в таких сферах жизни, как еда, одежда, предметы повседневного обихода, развлечения.

Присутствие историзмов и архаизмов в обоих языках обусловлено тем историческим периодом, в течение которого происходили межкультурные и межъязыковые контакты. Диалектные слова свидетельствуют об участии в освоении Аляски представителей разных регионов России.

Типы семантических изменений и механизмы адаптации русских слов в исследуемых языках также демонстрируют общие тенденции. Сужение значений заимствованных слов – это закономерность, присущая процессам заимствования вообще. Превалирование метонимии, по-видимому, связано с «предметностью» межкультурных контактов в данных сферах.

Исследование русских заимствований в языках алеутов и денайна показало значительное сходство в

процессах освоения русских лексических единиц. Количественные показатели (число заимствованных слов и их распределение в тематических группах, демонстрирующих широкий охват сфер опыта) явились результатом разносторонних и длительных контактов русских колонистов с алеутами и денайна. Качественные показатели (стилистическая вариативность и семантические изменения, возникавшие в ходе адаптации слова) свидетельствуют о близком взаимодействии контактирующих народов и органичном встраивании новых слов в лексические системы языков-реципиентов.

Таким образом, интеграцию значительного количества русских слов в языки коренных народов Аляски следует считать одной из важнейших составляющих историко-культурного наследия Русской Америки.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Принятые сокращения: *алеут*. – алеутский язык, *ден*. – язык денайна.

[2] Толкования русских слов приведены по словарям: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009 и Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. : Астрель ; АСТ, 2007.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филин П.А. Русские заимствования в традиционной культуре коренных народов Аляски: культурный сдвиг и его влияние на идентичность // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 1 (20). С. 76–88.
2. Петров А.Ю., Капалин К., Малахов М.Г., Ермолаев А.Н., Савельев И.В. История и наследие Русской Америки // Вестник Российской академии наук. 2011. Т. 81, № 12. С. 1090–1099.
3. Петров А.Ю. Уступка Аляски: дискуссионные вопросы российско-американской сделки 150-тилетней давности // Новый исторический вестник. 2017. № 2 (52). С. 105–115.
4. Петров А.Ю. История и наследие Русской Америки: проблемы, направления, перспективы исследований // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 177–182.
5. Гринев А.В. Характер взаимоотношений русских колонизаторов и аборигенов Аляски // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 96–111.
6. Шиловский М.В. Почему Россия продала Русскую Америку? (к 150-летию подписания конвенции от 18 (30) марта 1867 г. Об уступке Северо-Американским Соединенным Штатам российских Северо-Американских колоний // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 24–30.
7. Black L.T. Russians in Alaska 1732–1867. Fairbanks, Alaska : Alaska University Press, 2004. 328 p.
8. Аветисян Н.Г. Английский язык в российской действительности: нашествие или результат глобализации? // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 98–108.
9. Бергельсон М.Б., Кибрик А.А. Русский язык на берегах залива Кука: самоидентификация культуры в условиях изоляции // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 29–41.
10. Bergelson M., Kibrik A. Alaskan Russian: The Story of the Ninilchik Community as Told by its Language. Over the Near Horizon. Proceedings of the 2010 International Conference on Russian America // Sitka Historical Society. 2013. P. 217–227.
11. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М. : Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
12. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. Л. : Наука, 1965. 565 с.
13. Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. 608 с.
14. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Языковые контакты. 1972. Вып. 6. С. 25–60.
15. Хаугэн Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. Языковые контакты. 1972. Вып. 6. С. 344–382.
16. Мечковская Н.Б.Социальная лингвистика. М. : Аспект Пресс, 2000. 206 с.
17. Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1990. 688 с.
18. Bergsland K. Aleut Dictionary. Fairbanks : Alaska Native Language Center, University of Alaska, 1994. 755 p.
19. Siemund P. Language contact: Constraints and common paths of contact induced change. Peter Siemund and Noemi Kintana (eds.) Language Contact and Contact Languages. Amsterdam: Benjamins, 2008. P. 3–11.
20. Головацкая Т.П. Классификация русских лексических заимствований в эскимосской художественной и учебной литературе (1930–1960-е гг.) // Известия государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. Вып. 82-1. С. 127–131.
21. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
22. Буренкова С.В. Ошибки в использовании заимствований // Вопросы когнитивной лингвистики: когнитивные основания и прагматические последствия (на материале немецкого языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. Вып. 1. С. 115–119.
23. Головко Е.В., Вахтин Н.Б., Асиновский А.С. Язык командорских алеутов. Диалект острова Беринг. СПб. : Наука, 2009. 355 с.
24. Головко Е.В. Система пространственной ориентации в алеутском языке // Вестник Санкт-петербургского университета. Серия 9: Язык и литература. 2015. Вып. 3. С. 25–35.
25. Kari J. Dena'ina Topical Dictionary. Alaska Native Language Center, University of Alaska Fairbanks, 2013. 370 p.
26. Kari J. Dena’ina Stem/Morpheme Dene Dictionary. Dena’inaq’ Titaztunt& Alaska Native Language Center, 2018. 53 p.
27. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. 2030 с.
28. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный: в 2 т. М. : Рус. яз., 2000. 1209 с.
29. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. : Астрель ; АСТ, 2003. 589 с.
30. Вахтин Н.Б., Головко Е.В., Швайтцер П. Русские старожилы Сибири: социальные и символические аспекты самосознания. М. : Новое изд-во, 2004. 292 с.
31. Картавцев К.С. Механизмы социального контроля у алеутов // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 91–95.
32. Кибрик А.А. Русское культурное и языковое влияние на атабасков Верхнего Кускоквима // Традиционная культура. 2018. Т. 19, № 4 (72). С. 11–19.
33. Шеина И.М. Русские заимствования в алеутском языке как один из аспектов наследия Русской Америки // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2019. № 1 (62). С. 122–126.
34. Langdon S.J. The Native People of Alaska. Anchorage, Alaska : Greatland Graphics, 2014. 176 p.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 5 мая 2020 г.

Russian Borrowings in the Languages of Alaska Indigenous Peoples as a Manifestation of the Historical and Cultural Heritage of Russian America

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 53–60.
DOI: 10.17223/15617793/457/6

Irina M. Sheina, Ryazan State University named for S. Yesenin (Ryazan, Russian Federation). E-mail: i.sheina@365.rsu.edu.ru
Elena I. Sidorina, Ryazan State University named for S. Yesenin (Ryazan, Russian Federation). E-mail: elesidorina@yandex.ru

Keywords: Russian America; borrowing; Aleut; Dena'ina; archaic words; historical words; dialectal words; professionalisms; lexical unit; thematic group.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 17-18-01567.

The article aims to identify the regular patterns in the cross-linguistic and cross-cultural contacts between Russian colonists and the indigenous peoples of Alaska (the Aleuts and the Denai'na) and the impact produced by the Russian linguistic world view on Alaska indigenous peoples' languages from the perspective of the quantitative and semantic changes in the lexicon. The article presents the results of the comparative analysis of the causes and results of the penetration of Russian lexical borrowings in the Aleut and Dena'ina languages. Russian borrowings are viewed as a part of the historical and cultural heritage of Russian America. Borrowings proper, i.e. words borrowed both in their forms and meanings, were chosen as the material of the research. The authors use numerous methods, such as analysis of dictionary entries, componential analysis, thematic analysis, analysis of stylistic registers, etymological analysis, comparative analysis, and statistical analysis. The statistical analysis shows that nouns prevail over the other parts of speech (87% in Aleut and 97% in Dena'ina). The largest number of loanwords entered the thematic groups related to everyday life (Food, Cooking and Eating Utensils, Household Furnishings, Clothing and Footwear, Personal Belongings). The stylistic analysis reveals a considerable number of professional words, dialect words, and words which are now archaisms and historical words. The dialect words belong mainly to Siberian and Eastern regions where many colonists came from. The professional words denote mostly tools, hunting and fishing devices according to the daily activities of indigenous people. The archaisms and historical words were not obsolete in the times of Russian America. The research brings to light a lot of common features in the systemic impact of the Russian language on the Aleut and Dena'ina languages: similar causes of borrowings, similarities in the distribution of borrowed words among the thematic groups, a considerable number of the same Russian words borrowed into both languages. Similar tendencies were found in the process of semantic assimilation of Russian loanwords: the prevailing mechanism is metonymy and the scope of meaning is narrowed in the majority of cases. The research proves that Russian culture and the Russian language exercised profound influence on the indigenous peoples' world view and languages. The cross-cultural and cross-linguistic contacts had a lot of common features.

REFERENCES

1. Filin, P.A. (2013) Russkie zaimstvovaniya v traditsionnoy kul'ture korennykh narodov Alyaski: kul'turnyy sdvig i ego vliyanie na identichnost' [Russian borrowings in the traditional culture of indigenous peoples of Alaska: cultural shift and its impact on identity]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 1 (20). pp. 76–88.
2. Petrov, A.Yu. et al. (2011) Istoriya i nasledie Russkoy Ameriki [History and heritage of Russian America]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk.* 12 (81). pp. 1090–1099.
3. Petrov, A.Yu. (2017) The cession of Alaska: discussion points regarding the 150 year-old Russian-American agreement. *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 2 (52). pp. 105–115. (In Russian).
4. Petrov, A.Yu. (2016) History and heritage of Russian America: problems, trends, prospects of studies. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Contemporary History*. 5. pp. 177–182. (In Russian).
5. Grinev, A.V. (2003) Kharakter vzaimootnosheniy russkikh kolonizatorov i aborigenov Alyaski [The nature of the relationship between the Russian colonialists and the natives of Alaska]. *Voprosy istorii*. 8. pp. 96–111.
6. Shilovskiy, M.V. (2017) Why did Russia sell Russian America? (On the 150th anniversary of the signing of the treaty (March, 18 (30), 1867) on the cession of the North American colonies to the United States). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 50. pp. 24–30. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/50/3
7. Black, L.T. (2004) *Russians in Alaska 1732–1867*. Fairbanks, Alaska: Alaska University Press.
8. Avetisyan, N.G. (2016) English in Russian life: intrusion or the result of globalization? *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – The Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication*. 4. pp. 98–108. (In Russian).
9. Bergel'son, M.B. & Kibrik, A.A. (2018) The Russian language in the Cook Inlet area: Self-identification in the situation of cultural isolation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 54. pp. 29–41. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/54/2
10. Bergelson, M. & Kibrik, A. (2013) Alaskan Russian: The Story of the Ninilchik Community as Told by its Language. *Over the Near Horizon*. Proceedings of the 2010 International Conference on Russian America. Sitka. 19–21 August 2010. Sitka: Sitka Historical Society. pp. 217–227.
11. Krysin, L.P. (2004) *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike* [The Russian Word, One's Own and Someone Else's: Research on modern Russian language and sociolinguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
12. Sorokin, Yu.S. (1965) *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30–90-e gody XIX veka* [Development of the vocabulary of the Russian literary language. 1830s – 1890s]. Leningrad: Nauka.
13. Bloomfield, L. (1968) *Yazyk* [Language]. Moscow: Progress.
14. Weinreich, U. (1972) Odnoyazychie i mnogoyazychie [Monolingualism and multilingualism]. In: Rozentsveyg, V.Yu. (ed.) *Novoe v lingvistike. Yazykovye kontakty* [New in Linguistics. Language contacts]. 6. pp. 25–60.
15. Khaugen, E. (1972) Protsess zaimstvovaniya [The process of borrowing]. In: Rozentsveyg, V.Yu. (ed.) *Novoe v lingvistike. Yazykovye kontakty* [New in Linguistics. Language Contacts]. 6. pp. 344–382.
16. Mechkovskaya, N.B. (2000) *Sotsial'naya lingvistika* [Social Linguistics]. Moscow: Aspekt Press.
17. Yartseva, V.N. (1990) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
18. Bergsland, K. (1994) *Aleut Dictionary*. Fairbanks: Alaska Native Language Center, University of Alaska.
19. Siemund, P. (2008) Language contact: Constraints and common paths of contact induced change. In: Siemund, P. & Kintana, N. (eds) *Language Contact and Contact Languages*. Amsterdam: Benjamins. pp. 3–11.
20. Golovatskaya, T.P. (2008) Klassifikatsiya russkikh leksicheskikh zaimstvovaniy v eskimosskoy khudozhestvennoy i uchebnoy literature (1930–1960-e gg.) [Classification of Russian lexical borrowings in Eskimo fiction and educational literature (1930s – 1960s)]. *Izvestiya gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 82–1. pp. 127–131.
21. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.

22. Burenkova, S.V. (2018) Errors by use borrowings: cognitive basis and pragmatic implications (on a material of German language). *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 1. pp. 115–119. (In Russian).
23. Golovko, E.V., Vakhtin, N.B. & Asinovskiy, A.S. (2009) *Yazyk komandorskikh aleutov. Dialekt ostrova Bering* [The language of the Aleuts of the Commander Islands. Bering Island dialect]. Saint Petersburg: Nauka.
24. Golovko, E.V. (2015) System of spatial orientation in Aleut. *Vestnik Sankt-peterburgskogo universiteta. Seriya 9: Yazyk i literature – Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9: Language and Literature*. 3. pp. 25–35. (In Russian).
25. Kari, J. (2013) *Dena'ina Topical Dictionary*. Fairbanks: Alaska Native Language Center, University of Alaska Fairbanks.
26. Kari, J. (2018) *Dena'ina Stem/Morpheme Dene Dictionary*. Fairbanks: Dena'inaq' Titaztunt & Alaska Native Language Center.
27. Dal', V.I. (2009) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow: OLMA Media Grupp.
28. Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-obrazovatel'nyy* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and educational]. Moscow: Russkiy yazyk.
29. Vasmer, M. (2003) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Astrel'; AST.
30. Vakhtin, N.B., Golovko, E.V. & Shvayttser, P. (2004) *Russkie starozhily Sibiri: sotsial'nye i simvolicheskie aspekty samosoznaniya* [Russian Old-Timers of Siberia: Social and symbolic aspects of self-identification]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
31. Kartavtsev, K.S. (2017) Mechanisms of social control among the Aleuts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 422. pp. 91–95. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/422/13
32. Kibrik, A.A. (2018) Russian cultural and linguistic influence upon upper Kuskokwim Athabaskans. *Traditsionnaya kul'tura – Traditional Culture*. 4–19 (72). pp. 11–19. (In Russian).
33. Sheina, I.M. (2019) Russian borrowings in the Aleut language as an aspect of Russian America heritage. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina – The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 1 (62). pp. 122–126. (In Russian).
34. Langdon, S.J. (2014) *The Native People of Alaska*. Anchorage, Alaska: Greatland Graphics.

Received: 05 May 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 61–65. DOI: 10.17223/15617793/457/7

ФИЛОСОФИЯ

УДК 128

А.А. Андреев

УЧЕНИЕ О БЕССОЗНАТЕЛЬНОМ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОАНАЛИЗЕ

Проводится сравнительный анализ учений о бессознательном в русской религиозной философии и западном психоанализе. Раскрываются онтологический, нравственный и духовный аспекты бессознательного. Выявляются социокультурные и ценностно-мировоззренческие различия в понимании бессознательного в учениях русских религиозных философов Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьёва и западных психоаналитиков З. Фрейда и Э. Фромма. Показаны недостатки научного, аналитического подхода к бессознательному.

Ключевые слова: бессознательное; русская философия; психоанализ; Ф.М. Достоевский; В.С. Соловьёв; З. Фрейд; Э. Фромм.

Тема бессознательного как в русской философии, так и в западном психоанализе является достаточно исследованной и остается актуальной уже не одно столетие. Психоанализ, став популярным направлением сначала в Европе, а затем и во всем мире, оставил в тени многие философские учения, которые на самом деле представляют большую ценность для познания сущности и природы бессознательного. По мнению Т.И. Бармашовой, значимость философского подхода к бессознательному состоит в более высокой степени обобщения, что позволяет выразить его суть независимо от конкретной формы проявления [1. С. 258]. К бессознательному Т.И. Бармашова относит все неотрефлексированные и неосознанные проявления человеческой активности как на уровне отдельного индивида, так и на уровне социальных групп [1. С. 267]. Особенно ценными в познании бессознательного являются учения русских философов. Оценивая важность русской философии в познании бессознательного, отечественный философ и психоаналитик В.М. Лейбин отмечал: «…обращение к русской философской мысли представляется весьма целесообразным. Как это, быть может, ни парадоксально на первый взгляд, некоторые психоаналитические идеи Фрейда формировались под влиянием русских источников. Их рассмотрение способствует прояснению истории вопроса» [2. С. 60].

Для этого потребуется провести сравнительный анализ учений о бессознательном известных русских философов – В.С. Соловьёва и Ф.М. Достоевского и западных психоаналитиков – З. Фрейда и Э. Фромма. Сначала обратимся к рассмотрению учений представителей психоанализа.

Основной смысл созданной Зигмундом Фрейдом концепции психоанализа состоит в том, чтобы оказать человеку психологическую помощь, помочь отыскать в бессознательном причину душевной травмы. Для этого З. Фрейд использует метод анализа слов, оговорок, ассоциаций, образов, фантазий, эмоций, желаний и снов пациента. Причиной психологического расстройства может быть ситуация, в которой человек испытал действие инстинктов, моральных запретов, негативных эмоций, чувство страха, вины, сексуальное желание. Психоаналитик помогает человеку найти, осознать и переосмыслить причину, травмирующую психику, посмотреть на нее с другой стороны, переоценить и сформировать к ней новое отношение. Пациент в ходе психоаналитического сеанса должен понять взаимосвязь своего болезненного состояния с ситуацией, ставшей причиной невроза. Если психоаналитику удается отыскать эту причину и установить ее взаимосвязь с психическим недугом, то пациент избавляется от душевных страданий. З. Фрейд выбрал метод научного логического анализа, поскольку он был представителем рациональной европейской науки. Он указывал на инстинкты человека как основное свойство бессознательного, поскольку в науке XIX в. преобладал материализм и физикализм. Любовь З. Фрейд также объяснял бессознательным влечением, основанным на сексуальном желании.

В чем же состоят различия во взглядах Ф.М. Достоевского и З. Фрейда на природу бессознательного? Ф.М. Достоевский был писателем, а не ученым и он творчески понимал бессознательный мир человека, выражая его в своих романах с помощью художественных образов и символов. Как представитель христианской культуры Ф.М. Достоевский проповедовал в своих произведениях веру в Бога, любовь, сострадание и самопожертвование. Он говорил о духовном опыте сознания как о главном опыте в жизни любого человека. Для З. Фрейда душа представляла собой набор психологических механизмов, изучив которые можно понять сущность и природу человека. Достоевский же говорил о том, что в душе каждого человека есть частичка Бога и только вера в Бога, любовь и другие христианские добродетели способны открыть истинную сущность и предназначение человека.

Сравнивая Ф.М. Достоевского и З. Фрейда в их отношении к теме бессознательного, прежде всего, необходимо отметить, что они были представителями разных культур. Фрейд был представителем рациональной, научной культуры, поэтому его взгляд на природу человека определялся материалистическими настроениями в европейской науке XIX в. и именно поэтому он утверждал, что анатомия является судьбой человека. Ф.М. Достоевский представлял религиозную христианскую культуру, поэтому он постоянно указывал на духовное начало в человеке, являющееся ключом к пониманию человеческой души.

Говоря о религиозном понимании бессознательного, важно указать на то, что такое понимание не ограничивается только психологическим и физиологическим факторами. С религиозной точки зрения главным является духовный фактор. Поэтому для Ф.М. Достоевского избавление человека от душевных страданий включает в себя нечто большее, чем умелая работа психоаналитика с психологическими и физиологическими механизмами. Работа психоаналитика с пациентом во многом похожа на исповедь церковного прихожанина у священника. Священник, исповедующий человека, также имеет дело с его бессознательным, помогая ему найти, осознать и переосмыслить проблему, ставшую причиной душевных страданий. Но на этом этапе помощь священника не заканчивается. Далее он помогает человеку найти в себе духовную основу, раскрыться самым лучшим качествам человеческой души – начать любить, верить в Бога и сострадать другим. Именно эта найденная в себе духовная основа помогает человеку в дальнейшем легче переносить все жизненные трудности и не воспринимать их как угрозу жизни. Тем самым священник помогает человеку сформировать устойчивую духовную защиту психики от любых психологических травм. Психоаналитик же оказывает временную психологическую помощь, после которой человек, оказываясь в новых жизненных трудностях, снова начинает нуждаться в помощи психоаналитика. Для священника важно не только психологическое исцеление человеческой души, но и ее духовное просветление. Человек должен не только избавиться от собственных предрассудков и иллюзий, но и найти в себе то светлое начало, которое дано Богом. Только в этом случае человек сможет правильно понять себя и окружающий мир. Поэтому в романах Ф.М. Достоевского выходом из всех душевных кризисов и психологических конфликтов становятся главные христианские ценности – вера и любовь.

Описанная в романах Ф.М. Достоевского человеческая жизнь, полная абсурда, парадоксов, личных и общественных конфликтов и трагедий, обретала смысл только тогда, когда главные герои проходили через покаяние, начинали любить и верить, сострадать и жертвовать собой. Любовь в учении Ф.М. Достоевского – это главный ключ ко всем загадкам человеческой души, самый верный способ избавления от всех душевных страданий. Такое же мнение высказывают исследователи философии Ф.М. Достоевского: «Вопреки распространенному мнению, которое разделял З. Фрейд, Достоевский не был философом пессимизма и отчаяния. Его внимание к “темной стороне” человеческой души, интерес к “больному сознанию” вовсе не свидетельство о “больном сознании” самого писателя. Пером Ф.М. Достоевского водила любовь к человеку, любовь более сострадательная, кенотическая, чем эстетическая» [3. С. 266].

Таким образом, сравнительный анализ учений о бессознательном в философии Ф.М. Достоевского и психоаналитической концепции З. Фрейда показывает, что для познания бессознательного недостаточно одного научного подхода. Бессознательное необходимо рассматривать в ценностно-мировоззренческом, культурно-историческом и духовном аспектах. Сегодня бессознательное по-прежнему остается главной загадкой. Ответ на эту загадку Ф.М. Достоевский видел в духовной сфере, а З. Фрейд – в материальной. Ф.М. Достоевский и З. Фрейд представляли две различные культуры со своими ценностно-мировоззренческими установками. Полемизируя с европейскими учеными и философами, оценивая духовную ситуацию в Европе, Ф.М. Достоевский протестовал против материализма и упадка духовных ценностей, который происходил не только в западном мире, но и в России тоже. Несомненно, в этой полемике Ф.М. Достоевский является победителем, поскольку вся последующая мировая история показала, что пренебрежение духовностью и нравственностью всегда заканчивалось трагически для человеческой цивилизации.

Для З. Фрейда инструментом понимания бессознательного является интеллект, позволяющий на основе логического анализа достичь высокого уровня сознательности. По Ф.М. Достоевскому бессознательное поддается осмыслению не только с помощью интеллекта, но в большей степени с помощью духовных способностей человека, т.е. в опыте любви, религиозной веры и нравственности. Главным для Ф.М. Достоевского было не умение человека логически анализировать и осознавать свои психологические состояния, а умение чувствовать, интуитивно переживать и понимать их духовный смысл. З. Фрейд говорил о бессознательном на языке научного анализа и логики, а Ф.М. Достоевский на языке чувственно-эмоциональном, интуитивном, основанном на религиозных ценностях, художественных образах и символах.

Особое место в творчестве Ф.М. Достоевского занимает учение о любви, в котором он показал ее духовную, жизненную силу, способную преображать и совершенствовать человека. В отличие от З. Фрейда, который сводил любовь к физиологической, сексуальной потребности организма, Ф.М. Достоевский рассматривал любовь в духовном аспекте. Любовь в его романах имеет не только психологический и эстетический смыслы, но и онтологический смысл, поскольку способна менять и преобразовывать бытие человека, его сущность и смысл существования. Любовь для Ф.М. Достоевского – это главный ключ ко всем загадкам человеческой души, верный способ избавления от всех душевных страданий.

Как представитель христианской культуры Ф.М. Достоевский проповедовал в своих произведениях веру в Бога и любовь. Он говорил о духовном опыте сознания как о самом главном в жизни любого человека. В душе каждого человека есть частичка божественного, и только вера в Бога, любовь и другие христианские добродетели способны открыть истинную сущность и предназначение человека. Вера и любовь помогают человеку найти в себе духовную основу, раскрыться лучшим качествам души, начать любить себя и окружающий мир. Поэтому русский философ Н.А. Бердяев, оценивая учение Ф.М. Достоевского о бессознательном, отмечал его способность «…углубить душевное до духовного, выйти за пределы душевной середины и открыть духовные дали,

духовные глубины» [4. С. 320]. По его мнению, Ф.М. Достоевский является великим революционером духа [4. С. 323], он «…не психолог, он пневматолог и метафизик-символист. За жизнью сознательной у него всегда скрыта жизнь подсознательная, и с нею связаны вещие предчувствия» [4. С. 326].

Определенные представления о бессознательном содержатся также в учении известного немецкого психоаналитика Эриха Фромма. Он утверждал, что поведение человека может быть понято в контексте культурных особенностей, которые существуют в конкретный момент истории. Различные социальные системы оказывают влияние на выражение человеческих потребностей, которые исторически эволюционируют. Личность человека представляет собой продукт постоянного взаимодействия между врожденными потребностями и социальными нормами. Также на формирование личности активно влияют социальные, политические и экономические факторы. Данные факторы являются условиями существования человека, определяющими его психологическое состояние и мировоззрение.

По мнению Э. Фромма, главной проблемой человеческого существования в современном мире является возрастающее ощущение одиночества и отчужденности. Происходит это по той причине, что в каждом историческом периоде происходило развитие человеческой индивидуальности по мере того, как люди боролись за достижение своей личной свободы [5. С. 40]. Но достижение независимости и свободы привело к утрате чувства безопасности и появлению ощущения личной незначимости. Чем больше свободы и независимости получал человек, тем сильнее он отдалялся от собственного общества и тем больше появлялось отчуждения между людьми. Поэтому современное общество пришло к дилемме, при которой достигнутая свобода от социальных, политических, экономических и религиозных ограничений потребовала компенсации в виде чувства безопасности и принадлежности к социуму. Образовавшаяся пропасть между свободой и безопасностью породила множество психологических и экзистенциальных проблем в существовании человека.

Люди ведут борьбу за свободу и независимость, но эта борьба вызывает чувство отчуждения от общества и природы. Человек стремится получить власть над своей жизнью и иметь право выбора, но при этом он чувствует необходимость единства с другими людьми. Способы и возможности разрешения этой проблемы зависят от экономических и политических систем общества. Э. Фромм считал, что люди могут сохранить свою независимость и уникальность, не утрачивая при этом ощущения единства со своим обществом. Это становится возможным при достижении людьми определенной формы свободы, которую Э. Фромм называл «позитивной свободой». Для достижения позитивной свободы люди должны проявлять в жизни спонтанную активность, которая внешне похожа на действия детей, поступающих в соответствии со своей внутренней природой. Развитие позитивной свободы через проявление спонтанной активности осуществляется на основе любви и труда. Благодаря любви и труду люди обретают чувство единства и гармонии со своим окружающим миром, не утрачивая при этом ощущение свободы, уникальности и безопасности.

В своем произведении «Искусство любить» Э. Фромм рассматривал любовь в контексте проблемы человеческого существования. По его мнению, любовь – это искусство, подобное тому, как жизнь есть искусство. Если человек хочет научиться любить, то должен поступать так же, как если бы хотел овладеть любым другим искусством, например музыкой или живописью [6. С. 12]. На начальной стадии эволюции человечество ощущало себя в единстве с природой. Чем больше в процессе развития человек освобождался от природы, тем сильнее становилась потребность найти новые способы избежать одиночества. Решение данной проблемы состоит в достижении межличностного единства, в слиянии с другим человеком, т.е. в любви.

В отличие от природной симбиотической связи, зрелая любовь представляет собой такую связь, которая позволяет сохранить целостность личности, ее индивидуальность. Любовь является действенной силой в человеке, объединяющей его с другими людьми. Она помогает человеку преодолеть чувство одиночества и отчуждения, позволяет ему оставаться самим собой, сохранить свою целостность. Истинная любовь, с точки зрения Э. Фромма, есть проявление плодотворного начала. Она предполагает уважение, заботу, ответственность и знание. Любовь представляет собой общение двоих друг с другом на самом глубоком уровне существования, где заложена человеческая действительность и жизненность, есть развитие и совместная работа. Любовь является единственным правильным решением проблемы человеческого существования. Для этого общество должно достичь такого высокого уровня развития, чтобы социальная, «любящая» сущность человека стала неотделимой от его жизни в обществе и составляла с ней одно целое. Э. Фромм приходит к выводу, что вера в любовь как общесоциальное, а не только индивидуальное явление есть разумная вера, в основе которой лежит отражение самой сокровенной сущности человека [6. С. 221].

Таким образом, в своем учении Э. Фромм раскрывает социальный и творческий аспекты бессознательного, которые он тесно связывает с собственной интерпретацией любви. Духовный аспект бессознательного остается у него мало проясненным, что значительно отличает его от русских философов, особенно от такого яркого ее представителя, как В.С. Соловьёв.

В основе учения В.С. Соловьёва о бессознательном лежит идея единого. Единым является Бог, т.е. Абсолют. В нем содержится все существующее. Единое обладает абсолютной свободой и поэтому находится в отрицательном отношении к другому. Но в то же время оно не имеет ничего вне себя и по этой причине относится к другому положительно. Таким образом, в нем имеются два полюса, где первый свободен от каких-либо форм, а второй является силой, производящей бытие, т.е. множественностью форм. Поэтому первый полюс есть единое, а второй есть потенция

бытия, первая материя, присутствующая в Абсолюте как «его другое», как первый субстрат или «основа» Бога [7. С. 825–826]. Первая материя имеет бессознательную природу и определяется В.С. Соловьёвым как нечто внутреннее, психическое, субъективное, как сила, влечение, стремление, чистая потенция бытия, не имеющая качества и количества; как низшая сторона психического существа, основанная на материальных желаниях и инстинктах [7. С. 829–830]. Неразрывность двух полюсов означает, что Абсолют может осуществляться только в материи. Поэтому материя является осуществленным образом единого. Первая материя, т.е. второй полюс, также понимается В.С. Соловьёвым как становящееся всеединое, а первый полюс – как сущее всеединого. Это означает, что Абсолютное может существовать только как осуществленное в своем другом [7. С. 830–831]. Становящееся всеединое является абсолютным божественным элементом мировой души. Мировая душа потенциально существует в бессознательном стремлении, но только в человеке приобретает сознательную форму и получает идеальную, постоянно реализуемую действительность. В человеке мировая душа находит и осознает саму себя [7. С. 837].

В своей известной работе «Чтения о Богочеловечестве» В.С. Соловьёв описывает на языке христианского богословия процесс самораздвоения Абсолюта, где он представляет собственное толкование догмата о Троице. Бог как абсолютно-сущее отличается от своего содержания, которое осуществляется в Боге-Сыне, или Логосе. Данное содержание воплощается в мировой душе – Софии, являющейся Святым Духом, т.е. третьим Лицом божественной Троицы. В.С. Соловьёв рассматривает осуществленное единство в Боге как «…произведенное единство, которому мы дали мистическое имя Софии, есть начало человечества, есть идеальный, или нормальный, человек» [8. С. 138].

Важное место в учении В.С. Соловьёва о бессознательном занимает тема любви. Любовью он называет истину, понимаемую как живая сила, овладевающая внутренним существом человека и выводящая его из ложного самоутверждения. Любовь устраняет эгоизм, оправдывает и спасает индивидуальность. Любовь представляет собой нечто большее, чем разум, но без него она не может быть внутренней спасительной силой для человека, возвышающей его индивидуальность.

Смысл любви как чувства состоит в том, что она заставляет человека признать за другим человеком то центральное значение, которое в силу эгоизма он ощущает только в себе. Любовь важна не как одно из чувств, а как перенесение всего жизненного интереса из себя в другое, как перемещение самого центра человеческой жизни. Любовь для человека пока является тем же, чем был разум для животного мира. Она существует в зачатке, но еще не на самом деле. Поэтому любовь является итогом духовно-нравственной эволюции человечества. Главная цель любви состоит в восстановлении образа Бога в человеческом мире. Данная цель не может быть достигнута без человека. Начало этого процесса возникает из области неосознаваемых отношений, которые человек должен осознать с помощью веры, нравственного подвига и труда.

На первом месте в жизни людей стоит животная физиологическая связь; на втором месте – социально-нравственная надстройка семейного союза, основывающаяся на животной физиологической связи; на третьем месте как редкое и исключительное явление находится чистая духовная любовь, знакомая лишь немногим избранным людям. Истинная духовная любовь зиждется на вере и является торжеством над смертью, превращением смертного в бессмертное, восприятием временного в вечное.

Вера в предмет человеческой любви подразумевает утверждение этого предмета как существующего в Боге. Это трансцендентное отношение к своему другому и мысленное перенесение его в сферу Божества предполагает такое же отношение к самому себе и такое же утверждение себя в абсолютной сфере. Поэтому истинная любовь возможна, когда человек верит в предмет своей любви, так же как в самого себя и в Бога. Эта триединая вера является внутренним актом, служащим основанием к истинному воссоединению человека с его другим и восстановлению в нем образа триединого Бога.

Таким образом, проведенный нами сравнительный анализ учений о бессознательном в русской философии и западном психоанализе позволил выявить их некоторые сходства и явные различия. Сходства состоят, во-первых, в том, что они обращаются к внутреннему миру человека – к бессознательному, к тайным уголкам человеческой души. Русские философы, как и западные психоаналитики, считают бессознательные мотивы главной причиной всех действий и желаний, влияющих на жизнь и мировоззрение человека. Во-вторых, они стремятся найти способ избавления человека от душевных страданий, иллюзий и предрассудков, помочь ему понять себя. В-третьих, и те и другие считают причиной всех человеческих бед несовершенство самого человека, его низкий уровень сознательности, разумности, нравственности и духовности. В-четвертых, они дают новое представление о характере человека как о динамической системе чувств и постоянно сменяющихся различных психологических состояниях.

Особое внимание обращают на себя выявленные различия. Они заключаются в том, что в учениях русских философов о бессознательном представлены духовный и метафизический аспекты, которые раскрывают всю широту и многообразие проявлений бессознательного в жизни человека. В психоанализе же преобладают психологический и физиологический аспекты, которые дают неполный, ограниченный взгляд на природу бессознательного. Это подтверждается и в учении психоаналитиков о любви, где они смогли показать только ее физиологический, социальный и творческий смыслы. Духовный смысл любви в полной мере был раскрыт в учениях В.С. Соловьёва и Ф.М. Достоевского. В отличие от западных психоаналитиков русские философы изучали бессознательное на всех уровнях бытия человека, не ограничивая свои исследования конкретными аспектами. Несмотря на то что некоторые последователи Фрейда в определенной

мере смогли преодолеть физикализм его теории, но в понимании бессознательного они все же не достигли того морально-нравственного и духовного уровня, которого смогли достичь многие русские философы. Рассматривая бессознательное в философском и религиозном аспектах, они показали его метафизическую и духовную глубину. Тем самым в понимании бессознательного они преодолели фрагментарность, физикализм и редукционизм, свойственные западным психоаналитикам. Русские философы исследовали бессознательное в полном контексте духовного мира человека, включающем в себя все возможные стороны человеческого бытия. Тем самым они сделали большой вклад в познание бессознательного и в очередной раз доказали научную ценность и творческую плодотворность русской философской мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бармашова Т.И. О философском статусе понятия «бессознательное» // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. № 4. С. 257–268.
2. Лейбин В.М. Фрейд. Психоанализ и современная западная философия. М. : Политиздат, 1990. 397 с.
3. История русской философии: учебник для вузов / редколлегия: М.А. Маслин и др. М. : Республика, 2001. 639 с.
4. Бердяев Н.А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. М. : Э, 2016. 512 с.
5. Фромм Э. Бегство от свободы. М. : Прогресс, 1989. 272 с.
6. Фромм Э. Искусство любить. М. : АСТ Москва, 2009. 224 с.
7. Соловьёв В.С. Критика отвлеченных начал // Философское начало цельного знания. Минск : Харвест, 1999. 912 с.
8. Соловьёв В.С. Чтения о Богочеловечестве. Духовные основы жизни. Оправдание добра. Минск : Харвест, 1999. 912 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 15 июля 2020 г.

The Theory of the Unconscious in Russian Philosophy and Psychoanalysis

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 61–65.
DOI: 10.17223/15617793/457/7

Artem A. Andreev, Siberian Institute of Practical Psychology, Pedagogy and Social Work (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: artsun8@yandex.ru

Keywords: unconscious; Russian philosophy; psychoanalysis; Fyodor Dostoevsky; Vladimir Solovyov; Sigmund Freud; Erich Fromm.

The article presents a comparative analysis of the theories of the unconscious in Russian religious philosophy and Western psychoanalysis. The author describes the ontological, moral and spiritual aspects of the unconscious, reveals the sociocultural and value-ideological differences in the understanding of the unconscious in the theories of Russian religious philosophers Fyodor Dostoevsky and Vladimir Solovyov and Western psychoanalysts Sigmund Freud and Erich Fromm, shows the shortcomings of the scientific analytical approach to the unconscious, and considers the specificity of the metaphysical and religious understanding of the unconscious. The main problem of the article is that today, against the background of the popularity of the psychoanalytic approach to the unconscious, the value of the philosophical approach remains insufficiently clarified and recognized. In the context of this problem, Russian religious philosophy, which has a deeper understanding of the essence and nature of the unconscious, acquires special relevance. To solve this problem, the author refers to historical, logical, comparative methods and to philosophical and cultural analysis. The comparative analysis of Dostoevsky's philosophy and Freud's psychoanalytic concept showed that the scientific psychological approach to the unconscious that Freud founded is limited by the worldview of physicalism and materialism. The religious aspect of the unconscious that Dostoevsky and Solovyov discovered made it possible to understand the unconscious in a broader and more diverse context of the spiritual world of man, which includes all possible aspects of human life. The comparative analysis also helped to find differences between Russian philosophers and Western psychoanalysts in their theories about love. The physiological aspect of love revealed by Freud, as well as the social and creative aspects of love revealed by Fromm, showed their insufficient character in comparison with the spiritual context of love proposed by Dostoevsky and Solovyov. The spiritual context of love allowed Russian philosophers to understand the unconscious at all levels of human existence, not limited to specific aspects, as well as to show its metaphysical and spiritual depth. This point leads to the conclusion that, in the understanding of the unconscious, Russian philosophers were able to overcome the fragmentation, physicalism and reductionism inherent in Western psychoanalysts. Thus, they made a great contribution to the cognition of the unconscious and once again proved the scientific value and creative fruitfulness of Russian philosophical thought.

REFERENCES

1. Barmashova, T.I. (2016) About the Philosophical Status of the Concept "Unconscious". *Sotsial'no-ekonomicheskiy i gumanitarnyy zhurnal Krasnoyarskogo GAU*. 4. pp. 257–268.
2. Leybin, V.M. (1990) *Freyd. Psikhoanaliz i sovremennaya zapadnaya filosofiya* [Freud. Psychoanalysis and Contemporary Western Philosophy]. Moscow: Politizdat.
3. Maslin, M.A. et al. (eds) (2001) *Istoriya russkoy filosofii: uchebnik dlya vuzov* [History of Russian philosophy: A textbook for universities]. Moscow: Respublika.
4. Berdyaev, N.A. (2016) *Russkaya ideya. Mirosozertsanie Dostoevskogo* [Russian idea. Dostoevsky's worldview]. Moscow: E.
5. Fromm, E. (1989) *Begstvo ot svobody* [Escape from Freedom]. Translated from English. Moscow: Progress.
6. Fromm, E. (2009) *Iskusstvo lyubit'* [The Art of Loving]. Translated from English. Moscow: AST Moskva.
7. Solov'ev, V.S. (1999) Kritika otvlechennykh nachal [Criticism of abstract principles]. In: *Filosofskoe nachalo tsel'nogo znaniya* [The philosophical principle of integral knowledge]. Minsk: Kharvest.
8. Solov'ev, V.S. (1999) *Chteniya o Bogochelovechestve. Dukhovnye osnovy zhizni. Opravdanie dobra* [Readings about God-manhood. Spiritual Foundations of Life. Justification of the Good]. Minsk: Kharvest.

Received: 15 July 2020

УДК 130.31

Ф.И. Гиренок

О ДВУХ ФИЛОСОФСКИХ СТРАТЕГИЯХ В ИССЛЕДОВАНИИ ЧЕЛОВЕКА

Исследуются две стратегии современной философии в изучении человека. Первую стратегию автор связывает с философией М. Хайдеггера, вторую – с философией Ж. Деррида. М. Хайдеггер относит человека к бытию и называет свой подход космологическим, Деррида относит человека к сфере субъективности и называет свой подход призракологикой. В статье делается вывод о том, что М. Хайдеггер определяет антропологию в качестве производной от онтологии, Ж. Деррида, напротив, определяет онтологию как зависимую от призракологики.

Ключевые слова: человек; субъективность; призрак; призракологика; свобода; метафизика; антропология; время.

В философии сложились две стратегии в исследовании человека. Одна из них представлена М. Хайдеггером, другая – Ж. Деррида. Как нужно истолковывать человека? Согласно М. Хайдеггеру, истолкование человека определяется задачами метафизики. Согласно Ж. Деррида, напротив, задачи метафизики истолковываются в свете антропологии. В первом случае исследование исходит из понимания свободы как некоего качества бытия. Во втором – как свойства человека. В первом случае элиминируется понятие субъективности, во втором – вводится понятие призрачного бытия. Статья делится на две части. В первой анализируется концепт человека, изложенный М. Хайдеггером в книге «О существе человеческой свободы. Введение в философию». Во второй части исследуется подход Ж. Деррида к анализу призрачного бытия. В резюме делаются выводы о том, что современная философия приступила к исследованию чувственно-сверхчувственных предметов.

I

Работа М. Хайдеггера «О существе человеческой свободы…» фактически является онтологической антропологией. Эта антропология начинается со следующего утверждения: «…во всей совокупности сущего человек – лишь маленький уголок. По отношению к силам природы и космическим процессам это крохотное существо обнаруживает свою безнадежную бренность, по отношению к истории и ее судьбоносным перипетиям – непреодолимое бессилие, а по отношению к необозримой длительности космических процессов и возрасту истории – неудержимую скоротечность. И вот об этом крохотном, бренном, бессильном и скоротечном сущем – о человеке – мы и говорим» [1. С. 17].

Завершается онтологическая антропология М. Хайдеггера другими прямо противоположными словами: «Теперь же, когда мы смотрим на человека из самой основы его существа, из свободы, нам становится ясно нечто огромное и чудесное: человек существует как то сущее, в котором явлено бытие сущего и тем самым – оно само в целом. Он есть то сущее, в самом собственном бытии которого и в сущностной основе совершается понимание бытия. Человек так огромен, как никогда не может быть огромен Бог, потому что ему пришлось бы быть совсем иначе. Это огромное, которое мы тут действительно знаем и которое суть мы сами, может быть таковым лишь будучи самым конечным… но в этой конечности оно – экзистентная встреча друг с другом того самопротиворечивого, что есть внутри сущего, и потому – повод и возможность разламывания и взламывания сущего в его многообразии и инаковости. Здесь же лежит ключевая проблема возможности истины как раскрытости» [1. С. 169–170].

Проанализируем сказанное М. Хайдеггером и, с одной стороны, попробуем найти альтернативу сказанному, а с другой – попробуем узнать, каким же образом и за счет чего М. Хайдеггер превратил крошечного человека в огромное конечное сущее, умаляющее Бога.

Человек – «маленький уголок» сущего

В первом фрагменте мысль М. Хайдеггера строится на предположении, что человек «относится к» разным аспектам сущего и к сущему в целом. Почему его мысль строится на предположении? Потому что «отношение к» у М. Хайдеггера ниоткуда не следует, оно никак не объясняется и полагается тем, что уже дано. Между тем любое «отношение к» указывает на присутствие субъекта. Слово «присутствие» обозначает лишь то, что само отношение к чему-либо не является частью того, к чему оно относится. Чтобы отнестись к сущему, нужно перестать быть сущим. Чтобы отнестись к силам природы, нужно перестать быть силой природы. Почему М. Хайдеггер говорит о человеке как о крошечном уголке вселенной? Потому что он растворил человека в сущем. И Бог, и растение, и животное, и человек – все это есть сущее. Что это значит? А это значит, что М. Хайдеггер стирает границу между человеком и нечеловеческим и тем самым лишает человека возможности отнестись к сущему, как в частности, так и в целом. Почему это важно отметить? Потому что отношение к чему-либо возможно со стороны сознания. И ни с какой другой стороны оно невозможно.

Человек больше Бога

Во втором фрагменте конечный человек «раздувается» М. Хайдеггером до размеров вселенной. За счет чего происходит это расширение? За счет того, что М. Хайдеггер обнаруживает основу человека. Отметим, что основа – это не человек. Что же является ос-

новой человека? Основой человека, говорит М. Хайдеггер, является свобода. Что это значит? Это значит, что свобода – это не свойство и не способность человека. В мысли об основе речь идет не о том, что человек имеет свободу. Речь идет о том, что свобода как основа делает возможным многое, в том числе и человека. Свобода принадлежит не человеку. Свобода принадлежит бытию. Что из этого следует? Из этого следует, что свобода понимается М. Хайдеггером как модус природной причинности. То есть что сделал М. Хайдеггер? Он перенес свободу из мира человеческой субъективности в мир природы и объявил свободу основанием космологических процессов. Тем самым М. Хайдеггер выполнил пожелание Ф.Г. Шеллинга, сформулированное им в работе «О сущности человеческой свободы» [2].

Критика онтологической антропологии

Для М. Хайдеггера человек сам по себе ничего не значит. Сам по себе он и есть забытый Богом крохотный уголок вселенной. Он всего лишь распорядитель свободы, ему не принадлежащей. Но в свете бытия человек выполняет важную функцию. Какую? В собственном бытии человека совершается понимание бытия, понимание всего того, что есть. Возникает вопрос: почему же бытие не может совершить понимание бытия само по себе? Почему для этого ему нужен именно человек, а не какое-либо другое сущее? У М. Хайдеггера нет ответа на этот вопрос. Хотя ответ на этот вопрос прост. У бытия нет для этого никаких возможностей. Оно бессильно. М. Хайдеггер решает проблему: бытие нуждается в человеке или человек в бытии. Сущему, чтобы быть, не нужно понимать бытие. А бытие, чтобы понимать сущее, нуждается в человеке. Помимо этого, М. Хайдеггер не знает ответа на вопрос о том, почему животное не нуждается в понимании бытия, а человек нуждается в этом. От Хайдеггера ждешь разъяснение вопроса, в чем же состоит изъян человека, принужденного бытием к пониманию бытия? М. Хайдеггер уклоняется от ответов на эти вопросы, полагая, что понимание, как и свобода, принадлежит не человеку, а бытию. В человеке оно лишь показывает себя, но это не человеческое понимание.

Зачем человеку понимание бытия? Затем, говорит Хайдеггер, чтобы понимать сущее. Но если это так, то тогда надо объяснить: а какая завеса скрыла от человека это сущее? И на эти вопросы онтологическая антропология М. Хайдеггера не отвечает. М. Хайдеггер говорит, что «понимание бытия» и «бытие-в-мире» и есть как раз то, что заставляет человека относиться к миру. Но это его «бытие-в-мире» концептуально не раскрыто М. Хайдеггером. Бытие в мире не может относиться к миру. Для того чтобы это сделать, ему нужно будет выдвинуться либо в то, что Ж. Деррида назовет миром призраков, либо в ничто. Но бытие, выдвигающееся в ничто, обессмысливает бытие. Если оно выдвигается в ничто, то становится ничто. Если не выдвигается, то остается тем, что оно есть, т.е. бытием. Онтологическая антропология М. Хайдеггера не занимается исследованием призрачного бытия. Поэтому она заставляет выдвигаться, как говорит М. Хайдеггер, в ничто человека. «Выдвижение в ничто» скрывает отсутствие человеческой субъективности в рассуждениях М. Хайдеггера. Принципиальный изъян онтологии М. Хайдеггера состоит в том, что она упускает из виду простой факт: прежде чем говорить, человек галлюцинирует. Прежде чем он научится смотреть, он принужден грезить. Греза – это не проблема психологи и тем более социологии, это космологическая проблема. Почему? Потому что в ней, в грезе, заканчивается действие природы и начинается деятельная история человека. Что значит галлюцинировать? Это значит выходить за пределы сущего. Выходить куда? В мир того, что существует без присутствия в мире наличного. Зачем? Затем, чтобы расширить посредством мнимостей мир природы так, чтобы в этом расширении не зависеть от природной необходимости и по своему произволу начинать новый ряд явлений, который принадлежит не бытию, а человеку. Мир грез и есть та завеса, которая отделяет человека от мира сущего. Преодолеть эту завесу помогает человеку сознание, ибо сознание – это единственный способ, посредством которого человек дает себе предметы внутреннего опыта, которые и составляют призрачное бытие.

II

В 1993 г. вышла книга Ж. Деррида «Призраки Маркса». О чем эта книга? О призраках, о том, что и не вещь в себе, и не вещь для нас, и не живое, и не мертвое, а нечто третье. Это третье и не присутствует, и не отсутствует, хотя и дано. И конечно, она о Марксе как призраке. Мысль о призрачности бытия делает эту книгу антропологически ориентированной. «Призраклогика» Деррида стала символическим указанием на выход из тупика, в котором оказалась европейская философия. Что это за тупик? Европейская философия, поставив вопрос о бытии, забыла, что ответ на этот вопрос зависит от ответа на вопрос, что есть человек. «Призраки Маркса» Деррида – это, на мой взгляд, некоторое движение к ответу на этот вопрос.

Пролог

Поздний Кант хотел философию повернуть к человеку, как к тому, что содержит в себе ключ к познавательному отношению к миру [3]. Но континентальная философия отклонила вопрос о человеке и решила поставить вопрос об исследовании природы такой, какой она есть сама по себе. К. Мейясу [4], Б. Латур [5], Г. Харман [6] по-разному относятся к корреляции бытия и мышления. Но никто из них не осмелился поставить вопрос об изучении человека самого по себе. Человек – незначительная часть природы, говорят они. По словам Хармана, корреляция хороша тем, что не позволяет изучать человека вне связи с миром. Но она плоха в том отношении, что мешает изучать мир сам по себе вне связи с человеком.

Ответ Деррида другой. Природа – часть человека. Если бы это было не так, то не было бы никаких условий для существования виртуальной реальности.

Призраки

«Повтор и первый раз – вот о чем, возможно, идет речь, когда мы задаемся вопросом о призраке: что такое действительность, или присутствие призрака…» [7]. Что такое действительность? Это то, в основании чего лежит действие человека. А в действии человека всегда присутствует призрак, которого иногда называют целью. Поэтому человеческая действительность всегда призрачна. О вещах можно рассуждать в бинарных терминах. О призраках можно говорить только парадоксально, как о неприсутствующем присутствии, о здесь-бытии отсутствующего. Человек вовлекается одновременно и в социокультурные процессы, которые предполагают повторяемость, и в творческие процессы, которые требуют бытия того, что может быть только в первый раз. Деррида пишет: «Повтор и первый раз, но также повтор и последний раз, поскольку уникальность каждого первого раза превращает его также и в последний раз» [7].

Дух, говорит Деррида, похож на призрак. Призрак похож на дух. В чем их сходство? Неизвестно. Почему? На этот вопрос Деррида отвечает так: мы не знаем это не по неведению, «а потому, что этот необъект, это неприсутствующее присутствие, это здесь-бытие отсутствующего или уже исчезнувшего, не имеет отношения к знанию» [7].

Иными словами, человеческий мир фундаментально разделен. Все, что мы делаем по отношению к природе, имеет отношение к знанию, подчиняется принципам объективности, постоянства, повторяемости. А все, что мы делаем по отношению к самим себе, субъективно, выходит за пределы знания. И ученый в рамках антропологического поворота оказывается в какой-то двусмысленной ситуации: ситуации ускользающего от него не-объекта. Фигура ученого связана со знанием. Но что ему делать, если он сталкивается с ускользающим объектом, с неисследованной субъективностью? Ученый не может не верить, что есть граница между реальным и нереальным, живым и неживым, бытием и небытием. «Все, что превосходит эту оппозицию, представляет собой с точки зрения scholar всего лишь школьные гипотезы, театральный вымысел, литературу и умозрения» [7]. Но придет время другому интеллектуалу, который, превзойдя оппозицию присутствия и не-присутствия, сможет, наконец, помыслить возможность призрака, сам призрак как возможность. Он создаст новый язык и вступит в разговор с призраками. «Говорить с призраками» обозначает на языке Деррида поворот к исследованию субъективности. Тот, кто решится на этот поворот, выпадет из традиции, «будет, – пишет Деррида, – человеком вполне безумным» [7].

Конец истории

В 50-е гг. XX в. среди европейских философов обсуждался вопрос о конце истории, о конце человека, о конце философии. В нем мелькали ссылки на Гегеля, Маркса, Ницше, Хайдеггера. «Апокалиптический хлеб», пишет Деррида, питал наши разговоры. Прошло 40 лет, и в 90-е гг. в Европе вновь возник вопрос о конце истории. Только теперь он уже возник, по словам философа, как «навевающий скуку анахронизм». Поезд ушел, а опоздавшие все еще пытались в него вскочить, чтобы не опоздать к финалу истории. Среди них был прилежный читатель А. Кожева Фукуяма, человек с наивной верой в либерализм и капитализм. Фукуяма не понял, что собственно человек – это человек, отрицающий наличное бытие. Поэтому он не понял Кожева, который писал: «Исчезновение человека в конце Истории не будет катастрофой: природный мир останется таким, каким он был от века» [8. С. 538–539].

«Призрак бродит по Европе. Призрак коммунизма», – цитирует Деррида «Манифест» Маркса [7]. В «Манифесте», по его словам, был манифестирован некий призрак, галлюцинация, отцеподобный персонаж, столь же могущественный, сколь и нереальный. Коммунизм еще не существовал, а его призрак уже бродил в умах людей. Он то, что должно быть, в отличие от того, что есть. Есть наличная реальность, а еще есть будущее, в котором поселился призрак коммунизма. Что такое революция? Это стирание границы между наличным бытием и призраком посредством попытки реализации призрака. И вся человеческая история есть не что иное, как непрерывно возобновляемая попытка стереть границу между наличным бытием и призрачным. Люди – перманентные революционеры. Но Маркс верит в существование границы. Он ученый. Маркс думает, что он знает, чем реальность отличается от призраков. Стирание границы между наличным и призрачным – это симптом пребывания человечества в долгом сновидении. Верить, что можно отличить реальность и сон, – значит ничего не понимать в человеке. Деррида говорит, если Маркс верит в существование границы – значит он не верит в революцию. Выходит, что Маркс не марксист, вернее, Маркс революционер, который не верит в революцию. Следовательно, революция заранее обречена на поражение.

После гибели СССР призрак коммунизма ушел в прошлое. Ему больше не вернуться, ибо, как скажет философ, вернуться можно из будущего. Из прошлого призрак можно вызвать только заклинанием, колдовством. «Прежде чем узнать, можно ли провести различие между призраком из настоящего и призраком из будущего, настоящим в прошедшем и настоящим в будущем, возможно, следует спросить себя, не состоит ли эффект призрачности в том, чтобы разрушить это противопоставление» [7]. И тогда то, что было социальной проблемой, станет проблемой антропологической. А это значит, что призрачность человеческой жизни принадлежит не онтологии, не размышлениям о сущем, а hantologie, т.е. призракологике.

Маркс критикует Штирнера за грязное мышление, за производство призраков индивидуализма. Деррида критикует Фукуяму за апологию США. Для Деррида будущее является проблемой мессианской. Но мессианское Деррида понимает в качестве того, что не нуждается в Мессии. Стоит заметить, что проблема Мессии состоит не в том, что его нет актуально в настоящем, а в том, что он должен прийти из будущего и его еще нужно узнать как Мессию.

Призраки Маркса – это, конечно, сам Маркс, а также коммунизм. «Отныне, – говорит Деррида, – мы будем называть “Призраками Маркса” определенные образы, которые Маркс первым воспринял, а порой описал их присутствие» [7]. Даже Маркс самоуверенно полагал, что призраки можно изгнать, рассеять. Для этого надо только изменить общество. Что же Деррида? Он призвал нас не забывать читать Маркса и понимать, что изгнать призраки, изменив общество, нельзя. Для этого надо изменить природу человека.

Отличительная черта дискурса Деррида состоит в том, что он не любит высказываться прямо. И не потому, что он чего-то боится, а потому, что он хочет пройти испытание окольного пути. Куда ведет этот путь? К символическому, к сверхчувственному, к предмету внутреннего времени. Деррида подкрадывается к предмету разговора издалека, сбоку, со стороны неочевидного. И поэтому он идет к Марксу не от текста Маркса, а от Шекспира, Валери, Фукуямы, Бланшо. Деррида любит детали, маргиналии, филологические тонкости, которые не могут не утомлять торопливого читателя. Поэтому, читая его, не надо торопиться. Но и не надо ожидать, что Деррида в какой-то момент предъявит тебе значимый текст или фрагмент текста из сочинений Маркса. Никакого предъявления текста не будет. Не будет и анализа, а что же будет? А будет попытка сказать еще что-то, что может быть сказано лишь поверх того, что говорится. Вот это сверхсказанное мы находим под рубрикой, озаглавленной Деррида в книге «Призраки Маркса» как «Вступительное слово».

«Вступительное слово»

Во «Вступительном слове» Деррида сказал все, что он хотел сказать, ничего не говоря о Марксе. Он сказал то, что в нем возникло неожиданного для него самого. В дискуссии с Марионом Деррида еще осознает себя феноменологом, хотя и частично. Во вступительном слове мы видим невиданного Деррида. И десять лет спустя, когда он давал свое последнее интервью газете «Монд», он вновь повторил сказанное. В конце концов, вопрос о том, куда идет марксизм, не так важен, как вопрос о том, что же пошло не так в человеческой истории, пошло не так, как думали марксисты, направляемые идеей естественно-исторического процесса. История не является естественной, если в ней участвуют призраки. А призраки в ней участвуют. И это, говорит Деррида, ясно видно по работе «18 брюмера» Маркса. Деррида расширил список тех, кто принимает участие в истории. В ней присутствуют не только те, кто живет в данный момент времени, но и те, кто жил и уже умер, а также те, кто еще не родился. Слово «народ» объемлет и тех, и других, и третьих. Эта христианская мысль была ясно выражена в русской философии. И заново, как мне кажется, открыта Деррида в «Призраках Маркса». Осознание этой мысли заставляет его по-новому посмотреть на демократию, либерализм и перспективы существования человечества.

Дает ли нам новую оптику «призракологика» Деррида? Может ли она исправить понятие «естественного» в историческом процессе, который привел человечество к ситуации пата? И позволяет ли она переосмыслить время? Ответы на эти вопросы мы и пытаемся найти в «Призраках Маркса».

Гетеродидактика жизни и смерти

Деррида, как Кант, пытается выйти за пределы опыта. Выйти куда? Кант никак не обозначает новое пространство. У Канта за пределы опыта выходит разум, а у Деррида – человек. За пределами опыта для человека находятся призраки, а не ничто, как думали Хайдеггер и Сартр. Посредством призраков человек расширяет реальное и в этом расширении не зависит от него. Почему? Вещи существуют, если человек относится к ним как к чему-то действительно существующему. Поэтому расширять опыт для Деррида – значит научиться жить с призраками. Проблема состоит в том, что промежуток между жизнью и смертью, т.е. пространство существования призраков, имеется не у всех живых существ. Этот промежуток существует только у человека. Почему? Потому что животные умирают, но у них нет смерти, а человек, умирая, знает смерть. Смерть – не объективная реальность и вообще не реальность. Сознание человека – это ворота смерти. Природа не знает промежутка между жизнью и смертью. Он возникает в сознании у того, кто провел границу между внешним и внутренним. Ни жизнь, ни смерть, взятые порознь как биологическая реальность, ничему нас не научат. Деррида пишет: «…то, что разворачивается в промежутке между ними, в каком угодно «промежутке» – ибо это всегда промежуток между жизнью и смертью, есть не что иное, как беседа с некими призраками» [7]. Призрак – это не живое и не мертвое. Это территория человеческого существования. Отсутствие призраков указывает на территорию нечеловеческого, будь она органической или неорганической. Но на этом мысль Деррида не останавливается. Деррида стремится показать, что призракологика – это логика более мощная, чем любая онтология или мысль о бытии.

Письмо впотьмах

«Движение последующего текста, подобно письму впотьмах – не ведающего того, что еще должно случиться…» [7]. «Письмо впотьмах» – это спонтанное движение мысли Деррида к тому, чтобы на место бытия поставить призрак.

Письмо впотьмах приводит Деррида в ту точку, где нужно ответить на вопрос: откуда у нас, у людей, появляется чувство реальности, если реальность нам не дана прямым образом? Чувство реальности может возникнуть только у того, кто может грезить. Не может быть так, чтобы у одного человека было только чувство, а у другого – только реальность. Галлюцинация нам всегда дана, но она не существует. А то, что существует, нам не дано. Поэтому под словом «реальность» имеют в виду и то, что существует, и то, что не существует, но дано. Но смешивать одно с другим нельзя. Если мы это сделаем, мы получим нелепую философию в виде «новой философии» М. Де-

ланда, объект объектной онтологии Г. Хармана, спекулятивного реализма К. Мейясу и философии гиперобъектов Т. Мортона. Новые философы игнорируют то, что Деррида назвал сверх-жизнью, которая этим «сверх» нарушает самотождественность своей реальности. А сверхжизнь – это просто расширение жизни человека посредством мнимостей. Если же исходить из того, что мир состоит из объектов, то тогда нужно принять мысль о невозможности расширения реальности в силу ее тождества с самой собой. В таком случае возможно торжество примитивного материализма тех, кто отрицает существование духов. Духи существуют, – говорит Деррида, – и «с ними невозможно не считаться» [7].

Деррида выражает свой антропологизм при помощи того, что он называет «промежутком между жизнью и смертью» [7]. Этот промежуток «есть не что иное, как беседа с некими призраками» [7].

Беседа с призраками

«Призрак есть некая галлюцинация или симулякр, оказывающийся более реальным или действенным, нежели то, что мы называем живым присутствием» [7]. Призрак более реален, чем любое живое присутствие. Осознание этой мысли постепенно проникает в современную философию. Русский язык не связывает призраки с духом. Французский язык их связывает. Вещи не надо понимать, а призраки нам надо понимать. Почему? Потому что они никогда не присутствуют как таковые. А как же они присутствуют? Не сами по себе, не как субстанции и сущности, а как то, что указывает на то, что оно не есть. Следовательно, как некая неотъемлемая от присутствия человека мнимость. Не значит ли беседа с призраками то же самое, что и слово «мыслить»? Ведь мыслить – значит полагать несуществующим. Научиться жить нужно не с вещами, которые присутствуют, а с мнимостями, или, как говорит Деррида, с призраками, которые отсутствуют в природе, но присутствуют в глазах человека.

Почему нам нужно научиться жить с призраками? Если мы хотим сохранить не чистый разум, а человеческий взгляд на вещи, нам придется сохранить вместе с ним и призраки, потому что призраки живут внутри нас как предметы времени. Эти призраки с необходимостью воспроизводятся в нас без нашего на то согласия. Все мы принуждены жить в их сообществе. Нет никакого совместного бытия с другим без совместного бытия с призраком. Философия, которая игнорирует бытие с призраками, не имеет никакого человеческого смысла. Тем самым Деррида предпринимает усилия по новой интерпретации времени.

Время

Все, что существует во времени, не имеет ни тела, ни места. В каждом из нас, говорит Платон в «Филебе», есть внутренний живописец. В каждом из нас живут призраки, и мы хотим дать им образ или тело. Все временное относительно, но что относительно, то не абсолютно. Что значит превосходить настоящее, о котором говорит Деррида? Призрак, возникнув во времени, разрушает направленность времени, последовательность всех его модальностей. Дело в том, что бытие вместе с призраками, т.е. человеческое бытие, имеет прошлое, которое не ведет к настоящему, и будущее, которое независимо от настоящего. То, что находится перед нами, должно нам предшествовать как начало. Это, говорит Деррида, может шокировать. Но тогда нас должны шокировать наши предки, ибо они были перед нами, а мы – после них. Нам с необходимостью потребуется понять жизнь как сверхжизнь, следами которой являются жизнь и смерть. Настоящее без прошлого и без будущего требует преодоления присутствующей жизни.

Какой вывод можно сделать, продолжая мысль Деррида? Прошлое, которое не ведет к настоящему, это и есть наше будущее. То, что нас ожидает, не зависит от настоящего. Нарушение самотождественности всякой реальности говорит о том, что духи существуют и человек никогда не существует один. Он всегда больше одного. Что мы можем сегодня сделать? Дать приют бездомным призракам ради заботы о справедливости для тех, кого уже нет или еще нет.

Резюме

Подводя итог нашему исследованию, необходимо сказать, что современная философия совершает переход от онтологии, система понятий которой ориентирована на внешний мир, к призракологике, концепты которой ориентированы на изучение внутреннего мира человека. Она движется в парадигме, предложенной Ж. Деррида, оспаривая права фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. Современную философию интересует не то, что существует, не то, что становится, не то, что возможно, а то, что невозможно. Ее волнует невообразимое. При ближайшем рассмотрении невообразимое оказывается тем, что не существует, но дано.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдеггер М. О существе человеческой свободы. Введение в философию. СПб. : Владимир Даль, 2018. 415 с.
2. Шеллинг Ф. Сочинения: в 2 т. М. : Мысль, 1989. Т. 2. 636 с.
3. Кант И. Трактаты и письма М. : Наука, 1980. 712 с.
4. Мейясу К. Дилемма призрака // Логос. 2013. № 2. С. 70–80.
5. Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с.
6. Харман Г. Четвероякий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь : Гиле пресс, 2015. 152 с.
7. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал. URL: https://predanie.ru/book/217532-prizraki-marksa-marks-i-synovya/
8. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб. : Наука, 2003. 792 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 12 июля 2020 г.

On Two Philosophical Strategies in Human Research

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 66–71.
DOI: 10.17223/15617793/457/8

Fedor I. Girenok, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: girenok@list.ru

Keywords: human; subjectivity; ghost; hauntology; freedom; metaphysics; anthropology; time.

The article explores two strategies of modern philosophy for human research. The author connects the first strategy with Martin Heidegger's philosophy and the second with the philosophy of Jacque Derrida. Heidegger refers to human existence and calls this approach cosmological; Derrida relates man to the sphere of subjectivity and calls his approach hauntology. Heidegger justifies his approach as follows: Since Immanuel Kant, when discussing freedom, correlates it with causality and calls this correlation cosmological, in this approach, Heidegger sees a tendency of bringing freedom closer to nature that Kant did not implement. There is causality and necessity in nature. There is also freedom as the basis of natural causation in it. Heidegger rejects what Kant referred to as productive imagination a priori as something subjective and constructs a new concept – "understanding of being". This concept clearly shows that man has nothing to do with understanding. Understanding in Heidegger is one of the ways of unfolding being. In turn, Derrida opposes this approach. On the contrary, he speaks of the limitation of being, since Heidegger refers to it only as the present, the existing. Derrida expands the concept of being by including the absent in it. Thus, Derrida formulates, as he says, a more fundamental problem that covers both what exists and what does not exist, but is given to man. He calls a ghost something that does not exist, but is given to man. Hauntology, according to Derrida, erases, in the Hegelian sense, the theory of being and is the newest prospect in human research. The article criticizes the logic of Heidegger's reasoning, which turns a "tiny part of the universe" called "man" into a huge quantity that exceeds the size of God. The author supports Derrida's call for scientists to enter into a "conversation with ghosts". The article pays special attention to the problem of correlation of objects of internal experience with objects of feelings, and also discusses the ways in which objects of time are given to man. According to the author, the critique of Fukuyama's philosophy, as well as the interpretation of subjective time proposed by Derrida, is of undoubted interest. The article concludes that Heidegger makes anthropology a derivative of ontology, and Derrida, on the contrary, makes ontology dependent on hauntology.

REFERENCES

1. Heidegger, M. (2018) *O sushchestve chelovecheskoy svobody. Vvedenie v filosofiyu* [The Essence of Human Freedom: An Introduction to Philosophy]. Translated from German. Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
2. Schelling, F. (1989) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: In 2 Vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
3. Kant, I. (1980) *Traktaty i pis'ma* [Treatises and Letters]. Translated from German. Moscow: Nauka.
4. Meillassoux, K. (2013) Spectral Dilemma. *Logos.* 2. pp. 70–80. (In Russian).
5. Latour, B. (2006) *Novogo Vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii* [We Have Never Been Modern. Essays on Symmetrical Anthropology]. Translated from French. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg.
6. Harman, G. (2015) *Chetveroyakiy ob"ekt. Metafizika veshchey posle Khaydeggera* [The Quadruple Object. Metaphysics of Things After Heidegger]. Translated from English by A. Morozov, O. Myshkin. Perm: Gile press.
7. Derrida, J. (2006) *Prizraki Marksa. Gosudarstvo dolga, rabota skorbi i novyy internatsional* [Specters of Marx: The State of the Debt, the Work of. Mourning, and the New International]. Translated from French by B. Skuratov. [Online] Available from: https://predanie.ru/book/217532-prizraki-marksa-marks-i-synovya/.
8. Kojève, A. (2003) *Vvedenie v chtenie Gegelya* [Introduction to the Reading of Hegel]. Translated from English. Saint Petersburg: Nauka.

Received: 12 July 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 72–76. DOI: 10.17223/15617793/457/9

УДК 165.311.1

М.В. Клёцкин

НАЧАЛА ПОЗНАНИЯ ФИЗИЧЕСКИХ СУЩНОСТЕЙ

Выделяются и рассматриваются три начала физических сущностей: 1) сущее-само-по-себе; 2) мышление индивида; 3) ценностное отношение. Проанализирована взаимосвязь понятий «сущность», «значимость», «знак», «сущее» и предложена праксеологическая модель их объединения. Обосновывается утверждение о том, что сущее не дано непосредственно в действительности, но как энергия при-сутствует в каждой познанной природной сущности, фундирует ее существование как чистая возможность (как материя), реализуемая сознанием.

Ключевые слова: квантовая физика; сущность; сущее; действительность; потенциальность; истина; бытие; ценностное отношение.

Квантовая физика изменила коренным образом представления естествоиспытателей о физическом бытии и способах познания мироокружного сущего. Перед физиками-теоретиками встала задача, опираясь исключительно на данные экспериментов и их максимальное уточнение, создать целостную систему предсказаний поведения частицы в определенных условиях. Формирование такой системы принято описывать как процесс взаимодействия двух противоположных начал – сущего-самого-по-себе («объективного бытия») и мышления ученого («субъективного бытия»). Воздействие сущего-самого-по-себе на мышление не вызывает споров, однако необходимо объяснить и то, как мышление воздействует на сущее. Именно в ответе на этот вопросе раскрывается необъяснимая «классической» философией и здравым смыслом «парадоксальность» квантовой физики. Возникает необходимость изучения практики в качестве опосредующего звена между сущим и мышлением. Практика, практическое отношение всегда включает ценностный компонент, всегда творит бытие индивида как ценностное бытие, чье предназначение – быть полем деятельности, полем значимых объектов. Практика ученого-физика не является исключением – для практики необходим материал, опосредующий в данном случае деятельность познания. Мало осознавать противоречие между желанием и наличным положением дел, необходима деятельность по разрешению такого противоречия.

С нашей точки зрения, именно *физическая сущность* является связующим звеном между сущим-самим-по-себе и бытием, поскольку может существовать в этих двух измерениях как «вещь-в-себе» и «вещь-для-нас» (в терминологии Канта). Солнце, например, как и всякая физическая сущность, существует для нас в двух ипостасях: в сущем-самом-по-себе и в мышлении как определенный бытийный образ физической сущности. Знание о качествах физических сущностей имеет начало в сущем-самом-по-себе и вынуждено постоянно удостоверять свою адекватность сущему на практике, поскольку истинность познания выражается в адекватности познания как внутримирно встречному сущему, так и образу его представленности в мышлении, т.е. наличному бытию сущности. Физическая сущность является опорой истинности и, одновременно, объектом познания природы.

Термин «сущность» (οὐσία) в древнегреческой философии имеет значение основы (подлежащего) познания, о которой сказывается всякое суждение. Кроме того, «сущность» э – то и то, что существует или само по себе, или в бытии индивида. «Ни одна из прочих [категорий], кроме сущности, не существует в отдельности, все они высказываются о подлежащем, [каковым является] “сущность”» [1. С. 63]. Материал и материя познания находятся, таким образом, в сущем-самом-по-себе, предзаданном бытию самости – в окружающей индивида природе. Мышление (бытие) через чувства как бы соприкасается с сущим-самим-по-себе, поэтому Аристотель называл чувственное познание касанием (θιγγάνειν). «Прямая данность простого бытия делает его познание крайне специфичным. Это как бы касание и сказывание (thigein kai phanai); когда же нельзя коснуться, то это есть незнание» [2. С. 111]. Возможности чувственного познания расширяются благодаря использованию различных приборов, но суть познания остается прежней – соприкосновение с сущим-самим-по-себе, для получения информации о нем с целью дальнейшего использования. Далее мышление выделяет (декогерирует) и обобщает существенные (ценные) для индивида свойства окружающего сущего, в котором индивид себя, собственно говоря, и находит. Формирующееся знание дает человеку власть над сущим, т.е. дает возможность менять его под свои потребности.

«Все сущности, воспринимаемые чувствами, имеют материю. И сущностью является то, что лежит в основе; в одном смысле – это материя (я говорю здесь о материи, поскольку эта последняя, не будучи отдельно данною вещью в действительности, является таковою в возможности), в другом – понятие и форма – то, что как отдельная вещь может обособляться <только> мысленно, а на третьем месте – то, что состоит из материи и формы, что одно только подлежит возникновению и уничтожению и, безусловно, обладает самостоятельным существованием» [3. С. 261]. В данном отрывке речь идет как раз о физических сущностях: они лежат в основе познания наличного бытия, ведь именно о них в первую очередь сказывается суждение – они *онтологическое подлежащее (субстанция) всякого суждения*. В самом же общем смысле такой субстанцией является сущее-само-по-себе, которое возможно интерпретировать как материю *всех* физических явлений. Атом, например, суще-

ствует независимо от мышления, но *определенный*, зафиксированный наблюдателем атом уже не есть только сущее-само-по-себе – он, вместе с тем и мысль (логос), а конкретно – представление атома, имеющее определенные качества и значение.

Чувственное восприятие физической сущности (непосредственное или опосредованное с помощью органов чувств) рождает в мышлении неразличенное единство, становящееся основой познания общего – то, что Кант называл «die transzendentale Einheit der Apperzeption» («трансцендентальное (синтетическое) единство апперцепции»). В одной из статей [4] мы назвали это неразличенное единство «существью», поскольку в русском языке для него нет какого-либо наименования. «Понятие этого единства [единства апперцепции] и есть представление о предмете» [5. С. 138]. Порождает «сущесть» еще *неосознанное* (поэтому неразличенное) единство чувственных восприятий (апперцепций) сущего. Далее это единство осознается и в результате становится чувственным опытом – осознанием различения предметов. Сущий в душе (мышлении) поток ощущений вызывает рождение воспоминаний, которые обобщаются в чувственный опыт. Об этом говорит Аристотель во фрагменте 100a3–100a14 «Второй Аналитики» (перевод Е.В. Орлова): «Из опыта, т.е. из всего успокоившегося *кафолического [целостного] в душе*, *единого помимо многих*, которое было бы *тем же* во всех этих [запоминаниях], начало искусства и *эпистемы*» [6. С. 25]. Сущесть формируется из чувственных ощущений единичных физических сущностей, но порождает в душе *общее* знание о вещах, поскольку индивид стремится «подвести» под высказывание максимальное количество ощущений и восприятий. Кант в связи с этим замечает: «эмпирическое единство апперцепции представляет собой лишь нечто производное из первого единства» [5. С. 154]. Кант, пожалуй, был первым новоевропейским философом, понявшим смысл и место аристотелевского концепта «τὸ τί ἦν εἶναι» («сущесть») в философии познания.

Может ли быть мышление физических сущностей не на основе «сущести»? По нашему мнению, не может, ведь рациональное мышление всегда, так или иначе, о «трансцендентальном единстве апперцепции», а через нее и о сущем-самом-по-себе, т.е. о том, что существует независимо от мышления. Почему на основе всегда истинной для индивида «сущести» в науке иногда даются ложные определения? Как мы предположили, «сущесть» является основанием любого рационального познания, а также основанием целостности, истинности познания, а также началом всякого общего высказывания. Истинность всякой «сущести» не зависит от эмпирического опыта индивида или от правильности рассуждений – истинность «сущести» обеспечивается *необходимостью* ее бытия в индивидуальном мышлении. «Есть только таким-то образом; если же оно таким-то образом не существует, оно вообще не существует, и истина здесь в том, чтобы мыслить это сущее, а ложного здесь нет, как нет здесь и заблуждения, а есть лишь незнание» [3. С. 251]. Неистинной может быть не «сущесть», а ее определение. То же, что как-то есть (действительно) и что просто есть как часть мышления, всегда истинно и необходимо. Другими словами, мы можем ошибаться в интерпретации смысла физических сущностей, в их определении и систематизации, но это никак не повлияет на их сущностную истинность в нашем бытии, определяемую их независимым от мышления физическим существованием.

Две важнейшие характеристики познания сущности – различение и отбор. Сознательное различение происходит через определение понятийных границ предмета – дефиницию, и через выявление качеств предмета. Способ определения понятийных границ задается господствующей рациональностью, т.е. господствующим способом осмысления находимого сущего – онтологией. Различая сущее (в случае физических сущностей различение происходит с опорой на нахождение – открытие), индивид образует *сущность-понятие* – мысленный образ сущей сущности. Понятие тоже является сущностью, однако свое начало оно имеет не только в сущем-самом-по-себе, но и в мышлении. Сущность-понятие – вторая ипостась физической сущности в научном познании. Она тоже существует, поэтому сохраняет название сущности, но существует как лишь умопостигаемый материал мышления (хотя и сказывающийся о материальных сущностях).

Платоники и картезианцы как бы отчуждают образ единичной физической сущности от мышления, т.е. этот образ имеет в их учениях самостоятельное, независимое от сознания индивида существование. Это приводит к иллюзии того, что сущность-понятие и есть непосредственно сущее-само-по-себе. Когда я вижу Луну, я вижу ее не непосредственно, а посредством ее образа, сформированного моим мышлением под влиянием Луны на мои органы чувств. Сущее-само-по-себе всегда дано сознанию в знаково-ценностно-понятийной форме – это лишь мысленный образ сущего. Таким образом, физический объект в бытии-мышлении ученого существует сразу и как сущий-сам-по-себе, и как мыслимый. Как модно сегодня говорить, объект *синергиен,* т.е. является наличным для сознания результатом взаимодействия мышления и сущего-самого-по-себе. *Сущее не дано непосредственно в действительности, но как энергия присутствует в каждой познанной природной сущности, фундирует ее существование как чистая возможность (как материя), реализуемая сознанием.*

Сознание формирует образ-эйдос (понятие) и образ-морфе (пространственную определенность) сущности. Образы обособляются (отчуждаются) мышлением от физических сущностей и сами становятся сущностями-понятиями, существующими только в мышлении, и образующими умопостигаемый мир. Таким образом, мышление также (наряду с сущим-самим-по-себе) фундирует существование физических сущностей – является второй общей для всех физических сущностей причиной их наличного бытия, но причиной не отдельной от сущего, а находящейся в единстве с ним. Сущности наличного бытия (единичные вещи) обладающие самостоятельным существованием, становятся определенными, образно говоря, в результате «встречи» сущего и мышления.

Разве были, например, протоны объектами познания до того, как их существование было открыто в начале двадцатого века? Они существовали как неразличенное сущее-само-по-себе, то есть существовали лишь потенциально, и ни в коем случае не были частью объективного (наличного) бытия, разве что тоже лишь потенциально. Физики в наше время много рассуждают о тёмной материи, виртуальных частицах и тому подобном, но эти рассуждения остаются абстрактными, так как не опираются на чувственный опыт, а значит, ничего конкретного о сущем сказать не могут. На основе этих рассуждений можно строить лишь вероятностные предположения о том, какая именно причина привела к наблюдаемому в опыте явлению.

Рассмотрим теорию измерений Джона фон Неймана. Она исходила из неверного, на наш взгляд, картезианского предположения, что подвергаемая измерению система (сущее-само-по-себе) и измерительный прибор (мышление) изолированы друг от друга. «Мы всегда должны делить мир на две части – наблюдаемую систему и наблюдателя… Положение границы между ними в высокой степени произвольно… То, что такую границу можно поместить сколь угодно далеко внутрь организма действительного наблюдателя, и составляет содержание принципа психофизического параллелизма» [7. С. 308]. Возразим: во-первых, наблюдаемое сущее не существует как система, оно бессистемно как бессистемны чистая возможность или материя; во-вторых, сущее и мышление, если рассматривать их как начала наличного физического бытия, не могут быть изолированы («параллельны» друг другу) в принципе, поскольку, как мы доказывали в другой статье, бытие – это всегда бытие сущего-самого-по-себе и само суще [8]. Мышление *образует* действительное бытие сущего-самого-по-себе, придавая существованию сущего форму пригодности и ценностного бытия. Говоря об эволюции волновой функции, приводящей к «смешиванию волновой функции» бытия и сущего, создатель теории измерений исходит все из той же картезианской парадигмы, разделяющей единое бытие на протяженную и мыслящую субстанции, существующие независимо друг от друга. Как верно замечает А.Ю. Севальников, «материальное не сводится к “res extensa”, существует “непротяженное”, что и конституирует мир наблюдаемый, мир геометрический, который не является первичным» [9. С. 51]. Главный недостаток теории Неймана состоит, на наш взгляд, в натурализации волновой функции, являющейся изначально лишь математическим обобщением имеющегося уже опыта. *Опыт наблюдения и экспериментов с квантовыми объектами обобщается в волновую функцию, а не наоборот – волновая функция воплощается в чувственный опыт*. Наивная «онтологизация» понятий и теорий хоть и упрощает их понимание, но упрощает до степени вульгаризации, не проясняя познание природы, а мистифицируя его. Хуже всего, когда это примитивное мировоззрение насильственно насаждается в философии, делая невозможным свободную дискуссию и поиск истины

Чтобы показать связь современной физики и философии, обратимся к одному из фундаментальных понятий квантовой механики – к понятию «декогеренции». Декогеренция (от лат. *cohaerens* – находящийся в связи, и приставки *de*, означающей отделение, прекращение процесса) – это процесс уменьшения «квантовой запутанности» сущего (выход из состояния «суперпозиции», т.е. неопределенности), когда совершаются локализация физического объекта и формирование его «плотного тела». По существу, понятие декогеренции описывает процесс становления наличного бытия, когда из неразличимого единства сущего-самого-по-себе (материи) мышлением выделяются отдельные бытийно сущие предметы наличного бытия. В теории декогеренции ошибочным, на наш взгляд, является распространенное среди естествоиспытателей предположение, что сущее задано мышлению как определенная система, которую можно «открыть». Строго говоря, сущее-само-по-себе не декогерируется, так как не является связанной системой и безразлично как к мышлению, так и к устанавливаемым им связям (когерентностям).

С целью прогнозирования и использования в будущем тех или иных физических сущностей физики создают определенную знаковую систему представленности сущего-самого-по-себе в сознании. Сознание пред-на-мечает находимое сущее и пространственно его раз-мечает. В итоге сущее предстает как *предмет*, как нечто наличное и выделенное. Всякий знак является «метой» устремлений и желаний, выделяющих вещь из потенциального сущего. Рассмотрим простейший образ физического объекта (образ, в каком мы исходно находим некоторое сущее-само-по-себе) – материальную точку. Это исходно интерпретируемая бытийная «мета» сущего. Физическое состояние такого объекта в каждый определенный момент времени описывается следующими фундаментальными характеристиками движения сущего: пространственными координатами x, y, z и векторной величиной количества движения (импульса, который является интегральной величиной для массы, расстояния и времени). Поскольку бытие квантовых физических сущностей не является статичным, то их важнейшей характеристикой, как и всего сущего, является движение. Для его рационального описания необходимо: а) знать место материальной точки относительно других точек в уже заранее сконструированном мышлением пространстве; б) иметь определенную систему отсчета пространства и времени; в) знать массу изучаемого тела. Определение места, времени и расстояния, на которое точка перемещается за некоторое время, позволяет точно определять пространственные условия оперирования объектом исследования.

Истинное мышление *должно быть* адекватно происходящим в сущем процессам, поскольку это условие обеспечивает применимость знания на практике. Очевидно, что формирующее физическую действительность мышление систематизирует и структурирует сущее непроизвольно. *Физика устанавливает точные, независимые от воли индивида свойства и физические параметры сущностей, необходимые для их использования*. Чтобы использовать ядерную энергию, необходимо знать свойства частиц, эту энергию переносящих. Квантовая физика

отлично с этой задачей справляется, опираясь в своих изысканиях исключительно на данные экспериментов и отбрасывая метафизические конструкции (в том числе и декартовскую онтологию), постоянно создавая более адекватные сущему-самому-по-себе теории. «Мы избегаем введения произвольных априорных предположений… и мы оставляем полную возможность для рассмотрения принципиально новых видов законов, законов субквантовомеханического уровня» [10. С. 151].

Вместо классических представлений об изотропном, сепарабельном пространстве в современной квантовой физике господствует принцип несепарабельности (нелокальности) квантового явления, в соответствии с которым отдельные физические сущности не существуют независимо друг от друга, а взаимосвязаны в каждый момент времени. «Идея целостности, не сводимой к классическим формам, содержится и в принципе неразличимости частиц, и в принципе Паули, и в многочастичном уравнении Шредингера. Например, уравнение Шредингера для системы многих микрообъектов записывается не для каждого из них, а для общей волновой функции, определенной в пространстве конфигураций всех частиц» [11. С. 475]. Если какая-либо физическая сущность воздействует на нас, то она меняет наше бытие в данный момент, поэтому мы не можем говорить истинно, что существуем независимо даже, например, от самых далеких от нас квазаров. Все сущее несепарабельно значит, что оно есть для индивида как нечто единое, и должно поэтому изучаться как единое.

Значения, которые физические сущности (или сущее в целом) приобретают в процессе познания в квантовой физике, принято называть «Eigenwert», что дословно переводится как «собственная ценность» или «основная ценность» (в отличие от производной ценности), что само по себе подчеркивает отношение к познанным значениям сущего как к ценностному материалу построения научной теории. Сознание всегда определенным образом *подготовлено* к восприятию: оно перспективно, *ценностно* и нацелено на результат. *Движение сущего-самого-по-себе, безусловно, онтически независимо от наблюдения или даже бытия, но его бытийная представленность в сознании, на наш взгляд, столь же безусловно определяется ценностной природой действительного бытия индивида, определяемого его предзаданными установками и потребностями.*

Согласно новоевропейской традиции принято различать познавательный и ценностный подходы к познанию действительности. Под первым понимается построение «объективно истинной» картины действительности, выявление предзаданных причинно-следственных зависимостей; под второй – *субъективный* (основанный на личных предпочтениях) выбор цели, норм поведения, когда ценность выступает как психологическое основание выбора. Результаты познавательной деятельности – знания, картину действительности – ученый Нового времени стремится представить максимально «очищенными» от «субъективных» факторов. Мы же утверждаем, что ход познавательной деятельности определяется в том числе и определенными потребностями и стремлениями индивида. Свойства вещей исследуются в науке, в конечном счете, для их использования в практической деятельности, для решения встающих перед индивидом проблем. То, что помогает решать такие проблемы, становится положительно окрашенным знанием, то, что мешает, – отрицательно окрашенным, не приносящим удовлетворения. Ценностное отношение фиксирует на предсознательном уровне положительные и отрицательные ориентиры, образующие сложную систему разнообразных методов достижения определенных целей познания. Эта система ориентиров задает ценностную структуру научных теорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т. М. : Мысль, 1981. Т. 3. 613 с.
2. Доброхотов А.Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. 248 с.
3. Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т. М. : Мысль, 1975. Т. 1. 550 с.
4. Клёцкин М.В. Знак, сущность и сущесть // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 3 (31). С. 352–357.
5. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. М. : Наука, 1999. 655 с.
6. Орлов Е.В. Аристотель о началах человеческого разумения / отв. ред. В.П. Горан. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2013. 303 с.
7. Нейман фон Дж. Математические основы квантовой механики. М. : Наука, 1964. 367 с.
8. Клёцкин М.В. Об объективности познания в квантовой механике // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 58–63.
9. Проблема реализма в современной квантовой механике. Материалы дискуссии // Философия науки и техники. 2016. Т. 21, № 2. С. 34–64.
10. Бом Д. Причинность и случайность в современной физике. М. : КРАСАНД, 2010. 248 с.
11. Илларионов С.В. Дискуссия Эйнштейна и Бора // Эйнштейн и философские проблемы физики XX века. М. : Наука, 1979. 568 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 14 июля 2020 г.

The Origins of Cognition of Physical Entities

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 72–76.
DOI: 10.17223/15617793/457/9

Mikhail V. Kletskin, Samara State Medical University (Samara, Russian Federation). E-mail: samkoms@mail.ru

Keywords: quantum physics; essence; entity; reality; potency; truth; being; sign; axiological relation.

The article discusses the features of the knowledge of the physical entity. Three origins of physical entities are distinguished and considered: (1) entity-in-itself; (2) the thinking of the individual; (3) axiological relation. Accordingly, the awareness of the entity of things goes through three stages: on the first, entity exists as a physical something; on the second, as an unconscious sensation that has already become part of the individual's being; on the third, as a conscious entity-concept. The relationship of the concepts of

entity, sign, something, significance is analyzed, and a praxeological model of their association is suggested. Consciousness, beyond any doubt, does not affect the course of physical processes directly (yet it does it indirectly through practice), since physical movement has its origin only in something-in-itself, and consciousness only affects the understanding of physical entities. The assertion is justified that something is not given directly in reality, but exist as energy in every known natural entity, substantiates its existence as a pure possibility (like matter) realized by consciousness. Consciousness forms the eidos image (concept) and the morphe image (spatial definiteness) of the entity. Images are isolated (alienated) by thinking from physical entities and themselves become entity-concepts that exist only in thinking and form an intelligible world. Thus, thinking (along with something-in-itself) also substantiates the existence of physical entities: it is the second common reason of all physical entities for their existing being, and this reason is not separate from something, but is united with it. In addition, it is proved that the movement of something-in-itself is ontically independent of observation or even being, but its being-representation in consciousness is just as definitely determined by the axiological nature of the actual being of the individual determined by one's predetermined attitudes and needs. True thinking must be adequate to processes occurring in existence, since this condition ensures the applicability of knowledge in practice. It is obvious that thinking that forms physical reality systematizes and structures something non-arbitrarily. Physics establishes the exact properties and physical parameters of entities necessary for their use independently from the will of the individual.

REFERENCES

1. Aristotle. (1981) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: In 4 Volumes]. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
2. Dobrokhotov, A.L. (1986) *Kategoriya bytiya v klassicheskoy zapadnoevropeyskoy filosofii* [The Category of Being in Classical Western European Philosophy]. Moscow: Moscow State University.
3. Aristotle. (1975) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: In 4 Volumes]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
4. Kletskin, M.V. (2017) Sign and essence. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya – Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*. 3 (31). pp. 352–357.
5. Kant, I. (1999) *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Translated from German by N.O. Losskiy. Moscow: Nauka.
6. Orlov, E.V. (2013) *Aristotel' o nachalakh chelovecheskogo razumeniya* [Aristotle on the principles of human understanding]. Novosibirsk: SB RAS.
7. Von Neumann, J. (1964) *Matematicheskie osnovy kvantovoy mekhaniki* [Mathematical Foundations of Quantum Mechanics]. Translated from English. Moscow: Nauka.
8. Kletskin, M.V. (2018) On the Cognition Objectivity in Quantum Mechanics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 430. pp. 58–63. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/430/8
9. Antipenko, L. et al. (2016) Problem of Realism in Modern Quantum Mechanics. Materials of Discussion. *Filosofiya nauki i tekhniki – Philosophy of Science and Technology*. 21 (2). pp. 34–64. (In Russian). DOI: 10.21146/2413-9084-2016-21-2-34-64
10. Bohm, D. (2010) *Prichinnost' i sluchaynost' v sovremennoy fizike* [Causality and Chance in Modern Physics]. Translated from English by S.S. Shushurin. Moscow: KRASAND.
11. Illarionov, S.V. (1979) Diskussiya Eynshteyna i Bora [Discussion of Einstein and Bohr]. In: Delokarov, K.Kh. (ed.) *Eynshteyn i filosofskie problemy fiziki XX veka* [Einstein and Philosophical Problems of Physics of the 20th century]. Moscow: Nauka.

Received: 14 July 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 77–84. DOI: 10.17223/15617793/457/10

УДК 21

Е.Б. Хитрук

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ РИЧАРДА РОРТИ: НА СТЫКЕ ЭПОХ

Раскрывается тема религии в творчестве знаменитого американского философа Р. Рорти. Автор исходит из представления о том, что взгляды Р. Рорти на природу религии формировались в уникальный исторический период, когда возрождение религиозного сознания поставило под вопрос финалистские взгляды классиков философии религии. В статье осуществлена попытка наиболее полно изложить концепцию религии Ричарда Рорти, включая его взгляды относительно роли религии в публичной дискуссии и значения религиозной веры в эпоху постмодерна.

Ключевые слова: Ричард Рорти; частное / публичное; слабое мышление; кенозис; постмодерн; мормонизм; социальное Евангелие; философия религии.

Философия религии со второй половины XX в. сталкивается с кризисом классической интерпретации своего предмета. За исключением Ф. Шлейермахера и Г. Гегеля, воспринимавших религиозное отношение в качестве незыблемой составляющей человеческого опыта, философы классической эпохи отстаивали финалистские концепции религии. К. Маркс, О. Конт, Л. Фейербах, З. Фрейд и Ф. Ницше видели в качестве одной из самых важных своих задач разоблачение религии как вредоносного или, по крайней мере, в сущности устаревшего феномена социальной жизни, младенческого этапа в истории становления человечества. Помещая, таким образом, религию в «хоспис» истории, мыслители классической эпохи подчеркивали, что человечество достаточно повзрослело, чтобы избавиться от дорациональных форм постижения мира и окончательно перейти на новый этап своего развития. И хотя конкретный образ этой новой эры имеет свои значительные отличия в концепциях упомянутых мыслителей, положение о так называемом конце религии не вызывает существенных споров.

Необходимо также иметь ввиду, что в большой степени сама возможность существования финалистских концепций религии связана с процессом десакрализации общества в контексте развития секулярной идеологии. Одной из существенных черт этого процесса является локализация религии в одном из секторов культуры, который рядоположен другим секторам (науке, искусству, философии и т.п.). Российский исследователь А. Кырлежев отмечает, что секуляризм – «это принципиально новая концепция, которой не было и не могло быть в досекулярных обществах и культурах, где религия не изолирована, т.е. не отделена от иных социокультурных фенеменов, но диффузно с ними связана так, что эти иные феномены обязательно имеют некое религиозное измерение» [1. С. 53]. Поместив религию в своеобразное культурное гетто, секуляризм утвердил саму возможность философского дискурса о ее конце.

Однако социальные трансформации XX столетия не оправдали прогнозов классиков философии религии. Вопреки пророчествам о своем неизбежном конце религия снова и снова заявляет о себе и в политическом поле, и в пространстве интеллектуальных споров. Как отмечает современный американский философ Джон Капуто, «религия возвратилась даже в среду продвинутых интеллектуалов, которые придали ей новую легитимность, дискредитируя тех, кто ее дискредитировал, подозревая подозревавших, сомневаясь в сомневавшихся, разоблачая разоблачителей» [2. С. 205]. В политическом же пространстве это «возвращение» религии еще более явно и воспринимается с большей тревогой, поскольку здесь атеистически настроенные представители секулярной идеологии вынуждены вступать в дискуссии не с утонченными интеллектуалами, а порой с очень решительно настроенными представителями религиозного фундаментализма. В итоге, как отмечает Игорь Джохадзе, «вопреки предсказаниям теоретиков секуляризма, религиозные настроения в современном мире только усиливаются, церкви и духовные лидеры все чаще выступают в роли политических акторов, оказывающих влияние на общественное мнение и на решения, принимаемые правительствами. Впору говорить о возрождении, а не об упадке религии…» [3. С. 84]. Иначе говоря, неоправдавшиеся прогнозы о скорой и неминуемой кончине «религиозного» продуцируют в современной философии задачу переопределения религии в новой постсекулярной перспективе.

В этом контексте представляют особый интерес взгляды одного из самых ярких представителей современной философии – Ричарда Рорти. С одной стороны, Р. Рорти в своих работах открыто заявляет о том, что исходит из секулярных предпосылок и, соответственно, приходит к выводу о неминуемом «конце» религии (впрочем, как и философии), в смысле маргинализации религиозной сферы. Мыслящие люди сегодня, с точки зрения Р. Рорти, не воспринимают вопрос о существовании Бога как предельный, ключевой вопрос своей жизни. Скорее они проявляют интерес к разным способам переописания себя, используя различные словари и литературные техники. Это смысловое разнообразие позволяет им глубже понимать свою человечность. «Именно этот сдвиг, – пишет Р. Рорти, – способствовал становлению нынешней интеллектуальной культуры, в которой и религия, и философия оказались на положении маргиналов. Разумеется, до сих пор существует много религиозных интеллектуалов и еще больше – интеллектуалов философских. Но в наши дни молодые книгочеи в поисках искупления обращаются в первую очередь к романам, пьесам и поэзии» [4. С. 12–13]. Таким образом, и религия, и философия уступают свое место литера-

туре. И «конец» религии является не столько ожидаемым событием, сколько уже свершившимся фактом.

Однако, с другой стороны, существенным отличием от классиков философии религии для Р. Рорти выступает то обстоятельство, что, исповедуя секуляризм и финализм относительно религии, он живет и работает уже в совершенно другое время – время возрождения религии в интеллектуальной и политической сферах, время переосмысленных и обновленных претензий религии на истину и политическую силу. Так, по выражению Сэмюэла Хантингтона, «конец двадцатого века стал свидетелем повсеместного возрождения религий» [5. С. 127]. Это связано как с возвращением религии в интеллектуальное пространство, например, в аналитической философии, где во многом благодаря знаменитому «Совету христианским философам» аналитического теиста Алвина Плантинги со второй половины XX столетия происходит возрождение интереса к вопросам о существовании Бога и о доказательствах бытия Бога, так и в пространстве политических дебатов, например, о допустимости гомосексуальных браков и абортов, в которых религиозные фундаменталисты открыто апеллируют к Священному Писанию. Это возвращение религии свидетельствует о том, что секулярная идеология модерна во многом недооценила религиозное сознание, которое, по выражению знаменитого американского социолога Питера Бергера, сегодня не менее значимо для человечества, чем в прошлые столетия [6. P. 2].

Таким образом, ни развитие философии, ни научно-технический прогресс, ни светская основа политической жизни не смогли маргинализировать религиозные смыслы настолько, чтобы они действительно потеряли актуальность в современном обществе. И ученый, и политик, и даже иронический либерал и постмодернист независимо от своей личной позиции не могут не считаться с этим фактом.

Оказавшись, таким образом, как бы «на стыке» двух эпох, Р. Рорти, с одной стороны, выражает некую растерянность по поводу того, что в начале XXI в. американские интеллектуалы и политики все еще вынуждены иметь дело с религиозным мировоззрением. «Я не знаю, – говорит Р. Рорти в интервью 2005 г., – почему американцы, в отличие от европейцев, становятся все более и более религиозными, вместо того чтобы становиться менее и менее таковыми… Я не понимаю, почему» [7. P. 341]. С другой же стороны, возрождение религии требует от Р. Рорти уточнения своих финалистских взглядов или даже их переосмысления, поскольку его прежняя позиция о «самоуничтожении» религии не соответствует наблюдаемым социальным фактам. И Р. Рорти предлагает такое переосмысление через концепцию различения публичного / частного в политическом пространстве и различение теологической метанаррации и религиозного опыта в пространстве современной интеллектуальной жизни. Эти взгляды представляют собой пример довольно оригинальной концептуализации религии и, безусловно, заслуживают отдельного внимания и исследования.

Религиозный опыт после «смерти Бога»: Ричард Рорти и Джанни Ваттимо.

Итальянский философ и теоретик постмодернизма Джанни Ваттимо, опираясь на собственный религиозный опыт и также на оригинальную интерпретацию христианского вероучения, предложил такие понятия как «кенозис» и «слабое мышление» в качестве основы для концептуализации религии в эпоху постмодерна. Кенозис, будучи традиционным понятием христианского вероучения, означает «истощание Бога», Его путь – навстречу человеку через свободное «самоумаление», реализованное в воплощении, страданиях и крестной смерти, ради любви к людям и их спасения. Как отмечает авторитетный православный богослов В.Н. Лосский, «кенозис – это воплощение в его аспекте смирения и смерти» [8. С. 531]. «Слабое мышление», в свою очередь, означает некоторое пространство мысли по ту сторону метанаррации как особенности метафизического типа мышления, тот опыт мысли, который не претендует на вскрытие единственно возможной структуры реальности, на ее окончательное отражение в той или иной теории. Эти два ключевых понятия помогают Д. Ваттимо совместить друг с другом представление о конце религии в современном мире и об ее удивительном возрождении не столько вопреки, сколько благодаря провозглашенному критиками концу.

В своей работе «После христианства» Дж. Ваттимо пишет о том, что с религиозным подъемом как с очевидным социальным фактом современности нельзя не считаться. Религиозное возрождение предстает сегодня «как новое вслушивание в учение церкви, жажда последних истин, желание вновь обрести идентичность и, прежде всего, на трансцендентном уровне» [9. С. 101]. Одновременно с этим развитие философии, с точки зрения Д. Ваттимо, привело к исчезновению «философских причин атеизма» [9. С. 101]. Прекращение доверия к метанарации, к философской систематизации как таковой, что впервые было обозначено Ф. Ницше как «смерть Бога», сделало невозможной не только собственно религиозную метафизику, но и метафизику атеистическую. Эти два обстоятельства делают очевидным тот факт, что хотя многие современные философы и продолжают называть себя атеистами, объективных оснований для этой установки они не могут обнаружить ни в опыте повседневности, ни в современной постметафизической философии. «Говоря очень кратко, – пишет Д. Ваттимо, – философия лишилась причин для обоснования атеизма и, таким образом, может признать законность религиозного опыта, но только в той мере, в какой она осознает завершение метафизики и эрозию метанаррации» [9. С. 103].

Другими словами, только теперь после крушения метафизического и догматически-религиозного (как тесно связанного с метафизической верой в отражение объективной структуры реальности) мышления действительный религиозный потенциал может быть раскрыт. Этот процесс эрозии метафизики или «ослабления реальности» обозначает, таким образом, и конец религии, и ее подлинное начало. Более того, только такой «кенозис», как умаление сильного Бога

метафизики, Его «ослабление» в любви, а не в теории, открывает возможность для диалога между философией и религией, одновременно сбросившими с себя «маску» всемогущества.

Эта позиция Д. Ваттимо вдохновляет Р. Рорти на использование понятий «кенозис» и «слабое мышление» в своей концепции религии. Р. Рорти склонен согласиться с Д. Ваттимо также и в том, что атеизм как обоснованное отрицание существования Бога в пространстве современного мышления неприемлем. Сегодня остаются только два типа мыслителей, всерьез продолжающих использовать термин «атеизм» для самоописания. «Первый тип, – пишет Р. Рорти, – это те, кто все еще считает, что вера в божественное представляет собой эмпирическую гипотезу и что современная наука предложила лучшие объяснения явлений, для толкования которых некогда использовался Бог» [10. С. 113]. Ни теизм, ни атеизм сами по себе не являются эмпирическими гипотезами, поскольку отсылают к трансцендентному. Соответственно, никакой научный прогресс не может предоставить доводы ни за, ни против существования Бога. Но есть и еще один тип философов, к которым относит себя сам Р. Рорти. Эти философы употребляют понятие «атеизм» в качестве синонима понятию «антиклерикализм». «Теперь я сожалею, – пишет Р. Рорти, – что я не использовал последний термин в случаях, когда я обращался к первому для описания своих собственных воззрений» [10. С. 114]. Использование термина «антиклерикализм» относительно религиозных воззрений избавляет мыслителя от необходимости выстраивать дискурс о религии в терминах «существования / несуществования» Бога или возможности Его доказательного познания. Вопрос о религии, таким образом, переходит из области метафизики и эпистемологии в область политики. И это, собственно, единственная область, где разговор о религии продолжает быть актуальным, поскольку религия «по ту сторону» метафизического насилия, т.е. в опыте «слабого мышления», не представляет опасности. В то время как в политической сфере религиозный опыт все еще продолжает использоваться представителями религиозного фундаментализма и в этом плане представляет собой действительную политическую силу, угрожающую демократическим ценностям. «Мы не имеем ничего против религии, – пишет Р. Рорти, – пока она остается частным делом, пока церковные институты не пытаются сплотить верующих вокруг политических идей и пока верующие и неверующие следуют политике «живи и дай жить другим» [10. С. 114].

Р. Рорти принимает идею Д. Ваттимо о том, что важнейшую роль в снятии с религии вредоносной метафизической маски сыграла секуляризация. Именно тяжелая работа по эрозии метафизического мышления, проделанная секулярными мыслителями, открыла актуальность движения от религиозной «символической», «эмоциональной», «метафорической» или «моральной» истины к религиозной любви, описанной в 13 главе первого послания апостола Павла к Коринфянам. «Кенозис», таким образом, может рассматриваться также и как важнейшее понятие истории философии, как «снисхождение Бога ко всем нам» [10. С. 118] через постепенное разоблачение метанаррации, как Его нежелание быть метафизической истиной или теорией, но Его желание быть нашим другом. Эрозия метафизики делает нас, может быть, впервые в истории способными уважать различные точки зрения и принимать друг друга с любовью без назидания и высокомерия. «Люди, вроде Ваттимо, – пишет Р. Рорти, – перестали считать отсутствие у меня религиозных чувств признаком вульгарности, а люди вроде меня перестали считать наличие таких чувств признаком малодушия. Мы оба можем процитировать 13 главу 1 послания к Коринфянам для обоснования нашего отказа участвовать в таких глупых объяснениях» [10. С. 119].

Однако солидарность «религиозно музыкальных» и «религиозно немузыкальных» интеллектуалов по ту сторону метанаррации не снимает остроту религиозного вопроса в социальном и политическом отношении. Противостояние «сильного» и «слабого» мышления в истории философии в определенном смысле созвучно противостоянию религиозных институций как социально «сильных», претендующих на политическое влияние, и частного религиозного опыта в современном обществе. И если первое «умиряется» в перспективе постмодерна, то второе, напротив, обостряется: опыт веры, выражающийся в любви и заботе о ближнем, противостоит агрессивному и опасному (например, запрет на использование контрацептивов во время эпидемии СПИДа) поведению религиозных институций. В известной беседе о будущем религии между Ричардом Рорти, Сантьяго Забала и Джанни Ваттимо последний высказывает следующую идею: «Важно признать, что история метафизики не ограничивается денотатом самого этого термина и что она связана с историей социальных институтов. Поэтому нельзя сбрасывать со счетов идею, что существует некая социальная проблема религии…» [11. С. 102].

Сильный и властный Бог, оперирующий моральными обязательствами и устрашающий наказанием, ушел со сцены философии посредством эрозии метафизики, но Он же, образно выражаясь, продолжает вещать с политической трибуны. Может ли в этой социально-политической сфере произойти нечто аналогичное «ослаблению реальности» в философии? На этот сложный вопрос в указанной выше беседе Ричард Рорти отвечает сомнением, поскольку наблюдение не только за традиционными, но и сравнительно новыми американскими религиозными движениями свидетельствует о том, что частный религиозный опыт неизбежно со временем создает институализированные структуры. «Конечно, – отмечает Р. Рорти, – вскоре после своего основания все эти частные американские церкви создают собственные небольшие ватиканы, превращаясь в ужасные авторитарные институты» [11. С. 102].

Социальная надежда.

Таким образом, через использование концепта «слабого мышления» Ричард Рорти формулирует свое принципиальное отношение к религии как двойственности религиозного опыта, на который имеет право

каждый человек, с одной стороны, и религиозного фундаментализма, который представлен в деятельности «сильных» религиозных институций, претендующих на политическое влияние, – с другой.

Это чрезвычайно серьезный вопрос для Р. Рорти, поскольку активность «сильных» структур угрожает «социальной надежде» (social hope) на то, «что когда-нибудь мои далекие потомки будут жить в глобальной цивилизации, в которой единственным законом будет любовь» [10. С. 119]. «В таком обществе, – пишет Р. Рорти, – коммуникация будет свободной от господства, ему не будут известны классы и касты, иерархия станет вопросом временного прагматического удобства, а власть будет целиком зависеть от свободного согласия просвещенных и хорошо образованных избирателей [10. С. 119].

Такая «необоснованная» надежда сопровождала Р. Рорти всю его жизнь с самого детства, когда в двенадцать лет он понял, что «быть человеком – значит положить жизнь на борьбу с социальной несправедливостью» [12. С. 9]. Об этом он повествует в своей краткой биографии «Троцкий и дикие орхидеи», где с болью и обидой пытается убедить своих оппонентов в том, что его позиция не является праздным развлечением.

Необходимо также отметить, что хотя сам Р. Рорти писал о себе как о человеке, не имевшем «никакого религиозного воспитания» и не связанном «ни с одной религиозной традицией» [10. С. 114], корни его «социальной надежды» могут быть сопоставлены не только с его живым восприятием социальной несправедливости в детстве, не только с троцкистскими убеждениями его родителей [12. С. 9], но и со взглядами его родного деда по материнской линии – известного богослова, лидера движения Социального Евангелия – Вальтера Раушенбуша. Этот неординарный религиозный деятель говорил и писал о том, что христианский идеал не может быть связан только с личным совершенствованием отдельного человека и его спасением. Христианин имеет прямые обязательства перед окружающим его миром, и прежде всего перед страдающими и угнетенными людьми. Хотя Царство Божие недостижимо на земле, «не от мира сего», стремление к устранению самых разных форм социальной несправедливости является прямой задачей христиан и должно быть выражено в постепенной христианизации социальных институтов [13. P. 64].

Как отмечал В. Раушенбуш в своей знаменитой работе «Христианство и социальный кризис», социальная религия «требует покаяния и веры: покаяния за наши социальные грехи, веры в возможность нового социального порядка» [14. P. 285]. Вальтер Раушенбуш, следуя идеалам Социального Евангелия, реализовывал свои идеи на практике, требуя «защиты прав рабочих, равенства в управлении предприятиями наряду с предпринимателями, активизации и легализации профсоюзов, сокращения рабочей недели, жесткого ограничения детского труда» [15. С. 33].

В отличие от социалистов В. Раушенбуш был убежден в том, что социально-политические изменения могут быть реализованы эволюционным путем под влиянием христианской этики. Социальный кризис конца XIX – начала XX в. воспринимался им как повод для раскрытия подлинного потенциала христианства, свободного от псевдохристианских идеалов аскетизма и индивидуализма.

Ричард Рорти с воодушевлением принимает идею своего деда о том, что важнейшая задача христианства – социальное преображение. Аскетическое очищение и оплакивание своей испорченности затмевают для христиан значение страданий ближнего, его боли, тормозят работу любви, к которой на самом деле они призваны [14. P. 347]. «Даже неверующие люди как я могут согласиться, – пишет Р. Рорти в своем эссе, посвященном работе В. Раушенбуша «Христианство и социальный кризис», – что без того влияния – без всех тех проповедей в любимых Раушенбушем текстах из Луки – у нас не было бы ни демократической революции восемнадцатого века, ни возрастания социалистических идеалов в девятнадцатом. Не случайно, что толчок для социально-экономического равенства впервые получил импульс в той части мира, где такие проповеди звучали из поколения в поколение» [14. P. 350].

Интересно, что в этом анализе исторической роли христианства мысль Р. Рорти выглядит очень искренней и, вместе с тем, уязвимой и непоследовательной. Это определенно положительное влияние христианства выражено и в традиции, и в институциях, однако оно не укладывается ни в «слабую» частную сферу личных предпочтений, ни в «сильную» сферу политически опасного религиозного фундаментализма. Так, значит, религия может проявлять себя в социуме и не быть политически опасной? Так, значит, сама «социальная надежда» на формирование общества, в котором правит любовь, имеет религиозные, точнее, христианские истоки? Как совместить между собой политическую опасность религии и религиозные истоки демократии?

Хотя ответить на эти вопросы в рамках анализируемой здесь концепции религии непросто, сам Р. Рорти предпочитает отстраниться от анализа положительной роли религии в социальном контексте. Какой бы значительной ни была эта роль, она сыграна. И вдохновляющие в целом идеи Вальтера Раушенбуша вследствие социально-политических катаклизмов XX столетия, которые никто не мог предвидеть, не были реализованы. Обращение к Богу для построения гуманного и справедливого общества в современном контексте попросту излишне. «Христианская религия, – поясняет позицию Ричарда Рорти российский исследователь Игорь Джохадзе, – сыгравшая важную роль в формировании западной политической идентичности и гражданской культуры, может быть “отброшена” как использованная лестница» [3. С. 84].

Религия в публичной сфере: стоп-диалог.

Итак, в современном секуляризованном мире нужно отбросить, с точки зрения Р. Рорти, всякую апелляцию к трансцендентному и, руководствуясь надеждой на лучшее будущее в «глобальном, космополитическом, демократическом, эгалитарном, бесклассовом, бескастовом обществе» [16. P. Xii], выстраивать продуктивный общественно-политический диалог.

Одним из важнейших препятствий на этом пути является деятельность религиозных институтов.

В политической дискуссии между представителями определенных религиозных общин и нерелигиозными людьми (или хотя бы представителями иных религиозных объединений) собственно религиозная аргументация (через упоминание воли Божией или Священного Писания) моментально останавливает диалог (является conversation-stopper) [16. P. 171].

Самыми яркими темами в современном социально-политическом пространстве, в обсуждении которых проявляется указанный эффект, касаются сексуальной сферы. Ричард Рорти не сомневается в том, что контроль над сексуальностью всегда был и продолжает оставаться одним из самых важных оплотов «сильных» религиозных институций. Эти «сильные» структуры используют платонический язык бинарных оппозиций, ставящий в один ряд различения души и тела, добра и зла, «сексуальной чистоты» и развращенности. Таким образом, они присваивают себе моральный дискурс как таковой, проводя посредством сексуальности сакральную черту между святостью и грехом, спасением и погибелью людей. «Я думаю, – отмечает Р. Рорти в своей беседе с Д. Ваттимо и С. Забала, – что если бы церкви перестали диктовать сексуальное поведение, они утратили бы основания для существования. Они сохраняются благодаря этому глубокому, фрейдистски объяснимому желанию чистоты, ритуальной чистоты» [11. С. 108].

Как и другие опоры метафизического мышления, традиционное видение сексуальности испытывает глубокий кризис в современном мире, что зачастую делает некритическое воспроизведение указанных схем представителями религиозных институтов нелепым и абсурдным [11. С. 109]. На уровне прихода апелляция к Воле Бога и Священному Писанию в таких вопросах продолжает быть оправданной, но вне деятельности конкретной религиозной общины или движения она должна быть урегулирована посредством антиклерикального давления. Актуальным в этом отношении является либеральный компромисс между веротерпимостью на государственном уровне и приватизацией религии. «Наш антиклерикализм, – пишет Р. Рорти, – нацелен на католических епископов, мормонов, телевангелистов и других религиозных деятелей, которые посвятили себя не пасторской заботе, но пропаганде ортодоксии и приобретению экономического и политического влияния» [17. P. 141].

Такая религия на уровне более высоком, чем приходской, наносит обществу значительный ущерб, причиняя людям ненужные страдания. Р. Рорти выражает надежду на то, что церковные организации в конечном итоге исчезнут, поскольку их существование приносит больше вреда, чем пользы. Однако он не принимает и позицию воинствующего атеизма, желающего активно поспособствовать такому исчезновению, поскольку настоящий секулярист должен уважать чувства и страдания тех людей, которые потеряют в результате таких действий ощущение причастности к чему-то важному и значительному. Напротив, приватизация религии, ее исключение из сферы публичных общественно-политических дебатов поможет при бережном отношении к самым разнообразным личным убеждениям людей всем вместе двигаться навстречу реализации социальных идеалов.

Но не окажется ли в таком случае беседа между участниками этого движения, необходимая для реализации социальной надежды, по существу пустой, если их смысложизненные ориентиры «оставлены дома», не могут преодолеть границ частного пространства? С одной стороны, рассуждает Р. Рорти, ничто не может помешать нам приносить свои личные установки и любимые тексты, их выражающие, в публичную сферу. С другой же стороны, существуют тексты, опасность которых настолько очевидна, что если не закон, то хотя бы обычай должен строго воспрещать ссылаться на них в поддержку политической позиции. «Цитирование таких отрывков, – пишет Р. Рорти, – следует полагать не только плохим вкусом, но и бессердечно жестоким, как безрассудное преследование, как подстрекательство к насилию» [17. P. 143].

Прежде всего, в этом пассаже Р. Рорти имеет ввиду Левит 18:22: «Не ложись с мужчиною, как с женщиною: это мерзость». Те, кто цитирует этот отрывок из Ветхого Завета с одобрением в публичной полемике, например, о допустимости однополых браков, должны быть презираемы, утверждает Р. Рорти. Они заслуживают такого же отношения, как люди, оправдывающие преследование евреев Гитлером или линчевание. По сути, это оправдание жестокости не обусловлено религией, а, напротив, использует ее для установления гомофобного порядка, при котором существует «ежедневный мирный садизм» [17. P. 145].

Таким образом, можно говорить о существенной разнице между религиозной верой и религиозными институтами, которые в борьбе за экономические ресурсы и политическое влияние поддерживают антигуманные установки. А поскольку эта разница очевидна, то и необходимость приватизации религии, с точки зрения Р. Рорти, не вызывает сомнений.

Критика.

Как отмечает Джефри Стаут, такой обобщенный антиклерикализм Ричарда Рорти, кажется, вступает в некоторое противоречие с его антиэссенциализмом [18. P. 21]. Р. Рорти, отстраняясь от положительных политических тенденций, связанных с религиозным влиянием, фиксирует отрицательные тенденции, представляя их «типичными» для религиозных организаций как таковых. Таким образом, мы лишаемся самой возможности за «сущностью» религиозных организаций разглядеть разнообразие позиций, обусловленных религиозным опытом. «Человек, который верит в существование Бога, – пишет Д. Стаут, – и в то, что Бог желает, чтобы мы делали все, что в наших силах, чтобы облегчить положение бедняков, вполне может быть расположен вести себя так, что это вызовет нашу с Рорти симпатию. Человек, который верит в Бога и также в то, что Бог намерен наказать адским огнем любого, кто нарушил код чистоты Левит, будет расположен вести себя так, что Рорти и я хотели бы ему противостоять» [18. P. 23].

Сам Р. Рорти иногда приближается к этому антиэссенциальному видению религии. Особенно тогда,

когда хвалит Д. Ваттимо за такую форму теизма, которая ставит на первое место любовь. А также тогда, когда принимает идеал социального преобразования В. Раушенбуша. Но Р. Рорти, по словам Д. Стаута, пытается «уклониться» от этого вывода. В то же время, как пишет Д. Стаут, мы имеем все основания жаловаться на полных ненависти теистов, жестоких теистов, теистов, которые принимают Бога за ревнивого и мстительного полководца. Но точно так же мы можем иметь дело с полными ненависти нетеистами, жестокими нетеистами, нетеистами, которые использую историческую диалектику для оправдания массовых убийств и подавления инакомыслия [18. P. 25]. Получается, что религиозные установки не представляют собой универсальный и эссенциальный критерий для разграничения политически опасных и политически безопасных позиций. Более того, сам прагматизм как интеллектуальная ориентация на социальный идеал опирается на учения таких классиков-теистов, как Чарльз Пирс и Уильям Джеймс. Так, что в целом прагматизм может быть воспринят как философская традиция, в которой теисты и атеисты поддерживают диалог друг с другом, принимая во внимание некоторое своеобразие участников этой беседы. Таким образом, исключение религии из публичной сферы – не необходимый шаг на пути продолжения общественного диалога. Скорее это, по мнению Д. Стаута, личная история Р. Рорти.

С другой же стороны, Лорен Бафолд, критикуя позицию Р. Рорти, обращает внимание на то, что сам вопрос о приватизации религии связан с некоторыми серьезными предрассудками. Во-первых, это предположение о том, что религия, по существу, представляет собой «частную» практику, а во-вторых, что существует фундаментальная и однонаправленная связь между религией (как частной верой) и действием в общественном пространстве [19. P. 861–862].

Для того чтобы выявить ошибочность данных установок, Л. Бафолд предлагает несколько усложнить разделение на частную / публичную сферы. В самой частной сфере, с ее точки зрения, можно выделить два типа убеждений – уникальные и всеобъемлющие [19. P. 869]. «Уникальные частные убеждения» сродни ранней склонности Р. Рорти к орхидеям, они проистекают из личных вкусов, предпочтений, симпатий, т.е. являются субъективными. Сами по себе они не требуют обязательного выражения в публичной сфере и никак не влияют на социальную эффективность. Однако мы не должны исключать и такую возможность, например, если любовь к орхидеям сделает человека защитником окружающей среды. Второй тип – «всеобъемлющие частные убеждения». Они, с одной стороны, могут говорить о «частных» заботах человека, например поиске смысла жизни, но с другой стороны, они не имеют ценности вне конкретного социально-исторического контекста. Этот тип убеждений можно сопоставить с мировоззрением, которое призвано разрешить личные смысложизненные вопросы индивида, но в то же время, оно связано с традицией и призвано также сориентировать человека относительно поиска решения современных общественных проблем.

Таким образом, сфера ответственности «всеобъемлющих частных убеждений» не ограничивается только индивидуальными интересами. Они как бы включают индивида в некое целое, связанное с историей, культурой, традицией. К таким убеждениям могут быть уверенно отнесены как некоторые формы религии, так и натурализм, либерализм и атеизм. Что же заставляет в таком случае, рассуждает далее Бафолд, продолжать настаивать на необходимости различения и противопоставления частной и публичной сфер? Может быть, причина кроется в неосознанном воспроизведении одной из версий бинаризма, где частное и публичное противопоставляются друг другу аналогично факту и ценности, духу и природе, субъективному и объективному? [19. P. 870]. Неужели антиклерикализм, руководствуясь в целом благими намерениями, готов сравнять между собой веру в то, что зародыш является человеком, созданным Богом, и склонность к французской выпечке, объявляя оба предпочтения частными и не имеющими отношения к публичной сфере? Если исключить первое убеждение из публичной дискуссии как политически опасное, разве это поспособствует ослаблению религиозного экстремизма? Бафолд предполагает, что на самом деле публичный диалог, в котором люди открыто высказывают и обсуждают свои «всеобщие частные убеждения», какими бы они ни были, чрезвычайно полезен, поскольку только такой диалог позволяет избавиться от «самодовольства и самообмана» [19. P. 872].

В конечном счете, именно деприватизация религии способна сделать мир менее жестоким, в том числе и посредством взаимодействия между частными убеждениями и критическим публичным разумом. Позиция же Р. Рорти может только поспособствовать росту религиозного экстремизма, поскольку исходит из презумпции одностороннего влияния частной сферы на публичное пространство и тем самым изолирует религиозные убеждения, лишая их участия в свободной дискуссии, способной указать на жестокость отдельных установок и, посредством обратного влияния, скорректировать позицию собеседника.

Личный контекст.

Изложенная выше критика представляется корректной и продуктивной, и, без сомнения, сам Р. Рорти мог бы предложить в качестве реакции на нее живое и интересное обсуждение высказанных замечаний. Однако мало кто из исследователей концепции религии в творчестве Р. Рорти и ее талантливых критиков реалистично представляет себе то, насколько этот вопрос был серьезным и животрепещущим для него лично.

Р. Рорти не только был внуком знаменитого богослова, двоюродным братом баптистского священника, но еще и мужем, зятем и отцом практикующих мормонов. В своем интервью Стивену Крэнни от 18 августа 2009 г., через два года после смерти Р. Рорти, его жена Мэри и дочь Патриция рассказали о некоторых интересных фактах относительно того, как эта удивительная семья могла благополучно просуществовать целых тридцать пять лет при такой серьезной разнице во взглядах на религию.

Говоря об отношении Ричарда к религии, Мэри Рорти фиксирует значимость разделения церкви и политики. Для Р. Рорти было неприемлемым вмешательство церковных деятелей в государственную политику. Однако в то же время прямая деятельность церкви в своей сфере компетенции не вызывала у него никакого отторжения. Это касалось таких функций религии, как обеспечение чувства общности, оказание поддержки, обеспечение пространства для диалога между людьми с общими интересами. «Он не был, – говорит Мэри Рорти, – лично заинтересован в такой функции мормонизма, но он не был антагонистом. У нас не было абсолютно никаких проблем с воспитанием наших двух детей, Кевина и Патриции, как мормонов. Он был за очень немногими исключениями, полностью согласен с этим» [20. P. 111].

В конце концов, в области морали позиции верующих и неверующих имеют много точек соприкосновения, поскольку то, что делает человека человеком, связано с отношением к ближнему, выбором, поступком и ответственностью в представлении и тех и других. Так, Р. Рорти, по словам Мэри, противопоставляет знаменитому пари Б. Паскаля свое «если существует Бог и если Он благ, Он не будет судить меня на основании того, верил я в Него или нет. Он будет судить меня на основании моей жизни, моих выборов, моих решений и ответственности, которую я принял за них. Если же Он не существует, я не буду жалеть, что не поверил в Него» [20. P. 123].

Имея прекрасные отношения со своей тещей и дочерью, Ричард Рорти также сталкивался с попытками религиозного обращения с их стороны. Патриция Рорти в возрасте одиннадцати лет испытывала религиозное воодушевление, при котором всерьез пыталась убедить отца в правоте мормонизма, «молясь все время и читая Книгу Мормона очень демонстративно в середине комнаты» [20. P. 126]. «Он выносил любые Библейские удары, которые я делала» [20. P. 126], – отмечает Патриция, подчеркивая, что таким отношением отец дал ей пример толерантности по отношению к другим точками зрения.

Обращение к личному контексту, как представляется автору данной статьи, помогает сформулировать главную особенность концепции религии Р. Рорти – антагонизм касается противостояний точек зрения и институций. Между людьми не должно быть антагонизма, но только понимание, терпение, любовь… Как написано в любимой Р. Рорти тринадцатой главе первого послания к Коринфянам апостола Павла, «любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла» (1 Кор. 13: 4–7). В конце концов, религия не есть самоцель (как отмечает Патриция Рорти, «религия – это инструмент» [20. P. 128]), и если представители Бога любви забывают язык любви, то они становятся не более, чем «медь звенящая или кимвал звучащий» (1 Кор. 13;1).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кырлежев А. Постсекулярная концептуализация религии: к постановке проблемы // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30). С. 52–68.
2. Капуто Дж. Как секулярный мир стал постсекулярным // Логос. 2011. № 3 (82). С. 186–205.
3. Джохадзе И.Д. Мешает ли религия публичному диалогу? // Вопросы теологии. 2019. Т. 1, № 1. С. 81–96.
4. Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Чистякова Е.Ю. Проблема смысла жизни в мировой философии : учеб.-метод. пособие. Белгород, 2019. С. 8–19.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003.
6. Berger P.L. The Desecularization of the World, A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / Ed. P.L. Berger. Washington : Ethics and Public Policy Center, 1999. P. 1–18.
7. Kremer A. Rorty on Religion and History // Philobiblon. 2010. XV. P. 326–351.
8. Лосский В. Боговидение. М. : Изд-во АСТ, 2003.
9. Ваттимо Дж. После христианства. М. : Три квадрата, 2007. 160 с.
10. Рорти Р. Антиклерикализм и атеизм // Логос. 2008. № 4 (67). С. 111–119.
11. Рорти Р., Забала С., Ваттимо Дж. Каково будущее религии после метафизики? // Логос. 2008. № 4 (67). С. 93–110.
12. Рорти Р. Троцкий и дикие орхидеи // Неприкосновенный запас. 2001. № 3 (17). С. 7–17.
13. Gross N. Richard Rorty: The Making of an American Philosopher. Chicago : University of Chicago Press, 2008.
14. Rauschenbush W. Christianity and The Social Crisis in the 21st century: The Classic That Woke Up the Church. New York : HarperOne, 2008.
15. Зеленова О.В. Возможен ли социальный идеал: У. Раушенбуш и Р. Нибур // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. № 4. С. 32–35.
16. Rorty R. Philosophy and Social Hope. New York : Penguin Books, 1999.
17. Rorty R. Religion in the public square // Journal of Religious Ethics. 2003. Vol. 31.1. P. 141–149.
18. Stout J. Rorty on Religion and Politics // The Philosophy of Richard Rorty / ed. Randall E. Auxier and Lewis Edwin Hahn. Chicago and LaSalle, Illinois: Open Court, 2010. URL: https://www.brown.edu/Research/ppw/files/Rorty%20on%20Religion%20and%20Politics.pdf (URL: 23.03.2020).
19. Barthold L.S. Rorty, religion and the public – private distinction // Philosophy and Social Criticism. 2012. Vol. 38 (8). P. 861–878.
20. Cranney S.T. Divine Darwinism, Comprehensible Christianity, and the Atheist's Wager: Richard Rorty on Mormonism – an Interview with Mary V. Rorty and Patricia Rorty // Dialogue: a Journal of Mormon Thought. 2010. Vol. 43 (2). P. 109–130.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 10 июля 2020 г.

Richard Rorty's Philosophy of Religion: At the Crossroads of Eras

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 77–84.
DOI: 10.17223/15617793/457/10

Ekaterina B. Khitruk, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lubomudreg@gmail.com

Keywords: Richard Rorty; private/public; weak thought; kenosis; postmodern; Mormonism; social gospel; philosophy of religion.

The article discusses the theme of religion in the works of the famous American philosopher Richard Rorty. The problem of the article is connected with the need to explicate Rorty's views on the nature of religion and its social role in the context of the "revival of religion" of the late 20th – early 21st centuries. The article discloses Rorty's finalist views, as well as the gradual realization of the need for their creative rethinking in connection with the actualization of the role of religion in the intellectual and political spheres. The article reveals two fundamental aspects of Rorty's philosophy of religion. The first of them is related to Rorty's perception of the concept "weak thinking" in the works of the Italian philosopher Gianni Vattimo. Rorty considers "weak thinking" and "kenosis" as a key to understanding the possibility of the existence of religion in the postmodern era. Religion is conceptualized as a unique experience "on the other side" of metaphysics, distancing itself from the "strong" structures of theological metanarration. In this distinction between "strong" theology and "weak" religious experience, Rorty finds reason to combine his finalist views and the need to reckon with the flourishing of religion in the modern world. Religion as a great theory of explaining the world underwent erosion along with other metaphysical systems, but religion as an experience of faith and love continues to be relevant for a person, it is alive and promising. It is postmodernism and the erosion of metaphysics that make us, perhaps for the first time in history, capable of respecting different points of view and accepting each other with love without edification and arrogance. The second aspect is related to the existence of religion in public space. Here, the distinction between "strong" narratives and "weak" thinking correlates with a significant political difference between "strong" religious institutions and private (parish, community) religious practice. Rorty believes that there is something in common in the repressive influence of strong religious theories and strong religious institutions. But while the action of the former is already limited by the postmodern era, the latter continue, according to Rorty, a clearly dangerous and harmful business in the public sphere. The activity of "strong" religious structures threatens Rorty's liberal "social hope" for a gradual democratization of humanity, and therefore he assesses it unambiguously negatively. The article concludes that Richard Rorty's philosophy of religion presents an original concept of religion in the context of modern secular humanism, which positively assesses religious experience to the extent that it does not become the basis for theoretical and political "strong" structures, but contributes to respectful interaction between people.

REFERENCES

1. Kyrlezhev, A. (2012) Postsekulyarnaya kontseptualizatsiya religii: k postanovke problemy [Postsecular Conceptualization of Religion: To the Formulation of the Problem]. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2 (30). pp. 52–68.
2. Caputo, J. (2011) How the Secular World Became Post-Secular. *Logos*. 3 (82). pp. 186–205. (In Russian).
3. Dzhokhadze, I.D. (2019) Does Religion Hinder Public Dialogue? *Voprosy teologii – Issues of Theology*. 1 (1). pp. 81–96. (In Russian). DOI: 10.21638/spbu28.2019.106
4. Rorty, R. (2019) Ot religii cherez filosofiyu k literature: put' zapadnykh intellektualov [From Religion through Philosophy to Literature: The Way Western Intellectuals Went]. Translated from English. In: Chistyakova, E.Yu. *Problema smysla zhizni v mirovoy filosofii: ucheb.-metod. posobie* [The Problem of the Meaning of Life in World Philosophy: A Study Guide]. Belgorod: [s.n.]. pp. 8–19.
5. Huntington, S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations]. Translated from English. Moscow: AST.
6. Berger, P.L. (1999) The Desecularization of the World, A Global Overview. In: Berger, P.L. (ed.) *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*. Washington: Ethics and Public Policy Center. pp. 1–18.
7. Kremer, A. (2010) Rorty on Religion and History. *Philobiblon.* XV. pp. 326–351.
8. Losskiy, V. (2003) *Bogovidenie* [The Vision of God]. Moscow: Izd-vo AST.
9. Vattimo, G. (2007) *Posle khristianstva* [After Christianity]. Translated from English. Moscow: Tri kvadrata.
10. Rorty, R. (2008) Anti-Clericalism and Atheism. *Logos*. 4 (67). pp. 111–119. (In Russian).
11. Rorty, R., Zabala, S. & Vattimo, G. (2008) What Is Religion's Future After Metaphysics? *Logos.* 4 (67). pp. 93–110. (In Russian).
12. Rorty, R. (2001) Trotsky and the Wild Orchids. *Neprikosnovennyy zapas*. 3 (17). pp. 7–17. (In Russian).
13. Gross, N. (2008) *Richard Rorty: The Making of an American Philosopher*. Chicago: University of Chicago Press.
14. Rauschenbush, W. (2008) *Christianity and The Social Crisis in the 21st century: The Classic That Woke Up the Church*. New York: HarperOne.
15. Zelenova, O.V. (2015) Is a Social Ideal Possible: W. Rauschenbusch and R. Niebuhr. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo – Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 4. pp. 32–35.
16. Rorty, R. (1999) *Philosophy and Social Hop*e. New York: Penguin Books.
17. Rorty, R. (2003) Religion in the public square. *Journal of Religious Ethics*. 31.1. pp. 141–149.
18. Stout, J. (2010) Rorty on Religion and Politics. In: Auxier, R.E. & Hahn, L.E. (eds) *The Philosophy of Richard Rorty.* Chicago and LaSalle, Illinois: Open Court, [Online] Available from: https://www.brown.edu/Research/ppw/files/Rorty%20on%20Religion%20and%20Politics.pdf. (Accessed: 23.03.2020).
19. Barthold, L.S. (2012) Rorty, religion and the public – private distinction. *Philosophy and Social Criticism.* 38 (8). pp. 861–878.
20. Cranney, S.T. (2010) Divine Darwinism, Comprehensible Christianity, and the Atheist's Wager: Richard Rorty on Mormonism – an Interview with Mary V. Rorty and Patricia Rorty. *Dialogue: A Journal of Mormon Thought*. 43 (2). pp. 109–130.

Received: 10 July 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 85–93. DOI: 10.17223/15617793/457/11

ИСТОРИЯ

УДК 94(470.47)

Е.Н. Бадмаева

ПРОБЛЕМА ВОДООБЕСПЕЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КОЧЕВОГО СПОСОБА ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.)

На основе анализа документальных материалов из фондов Национального архива Республики Калмыкия впервые рассматривается проблема водопользования и водоснабжения в условиях кочевого способа хозяйствования калмыков в конце XIX – начале XX в. Автором проведена классификация водных источников Калмыцкой степи. Проблема водообеспечения в Калмыцкой степи решалась силами центральных и местных властей, инициативного кочевого населения. В целом автор характеризует политику имперских властей в рассматриваемом аспекте как дуалистическую.

Ключевые слова: кочевое население; водообеспечение; Калмыцкая степь; калмыки-скотоводы.

Проблема водопользования и водоснабжения в истории России являлась актуальной для кочевников, в том числе и для калмыков-скотоводов. Регион их обитания по природно-климатическим условиям относится к самой засушливой местности на юге России, и проблема водоснабжения живущего на данной территории населения и разводимого им скота всегда была жизненно важной. Использование водных ресурсов отличалось особой спецификой у степных скотоводов. С одной стороны, вся их жизнедеятельность в полупустынной и пустынной Калмыцкой степи была вписана в систему поверхностных источников пресных вод. С другой, как подтверждают архивные материалы Национального архива Республики Калмыкия, весь их жизненный процесс, в особенности в летнее время, базировался вблизи вырытых худуков (колодцеобразных ям) и артезианских колодцев. Как отмечает один из авторов представленного исследования, «в процессе жизнедеятельности автохтонное кочевое население активно взаимодействовало с окружающей природной средой, в результате выработались определенная система взглядов, отношения, регулирующие процесс взаимодействия в ходе введения хозяйства» [1. С. 22].

Основным материалом для написания настоящей статьи послужили впервые выявленные документы фондов Управления калмыцким народом и его предшественников Национального архива Республики Калмыкия, а также основополагающие законодательные материалы и опубликованные исторические источники.

При изучении данной темы использовались методы исторического анализа, широко применялся проблемно-хронологический метод, который позволил изучить проблемы водоснабжения и водопользования кочевого населения Калмыцкой степи Астраханской губернии до 1917 г. Благодаря этому методу были выявлены специфические особенности развития системы водоснабжения на территории Калмыкии.

В дореволюционной историографии проблема водоснабжения Калмыцкой степи рассматривалась как государственными деятелями из Министерства государственных имуществ Российской империи, так и учеными-исследователями. Более пристальное внимание и научно-практический интерес к данной проблематике возникает в XIX в. В этот период исследователи Петербургской академии наук, непосредственно побывавшие в Калмыцкой степи, в своих отчетах и трудах подчеркивают необходимость научного изучения проблемы водообеспечения, которая для данной местности являлась всегда злободневной [2–6].

Нами изучены труды отдельных экспедиций, осуществлявших широкомасштабные работы по изучению водоснабжения и систематизации отдельных признаков мелиорации в Калмыцкой степи. Они проводились в целом по России начиная с 1880 г. под руководством ученых в рамках мероприятий на государственном уровне по развитию орошения. Так, в числе приоритетных задач у членов Кумо-Манычской экспедиции стоял вопрос поиска подземных источников пресных вод и возможности устройства запруда для сбора родниковых, снеговых и дождевых вод на засушливой территории [7]. С 1880–1892 гг. государственная экспедиция под руководством И. Жилинского провела мелиоративные изыскания в Калмыцкой степи [8].

В книге «Хозяйственно-статистические очерки Астраханской губернии» чиновник Министерства государственных имуществ И.И. Михайлов описал речные и озерные системы, родниковые источники в степях Калмыкии: «…низменность степей… их одноличность и сходство в произведениях, солончаки и огромные лужи с горькосоленой водой…» [9. С. 15]. Свидетельством научно-практической значимости данного труда ученого явилось то, что за свою исследовательскую работу И. Михайлов был отмечен второстепенной золотой медали Ученого комитета Министерства государственных имуществ Российской империи.

В работе дореволюционного исследователя И. Корнилова подробно описаны скудные природно-экологические условия проживания калмыцких скотоводов в безводных степях: «…пресные и текучие воды в степях чрезвычайно редки; стоячие пруды и озера и медленно льющиеся реки, имеют воду солоноватую и горько солоноватую; жители принуждены рыть колодцы, глубиною в песках до двух–трех аршин, а в глинах до 30 и 40 сажень, но и в колодцах вода плохая» [10. С. 48].

В советской историографии вопросы водоснабжения Калмыцкой степи Астраханской губернии серьезно не затрагивались и не представляли научный интерес. В более поздний период – в современной отечественной историографии – указанная проблема впервые подробно исследуется в трудах И. Лиджиевой, причем автор рассматривает решение проблемы с позиций института попечительской власти [1, 11, 12]. В рамках научного внутривузовского проекта КалмГУ в 2019 г. вышел ряд научных публикаций, затрагивающих проблемы экологической обусловленности калмыцкого кочевого хозяйства, в том числе проблему водоснабжения Калмыцкой степи [13, 14]. В большинстве опубликованных современных научных исследованиях отмечаются «специфические природно-климатические условия Калмыцкой степи» [15, 16], а также пути и способы решения проблемы водообеспечения.

Природно-экологические условия Калмыкии всегда были сложны и своеобразны и, как отмечали дореволюционные исследователи, Калмыцкая степь «…с обширными степями, на которыхъ кочуютъ калмыки, киргизы карагачи, представляютъ глинистую, низменную гладь, с рассеянными по ней солеными озерами, болотами и равнинами, сыпучаго песку. Это скудное пресною водою и почти безлесное пространство…» [10. С. 1–2]. В природно-климатическом и в хозяйственно-экономическом отношении территория имела свою непохожесть и отличалась от всех других местностей Российской империи. Калмыцкая степь ярко выделялась как аридный регион на юго-востоке европейской части России с резко континентальным климатом, где господствовали природные зоны безводных степей, полупустынь и пустынь. В данной местности, как отмечают современные специалисты-экологи, наблюдаются среднегодовая температура воздуха до $+10^0$, длительный безморозный период (в среднем 170–180 дней в году), скудность дождей в летний период (среднее количество осадков – от 180 до 350 мм). Основной особенностью климата является, как указывалось ранее, его резкая континентальность – жаркое и сухое лето с частыми засухами и суховеями, сухая продолжительная осень, холодная малоснежная зима с оттепелями и, наконец, короткая весна. Эти характерные признаки природной среды, суровые условия оказали непосредственное влияние на формирование у калмыка-кочевника трепетного отношения к природным ресурсам. У калмыков, проживающих в суровых климатических условиях, наблюдалось многовековое трепетное отношение к природе, в особенности к водным ресурсам. Известны случаи, когда в основном из-за нехватки водных ресурсов жители одного хотона не разрешали жителям других хотонов пользоваться питьевой водой из своего колодца (худука) и даже брали оплату с приезжих за водопой.

Вода во все времена являлась важнейшим источником жизни для кочевников, она играла немаловажную роль в его хозяйственной деятельности. Каковы же были водные источники, используемые степняками в повседневной жизни? Нами выделена классификация источников воды в Калмыцкой степи у калмыков-кочевников: подземные воды – колодцы и худуки; плотины; поверхностные воды – озера, пруды, лиманы, собиравшаяся в степи вода в виде осадков (дождей и талых вод).

К концу XIX в. в Российской империи сформировался относительно целостный агропромышленный комплекс, динамичному развитию которого мешало отсутствие достаточных водных ресурсов. Природно-климатические аномалии привели к засухе и неурожаю 1880 и 1833 гг., и ее последствия вызвали голод во многих губерниях России. Сама жизнь, в особенности в засушливых районах, диктовала активность в деятельности водных коммуникаций, необходимость обеспечения стабильного функционирования водоснабжения для населения и скота. Власти направляли немалые усилия на преодоление последствий засухи и неурожая, отрабатывали превентивные меры по устранению подобных явлений в будущем. Становилось очевидной необходимость увеличения государственных расходов на развитие сельскохозяйственных нужд на территории России. С этой целью в 1837 г. в системе государственной власти создается самостоятельное подразделение – Министерство государственных имуществ Российской империи. В 1840-х гг. на государственном уровне был поставлен вопрос о мелиоративном орошении, осушении и разведении лесов, а в 1854 г. последовал выход очередного документа «Высочайшее повеление «О мерах по распространению осушения и орошения».

Меры государственной поддержки коснулись и Калмыцкой степи. Министерство государственных имуществ начиная с марта 1853 г. стало оказывать активную посильную помощь улусным властям и скотовладельцам в организации работ по обводнению и орошению Калмыцкой степи. Так, по ходатайству Астраханской палаты государственных имуществ центральная власть выделяет 2 434 руб. 80 коп. из общественного калмыцкого капитала на устройство 20 колодцев в калмыцких улусах [17. Л. 1–2]. В основном колодцы планировалось обустраивать в безводных районах: Багацохуровском, Харахусовском и Икицохуровском улусах Калмыцкой степи Астраханской губернии. В июне 1854 г. власти разрешают организовать 42 колодца со срубами и корытами, при этом дополнительно, включив Малодербетовский улус, царское правительство осуществляло строгий финансовый контроль за эффективным использованием выделенных им средств. За потраченные финансовые расходы улусное управление обязано было отчитываться Главному попечителю калмыцкого народа и Астраханской палате государственных имуществ [17. Л. 31].

В 1855 г. Главный попечитель калмыцкого народа, отмечая недостаток водопользования, с болью писал в Астраханскую палату государственных имуществ: «Улусы Эркетеневский, Харахусовский, Багацохуровский и Икицохуровский осенью более 2-х месяцев кочуют по обеим сторонам караванного тракта от Калмыцкого Базара к реке Кума и далее в Ставропольскую губернию и на Кавказ. По всему этому тракту и около него нет проточной воды и кочующие, с большими усилиями добывают воду из худуков и ям, которые заваливаются песком, что затрудняет до-

бывание воды, так как на них нет срубов, которые удерживали бы обвалы. В прошлом 1854 г. по этому тракту устроено 10 колодцев. Поэтому прошу вас сделать распоряжение на покупку потребных материалов к составлению деревянных срубов» [17. Л. 97–98]. К письму была приложена смета на устройство деревянных срубов для колодцев с желобами и блоками. Идя навстречу просьбе Управления калмыцким народом (УКН), государство дополнительно выделило 815 руб. на 10 колодцев попечителю Багацохуровского улуса Добронравову [17. Л. 2]. В Калмыцкой степи в этот период, как показывают архивные материалы, значительно увеличилось количество колодцев и худуков в основном благодаря мерам государственной поддержки. Худуки представляли собой колодцеобразную яму округлой формы, не имеющую срубов. В среднем диаметр вырытого худука колебался от 1½ в ширину и от 1½ до 3 сажень в глубину. В размещении колодцев калмыками наблюдалась устойчивая закономерность. Худуки были рассредоточены по всей степи в основном в 20, 30 и редко в 50 верстах. Скотоводы-кочевники обычно рыли худуки на склонах бугров или около сыпучих песков на плоской возвышенности, где слой щелочной почвы толще, а потому и подпочвенной воды было больше. Вода в них не всегда была пресной, чаще встречалась горько-соленая [2. С. 117]. Скотоводы придерживались особого порядка в отношении состояния худуков. Они ежедневно производили чистку водоисточника от песка и мусора, в течение дня вычерпывали воду, чтобы за ночь худуки вновь наполнились водой. Худучную воду калмыки использовали для собственного питья и водопоя скота. Худуки и колодцы, согласно указанной выше классификации, отнесены к первой группе источников воды в Калмыцкой степи.

После отмены крепостного права в 1861 г. в России начались значительные перемены в социально-экономической сфере, определившие основные приоритеты в промышленности и сельском хозяйстве. Решение вопросов водоснабжения явилась ключевой проблемой в системе социально-экономического развития в Калмыцкой степи Астраханской губернии. Наряду с властью сами калмыки-скотоводы в условиях острой потребности в водообеспечении пытались организовать независимые изыскания водных источников. В декабре 1865 г. «калмыки из Эркетеневского улуса А. Рабаджиев Адокча рода и Б. Цатанов Цатанова рода были направлены на обучение для работы с водоопределительным аппаратом на механический завод в Астраханском пароходстве» [18. Л. 7]. В сентябре 1866 г. специалисты из 2-го Каспийского флотского экипажа проводили практические занятия в Эркетеневском улусе [19. Л. 54]. К сожалению, в январе 1871 г. в связи с обильным приливом реки Волги население в прибрежье Каспийского моря стало снабжаться водой из вырытых колодцев, несколько солоноватой, но пригодной к употреблению. По этой причине решено было приостановить работу специалистов [19. Л. 85].

В начале 1880-х гг. страну охватил аграрный кризис, принявший затяжные и хронические формы. Помимо существенного снижения в 1870-е гг. крестьянского и помещичьего хозяйства появились сложности и иного рода, наиболее сильно проявившиеся в Калмыцкой степи. Крестьянство соседних регионов страдало от недостатка земель, и земельные площади для посева зерновых стали увеличиваться за счет расширения территорий скотоводов, что наносило им значительный ущерб. Захватывались в основном земли, где имелись поверхностные воды – озера, пруды, лиманы. На оставшейся территории кочевания степняки-скотоводы страдали от отсутствия водных ресурсов. Наблюдая эту ситуацию, в апреле 1882 г. чиновники Временного отдела по поземельному устройству государственных крестьян Министерства государственных имуществ (далее МГИ) отмечали: «Ввиду того, что хозяйство калмыков, кочующих в степях Астраханской губернии находится в первобытном состоянии, а скотоводству не раз грозило полное уничтожение, Ваше превосходительство, предполагаете ли Вы сделать почин по возбуждению в калмыках сознания возможности значительно улучшить свое экономическое положение собственными силами, при некотором содействии Правительства <…> Предполагаете ли Вы обратиться к калмыкам в виде особого воззвания с предложением разных мер, а именно об устройстве колодцев для здорового водопоя» [20. Л. 1]. Как видим, основную часть проблем с водоснабжением государство все же старалось переложить на самих калмыков-скотоводов.

Суровые природно-климатические условия, огромные расстояния, жаркое лето, ветренные холодные зимы усложняли процесс выживания в безводной степи. Во многом в силу своей ментальности, имеющей исторические и культурные установки на коллективизм в его древней форме хозяйствования, зачастую богатые калмыки активно помогали своим родственникам, попавшим в беду. Родовые отношения были необходимы для выживания калмыку-скотоводу в тех условиях, в которых он проживал. Общественные и экономические условия развития Калмыцкой степи приводили все большее число крупнейших скотоводов к осознанию социальной ответственности перед калмыцким обществом, что проявлялось в их стремлении к улучшению условий проживания и быта калмыцкого населения, более широкому, чем прежде, пониманию общественного характера благотворительной деятельности. В 1886 г. зайсанги, опекуны, старшины, хотонные старосты Харахусо-Эрдниевского улуса на улусном сходе решили выделить 3 тыс. руб. из личных средств на обводнение улуса, а недостающую сумму просили ассигновать из общественного калмыцкого капитала, при этом отметив, что соединение 8-го верстного канала и реки Сарпы, а также очищение русла Сарпинских озер будет иметь хороший результат в водообеспечении соседних Икицохуровского, Малодербетовского и Багацохуровского улусов [21. Л. 86]. Столь высокая социальная ответственность зайсангов перед своими родственниками и сельчанами во многом определяла социальную устойчивость калмыцкого общества.

В конце XIX – начале XX в. многое для развития мелиоративного дела в Калмыцкой степи было сделано государственной экспедицией И.И. Жилинского. Чле-

ны экспедиции впервые стали осуществлять изыскательские работы, проектировали, организовывали восстановительные работы и вели новое строительство, как в пределах выделенных государственных средств, так и за счет калмыцкого населения. Экспедиция Жилинского за период с 1880 по 1902 г. при непосредственном участии калмыцкого населения провела значительный объем изыскательских работ и систематизировала гидрогеологическую, метеорологическую и агротехническую информацию; построила оросительные системы, создала первые (опытные) орошаемые участки. Только в северной части Малодербетовского улуса ими было устроено 39 образцовых колодцев и 4 плотины [8. С. 16]. Всего за 1890 г. в Калмыцкой степи было построено 26 новых колодцев со срубами и 95 без срубов (худуков) [22. Л. 3].

Таким образом, ситуация с водообеспечением кочевников постепенно стала меняться в лучшую сторону. К сожалению, в последующем (после прекращения государственной поддержки) построенные за счет государственной казны водные системы пришли в запустение. В своем рапорте от 7 сентября 1888 г. староста Горибского общества калмыков М. Откиров сообщал улусному управлению, что казенный колодец, устроенный на уроч. Гориб, находящийся в районе Ики-Манлан Шабинерова рода Малодербетовского улуса, настолько разрушен, что если его не ремонтировать, то он будет непригоден для питья [22. Л. 97]. Попечитель улуса Южной части Малодербетовского улуса докладывал в УКН: «Из колодцев, устроенных экспедицией И. Жилинского, некоторые довольно обильны водою и приносят значительную пользу калмыкам <…> Из разрушившихся мне известно, что колодец на Ханате в Дунду-Хуруловом роде развалился (каменные борты) и колодец на Ики-Манлане Шебенерова рода, вышедший из употребления» [22. Л. 15].

Таким образом, можно констатировать, что работа, проделанная генерал-майором И.И. Жилинским в решении народно-хозяйственных задач в Калмыцкой степи, неоценима. Его программы и методика исследований определили новый подход к изучению всего комплекса природных условий и способствовали расширению новых мелиоративных задач. Вместе с тем, по мнению И. Жилинского, устройство артезианских колодцев в безводной Калмыцкой степи являлось делом дорогим и сопряженным с большим риском. Поэтому их обустройство он считал целесообразным вблизи больших населенных пунктов, жители которых нуждались в хорошей питьевой воде, достаточном обеспечении водопоя скота.

В июле 1890 г. УКН для развития орошения и строительства новых колодцев приобретает буровой инструмент в Санкт-Петербурге с новейшими техническими характеристиками, способный буравить землю до 10 саж.: определять наличие воды на местности; распознавать качество воды. Главный попечитель калмыцкого народа рассылает циркуляр по всем улусам следующего содержания: «Озабочиваясь увеличением в степи числа колодцев с водою, годной для питья, прошу сообщить, возможно, точные сведения о том, в каких именно пунктах, с наименованием урочищ и кочевьев, где расположены таковые пункты, встречается крайняя надобность в доброкачественной почвенной воде, дабы по их исследованиям, можно было приступить к устройству в них прочных колодцев. Расходы на работы по бурению почвы, а равно и по устройству колодцев будут производиться калмыками, которые будут нуждаться в воде» [23. Л. 1]. 18 августа 1890 г. инженер Алексеев по приглашению руководства УКН произвел буровые работы в Малодербетовском улусе из 16 скважин, и только в четырех местах вода оказалась годной для питья. В конце августа в Яндыко-Мочажном улусе началось производство буровых работ на уроч. Гахата (при зимнем хуруле Яндыковского улуса), Далган-Гашун и Амьте-Сюке, на общем летнем кочевье калмыков и вблизи иных, где будет найдена хорошая вода [23. Л. 8]. Вслед за этим калмыцким улусом изъявили желание провести разведывательные работы Икицохуровский, Александровский и Эркетеневский улусы. Заведующий Александровским улусом М. Федоров просил УКН об устройстве отдельных колодцев для частных лиц – нойона Б. Тюменя, поскольку нуждающихся в устройстве колодцев в их улусе не было [23. Л. 11]. В Эркетеневском улусе богатый скотовод Басанга Монке-Убушиев пожелал обустроить колодец и усадьбу на уроч. Адык [23. Л. 12].

В июне 1891 г. калмыки Харахусовского улуса и Харахукова рода и их зайсанги Бичкн-Басанг Эрдениев, Эрдени Шонхоров, Эрдени Буляев, Шала Габунг Джимбиев обратились к Главному попечителю калмыцкого народа с просьбой выдать «из казны каждому из просителей по 100 руб. с рассрочкой платежа сроком на 3 года для покупки инструментов, необходимых для вырытия худуков и устройства сруба на урочище» [20. Л. 219]. В НАРК сохранились письма с обращениями простых скотоводов об устройстве и ремонте колодцев: «Малодербетовская улусная ставка уже несколько лет нуждается в воде <…> Ставка пользуется колодцем, который был устроен при ставке экспедицией И. Жилинского. Имеем честь покорнейше просить УКН поручить в предстоящую весну устройство нового колодца и исправление одного из старых» [23. Л. 13]. Калмыки, безусловно, более чем нуждались в разработке источников водоснабжения, но из-за ограниченных финансовых возможностей и отсутствия опыта строительства колодцев жизненно важный для кочевых скотоводов процесс затягивался.

Следующей группой источников воды в Калмыцкой степи у кочевников являлись плотины. Экспедиция И. Жилинского в 1881 г. одна из первых в Калмыцкой степи организовала Тингутинскую плотину. Однако уже в 1886 г. комиссия под председательством проф. И. Мушкетова указала на аварийное состояние обводнительного сооружения, «…изначально возведенного на слабом грунте и без надлежащего укрепления. Состояние плотины неудовлетворительное и эксплуатация участков в настоящее время убыточна из-за рыхлого и малонадежного основания плотины, пропускающего из пруда воду» [21. Л. 226, 235, 241; 24. С. 215]. В 1889 г. устроенные экспедицией И. Жилинского 4 плотины на уроч. Гашун-Говильская (у калмыков Гашун-Кёльская), Унгун-

Терячи, Дашманская и Хара-Шаральдинская, находящиеся в южной части Малодербетовского улуса, тоже стали приходить в запустение [21. Л. 155]. Суровая жизнь приучила степняков-калмыков к рациональному и бережному использованию воды и поэтому они стремились собственными силами привести в порядок водохозяйственные объекты. Калмыки Дунду-хурулова рода пытались починить за свой счет Дашманскую плотину, поскольку, по их мнению, это сооружение, «полезное для сенокоса и подходящее для водопоя скота калмыков Абганеровых и Нетебикин-Тукчинерова рода, коих до 200 кибиток прикочевывают в летнее время на уроч. Дашман со времени ее устройства или 3 тыс. гол. крупного рогатого скота и 14 тыс. гол. мелкого скота (на кибитку следует считать, средним числом 15 гол. крупного и 70 мелкого скота)» [21. Л. 145]. Впоследствии плотины Унгун-Терячи и Дашманскую состоятельные калмыки Тундутов, Деликовы, Базыровы Дунду-хурулова рода пытались восстановить за собственный счет [25. Л. 4].

В Калмыцкой степи мелиорация являлась одним из важнейших направлений в хозяйственной деятельности, однако местная администрация улусов не имела полных юридических прав на контроль над обводнительными сооружениями. Вот документ, свидетельствующий об этом. Он направлен руководством Малодербетовского улуса в УКН: «Если только ремонт колодцев и плотин будет произведен, то они должны находиться под постоянным наблюдением улусного попечителя, который обязательно должен осматривать их сам лично, по крайней мере, 3 раза в год, тогда все сооружения будут сбережены» [25. Л. 8]. В июне 1899 г. министр государственных земельных имуществ выдал разрешение на отчисление из общественного калмыцкого капитала единовременной выплаты в размере 1 500 руб. на ремонт плотины в уроч. Унгун-Терячи. В распоряжении министра отмечалось: «Об изъятии плотины из пользования калмыков по орошению юга России вопроса возбуждаемо не было» [25. Л. 9]. Вопросы состояния, пользования гидротехническими сооружениями закреплялись за улусными властями и самим населением. Также, благодаря стараниям мелиоратора И. Жилинского, хлопотавшего еще в сентябре 1886 г. о выделении годового жалованья для (40 руб. в месяц) сторожу-надсмотрщику, министерство выделило 200 руб. ежегодного жалованья для постоянного сторожа-надсмотрщика. Он должен был осуществлять контроль и предотвращать разрушения в сооружениях во время таяния снегов, распоряжаться расходованием оросительных сооружений в калмыцкой степи [21. Л. 2].

В 1896 г. для стимулирования и финансового обеспечения мелиоративных работ были разработаны и утверждены «Временные правила о ссудах на сельскохозяйственные улучшения». Документ подстегнул власти к оказанию скотоводам-кочевникам Калмыцкой степи финансовой помощи на мелиоративные работы. В 1897 г. в южной части Малодербетовского улуса организовывается 12 новых прудов, 226 колодцев, в Икицохуровском – 17, Багацохуровском – 15, в Эркетеневском и Яндыко-Мочажном – 2 колодца со срубами и 12 худуков. В северной части Малодербетовского улуса разворачивается ремонт колодцев в Ацынхуте, Хархате, Добдоне, Ики-Олене, Мангадык-худуке (в Дунду-Хуруловом роде); не имеющих воды в колодцах – в Дендерте, Мобур-Цаца, Данман; не имеющих дна – в Зурготе, Катка-Царыне, Умке-Шаральджике, Шунтуре, Утнур-Говиле, Булукте, Биргюне [25. Л. 4].

В 1899 г. в Малодербетовском улусе насчитывалось 33 колодца со срубами, 522 худука, 25 плотин для водоемов [25. Л. 5]. В улусах Калмыцкой степи, согласно упомянутой выше рекомендации И. Жилинского, худуки и колодцы разворачивали вблизи оседлых жилищ: Кетченеровский род в Абганерах, Абганеры-Баншинкины, имение князя Тундутова, Тебикин-Кетченеры, Танакины, Бага-Сарланкины, Ики-Бухусы, Ики-Манлакины, Талканкины (близи дома зайсанга Талтаева) Малодербетовского улуса.

Наряду с проблемой обеспечения питьевой водой населения перед властями и степным обществом стояла другая важнейшая проблема – водообеспечение скота в условиях кочевого способа хозяйствования. Рассмотрим на примере Малодербетовского улуса обеспеченность водой скота, без учета естественных водоемов (озер, прудов, лиманов, запруд). В XIX в. в улусе насчитывалось 210 043 гол. скота [19. С. 122]. Артезианский колодец в степи обычно вмещал от 30 до 50 тыс. ведер (1 ведро – 12,299 л) в сутки. Всего в Малодербетовском улусе имелось 78 828 тыс. голов скота и 131 216 тыс. голов овец [26. Л. 122]. На одну голову крупного рогатого скота в зимнее время в среднем было необходимо от 20 до 40 л воды, в летнее время по статистике потребность в воде возрастала на 1/5 часть. Из одного артезианского колодца путем математического подсчета выявлено, что напоить в летнее время можно было один раз в сутки в среднем 123 коровы или 820 овец. Обильные скважины до 160 тыс. ведер, или до 200 куб. саж. воды, в Калмыцкой степи не встречались. Результаты подсчета показывают, что в Малодербетовском улусе добываемых водных ресурсов из колодцев и худуков явно недоставало для водообеспечения имевшегося поголовья скота. Всего в Калмыцкой степи в конце XIX в. насчитывалось 4 171 колодец и худук на 131 305 тыс. населения и 10 748 114 гол скота [27. Л. 6; 28. Л. 4]. Отсутствие достаточного количества колодцев и худуков, артезианских скважин в Калмыцкой степи для обеспечения водопоя скота могло компенсироваться водным ресурсом из поверхностных вод – озер, прудов, лиманов, однако вода в большинстве из них из-за соленой почвы и малого количества осадков в виде дождя и снега зачастую была горькой и непригодной для питья.

В начале XX в. Гидрологическому комитету Главного управления землеустройства и земледелия наладить организацию водоснабжения в степных улусах в полной мере не удалось. Поэтому богатые калмыцкие скотовладельцы пытались независимо решить вопрос водоснабжения. В 1904 г. калмык Харнутова из рода Гаря Даланов, крупный скотовладелец в Эркетеневском улусе на уроч. Семень самостоятельно установил артезианский колодец глубиной в 70 саж., но он оказался непригоден для водопоя из-за сильной засолен-

ности и токсичности. Вторичное бурение на глубине 96 саж. выявило менее засоленную и уже не в такой степени насыщенную серой воду. Аналогичная ситуация наблюдалась в 1906 г. у калмыка Ачинерова из рода Мокто Эрдениева в Икицохуровском улусе. В следующем году калмык Ачинерова из рода Дорджи Каруев хлопотал об устройстве артезианского колодца на уроч. Састин Гурбун Толга Икицохуровского улуса. В 1908 г. он получил разрешение от властей на начало работ, однако из-за отсутствия финансовых средств ему пришлось прекратить дальнейшее бурение. Вода, добытая им в Ачинерах на глубине 61 саж., согласно заключению Петровского общества исследований Астраханской губернии, показала ту же засоленность и большое содержание серы [29. Л. 5–8]. Увы, реализации состоятельными калмыками артезианских работ в полном объеме помешало отсутствие налаженной системы, практического опыта и во многом отсутствие должного финансирования.

В условиях острейшей нехватки пресной воды калмыцкие скотоводы все больше и больше испытывали острую необходимость в обводнении степи. Так, в мае 1907 г. на съезде попечителей Калмыцкой степи Астраханской губернии поднималась общая проблема обводнения и проявилась личная готовность калмыков пожертвовать собственные средства на производство бурения воды в степном регионе. Этот же вопрос возник в правлении сельскохозяйственного общества астраханских калмыков: «Больше миллионов десятин южной части калмыцкой степи Астраханской губернии так называемые “Черные земли” в летнее время и иногда весной представляет безводную сплошную пустыню. На десятки верст протянулась подобная степь, покрытая богатой растительностью, но никто, даже степные сайгаки, не посещают ее в это время. Отсутствие пресной воды – вот причина такого явления» [29. Л. 20–21]. Как отмечали в то время в своей апелляции скотоводы, «…мы самостоятельно принялись за бурение. По собственному почину и на свои средства некоторые Эркетеневские и Икицохуровские скотоводы выкопали 3 артезианских колодца близ Ставропольской границы. При этом <…> из трех буровых скважин вода забила только в первой» [29. Л. 21]. В своем заявлении они подчеркивали: «Убедительно просим не отказать, поддержать калмыцкую просьбу о производстве в степи гидротехнических и геологических изысканий и учредить в Астраханской губернии постоянное гидротехническое бюро по проекту Управления государственным имуществом Астраханской губернии» [29. Л. 22]. Следует признать, поднимаемые попечителями улусов Калмыцкой степи проблемы водоснабжения степного края не нашли отклика у руководства Астраханской губернии.

Обеспечение возможности водоснабжения оставалось одним из условий для устойчивого развития калмыцкого скотоводства в предвоенные и предреволюционные годы. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы аймачных и хотонных приговоров. Так, в 1908 г. согласно приговору крещеных калмыков в пос. Бислюрта постройку двух колодцев решено было профинансировать из общественных сумм 120 руб.: «В разное время представителями общества крещеных калмыков в п. Бислюрта построены 4 колодца, часть из которых осенью 1905 г. обрушилась. Нужда, как собственного потребления, так и для водопоя огромная. Поэтому мы вынуждены обращаться в последнее время за водой к колодцам обывателей и к колодцу местного священника» [30. Л. 70, 74]. Несмотря на то что в 1909 г. общее число колодцев составляло около 3 тыс., необходимость в строительстве новых худуков и колодцев была злободневной. Инициативные решения самих скотоводов региона зачастую влияли на решения местного руководства. В 1909 г. в Икицохуровском улусе в уроч. Яшкуль, в связи с увеличением товарности торговли и отсутствием пресной воды, чиновники поддержали инициативные действия калмыков по вопросу строительства нового водного объекта, решив предоставить на устройство артезианского колодца из сумм, поступающих за выпас скота калмыков, 3 500 руб. [29. Л. 28; 31. Л. 7]

Материалы аймачных и хотонных приговоров начала XX в. показывают, что одним из обсуждаемых вопросов была проблема водоснабжения степи – строительство плотин. В частности, активно обсуждалось строительство плотины на реке Аршан для пополнения водой озера Батыр и сооружения двух колодцев в Малодербетовском улусе [11. С. 65]. В рапорте заведующего южной частью Малодербетовского улуса в феврале 1901 г. содержится просьба в УКН о «расчистке балки [Песчаного] пруда водой родниковой» [32. Л. 1]. УКН выделило 120 руб. из суммы за выпас скота на устройство на балках Песчаной плотины и расчистку на той балке родника для наполнения пруда [33. Л. 4]. Несмотря на большое значение, которое имела плотина, крестьяне этого села не имели возможности восстановить ее ввиду неподъемной для них суммы – 7–8 тыс. руб. [33. Л. 147]. Однако в условиях начавшейся Первой мировой войны вопрос об искусственном обводнении озера Батыр был отложен на неопределенное время.

Небезызвестно, что большая часть Российской империи изобиловала природными водными источниками, а часть регионов испытывали острый дефицит водных ресурсов. К таким территориальным объектам относится Калмыкия. Озера, пруды, лиманы, собиравшаяся вода в виде осадков (дождей и талых вод) составляют, по нашей классификации, следующую группу источников воды в Калмыцкой степи. Один из территориальных районов в Калмыцкой степи – Малодербетовский улус – по своему орошению разделялся на две части [34. Л. 8]. Он состоял из возвышенной (Ергени), и низкой степной частей. Как отмечали дореволюционные исследователи, Ергени были рассечены крутыми балками, дающими снеговую и ключевую воду. Вершина Ергеней определяла направление рек и балок на восток и запад. Восточные склоны и балки Ергеней обеспечивали снеговой водой озера Барманцаг, Цаца, Пришиб, Унгун-Теречи и Ханата, образуя систему Сарпинских озер, типичных для Калмыкии. Часть Ергеней, лежащих ниже Обильного, начиная с Бакшин-Шебенеров доходили в так называемые Салбру-Элистинские, Амта-

Бургустинские и другие Абганеровые роды, давая хорошие заливные луга – главную житницу абганеровцев. Озера, образованные верхними северными Ергенями, и дальнейшая цепь озер, а также некоторые из тех лугов, где застаивалась вода с южных Ергеней, покрывались камышом. Камыш служил кормом, строительным материалом и топливом. Для калмыков он являлся также предметом продажи. Главная масса воды, создающая озера и реки, состояла из талых снегов, глубина которых доходила до 2–4 четвертей аршина по буграм и балкам. Калмыки-скотоводы, кроме артезианских колодцев, водой для поения скота пользовались из балочных рек и колодцев, расположенных по Ергеням; на равнине – из озер и тех небольших лощин, которые образовывались весной от таяния снегов. Можно сказать, что скотоводы Малодербетовского улуса в плане водообеспечения были в более выгодном положении, чем их сородичи из других улусов. Более скромной обеспеченность водой была в Икицохуровском улусе. По всей долине Маныча, у Дербет-Гашун, как отмечается в архивных материалах, вода солонцеватая, а возле Состинских озер даже соленая. Вся площадь «черных земель» обслуживалась худуками только в северной части (к северу от худука Халгань Гашун), а все, что находилось между худуком Мятхир и Халган Гашун, оживало только с выпадением снега. В остальное время не только грунтовой, но и дождевой и снеговой воды не было совсем [34. Л. 102]. Вся масса воды из балок Яшкуль, Элиста, Бурата, Улан-Зауха, Мукта, Хара-Зауха, Шонта, Шарет переносилась на лиманы Икицохуровского улуса. Поэтому в этих местах образовывались богатые покосы, дающие огромное количество сена для скотоводов [34. Л. 106].

Вместе с тем поверхностные водные ресурсы Калмыцкой степи не обеспечивали потребностей хозяйств кочевого населения. Поэтому специфический комплекс водного хозяйства региона настойчиво требовал глобальных перемен – новой концепции развития водной системы Калмыцкой степи.

Таким образом, в данной статье нами проиллюстрированы попытки решения проблемы водообеспечения органами власти и силами инициативного кочевого населения в одном из самых засушливых регионов Российской империи. Политика имперских властей в данном вопросе характеризуется дуалистическим подходом: с одной стороны, Калмыкия являлась одним из основных поставщиков государству животноводческой продукции, и для увеличения ее производства она нуждалась, в первую очередь, в решении первоочередных вопросов водообеспечения территории; с другой стороны, реализация в регионе неотложных мероприятий по водоснабжению требовала значительных финансовых вложений со стороны Российского государства, что по объективным причинам стало невозможно в условиях Первой мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лиджиева И.В. Хозяйство и природопользование в деятельности органов местного самоуправления Калмыцкой степи в XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 46. С. 22–27.
2. Нефедьев Н.А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб. : Тип. Крайя, 1834. 290 с.
3. Попов А.А. Краткие замечания о приволжских калмыках // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1839. Ч. 22, № 4. С. 17–46.
4. Смирнов П. Путевые заметки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста : Джангар, 1999. 247 с.
5. Житецкий И.А. Астраханские калмыки (наблюдения и заметки). Астрахань, 1892. 185 с.
6. Житецкий И.А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1893. 76 с.
7. Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции. СПб. : Тип. В. Безобразова и К^0, 1868. 166 с.
8. Жилинский И.И. Очерк работ экспедиции по орошению на Юге России и Кавказе. Сост. Начальником экспедиции ген-лейт. И. Жилинским. СПб. : Тип. Б. Балашова, 1892. 404 с.
9. Михайлов И.И. Хозяйственно-статистические очерки Астраханской губернии / соч. И. Михайлова, удостоенное второстепенной золотой медали от Ученого Комитета Министерства государственных имуществ. (Извлечено из Журнала Министерства государственных имуществ 1851 года). СПб. : Тип. Мин-ва. гос. имуществ, 1851. 176 с.
10. Корнилов И. Заметки об Астраханской губернии. СПб., 1854. 48 с.
11. Лиджиева И.В. Проблема водоснабжения в Калмыцкой степи в нач. XX в. (по материалам аймачных и хотонных приговоров) // Magna adsurgit: historia studiorum. 2016. № 1. С. 61–70.
12. Лиджиева И.В. Местное самоуправление калмыков в XIX – нач. XX в. (историко-этнографический аспект). Элиста : КалмНЦ РАН, 2016. 336 с.
13. Амаева Д.В., Команджаев А.Н., Мацакова Н.П., Оконова Л.В. Водообеспечение Калмыцкой степи Астраханской губернии в XIX – начале XX века: проблемы и пути их решения // Bylye Gody. 2019. Vol. 53, is. 3. P. 1017–1024.
14. Амаева Д.В., Мацакова Н.П., Оконова Л.В. Экологические аспекты экономики Калмыцкой степи в XIX в. // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 4 (44). С. 13–19.
15. Бадмаева Е.Н. Российские экспедиции на территории Калмыкии // Вестник Тамбовского государственного университета. 2009. Вып. 11 (79). С. 348–355.
16. Бакинова Т.Н. К вопросу об опустынивании на территории Калмыкии и его последствиях // Международный сельскохозяйственный журнал. 2000. № 1. С. 45–50.
17. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. И-9. Оп. 6. Д. 2. Л. 1–2.
18. НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 155. Л. 7.
19. НАРК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 156. Л. 54.
20. НАРК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 553. Л. 1.
21. НАРК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 606. Л. 86.
22. НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 106. Л. 3.
23. НАРК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 371. Л. 1.
24. Мушкетов И.В. Геологические исследования в Калмыцкой степи в 1885 году // Известия Геологического комитета. СПб., 1886. Т. 5, № 5. С. 203–234.
25. НАРК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1067. Л. 4.
26. Эрдниев У.Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. Элиста : Калм. кн. изд-во, 1985. 283 с.
27. НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 94. Л. 6.
28. НАРК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 83. Л. 4.

29. НАРК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 1835. Л. 5–8.
30. НАРК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 154. Л. 70, 74.
31. НАРК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2045. Л. 7.
32. НАРК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1184. Л. 1.
33. НАРК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 4.
34. НАРК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1695. Л. 8.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 августа 2020 г.

The Problem of Water Supply in the Nomadic Way of Management (On the Example of Kalmyk Steppe in the Late 19th – Early 20th Centuries)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 85–93.
DOI: 10.17223/15617793/457/11
Ekaterina N. Badmaeva, Kalmyk State University (Elista, Russian Federation). E-mail: en-badmaeva@yandex.ru
Keywords: nomadic population; water supply; Kalmyk steppe; Kalmyk cattle breeders.

Based on the analysis of documentary materials from the funds of the National Archive of the Republic of Kalmykia, the problem of water use and water supply in terms of a nomadic way of management is first examined on the example of the Kalmyk steppe in the late 19th – early 20th centuries. The problem of water use and water supply in history has been urgent for nomads, including Kalmyk cattle breeders. For a long time, Kalmykia belonged to the driest area in the south of Russia, and the problem of water supply was always relevant for it. The use of water resources was particularly specific for steppe pastoralists. As is well known, all their life activity in the semi-desert and desert Kalmyk steppes was inscribed in the system of surface sources of fresh water, on the one hand. On the other hand, their entire life process in the summer took place near dug hoods (well-shaped pits) and artesian wells. Kalmykia, both in the natural climatic and economic terms, had its own dissimilarity, which distinguished it from all other provinces of the Russian Empire. In the area, the average annual air temperature is up to +10 °C, the frost-free period is long (on average, 170–180 days a year), and rain in the summer period is scarce (average rainfall is from 180 to 350 mm). The main feature of the climate in the area is its sharp continentality: hot and dry summers with frequent droughts and dry winds, long dry autumns, cold winters with thaws and little snow, and, finally, short springs. These characteristic features of the natural environment, the harsh natural conditions, had a direct impact on the formation of Kalmyk nomads' attentive and reverent attitude to natural resources. The Kalmyks have a centuries-old appreciative attitude to nature, especially to water resources. Living in harsh climatic conditions, the nomads thoroughly guarded their steppe, and, rationally and carefully using their water sources, they sometimes did not allow other khotons to use drinking water from their well (khuduk). In the course of the study, the author classified the water sources of the Kalmyk steppe and made mathematical calculations on the water supply of livestock in the Kalmyk farms of Maloderbetovsky Ulus without taking into account natural reservoirs (lakes, ponds, estuaries, dams). The author proved that the authorities actively supported the initiative of the Kalmyk nomads who sought to reconstruct the old and develop new water bodies on their own. Based on specific material, the author illustrated attempts to solve the problem of water supply by the authorities and the forces of initiative nomadic population in the Kalmyk steppe, one of the most arid regions of the Russian Empire. In general, the author characterized the policy of the imperial authorities in this aspect as half measures.

REFERENCES

1. Lidzhieva, I.V. (2017) Economy and environmental management in the activities of local self-government bodies of the Kalmyk steppe in the 19th and early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 46. pp. 22–27. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/46/3
2. Nefed'ev, N.A. (1834) *Podrobnye svedeniya o volzhskikh kalmykakh, sobrannye na meste N. Nefed'evym* [Detailed Information about the Volga Kalmyks, Collected at the Site by N. Nefediev]. Saint Petersburg: Tipografiya Krayya.
3. Popov, A.A. (1839) Kratkie zamechaniya o privolzhskikh kalmykakh [Brief remarks about the Volga Kalmyks]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 4. Part 22. pp. 17–46.
4. Smirnov, P. (1999) *Putevye zametki po Kalmytskim stepyam Astrakhanskoy gubernii* [Travel Notes on the Kalmyk Steppes of the Astrakhan Province]. Elista: Dzhangar.
5. Zhitetskiy, I.A. (1892) *Astrakhanskie kalmyki (nablyudeniya i zametki)* [Astrakhan Kalmyks (Observations and notes)]. Astrakhan: [s.n.].
6. Zhitetskiy, I.A. (1893) *Ocherki byta astrakhanskikh kalmykov. Etnograficheskie nablyudeniya 1884–1886 gg*. [Essays on the Life of the Astrakhan Kalmyks. Ethnographic observations of 1884–1886]. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova.
7. Anon. (1868) *Kalmytskaya step' Astrakhanskoy gubernii po issledovaniyam Kumo-Manychskoy ekspeditsii* [Kalmyk Steppe of the Astrakhan Province according to the Research of the Kumo-Manych Expedition]. Saint Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i K°.
8. Zhilinskiy, I.I. (1892) *Ocherk rabot ekspeditsii po orosheniyu na Yuge Rossii i Kavkaze* [Essay on the Work of an Irrigation Expedition in the South of Russia and the Caucasus]. Saint Petersburg: Tip. B. Balashova.
9. Mikhaylov, I.I. (1851) *Khozyaystvenno-statisticheskie ocherki Astrakhanskoy gubernii* [Economic and Statistical Sketches of the Astrakhan Province]. Saint Petersburg: Tip. Min-va. gos. imushchestv.
10. Kornilov, I. (1854) *Zametki ob Astrakhanskoy gubernii* [Notes on the Astrakhan Province]. Saint Petersburg: [s.n.].
11. Lidzhieva, I.V. (2016) Problema vodosnabzheniya v Kalmytskoy stepi v nach. XX v. (po materialam aymachnykh i khotonnykh prigovorov) [The Problem of Water Supply in the Kalmyk Steppe at the Beginning of the 20th Century (Based on the materials of Aimak and Khoton sentences)]. *Magna adsurgit: historia studiorum*. 1. pp. 61–70.
12. Lidzhieva, I.V. (2016) *Mestnoe samoupravlenie kalmykov v XIX – nach. XX v. (istoriko-etnograficheskiy aspekt)* [Local Self-Government of Kalmyks in the 19th – early 20th Centuries (Historical and ethnographic aspect)]. Elista: Kalmyk Scientific Center of the RAS.
13. Amaeva, D.V. et al. (2019) Water supply of the Kalmyk steppe of the Astrakhan Province in the 19th – beginning of the 20th centuries: problems and ways of their solution. *Bylye Gody*. 3 (53). pp. 1017–1024. (In Russian).
14. Amaeva, D.V., Matsakova, N.P. & Okonova, L.V. (2019) Ecological aspects of the household in Kalmyk steppe of Astrakhan Governorate in the 19th century. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. 4 (44). pp. 13–19. (In Russian).
15. Badmaeva, E.N. (2009) Russian expeditions on the territory of Kalmykia. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta – Tambov University Review*. 11 (79). pp. 348–355. (In Russian).
16. Bakinova, T.N. (2000) K voprosu ob opustynivanii na territorii Kalmykii i ego posledstviyakh [On the issue of desertification in Kalmykia and its consequences]. *Mezhdunarodnyy sel'skokhozyaystvennyy zhurnal – International Agricultural Journal*. 1. pp. 45–50. (In Russian).

17. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund I-9. List 6. File 2. Pages 1–2. (In Russian).
18. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund I-9. List 1. File 155. Page 7. (In Russian).
19. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund I-9. List 4. File 156. Page 54. (In Russian).
20. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund I-9. List 4. File 553. Page 1. (In Russian).
21. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund I-9. List 4. File 606. Page 86. (In Russian).
22. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund I-9. List 1. File 106. Page 3. (In Russian).
23. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund I-9. List 5. File 371. Page 1. (In Russian).
24. Mushketov, I.V. (1886) Geologicheskie issledovaniya v Kalmytskoy stepi v 1885 godu [Geological research in the Kalmyk steppe in 1885]. Izvestiya Geologicheskogo komiteta. 5 (5). pp. 203–234.
25. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund I-9. List 4. File 1067. Page 4. (In Russian).
26. Erdniev, U.E. (1985) Kalmyki. Istoriko-etnograficheskie ocherki [The Kalmyks. Historical and Ethnographic Essays]. 3rd ed. Elista: Kalm. kn. izd-vo.
27. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund I-9. List 1. File 94. Page 6. (In Russian).
28. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund I-9. List 1. File 83. Page 4. (In Russian).
29. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund I-9. List 5. File 1835. Pages 5–8. (In Russian).
30. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund I-9. List 2. File 154. Pages 70, 74. (In Russian).
31. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund I-9. List 5. File 2045. Page 7. (In Russian).
32. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund I-9. List 4. File 1184. Page 1. (In Russian).
33. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund I-9. List 4. File 1747. Page 4. (In Russian).
34. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund I-9. List 4. File 1695. Page 8. (In Russian).

Received: 10 August 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 94–100. DOI: 10.17223/15617793/457/12

УДК 94(470.51)«19»

С.Л. Бехтерев, Л.Н. Бехтерева

«МИША», «МОЛОТ», «БЕЛЕНЬКИЙ»: БИОГРАФИЯ М.Ф. ШИТОВА В КОНТЕКСТЕ СОБЫТИЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

Представлена реконструкция жизненного пути Михаила Фёдоровича Шитова, партийного, государственного деятеля, одного из организаторов советской индустрии, которому в 2019 г. исполнилось бы 130 лет. Судьба представителя когорты так называемых красных директоров прослежена в контексте событий отечественной истории первой трети XX в. Исследование опирается на официальные документы, материалы периодической печати, источники личного происхождения.
Ключевые слова: Россия; история; первая треть XX в.; биография; Шитов; красный директор.

В 2019 г. исполнилось бы 130 лет человеку с легендарной судьбой, партийному, государственному деятелю, одному из организаторов советской индустрии Михаилу Фёдоровичу Шитову. Между тем его имя сегодня почти не известно в академических, профессиональных и общественных кругах, а справочные сведения о нем носят случайный и (или) противоречивый характер [1. С. 2–3]. В связи с этим целью настоящей статьи является попытка реконструировать жизненный путь представителя когорты так называемых красных директоров в контексте событий отечественной истории первой трети XX в., включившей революционное движение и Гражданскую войну, формирование государства «диктатуры пролетариата», коренную ломку прежнего многоукладного образа жизни и создание военно-промышленного комплекса СССР. Исследование опирается на официальные нормативные акты, документы правительственных учреждений, политических и общественных организаций, материалы периодической печати того времени, источники личного происхождения.

Михаил Фёдорович Шитов родился в Ижевском заводе Сарапульского уезда Вятской губернии 3 (по другим данным – 8) ноября (15 или 20 ноября по новому стилю) 1889 г. в многодетной рабочей семье. Отец его был потомственным слесарем, мать, Татьяна Кирилловна, происходила из купеческой династии Осинцевых.

По воспоминаниям самого М.Ф. Шитова, он был первенцем, а следовательно, и баловнем в некотором роде, рос подвижным, шаловливым и любопытным. Мать, сильная физически и довольно грамотная женщина, привила сыну любовь к знаниям. Поскольку, как свидетельствовал Михаил Фёдорович, «отец на одном месте жил мало и всегда выходило, что непременно поссорится с начальством и его или увольняли, или сам брал расчет при поступлении в новое железнодорожное депо или главные мастерские», вскоре семья оказалась в Перми [2. Л. 51–53]. Михаила, уже бойко читавшего и немного писавшего, в церковно-приходскую школу имени Стефана Великопермского расширенного типа (наподобие духовного училища), находившуюся под непосредственным протекторатом правившего архиерея, приняли сразу во второй класс.

Однако вскоре семья снова сменила место жительства, после очередного конфликта выехав в Вятку, где Фёдор Шитов был принят в железнодорожные мастерские, а Миша – в Спасское земское училище. Затем по причине новых переездов юноша учился на станции Илань Сибирской железной дороги и, наконец, успешно окончив двухклассное училище в Красноярске, поступил там же в железнодорожное техническое низшее училище. В него принимали, как правило, учеников не моложе 15 лет, а Михаила – почти на год раньше. В классе он показал свои способности и стал активно участвовать в кружке самообразования. Там он и познакомился впервые с нелегальной литературой и через брата Константина – революционной работой.

В Красноярском училище уже давно вызревало недовольство некоторыми преподавателями, в частности поляком Гуриновичем, учителем механики, и начальником Главных железнодорожных мастерских города. Учащиеся выразили бойкот четырем педагогам. Когда администрация попыталась уладить конфликт, воспитанники в знак протеста стали бить стекла. За эти беспорядки Михаил Шитов был исключен из училища без права поступления куда-либо.

Из Красноярска в начале 1905 г. семья переехала в Пермь. Михаил поступил учеником слесаря в местные железнодорожные мастерские, с апреля стал посещать революционные массовки. В это время предполагалось отметить 1 мая многолюдной демонстрацией. И хотя за недостаточностью «организованных сил» ее отменили, но провели объединенное собрание пермских и мотовилихинских рабочих в Большом логу за Костаревским прудом.

Первая политическая демонстрация трудящихся Перми состоялась вечером 14 мая 1905 г., в очередную годовщину коронации императора Николая II. Поводом для протеста стал запрет полицией проводить съезд учителей. Все собравшиеся педагоги были разогнаны. Узнав про это, в шесть часов вечера рабочие Мотовилихи направились в Загородный сад. Там и состоялся митинг, переросший в демонстрацию под лозунгами «Долой самодержавие!», «Долой полицию!», «Да здравствует Республика!». В ходе манифестации Шитов был арестован и просидел в «полуротках» (разновидность тюремных помещений с особым режимом) около недели.

Выйдя из тюрьмы, Михаил выехал на родину, в Ижевский завод, и уже под кличкой «Миша» принял участие в деятельности местной социал-демократической организации. В начале 1906 г. он руководил забастовкой приборной мастерской оружейного завода, участвовал в демонстрации в память

9 января. Дирекцией предприятия 11 января 1906 г. был подготовлен список рабочих, подлежавших увольнению за организацию подобных акций, в котором от приборной мастерской значился М.Ф. Шитов [3. Л. 61, 64]. Михаила вновь арестовали, но вскоре по ошибке выпустили. Понимая это, не заходя домой, в тот же день он уехал в Пермь и поступил в слесарно-сборочную мастерскую Мотовилихинского орудийного завода. Здесь под кличками «Беленький», «Молот» он включился в революционную работу: стал десятником социал-демократической боевой дружины, прошел летучки трех типов и курсы политической подготовки – школу пропагандистов под руководством «Михалыча» – Я.М. Свердлова [2. Л. 51–53].

В январе 1907 г. в Пермь прибыли боевики-террористы из Петербурга с планами Екатерины Комисаровой, жены рабочего Мотовилихинского завода социал-демократа Ф.Я. Комиссарова. Это были участники громких вооруженных столкновений на Охте и Васильевском острове в конце декабря 1906 г., главным образом, большевики: А.С. Сергеев («Саша Охтенский», «Саша»), заведующий патронной мастерской Боевой технической группы при ЦК РСДРП(б), Михаил (Илларион) Александрович Паршенков («Демон»), работник той же мастерской, «Ваня Охтенский» («Питерец», «Ванька длинный»), Василий Фёдорович Панфилов («Ястреб»). Были в группе и эсеры, в том числе «Сибиряк» (он же – «Митя Сибиряк», Леонид Кузьмич Минеев, Дмитрий Петрович Воронов, Дмитрий Петрович Савельев), один из самых отчаянных в империи террористов [4. С. 329].

Питерские боевики прибыли в Пермь с явкой к Шитову. Он разместил их у меньшевика Зотова. В это время Михаил находился в поле зрения «охранки». Тамара Михайловна Дедюхина, дочь М.Ф. Шитова, рассказала, что полиция установила наличие склада с оружием. Выручила мать Шитова. Когда полиция пришла с обыском на квартиру, она попросила разрешение поставить самовар, незаметно открыла тайник, высыпала оружие в фартук, а затем вытряхнула его содержимое в самовар. Обыск не дал никаких результатов.

В 1907 г. в связи со спадом и поражением революции начался роспуск Пермской и Мотовилихинской дружин. Однако оружия боевики не сдали, уши в леса в знаменитый отряд местного рабочего Александра Михайловича Лбова. В «Первом партизанском Пермском революционном отряде» оказался и Михаил Шитов. Об этом упоминал в своих рассказах Аркадий Гайдар.

Лбовцы связей с Пермью не теряли. В один из очередных приходов на квартиру к родителям Михаил попал в засаду и в темном коридоре был арестован. Его товарищи, находившиеся в это время в квартире напротив, во главе с матросом Максимовым («Сорока») открыли стрельбу. В перестрелке было убито и ранено несколько стражников, но отбить «Мишу» не удалось. Его увели в участок и жестоко избили. Под двойным конвоем конных и пеших охранников 2 (по другим данным – 26) февраля 1907 г. Шитов был доставлен в Пермскую губернскую тюрьму.

Первое свое серьезное знакомство с царской тюрьмой Михаил Фёдорович вспоминал так: «Это было ночью. Тюрьма спала, и когда окованные двери… заскрипели на своих ржавых петлях – мне стало жутко: избитый, темная ночь, усиленный конвой, грозящий по дороге пристрелить, зловещая тюремная тишина…». Молодой по годам и еще моложе выглядевший Шитов казался мальчиком. Каково же было удивление дежурного помощника тюрьмы, когда он увидел Михаила связанным, да еще с предписанием на строгую изоляцию. Переодетый в арестантское платье, втолкнутый в одиночную камеру под башней, утомленный физически и морально, он повалился на койку и быстро заснул [2. Л. 51–53]. Освоившись с положением, Шитов предъявил требование снять арестантское платье и, получив отказ, объявил четырехдневную голодовку. Прибывший к нему товарищ прокурора начал уговаривать прекратить «самоубийство». На твердый отказ он пожал плечами и вышел, но вскоре явился старший надзиратель Фёдоров и вернул гражданскую одежду. Михаила перевели в общую камеру к «политическим», где он просидел восемь месяцев.

В ходе следствия Шитову наряду с обвинениями по статьям политического характера предъявили и уголовные, в частности за разбойное нападение на управление Полазненского завода 15 февраля 1907 г. Это была одна из наиболее дерзких акций лбовцев. Рабочие этого предприятия приходили к «партизанам» жаловаться на противоправные действия начальника завода Копылова, которого впоследствии убили, экспроприировав около 1 тыс. руб. и небольшое количество оружия. После предъявления обвинения Михаил опять был переодет в арестантское платье и водворен в новый тюремный корпус.

Под следствием М.Ф. Шитов находился 14 месяцев. В итоге 2–6 апреля 1908 г. Казанский военный окружной суд [2. Л. 51–53] (по другим данным – Временный военный суд в г. Перми [2. Л. 45]) признал его виновным в принадлежности к Уральскому боевому союзу как «к обществу, составившемуся для насильственного ниспровержения установленного основными законами образа правления» и осудил по ч. 2 ст. 102, ч. 3 ст. 168 Уголовного уложения и 170, 1459, 1629, 1634 ст. Уложения о наказаниях (по другим данным – 23, 25, 26–31, 34 и 35 ст. Уголовного уложения) [2. Л. 45] к шести годам каторжных работ. Как несовершеннолетнему, треть срока убавили. Каторгу Михаил Шитов отбывал главным образом в Николаевских ротах Пермской губернии; за буйное поведение кандалов не снимали. 114 суток он просидел в карцере, там заболел тифом, при выходе из тюрьмы – цингой.

17 апреля 1912 г. по распоряжению начальника тюремного отделения Иркутского губернского правления Михаил был определен на поселение в Мухтуйскую волость Киренского уезда Иркутской губернии. В с. Мухтуй (Мухтуя) Шитов прибыл вместе с товарищем Юдкиным, с которым не разлучался все время ссылки и организовал группу «политических» из девяти человек. Среди колонистов были и женщины: Ревела Шлеерсон, Клавдия Ивановна Кирсанова, супруга большевика Емельяна Михайловича Ярославского (Миней Израилевич Губельман).

«Жили голодно», – вспоминал Михаил Фёдорович. «Правила по устройству быта политических ссыльных» запрещали служить в государственных и общественных учреждениях, заниматься педагогической деятельностью, работать в фото- и типографиях. Пришлось трудиться у крестьян за поденную плату. Кроме того, выдавали по 10 коп. казенных харчевых (в основном – густого кирпичного цвета чай с маслом). Изредка получали денежные переводы из дома и от заграничного Красного Креста.

В 1913–1914 гг. Шитов проживал в с. Жербинском Мухтуйской волости. Когда было получено разрешение на право передвижения, Михаил с Юдкиным направились в с. Витим и вступили в артель грузчиков, организованную политссыльными. Затем – г. Бодайбо, работа помощником штейгера шахты № 6 на Федосиевском прииске Ленского золотопромышленного товарищества. Спустя некоторое время Михаил возвратился в Бодайбо и поступил чернорабочим на мыловаренный завод купца-золотопромышленника Славина. Здесь скоро поссорился с хозяином, припугнув его поленом. После такого выразительного «объяснения» пришлось ретироваться, и Шитов направился в Киренск, где вновь встретился с Юдкиным. Жили они в это время на мельничной стороне Лены, против Киренска, перебиваясь случайными заработками. Вскоре товарищ поступил в магазин приказчиком, а Михаил – слесарем в затон, весной стал помощником машиниста на станции Ленской компании «Барон Гинзбург». В Киренске Шитов встретил Февральскую революцию.

Из ссылки Михаил вернулся в Ижевский завод, где проживали его мать и дядя. Шитов поступил в инструментальную мастерскую оружейного завода (пропуск за № 19805), а затем стал секретарем заводского комитета. В апреле 1917 г. в Ижевск прибыли двое политссыльных – Василий Антипин и другой, неизвестный, по кличке «Сергей». Под влиянием их агитации здесь начала складываться инициативная группа леворадикального направления в количестве до 30 чел., оформившаяся в организацию Всероссийского союза социалистов-революционеров максималистов (ВССРМ). Был избран комитет, куда вошли Ф.Ф. Кокоулин (руководитель группы, пользовался авторитетом в Центральном совете ССРМ), В. Ильин, Н. Ходырев, А. Говязин, Я. Журавлев, М. Шитов.

Каким образом социал-демократ с дореволюционным стажем мог очутиться в руководстве самой крупной, Ижевской организации ВССРМ? Ответ на этот вопрос дал сам Михаил Фёдорович: «Из ссылки ехали с определенным настроением на пролетарскую революцию, а когда приехали в Ижевск, то увидели, что большевики старались ладить с меньшевиками, интернационалистами и частично с эсерами, мне с боевым настроением и еще не умеющему учитывать положение показалась эта тактика неправильной, и я вступил в Союз максималистов, как мне казалось, более революционный» [2. Л. 49].

В 1917 г. в жизни М.Ф. Шитова произошло знаменательное событие. Он встретился с машинисткой заводоуправления Лидией Чижовой, ставшей вскоре его супругой. В августе большевики в союзе с максималистами одержали серьезную победу на выборах в Ижевский Совет. В его состав вошли 57 коммунистов и меньшевиков-интернационалистов, 38 максималистов, 27 меньшевиков, 26 эсеров-минималистов. Михаил Шитов стал его депутатом от инструментальной мастерской и на посту председателя исполкома Совета встретил Октябрьскую революцию, содействовал организации красногвардейского отряда.

24 января 1918 г. на заседании исполкома Ижевского Совета общезаводской комитет запросил 5 тыс. руб. на нужды поселковой библиотеки. Спустя месяц на объединенном собрании политических и общественных организаций был сформирован библиотечный Совет, куда вошли М.Ф. Шитов (председатель), Чухланцев (товарищ председателя), Пчёлкин (казначей) и два секретаря.

На Шитова возложили обязанности заведующего библиотекой. Его стараниями фонд с 4 500 экземпляров возрос до 8 тыс. томов, не считая 1 тыс. единиц периодических изданий. О своей работе на посту директора библиотеки Михаил Фёдорович вспоминал так: «Для наблюдения за библиотекой необходимо было почти постоянное мое присутствие, поэтому мне Советом была предложена квартира при библиотеке, что было мной отклонено, но зато у меня был занят совершенно весь день: мои занятия начинались с 9 ч. утра и до 8 ч. вечера, а иногда и позднее» [5. Л. 57–59].

На посту заведующего библиотекой М.Ф. Шитов пребывал вплоть до 7 августа 1918 г., начала знаменитого Ижевско-Воткинского восстания под красным флагом образованного в Самаре антибольшевистского правительства Комитета членов Учредительного собрания. Данное событие повлияло на судьбу Михаила Фёдоровича. Нужно было как-то самоопределяться в сложной политической обстановке. В своей автобиографии Шитов писал, что «когда возобновился порядок, я скрываться не стал, а так как восстанием руководили меньшевики и эсеры, и рабочие Ижевского завода меня знали, и к этому времени я из максималистов вышел и слыл как беспартийный, то меня и оставили в покое» [2. Л. 55 об.]. Следственная комиссия учредиловцев выдала ему бумагу о беспрепятственном передвижении в зоне восстания [2. Л. 20–22].

Сотрудничая с мятежниками, М.Ф. Шитов обеспечил функционирование Центральной библиотеки, отметив, что она не работала только в день начала восстания, т.е. 7 августа 1918 г. [5. Л. 35]. В повстанческой газете «Народовластие» от 21 октября 1918 г. М.Ф. Шитов фигурировал в списке членов районной комиссии от библиотеки по выборам гласных городской думы Ижевска [6. Л. 73, 160]. Также, по воспоминаниям его партийного товарища Г.К. Ожигова, он писал передовые статьи в газете, призывал жертвовать на нужды добровольческой армии, сам внес для нее 50 руб. [7. Л. 7]. Наконец, по признаниям самого М.Ф. Шитова, мятежники доверили ему винтовку для защиты Ижевска от Красной армии 7 ноября 1918 г. [2. Л. 25].

После подавления повстанчества в Прикамье в ноябре 1918 г. стали восстанавливаться партийные и советские организации Ижевска, получившего статус города 9 сентября того же года в результате деятельности Прикамского комитета Комуча. Власть здесь

перешла к штабу 2-й Красной армии Восточного фронта, захватившей мятежный город. Под его эгидой образовался Революционный Гражданский Совет во главе с политическим комиссаром 2-й сводной дивизии питерским рабочим Д.Ф. Зориным. 12 ноября 1918 г. на общем заседании Ревграждансовета и комитета РКП(б) было решено: «Об организации максималистов Совет не заботится. Комитету партии коммунистов поручить вести энергичную идейную борьбу с максималистами. В случае, если местная организация максималистов будет уклоняться от тактики своего ЦК, то она распускается» [8. Л. 5].

13 ноября состоялось собрание Ижевской организации ВССРМ, на котором было избрано бюро из девяти человек. М.Ф. Шитов, подтвердив принадлежность к максималистам, стал секретарем организации и членом ее культурно-просветительной комиссии [9. Л. 9, 11]. Большевики и максималисты сформировали рабочие органы города на переходный период. Михаила Фёдоровича оставили заведующим библиотекой.

Максималисты получили возможность пропагандировать свои идеи на страницах газеты «Борьба», печатного органа политотдела 2-й Красной армии. 29 ноября 1918 г. в ней была опубликована статья «Ответ максималистов» с подписью «Максималист». «Мы не раз выступали на всех митингах со своим учением, – писалось в ней, – и ижевские рабочие его знают, что доказывает многочисленность нашей организации. Знают нас и как советских работников, ибо работая в Совете мы, максималисты, всегда высоко держали знамя экономической свободы трудящегося…

Мы говорим: вся власть принадлежит трудовому народу в лице Советов рабочих и крестьянских депутатов, которые должны быть исполнителями воли народа и его руководителями в созидании новой жизни.

Через трудовую республику мы придем к коммуне, а поэтому мы говорим, что краеугольным камнем социально-философской сущности максимализма является трудовая личность…

Наше конечная цель – коммуна, как и ваша, тов. большевики-коммунисты. Поэтому мы и работаем с вами рука об руку с начала нашей революции…».

В Центральном государственном архиве Удмуртской Республики хранится рукопись статьи «Ответ максималистов» с припиской: «Прилагая к сему свою статью, прошу редакцию поместить в ближайшем номере. С тов. приветом М. Шитов. Если нужно поместить под статьей мою подпись, можно поместить» [10. Л. 43–46].

Отвечая на статью, Д.Ф. Зорин отметил: «Мы тоже коммунисты – говорят они. Наша сущность – трудовая личность. Вот в том то и дело, товарищи максималисты, что не личность, а коллектив. Жизнь строится не террористическими актами, не личностью, а организацией, коллективом. В этом вся и загвоздка» [11].

12 января 1919 г. в «Ижевской правде» было опубликовано сообщение о выходе 22 максималистов, в том числе М.Ф. Шитова, из организации и об их желании вступить в ряды РКП(б). Что побудило Михаила Фёдоровича к такому акту? Очевидно, на то был ряд причин. Во-первых, вероятно, по инициативе Ревграждансовета Ижевска началось вытеснение максималистов с ответственных постов (например, «дело» Григорьева – заведующего городской Биржей труда) [12. Л. 34]. После поражения учредиловского повстанчества начала свою работу ЧК при 2-й Красной армии. В ходе расследования обнаружилось, что некоторые максималисты якобы сотрудничали «с белыми». В конце декабря 1918 г. Р. Шапошников, новый председатель Ревграждансовета, сообщал в Реввоенсовет 2-й Красной армии, что «максималисты пытаются протестовать против обвинения их членов в участии в белогвардейском восстании и порываются ругнуть большевиков, однако мы не даем им возможности воспользоваться печатью…» [13. Л. 303].

Во-вторых, неудачно для максималистов закончились выборы в Ижевский Совет, организованные в середине декабря 1918 г. Ревграждансоветом с ведома Реввоенсовета 2-й Красной армии. Несмотря на то, что местная организация ВССРМ допускалась к участию в избирательной кампании, ее исход был предрешен. Д.Ф. Зорин писал в «Борьбе»: «Чем бы ни окончились эти выборы в Совет, Революционный Совет… может передать власть только действительным представителям рабочих и беднейшего крестьянства. Несомненно, что Совету белогвардейского состава Революционный Совет власти не передаст» [14]. Выборы не принесли ощутимой победы коммунистам. В исполком нового состава Совета проходили 27 большевиков и 23 максималиста [15. Л. 8–8 об.]. Под нажимом Реввоенсовета-2 выборы на основе сфальсифицированных результатов были кассированы [16. Л. 146].

В-третьих, в самом эсеро-максималистском движении продолжался раскол, наблюдалось нарастание радикальных настроений. Свидетельством тому стали обстоятельства проведения 2–10 декабря 1918 г. в Москве IV конференции ВССРМ. Все делегаты единодушно констатировали продолжавшееся «гонение» на организации максималистов со стороны большевиков. Разительным примером явились факты из Ижевска. В резолюциях конференции указывалось, что «Союз с.-р. максималистов считал бы гибельным для Советской власти такое обезличивание ее, при котором могла бы существовать одна партия. В Советах должны дружно работать все направления, отвечающие интересам трудового народа и задачам социальной революции». Участники партийного форума признали невозможным применять террор и недопустимым рекомендовать трудовым массам саботаж, стачки как дезорганизующие «истощенную народохозяйственную жизнь». Вместе с тем конференция отметила, что «когда со стороны партии коммунистов-большевиков преследование максималистов выливается в насилие… в этих случаях Союз с.-р. максималистов оставляет за собой право отвечать насилием на насилие» [10. Л. 104]. Подобные решения могли оттолкнуть от максимализма тех его сторонников, которые оказались наиболее близки к большевикам. Не был исключением и М.Ф. Шитов, оформив свое членство в РКП(б) с 1 апреля 1919 г. [17. Л. 72] (по другим данным – 27 августа 1919 г.) [18. Л. 45].

Весной 1919 г. Ижевск, как и значительная часть территории Удмуртии, оказался под властью адми-

нистрации Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. С 8 апреля Михаил Фёдорович – в рядах Красной армии. При взятии Ижевска колчаковцами погиб его брат Константин. Михаил отступил в составе 183-го Бирского полка, в котором являлся председателем ячейки РКП(б) и библиотекарем. Как рабочий Ижевских заводов он был отозван из полка и вновь занял пост директора городской центральной библиотеки. 3 июля 1919 г. в «Ижевской правде» в своей статье он отмечал: «Оставленная нами при эвакуации народная центральная библиотека-читальня в образцовом порядке и целости оказалась разрушенной культурными и интеллигентными белыми бандами. Наиболее ценные по содержанию книги увезены или разграблены. Отделы: художественный и справочный почти целиком уничтожены… Благодаря честным и любящим свое дело сотрудникам, библиотека восстановлена снова и с 1 июля полным ходом функционирует».

С окончанием активной фазы Гражданской войны на территории Удмуртии летом 1919 г. начался новый период в жизни и деятельности Михаила Фёдоровича Шитова. Уже 2 июля он оставил пост заведующего библиотекой в связи с повышением своего статуса; 22 марта 1920 г. был избран товарищем председателя исполкома Ижевского Совета [19. Л. 182], с 1921 г. – секретарем райкома РКП(б). Партийную, советскую работу он совмещал с хозяйственной в должности председателя областного Совнархоза, а с 29 июля 1921 г. – еще и заведующего отделами управления Ижевских заводов. Здесь же Шитов прошел первую партийную чистку. Дело в том, что в 1920 г. вышло обращение ЦК РКП(б) «Всем организациям РКП(б)», в котором говорилось, что максималисты принимаются в ряды коммунистов, однако их партийный стаж исчисляется с учетом пребывания в ВССРМ, но не ранее 7 ноября 1917 г. Тогда комиссия и определила партстаж М.Ф. Шитова с 1917 г. [2. Л. 24].

В 1921 г. Шитов был командирован в Москву на курсы руководителей предприятий тяжелой промышленности. Так начинался его путь как «красного директора». Затем последовала годичная стажировка в Великобритании. По ее окончании семья вместе с трехнедельным щенком по кличке «Бор» породы сеттер-лаверак и ружьем «Монтекристо» для сына вернулась в Ижевск. Шитов вновь занял пост заведующего отделами управления Ижевских заводов.

В начале 1923 г. по ведомственной линии Михаила Фёдоровича «перебросили» на Ковровский пулеметный завод, где с 26 января он вступил в должность заместителя управляющего, а с 26 сентября 1924 г. – исполняющего должность управляющего заводом [20. Л. 3; 21. Л. 3, 5]. После нормализации деятельности предприятия в начале 1925 г. М.Ф. Шитова перевели в Пермь, где в 1926 г. он занял пост заместителя управляющего Мотовилихинским орудийным заводом. Здесь же Шитов встретился со старыми товарищами по революционной работе в 1905–1906 гг. и по их совету стал ходатайствовать о восстановлении своего дореволюционного партийного стажа в РСДРП(б)-РКП(б) с 14 мая 1905 г., со дня первого ареста [2. Л. 55 об.].

С 1 октября 1927 г. М.Ф. Шитов являлся членом правления Нижнетагильского металлургического треста [2. Л. 58], с 1 марта 1928 г. – управляющим завода Теплая Гора (станция Европейская) Чусовского района [2. Л. 11]. С 25 марта 1931 г. окружной комитет ВКП(б) перевел его в Кушвинский райком партии.

Семья Михаила Фёдоровича часто переезжала. В личном архиве его дочери хранилась бумага за подписью М.И. Калинина о предоставлении им внеочередного жилья.

Насыщенным интересными событиями оказался для Шитовых Верхне-Туринский период. В 1932 г. Михаил Фёдорович – директор металлургического завода № 72, выпускавшего подшипники к тракторам. Здесь пришлось расстаться с любимым псом «Бором», к тому времени уже имевшим золотые медали. Как рассказали родственники, приехали двое «в штатском», вытребовали пса для вывода породы, да так и не вернули. Другую собаку Михаил Фёдорович брать не захотел. В Верхней Туре произошла деловая встреча с К.Е. Ворошиловым. Клименту Ефремовичу очень понравился рыбный пирог из максуна – Лидия Григорьевна была отличным кулинаром.

Там же М.Ф. Шитов проходил вторую «партийную чистку». В Верхнюю Туру из Пермской окружной контрольной комиссии ВКП(б) поступили материалы, компрометирующие Михаила Фёдоровича. Нужно отметить, что в начале 1930-х гг. ряды коммунистов начали освобождаться от членов, состоявших ранее в других партиях. Инициаторами проверки Шитова стали члены общества бывших красногвардейцев и красных партизан. На своем заседании при Вотском областном Истпарте 25 ноября 1929 г. они обсудили вопрос относительно его партстажа. Отмечались якобы антипартийные и антисоветские действия в 1918 г., выразившиеся в пребывании Михаила Фёдоровича в белой армии, жертвовании на ее нужды, активном формировании гласных Ижевской думы. Постановили считать партийный стаж Шитова с 1917 г. незаконным [2. Л. 24]. Этот материал был послан ответственным секретарем партийной коллегии Вотской областной контрольной комиссии ВКП(б) Романовым в Пермь на основании запроса окружной комиссии от 7 февраля 1930 г. за № 772. Оттуда документы и поступили в 1932 г. в Верхнюю Туру, но Михаилу Фёдоровичу удалось оправдаться.

Одновременно стали подвергаться репрессиям специалисты, побывавшие за границей. Тамара Михайловна считала, что ее отец неминуемо пострадал бы на данном основании. В связи с этими обстоятельствами Шитов стал отрицать свое пребывание в максималистских рядах после 1917 г. и старался не афишировать факт своей заграничной стажировки в Англии.

Как бы то ни было, М.Ф. Шитова решили оставить в покое. В 1933 г. решением ЦК ВКП(б) он был назначен директором Памятинской МТС Белозерского района Курганской области. В сентябре 1934 г. у Михаила Фёдоровича открылся гнойный аппендицит и его увезли на лошадях в Курганскую областную больницу. Там он восемь дней лежал под кислородными подушками. Спасти его не удалось, и 18 сентября 1934 г. в четыре часа дня он скончался.

Партийные, советские органы не оставили без внимания его семью. Они вышли с ходатайством перед правительством об утверждении Шитовым персональной пенсии и предоставления жилплощади в Москве.

Михаил Фёдорович Шитов был отличным семьянином, личностью с широким кругозором. Имел большую личную библиотеку. Играл на гитаре, балалайке, гармошке. Был очень требователен и к себе, и другим, даже несколько аскетичным, хотя занимал довольно высокое положение. Как-то раз, вспоминала Тамара Михайловна, надумали сшить ей платье из сатина. Отец запретил это делать, считая, что его дети ничем не должны отличаться от других. По воспоминаниям дочери, в доме выпускалась стенгазета «Погонялка», в которой был раздел «Кому что снится».

Человек со сложной судьбой, Михаил Фёдорович Шитов не нуждается в ретушировании своей биографии. Объективный взгляд на его жизненный путь дает возможность глубже понять неоднозначно оцениваемые события переломной эпохи российской истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Руководители Национальной библиотеки УР. URL: http://unatlib.ru/images/about_of_library/100th_anniversary/rukovoditely.pdf (дата обращения: 17.06.2019).
2. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 424. Оп. 2. Д. 9776. Шитов Михаил Фёдорович.
3. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 4. Оп. 1. Д. 3860.
4. Революционеры Прикамья: 150 биографий деятелей революционного движения, работавших в Прикамье. Пермь : Кн. изд-во, 1966. 823 с.
5. ЦГА УР. Ф. Р-390. Оп. 1. Д. 44.
6. ЦГА УР. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 3.
7. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики. Ф. 16. Оп. 9. Д. 452.
8. ЦГА УР. Ф. Р-390. Оп. 1. Д. 1.
9. ЦГА УР. Ф. Р-390. Оп. 1. Д. 51.
10. ЦГА УР. Ф. Р-390. Оп. 1. Д. 30.
11. Борьба. 1918. 29 ноября.
12. ЦГА УР. Ф. Р-390. Оп. 2. Д. 2.
13. ЦГА УР. Ф. Р-390. Оп. 1. Д. 15.
14. Борьба. 1918. 25 ноября.
15. ЦГА УР. Ф. Р-390. Оп. 1. Д. 12.
16. ЦГА УР. Ф. Р-390. Оп. 1. Д. 26.
17. ЦГА УР. Ф. Р. 307. Оп. 1. Д. 13.
18. Государственный архив социально-политической истории Кировской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 91.
19. ЦГА УР. Ф. Р. 390. Оп. 1. Д. 8.
20. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 575. Оп. 1. Д. 77.
21. ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 104.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 декабря 2019 г.

“Misha”, “Molot”, “Belenky”: The Biography of Mikhail Shitov in the Context of the Events of the Russian History of the First Third of the 20th Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 94–100.
DOI: 10.17223/15617793/457/12

Sergey L. Bekhterev, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: sergbehterev@yandex.ru
Lyudmila N. Bekhtereva, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation); Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: behterevaLN@yandex.ru

Keywords: Russia; history; first third of 20th century; biography; Shitov; Red director.

The article updates the tradition of studying the biographies of historical characters. Often, their names remain little known in academic and public spheres, and reference information about them is random and/or controversial. In this regard, the present study aims to attempt to reconstruct the life’s path of Mikhail Fedorovich (1889–1934), a party and public figure, one of the organizers of Soviet industry. The legendary life of Shitov, a representative of the cohort of the so-called “Red directors” is analyzed in the context of the events of the national history of the first third of the 20th century, which included the revolutionary movement and the Civil War, the formation of the state of “dictatorship of the proletariat”, a fundamental breakdown of the former multi-structured way of life, and the creation of the USSR military-industrial complex. The study is based on official regulations, documents of government agencies, political and public organizations, materials of the periodical press of the time, and sources of personal origin. The method of the study were the principles of historicism, objectivity and comprehensiveness, an anthropological approach, a biographical method. The study found that Shitov, born in the settlement Izhevsky Zavod of Sarapulsky District of Vyatka Province, managed to become a political figure and economic manager of the interregional level and later, in the early Soviet era of the 1920s – early 1930s, of the all-Union one. In the political sphere, he developed from a militant of the Lbovtsy, Ural guerrillas, during the First Russian Revolution of 1905–1907, an ideologist of the Izhevsk organization of the Union of Socialist-Revolutionaries Maximalists, a participant of the Izhevsk-Votkinsk Constituent Assembly Uprising to the Secretary of the Izhevsk District Committee of the RCP (b). In the production field, Shitov started as the head of the Central Library of the Izhevsk Plant and later became the chairman of the Votsk Regional Council of National Economy. Having shown outstanding organizational skills, he managed to enter into the cohort of “Red directors”, was trained in the UK, and, in the early 1920s, headed the Kovrov Machine-Gun Plant in the most difficult time of the reconstruction of this enterprise. After two “party purges”, Shitov remained among the party and economic leaders. Until his death in 1934, he headed the Pamyatinsk Machine Tractor Station in Belozersky District of Kurgan Oblast. The article not only analyzes Shitov’s business qualities, but also shows his family’s everyday life and describes his best character traits.

REFERENCES

1. National Library of the Udmurt Republic. (2019) *Rukovoditeli Natsional'noy biblioteki UR* [Heads of the National Library of the Udmurt Republic]. [Online] Available from: http://unatlib.ru/images/about_of_library/100th_anniversary/rukovoditely.pdf. (Accessed: 17.06.2019).
2. Center for Documentation of Social Organizations of Sverdlovsk Oblast. Fund 424. List 2. File 9776. *Shitov Mikhail Fedorovich.* (In Russian).
3. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 4. List 1. File 3860. (In Russian).
4. Alikina, N.A. et al. (1966) *Revolyutsionery Prikam'ya: 150 biografiy deyateley revolyutsionnogo dvizheniya, rabotavshikh v Prikam'e* [Revolutionaries of the Kama Region: 150 Biographies of the Leaders of the Revolutionary Movement Who Worked in the Kama Region]. Perm: Kn. izd-vo.
5. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-390. List 1. File 44. (In Russian).
6. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-460. List 1. File 3. (In Russian).
7. Center for Documentation of Contemporary History of the Udmurt Republic. Fund 16. List 9. File 452. (In Russian).
8. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-390. List 1. File 1. (In Russian).
9. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-390. List 1. File 51. (In Russian).
10. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-390. List 1. File 30. (In Russian).
11. *Bor'ba*. (1918) 29 November.
12. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-390. List 2. File 2. (In Russian).
13. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-390. List 1. File 15. (In Russian).
14. *Bor'ba.* (1918) 25 November.
15. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-390. List 1. File 12. (In Russian).
16. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-390. List 1. File 26. (In Russian).
17. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R. 307. List 1. File 13. (In Russian).
18. State Archive of Socio-Political History of Kirov Oblast. Fund 1. List 1. File 91. (In Russian).
19. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R. 390. List 1. File 8. (In Russian).
20. State Archive of Vladimir Oblast (GAVO). Fund 575. List 1. File 77. (In Russian).
21. State Archive of Vladimir Oblast (GAVO). Fund 575. List 1. File 104. (In Russian).

Received: 04 December 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 101–109. DOI: 10.17223/15617793/457/13

УДК 94(47)

С.В. Гаврилов

ИСТОРИК И МЕЦЕНАТ: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В.И. СЕМЕВСКОГО И И.М. СИБИРЯКОВА

Рассматривается история взаимоотношений видного историка-народника В.И. Семевского и иркутского миллионера-мецената И.М. Сибирякова. На основании источников личного происхождения и исторических исследований показано, что их многолетнее сотрудничество способствовало публикации серии работ по истории Сибири, проведению «сибирской экспедиции» В.И. Семевского, разработке «Положения о капитале имени М.А. Сибирякова», изданию монографии В.И. Семевского «Рабочие на сибирских золотых промыслах».

Ключевые слова: В.И. Семевский; И.М. Сибиряков; история благотворительности; история повседневности; меценат; народничество; пожертвования; сибирские золотые промыслы; сибиряковский капитал.

Вторая половина XIX в. в истории России ознаменована освобождением огромной массы крепостного крестьянства и проведением серии прогрессивных преобразований практически во всех сферах жизни общества. Это время отмечено бурным и во многом противоречивым развитием капитализма в стране. Движущей силой новой системы социально-экономических отношений являлась российская буржуазия, становление которой исследователи правомерно связывают с дореформенным периодом отечественной истории. Перед нами традиционно предстает образ российского буржуа – делового энергичного человека вроде Штольца из романа «Обломов» И.А. Гончарова, Лопахина из «Вишневого сада» А.П. Чехова или «чумазого» человека из произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина, пытающихся переформатировать искусственную или естественную природу исходя из своих внутренних побуждений. Роль и место российской буржуазии в развитии экономики России пореформенного периода достаточно подробно исследованы в отечественной историографической традиции как советского, так и постсоветского периода. Хотя ставить точку и здесь еще рано.

Во второй половине 1980-х − начале 1990-х гг. отечественная историческая наука начала уделять пристальное внимание изучению меценатства и благотворительности. Одним из наиболее ярких имен в этом перечне стал представитель династии сибирских купцов Иннокентий Михайлович Сибиряков [1−9]. Уровень указанных изысканий не всегда равнозначен. Наряду с ценными исследованиями, как на региональном, так и на общероссийском уровнях, можно наблюдать работы фактографического или апологетического характера. Практически неисследованными к настоящему времени остаются вопросы социальной коммуникации видных российских предпринимателей-меценатов и деятелей пронароднической интеллигенции конца XIX – начала XX в. Одним из симптоматичных примеров такого рода взаимодействия является многолетняя совместная деятельность именитого российского историка народнического направления В.И. Семевского (1848−1916) и потомка иркутских купцов-золотопромышленников И.М. Сибирякова (1860−1901), осевшего в Петербурге.

Знакомство молодого сибирского миллионера и популярного в студенческой среде историка состоялось в начале 1880-х гг. Оно могло произойти не только «в стенах петербургского университета, где в это время пытался учиться иркутский миллионер» [5. С. 148], как утверждает А.А. Свирса, но и вполне вероятно вне его пределов. В частности, мемуары либерального общественного деятеля, публициста и экономиста А.А. Головачева содержат упоминание о том, что на «четвергах» редактора «Восточного обозрения» Н.М. Ядринцева «нередко можно было встретить также разных лиц, известных своей просветительской общественной деятельностью, друзей науки и молодежи, как, например, И.М. и А.М. Сибиряковых, Дойхмана, Кононовича, Пантелеева, Павлинова» [10. С. 355]. Эта версия знакомства представляется более предпочтительной, учитывая пиетет, который первоначально испытывал И.М. Сибиряков к сибирскому землячеству в Петербурге.

В период недолгого преподавания В.И. Семевского в Петербургском университете молодой иркутский миллионер в статусе вольнослушателя посещал его лекции по истории крестьянства и крестьянского вопроса в России. 31 октября 1885 г. Иннокентий Михайлович Сибиряков написал прошение на имя ректора Санкт-Петербургского университета, указав в нем те лекции, которые он хотел бы прослушать в этом качестве. «При этом имею честь сообщить, что я желаю слушать следующие лекции: по юридическому факультету I курса – по Политической Экономии, Русскому Праву, Энциклопедии и философии права; по юридическому факультету II курса – полицейскому праву (полиция безопасности) и Государственному праву. И по Историко-Философскому факультету лекции по русской истории приват-доцента Семевского и по новой истории приват-доцента Хартьева (?). Необходимые документы для поступления находятся в моем деле в университете» [11].

Впрочем, слушание лекций В.И. Семевского оказалось для сибиряка непродолжительным по независящим от него обстоятельствам. По распоряжению министра народного просвещения И.Д. Делянова 2 января 1886 г. историк был отстранен от чтения лекций в Санкт-Петербургском университете и более никогда к этой практике не возвращался. В записке, адресованной И.Д. Деляновым главному советнику императорской канцелярии Н.Н. Герарду от 15 января 1886 г., в качестве основания увольнения В.И. Семев-

ского указано то, что «под предлогом изложения Истории России в объективном виде преподавал оную так, что она могла только возбудить в молодых умах чувство негодования к прошлому, не обогащая их основательными познаниями» [12. Л. 811].

Отставка фрондирующего историка не вызвала сопротивления со стороны профессорско-преподавательского состава университета, однако породила «брожения» в студенческой среде, где был популярен молодой исследователь. Последние нашли свое воплощение в составлении студентами в январе этого же года сочувственного адреса В.И. Семевскому, в котором выражалось возмущение его несправедливым увольнением [13].

Освобождение от должности доцента не прервало связей В.И. Семевского со студенческой аудиторией. Это сотрудничество трансформировалось в плоскость так называемого домашнего университета историка-народника, одним из участников которого стал вольнослушатель Иннокентий Сибиряков.

Не секрет, что общение студентов и преподавателей, формировавшееся в рамках академического учебного процесса, не завершалось по его окончании, а продолжалось в неформальной «домашней» обстановке. В отчетах Санкт-Петербургского университета отложились свидетельства о продолжении научных занятий студентов, уже закончивших курс обучения и не «оставленных» при учебном заведении [14. С. 129, 131]. Это характерно прежде всего в отношении действующего профессорско-преподавательского состава. В нашем же случае центром притяжения студенческой аудитории стал уволенный, фактически без права возвращения в университет, ученый-историк. Коммуникация в подобной обстановке требовала максимально доверительных отношений между бывшими учителем и учениками. И эти «интимные» контакты так или иначе касались оценки всевозможных проявлений студенческого движения. Структура домашних встреч на квартире у В.И. Семевского включала в себя первоначально чтение и анализ рефератов, а затем обсуждение текущих общественных проблем. По свидетельству И.И. Игнатович, «беседы В.И. Семевского с занимающейся у него молодежью не ограничивались только предметом занятий. Молодежь шла к нему со своими радостями и горестями, как академического, так и политического характера. Василий Иванович всегда интересовался всякими событиями студенчества, откликался на них не только словами участия и сочувствия, но и более существенно, если того требовали обстоятельства» [15. Л. 7].

Наряду с П.Ф. Лесгафтом В.И. Семевский стал авторитетом, ко мнению которого охотно прислушивался Иннокентий Сибиряков. Молодому сибиряку импонировали его научная эрудиция, громадная работоспособность и личные человеческие качества, к числу которых относились честность, скромность и деликатность в, казалось бы, типичных жизненных ситуациях. Для В.И. Семевского не являлось самоцелью решение вопросов своего оставляющего желать лучшего материального положения за счет иркутского миллионера. Историк-народник был совершенно не похож на корыстолюбивую часть профессуры Петербургского университета, которая, зная о богатстве И.М. Сибирякова, назначала несоизмеримые гонорары за свои услуги. «Все встречи, все сношения с людьми и даже с наукой были для него отравлены деньгами; деньги везде, всегда и во всем; деньги положили грань между ним и всеми людьми от товарищей по университету до профессоров включительно» [16. С. 257]. Собственно этот фактор и привел И.М. Сибирякова к разрыву с университетом.

В октябре 1885 г., еще будучи студентом Петербургского университета, движимый идей просвещения своего родного края И.М. Сибиряков предложил В.И. Семевскому заняться изучением жизни и быта приисковых рабочих Сибири. 18 октября 1885 г. между приват-доцентом Петербургского университета В.И. Семевским и потомственным почетным гражданином И.М. Сибиряковым был заключен договор о составлении первого описания «быта приисковых рабочих в Сибири с момента его возникновения и до наших дней по выработанной Семевским программе» [17. Л. 1]. Условия договора были комфортны для исследователя. Во-первых, И.М. Сибиряков предоставил историку возможность выполнять соглашение в удобные для него сроки; во-вторых, молодой меценат взял на себя «все расходы по составлению книги», а также финансирование возможного путешествия В.И. Семевского в Сибирь для сбора материала сроком до пяти месяцев [17. Л. 1 об.].

Работа исследователя над оговоренным в договоре проектом была отложена почти на три года, пока В.И. Семевский не завершил работу над своей докторской диссертацией «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века». Однако историк не полностью абстрагировался от сибирской тематики, которая благодаря его «сибирскому» окружению была ему хорошо знакома. В следующем календарном году в «Сибирском сборнике» была опубликована рецензия на «Историческое обозрение Сибири П.А. Словцова», продемонстрировавшая великолепное знание В.И. Семевским степени изученности истории Сибири и ее ключевых проблем.

Подготовка и проведение сибирской экспедиции В.И. Семевского в 1891 г. стали реальностью благодаря денежной и отчасти организационной поддержке со стороны И.М. Сибирякова, выделившего 3 тыс. руб. и пообещавшего оплатить покупку материалов в сумме до 2 тыс. руб. «Если же встретится что-то особенно важное и ценное, то я попрошу Вас сообщить мне особо» [18. Л. 10−11].

Полугодовая поездка по Сибири оказалась успешной и в плане сбора и систематизации архивных материалов по проблеме исследования, и в деле знакомства историка с жизнью и бытом приисковых рабочих. «В финансовых вопросах В.И. Семевский продемонстрировал чрезвычайную щепетильность. 29 ноября 1891 г., через несколько дней после возвращения из Сибири, он вернул оставшиеся 363 руб., прилагая смету дорожных расходов [17. Л. 1−2; 19. Л. 1]. А 30 ноября 1891 г. ученый получил еще 4 тыс. руб. гонорара согласно положениям п. 5 Договора» [20. С. 182].

В 1880-е гг., находясь под сильным влиянием со стороны сибирского землячества в Петербурге и бу-

дучи искренним патриотом Сибири, И.М. Сибиряков осуществил серию просветительских проектов, связанных с изданием книг как научного, так и научно-популярного характера, посвященных истории региона. Начало плодотворного сотрудничества ученого и сибирского благотворителя в сфере редакционно-издательской деятельности относится к 1886 г., когда по личной просьбе И.М. Сибирякова В.И. Семевский подготовил рецензию на труд П.А. Словцова «Историческое обозрение Сибири» [21], впервые изданный в 1838−1844 гг.

Рецензию В.И. Семевского можно считать отправной точкой в складывании сибирского цикла изысканий в научном творчестве историка, включившего в себя почти двенадцать лет его жизни. Данная работа только по форме являлась рецензией, по сути же выступала своеобразной научной программой для тех исследователей, которые хотели бы посвятить себя изучению проблем истории Сибири. Акцентирование внимания общественности, и не только научной, к насущным на тот момент времени проблемам развития исторической науки в Сибири было, по мысли В.И. Семевского, невозможно представить без обращения к трудам Г.Ф. Миллера и П.А. Словцова, с одной стороны, и без привлечения молодых научных сил − с другой. Чтобы поставить исследование сибирской проблематики на должный уровень, было необходимо соответствующее материальное и организационное обеспечение научно-исследовательской деятельности. В контексте формирования научной инфраструктуры В.И. Семевский связывал большие надежды с открытием Императорского Сибирского университета, корпуса которого были заложены еще в 1880 г. Финансовое содействие молодым ученым должны были оказать местные сибирские меценаты – «жертвователи» через установление именных стипендий или в какой-либо иной форме. Образцом такого благотворителя для В.И. Семевского, как и для большей части реформаторского народничества, стал двадцатишестилетний иркутский миллионер И.М. Сибиряков. На его субсидии было осуществлено переиздание указанной монографии П.А. Словцова, не являющейся коммерческим проектом. Благородному примеру И.М. Сибирякова, по мнению историка, должны были последовать и другие сибирские предприниматели.

Одержимый идеей издания литературы о Сибири И.М. Сибиряков обращался к В.И. Семевскому с просьбами дать экспертную оценку тем или иным произведениям сибирских авторов. Так, в письме к В.И. Семевскому от 9 апреля 1888 г. он попросил его написать критические отзывы на книгу А. Уманьского «Очерки золотопромышленности в сибирской тайге» и на еще две книги, которые выйдут вскоре [22. Л. 1]. Первая рецензия увидела свет в июньской книжке «Русской старины», позже были опубликованы и другие [23−25].

Меценат оказался внимателен по отношению к вдове поэта-сибиряка И.В. Омулевского, памяти которого им был издан сборник стихов «Сибирские мотивы». Средства от продажи пошли семье умершего. В письме к В.И. Семевскому, являвшемуся членом Литературного фонда и некоторое время его секретарем, И.М. Сибиряков тактично интересовался: «Нельзя ли мне получить справку из Литературного фонда сколько я уже внес для передачи госпоже Омулевской и тогда я сообщу Вам сколько могу передать теперь за проданные “Сибирские мотивы”» [26. Л. 8].

Однако иногда на фоне общего альтруизма в отношениях между историком и благотворителем можно увидеть банальный прагматический подход дельца. Вышесказанное прежде всего имеет отношение к желанию И.М. Сибирякова через В.И. Семевского получить доступ к сибирским материалам, которые могут храниться в «портфеле редакции» «Русская старина» с целью их возможного приобретения и публикации [27. Л. 7].

Значительная часть переписки И.М. Сибирякова и В.И. Семевского, сохранившейся в личном фонде историка в архиве РАН, посвящена приготовлениям к публикации двухтомного исследования «Рабочие на сибирских золотых промыслах». Написание данного труда являлось предметом договора от 18 октября 1885 г. Объем будущей работы и стоимость печатного листа были четко оговорены в тексте соглашения, но жизнь вносила свои коррективы. Инициатором корректировки объема исследования стал сам иркутский миллионер. Вскоре после возвращения В.И. Семевского из сибирской экспедиции Иннокентий Сибиряков предложил «ввиду обилия материала по разбираемому вопросу… расширить размер… труда до 100 печатных листов с платой за все последующие после 30-го листа по 100 рублей за лист» [28. Л. 14].

Инициатива И.М. Сибирякова вызвала неоднозначную реакцию со стороны историка-народника. «Позвольте от всей души поблагодарить Вас за любезное предложение увеличить размер моего труда о приисковых рабочих и за готовность истратить еще значительную сумму на добавленный гонорар. Но я не хотел бы увеличивать размер моего сочинения, так как значительное увеличение его объема может повредить его распространению. Может случиться, что в виду обилия материалов, я и напишу несколько более установленной нормы, но тогда я примусь за возможные сокращения, если же и возникнет избыток против нормы, то в этом случае не желаю никакого дополнительного гонорара, так как нахожу, что мой труд и без того хорошо оплачен. Так как ваше желание изменить п. 4. без сомнения вызванного предполагавшимся увеличением размера сочинения, то Вы вероятно будете теперь на этом настаивать. Я уверен, что никаких разногласий между нами в этом отношении никогда быть не может, если же это касается содержания моего труда, то в этом отношении я не могу отказаться от той полной свободы, которая предоставлена мне нашим договором. Без этого условия я, разумеется, ни за какой гонорар не принялся бы за предложенный мне Вами труд» [29. Л. 2−3].

Это письмо характеризует В.И. Семевского, во-первых, как опытного исследователя, живущего преимущественно литературным трудом, превосходно представляющего, в каком объеме и по какой цене будут продаваться его научные изыскания; во-вторых, как порядочного человека, не желающего нажиться за счет сибирского миллионера; и, в-третьих, как исто-

рика, не способного поступаться принципами и ограничивать свободу творчества за большие деньги.

Иннокентию Сибирякову пришлось на следующей день в трогательно-извинительном послании убеждать В.И. Семевского, «что разумеется стеснять Вашу свободу в изучении вопроса о приисковых рабочих» [30. Л. 17] он не имел никакого желания. Недоразумение было урегулировано. Последующие три года в истории взаимоотношений сибирского миллионера-мецената и петербургского историка-народника в вопросах редакционно-издательского плана не ознаменованы сколько-нибудь заметными событиями. В это время исследователь был занят обработкой огромного массива архивных материалов, извлеченных как из столичных, так и из сибирских архивов, написанием серии статей, повествующих о различных сторонах жизни и быта рабочих на сибирских золотых промыслах.

Проблемы, связанные с подготовкой к публикации книги о приисковых рабочих, неожиданно оказались вытесненными на второй план другим совместным замыслом сибирского благотворителя и петербургского историка − проектом организации «Капитала имени потомственного почетного гражданина М.А. Сибирякова», отца И.М. Сибирякова. Осенью 1893 г. Иннокентий Михайлович обратился к В.И. Семевскому с просьбой принять участие в составлении текста положения о выдаче процентов с жертвуемого благотворителем капитала. Первоначальная сумма капитала, шедшая на вспомоществование приисковым рабочим, составляла 100 тыс. руб. Историк с энтузиазмом откликнулся на поступившее приглашение, так как оно соответствовало его представлениям об уплате векового «долга народу» и теории «малых дел», популярной среди части реформаторского народничества во второй половине 1880-х – середине 1890-х гг. на фоне спада общественного движения. В ответном письме И.М. Сибирякову от 18 сентября 1893 г. на предложение увеличить жертвуемый капитал до 200 тыс. В.И. Семевский восторженно приветствовал эту идею, заявив о готовности присоединиться к ее претворению в жизнь. «Глубокоуважаемый и дорогой Иннокентий Михайлович, вчерашнее письмо Ваше бесконечно тронуло меня: только что, изъявив готовность сделать огромное пожертвование, Вы увеличиваете его вдвое и еще при этом готовы увеличить жертвуемые Вами суммы… Я очень хорошо знаю, что я тут ни при чем, что Вы мысль о помощи приисковым рабочим выстрадали, для меня же поработать ради этого благого дела − величайшее наслаждение… Ваше дело само по себе прекрасно, но оно прекрасно и как пример, и как громкое признание общественной обязанности… Я просто в восторге, что мое знание быта приисковых рабочих дает мне возможность… при выработке необходимых правил раздачи им пенсий и пособий. И что таким образом приобретенные мною знания найдут практическое приложение» [31. Л. 4−5].

Некоторое время спустя сумма жертвуемого капитала на нужды приисковых рабочих была увеличена благодаря И.М. Сибирякову еще вдвое и составила «410 тысяч рублей в 4% государственных бумагах по номинальной их стоимости». Находясь в состоянии душевного подъема, сибирский миллионер обратился к своему учителю: «…дело это меня занимало всю жизнь, и поэтому Вы не удивитесь, что я пользуюсь подходящими обстоятельствами, благодаря Вашему содействию, чтобы осуществить желанную цель» [32. Л. 22].

Моральная поддержка в среде сибирского землячества в Петербурге, сочувствие В.И. Семевского, а также вероятная солидарность данному начинанию молодого мецената в семье Сибиряковых, имевшей устойчивые традиции в проведении крупных акций благотворительности, могли сыграть не последнюю роль этой в этой инновации.

Не являясь юристом по образованию, но будучи знатоком законодательства в области горного дела и золотопромышленности, а также условий повседневной жизни и быта рабочих на сибирских золотых промыслах, В.И. Семевский энергично приступил к разработке проекта положения о «Капитале имени потомственного почетного гражданина М.А. Сибирякова». К началу ноября 1893 г. черновой вариант был готов. Именно в это время, как свидетельствует переписка историка и жертвователя, пожертвование перестало иметь анонимный характер. В письме от 6 ноября 1893 г. И.М. Сибиряков сообщил В.И. Семевскому о том, что «решил сделать маленькое изменение в проекте, а именно, я думаю сделать заявление о пожертвовании прямо от своего имени, а не от неизвестного лица. Будьте добры ввести эту поправку» [33. Л. 23].

Внешнюю экспертизу Положения о капитале производил Александр Константинович Трапезников – дядя Иннокентия Сибирякова по материнской линии. В конце ноября 1893 г. были получены его замечания на проект. А 4 декабря 1893 г. И.М. Сибиряков выписал В.И. Семевскому доверенность, дающую право осуществлять от имени жертвователя все бюрократические процедуры, связанные с продвижением проекта положения в министерстве государственных имуществ и иных инстанциях. Это, безусловно, отнимало у историка значительное время и силы, но дело того стоило. 15 марта 1894 г. Положение о капитале было «утверждено министром государственных имуществ с Высочайшего соизволения» [5. С. 151].

Параллельно с разрешением бюрократических вопросов подготовки проекта набирала оборот его медийная составляющая – формирование позитивного образа начинания Иннокентия Сибирякова в глазах столичной общественности. Семевский сыграл здесь не последнюю роль. В апреле 1894 г. в газете «Русские ведомости» была напечатана статья исследователя «Крупное пожертвование в пользу рабочих». В ней автор изложил краткую предысторию появления Положения о капитале имения М.А. Сибирякова и познакомил читателя с основными принципами этого документа. По мнению историка-народника, проблемы трудовых отношений во всем объеме могли быть разрешены только законодательным путем. Но пока этого нет, то инициатива должна всецело находиться в руках таких лиц, как И.М. Сибиряков. «Это дело само по себе прекрасно, оно прекрасно и как пример, и как громкое признание общественной обязанности,

лежащей на всех владельцах торговых, промышленных и сельскохозяйственных предприятий» [34. С. 3]. Автор мечтал о создании общества вспомоществования приисковым рабочим, толчком к этому должно было стать «крупное пожертвование в пользу рабочих» [34. С. 3].

Ознакомлению заинтересованных лиц с принципами выдачи пособий рабочим сибирских золотых промыслов, утративших трудоспособность, и в целом популяризации самого Положения о капитале имени М.А. Сибирякова должно было способствовать дополнительное издание как его самого, так и вышеупомянутой статьи В.И. Семевского. В своем письме от 17 октября 1894 г. И.М. Сибиряков написал: «Я вполне разделяю Ваше мнение о печатании Положения и статьи Вашей отдельно. Я думаю, что если число экземпляров Положения определить в 300, то число экземпляров Вашей статьи можно определить в 100» [35. Л. 28]. Историк и меценат действовали в режиме симфонии, воплощая в жизнь общее для обоих «хорошее дело».

Реализация их совместного проекта вспоможения рабочим на сибирских золотых промыслах разворачивалась на фоне «прогрессирующей религиозной экзальтации» И.М. Сибирякова [5. С. 154]. По мнению А.С. Дикуна, после его возвращения из заграничной поездки в 1890 г. «мысли Иннокентия Михайловича все больше начинает занимать религия, он ищет утешения в молитве, познает основы христианской философии, идет навстречу тем, кто нуждается: жертвует деньги на храмы, часто посещает их в Петербурге, оказывает помощь нищим на папертях, которая приводит в ужас тех, кто ее получает» [3. С. 255]. На рубеже 1893−1894 гг. началось свертывание подавляющей части светских просветительских проектов, финансируемых сибирским благотворителем. Редким исключением была разработка Положения о капитале имени М.А. Сибирякова, которое не противоречило представлениям Иннокентия Михайловича отдать деньги нуждающимся. «Как это случилось, думал я, что в моих руках скопились такие средства, которыми могли бы прокормиться тысячи людей»? [36. С. 167.].

Отказ от большинства начинаний в области образования и просвещения встретил негативный отклик «слева» со стороны пронароднически настроенной петербургской и сибирской интеллигенции, радикальным выразителем настроений которой стал представитель сибирского областничества Н.М. Ядринцев. В письме своему лечащему врачу, датированному 22 декабря 1893 г., он с раздражением написал о том, что «после моих разговоров об изданиях Иннокентий-невменяемый предложил мне кредит прожить два месяца, чтобы писать и подыскивать издателей художественных произведений. Как он подает теперь к празднику нищим старухам, так и подает... мне. Он занят этим, и до шестидесяти салопниц в день у него получают трехрублевки. В этом он нашел себе занятие, развлечение и выполнение нравственного долга, пугаясь и отказываясь от всего прочего... Тут уж не сердиться приходиться, а жалеть человека, у которого нет ни чутья, ни ума, натура которого бедна, и щедрость от незнания мешается с врожденным скряжничеством, благотворительность с неверием и… боязнью» [37. С. 295−296].

За несколько месяцев до отправления этого письма Н.М. Ядринцев совершил поездку в США на средства, выделенные иркутским миллионером. Стимулом же для резкой перемены в их отношениях стало прекращение финансирования в области литературы и искусства со стороны И.М. Сибирякова. Семевский принадлежал к тому же кругу, что и Ядринцев, часто бывая на его «четвергах». Он остался практически единственным человеком из плеяды петербургских «сибиряков», у кого пытался встретить понимание сибирский меценат и нашел его исключительно в рамках разработки и продвижения Положения о капитале имени М.А. Сибирякова.

Неприятие деятельности Иннокентия Сибирякова «справа» проецировалось в действиях петербургского градоначальника В.В. Валя, заподозрившего, что безграничной щедростью иркутского богача «могут воспользоваться оппозиционные к власти силы» [5. С. 154]. Характерно, что и интеллигенция, и власть усматривали в благотворительности И.М. Сибирякова проявление невменяемости. Со стороны первых реакция нашла выражение в оценках морального характера, В.В. Валь же продемонстрировал свое отношение через двойную попытку психиатрической экспертизы молодого сибирского миллионера. Выдержать такое давление в одиночку мог только обладающий сильным характером человек, каковым замкнутый в себе И.М. Сибиряков не являлся. В это время произошла встреча благотворителя с отцом Давидом, под влияние которого он попадал все больше. В 1894 г. И.М. Сибиряков переселился на петербургское подворье Свято-Андреевского скита.

В конце 1894 – начале 1895 гг. В.И. Семевский предпринял отчаянную попытку в деле формирования положительного общественного мнения в отношении как самого Иннокентия Сибиряков, так и Положения о капитале в частности. Главной целью ученого-историка, видимо, стало стремление доказать, что этот документ выработан «при непосредственном участии и содействии И.М. Сибирякова и представляет собой образец здравомысленной предусмотрительности и глубокого знакомства с условиями быта приисковых рабочих» [38]. Для В.И. Семевского это означало, что несколько десятков приисковых рабочих получат пенсии и свыше ста человек – единовременные пособия.

С этого времени интенсивность общения историка-народника и будущего афонского схимника постепенно пошла на спад. Причин этому, на наш взгляд, несколько. Положение о капитале имени М.А. Сибирякова было утверждено и опубликовано в № 142 «Собрания узаконений и распоряжений правительства 1894 года», а два психиатрических освидетельствования в июне 1894 и январе 1895 гг. признали И.М. Сибирякова вменяемым, и арест с его капиталов был снят. Таким образом, исчез основной предмет коммуникации петербургского историка народника и иркутского купца-миллионера. Кроме того, поскольку в 1894 г. Иннокентий Сибиряков переехал на петербургское подворье Свято-Андреевского скита, их вер-

бальные контакты стали технически затруднительны. По утверждению А.А. Головачева, «в это время монахи так тщательно охраняют его, что доступ к нему без их ведома и разрешения становится невозможным. Благотворительная деятельность его меняет свой характер и из просветительско-светской ранее в течение 10 лет первого периода становится чисто религиозной» [39. С. 1]. Переписка авторов была спорадической и сугубо деловой. Их общение касалось главным образом финансовых вопросов, связанных с подготовкой и изданием монографии В.И. Семевского «Рабочие на сибирских золотых промыслах», увидевшей свет осенью 1898 г., а также с выплатами оставшейся части причитающегося историку гонорара.

Что послужило толчком тому, что Иннокентий Сибиряков впал в состояние религиозного экстаза? Исследователи, как правило, обращают внимание на несколько обстоятельств. Во-первых, мягкость или слабохарактерность сибирского филантропа (акцент зависит от мировоззренческой позиции рассматривающего). Во-вторых, впечатления от путешествия И.М. Сибирякова по Западной Европе в 1890 г., возвратившись из которого молодой иркутский благотворитель начал поэтапно сворачивать светские благотворительные проекты, связанные с поддержкой интеллигенции и литературных деятелей. Вместе с тем, материальная помощь приобрела иной социальный адресат – голодающие, рабочие на сибирских золотых промыслах и т.д. В-третьих, глубинная религиозность, издавна сложившаяся в семье Сибиряковых. Впрочем, никто из братьев и сестер Иннокентия Сибирякова, осуществляя активную благотворительную деятельность как в Сибири, так и вне ее, не тяготел к уходу из мира в монашеское братство. В-четвертых, крайне болезненное состояние мецената, страдающего туберкулезом, вследствие чего страх скорой смерти мог привести к развитию религиозного чувства. Катализатором же обращения к религии могло послужить знакомство миллионера-золотопромышленника с отцом Давидом.

В статье, посвященной памяти В.И. Семевского, сибирский «областник» Г.Н. Потанин правомерно отмечал, что «у Сибирякова было два авторитета, у которых он искал руководства в своих благотворительных предприятиях: это – Лесгафт, курсам которого он обязан своим образованием, и В.И. Семевский» [40. С. 224]. «Характеризуя душевный склад Сибирякова, Семевский отмечал его совестливое отношение к той части народной массы, труду которой Сибиряков считал себя обязанным своим благосостоянием. То же самое отмечал и я в своих сношениях с И.М. Сибиряковым» [40. С. 224–225]. «Он охотнее, чем на какие-либо другие цели, жертвовал деньги на дела, которые имели какое-либо отношение к рабочему классу на ленских золотых промыслах. Когда Семевский слышал сожаления, что сибирский меценат не имеет собственной инициативы в своей благотворительной деятельности, а руководствуется чужими внушениями, В.И. всегда энергично защищал Сибирякова от этих обвинений, и я думаю, что он имел к этому большое основание» [40. С. 225]. Данная характеристика Г.Н. Потанина могла быть свойственна В.И. Семевскому в конце 1880-х – первой половине 1890-х гг. Но начиная с 1895–1896 гг. отношения между историком и благотворителем становятся более формальными, эпизодическими и прохладными.

Об ином отношении к И.М. Сибирякову наглядно свидетельствует в своих мемуарах редактор «Восточного обозрения» И.И. Попов, бывавший в гостях у Семевских во второй половине 1890-х гг. «Я познакомился с И.М. Сибиряковым, который произвел на меня тяжелое впечатление человека ненормального. Он говорил много о религии, Боге, спасении души. Свое впечатление я передал В.И. Семевскому, который был близок с Иннокентием Михайловичем, и назвал Сибирякова ненормальным человеком. На это Е.Н. Водовозова-Семевская категорически заметила: “Ненормальный? Совсем сошел с ума!..” “Ну, ты уж слишком... Конечно, ненормален, но, быть может, еще поправится, – перебил жену В.И. Семевский”» [41. С. 190–191].

Поводом к охлаждению во взаимоотношениях народнического исследователя и иркутского миллионера могло послужить увлечение последнего религией. В.И. Семевский был светским человеком. Светской же была и среда, в которой вращался исследователь, и к меняющемуся мнению которой об И.М. Сибирякове он был вынужден прислушиваться. Последнее письмо историка к схимнику Иннокентию на Афоне датировано 15 сентября 1898 г., с которым он отправил экземпляр своей книги «Рабочие на сибирских золотых приисках».

В.И. Семевский не стал для иркутского благотворителя тем человеком, в котором можно было найти надежную нравственную опору. Вместе с тем многолетняя конструктивная совместная работа историка и сибирского миллионера способствовала реализации многочисленных светских гуманитарных проектов, к числу которых можно отнести рецензирование В.И. Семевским и издание И.М. Сибиряковым серии работ по истории Сибири, сибирскую научную экспедицию исследователя, генезис научного изучения условий жизни рабочих на сибирских золотых промыслах. Кульминацией сотрудничества стала разработка проекта Положения о капитале имени М.А. Сибирякова, призванного оказать неотложную материальную помощь рабочим, получившим увечья на приисках Якутской области, и семьям, потерявшим кормильцев на золотых промыслах, и продемонстрировать позитивный пример благотворительности другим промышленникам и предпринимателям Сибири в условиях отсутствия государственной системы социального страхования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басов Н.Ф. Купец, миллионер, благотворитель и афонский монах Иннокентий Михайлович Сибиряков (1860–1901 гг.) // Вестник Костромского государственного унинерситета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2016. Т. 22, № 1. С. 243–247.

2. Гаврилова Н.И. Иннокентий Михайлович Сибиряков: просвещенный благотворитель // Купеческий род Сибиряковых: страницы истории. Иркутск : Оттиск, 2017. С. 104−120.
3. Дикун А.С. Подвижник благочестия и молитвы. Иннокентий Михайлович Сибиряков // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2 (3), ч. 1. С. 253–257.
4. Зиновьев В.П. Страхование горнорабочих Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 73–77. DOI:10.17223/15617793/407/12
5. Свирса А.А Сибиряковский капитал: судьба благотворителя и благотворительности (к 150-летию со дня рождения И.М. Сибирякова) // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера и технологии. 2010. № 2 (4). С. 147−159.
6. Соловьева Б.А. Иннокентий Михайлович Сибиряков // Природа. 2001. № 10. С. 91−96.
7. Шиловский М.В. Специфика благотворительности в сфере образования дореволюционного периода в городах Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. С. 161–164. DOI: 10.17223/15617793/437/23
8. Шорохова Т.С. Благотворитель Иннокентий Сибиряков: биограф. повествования. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2005. 140 с.
9. Шорохова Т.С. Издатель-благотворитель И.М. Сибиряков // Библиография и книговедение. 2015. № 4. С. 112−115.
10. Головачев А. Ядринцевские четверги //Литературное наследство Сибири / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1980. Т. 5. С. 353−358.
11. Сибиряков Иннокентий Михайлович // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 21433.
12. Дело об утверждении профессоров университетов на основании нового Университетского устава // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 149. Д. 827.
13. Сватиков С.Г. Увольнение В.И. Семевского и петербургское студенчество // Голос минувшего. 1916. № 12. С. 233−235.
14. Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1907 год: с прил. речи ординар. проф. Э.Д. Гримма / под ред. ординар. проф. В.А. Стеклова. СПб. : Тип. Б.М. Вольфа, 1908. 268 с.
15. Игнатович И.И. О жизни и деятельности Семевского В.И. и руководимом им историческом кружке. Воспоминания. Автограф // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН). Ф. 1023. Оп. 1. Д. 53.
16. Познер С. Из воспоминаний о Петре Францевиче Лесгафте // Памяти Петра Францевича Лесгафта. СПб. : Издание газеты «Школа и Жизнь», 1912. С. 242−298 с ил.
17. Договор В.И. Семевского с И.М. Сибиряковым о написании книги о жизни приисковых рабочих Сибири // Архив Российской академии наук (Архив РАН). Ф. 489. Оп. 2. Д. 35.
18. Сибиряков И.М. Письмо В.И. Семевскому. 10 мая 1891 г. // Архив РАН. Ф. 489. Оп. 3. Д. 630.
19. Семевский В.И. Письмо И.М. Сибирякову. 29 ноября 1891 г. // Архив РАН. Ф. 489. Оп. 3. Д. 30.
20. Гаврилов С.В. Сибирская экспедиция В.И. Семевского: подготовка, «дорожная карта, результаты» // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Веременко. СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. Т. 2. С. 177−182.
21. Семевский В.И. Историческое обозрение Сибири П.А. Словцова // Сибирский сборник. 1886. Кн. III. С. 159−166.
22. Сибиряков И.М. Письмо В.И. Семевскому. 9 апреля 1888 г. // Архив РАН. Ф. 489. Оп. 3. Д. 630.
23. Семевский В.И. Рецензия: Уманьский А. Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. СПб., 1888 // Русская старина. 1888. LIX. Июнь. С. 2−3.
24. Семевский В.И. Рецензия: Сибирские рассказы из жизни приискового люда. СПб: тип. М.М. Стасюлевича, 1888 // Русская старина. 1888. LIX. Август. С. 3.
25. Семевский В.И. Рецензия: Наумов Н.И. Паутина. Рассказ из жизни приискового люда Сибири. СПб., 1888 // Русская старина. 1888. LX. Ноябрь. С. 3.
26. Сибиряков И.М. Письмо В.И. Семевскому. 11 февраля 1891 г. // Архив РАН. Ф. 489. Оп. 3. Д. 630.
27. Сибиряков И.М. Письмо В.И. Семевскому. 30 ноября 1890 г. // Архив РАН. Ф. 489. Оп. 3. Д. 630.
28. Сибиряков И.М. Письмо В.И. Семевскому. 5 января 1892 г. // Архив РАН. Ф. 489. Оп. 3 Д. 630.
29. Семевский В.И. Письмо И.М. Сибирякову. 7 января 1892 г. // Архив РАН. Ф. 489. Оп. 3 Д. 30.
30. Сибиряков И.М. Письмо В.И. Семевскому. 8 января 1892 г. // Архив РАН. Ф. 489. Оп. 3 Д. 630.
31. Семевский В.И. Письмо И.М. Сибирякову. 18 сентября 1893 г. // Архив РАН. Ф. 489. Оп. 3 Д. 30.
32. Сибиряков И.М. Письмо В.И. Семевскому. 24 октября 1893 г. // Архив РАН. Ф. 489. Оп. 3. Д. 630.
33. Сибиряков И.М. Письмо В.И. Семевскому. 6 ноября 1893 г. // Архив РАН. Ф. 489. Оп. 3. Д. 630.
34. Семевский В.И. Крупное пожертвование в пользу рабочих // Русские ведомости. 1894. № 97. С. 2−3.
35. Сибиряков И.М. Письмо В.И. Семевскому. 17 октября 1894 г. // Архив РАН. Ф. 489. Оп. 3. Д. 630.
36. Глебов С. Благодетели (из воспоминаний) // Русский паломник. 1908. № 11. С. 167.
37. Ядринцев Н.М. Письмо В.И. Семидалову. 22 декабря 1893 г. // Литературное наследство Сибири / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1980. Т. 5. С. 294−297.
38. Хорошее дело и злые толки // Санкт-Петербургские ведомости. 1895. № 24. 25 января. С. 1.
39. Головачев А. Иннокентий Михайлович Сибиряков // Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». 1903. 1 июня. № 115. С. 1−2.
40. Потанин Г.Н. Памяти Василия Ивановича Семевского // Голос минувшего. 1917. № 1. С. 223−226.
41. Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 384 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 июня 2019 г.

A Historian and a Philanthropist: On the History of Relations Between Vasily Semevsky and Innokenty Sibiryakov

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 101–109.
DOI: 10.17223/15617793/457/13

Sergey V. Gavrilov, Ural Branch of the Russian State University of Justice (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: sv.gavrilov@inbox.ru

Keywords: Vasily Semevsky; Innokenty Sibiryakov; history of charity; history of everyday life; philanthropist; Narodniks; donations; Siberian gold crafts; Sibiryakov's funds.

The article focuses on a multi-aspect examination of the relationship between Vasily Semevsky, a prominent Narodnik historian, and Innokenty Sibiryakov, a millionaire philanthropist from Irkutsk, over a span of a decade and a half (early 1880s – mid-1890s). To achieve this aim, various types of published and archival sources were used. The source basis of the study consists of documents of personal origin, clerical documentation, and periodicals. The author of the article employed the method of historical and biographical reconstruction, which allowed identifying the spatial and temporal boundaries of Sibiryakov and Semevsky's relationship; the historical and genetic method, which allowed exploring the personalities of the men in the development of their interaction and identifying

qualitative changes; the method of behaviorism, which allowed penetrating into the men's inner world by modeling the motivation of their actions. Initially, the author dwelt on the nature and circumstances of Semevsky and Sibiryakov's acquaintance, which could take place in St. Petersburg University or in the apartment of Nikolay Yadrintsev, a famous publicist. The key event that determined the intensity and content of their interaction was the conclusion of a contract between Sibiryakov and Semevsky in 1885: the latter was to compile a description of the living conditions of workers in the Siberian gold fields. Doing this research, Semevsky made a six-month trip to Siberia to collect the missing material in 1891. Sibiryakov generously financed this trip. Since 1886 editorial and publishing activities connected Semevsky and Sibiryakov. The former prepared a series of reviews of scientific and popular science books on the history of Siberia. A significant part of the correspondence between Sibiryakov and Semevsky, preserved in the personal fund of the historian in the Archive of the Russian Academy of Sciences, is devoted to the preparation of the two-volume book *Rabochie na Sibirskikh Zolotykh Priiskakh* [Workers in the Siberian Gold Fields]. In 1893−1894, Semevsky participated in the elaboration and promotion of the project "Regulation on the Fund named after Mikhail Sibiryakov" intended to support workers injured in the Siberian gold mines. The philanthropist donated 410 thousand rubles to it. The work on this regulation coincided with accusations against Sibiryakov in mental insanity and excessive waste. The cooling of relations between the researcher and the young patron took place against the background of the religious exaltation of the latter: Sibiryakov became a monk. Semevsky's book *Rabochie na Sibirskikh Zolotykh Priiskakh* was published in 1898 when Innokenty Sibiryakov was in a monastery in Mount Athos.

REFERENCES

1. Basov, N.F. (2016) The merchant, the millioner, the philantropist and the athonite monk Innokentiy Mikhaylovich Sibiriakov (1860–1901). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo uninersiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika – Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 1 (22). pp. 243−247. (In Russian).
2. Gavrilova, N.I. (2017) *Kupecheskiy rod Sibiryakovykh: stranitsy istorii* [Merchant Family of the Sibiryakovs: Pages of history]. Irkutsk: Ottisk. pp. 104−120.
3. Dikun, A.S. (2012) Devotee of piety and prayer. Innokentiy Mikhailovich Sibiryakov (1860–1901) *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 2 (3). Part. 1. pp. 253–257. (In Russian).
4. Zinov'ev, V.P. (2016) Insurance for miners in Siberia in the late 19th – early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 407. pp. 73–77. (In Russian). DOI:10.17223/15617793/407/12
5. Svirsa, A.A. (2010) Sibiryakovskiy kapital: sud'ba blagotvoritelya i blagotvoritel'nosti (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya I.M. Sibiryakova) [Sibiryakov's capital: the fate of a philanthropist and charity (to the 150th anniversary of the birth of I.M. Sibiryakov)]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera i tekhnologii*. 2 (4). pp. 147−159.
6. Solov'eva, B.A. (2001) Innokentiy Mikhaylovich Sibiryakov. *Priroda*. 10. pp. 91−96. (In Russian).
7. Shilovskiy, M.V. (2018) Specific features of charity in the field of education during the pre-revolutionary period in Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 437. pp. 161–164. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/437/23
8. Shorokhova, T.S. (2005) *Blagotvoritel' Innokentiy Sibiryakov: biograf. povestvovaniya* [Philanthropist Innokenty Sibiryakov: biographical narrations]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
9. Shorokhova, T.S. (2015) I.M. Sibiryakov: a publisher and a philanthropist. *Bibliografiya i knigovedenie*. 4. pp. 112−115. (In Russian).
10. Golovachev, A. (1980) Yadrintsevskie chetvergi [Yadrintsev's Thursdays]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 5. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo. pp. 353−358.
11. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA). Fund 14. List 3. File 21433. *Sibiryakov Innokentiy Mikhaylovich*. (In Russian).
12. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 149. File 827. *Delo ob utverzhdenii professorov universitetov na osnovanii novogo Universitetskogo ustava* [The Case of the Approval of University Professors on the Basis of the New University Charter].
13. Svatikov, S.G. (1916) Uvol'nenie V.I. Semevskogo i peterburgskoe studenchestvo [The dismissal of V.I. Semevsky and Saint Petersburg students]. *Golos minuvshego*. 12. pp. 233−235.
14. Steklov, V.A. (ed.) (1908) *Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta za 1907 god: s pril. rechi ordinar. prof. E.D. Grimma* [Report on the Status and Activities of the Imperial Saint Petersburg University for Year 1907: With the application of a speech by full professor E.D. Grimm]. Saint Petersburg: Tip. B.M. Vol'fa.
15. Saint Petersburg Branch of Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN). Fund 1023. List 1. File 53. Ignatovich, I.I. (n.d.) *O zhizni i deyatel'nosti Semevskogo V.I. i rukovodimom im istoricheskom kruzhke. Vospominaniya.* [About the Life and Work of Semevsky V.I. and the Historical Circle Led by Him. Memories]. Manuscript.
16. Pozner, S. (1912) Iz vospominaniy o Petre Frantseviche Lesgafte [From the memories about Peter Frantsevich Lesgaft]. In: *Pamyati Petra Frantsevicha Lesgafta* [In Memory of Petr Frantsevich Lesgaft]. Saint Petersburg: Izdanie gazety "Shkola i Zhizn'". pp. 242−298.
17. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 489. List 2. File 35. *Dogovor V.I. Semevskogo s I.M. Sibiryakovym o napisanii knigi o zhizni priiskovykh rabochikh Sibiri* [Contract between V.I. Semevsky and I.M. Sibiryakov on Writing a Book about the Life of Siberian Mine Workers].
18. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 489. List 3. File 630. Sibiryakov, I.M. (1891) *Pis'mo V.I. Semevskomu. 10 maya 1891 g.* [Letter to V.I. Semevsky. 10 May 1891].
19. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 489. List 3. File 30. Semevskiy, V.I. (1891) *Pis'mo I.M. Sibiryakovu. 29 noyabrya 1891 g.* [Letter to I.M. Sibiryakov. 29 November 1891].
20. Gavrilov, S.V. (2019) [Siberian expedition of V.I. Semevsky: preparation, "road map, results"]. *Prirodno-geograficheskie faktory v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'* [Natural and geographical factors in the everyday life of the population of Russia: history and modernity]. Proceedings of the International Conference. Vol. 2. Pushkin. 14–16 March 2019. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University. pp. 177−182. (In Russian).
21. Semevskiy, V.I. (1886) Istoricheskoe obozrenie Sibiri P.A. Slovtsova [Historical review of Siberia by P.A. Slovtsov]. In: Yadrintsev, N.M. (ed.) *Sibirskiy sbornik* [Siberian Collection]. Vol. 3. Saint Petersburg: [s.n.]. pp. 159−166.
22. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 489. List 3. File 630. Sibiryakov, I.M (1888). *Pis'mo V.I. Semevskomu. 9 aprelya 1888 g.* [Letter to V.I. Semevsky. 9 April 1888].
23. Semevskiy, V.I. (1888) Retsenziya: Uman'skiy A. Ocherki zolotopromyshlennosti v Eniseyskoy tayge. SPb., 1888 [Review: Umansky A. Essays on the Gold Mining in the Yenisei Taiga. Saint Petersburg, 1888]. *Russkaya starina*. LIX. June. pp. 2−3.
24. Semevskiy, V.I. (1888) Retsenziya: Sibirskie rasskazy iz zhizni priiskovogo lyuda. SPb.: tip. M.M. Stasyulevicha, 1888 [Review: Siberian Stories from the Life of the Miners. Saint Petersburg: typ. M.M. Stasyulevich, 1888]. *Russkaya starina*. LIX. August.
25. Semevskiy, V.I. (1888) Retsenziya: Naumov N.I. Pautina. Rasskaz iz zhizni priiskovogo lyuda Sibiri. SPb., 1888 [Review: Naumov N.I. The Web. A story from the life of Siberian miners. Saint Petersburg, 1888]. *Russkaya starina*. LX. November.
26. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 489. List 3. File 630. Sibiryakov, I.M. (1891) *Pis'mo V.I. Semevskomu. 11 fevralya 1891 g.* [Letter to V.I. Semevsky. 11 February 1891].
27. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 489. List 3. File 630. Sibiryakov, I.M. (1890) *Pis'mo V.I. Semevskomu. 30 noyabrya 1890 g.* [Letter to V.I. Semevsky. 30 November 1890].

28. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 489. List 3 File 630. Sibiryakov, I.M. (1892) *Pis'mo V.I. Semevskomu. 5 yanvarya 1892 g.* [Letter to V.I. Semevsky. 5 January 1892].
29. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 489. List 3 File 30. Semevskiy, V.I. (1892) *Pis'mo I.M. Sibiryakovu. 7 yanvarya 1892 g.* [Letter to I.M. Sibiryakov. 7 January 1892].
30. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 489. List 3 File 630. Sibiryakov, I.M. (1892) *Pis'mo V.I. Semevskomu. 8 yanvarya 1892 g.* [Letter to V.I. Semevsky. 8 January 1892].
31. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 489. List 3 File 30. Semevskiy, V.I. (1893) *Pis'mo I.M. Sibiryakovu. 18 sentyabrya 1893 g.* [Letter to I.M. Sibiryakov. 18 September 1893].
32. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 489. List 3. File 630. Sibiryakov, I.M. (1893) *Pis'mo V.I. Semevskomu. 24 oktyabrya 1893 g.* [Letter to V.I. Semevsky. 24 October 1893].
33. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 489. List 3. File 630. Sibiryakov, I.M. (1893) *Pis'mo V.I. Semevskomu. 6 noyabrya 1893 g.* [Letter to V.I. Semevsky. 6 November 1893].
34. Semevskiy, V.I. (1894) Krupnoe pozhertvovanie v pol'zu rabochikh [Large donation to the labourers]. *Russkie vedomosti*. 97. pp. 2−3.
35. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 489. List 3. File 630. Sibiryakov, I.M. (1894) *Pis'mo V.I. Semevskomu. 17 oktyabrya 1894 g.* [Letter to V.I. Semevsky. 17 October 1894].
36. Glebov, S. (1908) Blagodeteli (iz vospominaniy) [Benefactors (from memoirs)]. *Russkiy palomnik*. 11. P. 167.
37. Yadrintsev, N.M. (1980) Pis'mo V.I. Semidalovu. 22 dekabrya 1893 g. [Letter to V.I. Semidalov. 22 December 1893]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 5. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhn. izd-vo. pp. 294−297.
38. *Sankt-Peterburgskie vedomosti.* (1895) Khoroshee delo i zlye tolki [Good deed and evil talk]. 24. 25 January. p. 1.
39. Golovachev, A. (1903) Innokentiy Mikhaylovich Sibiryakov. *An illustrated supplement to Sibirskaya zhizn'*. 1 June. 115. pp. 1−2.
40. Potanin, G.N. (1917) Pamyati Vasiliya Ivanovicha Semevskogo [In memory of Vasily Ivanovich Semevsky]. *Golos minuvshego*. 1. pp. 223−226.
41. Popov, I.I. (1989) *Zabytye irkutskie stranitsy: Zapiski redaktora* [Forgotten Irkutsk Pages: Notes of the Editor]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo.

Received: 23 June 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 110–122. DOI: 10.17223/15617793/457/14

УДК 903'14:636

П.В. Герман, С.С. Онищенко, А.С. Савельева, С.В. Святко

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИКИ НАСЕЛЕНИЯ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СКОТОВОДСТВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Кемеровской области в рамках научного проекта № 18-49-420005.

Представлен анализ концепций об оседлом и полукочевом скотоводстве населения тагарской культуры. Формулируется ряд ключевых проблем по системному изучению комплекса материалов (вещевых, фаунистических и антропологических), решение которых позволит приблизиться к реконструкции основных элементов хозяйства населения тагарской культуры в хронологическом и территориальном аспектах.

Ключевые слова: Южная Сибирь; ранний железный век; тагарская культура; экономика; скотоводство; концепция; погребение; поселение; зооархеологический материал; междисциплинарный подход.

Введение

Несмотря на длительную историю изучения тагарской культуры, работ, посвященных проблемам ее экономики, совсем не много [1–3]. Кроме этого, отдельные аспекты системы жизнеобеспечения неоднократно затрагивались исследователями в обобщающих работах. Для населения тагарской культуры был определен комплексный характер хозяйства, включавший скотоводство, земледелие, охоту и рыболовство [1–9], выдвинуто предположение о наличии куроводства [10. С. 182]. Все исследователи, за исключением Л.Р. Кызласова [11. С. 30; 12. С. 43], отводили скотоводству ключевую роль в структуре хозяйства тагарского населения. Основанием этому послужили находки многочисленных костей домашних животных в погребениях (остатки подношений и изделия) и на поселениях (кухонные отходы и заготовки).

Материалы погребальных памятников, несмотря на субъективность заложенной в них информации, являлись основным источником для выявления видового состава стада и интерпретаций форм скотоводства. Некоторые обобщения результатов анализа зооархеологических комплексов погребений были опубликованы [3. С. 126; 9. С. 102–103], но в большинстве своем приводятся краткие указания на преобладание того или иного вида домашних животных в структуре стада. Фаунистические материалы с поселений представлены в обобщенном виде, но в основном остаются неизученными, что особо подчеркивалось исследователями как важное упущение в характеристике тагарского скотоводства (см. например: [5. С. 256; 9. С. 102; 13. С. 94]). На основании находок костей животных из погребений и поселений было установлено, что тагарцы разводили коров, овец, лошадей и коз. Костные остатки этих видов обнаружены в большинстве исследованных могильников в составе сопутствующей пищи. Кроме этого, упоминаются находки костей свиньи на поселении Усть-Ерба I [5. С. 252; 13. С. 109], предполагается использование верблюдов в качестве тягловых животных [2. С. 144; 3. С. 125].

Помимо находок из погребений для моделирования тагарской экономики исследователи также обращались к материалам поселенческих комплексов, гидротехнических сооружений, наскальных изображений и случайных находок. Дифференциация источников по этапам тагарской культуры и территориальным группам не производилась, поэтому основные тезисы характеризовали экономику культуры в целом. Признавая комплексный характер хозяйства тагарской культуры, взгляды исследователей концептуально расходятся в отношении специфики скотоводства – было ли оно оседлым (пастушеским, придомным) или полукочевым («яйлажным»).

Основные концепции о скотоводстве населения тагарской культуры

Тезис об **оседлом скотоводстве** присутствует в работах С.А. Теплоухова [4. С. 406], С.И. Руденко [по: 14. С. 243], С.В. Киселева [1. С. 11], Ю.С. Гришина [3], Л.Р. Кызласова [10–12], А.И. Мартынова [9. С. 106; 15. С. 257; 16. С. 117], Н.Л. Членовой [7. С. 285; 17. С. 220]. Еще ранее на оседлый характер населения бронзового и медного периодов Хакасии, которое «много занималось земледелием», указывал В.В. Радлов [18. С. 437]. Именно наличие многочисленных свидетельств земледелия (бронзовых серпов, следов пашен и оросительных каналов, зерен в погребениях, каменных зернотерок и курантов на поселениях) явилось ключевым аргументом в интерпретации всего тагарского населения как оседлого. Следующий важный показатель – наличие поселений с мощным культурным слоем, до 0,7 м [5. С. 252], и долговременными деревянными постройками. Ярким примером являлись жилища, запечатленные на Боярских писаницах, на которые обращали внимание многие исследователи. В совокупности эти данные служили подтверждением длительного проживания отдельных популяций на одном месте. И хотя сам по себе оседлый уклад быта не обязательно сопровождается аналогичной формой ведения скотоводческого хозяйства [19. С. 23, 24], в отношении тагарского населения данный вопрос не детализировался.

Третий аргумент основывается на характеристике состава стада. Начиная с работ С.В. Киселева [1, 5] в историографии закрепилось мнение о значительной доле крупного рогатого скота (КРС) в стаде на протя-

жении всего тагарского времени, что представлялось одним из показателей оседлости. Наблюдения С.В. Киселева были дополнены данными Ю.С. Гришина [3. С. 126], который обобщил материалы по 196 погребениям раннего и среднего этапов (I и II стадий) тагарской культуры, содержащим кости коровы, овцы и лошади. Среди них наиболее часто и примерно в одинаковых количествах встречаются могилы с костями коровы и овцы (45,5 и 43,8%, соответственно) и значительно реже – с костями лошади (10,7%). Ю.С. Гришин акцентировал внимание на том, что высокий удельный вес КРС в стаде, возможно, связан с возросшей ролью земледелия, поскольку коровы могут питаться соломой. Кроме этого, по мнению исследователя, коровы менее подвижны и не нуждаются в обширных пастбищах, в отличие от овец и лошадей [3. С. 127]. Еще более усиливает значимость доли КРС в стаде статистика, приведенная А.И. Мартыновым по количеству особей из курганов Мариинской лесостепи, преимущественно среднетагарского (сарагашенского (тисульского) этапа / II стадии) времени: КРС – 51,1%, лошади – 15,8%, овцы и козы – 28,4%, собаки и дикие животные – 4,7% [9. С. 103]. Статистика костей животных с неукрепленных постоянных поселений также демонстрирует преобладание КРС – на отдельном памятнике «в среднем до 40%» [20. С. 76].

Таким образом, концепция оседлого скотоводства и в целом оседлого образа жизни тагарского населения основывается на важной роли земледелия, наличии долговременных поселений и построек, а также преобладании в составе стада КРС. Материалы, привлекаемые исследователями, охватывали все или несколько этапов / стадий тагарской культуры и обобщались.

В наиболее ортодоксальном виде концепция оседлости представлена в трудах Л.Р. Кызласова, отводившего ведущую роль в хозяйстве тагарцев ирригационному земледелию [11. С. 28; 12. С. 14, 43]. В отношении пастушеского скотоводства тагарцев исследователь отмечает, что оно «имело молочное направление – в стаде преобладал крупный рогатый скот» [11. С. 30], а его прирост происходил преимущественно путем захвата у соседей. Представления об эффективности тагарской экономики привели Л.Р. Кызласова к заключению о том, что по сравнению с «эфемерными» кочевыми обществами Алтая и Тувы «у оседлых тагарцев Хакасско-Минусинской котловины и лесостепной полосы в IV–III вв. до н.э. складывается первое южносибирское государство» [11. С. 28; 12. С. 17].

В работах ряда других исследователей, напротив, имеются разного рода допущения, предполагающие сосуществование различных форм скотоводства или хозяйственную специализацию отдельных популяций. В частности, такая трактовка присутствует в трудах С.В. Киселева. Например, в работе «Разложение рода и феодализм на Енисее» исследователь приводит формулировку «тагарское оседло-земледельческое время» [1. С. 11], а далее отмечает, что «хозяйство эпохи развития тагарской культуры в общих чертах рисуется сложным и неоднородным в отдельных частях Минусинской котловины, то скотоводческих, то земледельческо-скотоводческих. В последних оно делается и более оседлым» [1. С. 18]. Здесь же исследователь, руководствуясь картографированием случайных находок бронзовых серпов, указывает, что для земледелия использовались только плодородные земли правого берега Енисея, а также отдельные участки степей левобережья. В остальных районах скотоводческий уклад преобладал. В последующих работах С.В. Киселев снова подчеркивает «оседлый земледельческий характер тагарского хозяйства» [5. С. 257], указывая в то же время на присутствие кочевнических элементов [5. С. 254]. Позднее эти же идеи нашли отражение в диссертации М.А. Дэвлет [21. С. 20]. Таким образом, правомернее будет говорить о том, что С.В. Киселев предполагал специализацию отдельных групп тагарского населения на том или ином виде хозяйства. Именно так описывала специфику экономики тагарцев В.П. Левашева: «Земледельческое население края жило оседло, но рядом с оседлым существовал и кочевой (или полукочевой) образ жизни» [22. С. 27]. Однако данная система взглядов не получила более детальной проработки.

Концепция полукочевого (яйлажного) скотоводства представлена в работах Г.П. Сосновского [2. С. 144; 6. С. 415, 416], М.П. Грязнова [8. С. 194; 23. С. 23], М.Н. Пшеницыной [24. С. 27; 25. С. 235], Н.А. Боковенко [26. P. 877], Ю.С. Худякова [27].

Представление М.П. Грязнова о полукочевом укладе тагарского населения являлось составной частью целостного восприятия историко-культурных процессов на территории евразийского степного пояса, выразившегося в одной из ключевых научных концепций исследователя о возникновении и развитии кочевого скотоводства [23, 28, 29]. Сходство ряда основных элементов материальной культуры (оружие, конская сбруя и искусство) «ранних кочевников» предполагало и близость их бытового и хозяйственного укладов [28. С. 5]. В то же время М.П. Грязновым подчеркивался именно полукочевой, а не кочевой быт тагарцев. Основной акцент в аргументации именно этой формы скотоводства сводился к обоснованию генезиса культуры и преемственности форм хозяйства, сложившихся в эпоху поздней бронзы [8. С. 194; 23. С. 23; 25. С. 235; 26. P. 877; 29. С. 10]. М.П. Грязнов отмечал, что природные условия Минусинских котловин, защищенные «от соседних степных областей массивами горных хребтов и непроходимых лесов, позволили местному карасукскому населению остаться на своих прежних землях, не переходить к кочевому образу жизни, а развивать свое хозяйство и культуру, заимствуя все полезное от соседей, не ломая своих сложившихся веками традиций» [8. С. 187].

Природно-ландшафтная специфика стала одним из аргументов при описании тагарского скотоводства и у других исследователей. Г.П. Сосновский подчеркивает распространение тагарских курганов «в районе сухих степей, пригодных только для пастбищного кочевого или полукочевого хозяйства» [2. С. 144]. На основании современных палеоклиматических исследований для начала I тыс. до н.э. отмечается похолодание в регионе и значительное увлажнение степей, что способствовало увеличению их биомассы и развитию кочевых форм скотоводства [30. С. 199; 31. P. 1565].

Конкретной статистической информации по видовому составу костей животных на памятниках тагарской культуры в обосновании полукочевого хозяйства не приводится. Также как и сторонники концепции оседлости, М.П. Грязнов указывает на преобладание в составе погребальной пищи мяса «быка» [32. С. 83], что, казалось бы, противоречит современному мнению о продолжении скотоводческого уклада, сложившегося в эпоху поздней бронзы, в котором доминирующая роль принадлежала овце [33. С. 31, 32; 34. С. 117]. Коррективы вносит Н.А. Боковенко, на основании материалов погребений указывая на преобладание овцы в составе стада у тагарцев [26. P. 877], но также без статистических данных в пользу этого утверждения.

Важным аргументом перехода к полукочевому скотоводству стали факты важной роли лошадей в жизни древнего населения Минусинских котловин: находки конской сбруи, использование мяса в качестве сопроводительной пищи в погребениях, многочисленные сцены наскальных изображений (см. например: [2. С. 144; 35. С. 45]). Большое значение при реализации различных форм подвижного скотоводства отводится освоению коня под верх [36. С. 4].

Как следствие яйлажной системы хозяйства М.П. Грязнов объяснял возникновение практики мумификации: «Подготовленный труп мог сохраняться долгое время, до возвращения на зимние жилища, где устраивались кладбища» [8. С. 194]. Данную гипотезу изначально поддержала Э.Б. Вадецкая, конкретизировав, что практика отложенных или вторичных погребений может являться показателем «все большей специализации скотоводства уже в сарагашенское время и постепенным переходом к полукочевому образу жизни» [37. С. 97]. Однако позднее исследователь отказалась от этой точки зрения, отметив, что «хозяйство тагарцев не требовало длительного кочевания» [13. С. 86].

Ю.С. Гришин, отмечая оседлый характер тагарского населения на первой и второй стадиях культуры, определил иную специфику скотоводства для позднетагарского (переходного тагаро-таштыкского) времени. На основании изображения юрты на Боярской писанице, незначительного культурного слоя позднетагарских стоянок (Есаульская стоянка, по В.Г. Карцову), появления миниатюрной конской упряжи в позднетесинском склепе Большого Уйбатского кургана, а также возросшей частоты встречаемости костей лошади в погребениях Ю.С. Гришин пришел к выводу, что с III–II вв. до н.э. значительная часть населения Минусинских котловин вела кочевой и полукочевой образ жизни [3. С. 131, 132]. С этим утверждением согласился А.И. Мартынов [9. С. 106], взгляды которого на специфику скотоводства в Минусинских степях позднее поменялись. Если ранее исследователь указывал на его оседлый характер [15. С. 257; 16. С. 117], то в одной из недавних работ скотоводство степных районов характеризуется как «отгонное, полукочевое» [38. С. 111].

В совокупности ключевые позиции концепции полукочевого скотоводства основываются на констатации преемственности тагарцами хозяйственного уклада населения эпохи поздней бронзы, высоком удельном весе мелкого рогатого скота в стаде, возросшей роли коневодства, развитии практики мумификации, а также благоприятной именно для подвижных форм скотоводства климатической обстановке в степях Среднего Енисея.

Несмотря на различия в сложившихся взглядах, единство источников, лежащих в основе представлений о придомном и полукочевом содержании домашнего скота, обусловило появление ряда соприкосновений и допущений в характеристике этих форм скотоводства. Это прямо или косвенно послужило возникновению в литературе образа хозяйственной специализации отдельных групп тагарского населения, заключенного в понятии «комплексность», что наиболее прямолинейно было обозначено В.П. Левашевой [22. С. 27]. Тем не менее идея о возможности существования различных территориально-хронологических моделей хозяйства у тагарцев дальнейшего развития не получила. Исключение составляет работа Ю.С. Худякова, в которой предложены экономические модели для древнего и средневекового населения долины р. Табат [27]. На этой территории в тагарское время отмечается существенный рост численности населения, связанный с прогрессом в хозяйственном развитии, основанном на расширении пастбищ [27. С. 86–89]. Статистических данных по зооархеологическим коллекциям памятников долины р. Табат исследователь не приводит. Отмечается, что в раннетагарское (подгорновское) время, по сравнению с эпохой поздней бронзы, увеличивается поголовье мелкого рогатого скота [27. С. 89], преобладание которого сохраняется и в среднетагарское (сарагашенское) время. Ю.С. Худяков критикует представления об орошаемом земледелии и в целом о высоком удельном весе земледелия у тагарцев [27. С. 88–89]. Любопытно, что при наличии свидетельств земледелия на поселениях, автор, руководствуясь ландшафтной спецификой, приходит к заключению, что рассматриваемая территория являлось сезонным кочевьем скотоводов [27. С. 89]. Несмотря на краткий характер публикации и незначительность информации о зооархеологических комплексах тагарских поселений и могильников долины р. Табат, исследование Ю.С. Худякова остается единственным опытом работы с локальным материалом и заслуживает отдельного внимания.

Подводя итог краткому обзору сложившихся теоретических взглядов на скотоводство тагарского населения, следует констатировать ряд существенных упущений источниковедческого и методического характера:

1) зооархеологические материалы погребений и поселений остаются несистематизированными, что выражается в отсутствии наглядной статистической информации;

2) современные представления о хозяйстве тагарского населения основаны на материалах довоенных исследований, а также косвенных свидетельствах погребальной практики, не адаптированных для палеоэкономических реконструкций, и ряде других источников (петроглифы, оросительные каналы), интерпретация которых дискуссионна;

3) в имеющихся реконструкциях обобщены разновременные материалы, без дифференциации по этапам тагарской культуры и уточнения специфики той или иной отрасли хозяйства в определенный период ее развития;

4) как правило, констатируется единая модель хозяйства и не уточняется возможность специализации отдельных территориальных групп тагарского населения, а также вариативности состава стада и форм его содержания.

Исходя из этого, следует сформулировать ряд ключевых проблем, решение которых позволит приблизиться к реконструкции основных элементов хозяйствования тагарского населения на отдельных этапах его историко-культурного развития и в различных природно-ландшафтных условиях.

Проблемы и перспективы исследования тагарского скотоводства и системы жизнеобеспечения в целом

Первая проблема заключается в отсутствии систематизации археологического материала по этапам тагарской культуры, в связи с чем полученные выводы транслировались на все периоды её развития. Такой подход явно неправомерен, поскольку демонстрирует статичную модель экономики и культуры в целом и не позволяет оценить развитие различных форм хозяйства в динамике. В то же время большинство исследователей отмечали изменения социальной структуры тагарского общества на фоне трансформаций, происходивших в погребальной практике, что, вероятно, являлось следствием или влекло за собой перемены в системе хозяйства. В связи с этим следует предполагать, что серьезные изменения ключевых отраслей системы жизнеобеспечения происходят уже на среднем этапе тагарской культуры, в VII–VI вв. до н.э., а не в заключительный период ее истории.

Если ряд ключевых свидетельств тагарской экономики с трудом поддается периодизационной квалификации или их хронология дискуссионна (петроглифы, поселения, случайные находки), то соотнесение важнейшего показателя скотоводства – подношений мясной пищи в погребениях – с одним из периодов культуры, особенно по трехчастной периодизации, особого труда не составляет. И все же на сегодняшний день подобных статистических данных нет. Выборка Ю.С. Гришина [3. С. 126] для подсчета состава стада далека от репрезентативности и основана на материалах дореволюционных и довоенных раскопок. Статистические данные, приведенные А.И. Мартыновым [9. С. 103], актуальны только для тагарских погребений Кия-Урюпского междуречья. В этих подсчетах преимущественно представлены данные среднетагарских комплексов, но присутствуют как более ранние, так и более поздние материалы, что заведомо создает определенные статистические помехи. В остальных работах приводится лишь констатация высокого удельного веса одного из видов животных, как правило, крупного рогатого скота.

Представляется наиболее вероятным, что экономика тагарских племен динамично менялась, поэтому необходимо оценивать сопряженность изменений материальной культуры и основных компонентов систем жизнеобеспечения. Для этого, в частности, следует изучить и сопоставить зооархеологические комплексы разнотипных (поселений и погребений) и разновременных памятников. В связи с этим возникает ряд других трудностей.

Вторая проблема – информативность погребальных комплексов в реконструкции системы скотоводства. Зооархеологические данные из погребений представляются важными маркерами в классификации комплексов для решения вопросов происхождения, хронологии и периодизации тагарской культуры, выявлении локальных групп. Специфику остатков животных из погребений, несомненно, следует принимать во внимание и при создании моделей скотоводческой специализации населения. Но несмотря на важность информации, заключенной в памятниках данного типа, следует учитывать, что представленные в них свидетельства «искажены» ритуальными правилами и обычаями, поэтому не могут напрямую использоваться для палеоэкономиченских реконструкций, в частности, состава стада и структуры потребления [19. С. 20; 39. С. 109–113]. Данное обстоятельство было отмечено и в отношении тагарских материалов [3. С. 126; 5. С. 256; 65. P. 167]. В то же время, несмотря на субъективность информации, заложенной в поминальных подношениях, других массовых источников пока нет. В связи с этим Ю.С. Гришин попытался обосновать возможность использования этих материалов для подсчета состава стада. По его мнению, поскольку кости всех трех видов часто встречаются вместе, то это «исключает обусловленность распределения мясной пищи обычаем», также не фиксируются и половые запреты [3. С. 126].

К настоящему времени источниковая база по тагарским погребениям существенно расширилась как в хронологическом, так и в территориальном аспектах, что позволяет проверить выводы Ю.С. Гришина на более массовом материале. Одним из авторов статьи уже отмечалось, что в раннетагарское время кости лошади встречаются в рядовых мужских одиночных захоронениях в два раза чаще, чем в женских, а также являются непременным компонентом статусных (элитных) комплексов [41. С. 19, 24]. Данная статистика уже демонстрирует наличие избирательности в подношениях мясной пищи.

Основная хронологическая особенность зооархеологических комплексов тагарских погребений заключается в следующем. Если по раннетагарским материалам имеется значительное количество фаунистических данных, то в памятниках последующих этапов их гораздо меньше. Основная причина этого заключается в изменении обычая подношений умершим. Для биджинских склепов характерно размещение сопутствующей пищи преимущественно не индивидуально, а в соответствии с этапами захоронений [42. С. 153]. Вероятно, это правило действует и в среднетагарское время и окончательно редуцируется в позднетагарской погребально-поминальной практике. Для лепешкинских и тесинских комплексов подношения в виде мясной пищи как черта обряда уже не характерны.

Вместо этого в насыпи и / или в заполнении склепов встречаются зубы, челюсти и черепа крупных копытных (лошадь, КРС), а также другие кости животных, количество которых небольшое [43. С. 76]. Это обстоятельство значительно снижает возможности получения репрезентативных остеологических данных по материалам позднетагарских погребений.

Нами были произведены предварительные подсчеты видового состава по материалам погребений раннего и среднего этапов тагарской культуры. Для подгорновских погребений Минусинских котловин встречаемость костей овцы в 2 раза выше по отношению к костям коровы и в 6 раз выше по отношению к костям лошади, т.е. для них характерно соотношение частоты встречаемости овцы, коровы, лошади 6 : 3 : 1. Среди локальных групп выделяются памятники Чулым-Енисейской котловины (Гришкин Лог I, Новая Черная I, Черновая I и др.), для которых выявлено соотношение в этой триаде видов 10 : 5 : 1, т.е. весьма редкая встречаемость погребений с костями лошади. Заметно отличается частота встречаемости остатков лошади при выборке из погребений подгорновской группы с моновидовым составом. Соотношение могил, содержащих только кости овцы, коровы или лошади, – 40 : 17 : 1, что позволяет говорить об экстраординарности случаев с подношением мясных частей лошади умершему. В биджинских комплексах (по обобщенным данным всего ареала культуры) устанавливается соотношение 2:1:1, что отражает возрастание подношений в виде мяса лошади при сокращении случаев нахождения остатков коровы и относительной стабилизации частоты встречаемости костей овцы. Как правило, остатки коровы и лошади в биджинских погребениях – явления взаимоисключающие. Статистика по условному количеству особей демонстрирует аналогичные показатели соотношения видового состава. Таким образом, для раннетагарских погребальных комплексов характерно преобладание в составе сопутствующей пищи мяса овцы, причем отсутствие такого набора следует рассматривать как исключительный случай.

Для среднетагарского (сарагашенского) периода пока что произведены подсчеты только для памятников Мариинской лесостепи. Здесь соотношение склепов с костями овцы, коровы или лошади – 7 : 13 : 1, что указывает на преобладание подношений в виде мяса коровы и крайне низкую встречаемость остатков лошади. В статистике по моновидовому составу остатков животных в погребениях значимость коровы по отношению к овце усиливается – 2 : 9 : 1. Эти предварительные данные в целом согласуются со статистикой, предоставленной А.И. Мартыновым [9. С. 103].

Таким образом, приведенные подсчеты позволяют говорить об определенной динамике состава подношений, сопровождавшей изменения в погребальной практике. В совокупности с отмечаемыми случаями избирательности по половому и статусному признаку, а также учитывая специфику организации таких подношений на разных этапах культуры, представляется неправомерным использовать результаты таких подсчетов напрямую для реконструкции соотношения видового состава стада и обоснования локальных скотоводческих специализаций. Как минимум необходимо их сопоставление с данными поселений.

Современное состояние археологии тагарских поселений – это ***третья проблема***. В отличие от погребальных памятников, которые являются более консервативным компонентом системы жизнедеятельности, поселенческие комплексы содержат в себе набор иной разноплановой информации, характеризующей быт, хозяйство и рацион древних сообществ, архитектуру и инфраструктуру мест проживания, производственно-технологические аспекты жизнедеятельности и другие особенности повседневной жизни. Специфика локализации и компактность расположения памятников дают основания для реконструкции системы расселения, особенно в понимании природно-ландшафтных закономерностей ее становления.

Поселения тагарской культуры исследованы крайне неравномерно как в территориальном плане, так и в отношении объемов раскопок на отдельно взятом памятнике. Наиболее крупные площади вскрыты в лесостепном районе, оттуда и происходит основная информация о планиграфии поселков, жилищах и других хозяйственно-бытовых объектах. Но бóльшая часть материалов не опубликована, а в отношении раскопок в Мариинской лесостепи еще и утрачена или депаспортизирована [44].

Ключевая проблема интерпретации поселенческих материалов заключается в их хроностратиграфическом разделении. Большинство памятников исследователи относят к средне- и позднетагарскому периодам. В отношении раннетагарских поселений данные единичны. Вероятно, к этому времени относятся поселения Староайдашинское [45. С. 17–19] и Объюл [13. С. 106] в лесостепном районе. Единственным достоверно известным поселением раннетагарского времени в Минусинской котловине является стоянка у горы Темир-Таг со следами жилища типа шалаша. В слое памятника обнаружены фрагменты керамических сосудов с узкими желобками [46. С. 98, 99, Рис. 35], что позволяет уверенно синхронизировать стоянку с раннетагарскими погребениями. Исследователем отмечено наличие фаунистического материала – костей овец, коров и лошадей [46. С. 98], но статистики по этим находкам не приводится. Отсутствие сведений о зооархеологии раннетагарских поселений отводит погребальным комплексам роль единственного источника в реконструкции состава стада, однако, как отмечалось выше, методическая возможность этого не обоснована.

Несмотря на ряд обобщающих публикаций по тагарским поселениям [20, 45, 47], их материал следует признать малоизученным в отношении фаунистических остатков. Тагарские поселенческие памятники разделены М.Б. Абсалямовым и А.И. Мартыновым на три группы: постоянные поселения, укрепленные городища и временные поселения (летники). С постоянными долговременными поселениями связан основной объем полученных остеологических коллекций, а также других важных для палеоэкономических реконструкций материалов. Упоминается преобладание на поселениях костей коровы (до 40% от общего числа фаунистических остатков) [20. С. 76]. Другая стати-

стика известна из предварительных публикаций материалов позднетагарских поселений. Так, А.В. Циркин приводит данные по фаунистическим коллекциям поселений Белый Яр и Утинское в Мариинской лесостепи. Оба памятника датированы в пределах позднетагарского – таштыкского времени. Поселения не стратифицированы, детализация принадлежности материалов к той или иной культуре не приводится. На поселении Белый Яр выявлено следующее соотношение остатков животных: лошади – 83,2%, овцы – 7,4%, КРС – 6,9%, остальной материал – дикие животные [48. С. 84]. Значительный остеологический материал был получен в результате раскопок Утинского поселения [49]. Здесь овце принадлежит 80% костей, кроме этого, присутствуют кости КРС и лошади. Наиболее интересной зооархеологической особенностью Утинского поселения являются захоронения овец – на площади 1746 м^2 было обнаружено 29 таких захоронений, расположенных в том числе внутри жилищ или хозяйственных построек [49. С. 95]. Аналогичные объекты были открыты на поселении эпохи бронзы – раннего железного века Косоголь I в Назаровской котловине[1]. Никаких объяснений данный феномен пока не получил. Для степных районов Среднего Енисея известны данные по видовому составу животных из землянки поселения Лобик среднетагарского времени: КРС – 167, лошадь – 145, овца – 95 костей [50. С. 106].

Приведенных примеров (другие нам не известны) достаточно, чтобы обратить внимание на очевидное различие видового состава скота с позднетагарских поселений Белый Яр, Утинское, а также среднетагарского жилища на поселении Лобик. В первом случае – значительное преобладание костей лошади, во втором – овцы, в третьем – КРС и лошади. Являются ли установленные статистические величины результатом стохастичности, особенностью контекста или подсчета материала или наглядно свидетельствуют о различной скотоводческой специализации, сказать сложно. Большая часть остеологических коллекций уже утрачена, а сами исследователи эти данные не интерпретировали.

Таким образом, наличие некоторых данных о фаунистических остатках на поселениях пока не формирует предпосылок для критического анализа взглядов на скотоводство, основанных на материалах погребений, а также выработки методических подходов для создания экономических моделей тагарских популяций. Единичность сведений о раннетагарских поселениях при относительном многообразии данного типа памятников в средне- и особенно позднетагарское время еще раз дает повод задуматься о серьезных отличиях хозяйственной специализации населения на начальном и последующих этапах культуры.

Четвертая проблема касается специфики результатов определений анатомо-видового состава фаунистических коллекций и возможности их применения для реконструкции различных аспектов скотоводства, а также охоты. Следует отметить, что кости животных с разных памятников сохраняются в коллекциях лабораторий и музеев далеко не всегда и не в полном составе. В связи с этим лишь в редких случаях существует возможность нового обращения к материалу с целью уточнений и даже первичной обработки. Анализ описаний материалов, представленных в публикациях и полевых отчетах о раскопках погребений, позволяет выделить несколько важных моментов.

Во-первых, при систематизации анатомо-видовой информации о составе наборов костей довольно часто используется некорректная анатомическая и таксономическая терминология, особенно когда материал определялся не специалистами-зоологами. Так, в характеристике погребальных комплексов могильников Мариинской лесостепи (см. например: [51–53]) для обозначения таких видов, как бык домашний (*Bos taurus*) и баран домашний (*Ovis aries*) были использованы разнообразные половозрастные категории – «бык», «бычок», «корова», «теленок», «ягненок», «баран» или «овца». Если не учитывать этой своеобразной синонимии, то может создаться впечатление, что существует некая дифференциация не только по возрастному, но и половому признаку животных. Или другой пример: довольно часто в анатомическом описании коллекций указывается название не костей, а каких-то частей туш животных. Так, в характеристиках большинства погребальных комплексов (см. например: [52–55]) вместо перечня конкретных костей, составляющих сопроводительный набор пищи, указаны «кости ноги», «задняя нога» или просто «нога». Следует также добавить, что далеко не всегда анатомическое описание дополняется указанием стороны локализации использованных частей туш. На то что в качестве заупокойной пищи на отдельных могильниках использовались вполне конкретные по локализации части туши животных, уже обращали внимание [42. С. 152; 56. С. 228; 57. С. 79; 58. С. 103], и интерпретация этого ритуального феномена требует детального обобщения сопоставимой информации по раскопкам других могильников.

Во-вторых, иногда выявляются ошибки в определении видовой принадлежности наборов, особенно когда имеются фотографии хорошего качества, где явно видны видоспецифические морфологические особенности костей, принадлежащих, например, лошади, но отнесенных автором определения к КРС. Однако более существенна проблема выявления в материале остатков домашних коз (*Capra hircus*), разведение которых, судя по материалам погребений, практиковалось тагарцами (см. например: [59. С. 163, 164; 60. Табл. 1]). В связи с незначительностью информации о козах ответить на вопрос о роли козоводства в хозяйстве тагарцев не представляется возможным. Кроме того, проблема наличия / отсутствия коз в фаунистических материалах не только погребений, но и поселений усугубляется чисто техническими сложностями разделения *Ovis aries* и *Capra hircus*. Эта пара видов в совокупности составляет так называемую группу мелкорогатого скота, которые не только по большинству костей скелета, но по одонтологическим признакам весьма близки и относятся в отечественной палеонтологии [61. С. 63–112] и зооархеологии к сложной группе видов [62. P. 32–36], на что также обращалось внимание в отношении тагарских материалов [3. С. 127]. Это заставляет с осторожностью от-

носиться к любым результатам определения видовой принадлежности костей мелкорогатого скота, представленных в работах (публикациях и отчетах), где не оговаривается процедура разделения этой группы с использованием соответствующего отечественного или зарубежного методического инструментария по идентификации *Ovis/Capra* [63–68].

В-третьих, не всегда указывается возраст забитых животных, а если данные приводятся, то используются только относительные показатели (молодой, взрослый), хотя по степени срастания эпифизов и диафизов наиболее часто встречаемых костей в сопроводительных наборах (бедренная и большеберцовая кости) можно установить и приблизительный абсолютный возраст забитых животных, используя соответствующие источники (см. например: [69, 70]). Помимо видового состава информация о возрастной структуре стада крайне необходима при определении направлений специализации скотоводства. В частности, отклонения в сторону увеличения молодых или взрослых животных в составе фаунистических комплексов объективно свидетельствуют об усилении или ослаблении мясной или молочной специализации хозяйства населения отдельных территориальных групп [19. С. 20–21; 62. P. 156–162; 71. С. 157–158].

В-четвертых, из-за специфики погребальной обрядности и в условиях отсутствия адекватных результатов анализа поселенческих материалов оценить такой важный элемент хозяйствования тагарского населения, как охота, пока что не представляется возможным. Однако повсеместное распространение подвесок из клыков кабарги, марала, крупных и мелких хищных позволяет считать данную отрасль экономики важной. Особенно показательны в этом отношении довольно частые находки клыков кабарги практически по всему степному и лесостепному ареалу тагарской культуры. Это становится очевидным, если учитывать, что кабарга в силу своей биологии [72. С. 6, 17] населяет только горно-лесные территории, в Саяно-Алтае – горную периферию Минусинской котловины и горное обрамление, т.е. встречается вне основного ареала памятников тагарской культуры. Если исходить из этих особенностей распространения кабарги, то наличие ее клыков может рассматриваться как свидетельство специализированной охоты в отдаленных от места постоянного проживания охотников угодьях. Однако даже если будут проанализированы массовые материалы поселений, это не будет гарантией адекватной оценки значимости охоты в экономике тагарцев, поскольку спецификой некоторых разновидностей данного промысла (например, охоты на пушного зверя) является оставление тушек животных в местах их добычи.

Пятая проблема связана с выявлением значимости животной пищи в структуре потребления у тагарских популяций. Роль другой важной отрасли хозяйства тагарской культуры – земледелия – гипотетически реконструировалась на основании отдельных немногочисленных материалов с поселений, единичных находок зерен злаковых в погребениях, случайных находок бронзовых серпов, а также следов пашен и искусственного орошения. Эти факты служили основанием для формулировки идеи о существовании комплексного хозяйства тагарского населения. Признавая правомерность данного утверждения, следует отметить, что соотношение земледелия и скотоводства в системе жизнеобеспечения населения раннего железного века системно не изучалось.

В современных палеоэкономических исследованиях при оценке роли скотоводства, охоты и рыболовства в хозяйстве древнего населения, а также значения земледелия крайне важным является изучение вопросов палеодиеты. Одним из наиболее информативных методов изучения диеты как современных, так и древних людей и животных является анализ стабильных изотопов углерода и азота костного белка. В последние десятилетия изотопный анализ активно используется для определения наличия так называемых растений С4 (в том числе проса) в рационе людей и животных, а также для определения соотношения мясной и растительной пищи, водных и наземных компонентов в диете.

К настоящему времени уже проведены некоторые отдельные исследования в Южной Сибири, в том числе по материалам тагарской культуры Минусинских котловин [73–75]. Было выявлено потребление тагарцами одного из важнейших в Азии злаков – проса. При исследовании диеты населения раннего железного века Минусинской котловины было обнаружено, что, несмотря на традиционное понимание этих популяций как части кочевого скотоводческого мира, зерновые культуры составляли существенный компонент их рациона [73]. Сейчас представляется важным выявить различия между группами населения тагарской культуры в территориально-хронологическом аспекте. Создание моделей питания различных групп населения позволит детализировать картину распространения и соотношения различных отраслей хозяйства.

Шестая проблема связана с интерпретацией совокупности материалов, привлекаемых для моделирования экономики тагарской культуры. Особо следует остановиться на подходах и критериях выделения разных форм скотоводства на основе фаунистических данных о составе стада. Выше уже указывалось, что в качестве ключевого индикатора придомного (оседлого) скотоводства тагарского населения отмечалось преобладание коров над овцами и лошадьми, тогда как высокая доля овец и лошадей является признаком отгонного скотоводства. Обоснование, таким образом, той и иной точки зрения методически ошибочно с позиций логики интерпретации совокупности результатов анализа фаунистических материалов из археологических объектов, которая основывается на учете биологических особенностей разводимых животных и функциональной роли человека в регуляции процесса их содержания, зависящих от конкретных географических условий. По этому поводу Е.Е. Антипиной было отмечено, что «форма содержания домашних копытных обусловлена возможностями обеспечения их полноценными кормами и выражается в той или иной степени подвижности стад. Биологическая сторона этого явления достаточно ясна, а именно – копытные животные, съедая растительность вокруг себя, всегда и везде вынуждены перемещаться по некой

территории, площадь которой зависит от численности самих животных и сезонности произрастания зеленой биомассы (трав и / или деревьев и кустарников)… Первая форма (или тип) скотоводства обычно обозначается, как подвижная, а вторая – как придомная (оседлая). Для всех видов домашних копытных теоретически возможны обе формы их содержания» [19. С. 26]. С учетом процитированных положений две основные концепции о формах скотоводства тагарцев следует рассматривать как равноценные, а степень выраженности той или иной из них должна исследоваться в контексте адаптации отдельных территориальных групп населения к конкретной природно-ландшафтной обстановке с учетом всего спектра археологических и палеозоологических источников.

Ареал тагарской культуры охватывал внушительную территорию от р. Кии на западе до р. Енисей на востоке, занимая лесостепную и степную части межгорных котловин. Для целостного восприятия процессов расселения и специфики хозяйства тагарцев необходимо оценить влияние ландшафтно-климатических условий на особенности формирования поселенческих комплексов, выявить формы и проследить динамику адаптации древнего населения к их изменению. В этом отношении особый интерес представляет переход от эпохи бронзы к раннему железному веку (начало I тыс. до н.э.). Этот историко-культурный рубеж соответствует последнему этапу суббореального климатического периода, который повсеместно для Северной Азии сопровождался сменой климатических и ландшафтных условий. С началом другого климатического периода – субатлантического (V в. до н.э.), исследователи единодушно связывают начало кардинальных изменений в материальной и духовной культуре населения Саяно-Алтайского региона, в том числе тагарской культуры. Прогнозируя мозаичность экстенсивных форм хозяйствования и их природно-ландшафтную обусловленность, представляется необходимым рассматривать материалы конкретных памятников тагарской культуры в контексте локальной палеоландшафтной обстановки, а для оценки роли земледелия и скотоводства отдельных локально-хронологических групп требуется анализ диеты как индикатора потребления растительной и мясной пищи.

Заключение

Проблема развития производящих и присваивающих форм хозяйственной деятельности в раннем железном веке в настоящее время – одна из ключевых в археологии Евразии. Важным вкладом в общую картину историко-культурных и палеоэкономических построений является изучение древних региональных обществ. Выше было представлено критическое переосмысление и отмечены наиболее актуальные проблемы сложившихся представлений о хозяйстве населения тагарской культуры как неотъемлемой части более широкого спектра южносибирских культур раннего железного века. Реконструкция систем жизнеобеспечения древних обществ связана с изучением материалов не только вещевых комплексов, как это преимущественно происходило в отношении памятников тагарской культуры, но и остатков животного и растительного происхождения. В связи с этим исключительную важность имеет детальное изучение зооархеологических и антропологических источников с применением методов, позволяющих получить качественно новую информацию о хозяйственной специфике, особенностях погребально-поминальной практики, роли растительной и животной пищи в рационе населения.

Следует особо подчеркнуть актуальность изучения памятников разных типов для получения цельной картины роли скотоводства, охоты и рыболовства в системе жизнеобеспечения древних обществ. Материалы могильников позволяют реконструировать значение определенных видов животных в ритуале, а также с определенной долей условности дополнить характеристику особенностей скотоводства и охоты древнего населения. Однако решающее значение имеют исследования наиболее массовых зооархеологических материалов поселений, стоянок и городищ. Комплексный анализ междисциплинарной информации с разнотипных памятников позволит дать более взвешенную оценку роли скотоводства и охоты, а также земледелия в системе жизнеобеспечения населения тагарской культуры и решить ряд дискуссионных вопросов о его хозяйстве и быте на разных этапах ее истории.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Устное сообщение руководителя раскопок В.В. Иванчука. Июль 2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Киселев С.В. Разложение рода и феодализм на Енисее // Известия ГАИМК. Л., 1933. Вып. 65. 34 с.
2. Сосновский Г.П. К истории скотоводства в Сибири (Материалы к истории древнейших домашних животных) // Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. М.; Л., 1940. Т. I. С. 135–150.
3. Гришин Ю.С. Производство в тагарскую эпоху // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1960. № 90. С. 116–207.
4. Теплоухов С.А. Металлический период // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1932. Т. III. С. 400–415.
5. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 644 с.
6. Сосновский Г.П. Восточная Сибирь в первом тысячелетии до н.э. и в начале н.э. // История СССР с древнейших времен до образования государства. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1939. Ч. 1/2. С. 413–423.
7. Членова Н.Л. Тагарская культура на Енисее // Древняя Сибирь (макет I тома «Истории Сибири»). Улан-Удэ, 1964. С. 280–308.
8. Грязнов М.П. Тагарская культура // История Сибири. Т. 1. Л. : ЛО Наука, 1968. С. 187–195.
9. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск : СО Наука, 1979. 208 с.
10. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). М. : МГУ, 1960. 198 с.
11. Кызласов Л.Р. Древняя и средневековая история Южной Сибири (в кратком изложении) : пособие для учителей истории. Абакан : Хакас. отд. Краснояр. кн. изд-ва, 1989. 58 с.
12. Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1992. 224 с.

13. Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л. : Наука, 1986. 180 с.
14. Шмидт О.Г. Исследование древностей Минусинской котловины в работах С.И. Руденко // Известия АГУ. 2008. № 4–2 (60). С. 240–245.
15. Мартынов А.И. Таштыкская культура // История Сибири. Т. 1. Л. : ЛО Наука, 1968. С. 257–261.
16. Мартынов А.И. О роли тагарской культуры в истории народов Сибири // Языки и топонимия. Томск, 1976. С. 115–118.
17. Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 206–224.
18. Радлов В.В. Из Сибири. М. : Наука, 1989. 750 с.
19. Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В.И. Цалкина. М. : Языки славянских культур, 2004. С. 7–33.
20. Абсалямов М.Б., Мартынов А.И. Поселения тагарского и переходного тагаро-таштыкского времени в Хакасско-Минусинской котловине и Ачинско-Мариинской лесостепи // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979. Вып. 10. С. 60–86.
21. Дэвлет М.А. Племена бассейна Среднего Енисея в раннем железном веке : автореф. дис. … канд. ист. наук. М. : АН СССР, 1966. 23 с.
22. Левашева В.П. Из далёкого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939. 68 с.
23. Грязнов М.П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // КСИЭ. 1955. Вып. 24. С. 19–29.
24. Пшеницына М.Н. Культура племен Среднего Енисея во II–I вв. до н.э. (тесинский этап) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1975. 28 с.
25. Пшеницына М.Н. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР). М., 1992. С. 224–235.
26. Bokovenko N. The emergence of the Tagar culture // Antiquity. 2006. Vol. 80. P. 860–879. DOI: 10.1017/S0003598X00094473
27. Худяков Ю.С. Динамика хозяйственных занятий населения долины р. Табат в эпоху металла // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск : Наука, 1986. С. 80–101.
28. Грязнов М.П. Об едином процессе развития скифо-сибирских культур // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. ТДК. Кемерово, 1979. С. 4–7.
29. Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. Вып. 12. С. 3–18.
30. Диркcен В.Г., Кулькова М.А., van Geel B., Боковенко Н.А., Чугунов К.В., Семенцов А.А., Зайцева Г.И., Cook G., van der Plicht J., Scott M., Лебедева Л.М., Бурова Н.Д. Изменение климата и растительности Южной Сибири в голоцене и динамика археологических культур // Современные проблемы археологии России. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. I. С. 198–200.
31. Kulkova M., Krasnienko S. The Impact of Holocene Climate on the Development of Prehistoric Societies in Southern Siberia // Radiocarbon. 2010. Vol. 52, is. 4. P. 1557–1569. DOI:10.1017/S0033822200056319
32. Грязнов М.П. Бык в обрядах и культах древних скотоводов // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М. : Наука, 1977. С. 80–88.
33. Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб. : Петербургское востоковедение, 1996. 112 с. (Archaeologica Petropolitana, II).
34. Савинов Д.Г. Население Среднего Енисея в эпоху сложения скотоводческих обществ (III тыс. до н.э. – середина I тыс. н.э.) // Journal of Turkic Civilization Studies. Bishkek. 2004. № 1. P. 107–134.
35. Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (Сюжеты и образы). Новосибирск : Изд-во ИАЭт СО РАН, 2005. 140 с.
36. Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л. : Гос. эрмитаж, 1950. 92 с.
37. Вадецкая Э.Б. Тагарские традиции в таштыкской культуре // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск : Наука, 1981. С. 95–101.
38. Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Тайны Шестаковских курганов. Кемерово, 2017. 116 с.
39. Антипина Е.Е. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников). М. : ИА РАН, 2016. С. 96–117.
40. Дэвлет М.А. О скотоводстве на среднем Енисее в древности // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. 1965. Вып. XI. С. 167–173.
41. Герман П.В. Погребальные комплексы раннего этапа тагарской культуры (систематика и археологическая интерпретация) : автореф дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2007. 28 с.
42. Герман П.В., Онищенко С.С., Сидельникова А.Н., Черниченко А.Д. Сопроводительная мясная пища из погребений тагарской культуры (на примере зооархеологической коллекции Большепичугинского курганного могильника) // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири. Красноярск, 2017. С. 149–153.
43. Герман П.В., Онищенко С.С. Зооархеологические особенности погребально-поминальной обрядности таштыкского населения лесостепного района (по материалам могильника Шестаково III) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та 2018. С. 72–77.
44. Герман П.В., Онищенко С.С., Савельева А.С. Тагарские поселения Кия-Чулымского междуречья: проблемы и перспективы исследования // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2018. № 8. С. 16–22.
45. Мартынов А.И., Абсалямов М.Б. Тагарские поселения. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 136 с.
46. Сунчугашев И.Я. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М. : Наука, 1975. 174 с.
47. Абсалямов М.Б. Поселения тагарского и переходного тагаро-таштыкского времени в южной Сибири VII–I вв. до н.э. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1978. 16 с.
48. Циркин А.В. Белоярское поселение на р. Чулым (предварительное сообщение) // Известия лаборатории археологических исследований. 1974. Вып. 5. С. 72–84.
49. Циркин А.В. Утинское поселение по раскопкам 1970–1975 гг. // Южная-Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово : Изд-во Кемеров. ун-та, 1976. С. 73–97.
50. Ермолова Н.М. Новые данные по истории охоты и скотоводства на юге Сибири // Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках). Л. : Наука, 1983. С. 103–107.
51. Мартынов А.И., Бобров В.В. Серебряковский могильник // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1971. Вып. 3. 132 с.
52. Мартынов А.И. Тисульский могильник // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1972. Вып. 4. 330 с.
53. Мартынов А.И. Ягуня // Известия лаборатории археологических исследований : учеб. пособие. Кемерово : КГПИ, 1973. 320 с.
54. Максименков Г.А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2003. 192 с.
55. Савинов Д.Г. Памятники тагарской культуры могильной степи. СПб. : ЭлекСис, 2012. 180 с.
56. Членова Н.Л. Взаимоотношения степных и лесных культур эпохи бронзы на границах Минусинской котловины (по материалам Ужурского могильника) // Сибирский археологический сборник. Материалы по истории Сибири. Вып. 2. Древняя Сибирь. Новосибирск : Наука, 1966. С. 212–228.
57. Завитухина М.П. Раннетагарский могильник Барсучиха V // Труды Государственного Эрмитажа. 1979. Т. XX. С. 68–86.
58. Подольский М.Л. Раннетагарский могильник Усть-Коксу в Хакасии // Археология Южной Сибири. Кемерово : КемГУ, 1983. С. 95–104.
59. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск : Наука, 1979. 168 с.
60. Podol'ski M.L. Early Tagar barrows near the village of Znamenka in Khakasia // Ancient civilizations from Scythia to Siberia. 1996. Vol. III, № 1. P. 61–96.
61. Громова В.И. Об ископаемых остатках козы и других домашних животных в пределах СССР // ППЭПДЖ. М., 1940. Т. 1. С. 63–112.
62. Davis S.J.M. The Archaeology of Animals. London : Routledge, 1995. 224 p.

63. Громова В.И. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Вып. 1. Определитель по крупным трубчатым костям. А. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 240 с.
64. Громова В.И. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Определитель по крупным костям заплюсны. М. : Изд-во АН СССР, 1960. Вып. 2. 118 с.
65. Boessneck J. Osteologische Unterscheidungmerkmale zwischen Schaf (*Ovis aries* Linné) und Zeige (*Capra hircus* Linné) / J. Boessneck, H.-H. Müller, M. Teichert // Kühn-Archiv. 1964. Vol. 78, № 1–2. 129 p.
66. Boessneck J. Osteological differences between sheep (Ovis aries Linné) and goats (*Capra hircus* Linné) // Science in Archaeology. 1970. P. 331–358.
67. Prummel W., Frisch H.-J. A guide for the distinction of species, sex, and body size of sheep and goat // Journal of Archaeological Science. 1986. Vol. 13. P. 567–577.
68. Zeder M.A., Lapham H.A. Assessing the reliability of criteria used to identify postcranial bones in sheep, Ovis, and goats, *Capra* // Journal of Archaeological Science. 2010. Vol. 37. P. 2887–2905. DOI:10.1016/j.jas.2009.10.002
69. Воккен Г.Г., Глаголев П.А., Боголюбский С.Н. Анатомия домашних животных. Ч. 1. Система органов движения. М. : Высш. шк., 1961. 391 с.
70. Silver I.A. The ageing of Domestic Animal // Science in Archaeology: A Comprehensive Survey of Progress and Research. New York : Basic Books, 1963. P. 250–268.
71. Косинцев П.А. Типология археозоологических комплексов и модели животноводства у древнего населения юга Западной Сибири // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В.И. Цалкина. М. : Языки славянских культур, 2004. С. 157–175.
72. Зайцев В.А. Кабарга: экология, динамика численности, перспективы сохранения. М. : Изд-во Центра охраны дикой природы, 2006. 120 с.
73. Murphy E.M., Schulting R., Beer N., Chistov Y., Kasparov A., Pshenitsyna M. Iron Age Pastoral Nomadism and Agriculture in the Eastern Eurasian Steppe: Implications from Dental Palaeopathology and Stable Carbon and Nitrogen Isotopes // Journal of Archaeological Science. 2013. № 40. P. 2547–2560. DOI:10.1016/j.jas.2012.09.038
74. Svyatko S.V., Schulting R.J., Mallory J., Murphy E.M., Reimer P.J., Khartanovich V.I., Chistov Y.K., Sablin M.V. Stable isotope dietary analysis of prehistoric populations from the Minusinsk Basin, Southern Siberia, Russia: a new chronological framework for the introduction of millet to the eastern Eurasian steppe // Journal of Archaeological Science. 2013. № 40. P. 3936–3945. DOI:10.1016/j.jas.2013.05.005
75. Svyatko S.V. Dental Palaeopathological Analysis of the Eneolithic-early Iron Age Populations from the Minusinsk Basin, Southern Siberia: Palaeodietary Implications // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2014. Vol. 42, is. 2. P. 143–156. DOI:10.1016/j.aeae.2015.01.014

Статья представлена научной редакцией «История» 30 апреля 2019 г.

Key Aspects of the Economy of the Tagar Culture Population: Main Concepts and Problems of Research Into Animal Husbandry

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 110–122.
DOI: 10.17223/15617793/457/14

Pavel V. German, Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: lithos@mail.ru
Sergey S. Onischenko, Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: onis65@mail.ru
Anna S. Savel'eva, Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: antverpen@mail.ru
Svetlana V. Svyatko, Queen's University Belfast (Belfast, United Kingdom). E-mail: svetlana sv@mail.ru

Keywords: Southern Siberia; Early Iron Age; Tagar Culture; economy; animal husbandry; conception; burial; settlement; zooarchaeological material; interdisciplinary approach.

The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research and the Administration of Kemerovo Oblast, Project No. 18-49-420005.

The authors focus on the palaeoeconomy reconstructions based on zooarcheological materials of the Early Iron Age Tagar Culture of Southern Siberia. They analyse the established concepts of the sedentary and semi-nomadic animal husbandry of the Tagar Culture population. Obviously, there are a number of significant historiographic and methodological omissions in the rationale of both concepts: the modern paradigm of the Tagar economy, based on the views formed in the first half of the 20th c. was not routinely challenged subsequently; the main sources—zooarchaeological materials from burials and settlements—yet remain unsystematised; the reconstructions summarise materials from various periods without differentiating the stages of the Culture or clarifying specifics of particular branches of economy at certain stages; the identified single economy model does not consider the possibility of specialization of individual local groups of the Tagar population. Based on the above, the key problems of the systematic analysis of the material complex (artefacts, faunal and anthropological remains) are formulated; the addressing of these issues will allow a more detailed reconstruction of the basic elements of economy management of the Tagar population in chronological and geographical aspects. For the modeling of animal husbandry systems, the emphasis is placed on the informativity of burial and settlement complexes. The authors point out that the use of statistics for zooarchaeological complexes from burials for reconstruction of the herd composition and justification of local pastoral specialisations is meaningless. The important role in the creation of palaeoeconomy models belongs to settlements from which only a small quantity of faunal materials have been analysed. The authors also specifically address issues related to anatomical and species definitions for the faunal collections, including the fragmental processing of materials from individual monuments and the scantity of information about their anatomical-species composition, the use of incorrect terminology, lack of justification in the identification of *Ovis/Capra*. As a solution to the problem of the relation between agriculture and animal husbandry in the economy, the authors consider the possibility of creating palaeodietary models for different Tagar populations, which will allow detailing the specifics of the economy forms in geographical and chronological aspects. In this regard, the study of zooarchaeological and anthropological sources and the use of the isotope analysis is exclusively important as it will yield qualitatively new information about the economy, and the role of plant and animal food in the diet of the population. A comprehensive interdisciplinary analysis of materials from different types of sites will allow a balanced assessment of the role of stock-rearing and hunting, as well as agriculture in the economy of the Tagar population.

REFERENCES

1. Kiselev, S.V. (1933) *Razlozhenie roda i feodalizm na* Enisee [Desintegration of the Clan and Feudalism on the Yenisei River]. Leningrad: GAIMK.
2. Sosnovskiy, G.P. (1940) K istorii skotovodstva v Sibiri (Materialy k istorii drevneyshikh domashnikh zhivotnykh) [On the history of animal husbandry in Siberia (Materials for the history of ancient domestic animals)]. In: Komarov, V.L. (ed.) *Problemy proiskhozhdeniya, evolyutsii i porodoobrazovaniya domashnikh zhivotnykh* [Problems of the Origin, Evolution and Breed Formation of Domestic Animals]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR RAS. pp. 135–150.
3. Grishin, Yu.S. (1960) Proizvodstvo v tagarskuyu epokhu [Production in the Tagar epoch]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on Archeology of the USSR]. 90. Moscow: Institute of Archaeology USSR AS. pp. 116–207.
4. Teploukhov, S.A. (1932) Metallicheskiy period [Metal period]. In: Shumyatskiy, B.Z. (ed.) *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Vol. 3. Novosibirsk: OGIZ. pp. 400–415.
5. Kiselev, S.V. (1951) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [Ancient History of Southern Siberia]. Moscow: USSR AS.
6. Sosnovskiy, G.P. (1939) Vostochnaya Sibir' v pervom tysyacheletii do n.e. i v nachale n.e. [Eastern Siberia in the first millennium BC and at the beginning of AD]. In: *Istoriya SSSR s drevneyshikh vremen do obrazovaniya gosudarstva* [History of the USSR from Ancient Times to the Formation of the State]. Part 1/2. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 413–423.
7. Chlenova, N.L. (1964) Tagarskaya kul'tura na Enisee [Tagar culture on the Yenisei]. In: *Drevnyaya Sibir' (maket I toma "Istorii Sibiri")* [Ancient Siberia (layout of the 1st volume of "History of Siberia")]. Ulan-Ude: USSR AS. pp. 280–308.
8. Gryaznov, M.P. (1968) Tagarskaya kul'tura [Tagar Culture]. In: *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 1. Leningrad: LO Nauka. pp. 187–195.
9. Martynov, A.I. (1979) *Lesostepnaya tagarskaya kul'tura* [Forest-steppe Tagar culture]. Novosibirsk: SO Nauka.
10. Kyzlasov, L.R. (1960) *Tashtykskaya epokha v istorii Khakassko-Minusinskoy kotloviny (I v. do n.e. – V v. n.e.)* [Tashtyk Era in the History of the Khakass-Minusinsk Hollow (1st century BC – 5th century AD)]. Moscow: Moscow State University.
11. Kyzlasov, L.R. (1989) *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Yuzhnoy Sibiri (v kratkom izlozhenii)* [Ancient and Medieval History of Southern Siberia (in a summary)]. Abakan: Khakasskiy otdel Krasnoyarskogo knizhnogo izdatel'stva.
12. Kyzlasov, L.R. (1992) *Ocherki po istorii Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Essays on the History of Siberia and Central Asia]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
13. Vadetskaya, E.B. (1986) *Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh Srednego Eniseya* [Archaeological Sites in the Steppes of the Middle Yenisei]. Leningrad: Nauka.
14. Shmidt, O.G. (2008) The Research of Antiquities of Minusinsk Hollow in Works of S.I. Rudenko. *Izvestiya AGU – The News of Altai State University*. 4–2 (60). pp. 240–245. (In Russian).
15. Martynov, A.I. (1968) Tashtykskaya kul'tura [Tashtyk Culture]. In: *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 1. Leningrad: Nauka. pp. 257–261.
16. Martynov, A.I. (1976) O roli tagarskoy kul'tury v istorii narodov Sibiri [On the role of Tagar culture in the history of the peoples of Siberia]. In: *Yazyki i toponimiya* [Languages and Toponymy]. Tomsk: [s.n.]. pp. 115–118.
17. Chlenova, N.L. (1992) Tagarskaya kul'tura [Tagar culture]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow: Nauka. pp. 206–224.
18. Radlov, V.V. (1989) *Iz Sibiri* [From Siberia]. Moscow: Nauka.
19. Antipina, E.E. (2004) Arkheozoologicheskie issledovaniya: zadachi, potentsial'nye vozmozhnosti i real'nye rezul'taty [Archeozoological research: tasks, potential opportunities and real results]. In: Antipina, E.E. & Chernykh, E.N. (eds) *Noveyshie arkheozoologicheskie issledovaniya v Rossii: K stoletiyu so dnya rozhdeniya V.I. Tsalkina* [Newest Archaeozoological Research in Russia: On the centenary of the birth of V.I. Tsalkin]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 7–33.
20. Absalyamov, M.B. & Martynov, A.I. (1979) Poseleniya tagarskogo i perekhodnogo tagaro-tashtykskogo vremeni v Khakassko-Minusinskoy kotlovine i Achinsko-Mariinskoy lesostepi [Settlements of the Tagar and transitional Tagar-Tashtyk times in the Khakass-Minusinsk depression and the Achinsk-Mariinsky forest-steppe]. In: *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archeology of Southern Siberia]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 60–86.
21. Devlet, M.A. (1966) *Plemena basseyna Srednego Eniseya v rannem zheleznom veke* [Tribes of the Middle Yenisei basin in the early Iron Age]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
22. Levasheva, V.P. (1939) *Iz dalekogo proshlogo yuzhnoy chasti Krasnoyarskogo kraya* [From the Distant Past of the Southern Part of the Krasnoyarsk Krai]. Krasnoyarsk: Krasnojarskoe kraevoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.
23. Gryaznov, M.P. (1955) Nekotorye voprosy istorii slozheniya i razvitiya rannikh kochevykh obshchestv Kazakhstana i Yuzhnoy Sibiri [Some questions of the history of the formation and development of early nomadic societies in Kazakhstan and South Siberia]. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii*. 24. pp. 19–29.
24. Pshenitsyna, M.N. (1975) *Kul'tura plemen Srednego Eniseya vo II–I vv. do n.e. (tesinskiy etap)* [The Culture of the Tribes of the Middle Yenisei in the 2nd – 1st Centuries BC (Tesin stage)]. Abstract of History Cand. Diss. Leningrad.
25. Pshenitsyna, M.N. (1992) Tesinskiy etap [Tesin stage]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow: Nauka. pp. 224–235.
26. Bokovenko, N. (2006) The emergence of the Tagar culture. *Antiquity*. 80. pp. 860–879. DOI: 10.1017/S0003598X00094473
27. Khudyakov, Yu.S. (1986) Dinamika khozyaystvennykh zanyatiy naseleniya doliny r. Tabat v epokhu metalla [The dynamics of economic activities of the population of the river Tabat Valley in the era of metal]. In: *Paleoekonomika Sibiri* [Paleoeconomics of Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 80–101.
28. Gryaznov, M.P. (1979) [On the unified process of development of the Scythian-Siberian cultures]. *Problemy skifo-sibirskogo kul'turno-istoricheskogo edinstva* [Problems of the Scythian-Siberian Cultural-Historical Unity]. Proceedings of the All-Soviet Conference. Kemerovo. 14–17 November 1979. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 4–7. (In Russian).
29. Gryaznov, M.P. (1983) Nachal'naya faza razvitiya skifo-sibirskikh kul'tur [The initial phase of development of the Scythian-Siberian cultures]. In: *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archeology of Southern Siberia]. 12. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 3–18.
30. Dirksen, V.G. et al. (2006) Izmenenie klimata i rastitel'nosti Yuzhnoy Sibiri v golotsene i dinamika arkheologicheskikh kul'tur [Changes in climate and vegetation of Southern Siberia in the Holocene and the dynamics of archaeological cultures]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Sovremennye problemy arkheologii Rossii* [Modern Problems of Archeology of Russia]. Vol. 1. Novosibirsk: Institute of Archeology and Etnography SB RAS. pp. 198–200.
31. Kulkova, M. & Krasnienko, S. (2010) The Impact of Holocene Climate on the Development of Prehistoric Societies in Southern Siberia. *Radiocarbon*. 4 (52). pp. 1557–1569. DOI: 10.1017/S0033822200056319
32. Gryaznov, M.P. (1977) Byk v obryadakh i kul'takh drevnikh skotovodov [The bull in the rites and cults of ancient cattle breeders]. In: *Problemy arkheologii Evrazii i Severnoy Ameriki* [Problems of Archeology of Eurasia and North America]. Moscow: Nauka. pp. 80–88.
33. Savinov, D.G. (1996) *Drevnie poseleniya Khakasii. Torgazhak* [Ancient Settlements of Khakassia. Torgazhak]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
34. Savinov, D.G. (2004) Naselenie Srednego Eniseya v epokhu slozheniya skotovodcheskikh obshchestv (III tys. do n.e. – seredina I tys. n.e.) [The population of the Middle Yenisei in the era of the formation of pastoralist societies (3d millennium BC – mid-1st millennium AD)]. *Journal of Turkic Civilization Studies*. 1. pp. 107–134.

35. Sovetova, O.S. (2005) *Petroglify tagarskoy epokhi na Enisee (Syuzhety i obrazy)* [Petroglyphs of the Tagar Era on Yenisei (Plots and images)]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.
36. Gryaznov, M.P. (1950) *Pervyy Pazyrykskiy kurgan* [The First Pazyryk Mound]. Leningrad: Gosudarstvennyy ermitazh.
37. Vadetskaya, E.B. (1981) Tagarskie traditsii v tashtykskoy kul'ture [Tagar traditions in the Tashtyk culture]. In: Troitskaya, T.N. (ed.) *Problemy zapadnosibirskoy arkheologii. Epokha zheleza* [Problems of West Siberian Archeology. The age of iron]. Novosibirsk: Nauka. pp. 95–101.
38. Martynov, A.I., Martynova, G.S. & Kulemzin, A.M. (2017) *Tayny Shestakovskikh kurganov* [Secrets of the Shestakovsky Burial Mounds]. Kemerovo: Lazur'-K.
39. Antipina, E.E. (2016) Sovremennaya arkheozoologiya: zadachi i metody issledovaniya [Modern archaeozoology: objectives and research methods]. In: Chernykh, E.N. & Mishina, T.N. (eds) *Mezhdistsiplinarnaya integratsiya v arkheologii (po materialam lektsiy dlya aspirantov i molodykh sotrudnikov)* [Interdisciplinary Integration in Archeology Based on lectures for graduate students and young employees)]. Moscow: Institute of Archeology RAS. pp. 96–117.
40. Devlet, M.A. (1965) O skotovodstve na srednem Enisee v drevnosti [On animal husbandry on the middle Yenisei in antiquity]. *Uchenye zapiski KhakNIIYaLI*. 11. pp. 167–173.
41. German, P.V. (2007) *Pogrebal'nye kompleksy rannego etapa tagarskoy kul'tury (sistematika i arkheologicheskaya interpretatsiya)* [Burial Complexes of the Early Stage of the Tagar Culture (Taxonomy and archaeological interpretation)]. Abstract of History Cand. Diss. Kemerovo.
42. German, P.V. et al. (2017) [Accompanying meat from Tagar culture burial mounds (example of zoo-archaeological collection of Bolshepichugino kurgan)]. *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii, etnografii i istorii Sibiri* [Interdisciplinary Research in Archeology, Ethnography and History of Siberia]. Proceedings of the International Conference. Krasnoyarsk. 27–30 September 2017. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. pp. 149–153. (In Russian).
43. German, P.V. & Onishchenko, S.S. (2018) Zooarkheologicheskie osobennosti pogrebal'no-pominal'noy obryadnosti tashtykskogo naseleniya lesostepnogo rayona (po materialam mogil'nika Shestakovo III) [Zooarchaeological features of the burial and memorial rituals of the Tashtyk population of the forest-steppe region (based on materials from the Shestakovo III burial ground)]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziyskoy arkheologii* [Modern Solutions of Urgent Problems of Eurasian Archeology]. 2. Barnaul: Altai State University. pp. 72–77.
44. German, P.V., Onishchenko, S.S. & Savel'eva, A.S. (2018) Tagar settlements in the Kiya-Chulym interfluve: research issues and prospects. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika "Tomskaya Pisanitsa"*. 8. pp. 16–22. (In Russian).
45. Martynov, A.I. & Absalyamov, M.B. (1988) *Tagarskie poseleniya* [Tagar Settlements]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
46. Sunchugashev, I.Ya. (1975) *Drevneyshie rudniki i pamyatniki ranney metallurgii v Khakassko-Minusinskoy kotlovine* [The Oldest Mines and Monuments of Early Metallurgy in the Khakass-Minusinsk Hollow]. Moscow: Nauka.
47. Absalyamov, M.B. (1978) *Poseleniya tagarskogo i perekhodnogo tagaro-tashtykskogo vremeni v yuzhnoy Sibiri VII–I vv. do n.e.* [Settlements of the Tagar and Transitional Tagar-Tashtyk Times in Southern Siberia, 7th – 1st Centuries BC]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
48. Tsirkin, A.V. (1974) Beloyarskoe poselenie na r. Chulym (predvaritel'noe soobshchenie) [Beloyarsk settlement on the river Chulym (preliminary report)]. *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy*. 5. pp. 72–84.
49. Tsirkin, A.V. (1976) Utinskoe poselenie po raskopkam 1970–1975 gg. [Utinsk settlement based on excavations in 1970–1975]. In: *Yuzhnaya-Sibir' v skifo-sarmatskuyu epokhu* [South Siberia in the Scythian-Sarmatian Era]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 73–97.
50. Ermolova, N.M. (1983) Novye dannye po istorii okhoty i skotovodstva na yuge Sibiri [New data on the history of hunting and animal husbandry in the south of Siberia]. In: Masson, V.M. (ed.) *Drevnie kul'tury evraziyskikh stepey (po materialam arkheologicheskikh rabot na novostroykakh)* [Ancient Cultures of the Eurasian Steppes (Based on materials from archaeological work on new buildings)]. Leningrad: Nauka. pp. 103–107.
51. Martynov, A.I. & Bobrov, V.V. (1971) Serebryakovskiy mogil'nik [Serebryakovo burial mound]. *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy*. 3.
52. Martynov, A.I. (1972) Tisul'skiy mogil'nik [Tisul burial mound]. *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy*. 4.
53. Martynov, A.I. (1973) *Yagunya.* Kemerovo: Kemerovo State Pedagogical Institute. (In Russian).
54. Maksimenkov, G.A. (2003) *Materialy po ranney istorii tagarskoy kul'tury* [Materials on the Early History of the Tagar Culture]. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
55. Savinov, D.G. (2012) *Pamyatniki tagarskoy kul'tury mogil'noy stepi* [Monuments of the Tagar Culture of the Burial Steppe]. Saint Petersburg: ElekSis.
56. Chlenova, N.L. (1966) Vzaimootnosheniya stepnykh i lesnykh kul'tur epokhi bronzy na granitsakh Minusinskoy kotloviny (po materialam Uzhurskogo mogil'nika) [The relationship between steppe and forest cultures of the Bronze Age on the borders of the Minusinsk Basin (based on materials from the Uzhur burial ground)]. In: Okladnikov, A.P. (ed.) *Sibirskiy arkheologicheskiy sbornik. Materialy po istorii Sibiri* [Siberian Archaeological Collection. Materials on the history of Siberia]. 2. Novosibirsk: Nauka. pp. 212–228.
57. Zavitukhina, M.P. (1979) Rannetagarskiy mogil'nik Barsuchikha V [The early-Tagar burial ground Barsuchikha V]. In: *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage]. Vol. 20. Leningrad: Iskusstvo. pp. 68–86.
58. Podol'skiy, M.L. (1983) Rannetagarskiy mogil'nik Ust'-Koksu v Khakasii [Ust-Koksu early Tagar burial mound in Khakassia]. In: *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archeology of Southern Siberia]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 95–104.
59. Gryaznov, M.P. et al. (1979) *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Enisee* [A Complex of Archaeological Sites Near Mount Tepsei on the Yenisei]. Novosibirsk: Nauka.
60. Podol'ski, M.L. (1996) Early Tagar barrows near the village of Znamenka in Khakasia. *Ancient civilizations from Scythia to Siberia*. 1 (3). pp. 61–96.
61. Gromova, V.I. (1940) Ob iskopaemykh ostatkakh kozy i drugikh domashnikh zhivotnykh v predelakh SSSR [On the fossil remains of goats and other domestic animals within the USSR]. In: Komarov V.L. (ed.) *Problemy proiskhozhdeniya, evolyutsii i porodoobrazovaniya domashnikh zhivotnykh* [Problems of Origin, Evolution and Breed Formation of Domestic Animals]. Vol. 1. Moscow: USSR AS. pp. 63–112.
62. Davis, S.J.M. (1995) *The Archaeology of Animals*. London: Routledge.
63. Gromova, V.I. (1950) *Opredelitel' mlekopitayushchikh SSSR po kostyam skeletal* [Identification Guide to Mammals of the USSR on the Basis of Bones of the Skeleton]. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
64. Gromova, V.I. (1960) *Opredelitel' mlekopitayushchikh SSSR po kostyam skeletal* [Identification Guide to Mammals of the USSR on the Basis of Bones of the Skeleton]. 2. Moscow: USSR AS.
65. Boessneck, J., Müller, H.-H. & Teichert, M. (1964) Osteologische Unterscheidungmerkmale zwischen Schaf (Ovis aries Linné) und Zeige (Capra hircus Linné). *Kühn-Archiv*. 1–2 (78).
66. Boessneck, J. (1970) Osteological differences between sheep (Ovis aries Linné) and goats (Capra hircus Linné). *Science in Archaeology*. pp. 331–358.
67. Prummel, W. & Frisch, H.-J. (1986) A guide for the distinction of species, sex, and body size of sheep and goat. *Journal of Archaeological Science*. 13. pp. 567–577.
68. Zeder, M.A. & Lapham, H.A. (2010) Assessing the reliability of criteria used to identify postcranial bones in sheep, Ovis, and goats, Capra. *Journal of Archaeological Science*. 37. pp. 2887–2905. DOI:10.1016/j.jas.2009.10.002
69. Vokken, G.G., Glagolev, P.A. & Bogolyubskiy, S.N. (1961) *Anatomiya domashnikh zhivotnykh* [Anatomy of Domestic Animals]. Part 1. Moscow: Vysshaya shkola.
70. Silver, I.A. (1963) The ageing of Domestic Animal. In: Brothwell, D. & Higgs, E. (eds) *Science in Archaeology: A Comprehensive Survey of Progress and Research*. New York: Basic Books. pp. 250–268.

71. Kosintsev, P.A. (2004) Tipologiya arkheozoologicheskikh kompleksov i modeli zhivotnovodstva u drevnego naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri [Typology of archaeozoological complexes and models of animal husbandry among the ancient population of the south of Western Siberia]. In: Antipina, E.E. & Chernykh, E.N. (eds) *Noveyshie arkheozoologicheskie issledovaniya v Rossii: K stoletiyu so dnya rozhdeniya V.I. Tsalkina* [The Latest Archaeozoological Research in Russia: On the centenary of the birth of V. Tsalkin]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 157–175.
72. Zaytsev, V.A. (2006) *Kabarga: ekologiya, dinamika chislennosti, perspektivy sokhraneniya* [Musk Deer: Ecology, Population Dynamics, Conservation Prospects]. Moscow: Izd-vo Tsentra okhrany dikoy prirody.
73. Murphy, E.M. et al. (2013) Iron Age Pastoral Nomadism and Agriculture in the Eastern Eurasian Steppe: Implications from Dental Palaeopathology and Stable Carbon and Nitrogen Isotopes. *Journal of Archaeological Science.* 40. pp. 2547–2560. DOI: 10.1016/j.jas.2012.09.038
74. Svyatko, S.V. et al. (2013) Stable isotope dietary analysis of prehistoric populations from the Minusinsk Basin, Southern Siberia, Russia: a new chronological framework for the introduction of millet to the eastern Eurasian steppe. *Journal of Archaeological Science*. 40. pp. 3936–3945. DOI: 10.1016/j.jas.2013.05.005
75. Svyatko, S.V. (2014) Dental Palaeopathological Analysis of the Eneolithic-early Iron Age Populations from the Minusinsk Basin, Southern Siberia: Palaeodietary Implications. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2 (42). pp. 143–156. DOI: 10.1016/j.aeae.2015.01.014

Received: 30 April 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 123–132. DOI: 10.17223/15617793/457/15

УДК 93/94 (091)

Е.Н. Костылева

ПРОБЛЕМЫ УЛУЧШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ КРЕСТЬЯН РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ТРУДАХ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ О НУЖДАХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (1902–1903 гг.)

Рассмотрены проблемы улучшения экономического положения крестьян Рязанской губернии. Обосновывается, что местный Комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности планировал решить их с помощью модернизации кредитно-финансовой, образовательной и производственной сферы. Доказывается, что общим во взглядах уездных гласных явилась передача контролирующих функций земству и ставка на финансовую помощь правительства.

Ключевые слова: Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности; Рязанская губерния.

В начале XX в. сельскохозяйственная политика Российской империи была направлена на правовое и административное упорядочение аграрного сектора нашей страны. С этой целью в 1902 г. было созвано Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Его руководитель, министр финансов С.Ю. Витте, понимал, что модернизация экономики России напрямую зависела от реформирования земельных отношений. Однако этот процесс был невозможен без улучшения экономического положения крестьянского сословия.

Хронологически изучение деятельности особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в Российской империи целесообразно разделить на три периода.

К первому относятся дореволюционные исследования с начала XX в. по 1917 г., наиболее значимые из которых – труды М.Ф. Толмачева и А.Д. Билимовича [1, 2]. Основное внимание в них уделяется земельному и правовому аспекту крестьянского хозяйствования.

Источниками для изучения деятельности Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности служат «Общий обзор трудов местных комитетов», «Всеподданнейший отчет по Особому совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности», в которых затрагивается общероссийская специфика [3, 4]. Материалы центральных архивов – Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива, а также статистические сведения «Русского календаря» А. Суворина [5], «Сравнительной статистики России и западно-европейских государств» Ю.Э. Янсона [6], «Статистического временника Российской Империи» [7], «Статистики поземельной собственности и населенных мест европейской России» [8] и другие позволяют дать общую картину хозяйственно-экономического развития Российской империи в конце XIX – начале XX в.

О работе Рязанского комитета повествуют «Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности», ставшие главным источником, используемым автором [9]. Они включают Журналы заседаний губернского и уездных комитетов, а также личные доклады и записки участников работы Совещания. Данные материалы позволяют выявить поуездную специфику хозяйственной интенсификации региона. Экономическое развитие Рязанской губернии прослеживается на основе сведений Государственного архива Рязанской области, а также «Сельскохозяйственного обзора Рязанской губернии» [10], «Сборника Рязанского губернского статистического комитета» [11], «Свода данных об экономическом положении крестьян Рязанской губернии» [12].

Ко второму периоду относятся труды, изданные советскими историками. В работах М.А. Анфимова, М.С. Симоновой деятельность Особого совещания рассматривается как неудачный этап крестьянской политики царизма [13, 14]. Указывается, что накануне Первой русской революции аграрная сфера Российской империи находилась в глубочайшем кризисе, а самодержавие было «крупнейшим тормозом социально-экономического развития страны» [13]. Исследователи данного периода уделяли особое внимание «земельному вопросу», конструктивные предложения по решению которого послужили предпосылкой аграрных преобразований П.А. Столыпина.

К третьему периоду относятся исследования современных авторов – И.К. Щербаковой [15], Н.Б. Колесова [16], И.Д. Самолетова [17], Б.М. Миронова [18], В.Д. Лебедева [19]. Ключевым вопросом в деятельности Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности стала проблема расширения крестьянского земельного фонда. Ее анализ на примере Рязанской губернии представлен нами в предыдущей статье [20].

Можно сделать вывод, что большинство исследователей рассматривают деятельность Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в контексте общей экономической ситуации в стране, делая акцент на проблемах крестьянского землепользования. Способам повышения финансового статуса сельских производителей не уделяется должного внимания, что ставит новую проблему исследования.

Целью данной работы является выявление ключевых аспектов деятельности Рязанского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности в контексте улучшения экономического положения местных крестьян.

Анализ Трудов местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности позволяет утверждать, что проблеме повышения материального обеспечения рязанских крестьян уделялось не меньше внимания, чем аграрному вопросу – эффективному

функционированию сельскохозяйственной отрасли. Губернские и уездные гласные сходились во мнении, что «бедность – это главная проблема наших производителей» [9. С. 105]. По мнению местного комитета, решить ее были призваны следующие мероприятия: создание учреждений мелкого кредита, повышение образовательного уровня сельского населения, развитие кустарной промышленности, модернизация транспортной системы и упорядочение отхожих промыслов в губернии. Активность обсуждения этих вопросов гласными Рязанского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности напрямую зависела от значимости данных вопросов для региона.

Первостепенным способом борьбы с крестьянской бедностью стало кредитование сельских производителей. Создание доступного государственного кредита явилось главным направлением реализации финансовой политики Российской империи в конце XIX в. В этот период в стране сложилась система государственных ипотечных учреждений, представленных Крестьянским поземельным и государственным Дворянским земельным банками. Их деятельность была направлена на модернизацию аграрного сектора российской деревни: ипотечные учреждения решали важные внутриполитические проблемы, сохраняя финансовый потенциал крестьянства и поддерживая привилегированное место дворянства в экономической жизни России [21. Л. 32]. Процесс становления и развития Крестьянского поземельного банка в Рязанской губернии осуществлялся благодаря деятельности местных земских органов самоуправления, активно участвовавших в работе местного отделения [22]. По сведениям «Русского календаря» А. Суворина, в начале XX в. в регионах стали действовать акционерные коммерческие банки. Так в 1890-х гг. в Рязани, Касимове и Ряжске открылись отделения Русского торгово-промышленного банка [5. С. 328]. Однако вопрос о создании учреждений мелкого нецелевого кредита по-прежнему оставался актуальным [23. Л. 3].

Рязанский комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности активно выступал за развитие кредитных и ссудо-сберегательных товариществ и распространение различных видов кооперации в крестьянской среде. Либеральную точку зрения высказывали члены Егорьевского (В.Ф. Эман, П.Н. Савелов), Рязанского, Сапожковского (А.Д. Мартынов), Данковского и Раненбургского уездных комитетов [9. С. 192–203].

Так, гласные Егорьевского уезда В.Ф. Эман и П.Н. Савелов утверждали, что местное земство «стоит далеко от населения», поэтому для управления кредитными кооперациями необходимо создание «ближайших к народу» структур. Авторы указывали на целесообразность совместной деятельности местных земских органов самоуправления и правительства. Функции этих двух структур четко разграничивались: «…в обеспечении сбыта изделий должно принять участие земство, но только при условии открытия ему кредита Государственным банком, ибо своих свободных средств у него нет» [9. С. 192–203].

Схожее мнение высказывал гласный Рязанского уезда, крупный землевладелец, русский публицист, общественный деятель, член Государственной думы I и III созывов А.В. Еропкин. Обращаясь к записке Министерства финансов, автор утверждал, что учреждениями мелкого кредита должно руководить земство [23. Л. 3]. А.В. Еропкин полагал, что для достижения успеха «район деятельности кредитных кооперации должен быть настолько мал, чтобы был известен каждый заемщик и его хозяйственные нужды». Для этого необходима децентрализация управления мелким кредитом и создание дополнительных попечительных органов на уровне волости [9. С. 453].

А.В. Еропкин считал главной причиной непродуктивной деятельности кредитных кооперации отсутствие у них достаточных денежных средств. Автор приводил пример Ижевского сельского банка Спасского уезда и Смыковского церковно-приходского попечительства [9. С. 186].

По данным «Сведений о сберегательных кассах и городских банках за 1893 г.», Смыковское попечительство было создано в 1894 г. и состояло из пятнадцати человек: трех управляющих – землевладелицы Д.А. Беклемишевой, распорядителя ее имения Г. Костырко-Стоцкого, помещика Е.А. Бернард и двенадцати «лиц из числа уважаемых старейшин прихожан и непременных членов – священника, диакона и церковного старосты». Главными задачами попечительства были поддержание благосостояния храма и обеспечение материальных нужд прихожан. Оно действовало на коммерческой основе и выдавало ссуды под 6% годовых при поручительстве двух лиц [23. Л. 3].

В отличие от государственных ипотечных банков, кредиты здесь были нецелевые, а денежные средства могли быть потрачены на любые хозяйственные цели: покупку лошадей, коров, восстановление построек после пожара, страховые выплаты и т.п. Капитал попечительства составлял около 600 руб. и складывался из паевых взносов, пожертвований благотворителей и «кружечного церковного сбора». Однако крестьян, желавших воспользоваться кредитом, было гораздо больше, чем средств, которыми располагало общество. Таким образом, учреждение не могло в полной мере решать поставленные перед ним задачи [23. Л. 4].

Таким образом, гласные Рязанского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности активно выступали за развитие мелкого сельского кредита, целью которого было повышение материального благосостояния местных крестьян. Однако зачастую они не могли грамотно распорядиться полученными денежными средствами, что делало актуальной проблему повышения образовательного уровня местных сельских производителей.

По данным «Сельскохозяйственного обзора Рязанской губернии за 1904–1905 гг.», во второй половине XIX – начале XX в. на развитие местных хозяйств оказывали влияние такие негативные факторы, как общинное землепользование, малоземелье сельских производителей, зависимость от природно-климатических условий, принудительный трехпольный севооборот и ограниченный набор сельскохозяйственных культур [10. С. 88]. Еще в 1873 г. в Российский империи была создана «Комиссия для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и

сельской производительности». Стенограммы ее заседаний позволяют утверждать, что рязанские гласные одними из первых высказались за повышения образовательного уровня местного населения. Считая аграрную сферу «надсословной», они подчеркивали роль дворянства в финансировании учебных заведений: «…школы производят благодатное влияние на умственный и нравственный уровень населения и развиваются там, где помещики дают средства на их поддержание». Большое внимание уделялось квалификации преподавательского состава, делался упор на повышение интеллектуального уровня и нравственной культуры педагогов: «…учителя не всегда удовлетворяют своему назначению, большей частью они отставные писаря плохой нравственности» [24. С. 199].

Рязанский гласный, крупный помещик О.Н. Рюмин считал первостепенной задачей введение всеобщего сельскохозяйственного образования в губернии. Делая упор «на практическую сторону дела», он указывал на необходимость организации образцовых учебных ферм, которые будут «не только лучшими примерами культурных хозяйств в губернии, но и школами для подготовки квалифицированных кадров, где бы приготовлялись опытные приказчики, разводились улучшенные семена, содержалось улучшенное скотоводство и образовывались скотницы» [24. С. 202].

Рязанский комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности связывал решение главных сельскохозяйственных проблем в регионе с повышением образовательного уровня местного крестьянства. Эту точку зрения высказывали деятели Раненбургского, Данковского, Егорьевского и Рязанского уездных комитетов. Сведения «Трудов местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности по Рязанской губернии» позволяют выделить консервативные, радикальные и либеральные группы в политической структуре общества, а также проследить их влияние на реформирование региона [24. С. 340–361].

Консервативных взглядов по вопросам развития местного образования придерживались гласные Раненбургского уезда. Это было связано с тем, что большинство из них принадлежало к крупным помещикам, не заинтересованным в либерализации социально-экономической жизни региона. Так, в вопросах расширения крестьянского земельного фонда они высказывались за сохранение общины, указывая на ее органическую связь с народом [20. С. 147–154].

Раненбургский комитет был единственным в Рязанской губернии, гласные которого выступали против расширения образовательной сферы крестьянства. Состоятельный землевладелец А.С. Путилов утверждал, что распространение народного просвещения и агрономических знаний нецелесообразно, так как для ведения производительного хозяйства не обязательно получение специального образования. «Теоретический курс университета далек от практики, а на первом месте для крестьянина хозяйственный расчет, здравый смысл, опыт и навыки», – подчеркивал автор. Путилов доказывал, что развитие образования разрушает патриархальный уклад крестьянской жизни, являвшийся основой монархического строя Российской империи. По мнению автора, грамотность «пошатнула прежнее значение главы крестьянской семьи, когда образованные младшие члены с меньшим уважением относятся к неграмотным старшим и не прислушиваются к их советам» [9. С. 358].

Как было указано в предыдущей работе [13], Данковский уезд Рязанской губернии принадлежал к числу земледельческих. В отличие от раненбургских гласных, его представители придерживались радикальных взглядов по вопросам ликвидации крестьянского малоземелья и повышения образовательного уровня сельских производителей. Податной инспектор С.М. Воскресенский разработал передовую программу расширения крестьянского земельного фонда, включавшую отмену общинных переделов, установку максимального предела дробления участков, разрешение купли-продажи надельных земель, введение системы долевой общинной собственности. Этот проект был настолько радикальным, что не вошел в Итоговую записку Данковского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности [20. С. 147–154].

Гласные Данковского уезда выступали за создание бессословных высших учебных заведений в каждом уездном городе. Это был беспрецедентный случай, так как самые радикальные образовательные программы всегда ограничивались требованием введения всеобщего начального и среднего образования. Данковские гласные утверждали, что расходы на реализацию данного проекта должно взять на себя рязанское земство [9. С. 358].

Это был не единственный случай, когда уездные гласные выступали за земское финансирование в деле повышения материального благосостояния крестьян. Так, представители Егорьевского комитета предлагали Крестьянскому банку и земским органам самоуправления безвозмездно выдавать деньги сельским производителям, списывая с них налоговые задолженности [20. С. 147–154]. Они напрямую связывали решение сельскохозяйственных проблем в регионе с повышением образовательного уровня населения: «…прежде всего, необходимо сделать всех крестьян способными воспринимать специальные указания, могущие развить сельское хозяйство». Егорьевские гласные выступали за всеобщее доступное образование и развитие внешкольного обучения. Реализацию данных мероприятий они планировали с помощью создания воскресных школ и библиотек-читален [9. С. 177].

Одним из ключевых пунктов программы Егорьевского комитета было практико-ориентированное обучение, основанное на региональной специфике: «…школа должна учить тому мастерству, ремеслу или хозяйству, которого требует данная местная жизнь». Подчеркивалась необходимость создания «образцовых хозяйств», которые должны были стать основой сельскохозяйственной интенсификации региона. Например, Земский начальник Первого участка Егорьевского уезда, полковник в отставке П.Н. Савелов выступал за «устройство опытных ферм и полей для наглядного примера и премирование выдающихся хозяйств». Автор утверждал, что повышение уровня развития сельского хозяйства в губернии возможно только при снижении цен на зарубежную сельскохозяйственную технику и приглашении иностранных инструкторов – «мастеров своего дела» [9. С. 188–194].

Интересен тот факт, что это единственный в истории деятельности Рязанского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности случай обращения к аграрному опыту Европы. Дореволюционный исследователь Ю.Э. Янсон утверждал, что в Германии в конце XIX в. осуществлялась масштабная программа народного образования. В сельском хозяйстве применялись современные машины, минеральные удобрения, плодосменной севооборот, разводился скот улучшенных пород. Расширение животноводства вело к увеличению посевов кормовых трав, происходил переход к техническим культурам и огородничеству [6. С. 241]. Ввоз модернизированной европейской техники и приглашение зарубежных специалистов могли сыграть положительную роль в развитии отечественного сельского хозяйства, однако предложению П.Н. Савелова не было уделено должного внимания.

Рязанские уездные гласные предлагали авторские программы повышения образовательного уровня местного крестьянства. Либеральные по характеру, они во многом перекликаются с вышеизложенными положениями. Одна из образовательных программ принадлежала видному земскому деятелю Н.И. Родзевичу. Он занимал пост Рязанского городского главы с 1906 по 1912 г. Являясь одним из передовых коннозаводчиков в стране, Н.И. Родзевич финансировал строительство местных школ и больниц, при нем в Рязани появились первый водопровод, электрическое освещение улиц, булыжные мостовые, шоссе и муниципальная аптека.

Выступая за увеличение количества школ, Н.И. Родзевич утверждал, что для повышения образовательного уровня местных крестьян необходимо введение обязательного бесплатного начального образования. Он говорил о пользе публичных библиотек, народных театров и необходимости распространения даровой сельскохозяйственной литературы, указывая на важность «принципа самообразования». Являясь членом IV Государственной думы от Рязанской губернии, Н.И. Родзевич активно продвигал свои идеи на всероссийском уровне [9. С. 185].

Гласный Рязанского уездного комитета, активный земский деятель, председатель Рязанского губернского комитета партии «Народная свобода» А.К. Дворжак считал повышение культурного уровня местного населения первостепенной задачей в регионе. Его программа являлась полноценной образовательной реформой: впервые было выдвинуто предложение о полной передаче начального и среднего образования в ведение местных земских органов самоуправления. Необходимо подчеркнуть, что акцент делался не на земском финансировании проекта, а делегировании ему контролирующих функций [9. С. 186].

Считая начальные школы «главной ступенью поднятия уровня общего образования», А.К. Дворжак указывал, что Инспектор народных училищ должен осуществлять только «ревизующую власть» и не вмешиваться в контролируемый земством образовательный процесс. С позиции крупного земельного собственника автор утверждал, что «существующая начальная школа не воспитывает уважения к закону и чужой собственности». Решение этой проблемы А.К. Дворжак видел в создании «правильно поставленного, близкого к народу суда». Автор полагал, что обучение в средней школе должно носить практико-ориентированный характер и «соответствовать практическим жизненным требованиям». Как и Н.И. Родзевич, А.К. Дворжак связывал повышение культурного уровня местного населения с распространением сельскохозяйственной литературы, организацией выставок и развитием «показательных хозяйств» [9. С. 560–561].

Таким образом, образовательная программа А.К. Дворжака – это наглядный пример эволюции полномочий местных земских органов самоуправления. Играя значительную роль в политической жизни Рязанской губернии, они не ограничивались решением хозяйственных вопросов местного значения, активно участвуя в образовательном процессе региона. Следует подчеркнуть, что земствам предлагалось не финансирование очередного проекта, которое встречалось и ранее, а полный контроль над его реализацией.

Взгляды деятелей Рязанского комитета во многом предвосхитили основные положения Столыпинской аграрной реформы в сфере образования. Совместно с органами местного самоуправления П.А. Столыпин планировал создать единую и общедоступную систему народного просвещения, включавшую всеобщее начальное образование. Он считал целесообразным организацию широкой сети разного типа профессиональных учебных заведений, воскресных и вечерних школ, училищ, курсов для взрослых и подростков. По мнению П.А. Столыпина, «только просвещенная, трудолюбивая, целеустремленная личность, сознающая свои права, свободы и одновременно свою ответственность, сможет стать движущей и созидающей силой, способной сделать Россию великой мировой державой» [25. С. 13].

Передача начального и среднего образования в ведение земства должна была способствовать формированию основ правового государства и гражданского общества в стране, а повышение культурного уровня местного населения привести к тому, что крестьяне станут крепкими хозяевами, уважительно относящимися не только к своей, но и к чужой собственности.

Мелкая кустарная промышленность была важным денежным подспорьем для крестьян Рязанской губернии. Число сельских производителей, занятых ремеслами, в четыре раза превышало количество задействованных в промышленности. По данным «Сборника Рязанского губернского статистического комитета», во второй половине XIX – начале XX в. подавляющая часть крестьян совмещала сельское хозяйство с мелкой кустарной промышленностью [11. С. 225]. Как отмечал основатель Рязанской ученой архивной комиссии А.В. Селиванов в «Своде данных об экономическом положении крестьян Рязанской губернии», это было связано с «отсутствием в земледелии достаточных средств к существованию» [12. С. 243]. Помимо почвенных особенностей региона, большое влияние на развитие кустарных промыслов оказывали размер и качество надела, формы обработки земли, условия аренды, наличие крупных частновладельческих хо-

зяйств и промышленных центров, «специфика исторического уклада деревни» [7. С. 301].

«Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России» позволяет утверждать, что Рязанская губерния имела наименьшее количество пахотных земель во всей Центральной земледельческой области (57–44%), так как на большей части ее территорий были нечерноземные и малоплодородные почвы. По качеству земель она делилась на две части: южную – правобережье реки Оки и северную – ее левобережье. Северная половина губернии, или Мещерская сторона, имела болотисто-торфяную и песчаную почву. Для высоких урожаев эти земли необходимо было постоянно удобрять, поэтому, не получая от земледелия достаточных средств к существованию, крестьяне вынуждены были заниматься отхожими промыслами [8. С. 15]. Наибольшее распространение они получили в Егорьевском, Спасском и Касимовском уездах. Здесь почва в основном была песчаной, а пахотные земли составляли 31,6% [12. С. 523].

По данным «Военно-статистического обозрения Российской империи», традиционным у рязанских крестьян была выделка домотканых холстов, веревок, пакли, деревянных изделий, составлявшая важную часть повседневных зимних занятий сельского населения. С ростом товарно-денежных отношений в регионе домашнее производство превращалось в промысел – изготовление товаров под заказ и на продажу. В Рязанском и Касимовском уездах общерусское значение получило плетение сетей. Центрами изготовления простейших сельскохозяйственных машин стал Сапожковский уезд. В Рязани, Скопине и Михайлове было распространено плетение кружев, в Скопине активно развивались гончарные промыслы [26. С. 35].

Можно утверждать, что крестьянское производство в Рязанской губернии было одной из форм «рассеянной мануфактуры», а сами кустари – наемными работниками. Их изделия пользовались большим спросом во всех центральных черноземных губерниях России. Немаловажную роль здесь играла дешевизна товаров: в начале XX в. они успешно конкурировали с фабричным отечественным и импортным производством.

Развитие мелкой кустарной промышленности не было отдельной темой для обсуждения Рязанского совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Однако главной проблемой региона оставался низкий уровень жизни производителей товаров – рязанских крестьян. Это было связано с тем, что основной доход от продажи изделий получали не работавшие в тяжелейших условиях кустари, а перекупщики и посредники. Выгодному сбыту товаров и повышению материального благосостояния крестьян препятствовали проблемы в сфере транспорта. Бездорожье являлось одним из важных факторов, тормозивших экономическое развитие Российской империи и Рязанского края. Современники утверждали, что «проезд по грунтовым дорогам был относительно благоприятным только зимой или в короткое бабье лето» [27. Л. 16].

Во второй половине XIX в. Российская империи переживала «бум железнодорожного строительства», существенно ускоривший экономическое развитие страны. Железнодорожные пути являлись главными транспортными артериями Рязанского края, по ним шли основные потоки пассажиров и грузов. В очерке «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» указывается, что в 1890–1893 гг. на территории губернии появились новые железные дороги: Павелец – Михайлов – Москва, Рязань – Шилово и Сасово – Казань. Рязань превратилась в крупнейший транспортный пункт, через который от Москвы расходились ветки на Казань, Воронеж и Ростов. Особенно сильно модернизационные процессы были заметны в районах, непосредственно прилегавших к транспортным артериям, важное сельскохозяйственное значение имело строительство на станциях хлебных элеваторов и нефтехранилищ [28. С. 635].

Гласные Егорьевского (В.Ф. Эман, П.Н. Савелов), Рязанского (Н.И. Родзевич) и Сапожковского (А.Д. Мартынов) уездных комитетов активно обсуждали развитие отечественной транспортной промышленности. Основное содержание их проектов сводились к следующему: необходимость финансовой поддержки правительства для проведения масштабных ремонтных работ, передача всех дорог на местном уровне в ведение земства [9. С. 305]. Земский контроль региональных путей сообщения стал еще одним шагом на пути к расширению полномочий местных органов самоуправления.

Таким образом, мелкая кустарная промышленность была существенным денежным подспорьем для крестьян Рязанской губернии. Однако транспортные проблемы препятствовали выгодному сбыту произведенных товаров, ухудшая материальное положение сельских производителей.

Другой важной формой повышения материального благосостояния крестьян стали отхожие промыслы. В условиях растущих рыночных отношений сельские производители Рязанской губернии были вынуждены уходить из деревни на заработки. К началу XX в. человек, который по паспорту значился крестьянином, мог одновременно являться рабочим столичного завода или городским предпринимателем. Материалы «Первой всеобщей переписи населения Российской империи» свидетельствуют, что численность отходников увеличивалась из года в год: если с 1861 по 1870 г. они получили 744 тыс. паспортов, дающих право проживания за пределами своих общин, то в 1891–1900 гг. эта цифра составила уже 3,7 млн [29. С. 201]. К началу XX в. ежегодно около 32% мужского населения Российской империи уходило в отход. По этому показателю Рязанская губерния занимала первое место в стране. Отходничество играло важную роль у крестьян северных уездов. Больше всего – около 50% населения – уходило на заработки в Рязанском, Егорьевском, Спасском, Касимовском и Зарайском уездах. Меньше всего – 7–20% – в Данковском, Раненбургском, Ряжском и Сапожковском уездах [30. С. 103].

Отход в промышленные районы был связан, в первую очередь, с наймом на строительные работы, далее шли бондари, чернорабочие, домашняя прислуга и извозчики [31. С. 111]. Согласно сведениям «Доклада высочайше учрежденной комиссии для

исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России», крестьяне Рязанской губернии считались хорошими хлебопашцами и нередко нанимались на сельскохозяйственные работы к землевладельцам соседних губерний [19. С. 274].

Современники утверждали, что отхожие промыслы были тесно связаны с общинной системой хозяйствования. Коллективное землепользование помогало спасти разорившиеся дворы в период массовых уходов крестьян на заработки. Наличие совместных угодий не только давало землевладельцам возможность восстановить свои хозяйства, но и уберегало их от малоземелья, способствуя «постепенному прогрессу в культуре и технике» [32. Л. 5]. Согласно «Своду данных об экономическом положении крестьян Рязанской губернии», домохозяин разорившегося двора сдавал свой надел сельскому обществу, «заколачивал окна избы и уходил с женой на отхожий заработок, оставив малолетних детей у родных» [12. С. 28–30]. По возвращении на родину с небольшим капиталом, он получал от общины не только свой участок, но и дополнительный надел в случае увеличения количества членов семьи. Сторонники коллективного землепользования утверждали, что экономическая поддержка общины давала возможность крестьянину восстановить свое хозяйство, купить лошадь и корову. Они называли это «одним из немногих случаев положительного влияния общины на крестьянское хозяйство» [30. С. 102].

Рязанский, Сапожковский, Данковский, Касимовский и Раненбургский уездные комитеты активно обсуждали проблемы крестьянского отходничества. Анализ «Трудов местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности» позволяет утверждать, что большинство гласных негативно оценивали уход крестьян на заработки из деревни в город. Так, еще в середине 70-х гг. XIX в. рязанский гласный К.М. Афанасьев отмечал, что «повальные отхожие промыслы приводили к нехватке рабочих рук в губернии». Крестьян привлекали быстрые заработки, которые невозможно было получить при занятии сельским хозяйством: «в отхожих промыслах крестьянин зарабатывает до 100 рублей в год» [24. С. 49]. К.М. Афанасьев утверждал, что «легкие деньги – прямой путь к бедности». Другой общественный деятель А.В. Селиванов связывал ухудшение эпидемиологической ситуации в регионе с распространением крестьянских отходов: «…болезнь особенно сильна в уездах Егорьевском, Касимовском и Спасском, где наиболее развиты отхожие промыслы» [12. С. 245].

Гласный Данковского комитета, известный земский деятель, депутат Государственной думы I и III созывов от Рязанской губернии князь Н.С. Волконский отмечал низкое качество труда крестьян-непрофессионалов и ненадежность заключенных с ними договоров. Он указывал на необходимость реформирования законодательства в этой сфере. Главной проблемой отхожих промыслов Н.С. Волконский считал изменение психологии крестьянина и ломку патриархальных отношений в деревне. Автор утверждал, что лица, заработавшие деньги в городе, не несли их в семью и хотели распоряжаться средствами по собственному усмотрению. Это порождало «разлад в крестьянской среде, когда главные добытчики уходили или начинали самостоятельно принимать решения, не считаясь со старшими членами семьи» [9. С. 327–328].

Негативное отношение к крестьянским отхожим промыслам демонстрировали гласные Раненбургского уездного комитета – А.Н. Ознобишин, И.А. Вечеслов, Н.Н. Шишкин, Н.Н. Кириллов, А.С. Путилов, Н.В. Ракитин. Они полагали, что «отхожие промыслы – это язва всех земледельческих хозяйств», являвшихся главной причиной «бедственного положения сельского хозяйства в регионе». Наряду с Н.С. Волконским авторы отмечали, что отход способствовал разорению крестьянских хозяйств, когда деньги не приносились в семью, а уходящему «предоставлялись средства на прожитие вперед до приискания занятий». Указывалось на изменение менталитета и «психологических устоев» крестьян, вернувшихся из города. Раненбургские гласные называли их «избалованными городской жизнью, изменившимися, нравственно развратившимися и относившимися с презрением к сельским работам» [9. С. 314].

Гласный Сапожковского уездного комитета Д.А. Бырдин охарактеризовал ушедших на заработки крестьян как «новое бродячее сословие – пролетариат» [9. С. 315]. Здесь мы первый и единственный раз сталкиваемся с обсуждением Комитетами «рабочего вопроса». Для населения Рязанской губернии он был менее актуален, чем для других жителей Центральной земледельческой области. Это было связано с тем, что устойчивые патриархальные традиции нередко тормозили модернизацию региона.

Гласный Сапожковского уездного комитета, Земский начальник IV участка, граф С.Н. Коновницын напрямую связывал изменение крестьянского менталитета с пьянством. «Статистико-экономические очерки областей, губерний и городов России» позволяют утверждать, что после 1861 г. объемы торговых оборотов спиртных напитков в Рязанской губернии резко возросли [33. С. 111]. Наряду с частными существовали государственные и кооперативные торговые заведения, специализировавшиеся на данном виде продукции [34. Л. 35–37 об.]. Считая пьянство главным фактором, подрывавшим крестьянские хозяйства, С.Н. Коновницын призывал признать борьбу с ним «государственным делом первой важности и законодательно уничтожать питейные обычаи» [9. С. 308].

Изменение крестьянского самосознания и соприкосновение с городской средой приводило к нежеланию работать и жить большой патриархальной семьей. Еще во второй половине XIX в. современников волновала проблема увеличения числа «прогульных дней» – времени, проведенного крестьянами без работы [35. Л. 3]. Данную проблему затрагивали российский общественный и политический деятель князь Д.И. Шаховской и русский помещик, чиновник Л.М. Муромцев. По мнению авторов, «праздники с последующими за ними прогульными днями составляли совершенное бедствие». Шаховской и Муромцев утверждали, что

количество потерянных дней даже в пересчете на самую низкую заработную плату давало «ужасающую цифру ежегодно потерянного труда, при которой немыслимо народное сбережение» [24. С. 118].

Стремление к самостоятельному хозяйствованию порождало проблему крестьянских разделов. Она негативно оценивалась гласными Рязанского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности и считалась «еще одним шагом к развитию малоземелья сельских производителей». Современники отмечали, что разделы встречались часто и повсеместно, «доходя до крайнего безобразия: был случай, что муж разделился с женою, перегородил избу и жили каждый на своей половине». Рязанские гласные указывали на большую роль мирового посредника в этом вопросе. По закону он не имел права противодействовать разделам, однако «нравственным влиянием» мог воздержать крестьян от разделов [9. С. 333].

Гласный Рязанского уездного комитета Н.И. Родзевич был единственный, кто с либеральных позиций рассматривал вопрос о разрушении патриархальной крестьянской семьи. Он утверждал, что следует «предоставить каждому члену семьи возможность искать судом права на отдельную жизнь и раздел». Родзевич подчеркивал необходимость делегирования данных полномочий судебным органам власти, исключив их из компетенции сельского схода и земского начальника [9. С. 324]. Видя в семейных разделах первый шаг к разрушению общины, автор предвосхитил основные положения аграрного аспекта Столыпинской реформы. В 1906 г. создание единоличных хозяйств двух типов – хуторов и отрубов – началось с межевания земли.

Таким образом, отхожие промыслы играли важную роль в жизни крестьян Рязанской губернии, позволяя им получать дополнительный доход. Особенно это было актуально в северных нечерноземных уездах, где земледелие не могло полностью обеспечивать сельских производителей. Однако большинство гласных Рязанского Комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности принадлежали к консервативному крылу местной общественности, считая отходников «самым нежелательным элементом в деревне» [9. С. 326]. По их мнению, уход из деревни рабочей силы уже сам по себе был отрицательным явлением. Для уменьшения оттока сельских производителей предлагалось повысить железнодорожный тариф на перевозку пассажиров, восстановить паспортные сборы, уменьшить поддержку крестьянского сословия правительством. Мнения по вопросу об отхожих промыслах, предложенные рязанскими гласными, носили резко консервативный характер, не способствуя решению данной проблемы в регионе.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что одной из главных задач в деятельности Рязанского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности стало улучшения экономического положения крестьянского сословия. Местные гласные планировали решить ее с помощью модернизации кредитно-финансовой, образовательной и производственной сферы.

Первостепенным в борьбе с крестьянской бедностью стало кредитование сельских производителей. Реформирование финансовой сферы рязанские гласные предполагали осуществить за счет средств правительства и руководящей роли земства в данном вопросе (Егорьевский уездный комитет). Главной целью создания дополнительных волостных структур стало выявления местной экономической специфики (Рязанский уездный комитет).

Рязанский комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности связывал решение ключевых сельскохозяйственных проблем в регионе с повышением образовательного уровня местного крестьянства. Уездными комитетами выдвигались положения о земском финансировании образовательных проектов, введении всеобщего доступного образования, развитии внеклассного обучения и создании передовых образцовых хозяйств.

Региональная политическая структура общества была неоднородной. Консервативные представители Раненбургского комитета выступали против развития крестьянского образования, разрушавшего патриархальный уклад сельской жизни – основу монархического строя Российской империи. Радикально настроенные гласные Данковского уезда выступали за создание бессословных высших учебных заведений. Особенностью модернизационной программы Егорьевского комитета явилось обращение к передовому опыту стран Западной Европы. Рязанские уездные гласные впервые выдвинули предложение о полной передаче всей образовательной системы в ведение местных земских органов самоуправления.

Мелкая кустарная промышленность и отхожие промыслы стали важным денежным подспорьем для крестьян Рязанской губернии. Почвенные особенности обусловили их распространение в северных неплодородных регионах, где земледелие неспособно было обеспечивать сельских производителей. Повышение материального благосостояния крестьян тормозили транспортные проблемы, препятствовавшие выгодному сбыту произведенных товаров. Их должны были решить финансовая поддержка правительства и земский контроль (Егорьевский, Рязанский, Сапожковский уездные комитеты).

Развитие рыночных отношений в регионе способствовало оттоку крестьян из деревни в город. Большинство рязанских гласных негативно оценивали уход на заработки сельских производителей. Первостепенными проблемами назывались изменение крестьянской психологии и ломка патриархальных отношений в деревне (Данковский, Раненбургский, Сапожковский уездные комитеты). Рязанские гласные напрямую связывали эти факторы с разорением, пьянством, прогулами, имущественными разделами, а также проблемным «рабочим вопросом» в крестьянской среде. Это характеризовало местную общественность с консервативной точки зрения и не способствовало решению проблемы отхожих промыслов в регионе.

Таким образом, ключевыми аспектами деятельности Рязанского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности в контексте улучшения эконо-

мического положения местных крестьян стало кредитование сельских производителей, повышение их образовательного уровня, развитие мелкой кустарной промышленности и решение транспортных проблем. Главными требованиями Рязанского комитета для решения этих вопросов стали финансовая помощь правительства и земский контроль, что явилось наглядным примером эволюции полномочий местных органов самоуправления и вовлечения их в хозяйственно-экономический и образовательный процесс региона. Эти проекты во многом предвосхитили реформы последующего десятилетия в Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толмачев М.Ф. Крестьянский вопрос по взглядам земства и местных людей. М. : Типо-литогр. Товарищества «Н.И. Кушнерев и Ко», 1903. 171 с.
2. Билимович А.Д. Крестьянский правопорядок: по трудам местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: доклад, прочитанный в собрании Киевского юридического общества 6 ноября 1904 г. Киев : Тип. Имп. ун-та Св. Владимира, 1904. 60 с.
3. Общий обзор трудов местных комитетов / сост. С.И. Шидловский. Спб. : Тип. В.Ф. Киршбаума, 1905. 239 с.
4. Всеподданнейший отчет по Особому совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности: 1902–1904. СПб. : Б. и. 84 с.
5. Русский календарь на 1901 г. : справочный ежегодный журнал / изд. А. Суворин. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1901. 1113 с.
6. Янсон Ю.Э. Сравнительная статистика России и западно-европейских государств : в 2 т. Т. 1. Территория и население. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1878. 395 с.
7. Статистический временник Российской Империи. Сер II, вып. 21. Движение населения в Европейской России за 1882 год / изд. Центр. стат. ком. МВД. СПб., 1887. 427 с.
8. Статистика поземельной собственности и населенных мест европейской России. Вып. 1. Губернии Центральной земледельческой области. СПб. : Изд. Центр. Стат. комитета, 1880. 38 с.
9. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. XXXIV. Рязанская губерния. СПб. : Тип. Т-ва «Народная Польза», 1903. 662 с.
10. Рязанская губернская земская управа. Оценочно-статистическое отделение. Сельскохозяйственный обзор Рязанской губернии за 1904/5 год : в 2 вып. Рязань : Тип. Н.В. Любомудрова, 1907. Вып. 2. 146 с.
11. Сборник Рязанского губернского статистического комитета. Рязань : Тип. губ. правл., 1900. 456 с.
12. Свод данных об экономическом положении крестьян Рязанской губернии / сост. А. Селиванов. Рязань : Типо-литогр. Н.Д. Малашкина, 1892. 240 с.
13. Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России 1881–1904. М. : Наука, 1980. 241 с.
14. Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М. : Наука, 1987. 255 с.
15. Щербакова И.К. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности и редакционная комиссия Министерства внутренних дел как альтернативные центры обсуждения крестьянского вопроса в начале XX в. : 1902–1905 гг. : дис. … канд. ист. наук. М., 2003. 282 с.
16. Колесов Н.Б. Вопрос о формах землевладения крестьян в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902 – 1905 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Владимир, 2000. 195 с.
17. Самолетов И.Д. Аграрный вопрос в деятельности Ярославских комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 1, № 1. С. 44–46.
18. Миронов Б.Н. Политика Versus истина: Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902–1905 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2008. № 1. С. 8–31.
19. Лебедев В.Д. Местные комитеты Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1904 гг.) // Отечественная история. 2001. № 5. С. 58–69.
20. Костылева Е.Н. Проблемы расширения крестьянского земельного фонда в трудах Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (по материалам Рязанской губернии) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 147–154.
21. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1361.
22. Лего П.Н. Доклад членов Рязанского отделения Крестьянского поземельного банка по выбору от земства / П. Н. Лего, С. С. Сотников // XVI очередное Рязанское губернское земское собрание, 7–19 декабря 1890 г. Рязань : Тип. М. С. Орловой, 1891. С. 261–265.
23. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 5. Оп. 2. Д. 2088.
24. Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Стенографические ответы лиц, приглашенных в комиссию. СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1873. 474 с.
25. Петр Аркадьевич Столыпин : энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2011. 735 с.
26. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генеральн. Штаба : в 17 т. Т. 6, ч. 3. Рязанская губерния. СПб. : Тип. Департамента Генерального Штаба, 1848. 154 с.
27. ГАРО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 2075.
28. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей : в 19 т. Т. 2. Среднерусская черноземная область : с 123 политипажами, 25 диаграммами, картограммами, схематич. профилями, 1 большой справочной и 10 малыми картами / сост. В.П. Семенов. СПб., 1902. 897 с.
29. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. : в 89 т. Т. 35. Рязанская губерния / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб. : Тип. МВД, 1904. 259 с.
30. История одной губернии : очерки истории Рязанского края 1778–2007 гг. / под ред. П.В. Акульшина. Рязань : ГУ – изд. Пресса, 2007. 450 с.
31. Рязанская энциклопедия / под. ред. В.Н. Федоткина. Рязань, 1995. 687 с.
32. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 593. Оп. 1. Д. 35.
33. Статистико-экономические очерки областей, губерний и городов России. Т. 1. Статистико-экономический отдел. Киев : Книгоизд-во Т-ва Л.М. Фиш, 1913. 247 с.
34. ГАРО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 2102.
35. РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 28.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 августа 2019 г.

The Problems of Improving the Peasants' Economic Status in Ryazan Province in the Proceedings of the Special Conference on the Needs of the Agricultural Industry (1902–1903)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 123–132.
DOI: 10.17223/15617793/457/15

Elena N. Kostyleva, Ryazan Institute (Branch) of Moscow Polytechnic University (Ryazan, Russian Federation). E-mail: lena-kostyleva@yandex.ru

Keywords: Special Conference on the Needs of the Agricultural Industry; Ryazan Province.

The article focuses on the problems of improving the economic status of peasants in Ryazan Province at the beginning of the 20th century. It is demonstrated that the local Committee on the Needs of the Agricultural Industry planned to solve them by modernizing the credit and financial, educational, and industrial spheres. The historiographic materials confirm that the main document for studying the functioning of the Special Conference on the Needs of the Agricultural Industry in Ryazan Province is *Trudy Mestnykh Komitetov o Nuzhdakh Sel'skokhozyaystvennoy Promyshlennosti* [Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry]; the Committee functioned at the provincial and district levels. The analysis shows that lending to farmers became paramount in the fight against peasant poverty. The reform of the financial sphere was supposed to be financed by the government with the leading role of the zemstvo in this matter (Yegoryevsky Committee). The Ryazan Committee on the Needs of the Agricultural Industry linked the solution of key agricultural problems in the region with an increase in the educational level of the local peasants. The common points in the proposals of the local committees were that the county councils (zemstvos) financed educational projects, that general education was introduced, out-of-school activities were developed, and advanced farms were created. The regional political structure of society at the time was not homogeneous and consisted of conservative (Ranenburgsky Committee), radical (Dankovsky and Yegoryevsky Committees) and liberal (Ryazan Committee) groups. The local small-scale handicraft industry and seasonal work became an important financial aid for the peasants of Ryazan Province. The analysis of the materials of the central and local archives demonstrates that the features of the soil promoted the extension of handicraft industry and seasonal work to the northern infertile regions, but transport problems prevented the profitable sale of goods (Yegoryevsky, Ryazan, Sapozhkovsky Committees). The facts of the agrarian statistics show that the development of market relations in the region contributed to the outflow of peasants from the countryside to the city. The majority of Ryazan commons negatively assessed farmers' seasonal work, they registered changes in peasant psychology and a breakdown of patriarchal relations in the countryside (Dankovsky, Ranenburgsky, Sapozhkovsky Committees). This characterized the local community as conservative and did not contribute to the solution of the problem of seasonal work in the region. The author comes to the conclusion that financial assistance from the government and the county council's control became the key proposals of the Ryazan Committee on the Needs of the Agricultural Industry in improving the economic situation of peasants. The projects of the Ryazan Committee anticipated the reforms of the following decade.

REFERENCES

1. Tolmachev, M.F. (1903) *Krest'yanskiy vopros po vzglyadam zemstva i mestnykh lyudey* [The peasant question according to the views of the zemstvo and local people]. Moscow: Tipo-litogr. Tovarishchestva "N.I. Kushnerev i Ko".
2. Bilimovich, A.D. (1904) *Krest'yanskiy pravoporyadok: po trudam mestnykh komitetov o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti: doklad, prochitannyy v sobranii Kievskogo yuridicheskogo obshchestva 6 noyabrya 1904 g.* [Peasant Law and Order: On the works of local committees on the needs of the agricultural industry: a report read at the meeting of the Kiev Law Society on 6 November 1904]. Kiev: Tipogafiya Imperatorskogo universitet Sv. Vladimira.
3. Shidlovskiy, S.I. (ed.) (1905) *Obshchiy obzor trudov mestnykh komitetov* [General Overview of the Works of Local Committees]. Saint Petersburg: Tip. V.F. Kirshbauma.
4. Anon. (1904) *Vsepoddanneyshiy otchet po Osobomu soveshchaniyu o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti: 1902–1904* [Most Humble Report on the Special Meeting on the Needs of the Agricultural Industry: 1902–1904]. Saint Petersburg: [s.n.].
5. Suvorin, A.S. (ed.) (1901) *Russkiy kalendar' na 1901 g.: spravochnyy ezhegodnyy zhurnal* [Russian Calendar for 1901: Reference annual journal]. Saint Petersburg: Tip. A.S. Suvorina.
6. Yanson, Yu.E. (1878) *Sravnitel'naya statistika Rossii i zapadno-evropeyskikh gosudarstv* [Comparative Statistics of Russia and Western European States]. Vol. 1. Saint Petersburg: Tip. M. Stasyulevicha.
7. Central Statistical Committee of Home Affairs Ministry of the Russian Empire. (1887) *Statisticheskiy vremennik Rossiyskoy Imperii* [Statistical Time Book of the Russian Empire]. 21 (2). Saint Petersburg: Izd. Tsentr. Stat. kom. MVD.
8. Central Statistical Committee of Home Affairs Ministry of the Russian Empire. (1880) *Statistika pozemel'noy sobstvennosti i naselennykh mest evropeyskoy Rossii* [Statistics of Land Ownership and Populated Areas of European Russia]. 1. Saint Petersburg: Izd. Tsentr. Stat. komiteta MVD.
9. Anon. (1903) *Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti* [Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry]. 34. Saint Petersburg: Tip. T-va "Narodnaya Pol'za".
10. Ryazan Provincial Zemstvo Board. Statistical Reporting Department. (1907) *Sel'skokhozyaystvennyy obzor Ryazanskoy gubernii za 1904/5 god* [Agricultural survey of Ryazan Province for year 1904/5]. 2. Ryazan: Tip. N.V. Lyubomudrova.
11. Ryazan Provincial Zemstvo Council. Statistical Department. (1900) *Sbornik Ryazanskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta* [Collection of the Ryazan Provincial Statistical Committee]. Ryazan: Tip. gub. pravl.
12. Selivanov, A. (1892) *Svod dannykh ob ekonomicheskom polozhenii krest'yan Ryazanskoy gubernii* [A Set of Data on the Economic Situation of the Peasants of the Ryazan Province]. Ryazan: Tipo-litogr. N.D. Malashkina.
13. Anfimov, A.M. (1980) *Krest'yanskoe khozyaystvo Evropeyskoy Rossii 1881–1904* [Peasant economy of European Russia in 1881–1904]. Moscow: Nauka.
14. Simonova, M.S. (1987) *Krizis agrarnoy politiki tsarizma nakanune pervoy rossiyskoy revolyutsii* [The Crisis of the Agrarian Policy of Tsarism on the Verge of the First Russian Revolution]. Moscow: Nauka.
15. Shcherbakova, I.K. (2003) *Osoboe soveshchanie o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti i redaktsionnaya komissiya Ministerstva vnutrennikh del kak al'ternativnye tsentry obsuzhdeniya krest'yanskogo voprosa v nachale XX v.: 1902–1905 gg*. [A Special Meeting on the Needs of the Agricultural Industry and the Editorial Commission of the Ministry of Internal Affairs as Alternative Centers for Discussing the Peasant Issue at the Beginning of the 20th Century: 1902–1905]. History Cand. Diss. Moscow.
16. Kolesov, N.B. (2000) *Vopros o formakh zemlevladeniya krest'yan v Osobom soveshchanii o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti (1902 –1905 gg.)* [The Question of the Forms of Land Tenure by Peasants in the Special Meeting on the Needs of the Agricultural Industry (1902–1905)]. History Cand. Diss. Vladimir.
17. Samoletov, I.D. (2012) The agrarian matter in the work of Yaroslavl committees of the special council about needs of the agricultural industry. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 1 (1). pp. 44–46. (In Russian).
18. Mironov, B.N. (2008) Policy versus truth: the special commission on the needs of agriculture, 1902–1905. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya – Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 1. pp. 8–31. (In Russian).
19. Lebedev, V.D. (2001) Mestnye komitety Osobogo soveshchaniya o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti (1902–1904 gg.) [Local Committees of the Special Council on the Needs of the Agricultural Industry (1902–1904)]. *Otechestvennaya istoriya*. 5. pp. 58–69.
20. Kostyleva, E.N. (2019) Problems of the expanding of peasant land resources in the works of the Special Council on the Needs of the Agricultural Industry (based on the materials of Ryazan Province). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 439. pp. 147–154. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/439/19
21. State Archive of Russian Federation (GARF). Fund 555. List 1. File 1361. (In Russian).

22. Lego, P.N. & Sotnikov, S.S. (1891) Doklad chlenov Ryazanskogo otdeleniya Krest'yanskogo pozemel'nogo banka po vyboru ot zemstva [Report of the members of the Ryazan branch of the Peasants' Land Bank at the choice of the zemstvo]. *XVI ocherednoe Ryazanskoe gubernskoe zemskoe sobranie* [15th Regular Ryazan Provincial Zemstvo Assembly]. 7–19 December 1890. Ryazan: Tip. M. S. Orlovoy. pp. 261–265.
23. State Archive of Ryazan Oblast (GARO). Fund 5. List 2. File 2088. (In Russian).
24. Anon. (1873) *Doklad vysochayshe uchrezhdennoy komissii dlya issledovaniya nyneshnego polozheniya sel'skogo khozyaystva i sel'skoy proizvoditel'nosti v Rossii. Stenograficheskie otvety lits, priglashennykh v komissiyu* [Report of the Highest Established Commission to Investigate the Current State of Agriculture and Rural Productivity in Russia. Stenographic Answers of Persons Invited to the Commission]. Saint Petersburg: Tip. T-va "Obshchestvennaya pol'za".
25. Shelokhaev, V.V. (ed.) (2011) *Petr Arkad'evich Stolypin: entsiklopediya* [Petr Arkadievich Stolypin: encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN.
26. Anon. (1848) *Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiyskoy imperii, izdavaemoe po Vysochayshemu poveleniyu pri 1-m otdelenii Departamenta General'n. Shtaba* [Military-Statistical Review of the Russian Empire, Published by the Imperial Command at the 1st Department of the Department of General. Staff]. Vol. 6. Part 3. Saint Petersburg: Tip. Departamenta General'nogo Shtaba.
27. State Archive of Ryazan Oblast (GARO). Fund 5. List 2. File 2075. (In Russian).
28. Semenov, V.P. (ed.) (1902) *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudey* [Russia. Full geographical description of our fatherland. Handbook and road book for Russian people]. Vol. 2. Saint Petersburg: A.F. Devrien.
29. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g.* [The First General Census of the Population of the Russian Empire]. Vol. 35. Saint Petersburg: Tip. MVD.
30. Akul'shin, P.V. (ed.) (2007) *Istoriya odnoy gubernii: ocherki istorii Ryazanskogo kraya 1778–2007 gg.* [The History of One Province: Essays on the history of the Ryazan region in 1778–2007]. Ryazan: GU – izd. Pressa.
31. Fedotkin, V.N. (1995) *Ryazanskaya entsiklopediya* [Ryazan Encyclopedia]. Ryazan: Tovarishchestvo "Ryazanskaya entsiklopediya".
32. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 593. List 1. File 35. (In Russian).
33. Anon. (1913) *Statistiko-ekonomicheskie ocherki oblastey, guberniy i gorodov Rossii* [Statistical and Economic Essays of Regions, Provinces and Cities of Russia]. Vol. 1. Kiev: Knigoizd-vo T-va L.M. Fish.
34. State Archive of Ryazan Oblast (GARO). Fund 5. List 2. File 2102. (In Russian).
35. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 593. List 1. File 28. (In Russian).

Received: 30 August 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 133–140. DOI: 10.17223/15617793/457/16

УДК 94(47).083

Н.А. Портнягина, Д.И. Портнягин

КАДЕТЫ И БРИТАНСКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ В РОССИИ: ДВА ВЗГЛЯДА НА РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОР В 1905–1907 гг.

Сравниваются взгляды дипломатических представителей Великобритании в России и кадетов на террор в период Первой русской революции. На основании неопубликованных архивных материалов авторы показывают причины и особенности формирования крайне негативной оценки революционного террора британскими дипломатами, которая разительно отличалась от подхода к проблеме членов партии конституционных демократов, отказывавшихся осудить акты насилия против представителей власти.

Ключевые слова: революционный террор; террористические акты; британские дипломаты; революция 1905–1907 гг.; кадеты; I и II Государственные думы; А. Николсон.

С конца 1980-х гг. в отечественной историографии появилось значительное количество работ, посвящённых революционному террору в России конца XIX – начала XX в., которому в советский период внимания практически не уделялось. Сейчас достаточно хорошо изучены причины появления террора в русском освободительном движении и его идеология [1], история боевой организации эсеров [2–4], особенности террора в различных областях Российской империи [5–7], борьба с террором охранных отделений [8–10]. Рассмотрен террор и в информационно-семиотическом контексте [11], показано его влияние на выборы в I и II Государственные думы [12]. В последнее время появляются статьи и защищаются диссертации, освещающие наименее разработанную в историографии проблему восприятия террора российским обществом [13–16]. К наиболее значительным зарубежным исследованиям истории террора в России относятся труды англоязычных историков, прежде всего фундаментальная работа А. Гейфман, в которой автор, используя широкий круг источников, впервые в историографии показала масштаб и место революционного террора в общественно-полити-ческой жизни Российской империи конца XIX – начала XX в. [17]. Однако изучение революционного террора далеко от завершения. Многие аспекты ещё не исследованы или изучены достаточно слабо. Так, проблема восприятия британскими дипломатами революционного террора в России в период первой революции никогда не становилась предметом специального исследования. Известно, что британская либеральная пресса приветствовала русскую революцию, связывая с ней надежду на изменение политического режима в стране, поэтому террор она не осуждала. Однако британские журналисты зачастую поверхностно судили о ситуации в России, между тем как дипломаты были о ней хорошо осведомлены. В этой связи возникает ряд вопросов: как представители британского дипломатического корпуса оценивали террор, какие обстоятельства влияли на эту оценку, отличались ли их суждения о терроре от взгляда на эту проблему журналистов? Большой научный интерес, на наш взгляд, представляет сопоставление позиции британских дипломатов по отношению к террору и взглядов на эту проблему левых либералов России – кадетов, для которых британский конституционный порядок был образцом для подражания. Данная статья представляет собой первую попытку подобного сравнения. Источниками для нашего исследования стали материалы, отложившиеся в Британском национальном архиве, а также периодическая печать того времени.

Одной из основных форм борьбы революционеров с властью в 1905–1907 гг. стал террор. К ней прибегали как эсеры, так и социал-демократы, поэтому в этот период террор буквально захлестнул страну. Так, число террористических актов только в 1907 г., по статистике департамента полиции, составило 3 487 [2. С. 129]. Террористические атаки революционеров были направлены, прежде всего, против представителей власти и правых общественных деятелей. Этот метод революционеры применили и для оказания влияния на выборы в I и II Государственные думы [12]. Террор стал обыденным фоном жизни российского общества в период революции, в террористов играли даже дети. Один из информаторов британского посла А. Николсона, почётный президент нескольких русских гимназий, с удивлением рассказывал ему, что мальчики 14–15 лет писали письма, в которых требовали смерти друг друга. Посол справедливо заметил на это, что «в виду того, что многие преступления совершаются молодёжью, подобные угрозы нельзя считать безвредными юношескими глупостями» [18. P. 1]. Действительно, по данным А. Гейфман, около 22% всех террористов-эсеров относились к возрастной группе от 15 до 19 лет, а 45% – от 20 до 24. В Белостоке в 1905 г. был создан боевой отряд школьников – членов эсеровской партии. Больше всего несовершеннолетних молодых людей до 14 лет встречалось среди анархистов [17. С. 240–241].

Невероятный размах террора в империи был связан с тем, что значительная часть общественности не осуждала его. Негативное по отношению к террору общественное мнение формировала лишь правая и праволиберальная, октябристская, пресса [15. С. 191–200]. Левые либералы и их пресса полагали тогда, что ради достижения власти можно использовать любые средства, включая сотрудничество с левыми партиями. Этой тактики левые либералы придерживались в течение всей революции, именно она не позволила им осудить террор. В конце 1905 г. кадеты пришли к выводу, что сейчас «не время борьбы с крайними партиями. Кто хочет бороться с революцией, тот должен

выйти из партии» и из политической жизни [19. С. 44]. Летом 1906 г. они придерживались той же позиции: «…теперь наступает момент решительной схватки народа с правительством… Прежде с левыми нельзя было вести переговоров. Теперь они многому научились… Мы не сочувствуем их тактике. А результатами пользуемся и поджигаем» [19. С. 111]. Правда, многие кадеты, по-видимому, все же сочувствовали террористической тактике левых. Когда на 3-м съезде кадетской партии стало известно о покушении на жизнь адмирала Ф.В. Дубасова, раздались аплодисменты. «Догадавшись о некорректности такого выражения чувств, председательствовавший в это время съездом Винавер объявил, что аплодисменты – во время перерыва» [20. С. 357].

В I и II Государственных думах проблема террора вызвала ожесточенные дискуссии. Еще до открытия I Думы на 2-м съезде кадетской партии Ф.Ф. Кокошкин в докладе «О тактике в I Государственной Думе» предложил бороться в парламенте за полную политическую амнистию [21. С. 75–76], распространяющуюся и на террористов. На 3-м съезде кадеты приняли соответствующее постановление [21. С. 249]. В I Думе их фракция, опираясь на трудовую группу, отклонила предложение правых либералов осудить террор. Террористы в речах парламентариев-кадетов представали героями, совершившими наивысший подвиг, отдав жизнь «за други своя» [16. С. 32]. Перед открытием II Думы ЦК партии кадетов за небольшим исключением также проголосовал за невозможность осуждения террора в Думе по политическим соображениям [19. С. 176–177]. Заявление о порицании революционного террора, которые правые депутаты внесли на рассмотрение Думы, кадетская фракция расценила как провокацию, как желание правых добиться роспуска Думы и отказалась его поддержать [22].

Позиция партии в отношении террора нашла отражение и в её печати. Так, газета «Речь» в период революции на своих страницах поместила немного статей о терроре. Теракты против государственных служащих газета оставляла без комментариев. Она критиковала, в основном, насилие и произвол правительства по отношению к населению, которые называла «правым террором». В особой рубрике «Репрессии» печатались сведения о неправомерных, с точки зрения публицистов, действиях власти, например, такие: «Чернигов, 28 февраля 1906 г. Покушавшийся на жизнь нежинского исправника и помощника начальника жандармского управления бывший гимназист Гелецкий приговорен на пять лет и 4 месяца к каторжным работам» [23]. Террористов газета изображала героями, хотя политические убийства всегда называла «ужасным социальным злом, развращающим правосознание народа», положить конец которому может лишь амнистия [24].

В мае 1906 г. в «Речи» вышла большая программная статья Н.А. Гредескула, выражавшая отношение кадетов к террору. Автор заявлял, что партия будет оценивать террор не с нравственных, но исключительно с политических позиций. Виновником террора в России объявлялась власть, а революционный террор – лишь ответом на террор справа: «Перед нами – справа – такие насильники и террористы, перед которыми совершенно бледнеют все левые террористы». В статье давалась единственно возможная, с точки зрения кадетов, рекомендация по прекращению террора: «Мы пришли, чтобы от имени народа сказать: политическое положение страны требует... полного прощения тех, кто прибегал к насилию слева; полного удаления тех, кто прибегал к насилию справа» [25. С. 1–2]. Таким образом кадеты в период революции 1905–1907 гг. не только не осудили террор, но, по существу, способствовали его эскалации, что существенным образом затрудняло превращение политического строя России в конституционную монархию английского типа, о котором мечтали кадеты.

Пристальными наблюдателями за политической ситуацией в России в период революции 1905–1907 гг. были британские дипломаты. В 1904–1906 гг. британским послом в России был Ч. Хардинг. Именно он дал первые оценки начавшейся в России революции. В мае 1906 г. его сменил А. Николсон, которого связывали с Ч. Хардингом дружеские отношения [26. P. 206]. Перед британской дипломатией в этот период стояла важная задача заключения соглашения с Россией, сторонниками которого были министр иностранных дел Великобритании Э. Грей и Ч. Хардинг. А. Николсон ещё в 1886 г., будучи послом в Персии, высказывался за заключение такого соглашения как за идеальное решение проблем двух стран в Персии. Тогда эта идея не нашла поддержки [27. P. 526–527]. Теперь решение этой задачи затрудняла как начавшаяся в России революция, так и негативное в отношении царского режима общественное мнение Великобритании [28. P. 48]. Британские элиты воспринимали Россию как «варварское, авторитарное государство, отрицающее все свободы для своих подданных и использующие наиболее жестокие методы подавления свободы слова и мысли» [26. P. 207]. Пресса Великобритании резко отреагировала на роспуск I Государственной думы, что вызвало большое раздражение у русских властей. Это значительно осложнило задачу нового посла. 6 августа 1906 г. он записал в дневнике: «Два месяца назад были все надежды, а теперь их очень мало. Когда я заметил Извольскому, что хотел бы иметь его общий взгляд на Персию, он посмотрел пусто и ответил, что вообще не имеет никаких взглядов по этому вопросу» [29]. Прибыв в Россию в очень непростой период, А. Николсон должен был быстро разобраться в политической ситуации новой для него страны, чтобы решить главную задачу – подписание соглашения между двумя странами.

Британские дипломаты испытывали в это время в России большие трудности. Дипломатический корпус был небольшим, и его члены не имели возможности сами добывать информацию о состоянии дел в провинции. Чтобы решить проблему сбора информации о стране, была перестроена организация консульской службы. Ещё Ч. Хардинг обязал консулов лично предоставлять отчёты об общественно-политической ситуации в России [28. P. 108]. Несмотря на то, что консулы не были профессиональными дипломатами, они с энтузиазмом откликнулись на запрос. Наиболее подробные доклады присылали генеральный консул в

Варшаве А. Мюррей, консул в Москве М. Гроув и консул в Риге А. Вудхауз [28. P. 109].

Неоценимую помощь в первое время А. Николсону оказали эксперты по России. Одним из таких экспертов стал корреспондент «Дейли телеграф», выдающийся лингвист Э.Дж. Диллон. С 1889 г. он писал статьи о России для британских журналов. Вторым экспертом, услугами которого пользовался А. Николсон, был Б. Парес, один из основоположников британских академических штудий о России. Он имел много друзей среди русских либералов [27. P. 530]. Кроме того, новому послу очень помог его личный друг, корреспондент газеты «Таймс» Д.М. Уоллес. Первый раз Д.М. Уоллес приехал в Россию еще в 1870 г. Он долго жил здесь, прекрасно знал русский язык, русскую историю и литературу, был знаком с Николаем II. О России журналист написал книгу, которая выдержала в Великобритании несколько изданий [30]. По приглашению А. Николсона с июля 1906 г. Д.М. Уоллес семь месяцев находился в посольстве, помогая своему другу знакомиться с новой для него страной. Информацию он получал из источников, обычно закрытых для дипломатов [26. P. 212].

По своим взглядам А. Николсон был «британским либералом», и его симпатии изначально были на стороне Думы [26. P. 224]. Однако, изучив социально-политическую обстановку в России, он пересмотрел свои взгляды в отношении русского парламента и либеральных партий. О кадетах он писал Э. Грею в январе 1907 г.: «…они более доктринёры, чем практики… Они любят дискутировать по абстрактным политически теориям, а не заниматься решением неотложных дел» [31. P. 1–2]. Безусловно, большое влияние на формирование взглядов А. Николсона о России оказал и Д.М. Уоллес, считавший, что «Россия может быть реформирована только постепенно и сверху» [26. P. 224]. Однако нельзя забывать, что первоочередной задачей А. Николсона, как справедливо пишет К. Нейлсон, было подписание соглашения между двумя странами. Для успешного завершения этой миссии необходима была умеренная Дума и завершение революции. Реформы П.А. Столыпина, по мнению А. Николсона, могли бы не только справиться с революцией, но и создать предпосылки для успешного завершения переговоров по соглашению [27. P. 534]. Именно этот фактор во многом предопределил отношение нового посла к событиям в России в 1906–1907 гг. в целом и к террору в частности.

Террор, ставший серьёзным политическим фактором жизни революционной России, затронул и дипломатов. Их жизни, как и жизни российских подданных, подвергались опасности. Так, возле квартиры британского Генерального консула в Варшаве А. Мюррея в июле 1906 г. дважды были совершены теракты. Первый раз террористы покушались на жизнь генерала – председателя военно-полевого суда, который приговорил семерых революционеров к расстрелу. Имена участников военно-полевых судов держались тогда в строгой тайне, но все же они нередко становились известными террористам, главным образом, через нижние чины, переписывавших бумаги, конвоировавших осужденных и т.д. [32. С. 39]. Генерал был тяжело ранен, а его жена убита. Второй теракт произошёл прямо под окнами квартиры консула во время его ланча, был убит рабочий. А. Мюррей писал: «Если бы я в обычное время вернулся на ланч, я мог бы легко получить выстрел…» [33. P. 2–3]. 17 сентября 1906 г. А. Мюррей сообщал министру иностранных дел Великобритании Э. Грею, что в связи с ожидаемыми в ближайшее время массовыми убийствами евреев в Варшаве социалисты открыто заявили о намерении убить консула, чтобы «спровоцировать иностранную интервенцию», причем всеобщая уверенность в том, что это действительно произойдет, была настолько велика, что многие работники дипслужбы покинули город. Мюррей, по его признанию, всегда скептически настроенный «относительно беспорядков, о которых заранее говорят», тем не менее, сообщал своему руководству, что в случае осуществления неблагоприятных прогнозов, «дубликаты ключей от консульского сейфа находятся в посольстве в Берлине» [34. P. 1]. Грей просил британского посла информировать об этих намерениях министра иностранных дел России и принять меры по защите генконсульства Его величества [35. P. 1]. Мюррей не был убит, а вот итальянский вице-консул М. Доллорсо был убит террористами в Бердянске летом 1907 г. [36. P. 4].

9 сентября 1906 г. в Баку было совершено покушение на британского вице-консула Л. Эркарта, бывшего одновременно и исполнительным директором нефтяных компаний в Баку. Он занимал твердую позицию в отношении склонных к насильственным действиям агитаторов, призывающих рабочих продолжать борьбу против предпринимателей [37. P. 1–2]. Эркарт получал угрожающие письма и, наконец, вечером 9 сентября на одной из главных улиц Баку террорист шесть раз выстрелил в него. Однако вице-консул практически не пострадал и даже пытался догнать стрелявшего [38. P. 1]. Подобные угрозы получал и вице-консул Британии в г. Кутаиси в сентябре 1906 г. [39. P. 1]. От террора пострадали и многие британские специалисты, работавшие в это время в России. Например, в октябре 1906 г. рабочий, социалист-анархист В. И. Корнеев убил техника Шеридана, сотрудника «Nevsky Thread Mill» в Петербурге [40. P. 1]. Не случайно, когда 28 мая 1906 г. новый посол Британии в России А. Николсон прибыл в страну, он обнаружил, что «британские корреспонденты, члены британской колонии могли говорить только об убийствах, поджогах и грабежах» [26. P. 211].

Британские дипломаты вполне ясно понимали размеры такого бедствия, как террор. Так, консул в Риге А. Вудхауз сообщал Э. Грею: «…недавно я еще полагал, что оценки, которые даются газетами, должно быть, слишком преувеличены и что терроризм, столь живо описанный корреспондентами прессы, существует только в их богатом воображении, но я дал себе обязательство провести персональное расследование того, что действительно имело место в сельских районах. С этой целью я в течение последних нескольких недель посетил сельскую местность в Ливонии и Курляндии. То, что я увидел и извлек из источников, на которые можно положиться, подтверждают все, что я читал в газетах» [41. P. 1].

Таким образом, террор стал сквозной темой в донесениях британских дипломатов. Консулы подробно писали о многочисленных терактах в провинции России. Наиболее подробные донесения принадлежали генеральному консулу в Варшаве А. Мюррею. 16 августа 1906 г. он даже отослал послу в Петербург таблицу террористических актов в отношении полиции и армии за один день, 15 августа 1906 г., в Польше. Он называл этот день «ужасным, с точки зрения беспрецедентного числа убитых полицейских», всего же в этот день от терактов в Польше, по его подсчетам, пострадали более 200 человек [42. P. 1]. По наблюдениям А. Мюррея, из-за террора число полицейских в Польше значительно сократилось, часть из них были убиты, другие покидали службу из-за страха быть убитыми. В полиции остался один костяк, причем каждый полицейский требовал себе обязательную охрану из двух и более солдат. Жертвами террористов, с точки зрения консула, становились либо те, кто передавал информацию полиции, либо те, кто отказывался присоединяться к забастовкам [33. P. 1].

Консул в Риге А. Вудхауз писал Э. Грею о размахе террора в Балтийских провинциях в конце 1906 г.: «Терроризм опять поднимается в Балтийских провинциях, грабежи и убийства ежедневно», «в городах, особенно в Риге, жители живут в постоянной тревоге, бизнесмены в растерянности относительно того, что делать, в виду растущей небезопасности жизни и собственности», в сельской местности «терроризм распространяется в каждое село и деревушку». По его наблюдениям, население провинции настолько запугано, что его сотрудничество с властью с целью обуздания терроризма исключено [41. P. 1].

Дипломаты отмечали изменившийся характер террора, который левые партии в процессе революции практически перестали контролировать. Часто к террору прибегали не революционеры, а уголовники. «Грабители считают выгодным грабить под предлогом сбора средств на революционные цели, личная месть происходит под вывеской политического убийства», – писал генеральный консул Смит Э. Грею из Одессы [43. P. 1]. А. Вудхауз отмечал, что если в Прибалтике в 1905 г. террор был направлен исключительно против знати, то сейчас против любого, у кого есть, что терять, но в особенности, против тех «кто год назад отказался присоединиться к революционной партии» [41. P. 1]. Эти наблюдения вполне соответствовали действительности. Боевая организация эсеров не была их единственным террористическим образованием в период революции. Эсеры имели множество летучих боевых отрядов и дружин, которые действовали или по приказу местных комитетов партии эсеров, или по собственной инициативе. Если Боевая организация эсеров специализировалась на политических убийствах, то эсеры в провинции занимались и экономическим террором: грабили государственные учреждения и частных лиц. К тому же от партии эсеров в начале 1906 г. отделились эсеры-максималисты, превратившие террор в массовые убийства [17. С. 84, 106]. Да и ЦК социал-демократической партии плохо контролировал своих боевиков.

Террор и террористы в донесениях дипломатов описывались всегда отрицательно: террор как преступление и «ужасный акт» [44. P. 1], террористы как «мошенники» [45. P. 1], «банды подлецов» [41. P. 1], «банды вооружённой молодёжи» [46. P. 1], «выглядят подлецами» [47. P. 1]. Консулу из Ростова-на-Дону террористы представлялись «небольшой группой людей, которые совершают свои дьявольские дела с безнаказанностью, связанной с малодушием, трусостью и инерцией людей, которые проклинают их открыто, но не рискуют своей жизнью, чтобы помочь полиции» [47. P. 1]. В связи с терактом на Аптекарском острове посол А. Николсон размышлял о причинах террора в России. По его мнению, террор являлся, во-первых, средством борьбы революционеров за власть: «Революционеры вообще не заботятся о конституциях, думах или реформах, их единственная цель, путем постоянного безжалостного террора и насилия, попытаться сделать любое управление невозможным и проложить путь к социалистической республике…» [44. P. 2]. А во-вторых, их местью власти, которая арестовывала комитеты революционеров, захватывала бомбы и динамит в Петербурге и Москве [44. P. 1–2].

Невероятный размах террора дипломаты связывали с мягкостью власти и приостановкой деятельности военно-полевых судов [48. P. 1; 49. P. 1]. Вице-консул в Керчи писал А. Николсону в частном письме по поводу приостановки действия военно-полевых судов в городе в начале 1907 г.: «…у нас есть мало оснований поздравлять себя с ликвидацией этих судов, которые держали криминальные элементы в узде, а мирных граждан касались только тогда, когда затрагивались газеты, бывшие в чёрных списках. В течение последних нескольких дней произошло около полудюжины ужасных страшных убийств в городе, целью которых был грабёж» [50. P. 1]. С точки зрения дипломатов, введение военного положения в тех или иных районах страны сдерживает террор и имеет «успокаивающий эффект» [37. P. 1]. Николсон не разделял мнения оппозиционных власти русских газет в отношении того, что в период работы I Думы число политических убийств сократилось. Он передавав в Лондон информацию «Нового времени», одной из самых популярных газет России, согласно которой за период подготовки I Думы и её первой сессии было убито 3 генерал-губернатора, 4 вице-губернатора, 2 полковника, комендант Севастополя и многие другие, а также данные других русских изданий, указывающих, что жертвами террора за этот период стал 1 421 человек [51. P. 1].

В росте террора в России после роспуска II Государственной думы дипломаты винили и саму нижнюю палату, которая не осудила террор [36. P. 4]. Николсон критиковал тактику партии кадетов в Думе, их отношение к правительству и террору. Он верно заметил, что кадеты не осудили террор, так как боялись порвать с левыми. Вместе с тем посол сомневался в возможности сотрудничества экстремистов с кадетами и в его выгоде для либералов. По его мнению, даже в случае осуществления подобного альянса кадеты не смогли бы «в какой-то момент отделить себя от радикалов и оставить поле за собой» [52. P. 1]. Сим-

патии дипломатов были на стороне более умеренных партий, которые выступали против насилия и пытались добиться необходимых реформ мирными законными средствами. Правда, некоторые из них, по ошибке, относили социал-демократов к партиям, пытавшимся «достичь своих целей мирными средствами и осуждающих насилия» [53. P. 1].

У британских дипломатов не вызывала сомнения необходимость со стороны правительства подавлять террористические атаки [36. P. 4]. Николсон писал министру иностранных дел Великобритании в сентябре 1906 г.: «Решительная политика со стороны правительства необходима. Военно-полевые суды – жестокая необходимость» [54. P. 1]. В большом докладе на имя Э. Грея, характеризуя внутреннюю ситуацию в России в 1906 г., он отмечал, что план П.А. Столыпина, направленный на одновременное подавление революционных беспорядков и осуществление реформ, представляется ему разумным и достигшим определенного успеха. «Не думаю, – писал посол, – что Столыпина можно порицать за те меры, которые он принял, он боролся с большим и все возрастающим злом, и, хотя военно-полевые суды являются скорыми и поэтому возможны ошибки, я не думаю, что они слишком превысили власть, данную им» [55. P. 1–2]. Послу импонировало, что премьер действовал против террора не только силой, но и реформами. 6 сентября 1906 г. А. Николсон был приглашён к П.А. Столыпину, который поделился с ним трудностями борьбы с террором и выразил уверенность, что с ним скоро будет покончено, так как его правительство подготовило программу реформ, в то время как I Думе таковой программы не предложили. Столыпин сказал тогда британскому послу: «Правительство готовится сохранить порядок и не даст себя терроризировать убийствами чиновников» [56. P. 1]. Программу реформ для II Думы А. Николсон назвал «большим и примечательным документом», выразив при этом опасение, «что оппозиционная пресса займет скептическую и критическую позицию» по отношению к ней [56. P. 1–2].

Правда, после введения военно-полевых судов в августе 1906 г. А. Николсон в дневнике отметил, что эта мера может привести к злоупотреблению полиции и военных властей [26. P. 229]. Военно-полевые суды вызывали у посла двойственную оценку. С одной стороны, по его мнению, они не могли бы сдержать крайних террористов, готовых «пожертвовать собственными жизнями для продвижения дела, которому они посвятили себя со всей горячностью христианского мученичества», однако произвели бы «сдерживающий эффект» для ряда других, менее фанатичных террористов. С другой стороны, А. Николсон отмечал, что быстрота, с которой рассматривают дела военно-полевые суды вызывает «чувство неприятия и отвращения к подобным методам» [57. P. 1]. Особое мнение о политике правительства в отношении террора было лишь у консула из Батуми. С его точки зрения, именно жёсткие меры правительства против революционеров, роспуск I Думы вызывали террор как ответную меру. Справиться с ним можно было бы лишь отказавшись от «подобных методов» [58. P. 1–2]. Однако 3 ноября 1906 г. и он был вынужден признать, что в Батуми режим военно-полевых судов привел к «затишью» [59. P. 1].

Анализ дипломатической переписки показал, что британцы, в отличие от русской леволиберальной общественности, крайне негативно оценивали революционный террор. Это было обусловлено двумя обстоятельствами. Прежде всего, террор мешал сближению двух стран и подписанию между ними внешнеполитического соглашения, для решения этой задачи необходимо было установление гражданского мира в России. Во-вторых, британские дипломаты полагали тогда, что реформирование России предпочтительнее осуществлять конституционным путем, оставаясь в рамках закона, поэтому революционное насилие воспринималось ими враждебно. Они приветствовали решительные действия правительства по подавлению террора, а мягкость власти, напротив, расценивали как причину его невероятного размаха. Даже введение военно-полевых судов премьер-министром П.А. Столыпиным, направленных, прежде всего, против террористов, было воспринято британцами как адекватная мера борьбы с таким «злом», как террор, хотя они и отмечали возможные негативные следствия этой меры.

Такая оценка революционного террора британскими дипломатами способствовала, среди прочего, сближению Великобритании с правительством П.А. Столыпина и, в конечном итоге, содействовала успешному подписанию англо-русского соглашения 1907 г. Британская приверженность законности была чужда левым либералам России. Они полагали, что в борьбе за конституционный строй, подобный британскому, возможно использовать любые средства. Их отношение к террору серьезным образом препятствовало проведению либеральных реформ. Кадеты были увлечены борьбой более, чем идеей преобразования страны. Между тем эта их чрезмерная склонность к борьбе с властью, нежелание искать с ней компромисса в деле созидания новой России, следование отвлеченным теориям вызывали непонимание со стороны британских дипломатов-практиков, таких же приверженцев либеральной идеи. В конечном итоге выбранная кадетами линия поведения, при которой практически любой представитель власти рассматривался как нерукопожатный, привела к тому, что они оказались неспособными помочь мирному реформированию государства в направлении столь ими любимой либеральной демократии британского образца, но и от революционного движения они оказались совершенно изолированы. Оно полностью попало под контроль радикальных сил, рассматривавших насилие как главный инструмент переустройства общества. Повторение кадетами тех же ошибок в 1917 г. привело к трагическим последствиям и построению в России вместо конституционной монархии или парламентской республики государства нового типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. Вторая половина XIX – начало XX в. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 399 с.
2. Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 512 с.
3. Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 624 с.
4. Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 239 с.
5. Квасов О.Н. Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья в начале XX века : автореф. дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 2000.
6. Рыбкин А.А. Политический терроризм в провинции в 1905–1907 гг.: на материалах Костромской, Тверской, Ярославской губерний : дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2007.
7. Серебренников И.П. Политический террор и экспроприаторская деятельность революционных партий и организаций в Восточной Сибири в 1900 – феврале 1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2000.
8. Суворов А.И. В противоборстве с террористами (из истории борьбы правоохранительных органов дореволюционной России с политическим терроризмом). М. : Юнити-Дана, 1999. 240 с.
9. Сучков Е.Н. Центральный аппарат и механизмы управления политическим сыском Российской империи в 1898–1917 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2008.
10. Трошин Н.В. Административно-полицейские органы царской России в борьбе с экстремизмом и террором во второй половине XIX – начале XX веков : автореф. … канд. ист. наук. Владимир, 2000.
11. Петухов В.Б. Информационный дискурс терроризма в контексте художественной рефлексии. М. : URSS, 2010. 206 с.
12. Портнягина Н.А., Патрикеева О.А. Революционный террор в России: влияние на ход и результаты думских избирательных кампаний (1905–1907 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 144–149.
13. Носков М.А. Российский терроризм начала XX века в восприятии общества : дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
14. Пазин Р.В. Революционный терроризм и либерализм в России начала XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2015.
15. Портнягина Н.А. «Нельзя совместить конституцию с насилием…»: взгляды октябристов на террор в период революции 1905–1907 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4, № 2. С. 191–200.
16. Портнягина Н.А. «Партия никогда не позволяла себе ругаться над террористами»: политический террор в оценке кадетской партии в период революции 1905–1907 гг. // Вестник славянских культур. 2014. Т. 31, № 1. С. 30–37.
17. Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. М. : КРОН-ПРЕСС, 1997. 448 с.
18. A. Nicolson to Edward Grey. 28 July 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/127. № 26849.
19. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: в 6 т. М. : Прогресс – Академия, 1994. Т. 1. 528 с.
20. Голицын М. В. Мои воспоминания (1873–1917). М. : Русский мир: жизнь и мысль, 2007. 768 с.
21. Съезды и конференции конституционно-демократической партии : в 3 т. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. Т. 1. 774 с.
22. Портнягина Н.А. Революционный террор в оценке кадетской фракции Государственной думы второго созыва // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность : сб. науч. ст. междунар. науч. конф. СПб. : ЭлекСис, 2015. Т. 1. С. 185–193.
23. Речь. 1906. 28 февраля.
24. Амнистия // Речь. 1906. 3 мая.
25. Гредескул Н.А. Политическое лицемерие // Речь. 1906. 12 мая.
26. Nicolson H. Sir Arthur Nicolson. First Lord Carnock. A Study in the Old Diplomacy. L. : Constable & Co Ltd., 1937. 456 p.
27. Neilson K. «My Beloved Russians»: Sir Arthur Nicolson and Russia, 1906–1916 // The International History Review. 1987. Vol. 9, № 4. P. 521–554.
28. Hughes M. Diplomacy before the Russian Revolution. Britain, Russia and the Old Diplomacy, 1894–1917. N.Y. : St. Martin's Press, 2000. 207 p.
29. Nicolson's journal as ambassador, St. Petersburg. 6 August 1906 // United Kingdom National Archives. PRO 30/81/13.
30. Wallace D.M. Russia. L. : Cassel and Company, 1905. Vol. I. 456 p.; Vol. II. 487 p.
31. A. Nicolson to Edward Grey. 9 Janyary1907 // United Kingdom National Archives. FO 371/320. № 2247.
32. Полянский Н.Н. Эпопея военно-полевых судов. М. : Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. 109 с.
33. Consul-General Murray to A. Nicolson. 13 July 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/127. № 24889.
34. Consul-General Murray to Sir Edward Grey. Warsaw. 17 September 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/128. № 31666.
35. Edward Grey to A. Nicolson. 19 September 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/128. № 31666.
36. A. Nicolson to Edward Grey. Summary of Events in Russia during the Fortnight ending. 19 June 1907 (Bentinck C.H.) // United Kingdom National Archives. FO 371/318. № 20735.
37. Vice-Consul Urquhart to Sir A. Nicolson. Baku. 1 August 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/127. № 28259.
38. A. Nicolson to Edward Grey. 10 September 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/127. № 31323.
39. Joseph Gardner to Principal Secretary of State for Foreign Affairs. Liverpool, 8 October 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/129. № 34152.
40. A. Nicolson to Edward Grey. 30 October 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/129. № 36888.
41. Council Woodhouse to Sir Edward Grey. Riga. 4 October 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/129. № 33967.
42. Consul-General Murray to A. Nicolson. Warsaw. 16 August 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/128. № 28583.
43. Consul-General Smith to Sir E. Grey. Odessa. 10 January 1907 // United Kingdom National Archives. FO 371/320. № 1621.
44. Nicolson A. to Edward Grey. 26 August 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/128. № 29415.
45. Council Woodhouse to Sir Edward Grey. Riga. 28 May 1907 // United Kingdom National Archives. FO 371/320. № 17868.
46. Consul-General Bagge to Edward Grey. Одесса. 6 September 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/127. № 30811.
47. Consul Medhurst to Edward Grey. Rostov on Don. 1 September 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/127. № 30672.
48. A. Nicolson to Edward Grey. Summary of Events in Russia for the Fortnight ended. 6 June 1907. (Claud Russell) // United Kingdom National Archives. FO 371/318. № 18927.
49. Council Woodhouse to Sir Edward Grey. Riga. 12 November 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/129. № 38678.
50. A. Nicolson to Edward Grey. Summary of Events for the fortnight ended 14 Mart 1907. (Claud Russell) // United Kingdom National Archives. FO 371/318. № 8615.
51. A. Nicolson to Edward Grey. 25 September1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/128. № 32934.
52. A. Nicolson to Edward Grey. 30 August 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/128. № 29749.
53. Consul-General A. Murray to A. Nicolson. Warsaw. 24 July 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/127. № 26845.
54. A . Nicolson to Edward Grey. 10 September 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/128. № 31324.
55. A. Nicolson to Edward Grey. 1 January 1907 // United Kingdom National Archives. FO 371/318. № 571.
56. Nicolson to Edward Grey. 7 September 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/128. № 30374.

57. A. Nicolson to Edward Grey. 14 September 1906. Telegram № 690 // United Kingdom National Archives. FO 371/129. № 36316.
58. Consul Stevens to Edward Grey. Batoum. 15 August 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/128. № 29155.
59. Consul Stevens to Edward Grey. Batoum. 3 November 1906 // United Kingdom National Archives. FO 371/129. № 38045.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 декабря 2019 г.

Cadets and British Diplomatic Representatives in Russia: Two Views on Revolutionary Terror in 1905–1907

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 133–140.
DOI: 10.17223/15617793/457/16

Natalia A. Portnyagina, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: n.portnyagina@spbu.ru
Dmitry I. Portnyagin, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). Email: d.portnyagin@spbu.ru

Keywords: revolutionary terror; terrorist acts; British diplomats; Revolution of 1905–1907; Cadets; I and II State Dumas; public opinion of Russia; Arthur Nicholson.

The article is devoted to a problem that domestic and foreign historiography has never studied: it compares the views of the British diplomats and of the Cadets on the revolutionary terror in Russia of the period of the first revolution. For the latter, the British constitutional order was a model to follow. The article is written on the basis of documents deposited in the United Kingdom National Archives (reports and notes of British ambassadors and consuls of this period), most of which were first introduced into scientific discourse, as well as on materials from the Cadet periodicals, materials from the Cadet congresses, and verbatim reports of the I and II State Dumas. The article uses a historical-typological method (for classifying opinions, characteristics of publications in the press), a historical-genetic method (in its content most relevant to the principle of historicism, helping to identify the causes of negative perception of terror by British diplomats), chronological, comparative, and systemic methods. The chronological scope of the study is limited to 1905–1907, when the revolutionary terror in Russia reached its peak. The study showed that, in the years 1905–1907, terror affected not only Russian citizens, but also British subjects, including representatives of the diplomatic service. The analysis of diplomatic correspondence revealed that the British, unlike the Russian left-wing liberals, were extremely negative about the revolutionary terror because it prevented the two countries from coming closer and signing a foreign policy agreement between them. British diplomats believed then that it was preferable to carry out the reform of Russia in a constitutional manner, while remaining within the law; therefore, they perceived revolutionary violence as hostile. They welcomed the decisive actions of the government to suppress terror and regarded the softness of the authorities as the reason for its incredible scope. The British even perceived the introduction of field courts by Prime Minister Pyotr Stolypin, aimed primarily against terrorists, as an adequate measure to combat such "evil" as terror. The British commitment to the rule of law was alien to left-wing liberals in Russia. They believed that in the struggle for a constitutional order, similar to the British, it was possible to use any means. The Cadets used revolutionary terror in the struggle for power, creating heroic images of terrorists on the pages of their press. In the I and II Dumas, it was the Cadets who blocked the procedure of condemning terror initiated by right-wing deputies. Their attitude towards terror seriously impeded liberal reforms. The author believes that the Cadets were more passionate about the struggle than about the idea of transforming the country. Meanwhile, their excessive inclination to fight the government, their unwillingness to seek a compromise with it in the creation of a new Russia, their following abstract theories caused misunderstanding on the part of British diplomats, who were also adherents of the liberal idea.

REFERENCES

1. Budnitskiy, O.V. (2000) *Terrorizm v rossiyskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.* [Terrorism in the Russian Liberation Movement: Ideology, ethics, psychology. Second half of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
2. Leonov, M.I. (1997) *Partiya sotsialistov-revolyutsionerov v 1905–1907 gg.* [Party of Socialist Revolutionaries in 1905–1907]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
3. Morozov, K.N. (1998) *Partiya sotsialistov-revolyutsionerov v 1907–1914 gg.* [Party of Socialist Revolutionaries in 1907–1914]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
4. Gorodnitskiy, R.A. (1998) *Boevaya organizatsiya partii sotsialistov-revolyutsionerov v 1901–1911 gg.* [The Militant Organization of the Socialist Revolutionary Party in 1901–1911]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
5. Kvasov, O.N. (2000) *Terroristicheskaya deyatel'nost' revolyutsionerov Tsentral'nogo Chernozem'ya v nachale XX veka* [Terrorist Activities of the Revolutionaries of the Central Black Earth Region at the Beginning of the 20th century]. Abstract of History Cand. Diss. Voronezh.
6. Rybkin, A.A. (2007) *Politicheskiy terrorizm v provintsii v 1905–1907 gg.: na materialakh Kostromskoy, Tverskoy, Yaroslavskoy guberniy* [Political Terrorism in the Provinces in 1905–1907: On the materials of Kostroma, Tver, Yaroslavl Provinces]. History Cand. Diss. Kostroma.
7. Serebrennikov, I.P. (2000) *Politicheskiy terror i ekspropriatorskaya deyatel'nost' revolyutsionnykh partiy i organizatsiy v Vostochnoy Sibiri v 1900 – fevrale 1917 gg.* [Political Terror and Expropriatory Activities of Revolutionary Parties and Organizations in Eastern Siberia in 1900 – February 1917]. History Cand. Diss. Irkutsk.
8. Suvorov, A.I. (1999) *V protivoborstve s terroristami (iz istorii bor'by pravookhranitel'nykh organov dorevolyutsionnoy Rossii s politicheskim terrorizmom)* [In the Confrontation with Terrorists (From the history of the law enforcement agencies of pre-revolutionary Russia fight against political terrorism)]. Moscow: Yuniti-Dana.
9. Suchkov, E.N. (2008) *Tsentral'nyy apparat i mekhanizmy upravleniya politicheskim syskom Rossiyskoy imperii v 1898–1917 gg.* [The Central Apparatus and Mechanisms of Management of the Political Investigation of the Russian Empire in 1898–1917]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
10. Troshin, N.V. (2000) *Administrativno-politseyskie organy tsarskoy Rossii v bor'be s ekstremizmom i terrorom vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vekov* [Administrative and Police Bodies of Tsarist Russia in the Fight Against Extremism and Terror in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Vladimir.
11. Petukhov, V.B. (2010) *Informatsionnyy diskurs terrorizma v kontekste khudozhestvennoy refleksii* [Information Discourse of Terrorism in the Context of Artistic Reflection]. Moscow: URSS.
12. Portnyagina, N.A. & Patrikeeva, O.A. (2017) The revolutionary terror in Russia: influence on the process and results of the Duma election campaigns (1905–1907). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 423. pp. 144–149. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/423/20
13. Noskov, M.A. (2011) *Rossiyskiy terrorizm nachala XX veka v vospriyatii obshchestva* [Russian Terrorism of the Early 20th Century in the Perception of Society]. History Cand. Diss. Moscow.

14. Pazin, R.V. (2015) *Revolyutsionnyy terrorizm i liberalizm v Rossii nachala XX v.* [Revolutionary Terrorism and Liberalism in Russia at the Beginning of the 20th Century]. History Cand. Diss. Samara.
15. Portnyagina, N.A. (2014) "It's impossible to combine the constitution with violence...": Octobrists' views on terror during the revolution of 1905–1907. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. 2 (4). pp. 191–200. (In Russian).
16. Portnyagina, N.A. (2014) "The party couldn't afford to abuse the terrorists": political terror in an assessment of cadet party during revolution of 1905–1907. *Vestnik slavyanskikh kul'tur – Bulletin of Slavic Cultures*. T. 31 (1), № 1. pp. 30–37. (In Russian).
17. Geyfman, A. (1997) *Revolyutsionnyy terror v Rossii. 1894–1917* [Revolutionary terror in Russia. 1894–1917]. Moscow: KRON-PRESS.
18. United Kingdom National Archives. FO 371/127. No. 26849. *A. Nicolson to Edward Grey. 28 July 1906.*
19. Pavlov, D. (ed.) (1994) *Protokoly Tsentral'nogo Komiteta i zagranichnykh grupp konstitutsionno-demokraticheskoy partii* [Protocols of the Central Committee and Foreign Groups of the Constitutional Democratic Party]. Vol. 1. Moscow: Progress – Akademiya.
20. Golitsyn, M.V. (2007) *Moi vospominaniya (1873–1917)* [My Memoirs (1873–1917)]. Moscow: Russkiy mir: zhizn' i mysl'.
21. Lezhneva, O.N. (ed.) (1997) *S"ezdy i konferentsii konstitutsionno-demokraticheskoy partii* [Congresses and Conferences of the Constitutional Democratic Party]. Vol. 1. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
22. Portnyagina, N.A. (2015) [Revolutionary terror in the assessment of the cadet faction of the State Duma of the second convocation]. *Tavricheskie chteniya 2014. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [Tauride readings 2014. Topical problems of parliamentarism: history and modernity]. Proceedings of the International Conference. Vol. 1. Saint Petersburg. 11–12 December 2014. Saint Petersburg: ElekSis. pp. 185–193. (In Russian).
23. *Rech'*. (1906) 28 February.
24. *Rech'*. (1906) Amnistiya [Amnesty]. 3 May.
25. Gredeskul, N.A. (1906) Politicheskoe litsemerie [Political hypocrisy]. *Rech'*. 12 May.
26. Nicolson, H. (1937) *Sir Arthur Nicolson. First Lord Carnock. A Study in the Old Diplomacy.* London: Constable & Co Ltd.
27. Neilson, K. (1987) "My Beloved Russians": Sir Arthur Nicolson and Russia, 1906–1916. *The International History Review.* 9 (4). pp. 521–554.
28. Hughes, M. (2000) *Diplomacy before the Russian Revolution. Britain, Russia and the Old Diplomacy, 1894–1917.* N.Y.: St. Martin's Press.
29. United Kingdom National Archives. PRO 30/81/13. *Nicolson's journal as ambassador, St. Petersburg. 6 August 1906.*
30. Wallace, D.M. (1905) *Russia*. London: Cassel and Company.
31. United Kingdom National Archives. FO 371/320. No. 2247. *A. Nicolson to Edward Grey. 9 Janyary1907.*
32. Polyanskiy, N.N. (1934) *Epopeya voenno-polevykh sudov* [The Epic of Military Courts]. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznogo o-va politkatorzhan i ssyl'noposelentsev.
33. United Kingdom National Archives. FO 371/127. No. 24889. *Consul-General Murray to A. Nicolson. 13 July 1906.*
34. United Kingdom National Archives. FO 371/128. No. 31666. *Consul-General Murray to Sir Edward Grey. Warsaw. 17 September 1906.*
35. United Kingdom National Archives. FO 371/128. No. 31666. *Edward Grey to A. Nicolson. 19 September 1906.*
36. United Kingdom National Archives. FO 371/318. No. 20735. *A. Nicolson to Edward Grey. Summary of Events in Russia during the Fortnight ending. 19 June 1907 (Bentinck C.H.).*
37. United Kingdom National Archives. FO 371/127. No. 28259. *Vice-Consul Urquhart to Sir A. Nicolson. Baku. 1 August 1906.*
38. United Kingdom National Archives. FO 371/127. No. 31323. *A. Nicolson to Edward Grey. 10 September 1906.*
39. United Kingdom National Archives. FO 371/129. No. 34152. *Joseph Gardner to Principal Secretary of State for Foreign Affairs. Liverpool, 8 October 1906.*
40. United Kingdom National Archives. FO 371/129. No. 36888. *A. Nicolson to Edward Grey. 30 October 1906.*
41. United Kingdom National Archives. FO 371/129. No. 33967. *Council Woodhouse to Sir Edward Grey. Riga. 4 October 1906.*
42. United Kingdom National Archives. FO 371/128. No. 28583. *Consul-General Murray to A. Nicolson. Warsaw. 16 August 1906.*
43. United Kingdom National Archives. FO 371/320. No. 1621. *Consul-General Smith to Sir E. Grey. Odessa. 10 January 1907.*
44. United Kingdom National Archives. FO 371/128. No. 29415. *Nicolson A. to Edward Grey. 26 August 1906.*
45. United Kingdom National Archives. FO 371/320. No. 17868. *Council Woodhouse to Sir Edward Grey. Riga. 28 May 1907.*
46. United Kingdom National Archives. FO 371/127. No. 30811. *Consul-General Bagge to Edward Grey. Odessa. 6 September 1906.*
47. United Kingdom National Archives. FO 371/318. No. 18927. *Consul Medhurst to Edward Grey. Rostov on Don. 1 September 1906.*
48. A. Nicolson to Edward Grey. Summary of Events in Russia for the Fortnight ended. 6 June 1907. (Claud Russell).
49. United Kingdom National Archives. FO 371/129. No. 38678. *Council Woodhouse to Sir Edward Grey. Riga. 12 November 1906.*
50. United Kingdom National Archives. FO 371/318. No. 8615. *A. Nicolson to Edward Grey. Summary of Events for the fortnight ended 14 Mart 1907. (Claud Russell).*
51. United Kingdom National Archives. FO 371/128. No. 32934. *A. Nicolson to Edward Grey. 25 September1906.*
52. United Kingdom National Archives. FO 371/128. No. 29749. *A. Nicolson to Edward Grey. 30 August 1906.*
53. United Kingdom National Archives. FO 371/127. No. 26845. *Consul-General A. Murray to A. Nicolson. Warsaw. 24 July 1906.*
54. United Kingdom National Archives. FO 371/128. No. 31324. *A . Nicolson to Edward Grey. 10 September 1906.*
55. United Kingdom National Archives. FO 371/318. No. 571. *A. Nicolson to Edward Grey. 1 January 1907.*
56. United Kingdom National Archives. FO 371/128. No. 30374. *A. Nicolson to Edward Grey. 7 September 1906.*
57. United Kingdom National Archives. FO 371/129. No. 36316. *A. Nicolson to Edward Grey. 14 September 1906. Telegram No. 690.*
58. United Kingdom National Archives. FO 371/128. No. 29155. *Consul Stevens to Edward Grey. Batoum. 15 August 1906.*
59. United Kingdom National Archives. FO 371/129. No. 38045. *Consul Stevens to Edward Grey. Batoum. 3 November 1906.*

Received: 04 December 2019

УДК 94 (47).083

П.П. Румянцев

ЖАНДАРМСКИЕ ШТАБ-ОФИЦЕРЫ И НАЧАЛЬНИКИ ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ: ПРАКТИКА НАЗНАЧЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ

На основе архивных материалов и приказов по Корпусу жандармов установлены личности всех жандармских штаб-офицеров и начальников губернского жандармского управления в Томской губернии на всем протяжении деятельности жандармского надзора в названном регионе. В результате полученных сведений проанализированы особенности практики назначения руководителей жандармского ведомства в Томской губернии, прослежена их дальнейшая жизнь, определена престижность службы в Томской губернии в структуре политической полиции.

Ключевые слова: Корпус жандармов; политическая полиция; Сибирский жандармский округ; надзор; офицеры; Томская губерния; XIX – начало XX в.

В истории деятельности жандармского ведомства на территории Сибири до сих остается большое количество нерассмотренных вопросов. В том числе это относится к изучению процесса комплектования жандармских управлений. Проблема исследования это вопроса, на наш взгляд, заключается в малом количестве сохранившихся источников, особенно связанных с жандармскими чинами, служивших в Корпусе жандармов в первые десятилетия после его создания. В представленной статье впервые в исторической науке будет предпринята попытка проанализировать практику назначения на должность губернских жандармских начальников на примере Томской губернии. Выбор этого региона является не случайным по причине того, что на протяжении XIX – начала XX в. Томск прошел путь от ничем не примечательной провинции, являвшейся, как и большинство сибирских губерний, местом ссылки, ставшим центром развития золотопромышленности, а затем превратившийся в культурную столицу всей Азиатской России и региональный центр управления большого числа ведомств, в том числе и жандармского округа в Сибири. Основными источниками для написания статьи выступили приказы по Корпусу жандармов, законодательные акты центральной власти, формулярные и послужные списки жандармских чинов. Анализ этих источников позволил также воссоздать социальный портрет руководителей жандармского ведомства в Томской губернии.

Корпус жандармов появился в 1827 г. вместе с учреждением жандармско-окружной системы, когда ряд губерний европейской части России стали входить в отдельный жандармский округ. В 1833 г. создается 7-й по счету жандармский округ, территориально распространявшийся на сибирские земли с размещением окружной штаб-квартиры в г. Тобольске (с 1837 г. изменилась нумерация округа на 8-й в связи с появлением еще одного жандармского округа – на Кавказе). Первоочередной задачей установления жандармско-окружной системы в Сибири являлось назначение на должности жандармских штаб-офицеров во все губернии округа. Отбор кандидатов из желавших служить на жандармской службе осуществлялся Шефом жандармов, наводившем справки о кандидатах, обращаясь к прежнему их начальству, затем после проведения предварительных испытаний он представлял их на рассмотрение царю, за которым и было последнее слово по вопросу перевода в корпус. После перевода на жандармскую службу следовало назначение на имевшиеся здесь вакансии.

В приведенной ниже таблице в хронологическом порядке представлены все лица, кто занимал должность штаб-офицера (начальника жандармского управления) в Томской губернии, а также приведена краткая информация об их служебной деятельности в Корпусе жандармов. Примечателен, на наш взгляд, факт, что общее число жандармских начальников можно поделить на три десятка, совпадающих практически с правлениями русских царей. Так, первая десятка начальников (общая продолжительность службы в Томске – март 1834 г. – ноябрь 1854 г.) приходится на правление Николая I, вторая десятка (дек. 1854 г. – сент. 1893 г.) достаточно близко совпадает с правлением отца и сына – Александра II и Александра III (февр. 1855 г. – окт. 1894 г.) – и, наконец, последняя десятка (сент. 1893 г. – март 1917 г.) также близко совпадает с правлением последнего монарха, Николая II (окт. 1894 г. – март 1917 г.).

Таблица

Штаб-офицеры и начальники губернского жандармского управления в Томске (1833–1917 гг.)

Ф.И.О. (год рождения)	В Корпусе жандармов	Откуда переведен	Период руководства (чин)
Сунцев Илья Данилович (1798)	1833 ноябрь	Штаб-офицер по особым поручениям при начальнике 7-го жандармского округа	1834 март – ноябрь (майор)
Казимирский Яков Дмитриевич (1800–1860)	1834 июль	Штаб-офицер в Енисейской губ.	1834 ноябрь – 1835 ноябрь 1836 янв. – 1837 ноябрь (майор; 1837 ноябрь – подполковник)

Черкасов Иван Львович (1799)	1834 сен.	Штаб-офицер в Тобольской губ.	1835 ноябрь – 1836 янв. (подполковник)
Ломачевский Асинкрит Иванович (1803)	1837 дек.	Первая должность	1838 янв. – февр. (майор)
Шишмарев Михаил Семенович (1805)	1835 июнь	Адъютант штаб-офицера в Симбирской губ.	1838 дек. – 1840 февр. (майор)
Крупицкий Николай Фомич (1800)	1832 авг.	Офицер Корпуса жандармов	1840 май – 1841 авг. (майор)
Васильев Александр Дмитриевич (?)	–	Офицер Корпуса жандармов	1841 ноябрь – 1842 дек. (подполковник)
Мосолов Всеволод Алексеевич (1808)	1842 сен.	Штаб-офицер в Енисейской губ.	1842 дек. – 1853 дек. (подполковник; 1849 июль – полковник)
Горновский Павел Иванович (1818)	1854 март	Первая должность	1854 март – сент. (майор; 1854 май – подполковник)
Шевелев Михаил Григорьевич (1814)	1845 янв.	Штаб-офицер в Витебской губ.	1854 сент. – ноябрь (подполковник)
фон Вендрих Федор Федорович (1817)	1842 янв.	Штаб-офицер в Омске	1854 дек. – 1858 июнь (подполковник; 1856 авг. – полковник)
Герасимов Александр Моисеевич (?)	–	Штаб-офицер в Пермской губ.	1858 июнь – 1862 май (подполковник; апр. 1861 – полковник)
Кретковский Киприян Фаустинович (1818)	1852 июнь	Адъютант штаб-офицера в Самарской губ.	1862 июнь – 1866 сент. (майор)
Тиц Платон Николаевич (1832)	1864 окт.	Начальник жандармского управления Быховского уезда	1866 сент. – 1870 февр. (майор; 1868 март – подполковник)
Яхонтов Александр Дмитриевич (1835 февр.)	1860 июль	Офицер Корпуса жандармов	1870 март – 1871 июль (подполковник)
Вилль Александр Андреевич (1816 февр.)	1864 февр.	Офицер Корпуса жандармов	1871 авг. – 1876 авг. (подполковник; 1873 апр. – полковник)
Александров Николай Иванович (1835 июнь)	1869 апр.	Офицер Корпуса жандармов	1876 авг. – 1883 ноябрь (полковник)
Акцынов Петр Николаевич (1844 дек.)	1881 июль	Начальник Белостокского и Бельского УЖУ	1883 дек. – 1888 июль (подполковник; 1884 апр. – полковник)
Келлер Владимир Васильевич (1841 февр.)	1870 июнь	Помощник начальника Енисейского ГЖУ	1888 июль – 1890 февр. (подполковник; 1889 апр. – полковник)
Щетинин Александр Николаевич (1832 авг.)	1869 авг.	Начальник Смоленского ГЖУ	1890 апр. – 1893 сент. (полковник; 1890 сент. – генерал-майор)
Малинин Николай Андреевич (1848 авг.)	1882 июль	Помощник начальника Тульского ГЖУ	1893 сент. – 1896 янв. (подполковник; 1894 апр. – полковник)
Новицкий Николай Егорович (1838 ноябрь)	1872 окт.	Помощник начальника Тверского ГЖУ	1896 янв. – дек. 1901 (подполковник; 1896 март – полковник)
Мочалов Николай Илларионович (1863 апр.)	1887 ноябрь	Офицер Корпуса жандармов	1901 дек. – 1902 февр. (подполковник)
Козинцов Евгений Максимович (1848 апр.)	1877 февр.	Помощник начальника Терского областного жандармского управления	1902 февр. – май (подполковник; 1902 апр. – полковник)
Мацкевич Авраам Александрович (1842 окт.)	1873 апр.	Начальник Тобольского ГЖУ	1902 май – 1903 июнь (полковник)
Романов Сергей Александрович (1856 июнь – 1920 март)	1887 апр.	Начальник Иркутского отделения Омского ЖПУ СЖД	1903 июнь – 1911 авг. (подполковник; 1903 июль – полковник)
Гибер фон Грейфенфельс Николай Александрович (1863 апр.)	1894 июнь	Помощник начальника Гродненского ГЖУ	1911 авг. – 1912 янв. (подполковник; 1911 дек. – полковник)
Мазурин Иван Петрович (1866 сен. – 1918 авг.)	1896 май	В резерве при СПб ГЖУ	1912 янв. – 1914 февр. (подполковник; 1912 март – полковник)
Стацкевич Александр Павлович (1858 февр.)	1898 ноябрь	Помощник начальника Гродненского ГЖУ	1914 февр. – 1916 апр. (полковник)
Субботин Николай Николаевич (1864 февр.)	1895 май	Помощник начальника Казанского ГЖУ	1916 июнь – 1917 март (подполковник; ? – полковник)

Примечание. ГЖУ – губернское жандармское управление; УЖУ – уездное жандармское управление; ЖПУ СЖД – жандармское полицейское управление Сибирской железной дороги. Источники подсчета: Приказы по Корпусу жандармов. 1833–1916. СПб., 1833–1916; Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 2. Д. 253; 396; 450; 471; 673; 935; 1112; 1481; 1609; 2400; 2438; 2673; 3608; 4828; 5604; 6926; 7005; 7707; 8000; 9329; 9773; 19317.

Социальный портрет жандармских начальников в Томске выглядел следующим образом (подсчитано по 28 лицам, двое остались невыясненными). По сословному происхождению абсолютное большинство составляли дворяне – 26 чел., из купеческого сословия и духовенства – по одному. Большинство офицеров являлись личными дворянами, получившими это сословное состояние за свою службу. Родовые имения, небольшие по размеру и числу крепостных душ (до отмены крепостного права), имелись только у 5 чел., среди них выделялся В.А. Мосолов, за которым числились в Тамбовской губернии в Кирсановском уезде деревня Мосоловка размером 640 дес. земли и в Рязанской губернии деревня Таратуровка – 300 дес., 95 крепостных душ. Подавляюще большинство – 27 чел. – родом было из губерний европейской части России и только один (Стацкевич) родился в Сибири – в Иркутской губернии. По вероисповеданию доминировали православные – 25 чел., лютеран – 2, католик – 1. Семейное положение (по 25 лицам): женатых – 17, холостых – 8 чел. Наличие образования удалось установить у 24 лиц, и оно распределилось следующим образом: окончившие кадетский корпус – 8, юнкерское училище – 8, домашнее воспитание – 2, частное учебное заведение – 1, Институт Корпуса инженеров путей сообщений – 1, Ярославский Демидовский лицей – 1, Пажеский корпус – 1, Николаевское инженерное училище – 1, школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров – 1, Техническое училище при Морском ведомстве – 1.

Абсолютно все из числа губернских штаб-офицеров в Томске проходили военную службу, так как на руководящие должности на жандармской службе не могли быть назначены лица, «ежели они никогда в военной службе не служили». Положение о Корпусе жандармов 1867 г. установило минимальные требования для кандидатов на службу: необходимо было окончить курс наук не ниже средних учебных заведений и прослужить в войсках во фронте не менее 5 лет. Не допускались к переводу лица, бывшие по решению суда в штрафах и имеющие денежные долги [1. С. 78]. Более того, почти половина из рассматриваемых жандармских начальников (14 чел.) принимала участие в военных компаниях, в том числе трое из них в двух компаниях: Русско-турецкая война 1828–1829 гг. – 1 чел., подавление восстания в Царстве Польском 1830–1831 гг. – 4, Крымская война – 5, подавление восстания поляков 1863–1864 гг. – 5, Русско-турецкая война 1877–1878 гг. – 1, покорение туркменских племен (1879 г.) – 1 чел.

За отсутствием у большинства жандармских офицеров родовых или собственных имений их материальное положение обеспечилось за счет получаемого на службе содержания. Положение о Корпусе жандармов 1836 г. устанавливало служащему в Сибири губернскому жандармскому штаб-офицеру 3 200 руб. содержания в год, из них 1 200 руб. – жалованье по чину и 2 000 руб. – столовые деньги [2. С. 339]. Следующее положение о Корпусе жандармов (1867 г.) несколько сократило размер денежного содержания начальников ГЖУ в Сибири. Штатное жалованье выплачивалось согласно табели окладам жалованья военнослужащим Военно-сухопутного ведомства, установленной в 1859 г., и составляло за всеми вычетами для полковника жандармского ведомства – 687 руб., подполковника – 531 и майора – 441 руб. в год [3. С. 158]. Столовые деньги были сокращены до размера 600 руб., но вместе с тем начальникам ГЖУ стали выплачивать добавочные деньги – 1 000 руб. для Сибири [1. С. 706].

Повышение окладов военнослужащих состоялось только в 1899 г., согласно которому полковники стали получать после произведения всех необходимых вычетов жалованья в год 1 200 руб., а подполковники – 1 080 руб. (должность майора в 1884 г. была упразднена), к этим деньгам начальникам (ГЖУ) в сибирском регионе (кроме Иркутского) полагалось еще 900 руб. столовых денег (Приказ по Отельному корпусу жандармов № 51 от 23 июня 1899 г.). В 1901 г. состоялось еще одно повышение денежного содержания чинов, установившее для начальников ГЖУ в Сибири (кроме Иркутского) столовые деньги в размере 2 100 руб., а также 300 руб. на канцелярские расходы и 500 руб. на секретные (экстренные) расходы (Приказ по Отельному корпусу жандармов № 124 от 17 декабря 1901 г.). Помимо указанных окладов начальникам ГЖУ полагались для снятия в аренду жилого помещения квартирные деньги, в разное время равнявшиеся от 285 до 500 руб., а также выделялись деньги на наем прислуги – 192 руб. в год. Указанные размеры содержания чинам жандармского ведомства в Сибири выплачивались и в дальнейшем, вплоть до Первой мировой войны.

Первым назначенным в Томскую губернию жандармским штаб-офицером был Илья Данилович Сунцев. Примечательно, несмотря на то, что происходил он из Смоленской губернии, служба его началась именно в Томске, причем по гражданской части: в сентябре 1812 г. в возрасте 14 лет он поступил в Томскую казенную экспедицию на должность копииста. В мае 1818 г. последовал его перевод в канцелярию Первого департамента Сената. Однако через три года последовала смена вектора его карьеры с гражданской на военную службу, когда Сунцев поступил юнкером в Корабельный фельдмаршала Барклая-де-Толли полк. К моменту своего прошения о переводе в Корпус жандармов (1833 г.) он дослужился до чина майора, состоя в Гренадерском генералиссимуса князя Суворова полку, а общий стаж его службы составлял 21 год 24 дня, из них гражданской службы – 8 лет 7 мес. Приказом по Корпусу жандармов № 84 от 21 ноября 1833 г. Сунцев переводился на жандармскую службу и назначался штаб-офицером в Тобольскую губернию [4. Л. 2–5, 24]. Однако на этой должности он пробыл всего месяц, так как в декабре того же года последовал его перевод на должность штаб-офицера для особых поручений к исполняющему обязанности начальника 7-го жандармского округа полковнику А.П. Маслову. При смене его должности не произошло изменений места его пребывания по причине того, что в Тобольске в то время располагалась штаб-квартира начальника округа, при котором ему предписывалось состоять по службе. Время пребывания в последней должности также оказалось

краткосрочным, и уже в марте 1834 г. состоялось третье по счету назначение Сунцева на жандармской службе – как раз в Томск на должность местного губернского жандармского штаб-офицера (Приказ по Корпусу жандармов № 92 от 24 декабря 1833 г.; Приказ по Корпусу жандармов № 17 от 18 марта 1834 г.). Томск также станет краткосрочным местом его службы, где он пробудет чуть более полугода, после чего последует его перевод в Омскую область, откуда в марте 1835 г. его переведут в Иркутскую губернию, однако в следующем году он снова вернется в Омск, где задержится уже на более длительное время. Таким образом, Сунцев за короткий срок побывает, кроме Енисейской губернии, во всех местностях Сибири, где был установлен жандармский надзор. На примере карьеры Сунцева в Корпусе жандармов можно увидеть, что первые жандармские штаб-офицеры в Сибири не служили долго на одном месте, что было связано не с их желанием, а зависело от воли корпусного начальства, стремившегося в условиях дефицита кандидатов на службу в сибирском регионе перемещать с места на место офицеров, уже имевших здесь какой-то опыт жандармской службы.

Информация из представленной таблицы показывает, что первые семеро штаб-офицеров в Томской губернии прослужили там в общей сложности 8,5 лет. При этом двоих из них (Черкасов и Ломачевский) можно формально отнести к томским жандармам, так как, судя по приказам, они занимали эту должность один-два месяца и вряд ли отправились сюда для прохождения службы. По крайней мере, это касалось майора Ломачевского, которого жандармского начальство, несмотря на назначение штаб-офицером в Томскую губернию, оставило в столице по делам службы и очень быстро нашло для него новое «применение» – назначило жандармским штаб-офицером в Минскую губернию [5. Л. 22, 25]. В указанный промежуток времени должность жандармского штаб-офицера оставалась вакантной в общей сложности ровно полтора года, из них продолжительнее всего с февраля по декабрь 1838 г., что можно связать с отсутствием желавших служить в этой местности. Согласно положению о Корпусе жандармов 1836 г., в случае отсутствия в губернии штаб-офицера исполнение его обязанностей возлагалось на его адъютанта или секретаря. С февраля 1837 по июль 1838 г. секретарем жандармского штаб-офицера в Томской губернии был титулярный советник Попов, после него адъютанты: с июля 1838 по август 1842 г. штабс-капитан Вишняков, а с авг. 1842 г. – штабс-капитан Венюков.

Справедливости ради надо сказать, что, начиная с 1850-х гг. должность жандармского штаб-офицера в Томской губернии уже не была вакантной на такие большие сроки, как ранее. Как правило, после перемещения офицера из Томска в этом же или в следующем месяце следовало распоряжение жандармского начальства о назначении нового офицера в Томскую губернию, что подтверждается информацией из таблицы. Можно сделать вывод, что в это время не ощущалось такого дефицита кадров в Корпусе жандармов, как в самом начале появления жандармского надзора в Сибири.

Средний стаж жандармской службы офицеров перед переводом в Томск составлял 10,5 лет (подсчитано по 28 чел.). При этом необходимо учитывать, что для жандармов, служивших в 30–40-е гг. XIX в., стаж службы объективно не мог быть большим по причине создания Корпуса жандармов в сравнительно недавнее время. Так, из первых десяти жандармских штаб-офицеров в Томской губернии для двоих это назначение представлялось первой должностью после перевода в Корпус жандармов, для троих это была вторая или третья должность в корпусе со стажем службы там в несколько месяцев. Для остальных стаж жандармской службы составлял от 14 мес. до 9,5 лет, средний же стаж службы для первых десяти жандармских штаб-офицеров перед назначением в Томск составлял 2,5 года. Самым опытным из них являлся подполковник Шевелев, который до перевода в Томск занимал должность жандармского штаб-офицера в Витебской губернии, прослужив в рядах жандармов более девяти лет. Однако его можно отнести к томским жандармским только номинально, так как, судя по жандармским приказам, пробыл в этой должности он всего два месяца. Весьма сомнительным выглядит его переезд из Витебска в Томск за такой короткий срок. Тем не менее на жандармской службе в Сибири он все-таки оказался: в декабре 1854 г., через два месяца после назначения его в Томск, последовал новый для него перевод – на должность штаб-офицера по особым поручениям при начальнике 8-го (Сибирского) округа Корпуса жандармов, где он прослужит до марта 1859 г. Небольшому стажу жандармской службы соответствовал и сравнительно молодой возраст жандармских чинов. Средний возраст первых десяти жандармских штаб-офицеров в Томской губернии к моменту их назначения сюда составлял около 36 лет.

Таким образом, можно сделать вывод, что в первые десятилетия функционирования жандармского надзора в Томской губернии сюда отправлялись офицеры с незначительным опытом жандармской службы, которые здесь надолго не задерживались и переводились на новые места, как правило, уже за пределами сибирского региона. Сказанное может свидетельствовать о том, что жандармское начальство в то время испытывало проблемы в подборе кадров для службы в столь отдаленном крае. Томск не представлялся желанным местом для службы не только по причине его удаленности от европейской части страны, но также и по причине большого количества ссыльных. Как правило, последние были сосланы сюда на житье и в административном порядке, в меньшей степени было политических ссыльных, но, тем не менее, они требовали постоянного негласного надзора.

Томск на фоне других городов выделялся тем, что в 1830-е гг. являлся своеобразной золотопромышленной столицей не только Сибири, но и, пожалуй, всей Российской империи. Именно на территории Томской губернии в конце 1820-х гг. были найдены первые в Сибири россыпные месторождения золота, что привело к явлению, часто именуемому как золотая лихорадка, когда тысячи людей в погоне за богатствами устремились в местную тайгу на поиски золота. Не-

удивительно, что губернский центр стал местом концентрации капиталов, и это обстоятельство могло привлечь сюда желавших проходить службу жандармских чинов. Однако здесь было два нюанса. Во-первых, в 1841 г. появилась должность жандармского штаб-офицера для надзора за частной золотопромышленностью в Западной Сибири. Местопребывание ему, в первую очередь в зимнее время, было определено в Томске. Данный штаб-офицер напрямую подчинялся начальнику 8-го (Сибирского) жандармского округа и по роду своей деятельности не пересекался с томским губернским жандармским штаб-офицером. Во-вторых, с 1840-х гг. со смещением центра золотодобычи в Восточную Сибирь Томск потерял свой неформальный статус золотопромышленной столицы.

В 1867 г. было принято новое положение о Корпусе жандармов, реформировавшее устройство и деятельность политической полиции в России. Согласно этому положению, ликвидировалась прежняя жандармско-окружная система, в губерниях создавались губернские жандармские управления (ГЖУ), на железных дорогах – жандармские полицейские управления (ЖПУ). В Томске учреждалось свое управление – Томское губернское жандармское управление (ТомГЖУ) – во главе с начальником, избираемым и назначаемым Шефом жандармов и пользующимся правами командира полка. Однако все же на окраинах империи сохранялись три жандармских округа, в том числе и бывшей 8-й, переименованный в Сибирский жандармский округ (СЖО) при сохранении прежних границ. Все действующие на территории Сибири жандармские части подчинялись начальнику округа [1. С. 75].

Со временем Томская губерния становилась привлекательным местом для прохождения жандармской службы по причине роста ее статуса и значения в имперской политике. В конце XIX – начале XX в. Томск вследствие выгодного географического положения превратился в региональный центр управления целого ряда ведомств. Здесь располагались следующие управленческие структуры: Управление государственных имуществ Западной Сибири (вторая половина XIX в.), Акцизное управление Западной Сибири (1862–1897 гг.), Томский округ путей сообщения (1885–1920 гг.), Управление Западно-Сибирского учебного округа (1885–1918 гг.), Томское управление почтово-телеграфного округа Министерства путей сообщения (1885–1920 гг.), Томское горное управление (1888–1919 гг.), управление Сибирской железной дороги (с 1915 г. – Томской) [6. С. 68–71]. Не случайно, что именно в Томске в 1888 г. будет открыт первый вуз за Уралом – Императорский Томский университет.

В это же время Томск стал центром управления расположенных в Сибири жандармских частей. В начале 1886 г. из Омска в Томск состоялось перемещение штаб-квартиры СЖО, где она пробудет до июня 1895 г., пока не переместится в Иркутск [7]. Вскоре в Томске появилось жандармское управление Сибирской железной дороги (Транссиба). В 1900 г. Временное Омское ЖПУ этой дороги было переименовано в ЖПУ Сибирской железной дороги (ЖПУ СЖД) с перемещением штаб-квартиры из Омска в Томск. В 1915 г. Сибирскую железную дорогу разделили на Омскую и Томскую, а ЖПУ СЖД, соответственно, было преобразовано в две отдельные структуры: Омское жандармское полицейское управление железных дорог (ЖПУ ЖД) со штаб-квартирой в городе Омске и Томское ЖПУ ЖД со штаб-квартирой в Томске [8. С. 28].

Жандармское начальство предприняло ряд мер для поощрения прохождения службы в Сибири, как, например, ускоренное производство в чинах, награждение орденами и денежными премиями. Положение о Корпусе жандармов 1867 г. гарантировало, что отслужившие в Сибири «по возвращении оттуда в Империю» по прошествии определенного количества лет будут получать дополнительное денежное пособие [1. С. 79]. Со второй половины XIX в. комплектование губернских жандармских штаб-офицеров в Томске проходило по иному принципу, чем ранее. Во-первых, больше не было лиц, для которых назначение штаб-офицером в названную губернию являлось первой должностью после перевода в Корпус жандармов. Это свидетельствует о том, что с этого времени жандармское ведомство не испытывало кадровых проблем и могло назначать на должность губернского штаб-офицера уже имевших опыт жандармской службы чинов. Во-вторых, сюда стали переводить офицеров с довольно продолжительным стажем жандармской службы и имевшими за плечами работу на начальственных должностях. У второго десятка жандармских начальников в Томской губернии до перевода сюда служба в жандармском ведомстве варьировалась от 2 до 20,5 лет, а в среднем составляла 10 лет, т.е. в 4 раза больше, чем у первых десяти жандармских штаб-офицеров в Томске. Средний возраст второго десятка офицеров был тоже выше, чем у первого десятка, и составлял 43 года. И, наконец, в заключительной десятке жандармских начальников опыт службы был самым высоким – от 11 до 29 лет – в среднем около 19 лет. Такому высокому стажу службы соответствовал и более зрелый возраст последних десяти жандармских начальников, в среднем равнявшийся 50 годам.

Если для первых жандармских штаб-офицеров в Томской губернии служба здесь являлась началом карьеры в Корпусе жандармов, то у их приемников она была уже далеко не первой. Например, у жандармских начальников из второго десятка в среднем она значилась 3-й или 4-й в их послужных списках. Среди них выделялся подполковник Келлер, для которого служба в Томске являлась уже 8-й по счету в рядах жандармов. Последние десять жандармских начальников имели в своих послужных списках в среднем уже 6 должностей перед тем, как оказаться в Томске. При этом у пятерых последних начальников ТомГЖУ этот показатель был еще выше – в среднем 8 должностей. Среди них особенно опытным выглядел Н.А. Гибер фон Грейфенфельс, имевший за плечами 11 должностей, из них 10 раз он занимал должности помощника начальников различных ГЖУ в европейской части страны, что по количеству мест

службы является абсолютным максимумом среди всех жандармских начальников в Томской губернии.

Наличие опыта службы в Сибири не представлялось определяющим фактором при назначении в Томскую губернию, однако со второй половины XIX в. переводимые сюда жандармские офицеры имели гораздо больший опыт службы в сибирском регионе, чем служившие здесь первые жандармы. Так, из первой десятки жандармских штаб-офицеров в Томской губернии у четверых это была не первая должность на жандармской службе в Сибири, правда у троих из них (Сунцев, Казимирский и Мосолов) стаж такой службы составлял крайне малый срок – несколько месяцев – и только у подполковника Черкасова он равнялся чуть более года. Из второй десятки жандармских офицеров ранее служили в Сибири также четверо человек, но срок службы у них не шел ни в какое сравнение с первой группой: 1 год и 3 мес (Вилль), 10 лет (фон Вендрих), 7 лет (Герасимов) и 14,5 лет (Келлер). Из последних десяти жандармских губернских начальников ранее в Сибири проходило службу трое: Козинцов (4,5 года), Мацкевич (около 4 лет) и Романов (9 лет).

Вместе с тем необходимо отметить, что, несмотря на большой стаж службы в жандармских рядах и наличие опыта руководящей работы у определяемых в Томск начальниками ГЖУ, с конца XIX в. наметилось сокращение времени их пребывания здесь. Так, у второго десятка жандармских штаб-офицеров был самый большой срок службы в среднем – 3 года 10 мес (от 1 года 4 мес до 7 лет 3 мес). В то время как десять последних офицеров в среднем прослужили в Томске 2 года 4 мес, при том, что трое из них занимали эту должность 2, 3 и 5 мес соответственно, после чего следовало их перемещение на другие должности, из чего можно предположить, что они закрывали образовавшуюся вакансию начальника Томского ГЖУ на то время, пока не будет подыскан подходящий для этой должности кандидат. Тем самым можно увидеть, что на рубеже XIX–XX в. профессиональная мобильность жандармских чинов выросла по сравнению с серединой XIX в. в связи с частой сменой ими мест служб.

Как правило, у большинства офицеров карьера в Корпусе жандармов носила идентичный характер. Первой ступенью для многих являлась должность адъютанта какого-либо жандармского управления, затем они переводились на должность помощников начальников ГЖУ в уездах (округах) или, как вариант, становились начальниками отделений жандармских полицейских управлений какой-либо железной дороги. На этих постах они могли дослужиться до чина подполковника, который давал им право пойти на дальнейшее повышение – стать начальником ГЖУ или ЖПУ. На последней должности они могли получить чин генерал-майора. Подобная схема была типичная и для большинства жандармских начальников в Томской губернии со второй половины XIX в., чей средний возраст при переходе на жандармскую службу составлял 32 года. Исключение среди них составлял Н.И. Александров, перешедший на жандармскую службу в возрасте 34 лет и сразу же вместе с чином полковника получивший назначение начальником Эстляндского ГЖУ (апр. 1869 г. – янв. 1871 г.), затем ставший начальником Псковского ГЖУ (янв. 1871 г. – авг. 1876 г.), после чего последовал его перевод в Томск [9. Л. 35 об.–36].

Помимо Александрова из числа тех же офицеров опыт руководства жандармским управлением в губернии до перевода в Томск имелся еще у пяти человек: Ф.Ф. фон Вендриха – штаб-офицер в Пермской губернии (окт. 1844 г. – янв. 1846 г.), в Омске (янв. 1846 г. – дек. 1854 г.); А.М. Герасимова – штаб-офицер в Омске (дек. 1854 г. – янв. 1856 г.), в Пермской губернии (янв. 1856 г. – июнь 1858 г.); В.В. Келлера – и.о. начальника Иркутского ГЖУ (ноябрь 1880 г. – окт. 1884 г.); А.Н. Щетинина – начальник Вятского ГЖУ (янв. 1872 г. – дек. 1874 г.), Архангельского ГЖУ (дек. 1874 г. – сент. 1885 г.), Смоленского ГЖУ (сент. 1885 г. – апр. 1890 г.); А.А. Мацкевича – начальник Тобольского ГЖУ – (авг. 1898 г. – май 1902 г.). Также к числу этих лиц можно отнести и Н.И. Мочалова, который до перевода в Томск полгода занимал должность начальника Санкт-Петербургского охранного отделения (июль – дек. 1901 г.). Для большинства других чинов Томск являлся первым ими возглавляемым губернским жандармским управлением, что можно рассматривать как ступень вверх в их жандармской карьере.

Также для большинства жандармских офицеров работа в Томске не стала завершающим этапом на жандармской службе, а, наоборот, она позволяла и далее занимать начальственные должности. Из 30 служивших в Томской губернии жандармских штаб-офицеров и начальников ГЖУ 20 продолжили свою службу на аналогичных должностях в других губерниях, при этом только пять из них будут еще служить в Сибири: И.Д. Сунцев штаб-офицером в Омской области (ноябрь 1834 г. – март 1835 г., янв. 1836 г. – февр. 1839 г.), Иркутской губернии (март 1835 г. – янв. 1836 г.), А.Д. Васильев штаб-офицером в Енисейской губернии (дек. 1842 г. – июнь 1846 г.), Н.А. Малинин – начальником Иркутского ГЖУ (янв. 1896 г. – янв. 1899 г.), Н.И. Мочалов – начальником Енисейского ГЖУ (февр. – сент. 1906 г.) и Е.М. Козинцов – там же (май 1904 г. – февр. 1906 г.). Двое – Н.Ф. Крупицкий и М.С. Шишмарев – будут переведены с жандармской службы в действующую армию. Полковник А.А. Вилль будет прикомандирован к Штабу Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ, именно так будет с 1875 г. именоваться Корпус жандармов), откуда, скорее всего, будет уволен в отставку. Подполковник М.Г. Шевелев после Томска будет переведен на должность состоящего при начальнике 8-го (Сибирского) жандармского округа штаб-офицера для особых поручений, откуда и будет уволен в отставку.

Еще одним подтверждением, что служба в Томске являлась своего рода трамплином в дальнейшей жандармской карьере, можно считать повышение в чинах служивших там офицеров. Всего 17 жандармских начальников за время своей службы в Томске получили повышение в чинах: из первой десятки – три офицера, из второй и третьей – по семь офицеров (13 офицеров получили чин полковника, 3 – подполковника и 1 – генерал-майора). Тем самым можно

предположить, что со второй половины XIX в. производство в чинах было важным инструментом поощрения со стороны жандармского начальства тех офицеров, кто проходил службу в столь отдаленном крае. Должность полковника для большинства жандармских чинов являлась крайней на жандармской службе по причине того, что число генерал-майоров на уровне начальников ГЖУ ограничивалось соотношением 1/6 от их общего числа. Однако на производство в генералы могли рассчитывать при увольнении в отставку при условии отсутствия серьезных нареканий по службе и срока пребывания в чине полковника не менее 5 лет.

Важным, на наш взгляд, является факт, характеризующий профессиональные качества офицеров, что из всех служивших в Томске губернских жандармских начальников ровно половина дослужится в системе жандармерии до генеральских званий: 13 человек получат чин генерал-майора, а два – генерал-лейтенанта. Трое из них смогут стать в разные годы начальниками жандармского округа в Сибири (из 10 занимавших эту должность лиц), который дольше всех просуществует в жандармско-окружной системе: Я.Д. Казимирский будет начальником округа с декабря 1853 по март 1860 г., В.А. Мосолов – с апреля 1860 по июнь 1863 г. и Н.И. Александров – с марта 1886 по март 1895 г. Должность жандармского окружного начальника по положениям о Корпусе жандармов 1836 и 1867 гг. соответствовала должности начальника дивизии и фактически являлась потолком на жандармской службе, так как выше нее располагались только должности начальника Штаба ОКЖ (приравнен к начальнику Штаба военного округа) и самого Шефа жандармов.

С должности жандармского начальника в Томской губернии уволили в отставку всего четырех человек. Напрямую в отставку отправлен был только полковник А.П. Стацкевича по причине ухудшения здоровья, что произошло в апреле 1916 г. с одновременным производством его в генерал-майоры, в мае он сдал должность начальника ТомГЖУ [10. Л. 35–36]. Механизм увольнения других офицеров выглядел одинаково: их отчисляли от должности начальника управления, временно прикомандировывали к другому управлению или штабу корпуса, после чего следовала резолюция об их увольнении. А вот причины увольнения являлись разными.

А.А. Мацкевича, можно сказать, попросили уйти с должности. В апреле 1903 г. начальник Штаба ОКЖ генерал-майор Д.П. Зуев написал Мацкевичу, что командир корпуса обратил внимание, что Мацкевич приобрел уже право на получение полной пенсии и эмеритуры, поэтому он предлагает ему оставить жандармскую службу, подав об этом соответствующее прошение. Оценивая 40-летнюю службу Мацкевича, из которых ¾ он провел в жандармах, командир корпуса обещал об исходатайствовании ему усиленной пенсии из казны. В июне начальник ТомГЖУ полковник Мацкевич был отчислен от своей должности и временно прикомандирован к Московскому ГЖУ, а в ноябре производен в генерал-майоры с одновременным увольнением от службы с мундиром и усиленной пенсией. Причина увольнения Мацкевича могла заключаться в его возрасте (на момент отставки ему исполнился 61 год), в чем можно увидеть курс руководства ОКЖ на омоложение командного состава.

Увольнение двух других начальников ТомГЖУ, полковников В.В. Келлера и С.А. Романова, произошло по причине, с точки зрения жандармского начальства, низкой эффективности их работы и вредного образа жизни. Так, начальник СЖО генерал-майор Н.И. Александров в январе 1890 г. сообщил в Штаб ОКЖ, что полковник Келлер, «имея пристрастие к употреблению крепких напитков, сделал ряд несоответствующих поступков», компрометирующих не только его, но и всех, кто носит жандармский мундир. Далее Александров писал, что нетрезвый образ жизни полковника не позволяет ему исполнять в должной мере служебные обязанности, в частности, он ничего не предпринял для предотвращения в 1889 г. возможных беспорядков со стороны студентов Императорского томского университета по причине недовольства ими отчислением одного из их товарищей. В феврале 1890 г. Келлер был отстранен от должности начальника ТомГЖУ и прикомандирован по делам службы к Штабу ОКЖ. В ноябре того же года он подал на имя царя прошение об увольнении его со службы с мундиром и пенсией по причине домашних обстоятельств. В декабре того же года просьба его была удовлетворена, но при увольнении он не получил генеральского чина, а пенсия назначалась в размере половины оклада от его жалованья [11].

Отстранение от должности полковника С.А. Романова произошло по инициативе начальства ОКЖ, указавшего, что Романов отчисляется «в виду полного несоответствия занимаемой им должности, а также по причине полного распада розыска в районе наблюдения и не отвечающего положению начальнику ГЖУ образа жизни, поэтому оставание его в Томске было признано Шефом нетерпимым». В августе 1911 г. Романова прикомандировали к ТомГЖУ, а в феврале 1912 г. – к ЖПУ СЖД. Несмотря на просьбы данного офицера перевести его на службу в европейскую часть страны, жандармское начальство осталось непреклонным, не желая видеть его более в своих рядах. Однако, видимо, были учтены прежние заслуги Романова, его четвертьвековая служба в жандармском ведомстве, из которых 15 лет он провел в Сибири, в том числе 8 лет возглавлял ТомГЖУ (второй результат по длительности пребывания на этом посту). Приказом по ОКЖ № 107 от 29 апреля 1913 г. Романова произвели в генерал-майоры с увольнением от службы по болезни с мундиром и пенсией полного оклада [12].

И, наконец, надо отметить, что последний начальник ТомГЖУ, полковник Н.Н. Субботин, также будет отстранен от должности, но не по распоряжению своего начальства, а в результате народного «волеизъявления» во время Февральской революции. По решению Томского временного комитета общественного порядка и безопасности 6 марта 1917 г. состоялся арест и заключение под стражу Субботина, здание ТомГЖУ было подвергнуто обыску, а вся выявленная жандармская документация сдана под охрану временного комитета [13]. О последующей деятельности последнего томского жандарма есть информация, что

в годы Гражданской войны он выступал на стороне антибольшевистских сил, став помощником начальника военного контроля Сибирской армии чеха по национальности капитана (затем – полковника) И.И. Зайчека [14. С. 199].

Таким образом можно сделать вывод, что должность жандармского штаб-офицера и начальника ГЖУ в Томске занимали лица средних лет, как правило, личные дворяне, кадровые военные, большинство из них не имело недвижимого имущества и тем самым служба для них являлась единственным источником для существования. За более чем 80 лет на должности губернских жандармских штаб-офицеров и начальников ГЖУ в Томской губернии побывало 30 человек. Средняя продолжительность пребывания в должности составляла 2 года 8 мес. Средний стаж службы в рядах жандармов перед переводом в Томск – 10 лет 7 мес. Средний возраст на момент вступления в должность – 43 года. При этом, как показано выше, со временем в Томскую губернию стали отправляться на службу офицеры, имевшие за своими плечами достаточно большой опыт жандармской службы и занимавшие до этого назначения не одну начальствующую должность. Однако непродолжительный срок службы в этом регионе говорит о достаточно высоком уровне ротации кадров, особенно на рубеже XIX–XX вв. Частые перемещения жандармских чинов, происходившие в то время, можно объяснить попыткой со стороны начальства Отдельного корпуса жандармов не допустить, чтобы жандармы обрастали связями на местах, не погружались в интриги местного чиновничества и общества, а выполняли с максимальной эффективностью возложенные на них обязательства, в первую очередь в борьбе с революционно-освободительным движением, стремились быть объективными в своих донесениях с мест. Изменился и статус Томска с далекой провинции до регионального центра управления целого ряда ведомств и отраслей, что делало Томск и губернию уникальным явлением не только в Сибири, но и во всей Российской империи. Служба в Томске стала отличным трамплином для дальнейшей карьеры в жандармском ведомстве для большинства лиц, кто здесь в разные годы занимал должность губернского жандармского начальника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Высочайшее утвержденное положение о Корпусе жандармов (9 сентября 1867 г.) [№ 44956] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (ПСЗРИ-2). СПб., 1871. Т. 42. Отд. 2-е. С. 73–80, 705–709.
2. Высочайшее утвержденное положение о Корпусе жандармов (1 июля 1836 г.) [№ 9355]. Штаты и табели // ПСЗРИ-2. СПб., 1837. Т. 11. Отд. 2-е. С. 772–783.
3. Высочайший указ «Об окладах жалованья, пенсий и столовых денег, а также о фураже и деньчищьем довольствии чинов военно-сухопутного ведомства» (17 апреля 1859 г.) [№ 34385]. Штаты и табели // ПСЗРИ-2. СПб., 1861. Т. 34. Отд. 2-е. С. 157–168.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 110. Оп. 2. Д. 396.
5. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 673.
6. Зиновьев В.П. Региональные центры управления в России (на примере Томска, Омска и Иркутска) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2017. Т. 21. С. 68–71.
7. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 1955.
8. Померлян А.Н., Санин В.Е. Руководство жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги (1893–1917 гг.) // Алтайский юридический вестник. 2018. № 2 (22). С. 27–32.
9. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 7707.
10. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19317.
11. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 6926.
12. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 16451.
13. Сибирская жизнь (Томск). 1917. 8 марта.
14. Кирмель Н.С. Кадры белогвардейских контрразведок: проблемы подбора и расстановки // Клио. 2006. № 4 (35). С. 197–203.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 августа 2020 г.

Gendarme Staff Officers and Heads of the Provincial Gendarme Administration in Tomsk Province: The Practice of Appointment and the Social Portrait

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 141–149.
DOI: 10.17223/15617793/457/17

Petr P. Rumyantsev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: petroom@mail.ru

Keywords: Gendarme Corps; political police; Siberian Gendarme District; supervision; officers; Tomsk Province; 19th – early 20th centuries.

The aim of the article is to study the practice of appointing chiefs of gendarme departments in Tomsk Province over the entire existence of the gendarme department in the region. To achieve this aim, the following objectives were set: (1) to identify all the gendarme staff officers and heads of the provincial Gendarme Administration in Tomsk Province, the periods of their leadership in the gendarme unit; (2) on the basis of biographical data, to compile a social portrait of gendarme chiefs in Tomsk Province by identifying categories such as their social origin, education, official activity before entering the gendarme service and the Gendarme Corps itself, their financial situation; (3) to determine the features of the practice of appointing heads of the gendarme department in Tomsk Province; (4) to answer the question about the prestige of the gendarme service in Tomsk Province. The main sources for the article were legal acts of Russian state authorities, Gendarme Corps orders, form and service records of gendarme ranks stored in the central archives of Russia; most of them are first introduced into scientific discourse. The main methods used in the study are a prosopographic method and comparative historical analysis. During the research, the author came to the following conclusions. The position of the head of the Gendarme Administration in Tomsk Province was held by middle-aged people (the average age was 43), as a rule, personal nobility, career military men, many of whom participated in military campaigns. Most of them did not have real estate and thus service was the only source of livelihood for themselves and their families. 30 people were heads of the Gendarme Administration in

Tomsk Province. The average length of service was 2 years and 8 months. The average length of service in the ranks of gendarmes before being transferred to Tomsk was 10 years and 7 months. Over time, officers with a fairly long gendarme service and leadership experience were assigned to go to Tomsk Province. The short term of service in Tomsk Province testifies to a fairly high level of staff turnover, especially at the turn of the 20th century. By the beginning of the 20th century, the status of Tomsk Province changed: a remote province became a regional administrative center and a desirable place where one could make a successful gendarme career.

REFERENCES

1. Russian Empire. (1871) Vysochayshee utverzhdennoe polozhenie o Korpuse zhandarmov (9 sentyabrya 1867 g.) [№ 44956] [The Imperially Approved Regulation on the Gendarme Corps (September 9, 1867) [No. 44956]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 42 (2). Saint Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii. pp. 73–80, 705–709.
2. Russian Empire. (1837) Vysochayshee utverzhdennoe polozhenie o Korpuse zhandarmov (1 iyulya 1836 g.) [№ 9355]. Shtaty i tabeli [The Imperially Approved Regulation Regulations on the Gendarme Corps (July 1, 1836) [No. 9355]. Staff and Timesheets]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 11 (2). Saint Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii. pp. 772–783.
3. Russian Empire. (1861) Vysochayshiy ukaz "Ob okladakh zhalovan'ya, pensiy i stolovykh deneg, a takzhe o furazhe i den'chishch'em dovol'stvii chinov voenno-sukhoputnogo vedomstva" (17 aprelya 1859 g.) [№ 34385]. Shtaty i tabeli [The Imperial Decree "On Salaries, Pensions and Food Money, as Well as on Forage and Money Allowance for Officials of the Military Land Department" (April 17, 1859) [No. 34385]. Staff and Timesheets]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 34 (2). Saint Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii. pp. 157–168.
4. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 2. File 396. (In Russian).
5. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 2. File 673. (In Russian).
6. Zinov'ev, V.P. (2017) Regional Centers of Governance in Russia (by the Example of Tomsk, Omsk and Irkutsk). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya – Bulletin of Irkutsk State University". Series "History"*. 21. pp. 68–71. (In Russian).
7. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 3. File 1955. (In Russian).
8. Pomerlyan, A.N. & Sanin, V.E. (2018) Leadership of the Gendarmerie Police Department Siberian Railway (1893–1917). *Altayskiy yuridicheskiy vestnik – Altai Law Journal*. 2 (22). pp. 27–32. (In Russian).
9. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 2. File 7707. (In Russian).
10. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 2. File 19317. (In Russian).
11. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 2. File 6926. (In Russian).
12. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 2. File 16451. (In Russian).
13. *Sibirskaya zhizn'*. (1917) 8 March.
14. Kirmel', N.S. (2006) Kadry belogvardeyskikh kontrrazvedok: problemy podbora i rasstanovki [Personnel of the White Guard Counterintelligence Services: Problems of Recruiting and Placement]. *Klio*. 4 (35). pp. 197–203.

Received: 10 August 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 150–156. DOI: 10.17223/15617793/457/18

УДК 355.233.11:94(571.1)

Т.В. Сарычева, Н.Д. Ростов

ВОЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОЕННО-ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КАК ЧАСТЬ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕДВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Рассматриваются с использованием широкого круга источников, преимущественно архивных, различные направления военно-физической подготовки учащейся молодежи Западной Сибири в предвоенные годы. На конкретных примерах авторы исследуют различные аспекты многосторонней деятельности государственных органов и общественных организаций в реализации государственной стратегии по подготовке молодежи к защите Родины.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Западная Сибирь; военное обучение; военно-физическая подготовка; учащаяся молодежь.

Задача военно-физической подготовки и военного обучения учащейся молодежи к концу 1930-х гг. приобрела особую актуальность для Советского государства. Предложения СССР по созданию системы коллективной безопасности в Европе, по сути, были отвергнуты западными державами. 29 сентября 1938 г., на конференции в Мюнхене Франция и Англия продемонстрировали единство в стратегическом курсе по направлению реваншистских устремлений А. Гитлера на Восток. Фашистская Германия начала осуществлять широкомасштабную программу по подготовке к мировой войне. В этих условиях СССР начал реализовывать комплекс мер по кардинальному изменению системы военно-физической подготовки учащейся молодежи и населения страны в целом. В современных исторических реалиях стремление ряда мировых держав к коренному переустройству миропорядка и игнорирование ими суверенитета и национальных интересов других государств привели к обострению военно-политической обстановки в мире. Это делает востребованным ретроспективный анализ исторического опыта Советского государства по подготовке страны к тяжелым военным испытаниям на рубеже 1930-х – начала 1940-х гг.

К концу третьего десятилетия XX в. милитаризация советского общества, коснулась всех областей жизнедеятельности огромной страны. В государственной системе мероприятий по подготовке молодежи и всего населения к защите Родины сфере физической культуры и спорта отводилось особое место. Стратегическая линия советского правительства была совершенно очевидной – превратить физкультуру и спорт в массовое движение по овладению оборонно-прикладными видами спорта. Приоритеты отдавались тем видам спорта, которые имели военно-прикладное значение для боевого резерва страны. Понятия военная, физкультурная и оборонная работа в конце 1930-х гг. практически не употреблялись отдельно друг от друга. Очень популярным в стране стал лозунг: «Каждый спортсмен – отличный стрелок, каждый стрелок – хороший спортсмен-осоавиахимовец» [1. С. 24].

Следует отметить, что именно командно-административная система, с ее мощной агитационно-пропагандистской направленностью способствовала приобщению значительной части населения государства к военно-физической подготовке. В этой связи огромное значение имело активное взаимодействие различных государственных и общественных структур по ее расширению, как профильных, так и непрофильных. Существенную помощь военным и комитетам физической культуры в организации военно-физической подготовки населения оказывали добровольные спортивные общества (ДСО), ВЛКСМ, Осоавиахим, профсоюзы и др.

Особую активность в развитии этой сферы проявлял комсомол, уделявший значительное внимание идеологическому воспитанию и физическому развитию молодежи, организации военного обучения и подготовке к защите Родины. X съезд ВЛКСМ, прошедший в апреле 1936 г., засвидетельствовал полную готовность комсомола «выполнить до конца свои обязанности по строительству коммунистического общества, по защите социалистического Отечества от нападения врагов социализма» [2. С. 10]. Усиление идейно-воспитательной работы в комсомольских организациях и среди населения было вполне объяснимо.

В апреле 1939 г. ЦК ВКП(б) утвердил «Положение о комсомольской работе в армии и флоте». Число комсомольцев в Вооруженных силах быстро увеличивалось. Августовским постановлением пленума ЦК ВЛКСМ 1939 г. «Об оборонной и физкультурной работе в комсомольских организациях» были определены основные направления и методы работы по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Перед молодыми людьми были поставлены конкретные задачи: сдача норм нового комплекса «Готов к труду и обороне», подготовка в 1939–1940 гг. без отрыва от производства 50 тыс. медицинских сестер, проведение соревнований между комсомольскими организациями заводов, предприятий, учебных заведений, колхозов и совхозов на лучшую постановку оборонно-массовой и физкультурной работы. При военно-физкультурных отделах комитетов комсомола всех уровней был создан внештатный актив [3. Т. 2. С. 55, 56].

Одним из направлений работы комсомольских организаций являлась подготовка молодежи по военно-техническим специальностям. Так, итоги проверки оборонной работы комсомольских организаций 1939 г.

показали, что Томская комсомольская организация находилась в числе лучших в Сибири по данному виду обучения. Все ее члены в рамках мероприятий по подготовке молодежи к армии успешно сдавали экзамены по военно-техническим дисциплинам. Получение неудовлетворительной оценки на экзамене являлось поводом для исключения из комсомола. В докладе командующего войсками Сибирского военного округа (СибВО) отмечалось, что 78% всех призывников имели одну и более военных специальностей (пилоты, шоферы, мотоциклисты и др.) [4. Л. 74].

В стране работали 55 военно-морских клубов, 78 автомотоклубов, 76 клубов и школ связистов. Кроме того, действовали тысячи кружков пулеметчиков, стрелков, гранатометчиков, медицинских сестер и других, где проходили обучение сотни тысяч юношей и девушек. Так, автомотоклуб Омской области в 1940 г. «в общественно-массовом порядке» осуществлял подготовку без отрыва от производства автомобилистов, танкистов, мотоциклистов [3. С. 57; 5. Л. 6].

Новосибирский автомотоклуб Осоавиахима в 1940 г. стал одним из крупнейших в СССР. Он имел свыше 300 автомотоучебных и спортивных машин и хорошую базу для учебной и спортивной работы. С 1939 по 1940 г. по теории автомобилей клубом было подготовлено 3 000 человек из лиц допризывного возраста и военнообязанных [6. С. 82].

Объективная неизбежность вовлечения Советского Союза в орбиту Второй мировой войны потребовала кардинальных изменений в военной подготовке учащейся молодежи. На основании Закона СССР «О всеобщей воинской обязанности», принятого VI сессией Верховного Совета СССР 1 сентября 1939 г., во всех учебных заведениях Западной Сибири было организованно военное обучение учащейся молодежи. Руководство начальной и допризывной военной подготовкой возлагалось на Наркомат обороны, а ее проведение в учебных заведениях – на штатных военных руководителей, оплата труда которых осуществлялась по сметам соответствующих наркоматов. Для школьников с 5-го по 7-й классы начальных и неполных средних школ вводилась начальная военная подготовка, для учащихся с 8-го по 10-й классы средних школ, техникумов, рабфаков, школ ФЗО и высших учебных заведений – допризывная военная подготовка. На их проведение отводилось в учебных планах по 2 часа в шестидневку и обязательным было прохождение лагерных сборов в конце учебного года [6. С. 55]. Был увеличен срок службы в Сухопутных войсках и авиации для рядового и сержантского состава, а призывной возраст снижен до 19 лет, для юношей со средним образованием – до 18 лет. Стали традицией торжественные проводы в армию и комплексная подготовка молодежи к военной службе [3. С. 53, 55].

Большое значение для перестройки системы военно-физической подготовки учащейся молодежи в 1939 г. имело правительственное решение об организации в составе Наркомпроса РСФСР (Наркомпросов АССР, и край (обл-)оно) управлений (групп) военной подготовки и физического воспитания учащихся, в компетенцию которых вошло учебно-методическое руководство военно-физкультурной подготовкой учащейся молодежи и студентов. Проект штатного расписания требовалось внести на утверждение в Народный комиссариат финансов до 9 ноября 1939 г. Управление было призвано решать широкий спектр задач: материально-техническое и финансовое обеспечение военно-физкультурной подготовки в школах и вузах, в том числе строительство стрелковых тиров и физкультурных площадок; подготовка и переподготовка военно-физкультурных кадров; контроль и инспектирование учебных заведений народного образования; разработка вопросов врачебного контроля в учебных заведениях и др. [7. С. 7; 8. Л. 17]. Не обошли вниманием и руководство внеклассной и внешкольной оборонно-физкультурной работой школьных и внешкольных учреждений, а также выполнение государственного задания по сдаче нормативов комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО).

Военная подготовка в 1939 г. была включена в вузовские учебные планы и программы по физическому воспитанию учащейся молодежи. Образованные к тому времени во всех вузах физкультурные кафедры отвечали не только за физическое, но и за военное воспитание студентов [9. С. 100–104; 10].

Интерес к военной подготовке был очевиден: в 1939 г. в Алтайском крае и Новосибирской области начальной военной подготовкой занимались 484,3 тыс. учащихся; допризывной подготовкой – 83,3 тыс. учащихся [11. Л. 7, 8].

В предвоенные годы в СССР, в том числе в регионах Западной Сибири, массово культивировались военно-технические и прикладные виды спорта. Военизированным стал и новый комплекс ГТО, который позволял государству держать значительную часть населения в состоянии мобилизационной готовности к войне. Активность в сдаче нормативов ГТО росла. По данным отчетов, если на 15 июля 1938 г. задание по подготовке значкистов ГТО томскими физкультурными организациями было выполнено на 25%, то в 1939 г. за тот же период – на 75%. В печати и по радио шла активная пропаганда комплекса ГТО. Для каждого учебного заведения и предприятия было установлено государственное задание по выполнению его норм [3. С. 57; 12].

Усиление работы в данном направлении оказало позитивное влияние на повышение физической подготовленности населения и мобилизационной готовности страны. Однако при этом нельзя не отметить и сопутствующие времени проявления бюрократического стиля: устанавливались нормы, проценты, насаждались обязательства и пр. Уровень физкультурной работы организаций рассматривался контролирующими органами исключительно с точки зрения соответствия установленным показателям и процентам. В архивах Омской области выявлены документы, свидетельствующие о невыполнении государственного задания по нормативам ГТО в 1939 г., а также решения II пленума Омского обкома ВКП(б) о создании массовых оборонных организаций на всех предприятиях, в организациях, в учреждениях и охвату трудящихся изучением военного дела. Можно предположить, что количество регионов, где не выполнялось задание по сдаче нормативов ГТО, было

значительным, так как материально-техническая база и инструкторский состав не соответствовали необходимому уровню [13. Л. 8]. Например, в Алтайском крае, число значкистов ГТО среди призывников выросло с 4% в 1938 г. только до 10,4% в 1940 г. [14. Л. 43; 15. Л. 4].

Тем не менее спортивно-массовая работа в армии строилась на основе комплекса ГТО, проводились ежедневная утренняя гимнастика, специальные учебные занятия и самодеятельные формы спортивно-массовой работы. В основу учебных занятий по физической подготовке в армии и на флоте были положены методы обучения и тренировки, приближенные к боевым условиям [16. Л. 134, 136; 17. С. 146, 148].

С началом 1940 г. в Наркомате обороны было создано специальное Управление по допризывной подготовке и в местных органах военного управления – инспекторский аппарат по начальной и допризывной военной подготовке [18. Л. 6 об.]. В структуре республиканских, краевых и областных военных комиссариатов были введены должности инспекторов начальной допризывной подготовки [19. Л. 80].

Разнообразные формы военно-патриотической пропаганды способствовали воспитанию у молодежи идейной убежденности в необходимости готовить себя к защите Родины. В городах Сибири активизировалась работа по проведению массовых мероприятий по военно-прикладным видам, в которых участвовали мотоциклисты, гранатометчики, парашютисты и др. Так, участниками традиционного городского кольцевого пробега, прошедшего 24 февраля 1939 г. в Томске, стали пешие лыжники с винтовками и противогазами, конные лыжники, мотоциклисты и бегуны [9. С. 100–104; 16. Л. 134, 136; 17. С. 146, 148].

Были введены некоторые изменения в походы и в так называемые скоростные переходы, пользовавшиеся с 1936 г. особой популярностью. Во время подобного перехода Томск – Новосибирск 21 февраля 1939 г. в районе села Проскоково были проведены показательные военизированные учения студенческой молодежи [9. С. 100–104; 20]. За лето 1940 г. физкультурные и комсомольские организации Новосибирской области организовали более 20 массовых военизированных походов призывной молодежи [21. Л. 29]. Инициаторами и организаторами военизированных походов, получивших в конце 1930-х гг. большое распространение, в большинстве являлись комсомол совместно с Осоавиахимом и физкультурными организациями. Западная Сибирь подтверждала общесоюзную тенденцию. В 1940 г. массовые военизированные походы организовывали комсомольцы Москвы, Тулы, Орла и других городов. Комсомольские организации Приморского края, Ленинграда, Севастополя провели военно-тактические учения и военно-морские игры [3. С. 58, 59].

Изменения претерпели программы всех проводимых соревнований. Военизированными стали и традиционные спортивные встречи Томского, Новосибирского и Омского медицинских институтов. Спортсмены (140 участников) соревновались в лыжном беге в противогазах (военизированный лыжный переход по нормативам ГТО 2 для мужчин – 10 км, для женщин – 5 км), конькобежном спорте, метании гранат, стрельбе и др. [9. С. 100–104; 22; 23].

Решением советского правительства было установлено ежегодное празднование Всесоюзного дня физкультурника. Это государственное решение способствовало более широкому вовлечению молодежи в процесс занятий спортом и физкультурой. Так, в Новосибирской области в проведении Дня физкультурника 21 июля 1939 г. приняли участие 33 тыс. чел., а в 1940 г. – уже свыше 100 тыс. чел. Следует отметить, что нововведением в праздновании Дня физкультурника в 1940 г. являлось включение военных видов соревнований по гранатометанию, мотокроссу, гребле и др. [9. С. 100–104; 16. Л. 134, 136; 17. С. 146, 148; 21. Л. 2].

Одним из видов спорта, который имел большую популярность у молодежи, стал парашютный. К началу 1930-х гг. томские организации Осоавиахима приступили к созданию парашютных, планерных и авиамодельных кружков. В 1930–1934 гг. были построены первый планер, первая парашютная вышка, открыта летно-планерная школа, на базе которой в 1933 г. был создан аэроклуб Осоавиахима. Члены общества собирали денежные средства, осуществляли строительство планеров и самолетов, а также учебного аэродрома [24, 25].

В сентябре 1934 г. было принято постановление ЦК ВЛКСМ и ЦС Осоавиахима о парашютном спорте. Управленческие структуры придавали огромное значение этому новому военно-прикладному виду спорта, повсеместно создавались профильные кружки. За организацию данного направления отвечали образованные советы парашютного спорта при Осоавиахиме и специальный институт уполномоченных парашютного спорта при крайкомах, обкомах комсомола и ЦК ВЛКСМ союзных республик [26. Л. 85–85 об.].

В 1934 г. начал работать первый на Алтае и второй в Сибири Бийский аэроклуб. В 1935 г. в Томске было сделано 3 750 прыжков с парашютной вышки (первое место по Запсибкраю). Авиамоделизмом занималось около 1 500 человек. В 1936 г. первый выпуск произвел Барнаульский аэроклуб, выполнив государственное задание на 138%. В 1937 г., как и все аэроклубы Западной Сибири, он готовил авиационных специалистов без отрыва от производства в две очереди. Аналогичная работа в Западной Сибири проводилась в конце 1930 – начале 1940-х гг. повсеместно [24; 27. С. 310, 311; 28. Л. 145].

К началу 1941 г. в стране насчитывалось 180 аэроклубов и 46 парашютно-планерных клубов, в которых осуществлялась подготовка летчиков запаса, пилотов-планеристов, парашютистов, авиамехаников и других авиационных специалистов. Эти кадры сыграли важную роль в пополнении Военно-воздушных сил СССР. Из числа воспитанников аэроклубов выросли такие известные военные летчики, как А. Покрышкин, И. Кожедуб, А. Молодчий, Н. Гастелло, А. Серов, П. Осипенко и многие другие. Сотни летчиков – воспитанников Томского аэроклуба прославили Родину в годы Великой Отечественной войны. Бывший авиамоделист И. Черных повторил подвиг Н. Гастелло, ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Пилотом тяжелого бомбардировщика в

годы Великой Отечественной войны был Александр Сидоров. Командиром эскадрильи в составе женского Таманского авиаполка воевала А. Полянцева. Успехи Советского Союза в развитии авиаспорта были очевидны. К 1941 г. 13 мужских рекордов из 20, зарегистрированных Международной авиационной федерацией, принадлежали СССР, из 10 женских рекордов 7 установили советские летчицы и планеристки [3. С. 57; 24].

Большую популярность у призывной молодежи в предвоенные годы приобрела сдача норм на оборонные значки «Ворошиловский стрелок», «Готов к противовоздушной и химической обороне», «Готов к санитарной обороне», «Альпинист СССР», «Парашютист СССР», «Турист СССР». Она организовывалась повсеместно Осоавиахимом при активном содействии военных, ВЛКСМ и активистов-общественников. Для целенаправленной подготовки молодежи к сдаче норм на оборонные значки создавались специальные школы и команды из числа допризывников, которые действовали при сельских советах и первичных организациях Осоавиахима. Для работы среди призывников председатели первичных организаций Осоавиахима направляли опытного осоавиахимовца, преимущественно отслужившего в армии. Райкомы ВКП(б) и ВЛКСМ выделяли политруков для изучения текущей политики [29. Л. 24]. Так, по данным газеты «Красное знамя», в 1938 г. Томский горсовет Осоавиахима открыл школу ворошиловских всадников, где по 182-часовой программе обучались более 40 человек, а к апрелю 1939 г. организовал 193 новых оборонных кружка общей численностью 2 254 человека. В кружках готовились ворошиловские стрелки, шла подготовка к сдаче норм на оборонный значок ПВХО. Неуклонно росло количество оборонных значкистов среди призывной молодежи Алтайского края [14. Л. 43; 15. Л. 4; 30; 31].

Активно работали младшие командиры запаса по подготовке оборонных значкистов в Шипуновском районе, усилиями которых в 1940–1941 гг. военно-физическим воспитанием были охвачены все допризывники района. Для принятия зачетов и проверки на местах социалистического договора по подготовке к призыву со Старо-Бардинским районом, в Солонешенском районе Алтайского края с 23 по 28 сентября 1940 г. был проведен 5-дневный лагерный сбор допризывной молодежи [32. Л. 134; 33]. В Новосибирской области в 1939 г., по сравнению с 1938 г., из числа призывной молодежи было подготовлено оборонных значкистов в 5 раз больше. Высокий процент подготовленных значкистов из числа призванных был в городах Сталинске – 90%, Анжеро-Судженске – 93%, Томске – 87%, Черепаново – 63% [34. Л. 14]. Для понимания объема проводимой организацией работы отметим, что к началу 1941 г. Осоавиахим объединял 13 млн советских граждан [3. С. 56; 30; 31].

С середины 1930-х гг. в число приоритетных видов вошел стрелковый спорт. В 1935 г. были созданы спортивно-стрелковый комитет Всесоюзного совета физической культуры (ВСФК) при ЦИК СССР и спортивно-охотничьи комитеты при областных, городских и районных советах физической культуры. На основании постановления СНК СССР от 23 января 1936 г. № 114 «О перерегистрации охотников» граждане, занимавшиеся промысловой и спортивной охотой, должны были встать на учет. Большую популярность приобрели стрелковые соревнования, в том числе ворошиловских стрелков. Так, в 1936 г. в Барнауле в соревнованиях ворошиловских стрелков приняли участие более 2 тыс. чел. [28. Л. 144; 35. Л. 10; 36. Л. 21; 37. С. 7].

Численность ворошиловских стрелков в регионах Западной Сибири росла достаточно быстро. Например, в Алтайском крае с 5,3% в 1939 г. она увеличилась до 17,3% в 1940 г. К 1940 г. в Томском институте инженеров железнодорожного транспорта насчитывались сотни ворошиловских стрелков, пулеметчиков, стрелков из пистолета, были также и снайперы [14. Л. 43; 15. Л. 4; 38].

Большое военно-прикладное значение лыжного спорта вывело его к 1939 г. в Западной Сибири в число наиболее приоритетных. Задачей того времени была подготовка не только лыжника-спортсмена, а главным образом лыжника-бойца, способного действовать в боевой обстановке. К 1940 г. на многих предприятиях были организованы лыжные батальоны, рассматривался вопрос об их создании в вузах сибирских городов. Так, Томский горком по делам ФК и С организовал в конце 1939 г. цикл методических лекций по зимним видам спорта для инструкторов организаций и спортивных обществ. Это содействовало увеличению числа подготовленных инструкторов лыжного спорта. В Алтайском крае в первой половине 1941 г. курс лыжной подготовки прошли 42,9% допризывников [39. Л. 38; 40. Л. 112; 41. Л. 9].

Совершенствованию военно-физической подготовки учащейся молодежи, популяризации лыжного спорта и идейно-патриотического воспитания способствовали организованные лыжные переходы. В конце декабря 1940 г. спортсмены Новосибирска совершили большой лыжный переход по маршруту Новосибирск – Свердловск и обратно, положив начало массовым лыжным переходам и кроссам в СССР. Массовые групповые и одиночные военизированные и скоростные лыжные переходы на 40–80 и 100 км стали для сибирской молодежи нередким явлением [6. С. 78].

В начале 1941 г. по маршруту Томск – Новосибирск прошли студенты ТМИ под руководством И.Я. Безденежных и студенты института железнодорожного транспорта под руководством В.А. Чесновича. Были также организованы переходы по маршруту Томск – Тайга. Кроме переходов, студенты вузов совершали большое количество походов в близлежащие колхозы с целью популяризации лыжного спорта [41. Л. 18; 42; 43].

Вместе с тем следует отметить, что многие физкультурные акции носили эпизодический характер, а проявляемая активность при их подготовке сменялась спадом по окончании мероприятий, а то и полным прекращением физкультурной работы. Например, отчет Томского горкома ВЛКСМ, сохранившийся в архивных фондах, свидетельствует о том, что созданные при подготовке и проведении кросса студенче-

ские лыжные батальоны прекратили существование практически сразу после его завершения [41. Л. 21].

Поворотным для развития военно-физического воспитания учащихся явился 1941 г. Постановлением СНК РСФСР № 22 от 13 января 1941 г. «О мероприятиях по развитию физкультуры и спорта в РСФСР» предусматривалось проведение ряда мероприятий, направленных на коренное изменение системы военно-физического воспитания учащейся молодежи. В наркоматах просвещения автономных республик, в краевых и областных отделах народного образования были учреждены должности инспекторов-методистов по физическому воспитанию [44. Л. 18].

В последние мирные месяцы 1941 г. на развитие физкультуры и спорта среди школьной молодежи Советское государство выделило значительные средства. На строительство физкультурных площадок и приобретение спортивного оборудования и инвентаря на каждую среднюю школу выделялось по 1 500 и 1 200 руб. соответственно. На строительство 300 кустовых межшкольных стрелковых тиров было выделено 32 млн руб. Для оборудования военных кабинетов в средних школах выделялось по 1 000 руб., военных классов в городе – 200 руб., в сельской местности – 150 руб. Для оборудования военных классов в неполных городских средних школах выделялось 150 руб., в сельских – 70 руб. Ежегодные отчисления на организацию массовой оборонной и физкультурной работы на каждый класс составляли: по 20 руб. – с 1-го по 4-й классы; по 25 руб. – с 5-го по 7-й классы и по 50 руб. – с 8-го по 10-й классы. Значительные средства были выделены на строительство и оборудование кустовых межшкольных стрелковых тиров. Постановлением также были установлены твердые должностные ставки военных руководителей [44. Л. 19, 45, 50, 64, 65].

В соответствии с «Положением о факультативном курсе по физической культуре», утвержденном Наркомпросом РСФСР 15 апреля 1941 г., в целях углубленного изучения теории и практики физкультурной работы в университетах, педагогических и учительских институтах Наркомпроса РСФСР было разрешено организовывать факультативные курсы по физической культуре для студентов 1-го курса учительских институтов и 3-х курсов педагогических институтов и университетов. Для студентов, изъявивших желание изучать этот курс, обязательным являлся ряд условий: разрешение врача и четырехразовый осмотр в год, а также наличие значка ГТО I ступени. Кроме того, для студентов пединститутов и университетов необходимым также являлось успешное выполнение программы обязательной физической подготовки на 1-м и 2-м курсах не ниже чем на оценку«хорошо». Занятия проходили 2–3 раза в неделю в среднем по 8–12 часов и включались в общее расписание [45. Л. 11, 12]. Для оплаты внеклассной спортивной работы преподавателей физкультуры в школах вводилась дополнительная ставка в месяц 100 руб. для неполных средних и 150 руб. – для средних школ. Преподавательская заработная плата военных руководителей рассчитывалась на основе новой учебной сетки (по 3 часа в неделю в 5–9-х классах, в 10-х классах по ставке преподавателей родного языка, литературы, физики и математики). Аналогичные меры были предусмотрены в педучилищах, техникумах и политпросветшколах [44. Л. 65, 68].

Таким образом, несмотря на отдельные несостыковки, бюрократические препоны, определенный формализм система военно-физической подготовки учащейся молодежи Западной Сибири в предвоенные годы сработала достаточно эффективно. Это стало возможным благодаря всестороннему взаимодействию государственных, партийных органов и общественных организаций. Весомый вклад в патриотическое и военно-физическое воспитание молодого поколения внесли такие общественные организации, как ВЛКСМ и Осоавиахим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сарычева Т.В. Становление и развитие физической культуры в системе высшего образования в Сибири на примере вузов г. Томска (20–80-е гг. XX в.). Томск : Изд-во ТПУ, 2013. 123 с.
2. X съезд ВЛКСМ : стенографический отчет. 1936. Т. 1.
3. Славный путь Ленинского комсомола : в 2 т. М., 1974.
4. Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 608. Оп. 39. Д. 210.
5. Государственный исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. 17. Оп. 1. Д. 3053.
6. Ростов Н.Д. Если завтра война... Подготовка молодежи Западной Сибири к защите родины (1937 – июнь 1941 г.). Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2004. 221 с.
7. Сборник приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР. М., 1939. № 258.
8. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ) Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 6150.
9. Сарычева Т.В. Милитаризация физического воспитания и общественно-патриотическое движение в СССР в предвоенные годы (1939–1941 гг.) на примере г. Томска // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351.
10. Физкультура и спорт // Красное знамя. 1939. 27 февр.
11. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 6149.
12. Тихонов Н. С чем мы встречаем праздник // Красное знамя. 1939. 18 июля.
13. ГИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2136.
14. Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 322.
15. ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 110.
16. ГИАОО. Ф. 2161. Оп. 1. Д. 42.
17. Физическая культура и спорт в СССР / под ред. Г.Б. Хотянова. М., 1967.
18. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 57. Оп. 12305. Д. 46.
19. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 6152.
20. По городу и району // Красное знамя. 1939. 23 февр.
21. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. П-4. Оп. 4. Д. 558.
22. Красное знамя. 1940. 17 февр.
23. Физкультура и спорт. Встреча трех институтов // Красное знамя. 1940. 6 марта.

24. Соколов Ю. Томские авиаторы // Молодой ленинец. 1958. 30 июля.
25. Сидоров А.Н. За учебой // Красное знамя. 1940. 18 авг.
26. ЦДНИ ТО. Ф. 251. Оп. 2. Д. 3.
27. Энциклопедия Алтайского края : в 2 т. Барнаул, 1995. Т. 1.
28. ГААК. Ф. 312. Оп. 1 а. Д. 23.
29. ГААК. Ф. П-5155. Оп. 1. Д. 27.
30. По городу // Красное знамя. 1939. 9 апр.
31. По городу // Красное знамя. 1939. 8 мая.
32. ГААК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 423. Л. 134.
33. ГААК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 27. Л. 36.
34. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 3. Д. 404.
35. ГАНО. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 79.
36. ГИАОО. Ф. 2161. Оп. 1. Д. 2.
37. История развития физкультурно-спортивного движения на Алтае // Алтай спортивный : информ. справ. / авт.-сост. Н.М. Шубенкова; под общ. ред. В.А. Альта. Барнаул, 2007.
38. Владимиров М. Стрелковые кадры // Красное знамя. 1940. 9 июля.
39. ГААК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1.
40. ЦДНИ ТО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 100 а.
41. ЦДНИ ТО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 111.
42. Красное знамя. 1941. 26 янв.
43. Старт лыжного военизированного похода Томск–Новосибирск // Красное знамя. 1941. 14 янв.
44. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 6151.
45. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 75. Д. 3491.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 ноября 2019 г.

Military Instruction and Military Physical Training of Students in Western Siberia as Part of the Pre-War Soviet Culture (1939–1941)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 150–156.
DOI: 10.17223/15617793/457/18

Tatiana V. Sarycheva, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sarycheva_tv_1@mail.ru
Nikolay D. Rostov, Polzunov Altai State Technical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: ndrostov@mail.ru

Key words: Great Patriotic War; Western Siberia; military instruction; military physical training; student youth.

The study analyzes the militarization of the physical culture sphere in the late 1930s – early 1940s and the interaction of various institutions in organizing and expanding military instruction, military physical training and ideological and patriotic preparation in Western Siberia as integral parts of the pre-war Soviet culture. The most significant regulations and events are analyzed based on regional archival material and periodicals. The study showed that in the pre-war years the USSR implemented a set of measures to radically change the system of military physical training of students and the country's population as a whole. The most significant actions for the restructuring of the military and physical training system of students were: the government decision of 1939 on the organization of military training and physical education groups as part of the RSFSR Narkompros (the Narkomproses of the Autonomous Soviet Socialist Republics and regional educational departments), which included educational and methodological guidance of the military and physical training of students and youth; the creation of a special directorate for pre-conscription training in the People's Commissariat of Defence and an inspectorial apparatus for basic and pre-conscription military training in the local bodies of military administration at the beginning of 1940; the resolution of the RSFSR Sovnarkom of 1941 on measures to develop physical education and sports in the RSFSR. Military training of students in all educational institutions of Western Siberia was organized as early as in 1939. The sphere of physical culture occupied one of the key positions in the formation of the ideologically and physically prepared defender of the motherland. Volunteer sport unions, the Komsomol, Osoaviakhim, trade unions and others provided substantial assistance to the military and physical culture committees in organizing military physical training. In the pre-war years, Western Siberia, like the USSR, massively introduced military technical and applied sports, organized paramilitary skiing and hiking fro the conscripted youth. Parachuting, passing the standards for "GTO" [Ready for Labour and Defence of the USSR], "Voroshilov Sharpshooter", "Ready for Air and Chemical Defense" and other defense badges were very popular among the population. In 1939 Novosibirsk Oblast had five times more holders of defense badges among the conscripted youth than in 1938. Thus, the system of military and physical training of students in Western Siberia in the pre-war years worked quite efficiently: the training became part of the culture of Soviet citizens; the state and party bodies and public organizations interacted comprehensively on the issue. Such public organizations as the Komsomol and Osoaviakhim made a significant contribution to the patriotic and military physical training of the young generation.

REFERENCES

1. Sarycheva, T.V. (2013) *Stanovlenie i razvitie fizicheskoy kul'tury v sisteme vysshego obrazovaniya v Sibiri na primere vuzov g. Tomska (20–80-e gg. XX v.)* [Formation and Development of Physical Culture in the System of Higher Education in Siberia on the Example of Universities in Tomsk (1920s–1980s)]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
2. VLKSM. (1936) *X s"ezd VLKSM: stenograficheskiy otchet* [The 10th Congress of the Komsomol: A Verbatim Report]. Vol. 1. Moscow: Partizdat.
3. Tyazhel'nikov, E.M. et al. (eds) (1974) *Slavnyy put' Leninskogo komsomola: v 2 t.* [The Glorious Path of the Lenin Komsomol: In 2 Volumes]. Moscow: Molodaya gvardiya.
4. Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 608. List 39. File 210. (In Russian).
5. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 17. List 1. File 3053. (In Russian).
6. Rostov, N.D. (2004) *Esli zavtra voyna... Podgotovka molodezhi Zapadnoy Sibiri k zashchite rodiny (1937 – iyun' 1941 g.)* [If Tomorrow Is War . . . Preparing the Youth of Western Siberia to Defend Their Homeland (1937 – June 1941)]. Barnaul: Altai State Technical University.
7. *Sbornik prikazov i rasporyazheniy po Narkomprosu RSFSR*. (1939) 258.
8. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-2306. List 70. File 6150. (In Russian).

9. Sarycheva, T.V. (2011) Physical Education Militarization and the Public Patriotic Movement in the Ussr in Prewar Time (1939–1941) by Example of Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 351. pp. 100–104. (In Russian).
10. *Krasnoe znamya.* (1939) Fizkul'tura i sport [Physical Culture and Sport]. 27 February.
11. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-2306. List 70. File 6149. (In Russian).
12. Tikhonov, N. (1939) S chem my vstrechaem prazdnik [What we greet the holiday with]. *Krasnoe znamya*. 18 July.
13. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 17. List 1. File 2136. (In Russian).
14. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund P-1. List 1. File 322. (In Russian).
15. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund P-1. List 18. File 110. (In Russian).
16. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 2161. List 1. File 42. (In Russian).
17. Khotyanov, G.B. (ed.) (1967) *Fizicheskaya kul'tura i sport v SSSR* [Physical Culture and Sport in the USSR]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
18. Central Archives of the Russian Ministry of Defence (TsAMO RF). Fund 57. List 12305. File 46. (In Russian).
19. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-2306. List 70. File 6152. (In Russian).
20. *Krasnoe znamya.* (1939) Po gorodu i rayonu [Around the city and district]. 23 February.
21. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-4. List 4. File 558. (In Russian).
22. *Krasnoe znamya.* (1940) 17 February.
23. *Krasnoe znamya.* (1940) Fizkul'tura i sport. Vstrecha trekh institutov [Physical education and sports. Meeting of three institutes]. 6 March.
24. Sokolov, Yu. (1958) Tomskie aviatory [Tomsk aviators]. *Molodoy Leninets*. 30 July.
25. Sidorov, A.N. (1940) Za ucheboy [For studies]. *Krasnoe znamya*. 18 August.
26. Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 251. List 2. File 3. (In Russian).
27. Mishchenko, V.T. et al. (eds) (1995) *Entsiklopediya Altayskogo kraya: v 2 t.* [Encyclopedia of Altai Krai: In 2 Volumes]. Vol. 1. Barnaul: Alt. kn. izd-vo. pp. 310–311.
28. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 312. List 1 a. File 23. (In Russian).
29. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund P-5155. List 1. File 27. (In Russian).
30. *Krasnoe znamya*. (1939) Po gorodu [Around the city]. 9 April.
31. *Krasnoe znamya*. (1939) Po gorodu [Around the city]. 8 May.
32. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund P-1. List 1. File 423. Page 134. (In Russian).
33. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund P-1. List 1. File 27. Page 36. (In Russian).
34. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-4. List 3. File 404. (In Russian).
35. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-906. List 1. File 79. (In Russian).
36. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 2161. List 1. File 2. (In Russian).
37. Shubenkova, N.M. (2007) Istoriya razvitiya fizkul'turno-sportivnogo dvizheniya na Altae [The history of the development of the physical culture and sports movement in Altai]. In: Al't, V.A. (ed.) *Altay sportivnyy: inform. sprav*. [Altai Sports: A Reference Book]. Barnaul: Pyat' plyus.
38. Vladimirov, M. (1940) Strelkovye kadry [Shooting Staff]. *Krasnoe znamya*. 9 July.
39. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund P-1. List 2. File 1. (In Russian).
40. Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1221. List 1. File 100 a. (In Russian).
41. Center for Documentation of Contemporary History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1221. List 1. File 111. (In Russian).
42. *Krasnoe znamya.* (1941) 26 January.
43. *Krasnoe znamya.* (1941) Start lyzhnogo voenizirovannogo pokhoda Tomsk–Novosibirsk [Start of the ski paramilitary walk Tomsk–Novosibirsk]. 14 January.
44. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-2306. List 70. File 6151. (In Russian).
45. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-2306. List 75. File 3491. (In Russian).

Received: 24 November 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 157–167. DOI: 10.17223/15617793/457/19

УДК (689.1) + 94.6

В.А. Сидоров

ЗИМБАБВЕ: ОТ МУГАБЕ К МНАНГАГВЕ

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 16-07-00010 «“Африканский вектор” фундаментальной трансформации экономической структуры РФ в новых геополитических условиях».

Рассматриваются причины и последствия драматичных событий, которые привели к смене руководства Зимбабве. В начале дается обзор правления Р. Мугабе. Далее особое внимание уделяется произошедшими в конце 2017 г. событиям, положившими конец правлению Мугабе. Анализируются как предвыборная кампания 2018 г., так и результаты самих всеобщих выборов этого года и развития ситуации в стране после их проведения.

Ключевые слова: Зимбабве; Юг Африки; Роберт Мугабе; Эммерсон Мнангагва; ЗАНУ-ПФ; Чамиса; «переворот»; выборы.

15 ноября 2017 г. мировые СМИ сообщали о появившейся на улицах столицы Зимбабве г. Хараре бронетехнике. Речь шла о «военном перевороте». Стало ясно, что президент Роберт Мугабе, бессменно правивший Зимбабве с момента получения независимости в 1980 г., уже не контролирует ситуацию в стране и его эпоха закончилась. 21 ноября 2017 г. Р. Мугабе подал в отставку с поста президента. 24 ноября 2017 г. президентом Зимбабве стал бывший вице-президент Эммерсон Мнангагва. 30 июля 2018 г. он победил на очередных президентских выборах. В рамках данной статьи автор постарается осветить причины и последствия бурных политических процессов в Республике Зимбабве. Что произошло в этой ключевой для Юга Африки стране?

История

На протяжении многих лет шла борьба против правительства белого меньшинства, которое возглавлял Ян Смит. Сначала основной силой, боровшейся с расистским режимом, была партия Союз африканского народа Зимбабве (ЗАПУ, Zimbabwe African People’s Union) под руководством Джошуа Нкомо. В дальнейшем члены партии, несогласные с Нкомо, покинули ее и создали Африканский национальный союз Зимбабве (ЗАНУ, Zimbabwe African National Union). Позднее его возглавил будущий президент страны Роберт Мугабе.

В 1980 г. Республика Зимбабве получила независимость от Великобритании. Роберт Мугабе, который возглавил страну, проявил себя вначале как договороспособный политик и отличный дипломат. Правительство Р. Мугабе начало проводить энергичную внешнюю политику. Наряду с сильной экономикой и соблюдением договоренностей, достигнутых в ходе переговоров о передаче власти, это выгодно выделяло Зимбабве среди других стран Африки.

Целью внутренней политики новой страны было преодоление нищеты и расового неравенства, которые сложились в период колониализма и расовой сегрегации. В то же время Мугабе продолжил политику государственного регулирования экономики страны. Социальная политика руководства страны существенно улучшила качество жизни рядовых зимбабвийцев. Для покрытия больших социальных расходов правительство прибегало к крупным внешним заимствованиям. В начале 1990-х гг. в условиях необходимости возврата старых займов правительство согласилось на реализацию предложенной МВФ Программы по экономической и структурной адаптации. Однако большинство из обозначенных целей программы достигнуты не были, и в результате плохо продуманные реформы по экономической либерализации имели плачевные последствия: сильная девальвация национальной валюты, закрытие многих промышленных предприятий, значительное снижение налоговой базы и резкий рост уровня безработицы.

К 2000 г. в Зимбабве продолжала сохраняться доставшиеся со времен правления белого меньшинства диспропорции в землевладении. Несмотря на многолетние старания властей, к концу 1990-х гг. наиболее прибыльные земли все еще оставались в собственности малого числа белых фермеров, которые составляли 1% населения страны. В 2000 г. ветераны освободительной борьбы начали самовольные захваты белых ферм [1]. Стремясь сохранить популярность накануне выборов, президент Р. Мугабе поддержал их. Правительство начало проводить радикальную программу ускоренной земельной реформы, которая предусматривала экспроприацию земель белых фермеров без выплаты компенсаций. В большинстве случаев на изъятых землях африканские фермеры не могли быстро наладить сельскохозяйственное производство. Это ухудшило и без того непростую экономическую ситуацию. Зимбабве, ранее бывшей житницей Юга Африки, стала импортировать зерно. К 2003 г. больше половины жителей страны зависели от продовольственной помощи [2. С. 36]. В 2000–2007 гг. объем сельскохозяйственного производства сократился на 51%, а объем промышленного производства – на 47% [3]. В то же время с 500 до 300 долл. снизился номинальный ВВП на душу населения. Темпы инфляции в годы кризиса стали одними из самых высоких в истории: к концу 2007 г. она превысила 12 тыс. %, а в 2008 г. инфляция, по различным оценкам, составляла от 231 млн [4] до 471 млрд % [5].

На 2008 г. пришелся пик кризиса. Страна оказалась на грани катастрофы: многие административные учреждения, школы и больницы не функционировали. В условиях экономического кризиса главная оппозиционная партия – Движение за демократические пе-

ремены (Movement for Democratic Change, МДС) – во главе с ее лидером Морганом Тсвангираи быстро усиливала свои позиции.

Росту оппозиционных настроений не помешало даже то, что в 2005 г. МДС раскололась на две «формации», названных по фамилиям их лидеров: Моргана Тсвангираи и Артура Мутамбары, впоследствии его сменил Уэлшмен Нкубе. Чтобы различать эти формации, к названию партии добавляют первую букву фамилии лидера – т.е. МДС-Т и сначала МДС-М, а потом МДС-Н [6. С. 109].

В конце марта 2008 г. состоялись парламентские и президентские выборы. По итогам парламентских выборов МДС-Т получила 99 мест, ЗАНУ-ПФ – 97, а МДС-М – 10 мест [7]. Объявление итогов президентских выборов затянулось. Они были оглашены только в начале мая 2008 г. Согласно официальным данным, Тсвангираи набрал 47,9%, а Мугабе – 43,2% [6. С. 111]. Второй тур президентских выборов был назначен на конец июня 2008 г. Но всего за несколько дней до голосования Тсвангираи отказался участвовать в выборах, сославшись на запугивание и преследование его сторонников [8]. Однако по закону делать это было уже поздно, и поэтому имя Тсвангираи продолжало фигурировать в бюллетенях. По итогам голосования (фактически на безальтернативной основе) Мугабе был переизбран президентом Зимбабве, набрав 85,5% голосов [9].

В сентябре 2008 г. партии ЗАНУ-ПФ, МДС-Т и МДС-М при посредничестве ЮАР заключили «Глобальное политическое соглашение» (ГПА, Global Political Agreement). Стороны договорились о сотрудничестве с целью преодоления кризиса. Соглашение предусматривало приход к власти объединенного «инклюзивного» правительства, разработку и принятие новой конституции и проведение новых всеобщих выборов [10]. Новый кабинет министров начал работу в феврале 2009 г. Р. Мугабе остался на посту президента, а М. Тсвангираи стал премьер-министром [11. С. 45].

В марте 2013 г. на референдуме была принята новая конституция Зимбабве [6. С. 122]. В июле 2013 г. состоялись очередные всеобщие выборы. Согласно официальным результатам, Мугабе набрал 61,1% голосов, а его Тсвангираи – 33,9% [12]. Таким образом Мугабе победил уже в 1-м туре. ЗАНУ-ПФ получила большинство в нижней палате парламента, заняв 196 из 270 мест, МДС-Т – 70, а МДС-Н – 2 места [13]. Фактически Мугабе и его партия взяли реванш за поражение на предыдущих выборах.

«Переворот»

В 2014 г. на политическую авансцену неожиданно вышла жена президента Грэйс Мугабе и стала последовательно стараться сконцентрировать власть в стране вокруг себя. В августе 2014 г. ее избрали главой Женской лиги ЗАНУ-ПФ [14]. Почти сразу же после избрания Грейс стала конфликтовать с первым вице-президентом страны – Джойс Муджуру. Будучи ветераном антиколониальной борьбы, Дж. Муджуру долгое время была одним из руководителей правящей партии и считалась наиболее вероятным преемником Р. Мугабе. Вскоре в декабре 2014 г. Муджуру была отстранена от должности вице-президента по обвинению в заговоре против президента [15]. Вместо Муджуру первым вице-президентом страны стал другой ветеран национально-освободительного движения – Эммерсон Мнангагва [16]. Он стал фактически вторым человеком в партии и государстве.

В результате к 2017 г. в правящей партии оформились две фракции. С одной стороны, крыло ветеранов национально-освободительного движения во главе с первым вице-президентом Э. Мнангагвой. С другой G40 (“Generation 40” – «Поколение 40») – группа более молодых политиков, как правило, в возрасте от 40 до 50 лет (отсюда и название). Ветераны антиколониальной борьбы занимали в ЗАНУ-ПФ ведущее положение с момента обретения Зимбабве независимости в 1980 г. Долгое время Р. Мугабе, будучи сам ветераном, пользовался беспрекословной поддержкой этого крыла.

Фракция G40 сформировалась в 2013 г. уже после принятия новой конституции Зимбабве и всеобщих выборов. Она объединила более молодых образованных политиков из числа членов партии. Фактическим лидером G40 стала жена президента – Грэйс Мугабе.

Между двумя фракциями началась, по сути, открытая борьба за место преемника. Казалось, что Грейс побеждает: 6 ноября 2017 г. Мнангагва был освобожден с поста вице-президента [17] по обвинению в попытке государственного переворота, исключен из ЗАНУ-ПФ и бежал в ЮАР. Казалось, что Грейс Мугабе станет вице-президентом правящей партии на запланированном в конце 2017 г. съезде и, соответственно, первым вице-президентом страны [18]. По конституции в случае смерти действующего президента (что было вполне вероятно, учитывая, что Р. Мугабе к тому времени уже исполнилось 93 года) новым президентом стал бы первый вице-президент.

Отставки близкого к армейскому командованию Мнангагвы (ранее он занимал пост министра обороны) и угроза дальнейших увольнений вынудили и военных действовать на опережение. Согласно Чинге Дубе, видного командира национально-освободительного движения, военное руководство предупредило Р. Мугабе еще в начале ноября 2017 г. о недопустимости снятия Мнангагвы, но Мугабе пренебрег их требованиями [19].

После этого 13 ноября командующий вооруженными силами Зимбабве генерал Константин Чивенга на пресс-конференции прямым текстом заявил, что военные «будут вынуждены вмешаться, если чистки не прекратятся» [20]. В ответ днем 14 ноября министр информации и пресс-секретарь правящей партии Саймон Кхайя-Мойо от имени руководства назвал поведение Чивенги «предательским» [21]. Однако было уже поздно – армия перешла от слов к делу.

Захват власти произошел молниеносно и почти бескровно. Вечером 14 ноября 2017 г. армия взяла под контроль здание центрального государственного телеканала – Зимбабвийской телерадиовещательной корпорации. На улицах Хараре появилась бронетехника. К середине 15 ноября военные взяли под кон-

троль и другие стратегические пункты, включая резиденцию Роберта Мугабе. Был задержан ряд министров из фракции G40.

В официальном заявлении утром 15 ноября 2017 г. представитель военных генерал Субисисо Мойо подчеркнул, что эти действия не являются военным переворотом. По его словам, Р. Мугабе остается у власти, а целью военных были только те лица из окружения президента, «которые совершают преступления, вызывающие социальные и экономические страдания» [22].

Стойкое нежелание армии именовать свои действия переворотом, а также подчеркнуто вежливое обращение к Р. Мугабе объясняются двумя причинами. Во-первых, несмотря на стремление отстранить Р. Мугабе от власти, ветераны продолжали уважать его как одного из старшейших лидеров антиколониальной борьбы. Его же действия против них большей частью связывались с «кознями» Грейс Мугабе и ее окружения. Во-вторых (что важнее), незаконное свержение президента и связанное с этим насилие серьезно ослабили бы позиции военных на международной арене. Командование армии особо беспокоило отношение Африканского Союза (АС) и Сообщества развития Юга Африки (САДК), официальная позиция которых заключалась в том, чтобы не признавать насильственную смену власти. Поэтому военные и хотели осуществить транзит власти без кровопролития и в рамках закона. В целом армии удалось это сделать. Позиция международного сообщества оказалась на редкость сдержанной.

Несмотря на происходящее, Р. Мугабе продолжал проявлять упрямство и отказывался уходить в отставку. Тогда его оппоненты стали действовать сразу в двух направлениях – 18 ноября в Хараре прошла демонстрация солидарности с армией и за отставку Мугабе, а 19 ноября состоялось заседание Центрального комитета (ЦК) ЗАНУ-ПФ.

Демонстрация за отставку президента проводилась по призыву Ассоциации ветеранов войны. Она прошла мирно и без партийных лозунгов. Причем в ней участвовали представители различных политических сил, включая бывших руководителей ЗАНУ-ПФ, вышедших или исключенных из партии [23, 24].

Ранее в августе 2017 г. различные «формации» МДС объединились в единую оппозиционную коалицию МДС-Альянс для участия в предстоящих выборах 2018 г. [25]. Тем не менее оппозиция почти никак не участвовала в процессе отстранения Р. Мугабе от власти (за исключением участия ее сторонников в демонстрациях). Это во многом было связано как с падением популярности самой оппозиции, так и с ухудшающимся здоровьем ее лидера М. Тсвангираи (во время основных событий в ноябре 2017 г. он находился на лечении в ЮАР) и набирающей обороты внутрипартийной борьбой за место больного лидера оппозиции [26, 27].

Вслед за демонстрациями 19 ноября состоялось заседание руководства ЗАНУ-ПФ. В нем участвовал 201 из 300 членов ЦК партии. Они единогласно проголосовали за отзыв Мугабе с поста президента и первого секретаря партии и за назначение на это место Э. Мнангагвы. Второй вице-президент Палекезела Мпоко, несколько министров и других сторонников Грэйс Мугабе были исключены из ЗАНУ-ПФ вместе с самой Грэйс. Перед Р. Мугабе был поставлен ультиматум: уйти в отставку до полудня 21 ноября. В противном случае депутаты парламента от ЗАНУ-ПФ готовы были начать процедуру отстранения президента от должности [28].

Вечером 19 ноября Р. Мугабе выступил по телевидению. Однако вместо ожидаемого объявления об отставке Р. Мугабе заявил, что собирается председательствовать на предстоящем съезде ЗАНУ-ПФ и предупредил о недопустимости «грубого попрания партийных правил и процедур». То есть он фактически проигнорировал решение ЦК. Однако в своем выступлении Р. Мугабе также подчеркнул, что события предыдущей недели не были угрозой конституции или «его полномочиям как главе государства» [29].

Занятая Р. Мугабе позиция оказалась неожиданной для его оппонентов. В такой ситуации противники Мугабе в правящей партии решили запустить процедуру импичмента. Учитывая, что против Р. Мугабе выступало как большинство депутатов от ЗАНУ-ПФ, так и оппозиция, можно было легко набрать необходимые для этого две трети голосов.

На утро 22 ноября Р. Мугабе было назначено заседание правительства. Но на него явились только пять министров и генпрокурор. Остальные 17 министров участвовали в заседании парламента по вопросу отстранения президента от должности [30]. Видимо, это стало для Мугабе «поворотным моментом» и, наконец, побудило его уйти в отставку [31].

По идее, согласно конституции, пост президента должен был занять единственный на тот момент вице-президент Мпоко. Однако он не только был исключен из ЗАНУ-ПФ, но и не стал возвращаться из заграничной командировки, опасаясь ареста в случае возвращения в Зимбабве [32]. Непосредственным преемником Мугабе стал Мнангагва, вернувшийся 22 ноября в Зимбабве. 24 ноября Мнангагва был приведен к присяге в качестве нового президента страны [33].

Эммерсон Мнангагва был участником антиколониальной борьбы и из-за этого провел несколько лет в тюрьме до независимости. Юрист по образованию. С 1977 г. – помощник Р. Мугабе [6. С. 135]. После независимости в начале 1980-х гг. Мнангагва стал первым государственным министром по вопросам безопасности Зимбабве, а также вскоре председателем Высшего объединенного командования, созданного для интеграции представителей обеих сторон антиколониальной борьбы в единую Зимбабвийскую национальную армию [34]. Фактически его можно назвать «отцом» силовых структур Зимбабве после независимости. Много лет входил в высшее руководство правящей партии. В «инклюзивном» правительстве занимал пост министра обороны, позднее – министра юстиции [6. С. 135].

От «переворота» к выборам

1 декабря 2017 г. Мнангагва огласил состав нового кабинета министров [35]. А 16 декабря съезд ЗАНУ-ПФ поддержал кандидатуру Мнангагвы в качестве

партийного кандидата на президентских выборах 2018 г. [36]. В конце декабря бывший командующий Вооруженными силами Зимбабве Чивенга был назначен на пост первого вице-президента и министра обороны [37, 38]. Также в начале декабря ряд высокопоставленных армейских офицеров ушли в отставку, чтобы занять видные посты в партийном аппарате на декабрьском съезде ЗАНУ-ПФ[1].

В феврале 2018 г. умер лидер оппозиции Морган Тсвангираи [39]. Его смерть не была неожиданностью – он уже не первый год страдал от рака [40]. Однако только в январе 2018 г. стало ясно, что он собирается уйти с поста лидера партии и, соответственно, не будет участвовать в выборах 2018 г. [41].

Всего лишь за неделю до своей смерти Тсвангираи назначил Нельсона Чамису и.о. президента МДС-Т [42]. Ранее Н. Чамиса был министром информации и коммуникационных технологий в «инклюзивном» правительстве [43], а в 2016 г. стал одним из вице-президентов МДС-Т [44]. На следующий день после смерти Тсвангираи Национальный совет МДС-Т одобрил Н. Чамису как и.о. президента партии [45]. В начале марта собрание Национального совета МДС-Т избрало Н. Чамису уже в качестве постоянного президента партии и, соответственно, ее кандидатом на предстоящих президентских выборах [46]. Таким образом, Чамиса фактически стал главным оппозиционным кандидатом на предстоящих выборах.

В дальнейшем Чамиса оказался в суде из-за конфликта с внутрипартийными оппонентами по поводу использования партийной символики МДС-Т. Из-за этого в июне Чамисе и его сторонникам пришлось зарегистрировать коалицию партий МДС-Альянс в качестве одной официальной политической партии для участия в выборах под новой «вывеской» и дистанцироваться от партийных «раскольников», продолжающих использовать логотип МДС-Т [47].

Во время избирательной кампании Чамиса позиционировал себя левее Мнангагвы. Он критично отзывался о китайском влиянии в Зимбабве, что положительно воспринималось многими избирателями, недовольными «засильем китайцев» [48]. В рамках президентской кампании Чамиса давал откровенно популистские обещания. В частности, он обещал провести в Зимбабве Олимпийские игры и Чемпионат мира по футболу [49]. Другим таким обещанием было запустить между Хараре и вторым городом страны Булавайо высокоскоростные поезда [50].

Главным сюрпризом избирательной компании было выступление Р. Мугабе 29 июля (всего лишь за день до выборов). В нем он заявил, что «не может голосовать» за Мнангагву и ЗАНУ-ПФ, так как Мнангагва и новое руководство ЗАНУ-ПФ «свергли» его. При этом Р. Мугабе назвал Н. Чамису единственным «реальным» оппозиционным кандидатом [51]. Однако необходимо понимать, что Р. Мугабе большей частью растерял свой былой авторитет. Трудно сказать, помогла ли его поддержка Чамисе или, напротив, оттолкнула от него часть избирателей. По некоторым непроверенным слухам, сторонники Р. Мугабе даже финансировали избирательную кампанию оппозиции.

Выборы и их последствия

30 июля 2018 г. в стране прошли одновременно президентские и парламентские выборы. На парламентских выборах победила правящая партия ЗАНУ-ПФ, получив по одномандатным округам в законодательном собрании 144 места из возможных 210 и 35 мест из возможных 60 по женской квоте, избираемой по пропорциональной системе. А оппозиционный МДС-Альянс получил 64 места по одномандатным округам и 24 – по женской квоте. В сумме из 270 мандатов в Национальном собрании ЗАНУ-ПФ получила 179 мандатов, а МДС-Альянс – 88 [52]. На президентских выборах победил действующий президент Э. Мнангагва, набрав по официальным данным 50,8% голосов. Лидер МДС-Альянса Н. Чамиса при этом получил 44,3% [53].

Можно сказать, что ЗАНУ-ПФ одержала убедительную победу на парламентских выборах (хотя и потеряла 17 мандатов по сравнению с предыдущими выборами 2013 г.). Несмотря на это Мнангагава с трудом был избран в первом туре президентских выборов. В то время как убедительный результат Р. Мугабе в прошлый раз в 2013 г. (свыше 60%) не позволил оппозиции тогда развернуть кампанию протеста (в отличии от 2008 г.).

Главной причиной хорошего результата оппозиции на президентских выборах является смена лидера. Новый достаточно молодой (в возрасте 40 лет) и энергичный Чамиса сильно контрастировал с Мнангагвой (75 лет) и смотрелся существенно лучше своего предшественника Тсвангираи, особенно в глазах молодых избирателей.

Второй причиной хорошего результата оппозиции было отсутствие такого большого числа нарушений, которые наблюдались на предыдущих выборах. В частности, по признанию самой Зимбабвийской избирательной комиссии (ЗИК), 300 тыс. избирателей, которые пришли на выборы в 2013 г., не смогли в них участвовать, так как их не оказалось в соответствующих списках [54].

Можно отметить и полный провал других кандидатов от оппозиции. На президентских выборах на третьем месте оказалась Токозани Купе. Она является главой фракции МДС-Т, не признавшей Чамису новым лидером оппозиции и сумевшей присвоить себе старый оппозиционный логотип МДС-Т [47]. Она набрала всего лишь 0,9% голосов [53].

Как и на предыдущих выборах, наблюдался большой разрыв в политических предпочтениях между городскими и сельскими участками. Крупнейшие города страны – Хараре, Булавайо, Мутаре и Гверу – проголосовали за Чамису. В Хараре Мнанганва получил 27% голосов, а Чамиса – 71%. Одновременно в соседней провинции Центральный Машоналенд Мнанганва набрал 76% голосов, а Чамиса – 20% (при этом в крупнейшем городе провинции проживает всего 50 тыс. человек) [55].

Особое внимание заслуживает жесткое подавление беспорядков после выборов. В соответствии с законодательством Зимбабве избирком должен был огласить итоги выборов не позднее 4 августа, в связи со слож-

ным процессом верификации подсчета голосов [56]. Эти сроки не были нарушены. Однако недовольная итогами парламентских выборов оппозиция организовала протестные выступления в Хараре уже 1 августа, требуя скорейшего оглашения результатов выборов президента. По-видимому, это было сделано исходя из опыта выборов 2008 г. Тогда, по мнению оппозиции, задержка с оглашением итогов первого тура президентских выборов и подтасовки привели к дальнейшей победе Р. Мугабе во втором туре.

При проведении протестов часть их участников была также замечена в применении насилия. В частности, некоторые протестующие бросали камни в полицию и жгли автомобили [57, 58]. Во время разгона демонстрантов в центре столицы было убито шесть человек. При этом в разгоне демонстраций участвовала не столько полиция, сколько армия, солдаты которой использовали боевые патроны [59].

Силовое подавление оппозиционных выступлений создало существенные проблемы для Мнангагвы. Придя к власти, он явно стремился выглядеть иначе, чем Р. Мугабе. Однако произошедшие столкновения сильно напоминали то, как оппозиционные выступления подавлялись при предшественнике Мнангагвы.

Поэтому неудивительно, что Мнангагва извинился за поведение силовых структур и пообещал провести расследование произошедших событий [60]. Кроме того, сохранивший свои посты, министр информации и пресс-секретарь ЗАНУ-ПФ С. Кхайя-Мойо не дал полиции разогнать пресс-конференцию Чамисы [61].

В отличие от выборов при Мугабе, правительство Мнангагвы дало возможность присутствовать на выборах наблюдателям из западных стран (в первую очередь речь идет о странах Европейского Союза). При этом даже они отмечали мирный характер выборов и предвыборной кампании [62]. Важной претензией со стороны наблюдателей было то, что на многих участков результаты не были вывешены сразу после подсчета бюллетеней (как этого требует законодательство) [63]. Учитывая сравнительно небольшой отрыв Мнангагвы от Чамисы, данный факт вызвал обоснованные сомнения в итоговых результатах выборов.

Задержкам с обнародованием результатов президентских выборов можно дать два объяснения. Первое: результаты были искажены для того, чтобы добиться победы действующего президента в первом туре выборов. Второе, более вероятное: избирательная комиссия максимально откладывала обнародование «слабых» результатов Мнангагвы на фоне «сильных» результатов правящей партии на парламентских выборах. Это делалось для того, чтобы «психологически» «закрепить» победу ЗАНУ-ПФ до обнародования результатов президентских выборов.

Согласно представителям Сети поддержки зимбабвийских выборов (ZECH – Zimbabwe Election Support Network), являющейся коалицией из 36 местных неправительственных организаций (НПО), официальные результаты выборов президента мало отличаются от их выборки с избирательных участков. По их данным, Мнангагва получает 50,7% (против 50,8% официально), а Чамиса – 44,3% (а не 45,7%) [64]. При этом ZECH сильно критиковала предыдущие выборы 2013 г. [65]. С одной стороны, выборка подтверждает официальные данные. С другой – речь идет о погрешности в 2% [64], что делает результат Мнангагвы не слишком убедительным.

При новоизбранном президенте

После нескольких дней задержки 10 августа Чамиса все же подал иск в Конституционный суд Зимбабве об отмене результатов выборов президента. Это привело к задержке инаугурации Мнангагвы, которая изначально была назначена на 12 августа [66]. Но уже 24 августа Конституционный суд признал победу Мнангагвы, отказав оппозиции в ее иске. 26 августа Мнангагва был приведен к присяге в качестве новоизбранного президента Зимбабве. Выступая на инаугурации, Мнангагва заявил о готовности сотрудничать с Чамисой и том, что пора «двигаться вперед вместе» [67].

Чамиса отказался признавать решение Конституционного суда и инаугурацию Мнангагвы. Одновременно Чамиса заявил о готовности к диалогу с Мнангагвой [67]. Но 8 сентября оппозиция заявила о своем намерении провести свою «инаугурацию» Чамисы в качестве президента [68]. В результате в конце октября 2018 г. на праздновании 19-й годовщины основания МДС Чамиса был «провозглашен президентом» Зимбабве. Член ЦК ЗАНУ-ПФ Джозеф Тшума назвал действия Чамисы намеренной провокацией [69]. Фактически «инаугурацию» Чамисы можно вполне назвать своеобразным рекламным трюком, не имеющим практического значения. Поэтому неудивительно, что, несмотря на сильную критику со стороны ЗАНУ-ПФ, ему так и не было предъявлено каких-то реальных обвинений в попытке захвата власти со стороны правоохранительных органов.

В то же время 7 сентября бывший президент Роберт Мугабе и его жена Грейс участвовали в похоронах ее матери. Выступая на похоронах, они оба признали победу Мнангагвы на выборах. Грейс даже заявила, что «это божья воля, что он [Мнангагва] президент» [70].

Спустя три дня после инаугурации 29 августа Мнангагва объявил о формировании Комиссии по расследованию насилия после выборов 1 августа 2018 г. из семи человек во главе с бывшим президентом Южно-Африканской Республики (ЮАР) Кхалемой Мотланте [71, 72]. По-видимому, Мотланте был выбран в качестве главы комиссии как наиболее уважаемый из бывших глав государств Юга Африки.

Из шести других членов комиссии трое были иностранцами и трое зимбабвийцами. Трое иностранцев – это британский адвокат, бывший генеральный секретарь [Британского] Содружества наций из Нигерии и бывший командующий Вооруженными силами Танзании. Трое зимбабвийцев – это два профессора и бывшая президент Ассоциации юристов [71]. Похоже, что все члены комиссии независимы от нынешнего руководства Зимбабве.

В середине сентября комиссия была приведена к присяге [73]. Очевидно, что причиной создания Комиссии по расследованию является желание Мнангагвы показать, что он не боится независимого расследо-

вания, произошедшего после выборов, и снять с повестки соответствующие претензии.

Заключение

По сути, в конце 2017 г. – начале 2018 г. в Зимбабве меньше чем за полгода сменилось как руководство правящей партии (и страны в целом) так и руководство оппозиции. Фракции G40, которая раньше претендовала на власть в стране, фактически больше не существует. Грейс Мугабе, стоявшая во главе этой фракции, полностью признала власть нового президента. Хотя оппозиция и проиграла выборы, ее влияние существенно усилилось. Это связано с появлением у нее нового молодого лидера.

Нынешнего президента Зимбабве Мнангагву обвиняют в том, что он «диктатор». При этом проводятся параллели с его предшественником Р. Мугабе. Но более серьезными обвинениями в адрес новоизбранного президента являются утверждения о том, что он «марионетка военных». При этом говорится, что реальная власть в стране находится в руках первого вице-президента генерала Чивенги. В частности, многие считают, что Мнангагва не только не отдавал каких-либо приказов о разгоне оппозиционных протестов 1 августа, но и вообще не был в курсе развертывания в этот день армейских подразделений в центре Хараре [60].

Несмотря на ущерб, нанесенный имиджу властей трагическими событиями начала августа, ситуация в стране уже стабилизировалась. Но пока правительство страны не смогло достичь существенного прогресса в экономике. В некоторой степени этому мешают сохраняющиеся санкции со стороны США, что создает проблемы для привлечения иностранных инвестиций. В частности, конгресс США проголосовал за закон, продлевающий санкции, еще за три дня до выборов в Зимбабве [74]. Через несколько дней после выборов Дональд Трамп подписал этот закон [75].

Руководство Зимбабве заинтересовано в развитии связей с Российской Федерацией. Об этом говорит не только встреча Мнангагвы с В. Путиным, состоявшаяся накануне выборов «на полях» саммита БРИКС в Йоханнесбурге в июле 2018 г., но и визит Чивенги в Москву в начале августа.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Выступление д-ра М. Рупиа (Университет Южной Африки) на семинаре в Институте Африки РАН 6 ноября 2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Meldrum A. They call him Hitler // The Guardian. 2000. Apr. 9. URL: https://www.theguardian.com/world/2000/apr/09/zimbabwe.andrewmeldrum1 (дата обращения: 02.12.2018).
2. Салахетдинов Э.Р. Влияние внешних факторов на кризис в Зимбабве в начале XXI века : дис. … канд. ист. наук. М. : Ин-т Африки РАН. 2015. 225 с.
3. Nyambiya D. The Plot to make Zimbabwe the next Singapore // Zimbabwe Daily. 2017. March. 30. URL: https://www.thezimbabwedaily.com/news/126189-the-plot-to-make-zimbabwe-the-next-singapore.html (дата обращения: 02.12.2018).
4. Berger S. Zimbabwe inflation hits 231 million per cent // The Telegraph. 2008. Oct. 9. URL: http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/africaandindianocean/zimbabwe/3167379/Zimbabwe–inflation–hits–231–million–per–cent.html (дата обращения: 02.12.2018).
5. Hanke S. Zimbabwe's Hyperinflation: The Correct Number Is 89 Sextillion Percent // Cato Institute. 2016. June 3. URL: https://www.cato.org/blog/zimbabwes-hyperinflation-correct-number-89-sextillion-percent (дата обращения: 02.12.2018).
6. Шубин В.Г. Судьбы Зимбабве. М. : Ин-т Африки РАН, 2015. 158 с.
7. TABLE: Zimbabwe parliamentary election final result // Reuters. 2008. Apr. 3. URL: https://www.reuters.com/article/us-zimbabwe-election-count/table-zimbabwe-parliamentary-election-final-result-idUSL3187962520080402 (дата обращения: 02.12.2018).
8. Zimbabwe Opposition Candidate Drops Out // The Washington post. 2008. Jun 23. URL: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/06/22/AR2008062200429.html (дата обращения: 02.12.2018).
9. Nkomo F. Zimbabwe: President Mugabe Wins Run–Off, Sworn in // The Zimbabwe Guardian. 2008. June 29. URL: http://allafrica.com/stories/200806290011.html (дата обращения: 02.12.2018).
10. Global Political Agreement (GPA). URL: https://www.pindula.co.zw/Global_Political_Agreement (дата обращения: 02.12.2018).
11. Шубин В.Г. Зимбабве, кризис преодолен? // Азия и Африка сегодня. 2012. № 6. С. 44–47.
12. Zimbabwe President Mugabe re–elected amid fraud claims // BBC. 2013. Aug. 3. URL: https://www.bbc.com/news/world-africa-23563029 (дата обращения: 02.12.2018).
13. REPUBLIC OF ZIMBABWE LEGISLATIVE ELECTION OF 31 JULY 2013. Elections to the House of Assembly. URL: http://psephos.adam-carr.net/countries/z/zimbabwe/zimbabwe20133.txt (дата обращения: 02.12.2018)
14. Grace Mugabe voted head of Zanu-PF women's league // Mail & Guardian. 2014. Aug. 16. URL: https://mg.co.za/article/2014-08-16-grace-mugabe-voted-head-of-zanu-pf-womens-league (дата обращения: 03.12.2018).
15. Dzirutwe M. Zimbabwe's Mugabe fires deputy, seven ministers // Reuters. 2014. Dec. 9. URL: https://www.reuters.com/article/us-zimbabwe-mujuru/zimbabwes-mugabe-fires-deputy-seven-ministers-idUSKBN0JN0P420141209 (дата обращения: 03.12.2018).
16. Zimbabwe's Mugabe names Mnangagwa as vice-president // BBC. 2014. Dec. 10. URL: https://www.bbc.com/news/world-africa-30418419 (дата обращения: 03.12.2018).
17. Zimbabwe's Robert Mugabe fires vice president Emmerson Mnangagwa // Sky News. 2017. Nov. 6. URL: https://news.sky.com/story/zimbabwes-robert-mugabe-fires-vice-president-emmerson-mnangagwa-11116606 (дата обращения: 03.12.2018).
18. Zimbabwe's sacked Vice-President Mnangagwa flees // BBC. 2017. Nov. 8. URL: https://www.bbc.com/news/world-africa-41914768 (дата обращения: 03.12.2018).
19. MUGABE SLEPT IN MOST CABINET MEETINGS: TSHINGA DUBE // NewsdzeZimbabwe. 2017. Nov. 19. URL: http://www.newsdzezimbabwe.co.uk/2017/11/mugabe-slept-in-most-cabinet-meetings.html (дата обращения: 03.12.2018).
20. Zimbabwe army chief warns military could 'step in' over party purge // The Guardian. 2017. Nov. 13. URL: https://www.theguardian.com/world/2017/nov/13/zimbabwe-army-chief-warns-military-could-step-in-over-party-purge (дата обращения: 03.12.2018).
21. Zimbabwe's Zanu PF calls army chief's criticism treason // The Citizen. 2017. Nov. 14. URL: https://citizen.co.za/news/news-africa/1728187/zimbabwes-zanu-pf-calls-army-chiefs-criticism-treason/ (дата обращения: 03.12.2018).

22. ‘We are targeting the criminals around the President’ // The Herald. 2017. Nov. 14.URL: https://www.herald.co.zw/we-are-targeting-the-criminals-around-the-president/ (дата обращения: 05.12.2018).
23. Protesters in Zimbabwe call for Mugabe to step down // The Guardian. 2017. Nov. 18. URL: https://www.theguardian.com/world/gallery/2017/nov/18/protesters-in-zimbabwe-call-for-mugabe-to-step-down-in-pictures (дата обращения: 05.12.2018).
24. Zimbabwe crowds rejoice as they demand end to Mugabe rule // BBC. 2017. Nov. 18. URL: https://www.bbc.com/news/world-africa-42035981 (дата обращения: 06.12.2018).
25. Dube G. Zimbabwe Opposition Launches MDC Alliance Ahead of 2018 General Elections // Voice of America. 2017. Aug. 6. URL: https://www.voazimbabwe.com/a/zimbabwe-mdc-alliance-formed/3974172.html (дата обращения: 06.12.2018).
26. Pass baton to 'young, focused candidate', MDC's ailing Tsvangirai told // News24. 2017. Nov. 13. URL: https://www.news24.com/Africa/Zimbabwe/pass-baton-to-young-focused-candidate-mdcs-ailing-tsvangirai-told-20171113 (дата обращения: 06.12.2018).
27. Morgan Tsvangirai returns to Zimbabwe // ZWNews. 2017. Nov. 15. URL: https://zwnews.com/morgan-tsvangirai-returns-zimbabwe/ (дата обращения: 06.12.2018).
28. Mugabe T. Zanu-PF recalls Pres Mugabe // The Herald. 2017. Nov. 20. URL: https://www.herald.co.zw/zanu-pf-recalls-pres-mugabe/ (дата обращения: 06.12.2018).
29. Simons J. 'You and I have work to do. Thank you and goodnight': Mugabe's rambling 20-minute speech in full, which ended not with a resignation but with a vow to fight on // Mail Online. 2017. Dec. 1. URL: https://www.dailymail.co.uk/news/article-5099041/Mugabe-s-rambling-20-minute-speech-full.html (дата обращения: 06.12.2018).
30. Only five ministers, attorney general turn up for Zimbabwe cabinet meeting: sources // Reuters. 2017. Nov. 21. URL: https://www.reuters.com/article/us-zimbabwe-politics-statehouse/only-five-ministers-attorney-general-turn-up-for-zimbabwe-cabinet-meeting-sources-idUSKBN1DL16O (дата обращения: 06.12.2018).
31. Президент Зимбабве ушел в отставку после 30 лет правления // ТАСС. 2017. 21 нояб. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4747733 (дата обращения: 06.12.2018).
32. Mhlanga B. Mphoko fears return to Zim // NewsDay. 2017. Nov. 22. URL: https://www.newsday.co.zw/2017/11/mphoko-fears-return-zim/ (дата обращения: 06.12.2018).
33. Mnangagwa sworn in as Zimbabwe president // TimesLIVE. 2017. Nov. 24. URL: https://www.timeslive.co.za/news/africa/2017-11-24-mnangagwa-sworn-in-as-zimbabwe-president/ (дата обращения: 06.12.2018).
34. Emmerson Mnangagwa: the man behind the coup // Financial Mail. 2017. Nov. 22. URL: https://www.businesslive.co.za/fm/features/2017-11-22-emmerson-mnangagwa-the-man-behind-the-coup/ (дата обращения: 06.12.2018).
35. Mnangagwa names Zimbabwe's new cabinet // IOL. 2017. Dec. 1. URL: https://www.iol.co.za/news/africa/mnangagwa-names-zimbabwes-new-cabinet-12215195 (дата обращения: 06.12.2018).
36. Share F. Congress endorses ED Presidency// The Herald. 2017. Dec. 16. URL: https://www.herald.co.zw/congress-endorses-ed-presidency/ (дата обращения: 06.12.2018).
37. Former army chief Constantino Chiwenga sworn in as Zimbabwe's vice-president // The Straits Times. 2017. Dec. 28. URL: https://www.straitstimes.com/world/africa/former-army-chief-constantino-chiwenga-sworn-in-as-zimbabwes-vice-president (дата обращения: 06.12.2018).
38. More clout for Chiwenga as he is appointed Minister of Defence // The Zimbabwe Mail. 2017. Dec. 29. URL: http://www.thezimbabwemail.com/zimbabwe/clout-chiwenga-appointed-minister-defence/ (дата обращения: 06.12.2018).
39. Burke J. Morgan Tsvangirai, Zimbabwe opposition leader, dies aged 65 // The Guardian. 2018. Feb. 14. URL: https://www.theguardian.com/world/2018/feb/14/morgan-tsvangirai-zimbabwe-opposition-leader-dies-aged-65 (дата обращения: 06.12.2018).
40. Zimbabwe opposition leader Tsvangirai says has cancer of the colon // Reuters. 2016. June 28. URL: https://www.reuters.com/article/us-zimbabwe-tsvangirai/zimbabwe-opposition-leader-tsvangirai-says-has-cancer-of-the-colon-idUSKCN0ZE0MV (дата обращения: 06.12.2018).
41. Manayiti O. Tsvangirai ‘stepping down’ // NewsDay. 2018. Jan. 9. URL: https://www.newsday.co.zw/2018/01/tsvangirai-stepping-down/ (дата обращения: 07.12.2018).
42. Ndlovu R. Morgan Tsvangirai appoints Nelson Chamisa acting MDC president // Business Day. 2018. Feb. 14. URL: https://www.businesslive.co.za/bd/world/africa/2018-02-07-morgan-tsvangirai-appoints-nelson-chamisa-acting-mdc-president/ (дата обращения: 07.12.2018).
43. Profile: Zimbabwe opposition leader Nelson Chamisa // Al Jazeera. 2018. July 28. URL: https://www.aljazeera.com/news/2018/07/profile-zimbabwe-opposition-leader-nelson-chamisa-180728183556549.html (дата обращения: 07.12.2018).
44. Tsvangirai names Chamisa, Mudzuri MDC-T vice presidents // NewsDay. 2016. July 15. URL: https://www.newsday.co.zw/2016/07/breaking-tsvangirai-names-chamisa-mudzuri-mdc-t-vice-presidents/ (дата обращения: 07.12.2018).
45. MDC-T National Council 'Appoints' Chamisa to Lead Party for 12 Months // Voice of America. 2018. Feb. 16. URL: https://www.voazimbabwe.com/a/zimbabwe-morgan-tsvangirai-mdc-t/4256158.html (дата обращения: 07.12.2018).
46. Jakes S. Chamisa appointed party leader and presidential candidate // Bulawayo24. 2018. March 1. URL: https://bulawayo24.com/index-id-news-sc-national-byo-129146.html (дата обращения: 07.12.2018).
47. Chamisa forced to transform MDC-Alliance into a political party as Khupe among 23 presidential candidates // New Zimbabwe. 2018. Jul. 15. URL: https://www.newzimbabwe.com/chamisa-forced-to-form-political-as-khupe-among-23-presidential-candidates/ (дата обращения: 07.12.2018).
48. Zimbabwe opposition leader reportedly wants to give Chinese investors the boot // CNBC. 2018. May 3. URL: https://www.cnbc.com/2018/05/03/zimbabwe-opposition-leader-wants-to-give-china-investors-the-boot.html (дата обращения: 07.12.2018).
49. Chamisa promises to bring FIFA World Cup and Olympic games to Zimbabwe // The Zimbabwe Mail. 2018. June 14. URL: https://www.thezimbabwemail.com/politics/chamisa-promises-to-bring-fifa-world-cup-and-olympic-games-to-zimbabwe/ (дата обращения: 07.12.2018).
50. Paul N. What Chamisa's spokesperson said about bullet trains // Bulawayo24. 2018. June 13. URL: https://bulawayo24.com/index-id-news-sc-national-byo-137943.html (дата обращения: 07.12.2018).
51. Zimbabwe election: Mugabe refuses to back successor Mnangagwa // BBC. 2018. July 29. URL: https://www.bbc.com/news/world-africa-44998488 (дата обращения: 07.12.2018).
52. 2018 National Assembly Elections Results // Zimbabwe Electoral Commission. URL: https://www.zec.org.zw/pages/election_results2018# (дата обращения: 07.12.2018).
53. ED romps to victory // ZBC. 2018. Aug 3. URL: http://www.zbc.co.zw/breaking-ed-romps-to-victory/ (дата обращения: 07.12.2018).
54. Zimbabwe Electoral Commission: 305,000 voters turned away // BBC. 2013. Aug. 13. URL: https://www.bbc.com/news/world-africa-23618743 (дата обращения: 07.12.2018).
55. 2018 Presidential Elections Results // Zimbabwe Electoral Commission. URL: https://www.zec.org.zw/pages/election_results2018# (дата обращения: 07.12.2018).

56. Kumbuka D., Marawanyika G., Latham B. Opposition's Tallies Show It Leading in Zimbabwe Vote // Bloomberg. 2018. July 30. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-07-30/vote-ends-count-begins-in-zimbabwe-s-first-post-mugabe-election (дата обращения: 07.12.2018).
57. Deadly riots rock Zimbabwe's capital as vote results delayed // The Sydney Morning Herald. 2018. Aug. 2. URL: https://www.smh.com.au/world/africa/deadly-riots-rock-zimbabwes-capital-as-vote-results-delayed-20180802-p4zv04.html (дата обращения: 07.12.2018).
58. Zimbabwe election: Troops fire on MDC Alliance supporters // BBC. 2018. Aug. 1. URL: https://www.bbc.com/news/world-africa-45035533 (дата обращения: 07.12.2018).
59. Burke J. Zimbabwe's hopes for new start after Mugabe dashed // The Guardian. 2018. Aug. 3. URL: https://www.theguardian.com/world/2018/aug/02/the-zimbabwe-we-hoped-for-not-dead-yet-dreams-dashed-by-election-violence (дата обращения: 07.12.2018).
60. Sengupta K. I've watched the violence unfold in Zimbabwe but I still can't work out how much Mnangagwa knows or cares // The Independent. 2018. Aug. 6. URL: https://www.independent.co.uk/voices/zimbabwe-elections-mnangagwa-zau-pf-violence-harare-protests-a8479801.html (дата обращения: 07.12.2018).
61. Chaos as minister Khaya Moyo orders riot cops to leave Chamisa press conference // New Zimbabwe. 2018. Aug. 3. URL: https://www.newzimbabwe.com/watch-chaos-as-minister-khaya-moyo-orders-riot-cops-to-leave-chamisa-press-conference/ (дата обращения: 08.12.2018).
62. Mumbere D. EU observer mission says Zimbabwe election falls short of credibility test // Africanews. 2018. Aug. 1. URL: http://www.africanews.com/2018/08/01/eu-observer-mission-says-zimbabwe-election-falls-short-of-credibility-test/ (дата обращения: 08.12.2018).
63. Zec fails to post presidential results in 7 percent of polling stations — Zesn // Zimbabwe Situation. 2018. Aug. 2. URL: https://www.zimbabwesituation.com/news/zec-fails-to-post-presidential-results-in-7-percent-of-polling-stations-zesn/ (дата обращения: 08.12.2018).
64. Zesn throws Chamisa under the bus // NewsDay. 2018. Aug. 4. URL: https://www.newsday.co.zw/2018/08/zesn-throws-chamisa-under-the-bus/ (дата обращения: 08.12.2018).
65. Zimbabwe election: A guide to rigging allegations // BBC. 2013. Aug. 7. URL: https://www.bbc.com/news/world-africa-23591941 (дата обращения: 08.12.2018).
66. Zimbabwe's opposition leader Chamisa challenges election result in court // Eyewitness News. 2018. Aug. 10. URL: https://ewn.co.za/2018/08/10/zimbabwe-s-opposition-leader-chamisa-challenges-election-result-in-court (дата обращения: 08.12.2018).
67. Zimbabwe inaugurates Emmerson Mnangagwa as president // The Telegraph. 2018. Aug. 26. URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2018/08/26/zimbabwe-inaugurates-emmerson-mnangagwa-president/ (дата обращения: 08.12.2018).
68. Chibamu A. 'People's President' Chamisa says to be inaugurated next week; thousands attend first post-election rally // New Zimbabwe. 2018. Sep. 8. URL: https://www.newzimbabwe.com/peoples-president-chamisa-says-to-be-inaugurated-next-week/ (дата обращения: 08.12.2018).
69. Zimbabwe Opposition Party 'Installs' Chamisa as President // Voice of America. 2018. Oct. 28. URL: https://www.voanews.com/a/zimbabwe-opposition-party-installs-chamisa-as-president/4632667.html (дата обращения: 08.12.2018).
70. Thornycroft P. Mugabe reconciles with the man who ousted him after Mnangagwa sends private jet to pick up Grace // The Telegraph. 2018. Sept. 7. URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2018/09/07/mugabe-reconciles-man-ousted-mnangagwa-sends-private-jet-pick/ (дата обращения: 08.12.2018).
71. SAs Motlanthe to lead Zim deadly shootings inquiry commission // IOL. 2018. Aug. 29. URL: https://www.iol.co.za/news/africa/sas-motlanthe-to-lead-zim-deadly-shootings-inquiry-commission-16798502 (дата обращения: 08.12.2018).
72. Mnangagwa Statement On Establishment Of Commission Of Inquiry To Investigate August 1 Violence, Shooting Of Civilians. 2018. Aug. 29. URL: https://news.pindula.co.zw/2018/08/29/full-text-mnangagwa-statement-on-establishment-of-commission-of-inquiry-to-investigate-august-1-violence-shooting-of-civilians/ (дата обращения: 08.12.2018).
73. Ndlovu R. Mnangagwa swears in commission of inquiry into post-election violence // TimesLIVE. 2018. Sept. 19. URL: https://www.timeslive.co.za/news/africa/2018-09-19-mnangagwa-swears-in-commission-of-inquiry-into-post-election-violence/ (дата обращения: 08.12.2018).
74. Chingono N. US to intensify sanctions on Zim // The Zimbabwe Independent. 2018. July. 27. URL: https://www.theindependent.co.zw/2018/07/27/us-to-intensify-sanctions-on-zim/ (дата обращения: 08.12.2018).
75. Trump renews Zim sanctions // NewsDay. 2018. Aug 10. URL: https://www.newsday.co.zw/2018/08/trump-renews-zim-sanctions/ (дата обращения: 08.12.2018).

Статья представлена научной редакцией «История» 11 марта 2020 г.

Zimbabwe: From Mugabe to Mnangagwa

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 157–167.
DOI: 10.17223/15617793/457/19

Vasily A. Sidorov, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: vasilsid@yandex.ru

Keywords: Zimbabwe; Southern Africa; Robert Mugabe; Mnangagwa; Chamisa; "coup"; elections.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 16-07-00010.

The aim of the article is to consider the causes and consequences of the dramatic events that led to a change in the leadership in Zimbabwe. First, the author overviews the history of Robert Mugabe's rule. Then he describes the events that took place in Zimbabwe at the end of 2017 and put an end to Mugabe's rule. He analyses the 2018 Zimbabwean election campaign, the actual 2018 general election results, and the development of the situation in the country after the election. The article is based on the analysis of existing research on Zimbabwe; Zimbabwean, South African, British, Russian and other media; and the author's experience inside Zimbabwe. At the end of 2017 – beginning of 2018, within several months, there was a change in the leadership both in the ruling Zimbabwean African National Union, the Patriotic Front (ZANU-PF), (and consequently in the country's government) and in the opposition Movement for Democratic Change (MDC). On 15th November 2017 media around the world reported about military armored vehicles that appeared on the streets of the Zimbabwean capital, Harare. The media talked about a "military coup". It became clear that the 93-year-old President Robert Mugabe, who ruled the country since it gained independence in 1980, was no longer in control and that his era was drawing to a close. Several days later, on 21st of November, Mugabe resigned as the president of the country. On 24th of November, former Vice-President Emmerson Mnangagva became the new president of Zimbabwe. The G40 faction which vied for power in ZANU-PF in the past and opposed the current leadership of Zimbabwe ceased to exist. Mugabe's

wife, Grace, who used to head this faction fully recognized the authority of the new President Mnangagwa. On 30th July 2018, he won the presidential election. Though the opposition lost election in 2018, its influence has grown. It has significantly increased its presence in the parliament. The main reason for this increase in popularity is its new young leader, Nelson Chamisa. He is only 40 years old and thus contrasts considerably with Mnangagwa, who is 75. Despite the damage caused to the government's image by the tragic events at the beginning of August 2018, when six opposition protestors where killed by soldiers, the situation in the country has stabilized. In September, an independent Commission of Inquiry, headed by former President of South Africa Kgalema Motlanthe, was established in order to investigate the fatal shootings. But so far Zimbabwean authorities were unable to achieve any meaningful progress on the economic front.

REFERENCES

1. Meldrum, A. (2000) They call him Hitler. *The Guardian*. Apr. 9. [Online] Available from: https://www.theguardian.com/world/2000/apr/09/zimbabwe.andrewmeldrum1. (Accessed: 02.12.2018).
2. Salakhetdinov, E.R. (2015) *Vliyanie vneshnikh faktorov na krizis v Zimbabve v nachale XXI veka* [Impact of External Factors on the Crisis in Zimbabwe at the Beginning of the 21st Century]. History Cand. Diss. Moscow.
3. Nyambiya, D. (2017) The Plot to make Zimbabwe the next Singapore. *Zimbabwe Daily*. March 30. [Online] Available from: https://www.thezimbabwedaily.com/news/126189-the-plot-to-make-zimbabwe-the-next-singapore.html. (Accessed: 02.12.2018).
4. Berger, S. (2008) Zimbabwe inflation hits 231 million per cent. *The Telegraph.* Oct. 9. [Online] Available from: http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/africaandindianocean/zimbabwe/3167379/Zimbabwe–inflation–hits–231–million–per–cent.html. (Accessed: 02.12.2018).
5. Hanke, S. (2016) Zimbabwe's Hyperinflation: The Correct Number Is 89 Sextillion Percent. *Cato Institute*. June 3. [Online] Available from: https://www.cato.org/blog/zimbabwes-hyperinflation-correct-number-89-sextillion-percent. (Accessed: 02.12.2018).
6. Shubin, V.G. (2015) *Sud'by Zimbabve* [Zimbabwe Destinies]. Moscow: Institute for African Studies, RAS.
7. Reuters. (2008) *TABLE: Zimbabwe parliamentary election final result.* Apr. 3. [Online] Available from: https://www.reuters.com/article/us-zimbabwe-election-count/table-zimbabwe-parliamentary-election-final-result-idUSL3187962520080402. (Accessed: 02.12.2018).
8. *The Washington Post*. (2008) Zimbabwe Opposition Candidate Drops Out. Jun 23. [Online] Available from: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/06/22/AR2008062200429.html. (Accessed: 02.12.2018).
9. Nkomo, F. (2008) Zimbabwe: President Mugabe Wins Run–Off, Sworn in. *The Zimbabwe Guardian*. June 29. [Online] Available from: http://allafrica.com/stories/200806290011.html. (Accessed: 02.12.2018).
10. PINDULA. (2008) *Global Political Agreement (GPA)*. [Online] Available from: https://www.pindula.co.zw/Global_Political_Agreement. (Accessed: 02.12.2018).
11. Shubin, V.G. (2012) Zimbabwe: Is the Crisis Over? *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*. 6. pp. 44–47. (In Russian).
12. BBC. (2013) *Zimbabwe President Mugabe re-elected amid fraud claims*. Aug. 3. [Online] Available from: https://www.bbc.com/news/world-africa-23563029. (Accessed: 02.12.2018).
13. Zimbabwe Electoral Commission. (2013) *REPUBLIC OF ZIMBABWE LEGISLATIVE ELECTION OF 31 JULY 2013. Elections to the House of Assembly*. [Online] Available from: http://psephos.adam-carr.net/countries/z/zimbabwe/zimbabwe20133.txt. (Accessed: 02.12.2018).
14. *Mail & Guardian*. (2014) Grace Mugabe voted head of Zanu-PF women's league. Aug. 16. [Online] Available from: https://mg.co.za/article/2014-08-16-grace-mugabe-voted-head-of-zanu-pf-womens-league. (Accessed: 03.12.2018).
15. Dzirutwe, M. (2014) Zimbabwe's Mugabe fires deputy, seven ministers. *Reuters*. Dec. 9. [Online] Available from: https://www.reuters.com/article/us-zimbabwe-mujuru/zimbabwes-mugabe-fires-deputy-seven-ministers-idUSKBN0JN0P420141209. (Accessed: 03.12.2018).
16. BBC. (2014) *Zimbabwe's Mugabe names Mnangagwa as vice-president*. Dec. 10. [Online] Available from: https://www.bbc.com/news/world-africa-30418419. (Accessed: 03.12.2018).
17. Sky News. (2017) *Zimbabwe's Robert Mugabe fires vice president Emmerson Mnangagwa*. Nov. 6. [Online] Available from: https://news.sky.com/story/zimbabwes-robert-mugabe-fires-vice-president-emmerson-mnangagwa-11116606. (Accessed: 03.12.2018).
18. BBC. (2017) *Zimbabwe's sacked Vice-President Mnangagwa flees.* Nov. 8. [Online] Available from: https://www.bbc.com/news/world-africa-41914768. (Accessed: 03.12.2018).
19. NewsdzeZimbabwe. (2017) *MUGABE SLEPT IN MOST CABINET MEETINGS: TSHINGA DUBE*. Nov. 19. [Online] Available from: http://www.newsdzezimbabwe.co.uk/2017/11/mugabe-slept-in-most-cabinet-meetings.html. (Accessed: 03.12.2018).
20. *The Guardian.* (2017) Zimbabwe army chief warns military could 'step in' over party purge. Nov. 13. [Online] Available from: https://www.theguardian.com/world/2017/nov/13/zimbabwe-army-chief-warns-military-could-step-in-over-party-purge. (Accessed: 03.12.2018).
21. *The Citizen*. (2017) Zimbabwe's Zanu PF calls army chief's criticism treason. Nov. 14. [Online] Available from: https://citizen.co.za/news/news-africa/1728187/zimbabwes-zanu-pf-calls-army-chiefs-criticism-treason/. (Accessed: 03.12.2018).
22. *The Herald.* (2017) 'We are targeting the criminals around the President'. Nov. 14.[Online] Available from: https://www.herald.co.zw/we-are-targeting-the-criminals-around-the-president/. (Accessed: 05.12.2018).
23. *The Guardian.* (2017) Protesters in Zimbabwe call for Mugabe to step down. Nov. 18. [Online] Available from: https://www.theguardian.com/world/gallery/2017/nov/18/protesters-in-zimbabwe-call-for-mugabe-to-step-down-in-pictures. (Accessed: 05.12.2018).
24. BBC. (2017) *Zimbabwe crowds rejoice as they demand end to Mugabe rule*. Nov. 18. [Online] Available from: https://www.bbc.com/news/world-africa-42035981. (Accessed: 06.12.2018).
25. Dube, G. (2017) Zimbabwe Opposition Launches MDC Alliance Ahead of 2018 General Elections. *Voice of America*. Aug. 6. [Online] Available from: https://www.voazimbabwe.com/a/zimbabwe-mdc-alliance-formed/3974172.html. (Accessed: 06.12.2018).
26. News24. (2017) *Pass baton to 'young, focused candidate', MDC's ailing Tsvangirai told.* Nov. 13. [Online] Available from: https://www.news24.com/Africa/Zimbabwe/pass-baton-to-young-focused-candidate-mdcs-ailing-tsvangirai-told-20171113. (Accessed: 06.12.2018).
27. ZWNews. (2017) *Morgan Tsvangirai returns to Zimbabwe*. Nov. 15. [Online] Available from: https://zwnews.com/morgan-tsvangirai-returns-zimbabwe/. (Accessed: 06.12.2018).
28. Mugabe, T. (2017) Zanu-PF recalls Pres Mugabe. *The Herald.* Nov. 20. [Online] Available from: https://www.herald.co.zw/zanu-pf-recalls-pres-mugabe/. (Accessed: 06.12.2018).
29. Simons, J. (2017) 'You and I have work to do. Thank you and goodnight': Mugabe's rambling 20-minute speech in full, which ended not with a resignation but with a vow to fight on. *Mail Online*. Dec. 1. [Online] Available from: https://www.dailymail.co.uk/news/article-5099041/Mugabe-s-rambling-20-minute-speech-full.html. (Accessed: 06.12.2018).
30. Reuters. (2017) *Only five ministers, attorney general turn up for Zimbabwe cabinet meeting: sources*. Nov. 21. [Online] Available from: https://www.reuters.com/article/us-zimbabwe-politics-statehouse/only-five-ministers-attorney-general-turn-up-for-zimbabwe-cabinet-meeting-sources-idUSKBN1DL16O. (Accessed: 06.12.2018).
31. TASS. (2017) *Prezident Zimbabve ushel v otstavku posle 30 let pravleniya* [President of Zimbabwe resigns after 30 years of rule]. 21 noyab. [Online] Available from: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4747733. (Accessed: 06.12.2018).

32. Mhlanga, B. (2017) Mphoko fears return to Zim. *NewsDay*. Nov. 22. [Online] Available from: https://www.newsday.co.zw/2017/11/mphoko-fears-return-zim/. (Accessed: 06.12.2018).
33. TimesLIVE. (2017) *Mnangagwa sworn in as Zimbabwe president.* Nov. 24. [Online] Available from: https://www.timeslive.co.za/news/africa/2017-11-24-mnangagwa-sworn-in-as-zimbabwe-president/. (Accessed: 06.12.2018).
34. Financial Mail. (2017) *Emmerson Mnangagwa: The man behind the coup*. Nov. 22. [Online] Available from: https://www.businesslive.co.za/fm/features/2017-11-22-emmerson-mnangagwa-the-man-behind-the-coup/. (Accessed: 06.12.2018).
35. IOL. (2017) *Mnangagwa names Zimbabwe's new cabinet*. Dec. 1. [Online] Available from: https://www.iol.co.za/news/africa/mnangagwa-names-zimbabwes-new-cabinet-12215195. (Accessed: 06.12.2018).
36. Share, F. (2017) Congress endorses ED Presidency. *The Herald*. Dec. 16. [Online] Available from: https://www.herald.co.zw/congress-endorses-ed-presidency/. (Accessed: 06.12.2018).
37. *The Straits Times.* (2017) Former army chief Constantino Chiwenga sworn in as Zimbabwe's vice-president. Dec. 28. [Online] Available from: https://www.straitstimes.com/world/africa/former-army-chief-constantino-chiwenga-sworn-in-as-zimbabwes-vice-president. (Accessed: 06.12.2018).
38. *The Zimbabwe Mail.* (2017) More clout for Chiwenga as he is appointed Minister of Defence. Dec. 29. [Online] Available from: http://www.thezimbabwemail.com/zimbabwe/clout-chiwenga-appointed-minister-defence/. (Accessed: 06.12.2018).
39. Burke, J. (2018) Morgan Tsvangirai, Zimbabwe opposition leader, dies aged 65. *The Guardian*. Feb. 14. [Online] Available from: https://www.theguardian.com/world/2018/feb/14/morgan-tsvangirai-zimbabwe-opposition-leader-dies-aged-65. (Accessed: 06.12.2018).
40. Reuters. (2016) *Zimbabwe opposition leader Tsvangirai says has cancer of the colon*. June 28. [Online] Available from: https://www.reuters.com/article/us-zimbabwe-tsvangirai/zimbabwe-opposition-leader-tsvangirai-says-has-cancer-of-the-colon-idUSKCN0ZE0MV. (Accessed: 06.12.2018).
41. Manayiti, O. (2018) Tsvangirai 'stepping down'. *NewsDay*. Jan. 9. [Online] Available from: https://www.newsday.co.zw/2018/01/tsvangirai-stepping-down/. (Accessed: 07.12.2018).
42. Ndlovu, R. (2018) Morgan Tsvangirai appoints Nelson Chamisa acting MDC president. *Business Day.* Feb. 14. [Online] Available from: https://www.businesslive.co.za/bd/world/africa/2018-02-07-morgan-tsvangirai-appoints-nelson-chamisa-acting-mdc-president/. (Accessed: 07.12.2018).
43. *Al Jazeera*. (2018) Profile: Zimbabwe opposition leader Nelson Chamisa. July 28. [Online] Available from: https://www.aljazeera.com/news/2018/07/profile-zimbabwe-opposition-leader-nelson-chamisa-180728183556549.html. (Accessed: 07.12.2018).
44. NewsDay. (2016) *Tsvangirai names Chamisa, Mudzuri MDC-T vice presidents*. July 15. [Online] Available from: https://www.newsday.co.zw/2016/07/breaking-tsvangirai-names-chamisa-mudzuri-mdc-t-vice-presidents/. (Accessed: 07.12.2018).
45. Voice of America. (2018) *MDC-T National Council 'Appoints' Chamisa to Lead Party for 12 Months*. Feb. 16. [Online] Available from: https://www.voazimbabwe.com/a/zimbabwe-morgan-tsvangirai-mdc-t/4256158.html. (Accessed: 07.12.2018).
46. Jakes, S. (2018) Chamisa appointed party leader and presidential candidate. *Bulawayo24*. March 1. [Online] Available from: https://bulawayo24.com/index-id-news-sc-national-byo-129146.html. (Accessed: 07.12.2018).
47. New Zimbabwe. (2018) *Chamisa forced to transform MDC-Alliance into a political party as Khupe among 23 presidential candidates*. Jul. 15. [Online] Available from: https://www.newzimbabwe.com/chamisa-forced-to-form-political-as-khupe-among-23-presidential-candidates/. (Accessed: 07.12.2018).
48. CNBC. (2018) *Zimbabwe opposition leader reportedly wants to give Chinese investors the boot.* May 3. [Online] Available from: https://www.cnbc.com/2018/05/03/zimbabwe-opposition-leader-wants-to-give-china-investors-the-boot.html. (Accessed: 07.12.2018).
49. *The Zimbabwe Mail.* (2018) Chamisa promises to bring FIFA World Cup and Olympic games to Zimbabwe. June 14. [Online] Available from: https://www.thezimbabwemail.com/politics/chamisa-promises-to-bring-fifa-world-cup-and-olympic-games-to-zimbabwe/. (Accessed: 07.12.2018).
50. Paul, N. (2018) What Chamisa's spokesperson said about bullet trains. *Bulawayo24*. June 13. [Online] Available from: https://bulawayo24.com/index-id-news-sc-national-byo-137943.html. (Accessed: 07.12.2018).
51. BBC. (2018) *Zimbabwe election: Mugabe refuses to back successor Mnangagwa.* July 29. [Online] Available from: https://www.bbc.com/news/world-africa-44998488. (Accessed: 07.12.2018).
52. Zimbabwe Electoral Commission. (2018) *2018 National Assembly Elections Results.* [Online] Available from: https://www.zec.org.zw/pages/election_results2018#. (Accessed: 07.12.2018).
53. ZBC. (2018) *ED romps to victory.* Aug 3. [Online] Available from: http://www.zbc.co.zw/breaking-ed-romps-to-victory/. (Accessed: 07.12.2018).
54. BBC. (2013) *Zimbabwe Electoral Commission: 305,000 voters turned away*. Aug. 13. [Online] Available from: https://www.bbc.com/news/world-africa-23618743. (Accessed: 07.12.2018).
55. Zimbabwe Electoral Commission. (2018) *2018 Presidential Elections Results.* [Online] Available from: https://www.zec.org.zw/pages/election_results2018#. (Accessed: 07.12.2018).
56. Kumbuka, D., Marawanyika, G. & Latham, B. (2018) Opposition's Tallies Show It Leading in Zimbabwe Vote. *Bloomberg*. July 30. [Online] Available from: https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-07-30/vote-ends-count-begins-in-zimbabwe-s-first-post-mugabe-election. (Accessed: 07.12.2018).
57. *The Sydney Morning Herald.* (2018) Deadly riots rock Zimbabwe's capital as vote results delayed. Aug. 2. [Online] Available from: https://www.smh.com.au/world/africa/deadly-riots-rock-zimbabwes-capital-as-vote-results-delayed-20180802-p4zv04.html. (Accessed: 07.12.2018).
58. BBC. (2018) *Zimbabwe election: Troops fire on MDC Alliance supporters*. Aug. 1. [Online] Available from: https://www.bbc.com/news/world-africa-45035533. (Accessed: 07.12.2018).
59. Burke, J. (2018) Zimbabwe's hopes for new start after Mugabe dashed. *The Guardian*. Aug. 3. [Online] Available from: https://www.theguardian.com/world/2018/aug/02/the-zimbabwe-we-hoped-for-not-dead-yet-dreams-dashed-by-election-violence. (Accessed: 07.12.2018).
60. Sengupta, K. (2018) I've watched the violence unfold in Zimbabwe but I still can't work out how much Mnangagwa knows or cares. *The Independent*. Aug. 6. [Online] Available from: https://www.independent.co.uk/voices/zimbabwe-elections-mnangagwa-zau-pf-violence-harare-protests-a8479801.html. (Accessed: 07.12.2018).
61. New Zimbabwe. (2018) *Chaos as minister Khaya Moyo orders riot cops to leave Chamisa press conference*. Aug. 3. [Online] Available from: https://www.newzimbabwe.com/watch-chaos-as-minister-khaya-moyo-orders-riot-cops-to-leave-chamisa-press-conference/. (Accessed: 08.12.2018).
62. Mumbere, D. (2018) EU observer mission says Zimbabwe election falls short of credibility test. *Africanews*. Aug. 1. [Online] Available from: http://www.africanews.com/2018/08/01/eu-observer-mission-says-zimbabwe-election-falls-short-of-credibility-test/. (Accessed: 08.12.2018).
63. Zimbabwe Situation. (2018) *Zec fails to post presidential results in 7 percent of polling stations — Zesn*. Aug. 2. [Online] Available from: https://www.zimbabwesituation.com/news/zec-fails-to-post-presidential-results-in-7-percent-of-polling-stations-zesn/. (Accessed: 08.12.2018).
64. NewsDay. (2018) *Zesn throws Chamisa under the bus*. Aug. 4. [Online] Available from: https://www.newsday.co.zw/2018/08/zesn-throws-chamisa-under-the-bus/. (Accessed: 08.12.2018).
65. BBC. (2013) *Zimbabwe election: A guide to rigging allegations*. Aug. 7. [Online] Available from: https://www.bbc.com/news/world-africa-23591941. (Accessed: 08.12.2018).
66. Eyewitness News. (2018) Zimbabwe's opposition leader Chamisa challenges election result in court. Aug. 10. [Online] Available from: https://ewn.co.za/2018/08/10/zimbabwe-s-opposition-leader-chamisa-challenges-election-result-in-court. (Accessed: 08.12.2018).
67. *The Telegraph*. (2018) Zimbabwe inaugurates Emmerson Mnangagwa as president. Aug. 26. [Online] Available from: https://www.telegraph.co.uk/news/2018/08/26/zimbabwe-inaugurates-emmerson-mnangagwa-president/. (Accessed: 08.12.2018).
68. Chibamu, A. (2018) 'People's President' Chamisa says to be inaugurated next week; thousands attend first post-election rally. *New Zimbabwe.* Sep. 8. [Online] Available from: https://www.newzimbabwe.com/peoples-president-chamisa-says-to-be-inaugurated-next-week/. (Accessed: 08.12.2018).

69. Voice of America. (2018) *Zimbabwe Opposition Party 'Installs' Chamisa as President*. Oct. 28. [Online] Available from: https://www.voanews.com/a/zimbabwe-opposition-party-installs-chamisa-as-president/4632667.html. (Accessed: 08.12.2018).
70. Thornycroft, P. (2018) Mugabe reconciles with the man who ousted him after Mnangagwa sends private jet to pick up Grace. *The Telegraph*. Sept. 7. [Online] Available from: https://www.telegraph.co.uk/news/2018/09/07/mugabe-reconciles-man-ousted-mnangagwa-sends-private-jet-pick/. (Accessed: 08.12.2018).
71. IOL. (2018) *SAs Motlanthe to lead Zim deadly shootings inquiry commission*. Aug. 29. [Online] Available from: https://www.iol.co.za/news/africa/sas-motlanthe-to-lead-zim-deadly-shootings-inquiry-commission-16798502. (Accessed: 08.12.2018).
72. PINDULA. (2018) *Mnangagwa Statement on Establishment of Commission of Inquiry to Investigate August 1 Violence, Shooting of Civilians.* 2018. Aug. 29. [Online] Available from: https://news.pindula.co.zw/2018/08/29/full-text-mnangagwa-statement-on-establishment-of-commission-of-inquiry-to-investigate-august-1-violence-shooting-of-civilians/. (Accessed: 08.12.2018).
73. Ndlovu, R. (2018) Mnangagwa swears in commission of inquiry into post-election violence. *TimesLIVE*. Sept. 19. [Online] Available from: https://www.timeslive.co.za/news/africa/2018-09-19-mnangagwa-swears-in-commission-of-inquiry-into-post-election-violence/. (Accessed: 08.12.2018).
74. Chingono, N. (2018) US to intensify sanctions on Zim. *The Zimbabwe Independen*t. July. 27. [Online] Available from: https://www.theindependent.co.zw/2018/07/27/us-to-intensify-sanctions-on-zim/. (Accessed: 08.12.2018).
75. NewsDay. (2018) *Trump renews Zim sanctions*. Aug 10. [Online] Available from: https://www.newsday.co.zw/2018/08/trump-renews-zim-sanctions/. (Accessed: 08.12.2018).

Received: 11 March 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 168–174. DOI: 10.17223/15617793/457/20

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.14; 378.937

В.А. Белевитин, Е.Н. Смирнов, Д.Н. Корнеев, Е.В. Евплова

КВАЛИМЕТРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Отчетное исследование финансировалось РФФИ, проект № 19-29-07209.

Обращение к соблюдению принципов в проведенном исследовании системного подхода обеспечило разработку основанной на эмпирическом подходе алгоритмической схемы цифрового оценивания УСПК выпускников профессиональной образовательной организации, комплексно учитывающей структуру основной программы образовательной подготовки магистрантов по профилю профессионального обучения «Управление информационной безопасностью в профессиональном образовании».

Ключевые слова: профессиональные компетенции; эмпирический подход; цифровизация образовательных процессов; структура образовательной программы и др.

Основным из доминирующих показателей готовности выпускника профессиональной образовательной организации (ВПрОбО) к успешному функционированию в современном информационном обществе является уровень его профессиональной компетентности в области практического применения информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) [1, 2]. Происходящие в настоящее время социально-экономические преобразования как результат перехода к рыночным отношениям и насущная потребность в нивелировании негативных последствий пребывания нашей страны в условиях применения западных санкций, обусловивших безотлагательную необходимость наукоемких технико-технологических решений, в частности, импортозамещения [3, 4], объективно выдвинули в число приоритетных проблему качественной подготовки профессиональных кадров с более высоким уровнем сформированности профессиональных компетенций (УСПК) в сфере ИКТ, повышения уровня их человеческого капитала [5–9]. Анализ соответствия подготовки ВПрОбО убедительно свидетельствует не столько о недостаточном, фрагментарном охвате предметной области потребностей современного постинформационного общества, сколько о «хроническом» отставании от его необходимых потребностей [1], требований шестого уровня Национальной рамки квалификаций РФ [10]. Ряд отраслей и видов деятельности в последнее время усложнились настолько, что теперь во многих случаях возникла необходимость корректировки образовательных программ соответственно переориентированию всей профессиональной сферы образования на рынок труда по подготовке профессиональных кадров для открывающихся в условиях политики импортозамещения новых современных предприятий с созданием автоматизированных рабочих мест на базе использования исключительно отечественного аппаратно-программного обеспечения ИКТ.

Посвященные совершенствованию подготовки выпускников профессиональной образовательной организации в сфере ИКТ диссертационные исследования свидетельствуют о наличии и усилении противоречия между требованиями работодателей современного постиндустриального общества и УСПК в сфере ИКТ [11 и др.]. Залогом действенного ответа на актуальные запросы общества, работодателей и самих обучающихся, для которых также важно знать критерии, по которым будут оценивать их готовность к профессии в целом, и качественного и эффективного выполнения своей работы в условиях конкретного рабочего места, является методически грамотная оценка УСПК ВПрОбО. При этом особая роль в современной ситуации отводится научно-статистической методологии как незаменимому аналитическому инструментарию, отличительной чертой которого является объективность и достоверность математически обоснованной оценки УСПК ВПрОбО [11]. Такой подход, основанный на широком использовании ИКТ, базируется в рамках современной парадигмы учения на концептуальных положениях и методах педагогики, измерениях, математическом моделировании и научно-аналитической статистике квалиметрического подхода, позволяющих изучать и анализировать влияние различных факторов на процесс обучения, выбирать оптимальные стратегии, методы обучения и способы генерации образовательных траекторий [12]. Вследствие этого доминирующей стала безотлагательная необходимость разработки инновационного педагогического инструментария объективной количественной оценки УСПК ВПрОбО как совокупности взаимосвязанных инструментов (методов, методик, алгоритмов, средств и приемов) педагогического взаимодействия субъектов и объектов образовательного процесса [13–16]. Особую актуальность приобретает компетентностное решение проблемы цифрового оценивания УСПК ВПрОбО, своевременность и перспективность решения которой предопределена попытками раздельной оценки разных факторов и рисков в развитии реальной подготовленности ВПрОбО к качественному выполнению предстоящих трудовых функций [16–17], в том числе с уровневой структурой соотнесения между собой усвоения и воспроизведения знаний, их понимания (интерпретации, экстраполяции) и применения на

практике (владения) как ряда нечетных чисел (1:3:5:7:9) [18].

В качестве основных источников разработки педагогического инструментария цифрового оценивания УСПК обучающихся в образовательных организациях являлись отечественный опыт профессиональной подготовки магистров по направлению подготовки 44.04.04 Профессиональное обучение (по отраслям) в рамках профиля «Управление информационной безопасностью в профессиональном образовании»; переход от знаниевой парадигмы образования к компетентностной парадигме и требования к УСПК обучающихся по вышеупомянутому направлению их деятельности; теоретические концепции, отражающие современный уровень развития профессионального педагогического образования, в том числе с реализацией принципиально нового образовательного контента и внедрения инновационных форм его освоения (субъектно-образовательных технологий, дистрибутивного внедрения ИКТ, дуального обучения и др.); процесс интегративного задействования работодателей в разработках медиаконтента; практический опыт формирования практико-ориентированных профессиональных компетенций обучающихся в образовательных организациях.

Основными методами исследования стали теоретический анализ опубликованных в научной литературе материалов по проблеме цифрового оценивания УСПК ВПрОбО, их уровневого структурирования, а также обобщение особенностей вузовского этапа мониторинга практико-ориентированных профессиональных компетенций по учебно-профессиональной, научно-исследовательской и организационно-технологической деятельности.

Для достижения объективной и достоверной оценки реальной подготовленности выпускников вузов, соответственно, запросов общества, работодателей и самих обучающихся недостаточно фрагментального и бессистемного мониторинга учебных достижений обучающихся, что препятствует активизации важнейших образовательных источников освоения профессионализма и совершенствования профессионально значимых их субъектных свойств. Получение полной и объективной информации для принятия обоснованных мер по повышению качества образования, приведению в соответствие уровня профессионального образования к современным потребностям рынка труда в значительной мере зависит от корректности экспертных оценок уровня трудности тестовых заданий, их объективированности за счет применения весовых коэффициентов для каждого из оцениваемых факторов при использовании метода расстановки приоритетов в соответствии с необходимыми требованиями по их содержательности, репрезентативности, валидности, латентности и когнитивности. Ответы на подобные затруднения во многих случаях пока изобилируют существенными затруднениями [19–25 и др.], многие из которых минимизируются, если в разработке и использовании современных механизмов и инструментов формирования, контроля, объективного и достоверного оценивания профессиональных компетенций ВПрОбО с применением специальных критериев и индикаторов участвует профессорско-преподавательский состав, имеющий определенный уровень специальной подготовки разработчиков тестовых заданий и экспертов-специалистов в качестве своеобразного «измерительного инструмента», позволяющего перевести проблему квалиметрии компетенций в разряд структуризованных, к решению которых уже можно применить аппарат математического моделирования и выбора оптимальных решений» [25]. Дробление на разработчиков тестовых заданий и экспертов-специалистов с учетом их адекватности образовательным требованиям при таком подходе является своеобразным гарантом страховки от необоснованно завышенного или заниженного итогового результата контроля и количественной оценки знаний, умений, навыков и мастерства испытуемых всех категорий студентов и магистрантов.

Обращение к соблюдению принципов системного подхода в проведенном исследовании выполняло роль общенаучной основы, обеспечивавшей постановку проблемы на множестве уровней ее рассмотрения – изучения сущностных особенностей, природы и внутреннего строения процесса цифровой оценки УСПК ВПрОбО. Деятельностный подход актуализирован как практико-ориентированная тактика, способствующая эффективности процессов, формирующих адекватность итоговой величины УСПК ВПрОбО современным и прогнозируемым запросам общества, работодателей и самих обучающихся.

Общим в известных подходах педагогического контроля УСПК ВПрОбО является установление взаимосвязи между оценками обучающихся по итогам усвоения учебных материалов дисциплин и производственных практик и уровнем сформированности отдельных компонентов и частей регламентируемых основной профессиональной образовательной программой (ОПОП) компетенций с преимущественным использованием знаниевой парадигмы образования [12, 22–25]. Отличающийся интегрированной результативностью подход инновационного инструментария количественной оценки УСПК обучающихся Д.Г. Мирошина [23], понимающего под профессиональной компетенцией способность ВПрОбО решать профессиональные задачи в определенных условиях, детерминированных областью его профессиональной деятельности, т.е. с позиции компетентностной парадигмы образования, обусловил при планировании и выполнении исследований авторами настоящей работы разработку эмпирически комбинированного алгоритма цифрового оценивания УСПК ВПрОбО в более комплексном варианте исполнения, чем подход И.Д. Столбовой и А.Н. Данилова с соавторами [22, 24–25], вместе с тем, учитывающего раскрытие спектра знаний, умений, навыков и компетенций структуры ОПОП на примере образовательного процесса магистрантов по направлению 44.04.04 Профессиональное обучение (по отраслям) в рамках профиля «Управление информационной безопасностью в профессиональном образовании», а также, что не менее важно в обеспечение адекватности и достоверности количественной оценки УСПК ВПрОбО:

– предполагающего агрегатирование подвергнутых количественной оценке УСПК в генеральный (итоговый) УСПК ВПрОбО с учетом степени и стабильности всех единиц изучаемой совокупности учебных достижений (обученности, успеваемости) по предмету (дисциплине), их средних линейных и средних квадратичных отклонений, дисперсии, величины коэффициента вариации и остаточных знаний, что позволяет повысить диагностическую значимость и объективность цифрового оценивания уровня сформированности компетенций ВПрОбО;

– способствующего учету реализуемой в ОПОП матрицы компетенций и генеральных (итоговых) ведомостей учебных достижений по отдельным дисциплинам и итогам производственных практик (научный семинар, научно-исследовательская, технологическая, по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности, педагогическая и преддипломная) с соответствующими последствиями повышения точности и связанной с ней результативности итогового уровня компетенции ВПрОбО;

– обеспечивающего применение метода взвешенной оценки УСПК обучающихся по отдельным дисциплинам и итогам производственных практик с раскрытием их на уровне дескрипторов (знать, уметь, владеть), которые определяют содержание подготовки по оцениваемой дисциплине, в том числе от необходимого значения при формировании УСПК ВПрОбО.

Первоначальный этап количественной оценки УСПК ВПрОбО заключается в подсчете общего $У_0$, стимулирующего $У_С$ и объединительного $У_{\Sigma 0}$ уровней сформированности по каждому предмету (дисциплине) и производственным практикам дисциплинарных компетенций магистрантов в % с использованием генеральных (итоговых) ведомостей их учебных достижений по отдельным дисциплинам с промежуточным контролем и аттестацией их учебных достижений (обученности, успеваемости).

Значение общего $У_0$ уровня сформированности дисциплинарных компетенций у каждого из магистрантов вычисляется по формуле

$$У_0 = \lambda \cdot \left(\left(= \sum_{km=1}^{KM} ПК_{km} \right) / \left(\sum_{k=1}^{K} ПК_k \right) \right), \qquad (1.1)$$

где λ – коэффициент долевого учета выполнения магистрантом всех k-заданий КИМ промежуточного контроля (величина λ = 0,85: 85% или 0,90 (90%) в зависимости от отводимой в ОПОП доли промежуточного контроля и назначаемой доли аттестационного контроля величиной 0,15 (15%) или 0,10 (10%)); $ПК_{km}$ и $ПК_k$ – соответственно значения максимального балла и набранного магистрантом балла за выполнение k-го задания КИМ – тестов различного типа и других видов КИМ, т.е. регламентируемое значение максимального балла $ПК_{km}$ в % за выполнение всех k-заданий КИМ общего $У_0$ уровня сформированности дисциплинарных компетенций у магистрантов может назначаться в зависимости от числа зачетных единиц (ЗЕ), отводимых в ОПОП на освоение учебного материала конкретной дисциплины или производственной практики: 0,85 (85%) за 4 ЗЕ; 0,9 (90%) за 3 ЗЕ; 0,95 (95%) за 2 ЗЕ, т.е. для значений УС 15, 10 и 5% соответственно.

В табл. 1 приведен пример фиксации промежуточного контроля и контрольной аттестации как итог учебных достижений обучающихся.

Таблица 1

Пример фиксации промежуточного контроля и контрольной аттестации как итог учебных достижений учащихся, баллы

№ п/п	Ф.И.О. магистранта	Промежуточный контроль					Контроль – аттестация		$У_С$, %	$У_{\Sigma 0}$, %	$У_{\Sigma Р}$, %
		$ПК_1$	$ПК_2$	…	$ПК_k$	$У_0$	$АК_1$	$АК_2$			
		Максимальный балл					Максимальный балл				
		5	7	…	9	90%	7	7	10%		75%
1	Иванов Л.Е.	4	6		7	72,9	5	5	7,14	80,0	60,0
2	Климов А.П.	5	5		8	85,7	6	5	7,86	93,6	70,2
3	Петров М.И.	5	6		6	81,0	5	4	6,43	87,4	65,6
…	…										
n	Яковлев В.С.	4	7		8	90,5	5	7	8,57	99,1	74,3

Примечание. ПК1, ПК2 …, ПКК и АК1, АК2 – данные соответственно промежуточного контроля и контрольной аттестации в баллах как итог учебных достижений магистранта по результатам выполнения заданий контрольно-измерительных материалов (КИМ – тестов различного типа, рефератов и других видов КИМ); $У_0$, $У_С$, $У_{\Sigma 0}$ и $У_{\Sigma Р}$ – общий, стимулирующий, объединительный и результативный уровни сформированности дисциплинарных компетенций (УСДК) магистранта (в %) соответственно.

Значения объединительного $У_{\Sigma 0}$ и результативного $У_{\Sigma Р}$ уровней сформированности дисциплинарных компетенций (УСДК) у каждого из магистрантов вычисляются по соответствующим формулам:

$$У_{\Sigma 0} = У_0 + У_С, \qquad У_{\Sigma Р} = m \cdot У_{\Sigma 0}, \qquad (1.2)$$

где m – коэффициент учета «остаточных знаний».

В настоящее время уже ни у кого не вызывают сомнения необходимость и практическая значимость учета «остаточных знаний», без чего невозможно своевременно получить дополнительную информацию о качестве различных инновационных технологий обучения, сравнительной эффективности вариативного обучения, а также об индивидуальном развитии обучающихся. Вследствие этого в формуле (1.3) предусмотрен коэффициент m учета «остаточных знаний», понижающий значения объединительного УСДК $У_{\Sigma 0}$ до значения результативного УСДК $У_{\Sigma Р}$. Основанием выбора величины понижающего коэффициента m в интервале значений 0,75÷0,85 от величины объединительного УСДК $У_{\Sigma 0}$ стали ранее полученные

результаты мониторинга их остаточных знаний, сопоставимые с данными вовлечения участников образовательного процесса в различные виды активной познавательной деятельности [26, 27]. Повышенные значения коэффициента *m* в большей мере присущи инновационным технологиям дополненной реальности. Ориентация на природные способности у обучаемых доли восприятия человеческого мозга воспроизводить полученную информацию по истечении времени от трех месяцев до полугода обусловливают практическую значимость учета их остаточных знаний.

По итогам вычисления у каждого из магистрантов значений величин УСДК $У_{\Sigma 0}$ и $У_{\Sigma Р}$ в каждом семестре (табл. 2) осуществляется корректировка результативного $У_{\Sigma Р}$ их УСДК с использованием весовых коэффициентов, предварительно рассчитываемых с учетом, прежде всего, регламентированной ОПОП учебной нагрузки на формирование у магистрантов в каждом из семестров (табл. 3) общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Количество формируемых в каждом из семестров профессиональных компетенций различается незначительно, с наибольшим преобладанием их формированием у магистрантов по учебно-профессиональной деятельности, в отличие от деятельности научно-исследовательской и организационно-технологической, что объясняется педагогическим статусом образовательной организации.

Таблица 2

Значения величин уровней сформированности компетенций магистрантов в каждом из семестров по дисциплинам учебного плана

№ п/п	Код, наименование дисциплины, практики (производственной)	Уровень сформированности компетенций				
		$У_0$	$У_С$	$У_{\Sigma 0}$	$У_{\Sigma Р}$	$У_{\Sigma Н}$
Первый семестр						
1	Б1.Б.1. История и методология педагогической науки	69,5	5,7	75,2	56,4	71,6
2	Б1.Б.2. Информационные и коммуникационные технологии в науке и образовании	78,3	6,9	85,2	63,9	81,2
…						
n	Б2.Н.1. Производственная практика (научный семинар)	83,4	8,1	91,5	68,6	87,2
Второй семестр						
1	Б1.Б.3. Деловой иностранный язык	64,7	5,1	69,8	52,4	66,5
2	Б1.Б.5. Психология профессионального образования	71,5	6,2	77,7	58,3	74,0
…						
n	Б2.Н.2. Производственная научно-исследовательская практика	85,6	8,5	94,1	70,6	89,6
Третий семестр						
1	Б1.Б.4. Инновационные технологии в профессиональном образовании	80,7	9,2	89,9	67,4	85,6
2	Б1.В.ДВ.1.1 Охрана труда в организациях профессионального образования	68,4	5,3	73,7	55,3	70,2
…						
n	Б2.Н.2. Производственная практика (научный семинар)	85,2	8,6	93,8	70,4	89,3
Четвертый семестр						
1	Б1.В.ДВ.5.1. Технологии дистанционного обучения	75,6	6,8	82,4	61,8	78,5
2	Б1.Б.5. Психология профессионального образования	69,5	5,3	74,8	56,1	71,3
…						
n	Б2.П.2. Производственная (технологическая) практика	87,4	8,9	96,3	72,2	91,7
N	Б3.1. Выпускная квалификационная работа (магистерская диссертация)	85,2	8,5	93,7	70,3	89,3

Таблица 3

Формируемые по семестрам регламентированные в ОПОП компетенции

№ п/п	Наименование компетенций	Общее количество компетенций, формируемое в семестрах				
		1-м	2-м	3-м	4-м	Σ
1	Общекультурные компетенции (ОК)	3	2	1	–	6
2	Общепрофессиональные компетенции (ОПК)	9	6	4	–	19
3	Профессиональные компетенции (ПК), в том числе:	31	30	32	34	127
	– по учебно-профессиональной деятельности	12	13	13	14	52
	– по научно-исследовательской деятельности	9	9	10	10	38
	– по организационно-технологической деятельности	10	9	9	9	37

В современных условиях политика импортозамещения с созданием автоматизированных рабочих мест на базе применения лишь отечественного аппаратно-программного обеспечения ИКТ акцентирует переориентирование подготовки профессиональных кадров на преимущественное формирование у магистрантов профессиональных компетенций по научно-исследовательской (ПКНИД) и организационно-технологической (ПКОТД) деятельности. В свете обстоятельств такой переориентируемой необходимости значения весовых коэффициентов в обеспечение корректировки результативного $У_{\Sigma Р}$ УСДК магистрантов рассчитывались соответственно предпочтительной значимости ПКНИД и ПКОТД. Если в расчете среднего значения весовых коэффициентов во внимание принимать значимость ПКНИД и ПКОТД через количество профессиональных компетенций, формируемых в семестрах, его величина колеблется в интервале от 24,5 до 29,5%.

Вычисление средних линейных и средних квадратичных отклонений, дисперсии, величины коэффициента вариации результативного $У_{\Sigma Р}$ УСДК позволяет принять величину 27,0% за среднее значение весовых коэффициентов, вследствие чего накопленный (итоговый) $У_{\Sigma Н}$ УСДК рассчитывается по формуле

$$У_{\Sigma Н} = 1{,}27 \cdot У_{\Sigma Р}. \qquad (1.3)$$

Статистический подход оценки среднего значения весовых коэффициентов в соотнесении между собой разноуровневой значимости профессиональных и общепрофессиональных компетенций как выборки из ряда нечетных чисел 1:3:5:7:9 арифметической прогрессии, позволяющей учесть степень качества усложненности формирования ПКНИД и ПКОТД, выявил такой же тренд интервала колебаний анализируемой величины от 24,5 до 29,5%.

Вычисление генерального $У_{\Sigma Г}$ (итогового) уровня сформированности профессиональной компетенции ВПрОбО ведется по формуле

$$У_{\sum Г} = \left(\sum_{i=1}^{n} У_{\sum Нi} \right) / n, \qquad (1.4)$$

где $У_{\Sigma Нi}$ – среднеарифметическое значение интеграционных уровней *n*-дисциплин и производственных практик ОПОП.

Результаты, полученные в нашем исследовании, показывают, что предложенная алгоритмическая схема цифровой (квалиметрической) оценки уровня сформированности профессиональных компетенций ВПрОбО, прежде всего, является результативной по части практической значимости, так как способствует потенциальной возможности прогнозирования превентивного удовлетворения запросов и требований общества, работодателей, условий и возможностей импортозамещения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатенков С.А. Система формирования информационной и коммуникационной компетентности : учеб. пособие. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2014. 297 с.
2. Богатенков С.А., Гнатышина Е.А., Белевитин В.А. Компетентностно-ориентированное управление подготовкой кадров в условиях электронного обучения. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2017. 155 с.
3. Симоненко М.В. Проблемы импортозамещения в России в условиях экономических санкций США и Западной Европы // Молодой ученый. 2015. № 19. С. 423–426.
4. Захарова Е.В. Важность инновационного импортозамещения в условиях международных санкций против российской экономики // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. 2014. № 12.
5. Белевитин В.А., Гафарова Е.А., Корчемкина Ю.В., Шварцкоп О.Н. Влияние тернарности представления учебной информации на повышение креативности обучающихся // European Social Science Journal. 2017. № 6. С. 194−200.
6. Bogatenkov S.A., Belevitin V.A., Khasanova M.L. Risk Management Based on Model of Competences when Introducing Innovative Information Technology. International Journal of Engineering & Technology. 2018. Vol. 7, № 4.38. P. 78–81.
7. Belevitin V.A., Bogatenkov S.A., Rudnev V.V., Khasanova M.L., Tyunin A.I. Integrated Approach to Modeling IC Competence in Students // International Journal of Engineering & Technology. 2018. Vol. 7, № 4.38. P. 60–62.
8. Gafarova Ye., Belevitin V., Korchemkina Yu., Smirnov Ye., Khasanova M. The Approbation of a Mathematical Model of the Influence of Three-Level Semantic Representation of a Educational Message on the Dynamics of Students′ Creativity // International Journal of Engineering &Technology. 2018. Vol. 7, № 4.38. P. 171–173.
9. Богатенков С.А. Система информационной подготовки кадров для работы в среде 1С : учеб. пособие. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2014. 170 с.
10. Блинов В.И., Сазонов Б.А., Лейбович А.Н., Батрова О.Ф., Волошина И.А., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Национальная рамка квалификаций Российской Федерации. М. : ФГУ «ФИРО»; Центр начального, среднего, высшего и дополнительного профессионального образования, 2010. 7 с.
11. Карамышев М.Ю. Методология статистического исследования социально-экономических результатов развития сферы информационно-коммуникационных технологий России в сравнительном международном аспекте : автореф. дис. … д-ра экон. наук. Самара. 2011.
12. Потапова М.В. Современный инструментарий отслеживания компетенций и универсальных учебных действий обучающихся // Вестник Челяб. гос. пед. ун-та. 2014. № 2. С. 181–193.
13. Яковлев Е.В. Педагогический эксперимент: квалиметрический аспект. Челябинск : Изд-во ЧГПУ, 1998. 136 с.
14. Скибицкая И.Ю., Скибицкий Э.Г. Проектирование педагогического инструментария как условие формирования профессионального языка // Сибирский педагогический журнал. 2005. № 2. С. 72–81.
15. Ризен Ю.С., Захарова А.А., Минин М.Г. Модель подготовки выпускника вуза и повышение эффективности применения образовательных технологий // Проблемы информатики. 2012. Спецвыпуск. С. 1–8.
16. Шашкина М.Б. Компетенции студентов как объект педагогических измерений // Психология обучения. 2014. № 4. С. 120–131.
17. Варданян Ю.В., Вдовина Н.А., Кондратьева Н.П., Фадеева О.В. Особенности вузовского этапа мониторинга практико-ориентированных компетенций педагога-психолога // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2018. № 3. С. 181–191.
18. Симонов В.П., Черненко Е.Г. Образовательный минимум: измерение, достоверность, надежность // Педагогика. 1994. № 4. С. 3034.
19. Ильенкова С.Д. Показатели качества образования. URL: http://www.top-trening.ru/articles/1002.
20. Климова Т.Е. Методы корреляционного анализа в педагогике : учеб.-метод. пособие. Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2000. 96 с.

21. Катина М.Ю., Белевитин В.А., Суворов А.В., Шубина А.А. О соответствии педагогических тестов оцениваемой области знаний учебных дисциплин и уровню сформированных навыков и профессиональных компетенций // Инновационные технологии в подготовке современных профессиональных кадров: опыт, проблемы : сб. науч. тр. VII Междун. науч.-практ. конф. Челябинск : Челябинск. филиал РАНХиГС, 2016. С. 77–83.
22. Данилов А.Н., Овчинников А.А., Гитман М.Б., Столбов В.Ю. Об одном подходе к оцениванию уровня сформированности компетенций выпускника вуза // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: http:// scienceeducation.ru/ru/article/view?id=15324
23. Мирошин Д.Г. Оценка уровня сформированности профессиональных компетенций студентов по техническим дисциплинам. URL: http://pedagogika. snauka. ru/2015/02/ 3313
24. Ефремова Н.Ф. Компетенции в образовании: формирование и оценивание. М. : Национальное образование, 2012. 416 с.
25. Данилов А.Н., Лобов Н.В., Столбов В.Ю., Столбова И.Д. Компетентностная модель выпускника: опыт проектирования // Высшее образование сегодня. 2013. № 6. С. 25–33.
26. Пирамида усвоения знаний. URL: http://900igr.net/prezentacija/pedagogika/metody-gigienicheskogo-obuchenija-i-vospitanija-naselenija-183586/piramida-us-voenija-znanij-40.html
27. Чубик П.С., Чучалин А.И., Соловьев М.А., Замятина О.М. Подготовка элитных специалистов в области техники и технологий // Вопросы образования. 2013. № 2. С. 188–208.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 31 октября 2019 г.

Qualimetric Assessment of the Level of Formation of Professional Competencies of University Graduates in the Field of Information Technologies

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 168–174.
DOI: 10.17223/15617793/457/20

Vladimir A. Belevitin, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: belewitina@mail.ru
Evgeny N. Smirnov, Stary Oskol Technological Institute Named After A.A. Ugarov (Branch of the National University of Science and Technology "MISIS") (Stary Oskol, Russian Federation). E-mail: en_smirnov@i.ua
Dmitry N. Korneev, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: korneevdn@cspu.ru
Ekaterina V. Evplova, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk). E-mail: ekaterina@evplova.ru
Keywords: professional competencies; empirical approach; digitalization of educational processes; structure of educational program.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-29-07209.

The main of the dominant indicators of university graduates' readiness for a successful functioning in the modern information society is the level of their professional competence in the field of practical application of information and communication technologies. The analysis of the conformity of graduates' readiness convincingly indicates a "chronic" lag from the needs and requirements of the sixth level of the National Qualifications Framework of the Russian Federation. The main sources for the development of pedagogical tools for a digital assessment of graduates' professional competencies formation in educational institutions were the domestic experience of professional training of masters in the field of training 04.04.04 Professional Training (By Industry) under the Information Security Management in Vocational Education profile. The main research methods were the theoretical analysis of scientific literature on the digital assessment of graduates' professional competencies, their structuring by level, as well as a generalization of the characteristics of the university stage of monitoring practice-oriented professional competencies in educational, professional, research, organizational, and technological activities. Obtaining complete and objective information for taking reasonable measures to improve the quality of education, for adjusting professional education to the modern needs of the labor market largely depends on the correctness of expert assessments of the complexity of test tasks and their objectivity. This is achieved using weighting factors for each of the assessed factors that are prioritized in accordance with the necessary requirements for their content, representativeness, validity, latency, and cognitivity. Observing the principles of a systematic approach in the study performed the role of a general scientific basis that ensured the formulation of the problem at the many levels of its consideration: the study of the essential features, nature and internal structure of the digital assessment process. The active approach is actualized as a practice-oriented tactic that contributes to the effectiveness of the processes that make the final value of graduates' professional competencies adequate to the modern and predicted needs of society, employers, and students themselves. The results obtained in the study show that the proposed algorithm of the digital (qualimetric) assessment of the formation of professional competencies is primarily effective in terms of practical significance as it allows predicting the preventive satisfaction of requests and requirements of society, employers, and of conditions and opportunities import substitution.

REFERENCES

1. Bogatenkov, S.A. (2014) *Sistema formirovaniya informatsionnoy i kommunikatsionnoy kompetentnosti* [System for the Formation of Information and Communication Competence]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical University.
2. Bogatenkov, S.A., Gnatyshina, E.A. & Belevitin, V.A. (2017) *Kompetentnostno-orientirovannoe upravlenie podgotovkoy kadrov v usloviyakh elektronnogo obucheniya* [Competence-based Management of Personnel Training in the Context of E-learning]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical University.
3. Simonenko, M.V. (2015) Problemy importozameshcheniya v Rossii v usloviyakh ekonomicheskikh sanktsiy SShA i Zapadnoy Evropy [Problems of import substitution in Russia under the conditions of economic sanctions of the USA and Western Europe]. *Molodoy uchenyy*. 19. pp. 423–426.
4. Zakharova, E.V. (2014) The importance of innovation in terms of import of international sanctions against the Russian economy *Sovremennaya nauka: Aktual'nye problemy teorii i praktiki – Modern Science: Actual problems of theory and practice*. 12. pp. 92–94. (In Russian).
5. Belevitin, V.A. et al. (2017) The influence of the ternary presentation of educational information for the improving creativity of students. *European Social Science Journal*. 6. pp. 194−200. (In Russian).
6. Bogatenkov, S.A., Belevitin, V.A. & Khasanova, M.L. (2018) Risk Management Based on Model of Competences when Introducing Innovative Information Technology. *International Journal of Engineering & Technology*. 4.38 (7). pp. 78–81.
7. Belevitin, V.A. et al. (2018) Integrated Approach to Modeling IC Competence in Students. *International Journal of Engineering & Technology*. 4.38 (7). pp. 60–62.

8. Gafarova, Ye. Et al. (2018) The Approbation of a Mathematical Model of the Influence of Three-Level Semantic Representation of a Educational Message on the Dynamics of Students′ Creativity. *International Journal of Engineering &Technology*. 4.38 (7). pp. 171–173.
9. Bogatenkov, S.A. (2014) *Sistema informatsionnoy podgotovki kadrov dlya raboty v srede 1C* [Informational training system for personnel to work in the 1C environment]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical University.
10. Blinov, V.I. et al. (2010) *Natsional'naya ramka kvalifikatsiy Rossiyskoy Federatsii* [National Qualifications Framework of the Russian Federation]. Moscow: FGU "FIRO"; Tsentr nachal'nogo, srednego, vysshego i dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya.
11. Karamyshev, M.Yu. (2011) *Metodologiya statisticheskogo issledovaniya sotsial'no-ekonomicheskikh rezul'tatov razvitiya sfery informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy Rossii v sravnitel'nom mezhdunarodnom aspekte* [Methodology of Statistical Research of Socio-economic Results of the Development of the Sphere of Information and Communication Technologies in Russia in a Comparative International Aspect]. Abstract of Economics Cand. Diss. Samara.
12. Potapova, M.V. (2014) Modern tracking tools of competences and universal educational actions of students. *Vestnik Chelyabinskogo. gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2. pp. 181–193. (In Russian).
13. Yakovlev, E.V. (1998) *Pedagogicheskiy eksperiment: kvalimetricheskiy aspect* [Pedagogical Experiment: Qualimetric aspect]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical University.
14. Skibitskaya, I.Yu. & Skibitskiy, E.G. (2005) Pedagogical toolkit as a means of formation of professional language. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 2. pp. 72–81. (In Russian).
15. Rizen, Yu.S., Zakharova, A.A. & Minin, M.G. (2012) Model' podgotovki vypusknika vuza i povyshenie effektivnosti primeneniya obrazovatel'nykh tekhnologiy [A model of training a university graduate and increasing the efficiency of the use of educational technologies]. *Problemy informatiki. Spetsvypusk*. pp. 1–8.
16. Shashkina, M.B. (2014) Students' competencies as object of pedagogical measurements. *Psikhologiya obucheniya*. 4. pp. 120–131. (In Russian).
17. Vardanyan, Yu.V. et al. (2018) Peculiarities of higher educational stage of monitoring practical-oriented competences of the teacher-psychologist. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 3. pp. 181–191. (In Russian).
18. Simonov, V.P. & Chernenko, E.G. (1994) Obrazovatel'nyy minimum: izmerenie, dostovernost', nadezhnost' [Educational minimum: measurement, accuracy, reliability]. *Pedagogika*. 4.
19. Il'enkova, S.D. (n.d.) *Pokazateli kachestva obrazovaniya* [Education quality indexes]. [Online] Available from: http://www.top-trening.ru/articles/1002.
20. Klimova, T.E. (2000) *Metody korrelyatsionnogo analiza v pedagogike* [Correlation analysis methods in pedagogy]. Magnitogorsk: Magnitogorsk State University.
21. Katina, M.Yu. et al. (2016) [On the correspondence of pedagogical tests of the assessed area of knowledge of academic disciplines and the level of formed skills and professional competencies]. *Innovatsionnye tekhnologii v podgotovke sovremennykh professional'nykh kadrov: opyt, problemy* [Innovative Technologies in the Training of Modern Professional Personnel: Experience, Problems]. Proceedings of the VII International Conference. Chelyabinsk: Chelyabinsk Branch of RANEPA. pp. 77–83. (In Russian).
22. Danilov, A.N. et al. (2014) About one approach to evaluation of creating competency level of the high school graduate. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education*. 6. [Online] Available from: http://science-education.ru/ru/article/view?id=15324. (In Russian).
23. Miroshin, D.G. (2015) The evaluation of level of formation of professional competence of students for technical disciplines. *Sovremennaya pedagogika – Modern Pedagogy*. 2. [Online] Available from: http://pedagogika.snauka.ru/2015/02/3313. (In Russian).
24. Efremova, N.F. (2012) *Kompetentsii v obrazovanii: formirovanie i otsenivanie* [Competencies in Education: Formation and Assessment]. Moscow: Natsional'noe obrazovanie.
25. Danilov, A.N. et al. (2013) Kompetentnostnaya model' vypusknika: opyt proektirovaniya [Competence model of a graduate: design experience]. *Vysshee obrazovanie segodnya*. 6. pp. 25–33.
26. 900 detskikh prezentatsiy i 200 000 prezentatsiy dlya shkol'nikov [900 Children's Presentations and 200,000 Presentations for School Children]. (n.d.) *Piramida usvoeniya znaniy* [Pyramid of acquisition of knowledge]. [Online] Available from: http://900igr.net/prezentacija/pedagogika/metody-gigienicheskogo-obuchenija-i-vospitanija-naselenija-183586/piramida-us-voenija-znanij-40.html.
27. Chubik, P.S. et al. (2013) Training of high-class technicians and technologists. *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies*. 2. pp. 188–208. (In Russian).

Received: 31 October 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 175–186. DOI: 10.17223/15617793/457/21

УДК 378.147

Э.А. Гареева, Э.В. Дубинина

«УЧЕБНАЯ ФИРМА» КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ РЕАЛИЗАЦИИ СИСТЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Раскрывается сущность образовательной технологии «учебная фирма», построенной на системно-деятельностном подходе. Представлен опыт использования учебной фирмы в иноязычном образовании при обучении немецкому как второму иностранному языку и в преподавании экономических дисциплин. На основе эмпирических данных обосновывается педагогическая целесообразность применения данной образовательной технологии в высшей школе.

Ключевые слова: образовательная технология «учебная фирма»; системно-деятельностный подход; иноязычное образование; экономическое образование; профессиональная компетентность; soft skills навыки; активные методы обучения; междисциплинарность.

Введение. Образовательная ситуация в России на современном этапе определяет потребность в переосмыслении методологических подходов к содержанию и организации высшего профессионального образования. Это связано в первую очередь с требованиями современной экономики к уровню подготовки кадров.

Сегодня формы организации учебно-познавательной деятельности, используемые в процессе обучения в высшей школе, не всегда дают желаемый результат как с точки зрения профессиональной деятельности, так и сформированности социальных и коммуникативных компетенций, необходимых в современных условиях.

На наш взгляд, применение системно-деятельностного подхода в учебном процессе позволяет студенту не просто накопить знания, а попробовать себя в будущей профессиональной деятельности. Одним из способов реализации системно-деятельностного подхода в высшей школе является технология «учебная фирма», которая способствует формированию не только профессиональных навыков, но и навыков, которые могут пригодиться при решении широкого спектра задач: коммуникативных, предпринимательских, лидерских, публичных, работы в команде, т.е. так называемых soft skills навыков. Вышесказанное определяет актуальность нашего исследования

В ходе работы нами была выдвинута следующая гипотеза – симуляция производственных и профессиональных отношений, используемых в технологии «учебная фирма», основанной на системно-деятельностном подходе, способствуют более высокому уровню сформированности профессиональных, социальных и коммуникативных компетенций.

Цель статьи – раскрыть содержательную характеристику технологии «учебная фирма», основанную на системно-деятельностном подходе, и, опираясь на личный педагогический опыт, обосновать эффективность данной технологии не только в преподавании экономических дисциплин, но и в иноязычном образовании, в частности, в преподавании второго (немецкого) иностранного языка в высшей школе.

Теоретико-методологическую основу работы составляют системный подход (К.Л. Берталанфи, А.А. Богданова, Э.Г. Юдин и др.), теория деятельности (И.Г. Фихте, Г.И. Щукина и др.), принципы системно-деятельностного подхода (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.В. Давыдов), контекстный подход в высшей школе (А.А. Вербицкий), теория и методика обучения иностранным языкам (Е.И. Пассов, И.А. Зимняя, А.В Хуторский и др.).

Мы считаем необходимым рассмотреть более подробно понятие системно-деятельностного подхода, объединяющего системный и деятельностный подходы, применяемые во многих областях науки и практики.

Большой вклад в теорию системного подхода в XX в. внес К.Л. фон Берталанфи, который рассматривал теорию открытых систем в математике, биологии, науках о человеке. Согласно Л. Берталанфи все элементы системы находятся в тесной взаимосвязи с внешней средой, осуществляя непрерывный обмен информацией, что, в свою очередь, вызывает изменение всей системы [1. С. 149, 153–155]. Технология «учебная фирма» дает возможность рассматривать виртуальные фирмы как открытые системы, что позволяет сформировать у обучающихся целостное представление о деятельности предприятия.

К числу основоположников системного подхода можно отнести также А.А. Богданова, который отмечал, что уровень организации тем выше, чем сильнее свойства целого отличаются от простой суммы свойств его частей. Он пишет, что «организованное целое оказалось на самом деле практически больше простой суммы своих частей, но не потому, что в нем создавались из ничего новые активности, а потому, что его наличные активности соединяются более успешно, чем противостоящие им сопротивления» [2. С. 117].

Вопросами системного подхода в исследовательской деятельности занимался отечественный философ и методолог науки Э.Г. Юдин, который говорит, что источник преобразований системы или ее функций лежит обычно в самой системе, и они являются «не просто системами, а самоорганизующимися системами» [3. С. 57].

Из современных исследователей хотелось бы отметить вклад А.Е. Кононюка, исходящего из того, что системный подход есть принцип мышления, при котором категория «система» применяется в качестве метода, инструмента познания. А.Е. Кононюк отмеча-

ет, что «термин “системный подход” содержательно отражает группу методов, с помощью которых реальный объект описывается как совокупность взаимодействующих компонентов» [4. С. 22–23].

Таким образом, рассматриваемые нами концепции системного подхода приводят к пониманию того, что исследователи выделяют некие единые принципы системы, а именно целостность, структурность, взаимосвязь элементов системы, а также всей системы и среды, иерархичность, принцип синергизма и т.д. Все вышеперечисленные принципы являются основополагающими для технологии «учебная фирма».

Основы деятельностного подхода в обучении находят отражение в западной философии, в частности в трудах великого немецкого философа И.Г. Фихте. Его философия носит педагогический характер, краеугольным камнем которой является понятие свободы, объединяющее принцип деятельности, принцип самостоятельности и принцип нравственности. Согласно И.Г. Фихте понимание невозможно без собственных усилий ученика, без его собственной позиции, которое предстает как единство действия, говорения и мышления. Знание становится при этом формой предъявления данного единства [5. S. 208].

Вопросами деятельностного подхода в системе школьного образования занимается Г.И. Щукина, которая считает труд, познание и общение той основой, на которой формируются важнейшие личностные образования ученика, а именно его активность, самостоятельность, интерес к миру, к людям, к полезной деятельности. Как отмечает Г.И. Щукина, «…все виды деятельности – художественная, игровая, предметно-практическая и др., – способствуют выявлению потенций школьника, удовлетворению его запросов, всесторонне развивают его и содействуют гармоничному развитию его индивидуальности» [6. С. 44]. Важным является тот факт, что в учебном процессе ученик выступает не как объект, а как субъект учебно-познавательной деятельности. Источником формирования личности является деятельность, поскольку только в процессе деятельности человек создает себя сам. Хотелось бы отметить, что технология «учебная фирма» благодаря активной деятельности самих обучающихся способствует в той или иной мере раскрытию их потенциала.

Деятельностный подход в обучении также находит отражение в трудах современных западных ученых, таких как Johnson D.W., Johnson R. и Smith K. [7], Edwards S. [8], Crosby D.B. [9], Fallon E., Walsh St., Prendergast T. [10] и др. Так, преподаватели Дублинского технологического института Eimear Fallon, Stephen Walsh и Terry Prendergast апробировали деятельностный подход в обучении старшекурсников и отметили следующие виды работы: творческие мастерские, мозговой штурм, интеллект-карты, презентации, анализ работ однокурсников, саморефлексия. В результате использования деятельностного подхода, по мнению этих авторов, возросла вовлеченность студентов в процесс обучения, повысился интерес [10].

Таким образом, деятельностный подход в обучении обеспечивает активность обучающегося в приобретении и накоплении знаний, закладывает основу для формирования творческих процессов в познании, способствует созданию многообразных межличностных отношений и формированию умений применять приобретенные знания в решении профессиональных и жизненных задач.

Попытки объединения системного и деятельностного подходов привели к возникновению в отечественной науке в 1985 г. понятия системно-деятельностного подхода, в основу формирования и развития которого легли труды Л.С. Выготского [11], А.Н. Леонтьева [12], В.В. Давыдова [13] и др. Разработанные ими концепции основываются на образовательной деятельности обучающихся с учетом их возрастного развития. Организация и развитие системно-деятельностного подхода в иноязычном образовании находит отражение в трудах Е.А. Маслыко, П.К. Бабинской [14] и др. Их концепция содержит систематизированные методические рекомендации по организации иноязычного образования, в частности по обучению произношению, лексике, грамматике иностранного языка, организации иноязычной речевой деятельности, иноязычному общению с использованием игрового моделирования, проблемного, коммуникативно-функционального и системно-деятельностного подходов.

На современном этапе вопросами применения системно-деятельностного подхода в высшем профессиональном образовании занимаются такие исследователи, как Р.М. Асадуллин [15], Е.В.Тройникова [16], О.И. Ваганова, О.Е. Ермакова [17] и др.

Таким образом, анализ источников показал, что системно-деятельностный подход предполагает развитие когнитивных, социальных, личностно-развивающих способностей обучающихся, их познавательной активности. Обучающийся должен не просто накопить системно знания, но овладеть определенным набором умений для решения важных профессиональных и жизненных задач.

Одной из форм реализации системно-деятельностного подхода, лежащего в основе формирования общих и профессиональных компетенций, является, на наш взгляд, технология «учебная фирма», направленная на формирование готовности к вхождению и адаптации к профессиональной деятельности. Так, K. Reich [18] отмечает, что в основе методики учебной фирмы (Juniorfirma – одно из названий учебной фирмы в Германии) лежит старейший дидактический принцип активного деятельностного обучения на реальных конкретных предметах, так называемый принцип «учись, делая» (learning by doing), восходящий к педагогике Руссо, Песталоцци, Кершенштайнера (Kerschensteiner). Первое упоминание учебной фирмы в Германии датируется 1786 г. в одном из учебных заведений города Лейпцига. Данная образовательная технология нашла также свое применение в 1858 г. в Венской торговой академии (Handelsakademie), где была образована первая учебная фирма (Musterkontor), как отмечают M. Stock и E. Riebenbauer [19]. Она представляла собой симуляцию производственных отношений в учебных целях и являлась ядром торгового обучения. Дальнейшее развитие данная технология получила в XX в. по всему

миру. В 1992–1993 учебном году «учебная фирма» (Übungsfirma) была включена в учебный план Торговой академии и торговых училищ Австрии как обязательная дисциплина. В 1993 г. одновременно с закреплением дисциплины «Учебная фирма» в учебных планах было образовано центральное управление учебными фирмами Австрии (Zentralstelle ACT – Austrian Center for Training Firms). Данное управление является своего рода сервисным центром для всех учебных фирм Австрии и связующим звеном с международным рынком учебных фирм [19]. В настоящее время также и в Германии существует более 500 учебных фирм, всего – 7 500 в 42 странах мира [20]. В рамках созданной сети учебных фирм по всему миру реальные люди вступают в виртуальные профессиональные отношения. «Сотрудники» учебных фирм предлагают свои виртуальные услуги и продукты, осуществляют деловую переписку, ведут деловые переговоры и собеседования, представляют свои товары на виртуальных выставках и ярмарках. Исходя из вышесказанного, «учебная фирма» – это образовательная технология, представляющая собой симуляцию всех этапов создания и развития бизнеса, интеграции в экономическую среду.

В России также есть успешный опыт использования образовательной технологии «учебная фирма». Так, А.В. Завгородняя, В.Б. Рыбина, Н.М. Гаврилов и О.В. Щербакова применяют данную технологию при реализации программ экономического образования в вузе [21, 22]. Я.О. Аверьянова описывает опыт применения технологии учебной фирмы как средства развития иноязычных профессиональных коммуникативных умений студентов экономических направлений подготовки [23]. Н.Ю. Бутко делится опытом применения данной технологии при подготовке специалистов педагогического профиля в колледже [24]. Н.И. Устенков и В.Н. Шишканова анализируют опыт создания виртуальных учебно-тренировочных фирм в вузе по направлению подготовки «Строительство» [25].

Методисты Гёте-Института г. Москва L. Sokolowa, A. Akischina, L. Antonowa с соавт. [26] разработали концепт учебной фирмы в иноязычном образовании, а именно в обучении немецкому языку (DaF-Übungsfirma). Они являются авторами учебника «Deutsch für Beruf und Karriere. Berufssprache Deutsch mit der DaF-Übungsfirma» (Немецкий для профессии и карьеры. Профессиональный немецкий как иностранный язык с технологией учебная фирма). А.В. Шкапова [27] описывает опыт применения технологии «учебная фирма» на основе CLIL-метода в преподавании иностранного (немецкого) языка в непрофильных средних учебных заведениях, используя при этом указанный выше учебник.

Анализ научно-методической литературы показал, что в настоящее время недостаточно исследований по применению технологии «учебная фирма» в иноязычном образовании в высшей школе в России, а именно в преподавании немецкого как второго иностранного языка не только с целью формирования профессиональных компетенций, но и развития soft skills навыков. Нами также предпринята попытка обоснования эффективности реализации системно-деятельностного подхода через технологию «учебная фирма».

В данной работе используются следующие методы исследования: сравнительно-сопоставительный анализ, педагогический эксперимент, педагогическое наблюдение, изучение продуктов деятельности обучающихся. Кроме того, авторы разработали анкету-опросник, позволяющую выявить степень удовлетворенности студентов результатами своей работы, приобретенными умениями и навыками в «учебной фирме». При написании статьи были использованы результаты преподавательского опыта авторов.

Впервые авторы статьи столкнулись с понятием «учебная фирма» на курсах повышения квалификации для преподавателей немецкого языка, что позволило понять данную технологию «изнутри».

С октября 2015 г. Гёте-Институт в Москве запустил пилотный проект онлайн-курса «Deutsch für Beruf und Karriere» («Немецкий для профессии и карьеры»). Данный курс вызвал большой резонанс среди учителей немецкого языка, и теперь он организуется дважды в год продолжительностью четыре месяца. Курс был разработан методистами Гёте-Института, в основу которого был положен концепт «учебная фирма».

Среди студентов высших учебных заведений Республики Башкортостан, изучающих немецкий язык и достигших уровня А2, по шкале общеевропейских компетенций владения иностранным языком, пилотный проект «учебная фирма» был запущен в октябре 2017 г., координатором которого выступил Гёте-Институт в Москве. В проекте также приняли участие студенты 4-го курса направления «Лингвистика» 45.03.02, профиль «Перевод и переводоведение» Института филологического образования и межкультурных коммуникаций Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, изучающие немецкий как второй иностранный язык после английского. Проект был рассчитан на 68 часов аудиторных занятий. Мы принимали участие не только в пилотном проекте, но и применяли данную технологию в учебном процессе и в последующие годы.

Концепт «учебная фирма» включает следующие этапы работы, каждый из которых представляет собой тематическое и структурное единство:

– основание фирмы;
– поиск деловых партнеров;
– контакты с зарубежными партнерами;
– подбор персонала;
– бизнес-ярмарка.

Студентам дается подробный план предстоящей работы с указанием времени, предусмотренного для выполнения тех или иных заданий и сроков представления групповых или индивидуальных проектов. Это позволяет правильно распределить время и эффективно организовать работу.

Цели каждого практического занятия четко и конкретно формулируются, в ходе работы используются разнообразные приемы обучения, нешаблонное построение практического занятия, новые информационные технологии, наглядность, что способствует, в свою очередь, развитию внутренней активности самих студентов.

Прежде чем создать свою виртуальную фирму, студенты изучают работу различных немецких и российских предприятий с целью выявления востребованных фирм на рынке. Кроме того, данная работа позволяет пополнить лексический запас и определить интересную сферу деятельности для создания своих учебных фирм.

На этапе основания фирмы студенческая группа, состоящая, как правило, из 8–12 человек, методом жеребьевки делится на две подгруппы, каждая из которых основывает свою виртуальную фирму. Таким образом, в одной студенческой группе создаются, как правило, две виртуальные фирмы, в каждой из которых по 4–6 сотрудников. Сферы деятельности виртуальных фирм должны пересекаться, так как в ходе проекта они сотрудничают друг с другом и являются партнерами по бизнесу. Обучающиеся знакомятся с работой известных немецких фирм по выбранным направлениям деятельности для того, чтобы получить представление о том, как функционируют те или иные предприятия. Каждая учебная фирма обсуждает на немецком языке название, слоган, логотип своего будущего предприятия. Студенты выбирают «должности» в виртуальной фирме с учетом их пожеланий и личностных качеств. Так, например, были созданы мастерская по ремонту компьютерной техники «ReparaturStadt», кондитерская «Naschkatze», фирма по производству экологической косметики «PureLove», фирма по производству экологической упаковки «NovaPak» и др.

Важно отметить, что с самого начала работы студенты используют современные сервисы для совместной работы. Для создания древовидной структуры организации предлагается технология Mind Map (интеллект-карта), автором которой является британский психолог Тони Бьюзен [28]. Mind Map очень удобен также для составления плана, записи конспекта лекции, ведения тематического словаря в иноязычном образовании. Данный электронный сервис позволяет также добавлять рисунки, делая схемы более наглядными.

Для создания презентации фирмы в формате PowerPoint используется сервис «Google Презентации», который дает возможность коллективного доступа к файлам и позволяет одновременно работать с файлами нескольким пользователям. В работе виртуальных фирм мы используем сервис виртуальная доска Padlet, который является удобным инструментом для организации совместной деятельности.

На этапе работы над модулями «Поиск деловых партнеров» и «Контакты с зарубежными партнерами» студенты учатся правильно писать и оформлять деловые письма, вести переговоры и деловые разговоры по телефону, встречать иностранных партнеров в аэропорту и правильно вести Small Talk, неделовую беседу на отвлеченные нейтральные темы, ставшую неотъемлемой частью делового этикета. Студенты собирают информацию о ведении Small Talk, делятся личным опытом, так как многие их них бывали за границей и имеют опыт переводческой работы, выявляют особенности ведения неделовой беседы с иностранцами, учитывая их межкультурные различия.

На данном этапе особое внимание уделяется обучению письменной речи, так как в современном мире изменился социальный заказ общества. Необходимость обучения письменной речи определяется тем, что увеличивается объем деловой переписки как с российскими, так и с иностранными партнерами, поэтому необходимо знать структуру делового письма, уметь правильно оформлять письмо-запрос, письмо-предложение и другие виды деловых писем. Освоение данных тем проходит в формате мастер-класса «Современная электронная переписка», где студенты получают рекомендации по грамотному написанию деловых электронных писем, учатся формулировать заголовки-темы писем, а также анализируют распространенные ошибки при написании писем. Обучающиеся также знакомятся со структурой рекламного письма и учатся его составлять. Каждая фирма оформляет письмо-запрос и письмо-предложение на фирменном бланке своего виртуального предприятия и ведет переписку с фирмой-партнером. В ходе работы над данными модулями формируется способность использовать этикетные формулы в устной и письменной коммуникации. Кроме того, студенты овладевают особенностями официального, нейтрального и неофициального регистров общения.

Работая над модулем «Подбор персонала», студенты учатся составлять объявления о вакансиях, индивидуально пишут ответ на понравившуюся вакансию, собирают портфолио документов, необходимых для собеседования.

Заключительный этап работы учебных фирм «Бизнес-ярмарка» не ограничивается стенами вуза, а носит региональный характер. Так, два года подряд состоялись региональные выставки учебных фирм «Mein TraumStartUp» на базе Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета в рамках проекта Гёте-Института «Deutsch für Beruf und Karriere». Студенты различных вузов Башкортостана – участники проекта – представляли свои учебные фирмы, визитные карточки, рекламную продукцию, флаеры с инновационным продуктом фирм на немецком языке, демонстрировали навыки деловой коммуникации. Мероприятия были организованы в рамках программы «Дни Германии в российских регионах», на выставке присутствовали также гости из Германии, которые активно включились в ролевую игру, переходя от одного стенда к другому, от одной фирмы к другой, общаясь с «сотрудниками» учебных фирм. Общение с носителями языка помогает снять языковой барьер, повышает мотивацию, уверенность в себе, доставляет радость от осознания того, что студенты понимают иностранцев, а те в свою очередь понимают их.

Поскольку данный проект был запущен не только в Башкортостане, но и в некоторых других регионах России, то преподаватели и учителя немецкого языка – участники проекта – могли обмениваться информацией о проделанной работе на платформе Moodle, предложенной координаторами проекта – методистами Гёте-Института. Мы выкладывали фото- и видеоматериалы, делились методикой работой над тем или

иным модулем, дополнительными учебными материалами, обсуждали возникшие в ходе работы проблемы и пути их разрешения.

Мы считаем целесообразным рассмотреть возможности технологии «учебная фирма» в реализации некоторых педагогических принципов в обучение, что может быть полезным и интересным преподавателям вузов. Данная технология, в основе которой лежат системно-деятельностный и коммуникативный подходы, позволяет реализовать следующие принципы обучения согласно классификации И.В. Борисовой и И.Н Самковой [29. С. 4]:

– принцип сознательности и активности, предполагающий формирование отношения обучающихся к поставленным целям, возможность постановки собственных целей и планирования вариантов их достижения;

– принцип доступности, при котором представление содержания осуществляется с учетом дифференцированного подхода и вариативности усвоения учебного материала;

– принцип последовательности и системности, обеспечивающий последовательную логику разворачивания содержания образования;

– принцип игры, который заключается в том, что весь курс выстраивается как одна большая ролевая игра, в которой обучающиеся выполняют задачи и реагируют на ситуации, приближенные к реальным.

«Учебная фирма» позволяет, на наш взгляд, осуществлять также и принцип новизны, способствующий развитию речевого умения. Так, согласно Е.И. Пассову, главной предпосылкой речевого умения является «постоянная новизна ситуаций, их вариативность» [30. С. 112]. Е.И. Пассов исходит из того, что вариативность создает условия для развития многих качеств и умений, так как развивается способность перефразировать. Способности перефразировать является необходимым умением в постоянно меняющихся ситуациях общения. Способность перефразировать и комбинировать являются качествами продуктивности. Принцип «учебной фирмы», построенный на варьирование речевых ситуаций, может стать также средством для достижения продуктивного говорения. Кроме того, очень важна роль интереса в обучении, который также является неотъемлемой частью принципа новизны. Е.И. Пассов считает, что «интерес, с одной стороны, есть средство и залог эффективности обучения; с другой стороны, эффективное обучение “подстегивает” интерес и он становится устойчивым» [30. С. 113]. Интерес возникает в результате новизны содержания материала, постоянной смены проблем обсуждения и решения новых задач, новизны формы занятий (дискуссии, презентации товаров и услуг, ярмарки, встреча иностранных гостей в аэропорту, обсуждение в пленуме, собеседования и т.д.), новизны видов и приемов работы, новизны речевых партнеров. Таким образом, во все элементы учебного процесса «учебная фирма» позволяет внедрять новизну, которая, безусловно, способствует развитию интереса к овладению речевым умением.

Важным аспектом «учебной фирмы» является также и социальный контакт, который осуществляется на протяжении всего курса обучения. Е.И. Пассов считает, что социальный контакт является основой на начальном этапе обучения, так как способствует реализации основных принципов коммуникативного метода [30. С. 122]. Однако, на наш взгляд, социальный контакт, на основе которого строится ролевая игра, важен на всех этапах обучения. В частности, «учебная фирма» построена как большая ролевая игра, где каждый «сотрудник фирмы» раскрывается как личность, исполняя свои собственные межличностные роли.

Как известно, ролевые игры относятся к активным методам обучения. Они помогают воспроизводить, разнообразные человеческие отношения, существующие в жизни. Они имеют огромное развивающее значение, и это заложено в самой ее природе, по мнению Е.И. Пассова, «ибо игра – это всегда эмоции, а там, где эмоции, там активность, там внимание и воображение, там работает мышление» [31. С. 206]. Ролевые игры наполнены различными содержаниями, где студенты исполняют различные социальные и межличностные роли, близкие им психологически. Так, в ходе создания учебной фирмы студенты решают сами, какие социальные роли, какие должности они занимают и определяют сферу своей деятельности и ответственности. Таким образом, происходит некая социальная адаптация студентов, целью которой является формирование умений социального взаимодействия и общения, совместного принятия решений, ответственности за дело, за себя и за других.

Игра способствует проявлению речемыслительной активности студентов через их самостоятельное мышление. Учебная фирма позволяет планировать занятие таким образом, чтобы студенты были активны, проявляли творчество и действовали самостоятельно. Согласно А.В. Хуторскому «принцип речемыслительной активности предполагает такую организацию учебного процесса, когда учащийся постоянно вовлечен в процесс общения на языке (условный или реальный), т.е. процесс практического пользования языком на основе речемышления…» [32. С. 101]. Упражнения для развития речевых умений и навыков, выполняемые студентами в рамках данного курса, носят речемыслительный характер, иначе говоря, являются оречевленными. На каждом этапе работы ставятся новые коммуникативные задачи, которые, в свою очередь, способствуют появлению внутренней речемыслительной активности обучающихся. Используемый коммуникативный речевой материал является аутентичным. На протяжении всего курса обучения происходит активное сотрудничество с другими виртуальными фирмами, осуществляется деловая переписка, ведутся переговоры или собеседования при устройстве на работу, происходит презентация нового продукта виртуальной фирмы.

Специфика образовательной технологии «учебная фирма» заключается в том, что речевой материал используется в новых ситуациях для решения новых, более сложных задач. «Ситуативность, – по мнению А.В. Хуторского, – условие жизненно важное для овладения говорением» [32. С. 125]. Ситуативность предполагает систему взаимоотношений собеседников, порождает потребность просить или убеждать,

жаловаться или предлагать. Работа в виртуальной фирме на протяжении одного семестра или даже одного учебного года позволяет создавать множество ситуаций и их вариативность, все это способствует, на наш взгляд, развитию такого качества речевого умения, как продуктивность, без чего невозможно представить речевую деятельность в постоянно меняющихся условиях речевого общения. А.В. Хуторский утверждает, что «говорению нельзя научиться вне ситуативности» [32. С. 138]. Действительно, речевые единицы, произнесенные вне ситуации, не остаются в памяти, поскольку они не являются значимыми для обучающегося. Формирование речевого навыка происходит в определенных условиях и самым важным является ситуативность. «Учебная фирма» предлагает контексты деятельности, создавая, таким образом, условия для развития речевых умений. Технология «учебная фирма» позволяет активно использовать проблемные ситуации, решение которых помогает студентам развивать как мыслительную, так и речевую виды деятельности.

Те или иные элементы проблемности содержат видеоролики из YouTube по темам «Small Talk», «Собеседование», «Реклама инновационного товара», «Ярмарка вакансий в формате Job-Speed-Dating» и другие, используемые на занятиях в качестве визуальной информации. Разрешение проблемных ситуаций, представленных в видеоматериалах, осуществляется на основе анализа, синтеза, обобщения информации, т.е. такого рода работа предполагает активную речемыслительную деятельность. А.А. Вербицкий рекомендует использовать такие формы наглядности, «которые не только дополняет словесную информацию, но и сами выступают носителем содержательной информации. Чем больше проблемность визуальной информации, тем выше степень мыслительной активности обучающегося» [33. С. 111].

Как известно, наглядность занимает одно из ведущих мест среди дидактических принципов. Наглядность в обучении речемыслительной деятельности используется не только как средство предъявления речевого материала, но может моделировать профессиональные и жизненные ситуации. Говоря о ситуативной наглядности на этапе сообщения знаний, И.А. Зимняя выделяет для этапа развития речевых действий две цели применения наглядности в обучении речевой деятельности, а именно «создание 1) смысловой опоры для порождения и понимания иноязычного высказывания и 2) стимула для порождения речевого высказывания» [34. С. 106]. Видеофильмы создают эффект участия и позволяют концентрировать внимание не только на языковой форме, а также и на содержании иноязычных высказываний. Данный вид наглядности был активно использован в работе «учебных фирм», при просмотре рекламных роликов, собеседований, презентаций товаров на ярмарках и пр.

Великолепной формой наглядности являются интеллект-карты, созданные в рамках «учебной фирмы» самими студентами. Их можно рисовать на листе бумаги, ватмана от руки, но также создавать с помощью компьютерных программ. Тони Бьюзен считает технику создания интеллект-карты «революционным инструментом мышления, который помогает обрабатывать информацию, генерировать идеи, улучшить память и повысить эффективность работы» [28. С. 15]. Обучающиеся создавали интеллект-карты не только для того, чтобы показать древовидную структуру своей фирмы, но также и в работе над лексикой. Набор цветных ручек, карандашей, фломастеров, рисующих линии разной толщины, листы ватмана были необходимы всегда для того, чтобы сделать интеллект-карту визуально привлекательной и повысить ее эффективность. Так, например, были созданы интеллект-карты по структуре делового письма, по ведению Small Talk, была создана древовидная схема правильного собеседования, схема презентации инновационного товара виртуальной фирмы. Изображения в интеллект-карте лаконичные, четкие и цветные, благодаря этому они привлекательны, стимулируют запоминание и развивают творческую активность студентов. Т. Бьюзен отмечает, что «структура интеллект-карты работает органически, повторяя нейронную структуру, формирующуюся в головном мозге при обработке информации. За счет стимулирования радиантного мышления создание интеллект-карты ведет к усилению естественных функций мозга, делая процесс мышления более творческим и эффективным» [28. С. 52]. Совместная работа в группах из 4–5 человек по созданию интеллект-карт заметно мотивировала студентов. Процесс создания обучающимися интеллект-карты вызвал у них большой интерес как к выполнению, так и к результату. Таким образом, техника создания интеллект-карты помогает раскрыть огромный потенциал, она становится своего рода площадкой для творческого мозгового штурма, стимулирует воображение, расширяет горизонт мышления, улучшает память, позволяет запомнить большое количество слов и информации.

Технология «учебная фирма» предполагает следующие организационные формы работы: индивидуальную, парную, групповую и коллективную. В качестве индивидуальной формы работы было предложено собрать информацию об иностранных и совместных предприятиях на территории Республики Башкортостан, выполнить тестовые задания и провести самооценку после каждого изученного модуля. Парная работа осуществлялась над текстами, диалогами по темам модулей, в разыгрывании ситуации собеседования, Small Talk, деловых телефонных разговоров. Следует отметить, что групповая и коллективная формы работы являются преобладающими в учебной фирме. В современном мире переход к коллективному обучению – это объективная необходимость. По мнению К.В. Дьяченко, «коллективное обучение отвечает потребностям формирования личности специалиста, включая и формы индивидуальной работы» [35. С. 132]. На наш взгляд, необходимо уделять бóльшее внимание организации групповой и коллективной формам деятельности в «учебных фирмах», так как одним из сложных моментов было неумение студентов работать в коллективе, нежелание контактировать с теми или иными членами группы. В совместной деятельности структура общения дает возможность коллективу обучать каждого своего члена и каждому

члену активно участвовать в обучении всего коллектива. Так, к примеру, в разработке названия «учебной фирмы», ее слогана, логотипа, оформлении плаката-структуры фирмы, визиток, рекламных буклетов участвуют все «сотрудники» фирмы, т.е. это коллективная деятельность. Осуществляется совместный поиск оригинальных решений, и каждый вносит в это свой вклад, предлагая индивидуальное решение, дополняя суждения и идеи других. Ситуации совместной деятельности нейтрализуют недружелюбные отношения между обучающимися, делают их более терпимыми, учат находить компромиссы. Кроме того, по мнению К.В. Дьяченко, в общении и совместной деятельности студенты все больше убеждаются в том, «что одну и ту же задачу можно не только решать разными способами, но и выразить это решение поразному. И собственные их решения обогатят коллективное» [35. С. 105]. Профессиональная жизнь потребует от будущего специалиста развития в общении с людьми таких отношений, которые создают здоровый микроклимат в коллективе. В настоящее время актуальна мультикультурная среда, так как люди разных национальностей и культур могут предложить нестандартное, совершенно иное решение задачи, поэтому важно приобрести умения и навыки работы в коллективе.

Важным аспектом реализации концепта «учебной фирмы» также является, на наш взгляд, атмосфера сотрудничества и хорошего психологического климата на занятиях, позволяющая студентам активно включаться в работу виртуальных фирм и проявлять свою инициативу. А.А. Вербицкий говорит о необходимости предоставления учащимся реальной возможности интеллектуальной инициативы в обучении для развития личности как будущего специалиста, «…возможности не только целепринятия, но и целеполагания и целеосуществления, перехода из позиции потребителя (учебной информации) в позицию творца своих знаний и самого себя…» [33. С. 56]. Атмосфера сотрудничества позволяет студентам мыслить продуктивно и способствует раскрытию их творческих потенций.

Хотелось бы отметить тот факт, что даже те студенты, которые на традиционных занятиях предпочитали оставаться в тени, проявили себя в «учебной фирме» совершенно иначе, т.е. раскрыли свои скрытые потенции, а именно показали умение творчески относиться к выполнению тех или иных заданий, умение нести ответственность, а некоторые из них даже проявили лидерские качества. Успехи в учебном процессе играют большую роль, так как они порождают интерес и повышают мотивацию обучающегося, что, по мнению Е.М. Рождественской и А.В. Жаворонок, «…положительно влияет на его субъективное восприятие образовательного процесса в целом» [36. С. 170]. Таким образом, «учебная фирма» способствует раскрытию скрытых индивидуальных возможностей, творческих способностей обучающихся, что, в свою очередь, дает «сотрудникам» виртуальных фирм ощущение успеха.

Технология «учебная фирма», построенная на системно-деятельностном подходе, позволяет студентам добывать знания в процессе учебно-познавательной деятельности. Одной из основных характеристик технологии «учебная фирма» является коммуникативность, позволяющая осуществлять переход от первых социальных контактов к ситуациям, приближенным к реальным. Коммуникативность предусматривает речевую направленность обучения, стимулирование речемыслительной деятельности, учет индивидуальных особенностей, создание ситуативности обучения, соблюдение принципа новизны и нетрадиционной формы организации учебного процесса.

Нами был проведен естественный педагогический эксперимент, в ходе которого мы смогли определить уровни сформированности некоторых речевых и soft skills навыков. Эксперимент был длительным, он проходил в течение почти двух учебных семестров.

В эксперименте участвовали две группы студентов 4-го курса направления «Лингвистика» 45.03.02, профиль «Перевод и переводоведение». Одна группа – контрольная (в количестве 10 человек), где занятия по дисциплине «Практикум по культуре речевого общения второго иностранного (немецкого) языка» проводились по традиционной методике, без создания учебных фирм, другая группа – экспериментальная (в количестве 9 человек), где применялась технология «учебная фирма». Для эксперимента были отобраны такие темы, как «Деловая корреспонденция», «Деловой разговор / Собеседование», «Неделовой разговор / Small Talk», «Презентация товара или услуги». Изучение данных тем осуществлялось как в экспериментальной, так и в контрольной группах. Задания по написанию делового письма студенты осуществляли в малых группах (3–4 человека), проведение делового и неделового разговора проходило в парах, презентация товара или услуги было индивидуальным заданием для каждого студента.

Сформированность навыков иноязычной коммуникации измерялась по 10-балльной шкале по следующим аспектам иноязычной устной и письменной речи: структура и стиль письма, грамматическая сторона речи (морфология и синтаксис), лексическая сторона речи (словарный запас, его объем и разнообразие), фонетическая сторона речи (произношение и просодия, свободная речь), стиль речи (прагматические и социолингвистические оттенки). Также измерялись коммуникативная эффективность речи (решение задачи в соответствии с ситуацией) и невербальная коммуникация (мимика, жесты, позы, визуальный контакт, пространственно-временная организация общения). Существует мнение, что soft skills навыки трудно поддаются оцениванию, однако симуляция производственных и жизненных отношений, на которой основана технология «учебная фирма», позволяет выявить степень сформированности некоторых из них.

Измерение сформированности навыков по каждому из аспектов иноязычной речи проводилось путем выполнения студентами (в малых группах, парами или индивидуально) контрольного пакета заданий. Для каждого выделенного аспекта был составлен набор из 10 вопросов (тестов, коммуникативных задач, контрольных листов), позволяю-

щий провести адекватную оценку. Соответственно, выставляемый промежуточный балл является отражением количества правильно выполненных заданий в рамках каждого из аспектов иноязычной речи. Оценку элементов невербальной коммуникации, которые были указанны выше, осуществляли также и сами студенты, заполняя разработанные авторами контрольные листы. Окончательная оценка формировалась как среднее арифметическое (оно же среднее арифметическое взвешенное в нашем случае, поскольку вклад каждого из аспектов авторы принимали равноценным).

Результаты эксперимента представлены в табл. 1– 3.

Таблица 1

Результаты измерения по теме «Деловая корреспонденция», балл

Аспект иноязычной речи	Контрольная группа	Экспериментальная группа
Структура письма	8,3	9,5
Грамматическая сторона речи	8,9	9,6
Лексическая сторона речи	8,4	9,0
Стиль письма	8,5	9,5
Коммуникативная эффективность	8,6	9,8
Итоговый балл	8,5	9,5

Таблица 2

Результаты измерения по темам «Деловой разговор» (собеседование), «Неделовой разговор» (Smalltalk), «Презентация товара или услуги», балл

Аспекты иноязычной речи	«Деловой разговор» (собеседование)		«Неделовой разговор» (Small Talk)		«Презентация товара или услуги»	
	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
Лексическая сторона речи	8,7	9,6	8,8	9,8	8,5	9,7
Грамматическая сторона речи	8,9	9,4	9,0	9,5	8,4	9,3
Фонетическая сторона речи	8,4	9,5	8,7	9,4	8,5	9,2
Стиль речи	8,1	9,3	8,3	9,1	8,2	9,0
Коммуникативная эффективность	8,7	9,8	7,9	9,0	7,2	9,3
Невербальная коммуникация	8,9	9,9	8,2	9,8	8,0	9,5
Итоговый балл	8,6	9,6	8,5	9,4	8,1	9,3

Таблица 3

Сводные данные результатов эксперимента

Тема	Средний балл в контрольной группе	Средний балл в экспериментальной группе
Деловая корреспонденция	8,5	9,5
«Деловой разговор» (собеседование)	8,6	9,6
«Неделовой разговор» (Small Talk)	8,5	9,4
«Презентация товара или услуги»	8,1	9,3
Итоговый балл	8,4	9,5

Средний балл по всем проверяемым темам в экспериментальной группе оказался выше по сравнению с контрольной (9,5 против 8,4). Студенты экспериментальной группы продемонстрировали более высокий уровень владения грамматической, лексической, фонетической сторонами речи в деловой и неделовой коммуникации, показали высокую степень сформированности стиля, коммуникативной эффективности речи и навыков невербальной коммуникации.

Аналоги «учебной фирмы» также активно применяются авторами в ходе образовательного процесса при изучении таких дисциплин, как «Маркетинг», «Основы бизнеса», «Организация коммерческой деятельности», «Управление предприятием (организацией)», когда студенты в течение семестра «создают» проекты своих фирм. Модули проекта зависят от содержания дисциплины. Например, при изучении дисциплины «Маркетинг» такими модулями являются:

– основание фирмы;
– анализ окружающей среды предприятия;
– сегментация рынка;
– продукция и услуги;
– ценовая политика;
– сбытовая политика;
– коммуникативная политика.

В ходе изучения дисциплин «Основы бизнеса», «Организация коммерческой деятельности» в проект фирмы включены блоки «Работа с деловыми партнерами», «Бизнес-план». Для проведения SWOT-анализа студенты как обращаются к статистическим данным, характеризующим уровень демографического, экономического состояния региона, оценкам экспертов по другим факторам внешней среды, так и проводят самостоятельную конкурентную разведку. Работая над модулем «Сегментация рынка», определяют целевой сегмент и в ходе проведения опроса – требования сегмента к товару / услуге.

В ходе работы над модулем «Работа с деловыми партнерами» «сотрудники» учебной фирмы проводят сбор и анализ реальных коммерческих предложений. При выборе направлений деятельности фирмы перед студентами ставится условие, чтобы они могли быть партнерами по бизнесу, поэтому этот модуль также включает проведение деловых переговоров и заключение коммерческой сделки. Работая таким образом, учащиеся усваивают знания не абстрактно, а в контексте профессии. Участие студентов в создании фирм позволяет повысить заинтересованность обучающихся за счет максимального приближения к жизни и способствует выработке устойчивых практических навыков самостоятельной научной, управленческой и консалтинговой деятельности и формированию необходимых компетенций, таких как системное мышление, управление проектами, работа с людьми и работа в команде, коммуникация.

Перед обучающимися можно ставить различные цели, для достижения которых могут быть использованы знания других дисциплин, поэтому проекты создания фирм носят междисциплинарный характер, что способствует углублению знаний, приобретенных в ходе изучения таких дисциплин, как «Менеджмент»,

«Экономика», «Статистика» «Психология», «Деловые коммуникации» для студентов экономических специальностей.

Результаты наблюдения авторов за работой студентов в учебных фирмах свидетельствуют о повышении мотивации и интереса (даже после окончания занятия обучающиеся оставались в аудитории, продолжая обсуждать ту или иную тему). С первых дней работы над созданием «учебной фирмы» студенты демонстрируют более высокую активность на практических занятиях. Так, обучающиеся перестают быть пассивными слушателями, начинают не только задавать вопросы, но и включаются в процесс их обсуждения. Повышается уровень подготовленности к практическим занятиям. Наблюдения также показали, что у студентов в ходе работы над созданием фирм формируется целостное представление о фирме как сложной системе.

В качестве обратной связи мы использовали опрос обучающихся, в котором приняли участие 26 студентов профиля «Перевод и переводоведение» Башкирского государственного педагогического университета и 55 студентов специальности «Экономическая безопасность» Башкирского государственного университета.

В опросный лист были включены следующие вопросы:

1. Интересна ли Вам работа в «учебной фирме»?
2. Насколько может быть полезен опыт работы в «учебной фирме» для будущей профессиональной деятельности?
3. Интересна ли Вам такая форма проведения практических занятий?
4. Что Вы лично для себя» получили от работы в «учебной фирме»?
5. С какими трудностями Вы сталкивались в ходе работы над созданием «учебной фирмы»?

Студентам предлагалось дать оценки по пятибалльной шкале, где «5» – высшая степень интереса, полезности и т.д., «1» – низшая степень. Для удобства анализа данные были переведены в дихотомическую шкалу: 4–5 баллов – высокий уровень интереса, полезности и т.д., 1–3 балла – низкий уровень выраженности признака. Вопросы о том, что обучающиеся получили для себя от работы по данной технологии и с возникшими трудностями в ходе создания и деятельности виртуальных фирм, были открытого типа.

Результаты опроса студентов-лингвистов и студентов-экономистов свидетельствуют о высоком уровне интереса как к самому концепту «учебная фирма», так и к такой форме организации учебного процесса, когда обучающиеся получают навыки профессиональной деятельности, вникая в бизнес-процессы. Все участники опроса указали на то, что опыт работы в «учебной фирме» может пригодиться в будущей профессиональной деятельности. Отвечая на вопрос о том, с какими трудностями столкнулись студенты в процессе создания фирмы, многие из них отметили сложности, возникшие в организации совместной деятельности. Особую значимость, на наш взгляд, представляет тот факт, что, по мнению студентов, они научились координировать свою работу, планировать сроки выполнения задач, проводить презентации, находить компромисс, прислушиваться к мнению других людей, решать поставленные задачи сообща, что свидетельствует о развитии не только профессиональных, но также социальных и коммуникативных компетенций или так называемых soft skills навыков.

Таким образом, выдвинутая в ходе исследования гипотеза подтверждена результатами проведенного нами эксперимента, опроса студентов и педагогического наблюдения. Применение технологии «учебная фирма» в образовательном процессе в высшей школе, основанной на системно-деятельностном подходе, позволяет целостно видеть процессы педагогического сопровождения формирования профессиональных, коммуникативных и социальных компетенций обучающихся.

Заключение. Технология «учебная фирма» как один из способов осуществления системно-деятельностного подхода в высшей школе направлена прежде всего на активизацию самостоятельной познавательной деятельности самих обучающихся и развитие их творческого мышления. «Учебная фирма» позволяет в соответствии с новыми требованиями развивать сферу практических действий, способствующих подготовке к будущей профессиональной деятельности. Обучающиеся также приобретают опыт работы в команде, учатся самостоятельно планировать свою учебную деятельность и оценивать полученный результат.

Результаты проведенного эксперимента показали более высокий уровень сформированности грамматической, лексической, фонетической сторон речи в деловой и неделовой коммуникации у студентов экспериментальной группы, а также их умения решать коммуникативные задачи в соответствии с ситуацией и применять правила невербальной коммуникации.

Использование различных видов (мозговой штурм, интеллект-карты, творческие мастерские, саморефлексия) и форм (индивидуальной, парной, групповой, коллективной) работ, нешаблонного построения практических занятий (дискуссии, мастер-классы, ролевые игры), новых информационных технологий (Moodle, сервисы «Google Презентации» и виртуальная доска Padlet) способствовало возросшему интересу и мотивации, о чем свидетельствуют результаты проведенного опроса студентов.

Основной принцип «учебной фирмы» «учись, делая» позволяет формировать не только отдельные профессиональные, социальные и коммуникативные компетенции, но и метапредметные, такие как самоорганизация, кооперация, креативность, востребованные современным рынком труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bertalanffy L. General System Theory. Foundations, Development, Applikations. George Braziller. New York, 1969.

2. Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука : в 2 кн. / отв. ред. Л.И. Абалкин и др. М. : Экономика, 1989. Кн. 1. 304 с.
3. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности : Методологические проблемы современной науки. М., 1978. 391 с.
4. Кононюк А.Е. Системология. Общая теория систем : в 4 кн. Киев : Освіта України. 2014. Кн. 1. 564 с.
5. Fichtes Vorlesungen zur Einleitung in seine philosophischen Collegia // Fichte J.G. Die späten wissenschaftlichen Vorlesungen / Hrsg. von Hans Georg von Mainz – Stuttgart Bad Cannstatt: frommann-holzboog. 2000. S. 197–226.
6. Щукина Г.И. Роль деятельности в учебном процессе : кн. для учителя. М. : Просвещение, 1986. 144 с.
7. Johnson D.W., Johnson R., Smith K. Active Learning: Co-operation in the college classroom. Edina, MB : Interaction Book Co, 1998. ccl_intro_overview_handouts.pdf This is a document from the site cei.ust.hk
8. Edwards S. Active learning in the middle grades EJ1059827.pdf. This is a document from the site files.eric.ed.gov
9. Crosby D.B. Meeting The Challenge: Teaching Sensitive Subject Matter Crosby.pdf This is a DocumenT From The Site Uncw.edu
10. Fallon E., Walsh St., Prendergast T. «An Activity-based Approach to the Learning and Teaching of Research Methods: Measuring Student Engagement and Learning» // Irish Journal of Academic Practice. 2013. Vol. 2, is. 1. Article 2. DOI: 10.21427/D7Q72W (URL: https://arrow.dit.ie/ijap/vol2/iss1/2).
11. Выготский Л.С. Педагогическая психология / под ред. В.В. Давыдова. М. : АСТ; Астрель, 2010. 671 с.
12. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975. 304 с.
13. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментального психологического исследования. М. : Педагогика, 1986. 240 с.
14. Маслыко Е.А., Бабинская П.К., Будько А.Ф., Петрова С.И. Настольная книга преподавателя иностранного языка: справ. пособие. 9-е изд., стереотип. Минск : Вышэйшая школа, 2004. 522 с.
15. Асадуллин Р.М. Системно-деятельностный подход к организации профессионального образования в педагогическом вузе // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (35). С. 23–29.
16. Тройникова Е.В. Системно-деятельностный подход в профессиональном и иноязычном межкультурном образовании // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6–1 (113). С. 105–108.
17. Ваганова О.И., Ермакова О.Е. Системно-деятельностный подход в развитии профессионально-педагогического образования // Вестник Мининского университета. 2014. № 4 (8). С. 25–30.
18. Reich K. (Hg.). Methodenpool. 2003. URL: http://methodenpool.uni-koeln.de/download/juniorfirma.pdf
19. Stock M., Riebenbauer E. Übungsfirma. Überblick. Eine Methode für kompetenzorientiertes Lehren und Lernen. Wissenschaftsplus 2 – 06/07. URL: https://clck.ru/EttPm
20. Pädagogische Aspekte der Übungsfirma. Deutscher ÜbungsFirmenRing Zentralstelle. URL: https://rib.li/ydnI
21. Завгородняя А.В., Рыбина В.Б., Гаврилов Н.М. Инновационная образовательная технология «Учебная фирма» – эффективный способ формирования предпринимательского поведения студентов // Решетневские чтения. 2014. № 18. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-obrazovatelnaya-tehnologiya-uchebnaya-firma-effektivnyy-sposob-formirovaniya-predprinimatelskogo-povedeniya
22. Щербакова О.В. Виртуальная учебная фирма как эффективное средство обучения в экономическом образовании // Вестник Российского экономического университета им. Г.В Плеханова. 2005. № 3.
23. Аверьянова Я.О. Опыт реализации технологии учебной фирмы в рамках информационно-образовательной среды // Информатизация образования: теория и практика : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 82–85.
24. Бутко Н.Ю. Учебная фирма как инновационная форма организации практики студентов педагогического колледжа // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 69. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uchebnaya-firma-kak-innovatsionnaya-forma-organizatsii-praktiki-studentov-pedagogicheskogo-kolledzha
25. Устенков Н.И., Шишканова В.Н., Симбирцева С.А. Роль учебно-тренировочных фирм в учебном процессе // Вектор науки ТГУ. 2014. № 3 (29). С. 331–335.
26. Sokolowa L., Akischina A., Antonowa L. und and. Deutsch für Beruf und Karriere. Berufssprache Deutsch mit der DaF-Übungsfirma. 2016. Copyright ©Goethe-Institut Russland. URL: http://www.goethe.de/moskau
27. Шкапова А.В. Немецкий язык в профессии: «учебная фирма» как инновационная форма обучения // История и перспективы развития транспорта на севере России. 2019 (1). С. 179–182.
28. Бьюзен Т. Интеллект-карты. Полное руководство по мощному инструменту мышления / пер. с англ. Ю. Константиновой. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. 208 с.
29. Борисова И.В., Самкова И.Н. Немецкий язык для профессии и карьеры. Программа курса. М. : Гёте-Институт, 2015. 15 с.
30. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. 2-е изд. М. : Просвещение, 1991. 223 с.
31. Пассов Е.И. Урок иностранного языка в средней школе. М. : Просвещение, 1988. 223 с.
32. Хуторский А.В. Дидактика : учеб. для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб. : Питер, 2017. 850 с.
33. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход : метод. пособие. М. : Высш. шк., 1991. 207 с.
34. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. М. : Рус. яз., 1989. 219 с.
35. Дьяченко К.В. Организационная структура учебного процесса и ее развитие. М. : Педагогика, 1989. 160 с.
36. Рождественская Е.М., Жаворонок А.В. Субъективная оценка организационно-педагогических условий проектной работы бакалавров // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 167–177.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 3 апреля 2020 г.

The "Training Firm" as a Way of Implementing a System- and Activity-Based Approach to Teaching in Higher Education Institutions

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 175–186.
DOI: 10.17223/15617793/457/21

Elvira A. Gareyeva, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (Ufa, Russian Federation). E-mail: elvira_gar@mail.ru
Elvira V. Dubinina, Bashkir State University (Ufa, Russian Federation). E-mail: edubinina@bk.ru

Keywords: "training firm" educational technology; system- and activity-based approach; foreign language education; economic education; professional competence; soft skills; active teaching methods; interdisciplinarity.

Currently, Russia lacks studies on the implementation of the "training firm" technology in foreign language teaching in higher education to not only form professional expertise, but also to develop soft skills. The article aims to explain the content characteristics of the "training firm" technology, which is based on a system- and activity-based approach, and justify its efficiency in teaching not only economic disciplines, but in foreign language teaching as well, for example, in teaching second (German) foreign language in higher school. The methods of research are: comparative analysis, pedagogical experiment, pedagogical observation, students' end product study. A survey of virtual training firms' "staff" has been conducted to obtain feedback. The article thoroughly analyses system-based, activity-based and system- and activity-based approaches. The "train-

ing firm" technology is one of the forms of the implementation of the system- and activity-based approach. This technology is widely used in education worldwide. The simulation of working relations for educational purposes is mainly used in business training. Specialists in teaching methods of Goethe-Institute (Moscow) adapted the technology to language teaching and developed a course-book based on communicative and system- and activity-based approaches. The authors use this course-book in teaching second foreign (German) language in higher school. Work within the framework of a training firm comprises five modules: starting a firm, finding business partners, establishing foreign business contacts, recruiting staff, attending a business fair. The results of the experiment demonstrated a higher level of grammar, lexical, phonetic aspects of speech in business and non-business communication among students of the experimental group, as well as their ability to successfully solve communicative problems. The results of the survey testify to students' great interest both in the "training firm" concept and in the organization of learning in such a way that students acquire not only professional skills, delving into business processes, but soft skills as well. Thus, training firms allow developing the sphere of practical activities that contribute to students' training for future career. While evaluating students' work, the authors noted a considerable improvement of their writing and speaking skills in business and non-business communication. Students acquired experience of team work, learned how to plan their own learning activities and evaluate the results. The use of various types (brainstorming, mind-mapping, creative workshops, self-reflection) and forms (individual, pair, group, team effort) of work, the unconventional arrangement of practice (discussion, workshop, role-play), the use of new information technologies (Moodle, Google Presentation Service, and Padlet virtual whiteboard) facilitated further interest and motivation, which was confirmed by the results of the students' survey.

REFERENCES

1. Bertalanffy, L. (1969) *General System Theory. Foundations, Development, Applikations*. New York: George Braziller.
2. Bogdanov, A.A. (1989) *Tektologiya: Vseobshchaya organizatsionnaya nauka* [Tektology: General Organizational Science]. Vol. 1. Moscow: Ekonomika.
3. Yudin, E.G. (1978) *Sistemnyy podkhod i printsip deyatel'nosti: Metodologicheskie problemy sovremennoy nauki* [Systematic Approach and Principle of Activity: Methodological problems of modern science]. Moscow: Nauka.
4. Kononyuk, A.E. (2014) *Sistemologiya. Obshchaya teoriya sistem* [Systemology. General systems theory]. Vol. 1. Kyiv: Osvita Ukraïni.
5. Fichte, J.G. (2000) *Die späten wissenschaftlichen Vorlesungen*. Stuttgart-Bad Cannstatt: frommann-holzboog. pp. 197–226.
6. Shchukina, G.I. (1986) *Rol' deyatel'nosti v uchebnom protsesse* [The Role of Activities in the Educational Process]. Moscow: Prosveshchenie.
7. Johnson, D.W., Johnson, R. & Smith, K. (1998) *Active Learning: Co-operation in the college classroom*. Edina, MB: Interaction Book Co. [Online] Available from: http://celt.ust.hk/files/public/ccl_intro_overview_handouts.pdf.
8. Edwards, S. (2015) Active learning in the middle grades. *Middle School Journal*. pp. 26–32. [Online] Available from: https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1059827.pdf.
9. Crosby, D.B. (2012). Meeting the Challenge: Teaching Sensitive Subject Matter. *The Journal of Effective Teaching*. 12(2). pp. 93–104. [Online] Available from: https://uncw.edu/jet/articles/vol12_2/crosby.html.
10. Fallon, E., Walsh, St. & Prendergast, T. (2013) An Activity-based Approach to the Learning and Teaching of Research Methods: Measuring Student Engagement and Learning. Article 2. *Irish Journal of Academic Practice*. 1 (2). [Online] Available from: https://arrow.tudublin.ie/ijap/vol2/iss1/2/. DOI: 10.21427/D7Q72W.
11. Vygotskiy, L.S. (2010) *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Educational Psychology]. Moscow: AST; Astrel'.
12. Leont'ev, A.N. (1975) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat.
13. Davydov, V.V. (1986) *Problemy razvivayushchego obucheniya: Opyt teoreticheskogo i eksperimental'nogo psikhologicheskogo issledovaniya* [Problems of Developmental Learning: The Experience of Theoretical and Experimental Psychological Research]. Moscow: Pedagogika.
14. Maslyko, E.A. et al. (2004) *Nastol'naya kniga prepodavatelya inostrannogo yazyka* [Handbook of a Foreign Language Teacher]. 9th ed. Minsk: Vysheyshaya shkola.
15. Asadullin, R.M. (2018) System and activity approach to organization of professional education in pedagogical university. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2 (35). pp. 23–29. (In Russian).
16. Troynikova, E.V. (2015) System and activity approach in the professionalforeign-language and intercultural education. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal – Kazan Pedagogical Journal*. 6–1 (113). pp. 105–108. (In Russian).
17. Vaganova, O.I. & Ermakova, O.E. (2014) Systemically-active approach in the development of vocational teacher education. *Vestnik Mininskogo universiteta – Vestnik of Minin University*. 4 (8) pp. 25–30. (In Russian).
18. Reich, K. (ed.) (2003) *Methodenpool*. [Online] Available from: http://methodenpool.uni-koeln.de/download/juniorfirma.pdf.
19. Stock, M. & Riebenbauer, E. (2007) Übungsfirma. Überblick. Eine Methode für kompetenzorientiertes Lehren und Lernen. *Wissenschaftsplus*. 2–06/07. [Online] Available from: https://clck.ru/EttPm.
20. Deutscher ÜbungsFirmenRing. (n.d.) Pädagogische Aspekte der Übungsfirma. *Deutscher ÜbungsFirmenRing Zentralstelle*. [Online] Available from: http://www.die-zentralstelle.de/files/paedagogische_aspekte_uebungsfirma.pdf.
21. Zavgorodnyaya, A.V., Rybina, V.B. & Gavrilov, N.M. (2014) Innovative educational technology 'training firm' – an effective way of forming entrepreneurial students' behavior. *Reshetnevskie chteniya*. 18. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-obrazovatelnaya-tehnologiya-uchebnaya-firma-effektivnyy-sposob-formirovaniya-predprinimatelskogo-povedeniya. (In Russian).
22. Shcherbakova, O.V. (2005) Virtual'naya uchebnaya firma kak effektivnoe sredstvo obucheniya v ekonomicheskom obrazovanii [Virtual training firm as an effective means of teaching in economic education]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V Plekhanova – Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. 3. pp. 12–19.
23. Aver'yanova, Ya.O. (2017) [Experience of the implementation of the training firm technology in the framework of the information and educational environment] *Informatizatsiya obrazovaniya: teoriya i praktika* [Informatization of education: theory and practice]. Proceedings of the International Conference. Omsk. 17–18 November 2017. Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 82–85. (In Russian).
24. Butko, N.Yu. (2008) Uchebnaya firma kak innovatsionnaya forma organizatsii praktiki studentov pedagogicheskogo kolledzha [Training firm as an innovative form of organizing the practice of students of a pedagogical college]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 31 (69). pp. 354–358. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/uchebnaya-firma-kak-innovatsionnaya-forma-organizatsii-praktiki-studentov-pedagogicheskogo-kolledzha.
25. Ustenkov, N.I., Shishkanova, V.N. & Simbirtseva, S.A. (2014) The role of training firms in teaching and learning activities. *Vektor nauki TGU – Science Vector Of Togliatti State University*. 3 (29). pp. 331–335. (In Russian).
26. Sokolowa, L. et al. (2016) *Deutsch für Beruf und Karriere. Berufssprache Deutsch mit der DaF-Übungsfirma*. [Online] Available from: http://www.goethe.de/moskau.
27. Shkapova, A.V. (2019) German for professional life: practice enterprise as an innovative theaching method. *Istoriya i perspektivy razvitiya transporta na severe Rossii*. 1. pp. 179–182. (In Russian).
28. Buzan, T. (2018) *Intellekt-karty. Polnoe rukovodstvo po moshchnomu instrumentu myshleniya* [Mind Maps. The Complete Guide to the Powerful Thinking Tool]. Translated from English by Yu. Konstantinova. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.

29. Borisova, I.V. & Samkova, I.N. (2015) *Nemetskiy yazyk dlya professii i kar'ery. Programma kursa* [German for Profession and Career. Course Program]. Moscow: Gete-Institut.
30. Passov, E.I. (1991) *Kommunikativnyy metod obucheniya inoyazychnomu govoreniyu* [A Communicative Method of Teaching Foreign Language Speaking]. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie.
31. Passov, E.I. (1988) *Urok inostrannogo yazyka v sredney shkole* [Foreign Language Lesson in High School]. Moscow: Prosveshchenie.
32. Khutorskiy, A.V. (2017) *Didaktika* [Didactics]. Saint Petersburg: Piter.
33. Verbitskiy, A.A. (1991) *Aktivnoe obuchenie v vysshey shkole: kontekstnyy podkhod* [Active Learning in Higher Education: Contextual Approach]. Moscow: Vysshaya shkola.
34. Zimnyaya, I.A. (1989) *Psikhologiya obucheniya nerodnomu yazyku* [Psychology of Teaching a Non-Native Language]. Moscow: Russkiy yazyk.
35. D'yachenko, K.V. (1989) *Organizatsionnaya struktura uchebnogo protsessa i ee razvitie* [The Organizational Structure of the Educational Process and Its Development]. Moscow: Pedagogika.
36. Rozhdestvenskaya, E.M. & Zhavoronok, A.V. (2018) Subjective assessment of organizational and pedagogical frameworks of bachelors' project work. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 434. pp. 167–177. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/434/23

Received: 03 April 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 187–191. DOI: 10.17223/15617793/457/22

УДК 796.413/41

Н.С. Кирьяш, М.П. Мухина, А.И. Кравчук

СОДЕРЖАНИЕ И НАПРАВЛЕННОСТЬ ПОДГОТОВКИ ЮНЫХ ГИМНАСТОК К КВАЛИФИКАЦИОННЫМ СОРЕВНОВАНИЯМ ПО СПОРТИВНОЙ ГИМНАСТИКЕ

Обсуждаются вопросы подготовки юных гимнасток, с учетом соревновательной деятельности по спортивной гимнастике на этапе начальной подготовки. Обсуждаются вопросы становления качественного двигательного навыка базовых упражнений при сопряженном развитии физических качеств и функционально-двигательных способностей. Предлагается перспективно-прогностичекая модель достижения спортивного результата с учетом сопряженности видов подготовленности: физической, двигательной, функционально-двигательной, специально-двигательной и технической.

Ключевые слова: спортивная гимнастика; начальная подготовка; юные гимнастки; перспективно-прогностическая модель.

Актуальность. В требования к содержанию соревновательных программ девочек юношеских разрядов с 2019 г. внесены новые более перспективные упражнения [1]:

II юношеский разряд:

– маховые элементы на разновысоких брусьях (в висе размахивания изгибами);

– акробатические элементы на бревне (кувырок назад; переворот в сторону с поворотом);

– сочетание шагов на бревне (мах прямой вперед с последующим сгибанием в коленном суставе и касанием носком колена);

– статические элементы на вольных упражнениях (равновесие с прямой ногой);

– акробатические связки (с подскока «рондат» – прыжок вверх в позу приземления, медленный переворот назад с одной ноги);

I юношеский разряд:

– элементы из виса на разновысоких брусьях (подъём двумя в упор сзади);

– акробатические элементы на бревне (кувырок вперед);

– вскоки на бревне (наскок в упор в шпагат продольно с опорой руками);

– акробатические связки на вольных упражнениях (рондат – фляк – прыжок вверх в позу приземления).

Перечисленные изменения соревновательных упражнений требуют пересмотра процесса спортивной подготовки юных гимнастов за счет установления последовательности освоения гимнастических упражнений, определения их места, сочетания и чередования в структуре макро-, мезо-, микроцикла и тренировочного занятия [2]. При этом должен быть исключен отрицательный перенос двигательного навыка и физических качеств и функционально-двигательных способностей [3, 4].

Необходимо создание условий для становления качественного двигательного навыка базовых упражнений при сопряженном развитии физических качеств и функционально-двигательных способностей, что ведет к самообразованию двигательных навыков более сложной, но сходной структуры движений, выполняемых без направленного обучения [5–7]. Это возможно при условии использования перспективно-прогностического подхода к определению последовательности освоения базовых и профилирующих упражнений структурных групп и подгрупп движений. В качестве обязательных условий выступает последовательное развитие общих и специальных физических качеств при освоении базовых упражнений, затем – освоение профилирующих и обязательных соревновательных упражнений в условиях сопряженного развития физических качеств и функционально-двигательных способностей, что должно лежать в основе управления содержанием видов подготовки юных гимнастов.

Цель исследования – разработка целевой модели управления видами подготовки юных гимнасток, занимающихся спортивной гимнастикой.

Методы исследования: теоретический анализ и обобщение научной и методической литературы; моделирование.

Результаты исследования. Содержание перспективно-прогностической модели подготовки юных гимнастов групп начальной подготовки первого года обучения предусматривает: подготовку к соревновательным программам на видах гимнастического многоборья: в опорном прыжке, разновысоких брусьях, бревне, вольных упражнениях.

В качестве целей спортивной подготовки юных гимнасток в структуре учебного года представлены:

– сентябрь–октябрь – создание условий для развития общих и специальных физических качеств и сопутствующих устойчивых функционально-двигательных способностей, освоение базовых упражнений (цель 1);

– ноябрь – декабрь – создание условий для освоения базовых и соревновательных упражнений, сопутствующих им неустойчивых функционально-двигательных способностей и развитие общих и специальных физических качеств (цель 2);

– декабрь – создание условий для проявления индивидуальных двигательных способностей на основе совершенствования соревновательных упражнений, оптимизации развития сопутствующих физических качеств и функционально-двигательных способностей в соответствии с перспективно-прогностической моделью гимнасток на основе соревновательной программы (цель 3);

– январь–февраль – создание условий для развития комплекса специальных физических качеств, совершенствования устойчивых и неустойчивых функционально-двигательных способностей, освоение профи-

лирующих и совершенствование базовых упражнений с учетом деления группы на среднесильную и среднеслабую (цель 4);

– март–апрель – создание условий для совершенствования выполнения базовых упражнений в связках и выполнение их в соревновательных комплексах, совершенствование устойчивых и неустойчивых функционально-двигательных способностей, развитие комплекса специальных физических качеств (цель 5);

– май – создание условий для проявления индивидуальных двигательных способностей на основе совершенствования соревновательных упражнений, оптимизации развития сопутствующих физических качеств и функционально-двигательных способностей гимнасток: не выполнивших III юношеский разряд, в соответствии с перспективно-прогностической моделью; выполнивших III юношеский разряд – в соответствии с перспективно-прогностической моделью прогрессирующего развития (цель 6).

Таким образом, на достижение одной цели отводится один мезоцикл продолжительностью, как правило, 2 месяца.

Указанные цели могут быть достигнуты при условии выполнения следующих операций:

1 – совершенствование выполнения базовых упражнений, а также повторение гимнастической терминологии;

2 – совершенствование общих и специальных физических качеств;

3 – освоение базовых упражнений;

4 – освоение базовых упражнений на видах гимнастического многоборья, создание представлений о связующих элементах при выполнении связок;

5 – развитие устойчивых функционально-двигательных способностей;

6 – включение базовых упражнений в соревновательные композиции, установление последовательности изучения связок и комбинации в целом;

7 – стимулирование неустойчивых функционально-двигательных способностей;

8 – совершенствование общих и специальных физических качеств;

9 – целостное выполнение соревновательной программы, выведение спортсмена на необходимый уровень выполнения соревновательных упражнений с целью набора необходимого количества баллов, позволяющего выполнить разряд; пополнение основ теоретических знаний о правилах выступления на соревнованиях;

10 – совершенствование техники базовых и освоение профилирующих упражнений;

11 – последовательное развитие комплекса специальных физических качеств, уточнение знаний о целях выполнения упражнений, развитие физических качеств и функционально-двигательных способностей;

12 – формирование устойчивых и неустойчивых функционально-двигательных способностей;

13 – совершенствование элементов в соревновательных упражнениях, уточнение последовательности изучения связок и комбинации в целом;

14 – совершенствование комплекса специальных физических качеств;

15 – стимулирование устойчивых и неустойчивых функционально-двигательных способностей;

16 – целостное выполнение соревновательной программы, её текущая оценка, уточнение прогноза уровня выполнения соревновательных упражнений, оттачивание качества элементов соревновательной программы; опрос теоретических знаний о правилах поведения на соревнованиях.

Регламентация представленных выше операций характеризует технологический подход, достоинством которого является гарантированное достижение перспективно-прогностической возрастной соревновательной комплексной модели спортивной подготовки.

Знания и навыки, связанные с теоретической подготовкой, усваиваются на каждом занятии в соответствии с требованиями этапа подготовки юных гимнасток: правила нахождения в зале, основы обучения гимнастическим упражнениям и «школы» движений, объяснение методики обучения элементам, изучение правил проведения соревнований, требований к костюму спортсмена, подходу и уходу после выполнения упражнений на видах многоборья и т.д.

В основе общей и специальной физической, двигательной, специально-двигательной, функционально-двигательной и технической подготовки – комплексное концентрированное сопряженное обучение [8. С. 91–93] и тренировка, предусматривающая использование недельных микроциклов (три-четыре тренировочных занятия), направленных на обучение определённым видам двигательных действий в каждом мезоцикле с учётом сопряжённого развития физических качеств, двигательных навыков и функционально-двигательных способностей.

Направленность недельных микроциклов, сдвоенных месячных мезоциклов в структуре учебно-тренировочного года строится следующим образом:

– сентябрь–октябрь – освоение и совершенствование базовых упражнений;

– ноябрь–декабрь – совершенствование базовых упражнений на видах многоборья, соединение их в связки, разучивание соревновательной программы в целом;

– январь–февраль – совершенствование выполнения базовых и профилирующих упражнений;

– март–май – освоение соревновательной программы и совершенствование изученных элементов.

В учебном году выделяют четыре мезоцикла, продолжительность каждого два месяца. Подготовительный период в представленной модели составляет чуть более восьми месяцев (сентябрь–апрель, начало мая), соревновательный – менее месяца (декабрь, май), переходный – три месяца (июнь–август) [8].

Физическая подготовка реализуется в четырех двухмесячных мезоциклах этапа:

сентябрь–октябрь – развитие общих и специальных физических качеств;

– ноябрь–декабрь – сохранение уровня общих физических качеств для выполнения базовых упражнений, а также развитие специальных физических качеств для реализации и выполнения соревновательных упражнений;

– январь – комплексное развитие общих физических качеств;

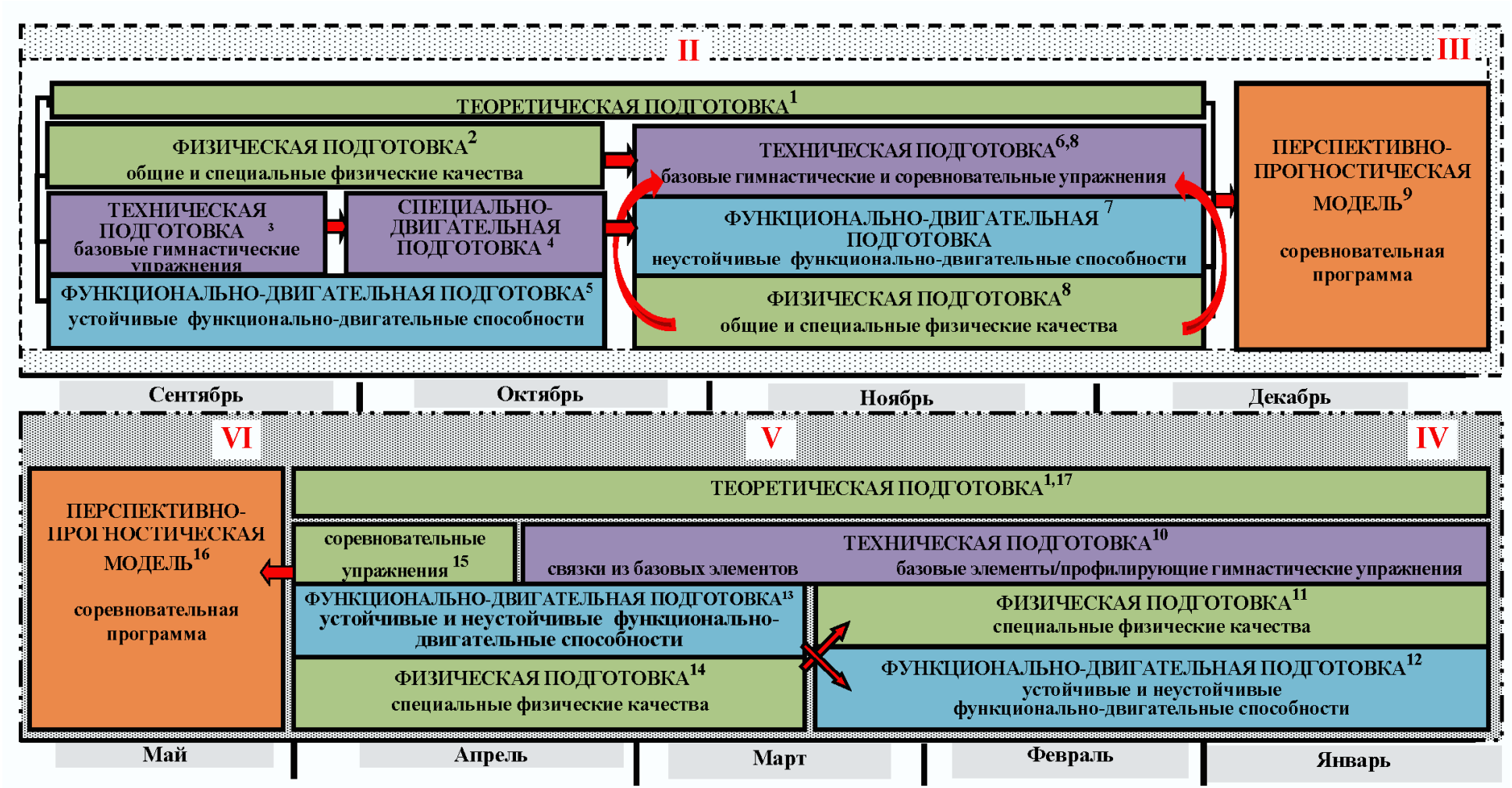


Рис. 1. Модель управления видами подготовки в спортивной гимнастике

– февраль–март – совершенствование комплекса развития специальных физических качеств;

– апрель–май-поддержание достигнутого уровня развития специальных физических качеств.

Функционально-двигательная подготовка предполагает четыре двухмесячных мезоцикла этапа:

– сентябрь–октябрь – развитие устойчивых функционально-двигательных способностей;

– ноябрь–декабрь – развитие неустойчивых функционально-двигательных способностей;

– январь–февраль – совершенствование и направленное развитие устойчивых и неустойчивых функционально-двигательных способностей;

– март–май – поддержание уровня устойчивых и неустойчивых функционально-двигательных способностей к программе соревнований.

Соревновательная подготовка имеет два двухмесячных мезоцикла этапа:

– ноябрь–декабрь – соединение базовых упражнений в связки, в целостное соревновательное упражнение;

– март–апрель – соединение базовых и профилирующих упражнений в связки, объединение их в целостную соревновательную программу.

Вывод. В основе управления видами подготовки юных гимнасток на этапе начальной подготовки по спортивной гимнастике лежит перспективно-прогностический подход, который позволяет осваивать и совершенствовать базовые и профилирующие упражнения, элементы соревновательных упражнений, сопряженно развивая общие и специальные физические качества, устойчивые и неустойчивые функционально-двигательные способности, которые способствуют освоению и тренировке соревновательной программы этапа подготовки юных гимнасток.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федерация Спортивной Гимнастики России. URL: http://sportgymrus.ru
2. Аркаев Л.Я., Сучилин Н.Г. Как готовить чемпионов. Теория и технология подготовки гимнастов высшей квалификации. М. : Физкультура и спорт, 2004. 325 с.
3. Кирьяш Н.С. Формирование двигательных и функционально-двигательных способностей девочек 5–8 годов жизни, занимающихся спортивной гимнастикой // Ученые записки государственного университета им. П.Ф. Лесгафта. 2019. Вып. 2 (168). С. 200–208.
4. Кирьяш Н.С., Мухина М.П. Возрастные особенности развития основных физических качеств девочек 5–8 года жизни, занимающихся спортивной гимнастикой // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2019. Вып. 2. С. 68–76.
5. Бальсевич В.К. Стратегия построения многолетнего процесса спортизированного физического воспитания детей, подростков и молодежи // Физическая культура и детско-юношеский спорт в современных условиях: идея, духовность, воспитание : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Якутск, 2008. С. 52–54.
6. Кравчук А.И. Физическое воспитание детей раннего и дошкольного возраста (Научно-методические и организационные основы гармоничного дошкольного комплексного физического воспитания). Новосибирск : [б. и.], 1998. Ч. 2, 3. 136 с.
7. Кравчук А.И. Отбор в спортивные секции на основе комплексного физического воспитания детей // Стратегия гармоничного развития личности в концепции Международных детских игр «Спорт – Искусство – Интеллект» : сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. акад. вод. трансп., 2013. С. 117–122.
8. Мухина М.П. Педагогическая система физического воспитания детей дошкольного возраста. Омск : Изд-во СибГУФК, 2017. С. 116.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 6 ноября 2019 г.

The Content and Focus of Preparing Young Gymnasts for Qualification Competitions in Artistic Gymnastics

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 187–191.
DOI: 10.17223/15617793/457/22

Natalya S. Kiryash, Siberian State University of Physical Culture and Sports (Omsk, Russian Federation). E-mail: natasha_240892@mail.ru

Margarita P. Mukhina, Siberian State University of Physical Culture and Sports (Omsk, Russian Federation). E-mail: margarit-mukhin@yandex.ru

Anatoly I. Kravchuk, Siberian State University of Physical Culture and Sports (Omsk, Russian Federation). E-mail: kravchuk-prof@mail.ru

Keywords: artistic gymnastics; initial training; young gymnasts; model; perspective and prognostic model.

The article is devoted to the problem of the lack of modern knowledge about peculiarities of management of training process in girls engaged in artistic gymnastics at the stage of initial training. The aim of the study is to systematize the physical, motor, functional-motor and special-motor types of training, as well as the technical readiness of girls engaged in artistic gymnastics at the stage of initial training. Theoretical analysis, generalization of scientific and methodological literature, and modeling were used as methods in the study. The study was carried out in the period from September 2017 to May 2019 on the basis of Specialized Children and Youth Sports School of the Olympic Reserve No. 25 in Omsk. During the study, the following tasks were solved: creation of a prospective prognostic model on the basis of the competitive program. At the stage of initial training in artistic gymnastics, young gymnasts begin to perform combinations of basic exercises, of basic and specific exercises; they are part of the competitive beam exercise, bar exercise, floor exercise, and vault. It is necessary to create conditions for the formation of a high-quality motor skill of basic exercises along with the development of physical qualities and functional-motor abilities. this leads to the automatic formation of motor skills of more complex but structurally similar movements performed without targeted training. This is possible provided that the prospective-prognostic approach is used when determining the sequence of development of basic and specific exercises of structural groups and subgroups of movements. Mandatory conditions are, first, the consistent development of general and special physical qualities in mastering basic exercises, then the mastering of specific and mandatory competitive exercises along with the development of physical qualities and functional-motor abilities, which should be the basis of managing the content of types of young gymnasts' training. The prospective-prognostic model will allow starting a timely training of elements of the competitive program of performances at the stage of initial preparation. Thus, the management of types of young gymnasts' training at the stage of initial training in artistic gymnastics is based on the prospective-prognostic approach, which allows mastering and improving basic and

specific exercises, elements of competitive exercises, involves the development of general and special physical qualities, stable and unstable functional-motor abilities, which contribute to the mastering and training of the competitive program of the intitial stage of young gymnasts' training.

REFERENCES

1. *The Artistic Gymnastics Federation of Russia*. [Online] Available from: http://sportgymrus.ru. (In Russian).
2. Arkaev, L.Ya. & Suchilin, N.G. (2004) *Kak gotovit' chempionov. Teoriya i tekhnologiya podgotovki gimnastov vysshey kvalifikatsii* [How to Train Champions. Theory and Technology of Training Highly Qualified Gymnasts]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
3. Kir'yash, N.S. (2019) Formation of motor and functional-motor skills among girls aged 5–8 engaged in sports gymnastics. *Uchenye zapiski gosudarstvennogo universiteta im. P.F. Lesgafta*. 2 (168). pp. 200–208. (In Russian).
4. Kir'yash, N.S. (2019) Vozrastnye osobennosti razvitiya osnovnykh fizicheskikh kachestv devochek 5–8 goda zhizni, zanimayushchikhsya sportivnoy gimnastikoy [Age-Specific Features of the Development of the Basic Physical Qualities of Girls Aged 5–8 Engaged in Artistic Gymnastics]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kul'tura. Sport*. 2. pp. 68–76.
5. Bal'sevich, V.K. (2008) [Strategy of building a long-term process of sportized physical education of children, adolescents and youth]. *Fizicheskaya kul'tura i detsko-yunosheskiy sport v sovremennykh usloviyakh: ideya, dukhovnost', vospitanie* [Physical Culture and Children and Youth Sports in Modern Conditions: Idea, Spirituality, Education]. Proceedings of the II International Conference. Yakutsk: Bichik. pp. 52–54. (In Russian).
6. Kravchuk, A.I. (1998) *Fizicheskoe vospitanie detey rannego i doshkol'nogo vozrasta (Nauchno-metodicheskie i organizatsionnye osnovy garmonichnogo doshkol'nogo kompleksnogo fizicheskogo vospitaniya)* [Physical Education of Children of Early and Preschool Age (Scientific, Methodological and Organizational Foundations of Harmonious Preschool Complex Physical Education)]. Parts 2, 3. Novosibirsk: [s.n.].
7. Kravchuk, A.I. (2013) [Selection to sports sections on the basis of complex physical education of children]. *Strategiya garmonichnogo razvitiya lichnosti v kontseptsii Mezhdunarodnykh detskikh igr "Sport – Iskusstvo – Intellekt"* [Strategy for a Harmonious Development of Personality in the Concept of International Children's Games "Sport–Art–Intellect"]. Conference Proceedings. Novosibirsk: Novosibirsk State Academy of Water Transport. pp. 117–122. (In Russian).
8. Mukhina, M.P. (2017) *Pedagogicheskaya sistema fizicheskogo vospitaniya detey doshkol'nogo vozrasta* [Pedagogical System of Preschool Children's Physical Education]. Omsk: Siberian State University of Physical Culture and Sports.

Received: 06 November 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 192–204. DOI: 10.17223/15617793/457/23

УДК 373.5(47)

О.П. Лазарева, Н.А. Мороз, О.Б. Полетаева, О.В. Шатилович

ИНТЕГРАЦИЯ ФОРМАЛЬНОГО И НЕФОРМАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ В ВУЗЕ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ 5-100

Представлены результаты исследования, проведенного на базе одного из ведущих российских университетов с целью изучения влияния неформального обучения на познавательные возможности студентов, развитие личности, удовлетворенность обучающихся полученными знаниями. Результаты исследования показывают степень подготовки студентов по дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» и подтверждают эффективность интегрирования формальных и неформальных форм обучения, рассматриваемых в социокультурном аспекте.

Ключевые слова: интеграция; формальное обучение; неформальное обучение; социокультурный аспект; переводчик; профессиональная коммуникация.

Согласно положениям, зафиксированным в современных документах по модернизации высшего профессионального образования, владение иностранным языком – неотъемлемая часть профессиональной подготовки всех специалистов в вузе. Курс иностранного языка является многоуровневым и разрабатывается в контексте непрерывного образования. Владение иностранным языком на уровне компетенций позволяет значительно расширить коммуникативный диапазон общения выпускника высшей школы с представителями других профессиональных сообществ, позволяет осваивать зарубежное информационное пространство. Изучение иностранного языка строится не только на междисциплинарной интегративной основе, но и с использованием дополнительных форм и методов.

В связи с этим возникает острая необходимость в поиске новых способов обучения, реализующих современные требования и подходы, направленные на создание гибкой образовательной среды. Оказание услуг в рамках дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» на базе Центра иностранных языков Института государства и права ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» представляет одну из форм подготовки квалифицированных специалистов, владеющих иностранным языком. Обучение на данной дополнительной квалификации направлено на комплексное развитие коммуникативной, когнитивной, информационной, социокультурной, профессиональной и общекультурной компетенций студентов, что в совокупности ведет к формированию профессиональной компетенции переводчика.

Иноязычная коммуникативная компетенция, как один из компонентов общей системы формирования профессиональной компетенции будущих переводчиков, рассматривается нами как ключевая образовательная компетенция при обучении иностранному языку. Поэтому практическая цель обучения иностранному языку – это формирование у обучающихся иноязычных коммуникативных навыков и умений, которые обеспечивают достижение коммуникативных целей в устной и письменной формах. Иными словами, иноязычная коммуникативная компетенция представляет собой практическое знание языка.

Современное общество требует обучать иностранному языку не только как средству общения, но и формирования профессиональной поликультурной личности специалиста, готовой к межкультурному, профессиональному и академическому общению. Это требование влечет за собой необходимость формирования профессиональной компетенции выпускников вузовских программ, включая и программу по дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Формирование профессиональной компетенции будущих переводчиков заключается в процессе профессионального овладения иностранным языком, т.е. усвоения знаний, умений и навыков профессионального поведения, норм профессионального общения, естественной речи в различных видах иноязычной профессиональной деятельности. Поэтому основная цель программы – овладение студентами необходимым и достаточным уровнем профессиональной коммуникативной компетенции для решения социально-коммуникативных задач в профессиональной, переводческой и научно-познавательной деятельности. Программа также призвана обеспечить расширение кругозора, повышение общей и профессиональной культуры студентов, развитие информационной культуры, способности к самообразованию и повышению исходного уровня владения иностранным языком. Совокупность всех перечисленных компетенций позволяет будущему переводчику максимально эффективно осуществлять профессиональную, межкультурную, межличностную и межъязыковую коммуникацию. Компетентностный подход к подготовке переводчика в сфере профессиональной коммуникации являет собой методологическую основу курса.

В современных условиях получения высшего образования немаловажную роль играют не только и не столько сами формы обучения (формальное или неформальное), но и объединение их возможностей для получения непрерывного образования в вузе и его постоянства. Опыт показывает, что в современном мире невозможно рассматривать формальное обучение в отрыве от неформального, так как сами студенты высказывают необходимость получения востребованных знаний и навыков в вузе. Жизненно необходимые результаты изучения того или иного предмета, в том числе и иностранных языков, требуют интеграции этих форм обучения для реализации полученных знаний в профессиональной деятельности. При всеобщей доступности не-

формального обучения с использованием различных образовательных ресурсов, таких как онлайн-курсы, конференции и конкурсы, практика на предприятиях, стажировка за рубежом, студенты получают возможность непрерывного развития профессиональных компетенций, влияющих на их дальнейшую профессиональную жизнь, а также на социокультурное развитие личности, способной адаптироваться к изменяющимся условиям глобального мира. Поэтому, говоря о подготовке в вузе, мы акцентируем внимание на интеграции формального и неформального обучения, имеющей целью повысить уровень образования, сделать возможным и доступным изучение различных аспектов жизни, не входящих в программу вуза, а также сформировать личность переводчика как субъекта специфического вида деятельности.

В данной статье обобщается материал, полученный в ходе проведенного эмпирического исследования удовлетворенности качеством получаемых образовательных услуг в рамках подготовки по дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» с целью подтвердить эффективность интегрирования формальных и неформальных форм обучения.

Для того чтобы интеграция формального и неформального обучения в вузе проходила и приносила плоды, необходимо четко понимать особенности каждой формы обучения и различия между ними. Учитывая эти особенности, преподаватели смогут помочь своим студентам в изучении предмета и познании новых компетенций и навыков.

Итак, рассмотрим каждую форму обучения.

Формальное обучение осуществляется по установленным программам, планам и процедурам, по завершении программы студенты получают определенные права и обязанности. Цели обучения определяются не обучающимися, а руководством вуза согласно требованиям Министерства образования. Формальное обучение осуществляется в государственных и частных образовательных учреждениях, оно предполагает выдачу документа государственного образца [1. С. 129]. Формальное обучение (основное) – процесс трансляции и распространения культуры, отражение достижений науки, техники, искусства (в рамках ФГОС) с целью формирования у молодого поколения установок, ценностных ориентаций, жизненных идеалов, принятых в обществе.

Неформальное обучение (дополнительное) – это получение знаний, умений и навыков для удовлетворения образовательных личностных потребностей, оно не регламентировано местом получения, сроком и формой обучения, мерами государственной аттестации. Неформальное обучение – личностно значимая для обучающегося деятельность: познавательная, исполнительская, творческая, коммуникативная, направленная на выявление и развитие его природных задатков и способностей на основе интереса к науке, технике, культуре, искусству, спорту, обеспечивающая каждому обучающемуся полноту и цельность образования [2. С. 35].

В качестве основных отличий неформальных методов обучения можно выделить следующее: во-первых, обучение осуществляется с учетом индивидуальных потребностей обучающихся; во-вторых, активно применяется связь с профессиональной практикой, и выбираются актуальные темы для изучения; в-третьих, обучающиеся имеют гибкие учебные программы, удобное расписание и могут выбирать место проведения занятий или других образовательных мероприятий с использованием инновационных технологий.

Таким образом, посредством своего участия в различных программах неформального обучения студенты получают возможность реализовать себя, экспериментировать, брать на себя ответственность, развивать творческое мышление, самоопределяться как личностно, так и профессионально. Персонифицированный характер неформальных методов обучения позволяет учитывать возможности, потребности, интересы, студента, что, безусловно, способствует выстраиванию индивидуальной траектории профессионального будущего и самообразования.

К принципам неформального обучения можно отнести следующее: добровольность участия, личностный ориентир образования, ответственность студента за результаты образовательной деятельности, практикоориентированность, развитие индивидуальности, инициативности, лидерских качеств и коммуникативных способностей [3. С. 4186].

Проблемы формального и неформального обучения рассматриваются многими учеными. Основоположниками теории формального обучения считаются Джон Локк (XVII в.), Песталоцци, Кант и Гербарт (XVIII–XIX вв.), которые придерживались философии рационализма. Они полагали, что источником знаний является разум, и знания порождаются только самостоятельностью этого разума. Согласно их суждениям главной задачей образования является не столько овладение обучающимися фактическими знаниями, сколько развитие их ума, а именно способностей к анализу, синтезу, логическому мышлению и т.д. Исходя из этого, они утверждали, что лучшим средством развития мышления обучающихся является изучение языков, особенно древних (греческого и латинского), а также математики, и поэтому отстаивали преимущественно гуманитарное, «классическое» направление образования. В русских классических гимназиях изучались главным образом языки: русский, латинский, греческий, немецкий, французский и др. Зато не было химии и физики как особых предметов: они входили в общий предмет – природоведение. Некоторые элементы теории формального обучения находят свое применение до сих пор. На ее основе, в частности, работают грамматические школы в Англии, которые, как видно из названия, ориентированы на гуманитарное образование [4. С. 127].

Значительный вклад в развитие постулатов и принципов неформального обучения внесли такие видные зарубежные ученые, как Дьюи Дж., Ахмед М., Ноулз М., Кумбс Ф., Роджерс А., Фордхэм П. Одно из первых определений неформального обучения принадлежит Кумбсу Ф. и Ахмеду М. К неформальному обучению отнесена любая организованная учебная деятельность за пределами установленной формальной системы – отдельная деятельность или суще-

ственная часть более широкой деятельности, призванная служить субъектам обучения и реализующая цели обучения [5. С. 158].

Теоретическая разработка интеграции формального и неформального обучения ведется зарубежными исследователями (Симкинс Т. [6], Джеффс Т., Смит М. [7], Роджерс А. [8], Кумбс Ф. [9, 10] и др.). Симкинс Т. и Фордхэм П. считают неформальное обучение полной противоположностью формального. Джеффс Т. и Смит М. рассматривают содержание формального и неформального обучения, исходя из организации самого курса. В отечественной науке преимущественно разрабатываются содержание и методы обучения в общем образовании научным коллективом института РАО (Горский В.А., Рыжаков М.В., Суворова Г.Ф. [11], Родичев Н.Ф. [12]), ярославской школой (Паладьев С.Л., Евладова Е.Б., Золотарева А.В. и др. [13]). Отдельные аспекты ее реализации в профессиональном образовании рассматриваются Сидоровым Д.Г. [14], в послевузовском образовании – Дубровиной Т.Л. [15], Ройтблат О.В. [16] и Харченко Л.Н. [17]. Так, Ройтблат О.В. отмечает, что оказанию образовательных услуг как в процессе формального, так и неформального обучения способствуют экспериментальные, опытные, методические, инновационные площадки, которые формируются с целью моделирования образовательных структур, способных к саморазвитию и «выращиванию» новых структур [16. С. 142].

Определение значений понятия «качество обучения» и факторы, которые воздействуют на него, рассматриваются в трудах Макарычева Д.В. [18], Адамского А.И. [19], Ефремовой Н.Ф. [20], которые предлагают основываться на следующих базовых принципах: профессионализм, объективность, гласность, прозрачность, справедливость, периодичность, преемственность, подотчетность, непрерывность развития и международное сотрудничество. Также разные научные подходы к определению понятия «образовательная услуга» предлагались такими авторами, как Липкина Е.Д. [21], Зайчикова С.А. [22], Половова Т.А. [23], Баталова О.С. [24], Стрижов А.М. [25], Джапарова Р.Н. [26]. Под образовательной структурой авторы понимают целенаправленную деятельность, характеризуемую взаимодействием участников образовательного процесса и направленную на удовлетворение образовательных потребностей личности. Особая структура понятия «качество обучения» изучается в работе Пугача В.Н. [27], где автором предложена матрица, которая рассматривает качество обучения в зависимости от сложности типовой задачи и компетентность решения типовой учебной задачи и акцентируется внимание на том, что цивилизационные изменения влияют на представления о качестве обучения [27. С. 1]. Такие ученые как, Миронов М.Г. [28], Сухорукова Н.Г. [29], Шепетова Е.И., Соколова Е.Л. [30], Борисова И.И., Ливанова Е.Ю. [31], Шалюгина Т.А. [32], Демина Е.В., Михайлова Е.Н. [33], Федосеева И.А. [34], Харина Н.В. [35] и другие доказывают необходимость постоянного мониторинга качества обучения. В этих научных работах рассматриваются значения понятий «качество обучения», «образовательная услуга», анализируется генезис качества обучения, а также подтверждается необходимость мониторинга качества обучения. Тем не менее проблема удовлетворенности качеством получаемых образовательных услуг в области формального и неформального обучения недостаточно изучена и, безусловно, требует дополнительного исследования.

В данной научной статье предпринята попытка изучить удовлетворенность студентов качеством получаемых дополнительных образовательных услуг на примере опроса студентов программы профессиональной переподготовки «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» до и после интеграции формальных и неформальных форм обучения.

Вышеупомянутая программа закономерно завершает основной курс изучения иностранного (английского) языка и позволяет студентам – будущим переводчикам сформировать свои профессиональные компетенции, необходимые в дальнейшей работе. Основная цель преподавателей, работающих со студентами по данной программе, – обучить будущих переводчиков переводу как средству удовлетворения потребностей конкретных организаций или людей, испытывающих необходимость использования переводного текста в своей предметной деятельности. Студентам необходимо научиться видеть не только сам текст (лингвистическое явление), но и предметную ситуацию, описанную в тексте (экстралингвистическое явление). Роль преподавателя – обучить их нормативно правильному использованию переводящего языка. Отсюда возникает необходимость исследования обучения переводу как форме речевой деятельности в вузе.

Для изучения данного аспекта мы применили социологические методы исследования, а именно эмпирические методы-операции, такие как анализ, наблюдение, изучение литературы и других источников, опрос, проведенный в форме анкетирования, а также экспертный опрос выпускников программы, в настоящий момент реализующих свою профессиональную деятельность на предприятиях. Поскольку любая дополнительная образовательная услуга представляет собой с точки зрения потребителей этой услуги товар, то можно выделить определенные параметры, которые должно измерить и оценить для понимания степени удовлетворенности или неудовлетворенности данным товаром. Субъектом образовательных процессов является студент, также необходимо учитывать особенности самих образовательных услуг.

Метод изучения и обобщения опыта позволил нам, во-первых, продемонстрировать эффективность применения формальных и неформальных методов обучения будущих переводчиков, занимающихся по программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», во-вторых, выявить недостатки в организации и планировании процесса обучения и, в-третьих, предоставить перспективы дальнейшего применения неформальных средств и технологий обучения в современных условиях.

Кафедра иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации для экономико-правовых направлений (далее кафедра иностранных

языков и МПК ЭПН) имеет опыт работы по дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» уже более 5 лет. Студенты с удовольствием продолжают изучать английский язык в рамках данного курса, так как он дает возможность им в будущем осуществлять переводческую деятельность по своей основной специальности (экономика, юриспруденция, таможенное дело, социология). Необходимо заметить, что преподаватели, работающие по программе, регулярно проходят курсы повышения квалификации по методике преподавания иностранных языков и перевода, языковые стажировки за рубежом и на базе ведущих российских вузов, участвуют в конференциях, посвященных социокультурным проблемам преподавания иностранных языков и подготовки переводчиков в сфере профессиональной коммуникации.

Формальное обучение переводу осуществляется два года и включает в себя следующие языковые аспекты: теоретические курсы по теории перевода, стилистике, теоретической грамматике, лексикологии; практические курсы по грамматике, говорению, аудированию и чтению, а также по переводу специальных текстов и деловой корреспонденции. На первом году обучения в рамках курса студенты знакомятся с основными теоретическими проблемами перевода, в то же время продолжая практиковать английский язык в основных аспектах его практического усвоения. На втором году они проходят переводческую практику на базе университета, во время которой осуществляют перевод английской специализированной литературы, анализируя языковые и культурологические явления и проблемы под руководством преподавателей – руководителей практики.

Эмпирическое исследование удовлетворенности обучающихся проводилось (и продолжает проводиться) с 2013 г. на базе Центра иностранных языков Института государства и права ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет». Исследование проводится посредством метода опроса студентов и выпускников непосредственно в форме анкетирования. Анкета включает в себя определенный набор вопросов, отражающих специфичные показатели удовлетворенности качеством получаемых дополнительных образовательных услуг.

В указанном ежегодном анкетировании принимают участие студенты, обучающиеся на последнем курсе подготовки по дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» (специальности «Юриспруденция», «Государственное и муниципальное управление», «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Таможенное дело», «Экономическая безопасность», «Менеджмент», «Экономика», «Социология»).

Для оценки степени удовлетворенности качеством получаемых образовательных услуг используется шкала, в соответствии с которой выделяются следующие степени удовлетворенности и / или неудовлетворенности, а также и соответствующие им интервалы, выраженные в процентах (табл. 1).

Таблица 1

Шкала удовлетворенности качеством получаемых образовательных услуг Центра иностранных языков Института государства и права ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Неудовлетворенность	Частичная неудовлетворенность	Частичная удовлетворенность	Полная удовлетворенность
0–49%	50–64%	65–79%	80–100%

Цель нашего исследования – посредством эмпирических исследований подтвердить эффективность интеграции формальных и неформальных форм обучения, выраженную в повышении степени удовлетворенности качеством получаемых дополнительных образовательных услуг в рамках подготовки по квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

Задачи исследования: провести анализ ежегодного анкетирования выпускников программы за 2014–2019 гг.; выявить недостатки в организации и планировании процесса обучения; разработать стратегию дальнейшего применения неформальных средств и технологий обучения в условиях повышения конкурентоспособности вуза в рамках реализации программы 5–100.

Студенты проходят анкетирование на предмет удовлетворенности уровнем образования в конце каждого учебного года. Формулировка вопросов не менялась с момента разработки анкеты в 2014 г. За исследуемый период было опрошено 147 респондентов, завершивших обучение по вышеуказанной программе. Ниже представлены результаты ответов в разбивке по годам в процентном выражении (табл. 2). Динамика изменения удовлетворенности респондентов наглядно представлена в рис. 1.

Таблица 2

Результаты ответа на вопрос «Насколько Вы удовлетворены уровнем обучения по программе “Переводчик в сфере профессиональной коммуникации?”», %

Ответ	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Полностью удовлетворен	6	18	39	44	65	92
Частично удовлетворен	21	24	35	45	27	7
Частично неудовлетворен	44	30	15	8	8	1
Неудовлетворен	28	27	11	3	0	0
Затрудняюсь ответить	1	1	0	0	0	0

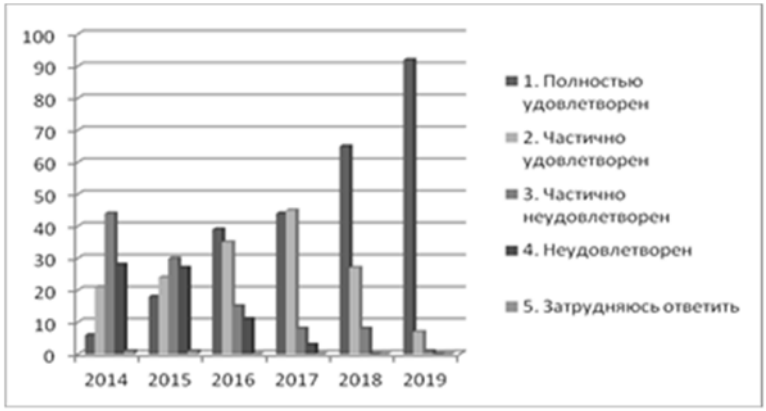


Рис. 1. Динамика удовлетворенности обучением в Центре иностранных языков Института государства и права ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Очевидно, что в самом начале деятельности Центра иностранных языков Института государства и права степень удовлетворенности была достаточна низкой: в конце 2013/14 учебного года суммарное количество таких студентов составило 27%. Чем же была вызвана неудовлетворенность? В комментариях к анкете многие студенты указали «неинтересные лекции», «неудобное расписание», «формальный подход», «скучно», «все, как на обычном английском» и т.п. Этот низкий показатель заставил преподавателей пересмотреть подходы к обучению. Изначально стратегической целью подготовки переводчиков ставилось не просто обучение высококвалифицированных специалистов, но и создание особой творческой, научно-исследовательской атмосферы, направленной на актуализацию всех навыков и умений, полученных и сформированных во время процесса обучения для максимального раскрытия личности специалиста, его коммуникативных, лидерских и прочих качеств. В процессе обучения переводу в университете приоритетное значение должно придаваться формированию социокультурной компетенции у студентов. Зная культуру страны изучаемого языка, человек сможет донести и ее культурную специфику, восприятие мира как такового. При формировании социокультурной компетенции происходит раскрытие индивидуальных особенностей каждого студента, который получает возможность учиться адаптироваться в обществе, постоянно расширяя пространство вокруг себя, в том числе и образовательное. После анализа результатов анкетирования речь стала идти о необходимости расширения образовательного пространства в рамках изучения иностранного языка за счет внеаудиторной деятельности, которая рассматривается нами неотрывно от основной системы обучения.

Было решено вводить максимальное количество неформальных методов обучения для повышения степени удовлетворенности студентов своим образованием по дополнительной квалификации, непосредственно связанной с их практической деятельностью. Мы уверены, что таким образом, интегрируя формальное и неформальное обучение, мы сможем обеспечить целостность образовательного процесса, повышая эффективность языкового образования в сфере профессионального перевода. Данный подход позволит нам решить проблемы поиска новых способов, путей, форм и технологий обучения, наиболее четко отражающих потребности, желание и интересы обучающихся.

В связи с этим, на следующий 2014/15 учебный год была организована переводческая практика для студентов на ряде производственных предприятий города Тюмени, где обучающиеся смогли реализовать свои профессиональные компетенции. Можно сказать, что такая форма проверки знаний, полученных в рамках конкретного курса, незаменима в профессиональной жизни каждого студента, так как позволяет ему познать всю сложность процесса перевода в избранной сфере коммуникации. Подобные неформальные методы, как переводческая практика на предприятии, должны способствовать стремлению студентов расширить свой кругозор, приобрести новые знания и умения вне учебных программ вуза. Во время подобной практики преподаватели знакомят студентов с профессиональной терминологией, с «ложными друзьями» переводчика, с явлениями английского языка, составляющими трудность при переводе на русский, обучающиеся учатся использовать при переводе лексические и грамматические трансформации, которые дают возможность сделать перевод адекватным и понятным для людей, говорящих на русском и не знающих английский язык. В результате введения переводческой практики на предприятии уровень удовлетворенности обучающихся незначительно повысился: в конце 2014/15 учебного года суммарное количество «довольных» студентов составило 42%.

Следующим этапом внедрения неформальных методов обучения стала организация студенческого научного кружка «Язык. Культура. Коммуникация», так как, говоря об эффективном обучении в вузе, нельзя игнорировать научную деятельность студентов. Основная цель кружка – сформировать коммуникативные и социокультурные компетенции студентов, необходимые для эффективного взаимодействия в поликультурной среде. Среди задач кружка можно выделить следующее:

– формирование навыков ведения дискуссий на английском языке;

– формирование навыков самостоятельного продуцирования академически и профессионально значимых текстов;

– формирование навыков составления научных презентаций;

– формирование навыков публичного выступления на английском языке;

– расширение кругозора;

– повышение общей и профессиональной культуры студентов;

– формирование страноведческих знаний об истории, культуре, реалиях и традициях стран изучаемого языка;

– повышение исходного уровня владения иностранным языком (английским).

Забегая вперед, заметим, что в настоящее время, в рамках реализации программы повышения конкурентоспособности Тюменского государственного университета, особое и зачастую приоритетное значение приобретает строго организованная система международной информации. Очевидно, что ее функционирование невозможно без специалистов, свободно владеющих иностранным языком, которые в состоянии самостоятельно извлекать информацию из иностранных источников, грамотно транслировать ее на русский язык и использовать эту информацию в научной работе и в дальнейшем в своей профессиональной деятельности. Очевидно, что неформальные методы обучения базируются на получении знаний через научно-практические действия.

В связи с вышесказанным основной проблематикой заседаний студенческого научного кружка «Язык. Культура. Коммуникация» особо приоритетными стали вопросы, касающиеся межкультурной коммуникации, страноведения, лингвистики и профессионально ориентированного перевода. Таким образом, вопросы, рассматриваемые на заседаниях кружка, выходят за рамки учебного процесса. Среди вопросов, обсуждаемых на заседаниях студенческого научного кружка, выделим следующие, которые ранее не были представлены:

– подготовка публичного выступления на иностранном языке;

– особенности ведения деловой переписки на английском языке;

– академическое письмо;

– как избежать плагиата при написании научной работы;

– критическое чтение; основы аннотирования иностранной специальной литературы и т.д.

Научно-исследовательская работа со студентами в рамках научного студенческого кружка «Язык. Культура. Коммуникация» ведется в течение всего учебного года. Качественная успеваемость студентов, посещающих дискуссионный клуб, составляет 100%. Доля отличников среди участников – 90%.

Особый интерес у студентов, принимающих участие в работе научного кружка, вызывают встречи с носителями языка из США, Великобритании, ЮАР и Франции, которые проходят в форме дискуссии, где студенты могут продемонстрировать свое умение общаться на английском языке и понимать иностранную речь, осуществлять переводы с английского языка на русский. Таким образом, деятельность студенческого научного кружка способствует повышению интереса студентов к изучению английского языка, активному участию в научной жизни университета, а также осмыслению и пониманию важности работы в сфере профессиональной коммуникации.

Члены студенческого научного кружка являются участниками конференций разного уровня, победителями и призерами олимпиад, конкурсов. Наши студенты принимали участие в следующих научных площадках: XXV Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», Москва, 2018 г.; V международная молодежная научно-практическая конференция на иностранных языках «Современные тенденции мирового сотрудничества», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Сибирский институт управления, Новосибирск, 2016 г.; VI международная научно-практическая конференция «Иностранные языки: сравнительно-сопоставительное изучение, вопросы преподавания и межкультурной коммуникации», Тюмень, 2016 г. Кроме этого, будущие переводчики активно сотрудничают со своими преподавателями и публикуют свои совместные научные статьи в ведущих изданиях, в том числе международных.

Участники научного кружка демонстрируют свои знания на олимпиадах различного уровня: IV Всероссийская студенческая олимпиада по иностранным языкам «Молодежь – стратегический ресурс развитий российского общества», Новосибирск, 2017 г.; Всероссийская студенческая олимпиада по юриспруденции, Омск, 2016.

Стоит отметить, что интересы наших студентов, членов научного кружка, разнообразны, в свободное от занятий время они принимают участие в различных научных конкурсах, где успешно демонстрируют свои языковые и профессиональные навыки. Среди них: международный конкурс судебных дебатов им. Джессопа (Jessop Competition), Москва, 2019; участие в устных дебатах XXVI Международного конкурса имени Willem C. Vis «Международный коммерческий арбитраж», Вена, 2019; деловая игра «Тюменская модель ООН», 2019 г.; конкурс «Тюменский студент покоряет мир», 2018 г.; деловая игра «Business Battle», 2018 г.; фестиваль национальных культур 2018 г.; конкурс эссе по профессиональной этике юриста, Москва, 2016 г.; международный виртуальный проект «X-Culture», Университет Гринсборо, США, 2016–2019 гг. На подобных научно-практических площадках будущие специалисты приобретают неоценимый опыт. Они раскрывают свою индивидуальность, ощущают потребность заниматься научной деятельностью, творить и развиваться профессионально.

Мы разделяем точку зрения Л.А. Сайтбагиной, утверждающей, что в реальной образовательной практике вузов, основанной на традиционной (знаниевой) технологии обучения, у студентов развивается

одномерное академическое мышление, что отражается на исследовательских способностях студентов и результатах их профессиональной деятельности в будущем [36. С. 180]. Как результат подобной однобокости очевидна необходимость совершенствования подходов в системе обучения. Одним из таких подходов стало расширение международной деятельности Центра иностранных языков для создания стажировочных площадок.

В 2015 г. Центр иностранных языков Института государства и права ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» смог заключить договор сотрудничества с рядом языковых центров в Великобритании: была очевидной необходимость языковой стажировки студентов. Стажировочные площадки на базе языковых центров и школ Великобритании и Америки мы рассматриваем также в рамках неформального обучения английскому языку.

Стажировочная площадка главным образом рекомендована тем студентам, которые имеют высокий уровень владения иностранным языком, но при этом желают усовершенствовать коммуникативные навыки и применить их на практике. Мы внедряем подобные программы как возможность повысить квалификацию будущих переводчиков в условиях, максимально приближенных к их профессиональной сфере, используя базовые знания, полученные на практических занятиях с преподавателем. В зарубежных языковых центрах (Hilderstone College, StGiles International, London House School of English и др.) наши студенты находят формы и методы работы с педагогами-носителями языка в условиях реальной практики, они совершенствуют свой язык, общаясь с иностранными студентами и местным населением. Важно, что учащиеся имеют возможность выстраивать свою программу с учетом личного выбора, где они приобретают особые практические компетенции. Стажировочные площадки предлагают студентам обучение на курсах интенсивного английского языка (Intensive Programme или General English Course). Также они могут пройти обучение по программе английский для бизнеса (General English plus English for Business), английский для юристов (English for Law Students), английский для поступающих в университеты (General English plus English for University Studies). Большой популярностью среди студентов пользуются специализированные программы (English for Coding, English for Leaders, English plus Unique Experiences).

Практика работы в нашем вузе показывает, что стажировочные площадки также можно организовать, не выезжая за пределы страны. Студенты ТюмГУ, обучающиеся по программе «Переводчик в сфере профессиональной деятельности», смогли проявить свои профессиональные навыки в качестве переводчиков на выборах президента Российской Федерации. Нескольким студентам было предложено сотрудничество с крупнейшей в мире организацией, занимающейся вопросами безопасности, ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе). По отзывам самих студентов, подобная практика дала им возможность реализовать себя, проверить свои знания и умения и критически проанализировать полученные результаты работы.

В следующие учебные года в результате интеграции формальных и неформальных методов (переводческая практика на предприятии, участие в работе студенческого кружка, стажировки в языковых школах) степень удовлетворенности студентов качеством получаемых образовательных услуг постоянно повышается:

– в 2015/16 учебном году – 74%;
– в 2016/17 учебном году – 91%;
– в 2017/18 учебном году – 92%;
– в 2018/19 учебном году – 99%.

На рис. 2 графически представлено изменение степени удовлетворенности обучающихся.

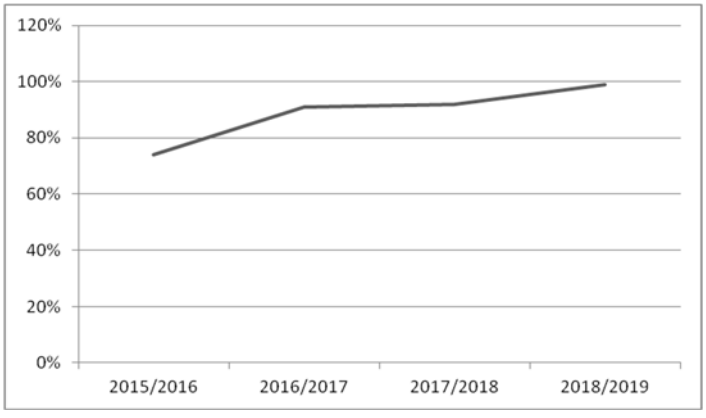


Рис. 2. Повышение степени удовлетворенности выпускников Центра иностранных языков Института государства и права ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Такие высокие показатели удовлетворенности за последние годы неслучайны. Цифровизация современного обучения и внедрение современных технологий в процессе обучения стали очевидны. Одним из глобальных трендов мирового образования является широкое использование интернет-технологий и мультимедийных средств. В Тюменском государственном университете и непосредственно в Центре иностранных языков Института государства и права электронному обучению (e-Learning) также отводится особая роль. Сегодня невозможно представить современного студента без использования в процес-

се обучения иностранному языку энциклопедии Wikipedia, электронных словарей и других источников информации, без видеосервиса YouTube, Skype и многочисленных социальных сетей. К наиболее значимым технологиям и средствам e-Learning, применяемым студентами-переводчиками, можно отнести следующие: электронная почта, чаты, подкасты, корпоративные онлайн-библиотеки, электронно-библиотечные системы, научные ресурсы онлайн, курсы дистанционного обучения. Указанные технологии и средства e-Learning дают возможность выстроить эффективное самостоятельное обучение студентов вне аудитории, используя доступ к хранилищам электронных ресурсов.

В последние годы у студентов, обучающихся по программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», также пользуется популярностью обучение на онлайн-курсах FutureLearn. Данная онлайн-платформа предлагает бесплатное (или за умеренную оплату) обучение по курсам ведущих мировых университетов. Среди них университеты Глазго, Шеффилда и Эдинбурга (Великобритания), Базельский университет (Швейцария), Открытый университет (Великобритания), Нью-Йоркский институт финансов (США) и др. Учебные программы по различным отраслям науки и знаний предоставляются в удобной форме. Они доступны на всех электронных носителях, включая смартфоны и планшеты, что позволяет студентам-переводчикам выстраивать свои индивидуальные траектории самообразования и гибкий план работы. Материалом для обучения с платформы FutureLearn служат аутентичные статьи и текстовые материалы, видео- и аудиозаписи. Все учебные материалы в обязательном порядке сопровождаются небольшими проверочными, а также итоговыми тестами для контроля понимания обучающимися полученной информации и для выставления оценки за весь курс. Кроме того, студенты имеют возможность задавать все интересующие их вопросы по пройденному предмету в формате онлайн и обсуждать все материалы с другими студентами. Активность будущих переводчиков при работе в данном формате достигается за счет того, что студент ждет ответа на свои вопросы профессионального характера и, соответственно, внимателен к материалу. Тематика курсов, предложенных на платформе FutureLearn, разнообразна, студенты могут выбрать курс исходя из своих профессиональных интересов. Например, студенты юридического направления выбирают программы «Судебно медицинская экспертиза: восстановления лица по черепу», «Судебная психология», «Общий регламент по защите персональных данных». Студентам, обучающимся на специальности таможенное дело, предлагается онлайн- курс «Контрабанда произведений искусств» и «Незаконная торговля предметами старины». Будущие менеджеры и экономисты выбирают курсы, связанные с бизнесом, организацией предприятий, предпринимательской деятельностью и т.д. Главным является то, что в процессе онлайн-обучения будущие переводчики совершенствуют и углубляют свои теоретические знания, расширяют кругозор, развивают навыки профессиональной рефлексии, формируют творческий подход к профессиональной деятельности.

Итак, удовлетворенность студентов качеством получаемых образовательных услуг в рамках подготовки по дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», с нашей точки зрения, формируется на основе следующих показателей, представленных в табл. 3.

Таблица 3

Показатели удовлетворенности студентов качеством получаемых образовательных услуг в Центре иностранных языков Института государства и права ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Гибкость учебной программы	Возможность выбора изучаемых дисциплин	Учет индивидуальных потребностей	Участие в научно-исследовательской работе	Организация практик
Возможность стажировок / практик	Информационная обеспеченность учебного процесса	Качество учебно-методического обеспечения	Материально-техническое обеспечение учебного процесса	Удобное расписание
Использование инновационных технологий	Ответственность студента за результаты образовательной деятельности	Развитие инициативности, лидерских качеств, коммуникативных способностей	Мотивация и развитие стремления к самосовершенствованию	Практическое овладение иностранным языком на высоком уровне

Эти показатели оформились в результате практической деятельности преподавателей Центра иностранных языков Института государства и права ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» с 2013 г., года открытия программы переподготовки «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». В дальнейшем мы планируем в ежегодное анкетирование добавить данные показатели для оценки удовлетворенности студентов-переводчиков уровнем обучения. Тем не менее в текущем академическом году (2018/19 учебный год) данные критерии были первый раз предложены выпускникам программы дополнительно в анкете удовлетворенности. Необходимость проверки способности выпускников реализовывать свою профессиональную деятельность назрела давно и требовала более компетентностных результатов для подтверждения не только количественных, но и качественных изменений, которые произошли у обучающихся в результате использования интегрированного типа обучения.

Выпускники оценивали степень своей удовлетворенности полученными знаниями и навыками по шкале от 0 до 5 (0 – затрудняюсь ответить, 1 – наименьшая степень, 5 – наибольшая степень).

На первое место студенты поставили «Развитие инициативности, лидерских качеств, коммуникативных способностей» (69%), на второе – «Организация практик» (42%), на третье – «Учет индивидуальных потребностей обучающихся» (27%), на четвертое – «Возможность стажировок» (15%), на пятое – «Перспективы участия в научно-исследовательской работе» (11%). Средний показатель ответов составляет более 100%, так как вопрос предполагал выбор нескольких вариантов ответов.

Динамика изменения удовлетворенности респондентов наглядно представлена на диаграмме (рис. 3).

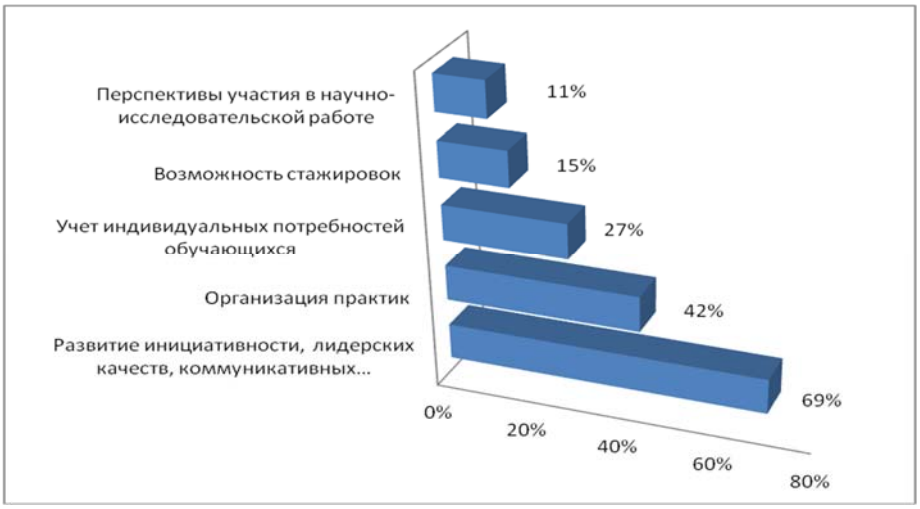


Рис. 3. Степень удовлетворенности полученными знаниями и навыками по критериям выпускников Центра иностранных языков Института государства и права ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Следовательно, обучение по дополнительной программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» рассматривается большинством студентов как возможность развития инициативы, лидерских качеств, коммуникативных способностей, что в свою очередь ведет к профессиональному росту и свидетельствует о перспективах самосовершенствования и гибкости в изменяющемся мире, а также о желании занять более выгодные конкурентные позиции на рынке труда.

Также, думая о перспективах работы, мы предложили выпускникам ответить еще на один вопрос: «Что необходимо включить в план подготовки переводчиков, помимо тех форм, которые уже существуют?».

Среди ответов преобладали предложения выпускников по организации длительной практики языка за пределами аудитории, возможность общения с носителями языка по вопросам их профессиональной деятельности. В условиях глобализации рынка слушатели программы хотели бы участвовать в международном волонтерском движении, в стажировочных площадках и совместных проектах со студентами из зарубежных вузов. Высказано пожелание иметь возможность обучаться у преподавателей – носителей языка, специализирующихся в направлениях их профессиональной подготовки, посредством современных цифровых технологий.

Несмотря на положительные результаты анкетирования, очевидно, что для того, чтобы сделать вывод о качестве и эффективности обучения, следует проводить диагностику не только выпускников, но и уже закончивших университет и работающих непосредственно по своим специальностям профессионалов. Необходимы компетентностные результаты, т.е. проверка способности выпускника реализовывать свою профессиональную деятельность.

С учетом вышесказанного для того, чтобы подтвердить количественные и качественные изменения, произошедшие у обучающихся в результате интервенции интегрированного типа обучения, в октябре 2019 г. было принято решение провести экспертный опрос выпускников программы, уже реализующих свою профессиональную деятельность. Этот опрос был пилотным, так как ранее проводилось лишь анкетирование непосредственно выпускников, но не устанавливались контакты с уже работающими специалистами – бывшими выпускниками. Экспертный опрос проводился заочно, участникам были разосланы анкеты. Ответы были получены от 8 бывших выпускников программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», работающих в разных сферах профессиональной деятельности, стаж работы которых составил от 2 до 4 лет. Никто не работает непосредственно переводчиком, но отрадно, что все эксперты используют полученные переводческие компетенции для работы по своей основной специальности. Следует отметить, что бóльшая часть поступающих и не ставит своей целью работать переводчиками: полученные знания необходимы либо для повышения их профессиональной квалификации, либо для совершенствования иностранного языка.

Результаты опроса проиллюстрированы в табл. 4, которая представляет собой матрицу реализации профессиональных компетенций выпускников программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

Таблица 4

Матрица реализации профессиональных компетенций выпускников программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» Центра иностранных языков Института государства и права ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

+	Перевод деловой корреспонденции и документации	Перевод статей из области профессиональной специализации	Создание собственного терминологического «словника»	+
	Конкурентное преимущество при приеме на работу	Общение с представителями других культур	Использование компьютерных технологий для перевода	
–	Не хватает навыков устного перевода	Не хватает навыков устного общения на непрофессиональные темы	Недостаточный уровень владения русским языком для выполнения переводов на высоком уровне	–
	Не хватает знаний по смежным специальностям (в том числе и в языковом аспекте)	Не хватает знаний реалий, обычаев, традиций других стран	Не хватает решимости отстаивать свои права переводчика перед руководителем (дополнительные, неоплачиваемые задания)	

Провести подробный анализ и сделать выводы по выявленным проблемам не входило в цели и задачи данной статьи, тем более что для проверки сформированности профессиональных компетенций выпускников вуза, возможно, необходимы новые инструменты и способы оценки, проверяющие освоение ими конкретных видов профессиональной деятельности, а не совокупности знаний, умений и навыков. Думаем, что формирование модели валидации профессиональной языковой компетенции выпускников станет предметом дальнейшего научного исследования авторов.

В заключение хотелось бы особо выделить тот факт, что спрос на профессионалов различных специальностей, которые обладают не только абсолютно профессиональными компетенциями, но и владеют умениями иноязычного общения в сферах своей профессиональной коммуникации, очень вырос и в значительной мере инновационно изменил содержательное наполнение и целевые установки вузовских курсов иностранного языка. Современные выпускники вузов должны быть настроены и полностью готовы к эффективному и продуктивному межкультурному взаимодействию с представителями инофонных профессиональных сообществ. Стало очевидным, что в высшей школе неэффективно обучать языку лишь для общеобразовательных целей. Сущностным является профильное обучение, направленное на практическое использование языка будущими специалистами в сферах профессионального общения [37. С. 6]. Однако знаний, получаемых в аудитории на практических занятиях в ходе формального обучения с преподавателем, недостаточно. Неформальные методы и технологии обучения будущих переводчиков, а именно электронное и дистанционное обучение (e-Learning), академическая мобильность студентов и стажировочная площадка за рубежом (study placement) и студенческий научный кружок (language club) могут стать эффективным дополнением к существующим обязательным, формальным приемам обучения.

Стоит заметить, что полученные знания будущие переводчики могут применять во время студенческих каникул, осуществляя волонтерскую деятельность в иноязычной среде. Очевидно, что английский язык является языком волонтерского движения. Студенты могут стать международными волонтерами иностранного проекта и использовать эту деятельность для практического применения и усовершенствования английского языка, преодолевая языковой барьер. Умение общаться с носителями языка и понимать всевозможные акценты английского являются наиболее значимыми навыками для будущих переводчиков в сфере профессиональной деятельности. Считается, что волонтерское движение в России еще недостаточно развито, мы надеемся, что наши студенты смогли бы внести свой вклад в данные международные языковые проекты.

Таким образом, качество обучения переводу в вузе зависит от многих факторов, включая интеграцию формального и неформального обучения в социокультурном аспекте. Но необходимо понимать, что при условии формальной интеграции (например, проведение конкурсов по переводу с целью разнообразить жизнь студентов и преподавателей) качества обучения не достичь. При включении любой формы обучения необходимо четко понимать цель, для чего мы это делаем, и иметь представление о конечном результате, который мы хотим достичь. Только при таком подходе интеграция формального и неформального обучения переводу по дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» будет носить действенный характер и способствовать качественному получению знаний, а не препятствовать ему, как это бывает при формализации обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нефедова Г.М. Специфика интеграции формального, неформального и информального образования // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2017. № 3 (17). С. 127–132.
2. Владимирова Л.П. Проблемы интеграции формального и неформального образования в условиях единой информационно-образовательной среды // Открытое образование. 2013. № 5. С. 34–39.
3. Декина Е.В. Технологии поддержки и развития неформального образования студенческой молодежи // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 4186–4190. URL: http://e-koncept.ru/2014/55102.htm (дата обращения: 16.06.2019).
4. Харламов И.Ф. Педагогика. М. : Гардарики, 1999. 520 с.
5. Мухлаева Т.В. Международный опыт неформального образования // Человек и образование. 2010. № 4. С. 158–162.

6. Simkins T. Non-Formal Education and Development. Some critical issues. Manchester : Department of Adult and Higher Education, University of Manchester, 1977. 77 p.
7. Jeffs T., Smith M.K. Informal Education: Conversation. Democracy and Learning. Educational Heretics Press, 2005. 142 p.
8. Rogers A. Non-formal education: flexible schooling or participatory education (CERC studies in comparative education): Springer science+ Business Media, Inc. New-York, USA, 2005. 308 p.
9. Coombs Ph., Ahmed H. Attacking rural Poverty. How nonformal education can help. Baltimore, 1974. 292 p.
10. Кумбс Ф. Кризис образования в современном мире. Системный анализ. М. : Прогресс, 1970. 261 с.
11. Горский В.А., Суворова Г.Ф., Смирнов Д.В. и др. Научные основы взаимодействия и преемственности формального, неформального и информального образования / под ред. М.В. Рыжакова, В.А. Горского, Г.Ф. Суворовой. Уфа : Изд-во ИРО РБ, 2012. 308 с.
12. Родичев Н.Ф. Интеграция формального и неформального образования как механизма формирования профессионального самоопределения и личностного развития школьника // Интеграция формального и неформального образования : метод. реком. / под ред. В.А. Горского. М. : УРАО ИСМО, 2011. С. 26–45.
13. Гушина Т.Н. и др. Интеграция дополнительного и других сфер образования / под ред. Е.Б. Евладовой, А.В. Золотаревой, С.Л. Паладьева. Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2005. 197 с.
14. Сидоров Д.Г. Педагогическая интеграция формального, неформального и информального видов образования в процессе формирования здорового образа жизни студентов : автореф. дис. … д-ра пед. наук. Н. Новгород, 2013. 66 с.
15. Дубровина Т.Л. Технология организации неформального образования преподавателей профессионального цикла колледжа : автореф. дис. … канд. пед. наук. СПб., 2013. 116 с.
16. Ройтблат О.В. Эффективные организационные структуры управления в основе включения неформального образования в систему повышения квалификации // Вестник ТОГИРРО. 2012. № 6 (24). 154 с.
17. Проектирование программы неформального образования и психологической поддержки преподавателя в первые годы работы в вузе / под общ. ред. Л.Н. Харченко. Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2012. 124 с.
18. Макарычев Д.В. Качество образования как главный фактор конкурентоспособности вуза // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2006. Т. 8, № 4. С. 973–977.
19. Адамский А.И. Что такое качество образования? М. : Эврика, 2009. 272 с.
20. Ефремова Н.Ф. Тестовый контроль в образовании : учеб. пособие. М. : Логос, 2007. 368 с.
21. Липкина Е.Д. Конкурентоспособность вузов на современном рынке образовательных услуг. Омск : ОмГПУ, 2006. 136 с.
22. Зайчикова С.А., Маяцкая И.Н. Стратегия маркетинга высшего учебного заведения в системе открытого образования. М. : РГСУ, 2006. 115 с.
23. Половова Т.А., Баталова О.С. Образовательная услуга как ключевой элемент рынка образования // НГУ экономики и управления. Научные записки. 2009. URL: http://nsuem.ru/ science/ publications /science_notes/2009_2/article.php? ELEMENT_ ID=819 (дата обращения: 10.06.19).
24. Баталова О.С. Специфика образовательной услуги как основа маркетинговой политики вуза // Актуальные вопросы экономики и управления : материалы междунар. науч. конф. (г. Москва, апрель 2011 г.). М. : РИОР, 2011. Т. II. С. 7–12.
25. Стрижов А.М. Понятие качества образовательной услуги в условиях рыночных отношений // Стандарты и мониторинг в образовании. 1999. № 3. С. 47–50.
26. Джапарова Р.Н. Маркетинг услуг профессионального образования // Маркетинг. 2005. № 4. С. 55–65.
27. Пугач В.Н. Качество образования: от классических представлений к современным понятиям // Интернет-журнал «Науковедение». 2013. № 3 (16). URL: http://naukovedenie.ru/PDF /76evn313.pdf (дата обращения: 10.06.19).
28. Миронов М.Г. Управление качеством : учеб. пособие. М. : ТК Велби; Проспект, 2006. 288 с.
29. Сухорукова Н.Г. Мониторинг как элемент системы менеджмента качества вуза: опыт, проблемы, перспективы // Научные записки НГУЭУ. 2007. № 2.
30. Шепетова Е.И., Соколова Е.Л. Мониторинг в управлении качеством образования // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2010. № 6. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/monitoring-v-upravleniikachestvom-obrazovaniya (дата обращения: 12.12.2018).
31. Борисова И.И., Ливанова Е.Ю. Мониторинг как инструмент гарантии качества образования и обеспечения конкурентоспособности вуза // Власть. 2014. № 2. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/monitoring-kak-instru ment-garantii-kachestva-obrazovaniya-i-obespecheniya konkurentosposobnosti-vuza (дата обращения: 12.12.2018).
32. Шалюгина Т.А. Оценка эффективности управления качеством образовательных услуг // ИСОМ. 2015. Приложение № 2. URL: http://cyberleninka.ru/ article/n/otsenka-effektivnosti-upravleniya-kachestvomobrazovatelnyh-uslug (дата обращения: 12.12.2018).
33. Демина Е.В., Михайлова Е.Н. Качество образовательных услуг как показатель результативности образовательной деятельности современной школы // Вестник ТГПУ. 2016. № 8 (173). URL: http://cyberleninka. ru/article/n/kachestvo-obrazovatelnyh-uslug-kak-pokazatelrezultativnosti-obrazovatelnoy-deyatelnosti-sovremennoyshkoly (дата обращения: 12.12.2018).
34. Федосеева И.А. Профессиональная компетентность преподавателя в условиях перехода на двухуровневую систему образования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 1 (91). С. 141–144.
35. Харина Н.В. Профессиональное образование в России: проблемы, пути решения // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2013. 1 (1). С. 8–15.
36. Сайтбагина Л.А. Реализация интегративно-развивающего подхода в процессе развития исследовательской деятельности студентов магистратуры // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. С. 180–188.
37. Зайченко А.А. Методика сопреподавания языка и перевода (программа «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», английский язык) : дис. ... д-ра пед. наук. Пятигорск, 2006. 419 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 18 февраля 2020 г.

Integration of Formal and Non-Formal Translation Teaching at a University Under 5-100 Programme

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 192–204.
DOI: 10.17223/15617793/457/23

Oksana P. Lazareva, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: opl-tyumen@mail.ru
Narkiza A. Moroz, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: narkiza-moroz@mail.ru
Oksana B. Poletaeva, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: poletaeffs@mail.ru
Olga V. Shatilovich, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: shatiolga@yandex.ru

Keywords: integration; formal education; non-formal education; sociocultural aspect; translator; professional communication.

The goal of integrating formal and non-formal education at a higher educational institution is to increase the level of education, to develop professional and sociocultural competencies that affect students' future professional activities. Such a form of education makes it possible to perceive various aspects of real life and adapt to the changing conditions of the global world. This article presents the results of a study conducted on the basis of one of the leading universities in order to study the impact of non-formal education not only on the sociocultural development of a person, but also on their satisfaction with the received knowledge. Many re-

searchers consider problems of formal and non-formal education. The article analyzes the works of the founders of the theory of formal and non-formal education. The authors also refer to studies that examine the concepts “quality of education” and “educational service”, analyze the genesis of the quality of education, and confirm the need to monitor the quality of education. Nevertheless, the problem of satisfaction with the quality of educational services received in the field of formal and non-formal education has not been investigated and, of course, requires further study. In this article, the authors tried to study students’ satisfaction with the quality of the optional educational services on the example of students of the professional retraining program “Translator in the Field of Professional Communication” before and after the integration of formal and non-formal ways of education. In the study, the authors used the empirical sociological research methods of analysis, observation, study of literature and other sources, and a questionnaire-based survey. With the help of the methods of the study, the authors managed: (1) to demonstrate the effectiveness of integration of formal and non-formal teaching methods for future translators learning on the program “Translator in the Field of Professional Communication”; the results are presented in the tables reflecting the level of students’ satisfaction with the quality of the educational service, which proves the above thesis; (2) to reveal the weaknesses of the organization and planning of the learning process, the existence of which proves the necessity of introduction of non-formal methods of education into the formal process of future translators’ training; (3) to provide prospects for the further use of non-formal means and technologies of education in translators’ training in the modern conditions. In conclusion, the authors of the article claim that the aim of non-formal education is to make students broaden their mind, gain new knowledge outside the class. At the same time, it should satisfy their professional needs, i.e. learning a foreign language and all the forms of verbal activity (reading, writing, listening, speaking). But the most important thing that informal education should be aimed at is mastering the techniques and skills of translation and interpretation from a foreign language into Russian.

REFERENCES

1. Nefedova, G.M. (2017) Specifics of Integration of Formal, Non-Formal and Informal Education. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie – Pedagogical Review*. 3 (17). pp. 127–132. (In Russian). DOI: 10.23951/2307-6127-2017-3-127-133
2. Vladimirova, L.P. (2013) Problems of Integration of Formal and Informal Education in Conditions of the General Informational and Educational Environment. *Otkrytoe obrazovanie*. 5. pp. 34–39. (In Russian).
3. Dekina, E.V. (2014) Tekhnologii podderzhki i razvitiya neformal’nogo obrazovaniya studencheskoy molodezhi [Technologies for Support and Development of Non-Formal Education of Student Youth]. *Kontsept*. 20. pp. 4186–4190. [Online] Available from: http://e-koncept.ru/2014/55102.htm. (Accessed: 16.06.2019).
4. Kharlamov, I.F. (1999) *Pedagogika* [Pedagogy]. Moscow: Gardariki.
5. Mukhlaeva, T.V. (2010) Mezhdunarodnyy opyt neformal’nogo obrazovaniya [International Experience of Non-Formal Education]. *Chelovek i obrazovanie – Man and Education*. 4. pp. 158–162.
6. Simkins, T. (1977) *Non-Formal Education and Development. Some Critical Issues*. Manchester: Department of Adult and Higher Education, University of Manchester.
7. Jeffs, T. & Smith, M.K. (2005) *Informal Education: Conversation. Democracy and Learning*. Educational Heretics Press.
8. Rogers, A. (2005) *Non-Formal Education: Flexible Schooling or Participatory Education (CERC Studies in Comparative Education)*. New York, USA: Springer Science+ Business Media, Inc.
9. Coombs, Ph. & Ahmed, H. (1974) *Attacking Rural Poverty. How Nonformal Education Can Help*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
10. Coombs, Ph. (1970) *Krizis obrazovaniya v sovremennom mire. Sistemnyy analiz* [The World Educational Crisis: A Systems Analysis]. Translated from English. Moscow: Progress.
11. Gorskiy, V.A. et al. (2012) *Nauchnye osnovy vzaimodeystviya i preemstvennosti formal’nogo, neformal’nogo i informal’nogo obrazovaniya* [Scientific Bases of Interaction and Continuity of Formal, Non-Formal and Informal Education]. Suvorovoy. Ufa: Education Development Institute of Republic of Bashkortostan.
12. Rodichev, N.F. (2011) Integratsiya formal’nogo i neformal’nogo obrazovaniya kak mekhanizma formirovaniya professional’nogo samoopredeleniya i lichnostnogo razvitiya shkol’nika [Integration of Formal and Non-Formal Education as a Mechanism for the Formation of Professional Self-Determination and Personal Development of the Student]. In: Gorskiy, V.A. (ed.) *Integratsiya formal’nogo i neformal’nogo obrazovaniya: metod. rekom.* [Integration of Formal and Non-Formal Education: Methodological Recommendations]. Moscow: Institute for Content and Teaching Methods of the Russian Academy of Education. pp. 26–45.
13. Gushina, T.N. et al. (2005) *Integratsiya dopolnitel’nogo i drugikh sfer obrazovaniya* [Integration of Supplementary and Other Spheres of Education]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.
14. Sidorov, D.G. (2013) *Pedagogicheskaya integratsiya formal’nogo, neformal’nogo i informal’nogo vidov obrazovaniya v protsesse formirovaniya zdorovogo obraza zhizni studentov* [Pedagogical Integration of Formal, Non-Formal and Informal Types of Education in the Formation a Healthy Lifestyle of Students]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. N. Novgorod.
15. Dubrovina, T.L. (2013) *Tekhnologiya organizatsii neformal’nogo obrazovaniya prepodavateley professional’nogo tsikla kolledzha* [Technology of the Organization of Non-Formal Education of Teachers of the Professional Cycle of the College]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Saint Petersburg.
16. Roytblat, O.V. (2012) Effektivnye organizatsionnye struktury upravleniya v osnove vklyucheniya neformal’nogo obrazovaniya v sistemu povysheniya kvalifikatsii [Effective Organizational Structures of Management in the Basis of the Inclusion of Non-Formal Education in the System of Advanced Training]. *Vestnik TOGIRRO*. 6 (24).
17. Kharchenko, L.N. (ed.) (2012) *Proektirovanie programmy neformal’nogo obrazovaniya i psikhologicheskoy podderzhki prepodavatelya v pervye gody raboty v vuze* [Designing a Program of Non-Formal Education and Psychological Support for the Professor in the First Years of Work at the University]. Stavropol: Stavropol’servisshkola.
18. Makarychev, D.V. (2006) Quality of Education as a Primary Factor of Competitiveness of Higher School. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk – Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 8 (4). pp. 973–977. (In Russian).
19. Adamskiy, A.I. (2009) *Chto takoe kachestvo obrazovaniya?* [What Is the Quality of Education?]. Moscow: Evrika.
20. Efremova, N.F. (2007) *Testovyy kontrol’ v obrazovanii* [Test Control in Education]. Moscow: Logos.
21. Lipkina, E.D. (2006) *Konkurentosposobnost’ vuzov na sovremennom rynke obrazovatel’nykh uslug* [Competitiveness of Universities in the Modern Market of Educational Services]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
22. Zaychikova, S.A. & Mayatskaya, I.N. (2006) *Strategiya marketinga vysshego uchebnogo zavedeniya v sisteme otkrytogo obrazovaniya* [Marketing Strategy of a Higher Education Institution in the Open Education System]. Moscow: Russian State Social University.
23. Polovova, T.A. & Batalova, O.S. (2009) Obrazovatel’naya usluga kak klyuchevoy element rynka obrazovaniya [Educational Service as a Key Element of the Education Market]. *Nauchnye zapiski NGUEU*. 2. [Online] Available from: http://nsuem.ru/science/publications/science_notes/2009_2/article.php?ELEMENT_ID=819. (Accessed: 10.06.19).
24. Batalova, O.S. (2011) [Specificity of Educational Services as the Basis of the University’s Marketing Policy]. *Aktual’nye voprosy ekonomiki i upravleniya* [Topical Issues of Economics and Management]. Proceedings of the International Conference. Moscow. April 2011. Vol. 2. Moscow: RIOR. pp. 7–12. (In Russian).

25. Strizhov, A.M. (1999) Ponyatie kachestva obrazovatel'noy uslugi v usloviyakh rynochnykh otnosheniy [The Concept of the Quality of Educational Services in the Context of Market Relations]. *Standarty i monitoring v obrazovanii*. 3. pp. 47–50.
26. Dzhaparova, R.N. (2005) Marketing uslug professional'nogo obrazovaniya [Marketing of Professional Education Services]. *Marketing*. 4. pp. 55–65.
27. Pugach, V.N. (2013) The quality of education, from classic notions to modern concepts. *Naukovedenie*. 3 (16). [Online] Available from: http://naukovedenie.ru/PDF/76evn313.pdf. (Accessed: 10.06.2019). (In Russian).
28. Mironov, M.G. (2006) *Upravlenie kachestvom* [Quality Management]. Moscow: TK Velbi; Prospekt.
29. Sukhorukova, N.G. (2007) Monitoring kak element sistemy menedzhmenta kachestva vuza: opyt, problemy, perspektivy [Monitoring as an Element of the University's Quality Management System: Experience, Problems, Prospects]. *Nauchnye zapiski NGUEU*. 2.
30. Shepetova, E.I. & Sokolova, E.L. (2010) Monitoring v upravlenii kachestvom obrazovaniya [Monitoring in Education Quality Management]. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavtiki*. 6. [Online] Available from: http://cyberleninka.ru/article/n/monitoring-v-upravleniikachestvom-obrazovaniya. (Accessed: 12.12.2018).
31. Borisova, I.I. & Livanova, E.Yu. (2014) Monitoring kak instrument garantii kachestva obrazovaniya i obespecheniya konkurentosposobnosti vuza [Monitoring as a Tool for Guaranteeing the Quality of Education and Ensuring the Competitiveness of the University]. *Vlast' – The Authority*. 2. [Online] Available from: http://cyberleninka.ru/article/n/monitoring-kak-instrument-garantii-kachestva-obrazovaniya-i-obespecheniya-konkurentosposobnosti-vuza. (Accessed: 12.12.2018).
32. Shalyugina, T.A. (2015) Otsenka effektivnosti upravleniya kachestvom obrazovatel'nykh uslug [Evaluation of the Effectiveness of Educational Services Quality Management]. *ISOM – Historical and Social-Educational Idea*. Appendix 2. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-upravleniya-kachestvom-obrazovatelnyh-uslug. (Accessed: 12.12.2018).
33. Demina, E.V. & Mikhaylova, E.N. (2016) Quality of Educational Services as an Indicator of Performance of Educational Results of Modern School. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin.* 8 (173). [Online] Available from: http://cyberleninka. ru/article/n/kachestvo-obrazovatelnyh-uslug-kak-pokazatelrezultativnosti-obrazovatelnoy-deyatelnosti-sovremennoyshkoly. (Accessed: 12.12.2018). (In Russian).
34. Fedoseeva, I.A. (2010) Professional Competence of a Teachers Under the Conditions of the Transition to Two-Level Educational System. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*. 1 (91). pp. 141–144. (In Russian).
35. Kharina, N.V. (2013) Professional Education in Russia: Problems and Solutions. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie – Pedagogical Review*. 1 (1). pp. 8–15. (In Russian).
36. Saytbagina, L.A. (2019) Implementation of an Integrative Developmental Approach in the Development of Research Activities of Master's Students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 442. pp. 180–188. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/442/22
37. Zaychenko, A.A. (2006) *Metodika soprepodavaniya yazyka i perevoda (programma "Perevodchik v sfere professional'noy kommunikatsii", angliyskiy yazyk)* [Methodology of Co-Teaching Language and Translation (Program "Translator in the Field of Professional Communication", English)]. Pedagogy Dr. Diss. Pyatigorsk.

Received: 18 February 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 205–213. DOI: 10.17223/15617793/457/24

УДК 796.035

В.Ф. Пешков

МЕТОДИКА ПРИМЕНЕНИЯ ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В СИСТЕМЕ ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ ЗАНЯТИЙ МУЖЧИН 65–69-ЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА

Обоснована и разработана методика применения восстановительных средств в системе физкультурно-оздоровительных занятий преимущественно силовой направленности мужчин 65–69-летнего возраста, которая включает следующие компоненты: комплекс средств восстановления; содержание средств; параметры воздействия; планирование средств восстановления в системе физкультурно-оздоровительных занятий. Доказана эффективность разработанной методики.

Ключевые слова: методика; восстановительные средства; физкультурно-оздоровительные занятия; мужчины пожилого возраста; процесс старения.

Актуальность проблемы разработки методики применения восстановительных средств в системе физкультурно-оздоровительных занятий мужчин 65–69-летнего возраста автором обосновывается социальными, научно-методическим и образовательными аспектами:

1. Государство заинтересовано в здоровом трудоспособном населении, в увеличении сроков трудового долголетия людей пожилого возраста, о чем свидетельствует проведенная реформа, повысившая возраст выхода на пенсию мужчин до 65 лет и женщин до 60 лет. Это требует от пожилых людей сохранения физического, физиологического, психологического здоровья, должной физической и умственной работоспособности, проявления физических качеств.

2. Все больше в геронтологической науке, в физиологии и медицине формируется позиция, объясняющая старение организма как сложную многофакторную болезнь, имеющую в своей основе генетические причины и в целом комплекс причин на разных уровнях организации организма пожилых людей в отличие от традиционной позиции, объясняющей старение как естественный биологический процесс. В нашей стране, странах Европы, США и Японии были проведены исследования, доказывающие гипотезу об общности генетических процессов старения и возрастных болезней на генном, иммунном уровнях, разрабатываются лекарства и антивозрастные процедуры для лечения старения. Именно старение организма, ухудшение функциональных характеристик и показателей органов и систем, является главным фактором проявления и развития различных возрастных болезней [1]. Данные исследований позволяют прогнозировать, что замедление процессов старения будет способствовать уменьшению вероятности развития возрастзависимых болезней [1]. Проведенные исследования в области физкультурно-оздоровительной практики доказывают определенную эффективность средств, методик физической культуры в решении задач лечения, профилактики и оздоровления при заболеваниях опорно-двигательного аппарата, нервно-мышечной системы [2–5], сердечно-сосудистой системы [5–8], желудочно-кишечного тракта [1, 9].

3. В организме пожилых людей происходят инволюционные процессы, снижающие важные физиологические показатели основного обмена веществ, сердечно-сосудистых реакций, толерантности к глюкозе, антиоксидантной активности и др. Эти отрицательные процессы являются причиной возрастзависимых заболеваний сердечно-сосудистой системы (ишемия, инфаркт, артериосклероз, гипертония), опорно-двигательного аппарата (остеоартроз, остеохондроз, остеопороз, пояснично-крестцовый синдром), периферического звена нервно-мышечной системы (дистрофия мышц, миалгия, миозит), эндокринной системы (диабет), желудочно-кишечного тракта (рак толстой кишки, желудка) [1–5, 9].

4. В пожилом возрасте процесс старения характеризуется снижением проявления всех физических качеств: динамической и статической силы, силовой выносливости, координационных способностей, гибкости, быстроты; психомоторных функций (двигательных реакций), умственной и физической работоспособности, что ведет к снижению социальной активности, социальной дезадаптации, качества профессиональной и бытовой деятельности, позитивного отношения к жизни, повышению факторов риска травматизма опорно-двигательного аппарата [1, 5, 6, 8, 10].

5. Общепринятым в научно-практическом смысле считается положение о важности общего оздоровления, профилактики и лечения болезней людей пожилого возраста средствами физической культуры [1–3, 5, 10]. Однако, как показывает анализ научной и методической литературы, практики физической культуры, недостаточно исследованы проблема целесообразного применения средств различной направленности, сочетание этих средств, их планирование в малых, средних и больших циклах процесса физкультурно-оздоровительных занятий 65–69-летней возрастной группы мужчин, обеспечивающих сохранение и увеличение у них потенциала комплекса физических качеств, физической работоспособности, потребности в занятиях физической культурой на основе повышения функциональных возможностей органов и систем организма и, следовательно, на основе активизации процессов антистарения организма.

6. Рассматривая с позиции дуалистического подхода изучаемые автором факторы: физические качества, физическую работоспособность, с одной стороны, и физиологическое состояния организма, процессы старения мужчин 65–69 лет – с другой, очевидна

функциональная связь между ними, оказывающая воздействие друг на друга, имеющая взаимную зависимость. Эта функциональная связь усиливается при определенных условиях. В частности, для активизации всех видов обмена веществ как важного механизма противостояния процессам старения и прежде всего синтеза белка [1, 9], обеспечивающего сохранение и рост мышечной массы, требуются достаточно высокие, т.е. развивающие, физические нагрузки и в первую очередь – силовые нагрузки [5, 11–13].

В пожилом возрасте синтез белка замедляется, мышечная масса уменьшается, силовые и другие физические качества, физическая работоспособность снижаются, значит, потребность в активизации синтеза белка возрастает [1, 5, 9, 12, 13]. Из средств физической культуры это можно сделать выполнением комплексов силовых упражнений с последовательным увеличением развивающих и поддерживающих нагрузок [5, 12, 13]. Применение силовых упражнений в развивающем режиме приводит к состоянию утомления, перенапряжения, травмам и хроническим заболеваниям мышц, связочно-суставного аппарата, т.е. к развитию инволюционных процессов [2–5, 12, 13]. По мнению автора, для устранения этих отрицательных последствий упражнений силовой направленности на организм мужчин пожилого возраста следует использовать восстановительные средства, методика применения которых не разработана. На факультетах физической культуры и спорта методика применения восстановительных средств в системе физкультурно-оздоровительных занятий людей пожилого возраста не изучается.

Важным направлением профессиональной подготовки бакалавриата и магистратуры на факультетах физической культуры и спорта является восстановительно-профилактическая, содержание которой представлено в отдельных традиционных учебных дисциплинах («Спортивная медицина», «Фармакология спорта», «Теория и методика физической культуры и спорта»). Так, в рамках дисциплины «Спортивная медицина» дан учебный материал по медико-биологическим средствам восстановления, представляющий только характеристику механизмов влияния на организм, параметры их применения. В профилирующей дисциплине «Теория и методика физической культуры и спорта» в отдельных разделах только констатируется важность применения восстановительных средств в спорте, физической культуре, дается их перечень, но нет самого важного – учебного материала по методикам применения средств восстановления в спорте и оздоровительной физической культуре. На факультете физической культуры и спорта Томского государственного педагогического университета преподаются разработанные учебные дисциплины «Теория и методика восстановительно-профилактических средств» [14], «Восстановительно-профилактическая деятельность в физической культуре» [15]. В содержании данных дисциплин раскрыты теоретические и методические аспекты применения средств восстановления в спорте на этапах многолетней спортивной подготовки, в процесс физкультурно-оздоровительных занятий школьников, учащейся молодежи, людей зрелого возраста, занятых различным по характеру трудом.

Анализ научно-методической литературы свидетельствует о том, что отсутствуют исследования по теоретическому обоснованию и разработке методики применения восстановительных средств в системе физкультурно-оздоровительных занятий мужчин 65–69-летнего возраста. Недостаточно научных данных по содержанию методик проведения физкультурно-оздоровительных занятий преимущественно силовой направленности у мужчин представленной возрастной группы, о результатах влияния этих занятий на динамику проявления силовых способностей, функциональное состояние, физическую работоспособность, о трансформации этих эффектов на процессы старения, продление жизни, активное творческое долголетие.

В содержании учебных дисциплин, преподаваемых на факультете физической культуры, нет учебной темы по применению в практической работе специалистов физической культуры методики восстановительных средств в системе физкультурно-оздоровительных занятий людей 65–69-летнего возраста.

Цель нашего исследования – обосновать, разработать и апробировать в процессе педагогического эксперимента эффективность методики применения восстановительных средств в системе физкультурно-оздоровительных занятий преимущественно силовой направленности мужчин 65–69-летнего возраста; внедрить разработанную методику в содержание дисциплин восстановительно-профилактического характера.

Опытно-экспериментальная работа осуществлялась в оздоровительном центре «Томск-клуб» города Томска в течение 8 месячных циклов с апреля по ноябрь 2019 г. В эксперименте приняли участие мужчины 65–69 лет, находящиеся на пенсии, но работающие в сфере образования, государственной службы, производства, бизнеса. Были созданы две группы (экспериментальная и контрольная, по 10 человек в каждой), в которых содержание элементов методики физкультурно-оздоровительных занятий было одинаковым. В систему физкультурно-оздоровительных занятий экспериментальной группы была внедрена разработанная методика применения средств восстановления.

В работе использованы следующие методы исследования. Теоретические методы: анализ литературы в области восстановительных и профилактических средств в спортивной педагогике, физической культуре, медицине, систематизация научных подходов, знаний, фактов, их сравнение и сопоставление, обобщение научных материалов собственных исследований. Эмпирические методы: педагогическое наблюдение за процессом оздоровительной физической культуры, учет пропусков занятий по двум группам причинных факторов; беседы, диалоги; тестирование проявления физических качеств; оценка физической работоспособности и восстановительных реакций организма по пробе Руфье [8], мотивационных побуждений к физкультурно-оздоровительным занятиям; педагогический эксперимент. Методы количественной обработки экспериментальных данных исследования: математической статистики. Для уста-

новления достоверности различий результатов тестирования в экспериментальной и контрольной группах применялся критерий Стьюдента. Нормальность распределения вариационных рядов определялась W-критерием Шапиро и Уилком. Во всех тестах, оценивающих проявления физических качеств у мужчин экспериментальной и контрольной групп, установлено достоверное нормальное распределение ($p < 0,05$) в границах W-критерия: 0,844–1,551.

Для обоснования, разработки и внедрения методики применения восстановительных средств у мужчин 65–69-летнего возраста создана методика физкультурно-оздоровительных занятий преимущественно силовой направленности.

Создание методики занятий осуществлялось на основе учета:

1) протекающих процессов старения в организме мужчин 65–69-летнего возраста, их физических и функциональных возможностей: снижение общей мышечной силы, силовой выносливости, следовательно, уменьшение эффективности выполнения мышцами функций мышечного насоса, продвигающего венозную кровь к сердцу, предотвращая предрасположенность к таким заболеваниям как варикозное расширение вен, тромбофлебит; снижение общей физической работоспособности как следствие уменьшения возможностей сердечно-сосудистой системы – сократительной способности миокарда, эластичности артериальных и венозных сосудов, выступающих факторами развития характерных для пожилых людей болезней – гипертонии, гипотонии; ухудшение опорной, амортизационной, защитной, двигательной функций позвоночника, что повышает риск развития таких заболеваний как остеохондроз, старческий кифоз; накопление жировой ткани в абдоминальной области, приводящее к ухудшению работы желудочно-кишечного тракта, органов детоксикации, нарушению осанки [1, 6, 8, 9];

2) научного подхода автора к преимущественной направленности физкультурно-оздоровительных занятий мужчин 65–69-летнего возраста на развитие динамической силы, силовой выносливости и общей физической работоспособности как интегральных показателей состояния опорно-двигательного аппарата, нервно-мышечной и сердечно-сосудистой систем, которые, в свою очередь, являются индикаторами состояния процессов старения пожилых мужчин;

3) положительного и отрицательного специфического влияния физических упражнений, развивающих силу и силовую выносливость, общую физическую работоспособность на нервно-мышечную систему, связочно-суставной аппарат, сердечно-сосудистую систему [2, 5, 12, 15, 17];

4) индивидуальных особенностей мужчин экспериментальной группы, связанных с имеющимися заболеваниями, лечением в медицинских учреждениях различного профиля, личным желанием устранения проблем физической подготовки.

Методика физкультурно-оздоровительных занятий включает в себя следующие элементы: виды и направленность физических упражнений; параметры нагрузки; планирование физических упражнений в структуре занятий; методы, направленные на развитие физических качеств.

Физкультурно-оздоровительные занятия преимущественной силовой направленности проводились 2–3 раза в недельном цикле в течение восьми месячных циклов, в июне преимущественно включали бег, в июле – плавание в открытом водоеме развивающего и поддерживающего характера.

I. Подготовительная часть – 15–20 минут.

Виды физических упражнений: виды ходьбы, бега, прыжковых, общеразвивающих упражнений без предметов и с предметами – гимнастической палкой, мини-гантелями; упражнения на увеличение динамической гибкости в суставах.

Направленность физических упражнений: функциональная подготовка сердечно-сосудистой системы, периферического звена мышечной системы, связочно-суставного аппарата.

Параметры нагрузки: объем нагрузки во времени – 15–20 минут, интенсивность – 100–130 уд./мин; темп выполнения упражнений – средний и медленный, амплитуда движений – в границах анатомических возможностей связочно-суставного аппарата.

Методы: стандартно-интервального и переменно-интервального упражнения.

II. Основная часть – 60–65 минут.

Виды физических упражнений; последовательность выполнения упражнений:

1. Упражнения для прямых и косых мышц брюшного пресса из исходных положений: лежа на спине, руки вверх; лежа на спине, ноги согнуты в коленях, руки за головой; лежа на правом, левом боку; упор сидя; из виса на перекладине; из упора на брусьях.

2. Упражнения для мышц шеи, спины, позвоночника из исходных положений: лежа лицом вниз на матах, гимнастической скамейке, руки вверх, за головой; лежа, прогнувшись, руки вверх, в стороны; лежа на подушке тренажера лицом вниз, голеностопы зафиксированы; упор присев на коленях и руках.

3. Упражнения для мышц таза, промежности, внутренней поверхности бедра из исходных положений: лежа на спине, ноги согнуты в коленях, руки на коленях; на тренажере leg Magig – основная стойка, руки за спину – ноги врозь.

4. Упражнения волнообразного типа для нормализации тонуса мышц спины, ног из исходного положения: основная стойка; ноги врозь; упор, стоя на коленях и руках.

5. Упражнения восстановительного характера из исходного положения, стоя на лопатках.

6. Упражнения на развитие гибкости, увеличение эластичности мышц и связочно-суставного аппарата плечевых и локтевых суставов.

7. Упражнение в подтягивании разными хватами из виса на высокой перекладине и виса, лежа на низкой перекладине.

8. Упражнение для сгибателей и разгибателей рук, плечевого пояса из исходного положения: упор, лежа на полу; упор на брусьях.

9. Упражнения для разгибателей спины на тренажере.

10. Упражнения для разгибателей и сгибателей бедра и голени на тренажере.

Направленность физических упражнений: развитие собственно силы, силовой выносливости, физической работоспособности, устранение жирового слоя в абдоминальной области, оптимизация работы желудочно-кишечного тракта, органов детоксикации; профилактика аденомы простаты, заболеваний позвоночника, сердечно-сосудистой системы.

Параметры нагрузки: объем нагрузки во времени – 60–65 минут. Интенсивность 140–160 уд./мин, темп выполнения – средний и медленный без использования силы инерции, амплитуда движений – в параметрах правильной техники выполнения упражнений. Количество упражнений – 12–18 по 2–3 подхода, 4–10 повторений в зависимости от подготовленности занимающихся и энергетической стоимости упражнений, между подходами – компенсационный интервал отдыха.

Методы развития физических качеств: повторный с применением около предельных и максимальных динамических усилий; изометрических усилий.

III. Заключительная часть – 10–15 минут.

Виды физических упражнений: упражнения восстановительной направленности – суставной гимнастики; релаксационных упражнений; гравитационные упражнения на инверсионном столе.

Физиологическая направленность физических упражнений восстановительного характера: стимуляция постнагрузочных восстановительных реакций организма; уменьшение проявления болей в мышцах; околосуставных тканях; нормализация механизмов кровообращения; оптимизация состояния психоэмоциональной сферы; формирования мотивации на продолжение физкультурно-оздоровительных занятий.

Параметры нагрузки: объем нагрузки во времени – 10–15 минут, интенсивность нагрузки – 80–120 уд./мин, темп выполнения упражнений медленный и средний, амплитуда движений в параметрах эффективного выполнения упражнений, между подходами – компенсационный интервал отдыха.

Методы: стандартно-непрерывного, стандартно-интервального и переменно-интервального упражнения.

Выбор упражнений, последовательность их выполнения, исходных положений, техники выполнения определялись с учетом возрастных особенностей мужчин 65–69-летнего возраста, важности минимизации отрицательных эффектов выбранных упражнений, имеющихся противоречивых рекомендаций медицинских работников и специалистов оздоровительной физической культуры по таким важным методическим позициям, как выбор исходных положений и методик развития физических качеств.

Так, М.В. Девятов (2001) рекомендует ограничивать выполнение силовых упражнений для мышц брюшного пресса из положения лежа на спине методом динамических усилий, ссылаясь на их большую биомеханическую величину воздействия на мышцы пояснично-крестцовой области, что может спровоцировать боли в этом отделе позвоночника. И.А. Борщенко (2011) считает, что упражнения для мышц брюшного пресса наиболее эффективны из исходных положений лежа на спине, лицом вниз, упоре сидя, выполняемые методами изометрических и динамических усилий. Эти упражнения, по его мнению, наиболее эффективны для усиления функций позвоночника. М. Велла (2006) утверждает, что эффективность развития силы мышц брюшного пресса из положения сидя и лежа на спине и исключение травматизма мышц спины и в первую очередь мышц и связок пояснично-крестцового отдела определяет правильная техника выполнения силовых упражнений.

Для минимизации травматизма пояснично-крестцового отдела при выполнении поднимания туловища в положении сидя из исходного положения, лежа на спине упражнения выполнялись с согнутыми ногами, стопы на опоре. Это объясняется тем, что мышцы брюшного пресса несут основную нагрузку при поднимании туловища до угла 45 градусов, а затем поднимание туловища еще на 45 градусов выполняют сгибатели бедра, неся основную нагрузку и снимая травмоопасную нагрузку с пояснично-крестцового отдела. Упражнения в поднимании ног из исходного положения лежа на спине выполнялись подъемом ног от пола не менее 45 градусов (Шарпи Д., 1991).

Для контрольной группы основы методики проведения физкультурно-оздоровительных занятий такие же, как в экспериментальной группе за исключением применения комплексов упражнений восстановительной и профилактической направленности: на развитие подвижности в суставах в конце подготовительной части, перед выполнением силовых упражнений в основной части; упражнения на гравитационном тренажере в заключительной части занятий; упражнения суставной гимнастики в заключительной части занятий. После физкультурно-оздоровительных занятий в недельных циклах не применяли стол-массажер Нуга-Бест, инфракрасную сауну, гидратацию, сбалансированное питание.

Учитывая факт замедления окислительно-восстановительной реакций у мужчин пожилого возраста и особенно в постнагрузочный период, а также высокую нагрузочную стоимость силовых упражнений и упражнений на силовую выносливость, в системе физкультурно-оздоровительных занятий была разработана и внедрена методика применения восстановительных средств.

Методика разработана на основе учета:

1) процессов старения, проходящих в организме пожилых мужчин, функционального состояния органов и систем организма, уровня развития силы, силовой выносливости, общей физической работоспособности [1, 6, 8–10, 12];

2) физиологических восстановительных эффектов на функциональные системы и органы, педагогических восстановительных эффектов на восстановление физической работоспособности, на проявления силы и силовой выносливости, проявляемых при применении выбранных восстановительных средств [17–19];

3) положительных и отрицательных нагрузочных и постнагрузочных эффектов на организм мужчин 65–69-летнего возраста силовых упражнений и динамических и статистических упражнений на силовую выносливость [12, 13];

4) реализуемых в физической культуре и спорте принципов применения восстановительных средств: принципа формирования физического, психологического, социального здоровья, приоритета применения педагогических средств восстановления, комплексного применения средств восстановления; первоочередного устранения состояния утомления в органах и функциональных системах, лимитирующих работоспособность занимающихся [18, 19].

В табл. 1 представлена разработанная методика применения восстановительных средств в системе физкультурно-оздоровительных занятий мужчин пожилого возраста. Методика включает компоненты: средства восстановления; содержание средств; параметры дозировки воздействия; физиологические восстановительные эффекты; планирование восстановительных средств во время и после физкультурно-оздоровительных занятий.

В табл. 2, 3, 4 представлены результаты показателей, оценивающие эффективность разработанной методики применения восстановительных средств.

Таблица 1

Методика применения восстановительных средств в системе физкультурно-оздоровительных занятий мужчин 65–69-летнего возраста

№ п/п	Средства восстановления, содержание средств	Параметры дозировки воздействия	Физиологические восстановительные эффекты. Планирование восстановительных средств в системе физкультурно-оздоровительных занятий
1	2	3	4
1	Рациональное питание. Сбалансированное питание по соотношению белков, жиров, углеводов: 15–30–55%	Четырехразовое питание в день общей калорийностью 2 500–3 000 ккал	Завтрак, обед, полдник, ужин. Восстановление энергетического и пластического обмена веществ
2	Регидратация. Прием качественной воды до, во время и после физкультурно-оздоровительных занятий	150–200 мл	За 30 мин до начала оздоровительных занятий
		100–150 мл	Во второй половине занятий
		150–200 мл	В течение 5–10 мин после окончания занятий. Нормализация водного баланса в организме, мобилизация механизмов энергообеспечения, ускорение процессов постнагрузочной детоксикации за счет усиления функций мочевыделения и нормализация стула
3	Упражнения на развитие гибкости в суставах. Комплексы упражнений активного и пассивного характера для развития гибкости в плечевых, тазобедренных, коленных, голеностопных суставах, позвоночника, обеспечивающих повышение работоспособности. Соотношение упражнений: 40% – активные; 40% – пассивные; 20% – статические	Три-четыре упражнения в комплексе	В конце подготовительной части. В основной части перед выполнением силовых упражнений, упражнений на силовую выносливость на высокой перекладине и параллельных брусьях. Интенсификация восстановительных процессов в организме, функциональная подготовка мышц, суставов и околосуставных тканей к нагрузкам силового характера, активизация процессов кровообращения и обмена веществ, профилактика травматизма на основе повышения эластичности мышц, связок и сухожилий
4	Суставная гимнастика. Комплекс упражнений сочетанного характера: вращение в суставах в сочетании с волнообразными движениями руками, туловищем, ногами	Три-четыре упражнения в комплексе	В начале заключительной части занятия. Активизация восстановительных процессов в организме через усиление кровообращения в мышцах и околосуставных тканях, уменьшение болевых реакций в мышцах, суставах и околосуставных тканях
5	Упражнения по методу гравитационной тракции. Упражнения на гравитационном столе в положении вниз лицом. Угол наклона плоскости – 135–180°	Длительность гравитационной тракции 30–90 с	В середине заключительной части занятия. Активизация восстановительных процессов, рефлекторных реакций, сосудистых реакций в артериальных сосудах эластичного типа (восходящая и нисходящая аорты) и мышечного типа (сосуды верхних и нижних конечностей), в черепно-мозговых артериях, в венозных сосудах, являющихся профилактикой артрозов и варикозов, гипертонии. Коррекция осанки. Восстановление опорной, амортизационной и двигательной функций позвоночника, мышц туловища. Оптимизация компенсаторных механизмов в тканях позвоночника, межпозвоночных суставов
6	Релаксационные упражнения. Комплексы упражнений потряхивающе-вибрационного характера верхними и нижними конечностями в положении стоя, лежа на спине	Три-четыре упражнения в комплексе	В конце заключительной части занятия. Активизация восстановительных процессов, оптимизация межмышечной координации, процессов, обеспечивающих сокращение и расслабление мышц, что обеспечивает нормализацию тонуса мышц, улучшение кровообращения и микроциркуляцию в них

1	2	3	4
7	Механический массаж на столе-массажере Нуга-Бест. Механический восстановительно-профилактический массаж позвоночника с применением специально движущейся каретки из нагревающего нефрита от крестца до верхних шейных позвонков	Длительность массажа 20–30 мин. Температура нагрева нефрита 40–50°	Два раза в неделю: в начале и середине недели. В дни без оздоровительных занятий или через 20–30 мин после занятия. Стимуляция рефлекторной реакции, восстановление общей и локальной работоспособности, активизация функционирования опорно-двигательного аппарата, профилактика заболеваний позвоночника, нервно-мышечной системы
8	Инфракрасная сауна в сочетании с регидратацией и душем. Процедура на основе получения инфракрасного излучения, обеспечивающего прогрев тела до глубины 4 см. Во время процедуры – питье воды. После процедуры – прием душа	Длительность процедуры 30 мин. Температура 70–80°. Прием воды в объеме 300–400 мл. Температура душа 36–38°	Один раз в конце недели, не менее чем через 4 ч после занятий. Прием воды во время и после процедуры. После окончания пропотевания – теплый душ. Восстановление общей и локальной работоспособности. Оптимизация функционирования сердечно-сосудистой, иммунной и нервно-мышечной систем. Активизация процессов детоксикации, позволяющих интенсивно выводить продукты распада, накопившиеся в процессе физкультурно-оздоровительных занятий и в результате инволюционных процессов старения. Профилактика заболеваний опорно-двигательного аппарата

Таблица 2

Показатели проявления силы и силовой выносливости мужчин 65–69-летнего возраста до и после эксперимента

№ п/п	Показатель	Экспериментальная группа			Контрольная группа		
		До M ± m	t, p	После M ± m	До M ± m	t, p	После M ± m
1	Подтягивание на высокой перекладине, раз	3 ± 0,65	t = 2,99 p < 0,01	6 ± 0,76	4 ± 0,87	t = 0,96 p > 0,05	5 ± 0,57
2	Сгибание-разгибание рук в упоре лежа, раз	7 ± 0,79	t = 3,95 p < 0,001	13 ± 1,30	7 ± 0,68	t = 2,02 p > 0,05	10 ± 1,32
3	Одновременное поднимание туловища и ног из положения лежа на спине, руки вверх, раз	13 ± 1,17	t = 3,97 p < 0,001	22 ± 1,95	11 ± 1,29	t = 2,59 p < 0,05	16 ± 1,44
4	Приседание из основной стойки, раз	36 ± 1,20	t = 3,37 p < 0,01	42 ± 1,31	34 ± 1,38	t = 1,98 p > 0,05	38 ± 1,48

Из табл. 2 видно, что в экспериментальной группе прирост показателей произошел во всех четырех тестах при уровне значимости $p < 0,01$ и $p < 0,001$. В контрольной группе достоверный прирост показателей наблюдался только в одном тесте – одновременное поднимание туловища и ног из исходного положения лежа на спине, руки вверх при уровне значимости $p < 0,05$. В тестах сгибание и разгибание рук в упоре лежа и приседании из основной стойки имеется тенденция к достоверному повышению результатов. Динамика результатов показывает, что внедрение разработанной методики применения восстановительных средств обеспечивает у мужчин 65–69 лет экспериментальной группы повышение эффективности механизмов восстановительных процессов, которые активизируют адаптационные реакции организма, содействующие приросту собственно силового компонента и силовой выносливости.

Рост максимальной динамической силы происходит за счет совершенствования механизмов внутримышечных и межмышечных координаций, включающих в работу резервные мышечные волокна, увеличивая мощность креатинфосфатного и гликолитических механизмов энергообеспечения [11].

Развитие динамической силовой выносливости осуществляется за счет совершенствования механизмов анаэробного обеспечения при умеренном включении гликолитических механизмов в энергообеспечение [11].

В мышечной системе под воздействием силовой нагрузки и нагрузки на силовую выносливость происходит повышение возможностей нервной стимуляции мышц, обеспечивающее синхронизацию большого количества двигательных единиц, увеличение размеров и, прежде всего, объема быстрых мышечных волокон и других типов мышечных волокон за счет роста площади поперечного сечения мышечных волокон, гликолитических способностей, роста количества капилляров на одно мышечное волокно и в целом увеличение капилляризации мышц. Это приводит к возрастанию емкости капиллярного русла и, следовательно, к ускорению доставки кислорода, питательных веществ к мышцам, улучшению артерио-венозной разницы, выведению остаточных продуктов метаболизма [11].

Эти морфофизиологические эффекты, происходящие в организме под воздействием собственно-силовых нагрузок и на силовую выносливость, позволяют констатировать, что в организме пожилых людей экспериментальной группы в возрасте 65–69 лет произошли позитивные реакции нейтрализации инволюционных процессов старения, таких как снижение объема мышечной массы и силовых способностей.

Таблица 3

Показатели пробы Руфье мужчин 65–69-летнего возраста до и после эксперимента

№ п/п	Тест	Экспериментальная группа			Контрольная группа		
		До M ± m	t, p	После M ± m	До M ± m	t, p	После M ± m
1	Проба Руфье	7,9 ± 0,65	t = 3,50 p < 0,01	5,1 ± 0,46	8,2 ± 0,58	t = 0,79 p > 0,05	7,5 ± 0,54

Данные табл. 3 показывают достоверное понижение индекса Руфье, соответствующее нижней границе хорошего уровня у мужчин экспериментальной группы. У мужчин контрольной группы индекс Руфье понизился недостоверно, достигнув соответствия верхней границы хорошего уровня. Полученные результаты позволяют утверждать, что разработанная методика применения восстановительных средств, внедренная в экспериментальной группе, содействует повышению общей физической работоспособности, активизации восстановительных реакций, повышению функциональных резервов сердечно-сосудистой системы мужчин 65–69-летнего возраста. Это указывает на замедление отрицательных процессов старения у мужчин экспериментальной группы.

С позиции автора, важными показателями оценки эффективности разработанной методики применения восстановительных средств являются общее количество пропусков занятий, количество пропусков по причине состояния утомления, психоэмоционального напряжения, болей в мышцах и суставах, травм и количество пропусков по причинам, связанным с личностными и профессиональными факторами – семейными, трудовыми обязанностями, обстоятельствами за период педагогического эксперимента.

Таблица 4

Количество пропусков физкультурно-оздоровительных занятий мужчин 65–69-летнего возраста по причине различных факторов

Планируемое количество занятий в период эксперимента	Количество пропущенных занятий, %					
	Экспериментальная группа			Контрольная группа		
	Общее количество пропусков одним занимающимся	Факторы: личностные и профессиональные	Факторы: утомление, травмы, психоэмоциональное напряжение	Общее количество пропусков одним занимающимся	Факторы: личностные и профессиональные	Факторы: утомление, травмы, психоэмоциональное напряжение
105	9,2/8,8	4,3/4,1	4,9/4,7	16,8/16,0	5,0/4,8	11,8/11,2

Данные табл. 4 показывают, что в экспериментальной группе в среднем одним занимающимся пропущено 9,2 занятия, что составляет 8,8% от 105 запланированных занятий, тогда как в контрольной группе – 16,8 пропусков – 16%, при этом в экспериментальной группе количество пропусков по причине имеющихся состояний острого утомления, психоэмоционального напряжения, болей в мышцах, травм равно 4,9–4,1%, а в контрольной группе 11,8 пропусков – 11,2%, что больше, чем в экспериментальной. Полученные результаты подтверждают эффективность разработанной методики восстановительных средств и необходимость ее применения в системе физкультурно-оздоровительных занятий преимущественно силовой направленности мужчин 65–69 лет. Процесс восстановления организма после нагрузок физкультурно-оздоровительных занятий проходит активно, оптимизируются процессы жизнеобеспечения и функционирования организма мужчин 65–69-летнего возраста, обеспечивая адекватную адаптацию к физкультурно-оздоровительным нагрузкам, активизацию процессов функционального восстановления организма в целом, локального восстановления периферического звена мышечной системы, связочно-суставного аппарата, психоэмоциональной сферы, процессов минимизации травматизма опорно-двигательного аппарата.

В логике исследования стоит отметить относительно невысокий процент пропусков занятий по личным и профессиональным факторам, связанным с семейными и трудовыми обязанностями и обстоятельствами. Это указывает на положительную динамику формирования мотивации к систематическим физкультурно-оздоровительным занятиям, проявляемым в выраженной их значимости в ряду важных каждодневных видов семейной и профессиональной деятельности и обязанностей. В экспериментальной группе количество пропусков по этим причинным факторам меньше и составляет 4,3 пропуска – 4,1%, в сравнении с количеством пропусков в контрольной группе – 5,1–4,8. Результаты показывают более выраженное мотивационное побуждение мужчин экспериментальной группы к систематическим физкультурно-оздоровительным занятиям в сочетании с комплексом восстановительных средств по сравнению с мужчинами контрольной группы.

Проведенное исследование позволило получить следующие результаты:

1. Обоснованы при помощи анализа социальных, научно-методических, образовательных аспектов физической культуры: целесообразность внедрения восстановительных средств в систему физкультурно-оздоровительных занятий мужчин 65–69-летнего возраста; научные и методические подходы к разработке

методики применения восстановительных средств мужчин 65–69-летнего возраста.

2. Разработана методика применения восстановительных средств в системе физкультурно-оздоровительных занятий мужчин 65–69-летнего возраста преимущественно силовой направленности, включающая следующие компоненты: средства восстановления; содержание средств; параметры воздействия; физиологические эффекты средств восстановления; планирование восстановительных средств в структуре физкультурно-оздоровительных занятий. Методика внедрена в физкультурно-оздоровительном центре «Томск-клуб» г. Томска.

3. Создана методика физкультурно-оздоровительных занятий мужчин 65–69-летнего возраста, преимущественно направленная на развитие собственно силы и силовой выносливости, в структуру которой входят компоненты: средства – физические упражнения; содержание физических упражнений; методы развития физических качеств; дозировка нагрузки.

4. В ходе педагогического эксперимента доказана эффективность разработанной методики применения восстановительных средств в системе физкультурно-оздоровительных занятий мужчин 65–69-летнего возраста по показателям оценки проявления: собственно силы; силовой выносливости; общей физической работоспособности; сформированности мотивационных установок на комплексные физкультурно-оздоровительные занятия, включающие физические упражнения преимущественно силовой направленности и методику применения восстановительных средств.

5. Разработанная методика применения восстановительных средств в системе физкультурно-оздоровительных занятий мужчин пожилого возраста внедрена в содержание учебных дисциплин «Теория и методика восстановительно-профилактических средств» и «Восстановительно-профилактическая деятельность в физической культуре», преподаваемых на факультете физической культуры и спорта Томского государственного педагогического университета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Москалев А.А. Энциклопедия долгой и здоровой жизни. М. : ЭКСМО, 2019. 464 с.
2. Борщенко И.А. Система «Умный позвоночник». М. : Эксмо, 2011. 256 с.
3. Девятова М.В. Лечебная гимнастика при поясничном остеохондрозе. СПб. : Лениздат; Союз, 2001. 189 с., ил.
4. Шарпин Д. Влияние некоторых физических упражнений на поясничную область спины // Профилактика заболеваний средствами физической культуры и спорта: зарубежный опыт : сб. науч. тр. М., 1991. С. 36–42.
5. Бубновский С.М. Здоровые сосуды или зачем человеку мышцы. 2-е изд. М. : ЭКСМО, 2019. 192 с., ил.
6. Галямов Г.Я., Мендот Э.Э., Мендот Э.В. Влияние занятий физической культуры на функциональное состояние лиц пожилого возраста // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. 2015. № 4 (27). С. 188–192.
7. Мильнер Е. Ходьба вместо лекарств. М. : Астрель; АСТ; Полиграфиздат, 2012. 247 с.
8. Пирогова Е.А., Иващенко Л.Я., Страпко Н.П. Влияние физических упражнений на работоспособность и здоровье человека. Киев : Здоровье, 1986. 152 с.
9. Шевченко В.П. Диета долгожителя. Питаемся правильно. Специальное меню на каждый день. Советы и секреты долгой и здоровой жизни. М. : Центрполиграф, 2016. 447 с.
10. Царик А.В. Некоторые аспекты стратегий активного долголетия // Теория и практика физической культуры. 2002. № 4. С. 40–43.
11. Платонов В.Н. Двигательные качества и физическая подготовка спортсменов. М. : Спорт, 2019. 656 с., ил.
12. Кузьмин С.В. Содержание и методика оздоровительных занятий силовой направленности для мужчин пожилого возраста : автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 1991. 23 с.
13. Петров В.К. Атлетическая гимнастика для пожилых : метод. рекомендации. М. : Советский спорт, 2001. 40 с.
14. Пешков В.Ф. Рабочая программа учебной дисциплины «Теория и методика восстановительно-профилактических средств» по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование». Томск : ТГПУ, 2016. 10 с.
15. Пешков В.Ф. Рабочая программа учебной дисциплины «Восстановительно-профилактическая деятельность в физической культуре» по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование». Томск : ТГПУ, 2018. 12 с.
16. Велла М. Атлас анатомии для силовых упражнений и фитнесса : пер. с анг. М. : АСТ; Астрель, 2007. 144 с., ил.
17. Пешков В.Ф. Восстановительные средства в профессиональной деятельности педагогов по физической культуре и спорту. Томск : Изд-во Том.ун-та, 2000. 196 с.
18. Макарова Г.А. Оптимизация постнагрузочного восстановления спортсменов: Методология и частные технологии. М. : Спорт, 2017. 160 с.
19. Пешков В.Ф. Обоснование темы «Планирование средств восстановления в спорте» дисциплина «Теория и методика восстановительных средств» // Вестник Томского университета (TPU Bulletin). 2019. № 441. С. 213–219.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 17 мая 2020 г.

A Methodology for the Use of Recovery Exercises in the System of Health-Improving Physical Training Sessions for Men Aged 65 to 69

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 205–213.
DOI: 10.17223/15617793/457/24

Vladimir F. Peshkov, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: peshkov@sibmail.com

Keywords: methodology; recovery exercises; health-improving physical training sessions; elderly men; ageing processes.

Based on the analysis of social, scientific methodological and educational aspects of recovery physical training, the author justifies the current interest in the elaboration of a methodology for the application of recovery exercises in the system of health-improving physical training for men aged 65 to 69. The aim of the article is to justify, elaborate and test in a pedagogical experiment the efficiency of such a methodology, and adopt the elaborated methodology into recovery and health-improving disciplines. The experimental work was carried out in the recreation center Tomsk Club in Tomsk during eight month-long cycles from April to November 2019. Men aged 65 to 69 took part in the experiment. The methods of the research were: the analysis of the author's own research and the works of other researchers; training observation; testing of physical qualities; evaluation of physical efficiency with the Ruffier test; evaluation of motivational incentives; pedagogical experiment; statistical methods. A methodology of recovery physical, predominantly strength, training sessions was elaborated to achieve the aim of the research. The methodology includes such

elements as types and orientation of physical exercises; training load parameters; the place of physical exercises in the training sessions; methods for developing physical qualities. The methodology takes into account the physiological and pedagogical effects of recovery exercises, the positive and negative impacts of strength and strength endurance exercises, the ageing processes of elderly men, the principles of recovery exercise application. The elaborated methodology was integrated into the system of recovery training sessions. The pedagogical experiment proved the effectiveness of the methodology in men aged 65 to 69 by evaluations of strength, strength endurance, general physical efficiency and by a developed motivation for complex health-improving physical training, including mainly strength endurance exercises and the recovery means of the methodology.

REFERENCES

1. Moskalev, A.A. (2019) *Entsiklopediya dolgoy i zdorovoy zhizni* [Encyclopedia of a Long and Healthy Life]. Moscow: EKSMO.
2. Borshchenko, I.A. (2011) *Sistema "Umnyy pozvonochnik* ["A Clever Backbone" System]. Moscow: EKSMO.
3. Devyatova, M.V. (2001) *Lechebnaya gimnastika pri poyasnichnom osteokhondroze* [Therapeutic Exercises in Lumbar Osteochondrosis]. Saint Petersburg: Lenizdat; Soyuz.
4. Sharpin, D. (1991) Vliyanie nekotorykh fizicheskikh uprazhneniy na poyasnichnuyu oblast' spiny [Influence of Some Physical Exercises on the Lumbar Region of a Back]. In: *Profilaktika zabolevaniy sredstvami fizicheskoy kultury i sporta: zarubezhnyy opyt: sbornik nauchnykh trudov* [Preventive Treatment through Physical Training and Sports: Foreign Experience: Proceedings of Scientific Articles]. Moscow: [s.n.]. pp. 36–42.
5. Bubnovskiy, S.M. (2019) *Zdorovye sosudy ili zachem cheloveku myshtsy?* [Healthy Vessels, or Why Do People Need Muscles?]. 2nd edition. Moscow: EKSMO.
6. Galyamov, G. Ya., Mendot, E.E. & Mendot, E.V. (2015) Influence of Physical Training on Functional Status of Elderly People. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogicheskie nauki – Vestnik of Tuvan State University. Pedagogical Sciences*. 4 (27). pp. 188–192. (In Russian).
7. Mil'ner, E. (2012) *Khod'ba vmesto lekarstv* [Walking instead of Medicines]. Moscow: Astrel: AST: Poligrafizdat.
8. Pirogova, E.A., Iveshenko, L. Ya. & Strapko, N.P. (1986) *Vliyanie fizicheskikh uprazhneniy na rabotosposobnost' i zdorov'e cheloveka* [Influence of Physical Exercises on the Working Capacity and Health of a Person]. Kyiv: Zdorov'e.
9. Shevchenko, V.P. (2016) *Dieta dolgozhitelya. Pitaemsya pravil'no. Spetsyal'noe menyu na kazhdyy den'. Sovety i sekrety dolgoy i zdorovoy zhyzni* [The Diet of a Long-Living Person. Healthy Eating. Special Menu for Each Day. Tips and Secretes for a Long and Healthy Life]. Moscow: Tsentrpoligraf.
10. Tsarik, A.V. (2002) Some Aspects of Strategies for an Active Longevity. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 4. pp. 40–43. (In Russian).
11. Platonov, V.N. (2019) *Dvigatel'nye kachestva i fizicheskaya podgotovka sportsmenov* [Locomotor Qualities and Physical Training of Sportsmen]. Moscow: Sport.
12. Kuzmin, S.V. (1991) *Soderzhanie i metodika ozdorovitel'nykh zanyatiy silovoy napravlennosti dlya muzhchin pozhilogo vozrasta* [Content and Methodology of Strength Recovery Exercises for Elderly Men]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
13. Petrov, V.K. (2001) *Atleticheskaya gimnastika dlya pozhilykh: metodicheskie rekomendatsii* [Body-Building for Elderly People: Guidelines]. Moscow: Sovetskiy sport.
14. Peshkov, V.F. (2016) *Rabochaya programma uchebnoy distsypliny "Teoriya i metodika vosstanovitel'no-profilakticheskikh sredstv" po napravleniyu podgotovki 44.03.05 "Pedagogicheskoe obrazovanie"* [Steering Document for the Academic Discipline "Theory and Methodology of Recovery and Preventive Physical Training" of the Degree Program 44.03.05 "Pedagogical Education"]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
15. Peshkov, V.F. (2018) *Rabochaya programma uchebnoy distsipliny "Vosstanovitel'no-profilakticheskaya deyatel'nost' v fizicheskoy kul'ture" po napravleniyu podgotovki 44.03.05 "Pedagogicheskoe obrazovanie"* [Steering Document for the Academic Discipline "Recovery and Preventive Activity in Physical Training" of the Degree Program 44.03.05 "Pedagogical Education"]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
16. Vella, M. (2007) *Atlas anatomii dlya silovykh uprazhneniy i fitnessa* [Anatomy for Strength and Fitness Training]. Translated from English. Moscow: AST: Astrel.
17. Peshkov, V. F. (2017) *Vosstanovitel'nye sredstva v professional'noy deyatel'nosti pedagogov po fizicheskoy kul'ture i sportu* [Recovery Exercises in the Professional Activity of Teachers of Physical Training and Sports]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Makarova, G.A. (2017) *Optimizatsiya postnagruzochnogo vosstanovleniya sportsmenov (Metodologiya i chastnye tekhnologii)* [Optimization of Post-Exercise Recovery of Athletes (Methodology and Special Techniques)]. Moscow: Sport.
19. Peshkov, V.F. (2019) Justification of the Theme "Planning of Recovery Exercises in Sports" in the Discipline "Theory and Methodology of Recovery Exercises". *Vestnik Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – TPU Bulletin*. 441. pp. 213–219. (In Russian).

Received: 17 May 2020

УДК 685.38:793.3:364.048.6

А.Н. Пивторак

АНАЛИЗ АВТОРСКОЙ ПРОГРАММЫ ПО СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ИНВАЛИДОВ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА СРЕДСТВАМИ БАЛЬНОЙ ХОРЕОГРАФИИ «ТАНЦЫ НА КОЛЯСКАХ»

Рассматриваются актуальные проблемы социализации людей с ограниченными возможностями здоровья. Акцентируется необходимость в комплексной реабилитации среднего возраста с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата. Определена эффективность использования средств культуры, а именно бальных танцев на коляске в процессе социально-культурной реабилитации. Эксплицирован термин социально-культурная реабилитация. В результате исследования представлена авторская программа «Танцы на колясках» и отражены результаты ее апробации.

Ключевые слова: социально-культурная реабилитация; инвалиды; танцы на колясках; бальные танцы; нарушения функций опорно-двигательного аппарата; авторская программа.

Введение. Проблемы людей с инвалидностью в современном обществе являются актуальными, поскольку касаются почти всех сторон их жизни: от законодательных актов и социальных организаций, которые призваны оказывать помощь представителям данной категории, до каждодневных забот и организации досуговых занятий. Вызывает озабоченность увеличение общей численности инвалидов – по последним официальным подсчетам на 1 января 2019 г. их число составляет 11 947 тыс. человек. Из них от общей численности инвалидов: инвалиды I группы – 11,9%, инвалиды II группы – 44,8%, инвалиды III группы – 37,5% [1]. По данным уровня инвалидизации в Российской Федерации, сформированным на основе федеральной государственной информационной системы «Федеральный реестр инвалидов», число инвалидов трудоспособного возраста составляет 3 486 тыс. человек, из них 2 985 тыс. – люди среднего возраста [2].

Инвалидами среднего возраста становятся люди, достигшие этого возраста, и те, у которых с детства был статус инвалидов. В среднем возрасте инвалидами становятся люди, пострадавшие в дорожно-транспортных происшествиях, от несчастных случаев на производстве, в чрезвычайных ситуациях в результате природных катаклизмов (пожаров, наводнений и т.д.).

К сожалению, не все люди после получения инвалидности могут психологически перестроиться для продолжения жизнедеятельности в новой для них ситуации. Можно отметить, что только часть людей с инвалидностью ведут или стараются вести полноценный образ жизни: имеют досуговые увлечения, посещают театры, занимаются спортом среди людей с различными видами инвалидности. Есть люди с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата, у которых проявляются признаки психологической деградации. Они замыкаются в себе, закрепощаются. Комплексная реабилитация способствует раскрытию потенциала людей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата, повторной социализации и дает возможность ощутить себя полноправным членом общества. Использование средств культуры и искусства направлено на реабилитацию людей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата, ускорение их социальной интеграции и возрастанию их трудовой активности.

Теория и практика социально-культурной деятельности весьма ограниченно использует свои ресурсы, не достаточно динамично реагирует на современные требования и тенденции социальных программ в отношении людей с инвалидностью.

В нашем исследовании бальные танцы выступают как вид физического и психологического развития, а также реабилитации людей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата. Этот вид искусства наиболее эффективно выстраивает возможности взаимодействия теории, методики и организации социально-культурной деятельности как научного направления с достижениями медицины и физической культуры в деле реабилитации людей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата.

Бальные танцы как досуговое увлечение и профессиональная деятельность охватывают самые разные категории людей, располагающих различными возможностями осваиваемого репертуара, тренировочных баз, концертных площадок. Социально-психологический потенциал бальных танцев чрезвычайно широк. Энергетика, заложенная традицией в эстетику бальных танцев и воплощенная в движениях, помогает людям, переживающим проблемные жизненные ситуации, в том числе инвалидность, погрузиться в комфортную среду хореографических занятий, насладиться красотой танца и испытать ощущение целительной силы соразмерной физической нагрузки [3. С. 134].

В современных исследованиях по социально-культурной деятельности (Ю.И. Андреева, Т.Г. Киселева, В.В. Козлов, С.Е. Кукушкина, Ю.С. Моздокова, и др.) сведения о танцевальной терапии имеют разрозненный характер, не позволяющий в комплексе охарактеризовать специфику реабилитации людей среднего возраста с инвалидностью средствами бальной хореографии.

С одной стороны, инновационные технологии социально-культурной деятельности показывают, что именно разные типы и виды социально-культурных программ обладают педагогическим потенциалом и соответствующими средствами, чтобы эффективно решать проблемы социально-культурной реабилита-

ции инвалидов. С другой стороны, социально-культурная деятельность не использовала весь потенциал бального танца для реабилитации людей среднего возраста с инвалидностью вообще и с нарушениями опорно-двигательного аппарата в частности. Наряду с двигательными навыками, физическими нагрузками, координацией, мало исследована эмоционально-эстетическая составляющая возможностей танца. Художественный образ, который необходимо донести до зрителя, на наш взгляд, может стать важным аспектом воспитания чувства духовной полноценности человека-инвалида. Занятия бальными танцами помогают инвалидам развить их коммуникативный потенциал, но этому аспекту в социально-культурной деятельности также не было уделено достаточно внимания ученых.

Отсюда проблема данного исследования заключается в необходимости поиска новых теоретических и практических путей социально-культурной реабилитации инвалидов среднего возраста с нарушениями опорно-двигательного аппарата, что требует разработки соответствующих программ, где основным средством воздействия будет бальная хореография.

Цель исследования – разработать и апробировать программу социально-культурной реабилитации инвалидов среднего возраста средствами бальной хореографии.

Были использованы следующие методы: 1) теоретические: анализ научной и методической литературы, обобщение и систематизация теоретического материала по данной проблематике, сравнение, классификация; 2) эмпирические: анкетирование, эксперимент, количественные измерения полученных данных.

Научная новизна заключается в том, что в работе с позиции социально-культурной деятельности впервые были рассмотрены возможности бальной хореографии по реабилитации инвалидов среднего возраста. В рамках исследования был эксплицирован термин «социально-культурная реабилитация».

Практическая значимость работы заключается, во-первых, в разработке и апробации программы социально-культурной реабилитации инвалидов среднего возраста «Танцы на колясках»; во-вторых, в уточнении методики работы с людьми с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата в условиях программы «Танцы на колясках».

Организация и результаты исследования. На начальном этапе были рассмотрены основы терминологии инвалидности, включая барьеры инвалидности (рис. 1), мешающие положительному развитию личности. Выделены модели инвалидности [4. С. 52–55], в частности актуальная для нашего исследования социальная модель, которая подразумевает инвалидность не как личную проблему, а как результат социального, экономического и политического неравенства внутри общества, что особенно характерно для России.

Рис. 1. Классификация барьеров инвалидности [5. С. 9]

Теоретическим ядром исследования является такое направление, как социально-культурная реабилитология и организация социально-культурной деятельности социально незащищенных групп населения. Значимыми в этой области представляются труды ученых Ю.С. Моздоковой, О.Ю. Мацукевич, Е.Л. Луценко, Н.В. Веденеева и др. [4; 6–8], которые занимались социально-культурной ресоциализацией и интеграций людей с инвалидностью. Анализ понятийного аппарата исследования позволил эксплицировать термин «социально-культурная реабилитация инвалидов среднего возраста». Это целенаправленный педагогический процесс, который ориентирован на преодоление физически-дезадаптационных механизмов организма человека среднего возраста, имеющего инвалидность, и изменение асоциальных установок личности (безразличия, отверженности, отчуждения), а также создание новых социально-нравственных установок поведения и общения, в основу которых входит технологический комплекс социально-культурной деятельности с приоритетом арт-терапевтических технологий и технологий творческой реабилитации.

Танцевально-двигательная терапия, а точнее бальные танцы, несут в себе фундаментальные отличия от других средств, направленных на полноценную социально-культурную реабилитацию инвалида среднего возраста с поражением опорно-двигательного аппарата. История развития бальных танцев на колясках показала, что это особый вид социально-культурной реабилитации, который начался в Европе и активно развивается во всем мире, включая Россию. Танцы на колясках имеют важные двигательно-эстетические возможности, которые влияют на процесс интеграции и ресоциализа-

ции, помогают в формировании духовно-нравственного мира личности, оптимизируют ее физическое состояние, чувство уверенности в себе. Танцы на колясках как арт-терапевтическая технология объединили сразу несколько направлений работы: развитие пластики и грации движений, координации, чувства ритма, совершенствование навыков управления коляской, умение общаться с группой таких же танцоров и с партнером, который может быть как инвалидом, так и человеком с нормальным здоровьем, а также с руководителем группы. Спортивные бальные танцы на колясках позволяют участвующим в них инвалидам, имеющим доступ к передвижению по всему миру, территориям, где проходят международные и другие виды соревнований, чувствовать себя полноценными людьми, интегрированными в общество и его культуру.

Проведенный анализ существующих программ по реабилитации людей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата в России позволяет заключить, что основополагающим фактором воздействия таких программ является психологическое сопровождение личности в новой для нее ситуации, а кроме того, медицинская поддержка и трудотерапия. Практика показывает, что разработкой социально-культурных программ в учреждениях социальной помощи и реабилитации инвалидов практически не занимаются. Исходя из этого, нами была предпринята попытка создания авторской программы по социально-культурной реабилитации людей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата среднего возраста «Танцы на колясках».

По классификации, предложенной А.П. Марковым и Г.М. Бирженюком, нашу программу можно отнести к дифференцированному типу, а именно к *социально-педагогическому*, направленному на культурно-досуговую работу с социально-ущемленными категориями населения. Но так как основной задачей является реабилитация этих слоев населения, то ее можно назвать *реабилитационной.*

Проблема программы определяется как противоречие между:

– потребностями людей с ограниченными возможностями среднего возраста в полноценной комплексной реабилитации и малочисленностью методик по социально-культурной реабилитации;

– множеством методик арт-терапевтической направленности и отсутствием научно обоснованных технологий использования бальной хореографии как средства социально-культурной реабилитации.

Целевой аудиторией программы являются люди с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата среднего возраста.

Базовые учреждения – КГБСУСО «Центральный дом-интернат для престарелых и инвалидов» города Барнаула, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный институт культуры», где проходили занятия в рамках программы.

Цель программы «Танцы на колясках», комплексная, она включает в себя три аспекта в связи со сложностью такого контингента, как инвалиды среднего возраста:

1) комплексная социально-культурная реабилитация людей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата, направленная на восстановление его физических функций;

2) нормализация психологического состояния индивида;

3) организация полноценного досуга занимающихся через обучение танцам на колясках для оптимизации их интеграции и ресоциализации в современном мире.

Задачи программы:

1. Ознакомить с элементами танцевальных движений на коляске.

2. Изучить принципы ведения, взаимодействия в паре и постановку корпуса в паре с партнером на коляске.

3. Укрепление физических данных индивида в ходе регулярных тренировок.

4. Развитие коммуникативных способностей, образного мышления, актерского мастерства.

5. Социализация инвалидов через активную творческую деятельность.

Данная программа включает в себя как групповые, так и индивидуальные занятия. Учитывая неподготовленность, а также физиологические особенности инвалидов-колясочников, академический час выделен как 30 минут с 15-минутным перерывом. Занятия рекомендуется проводить 3 раза в неделю по 2 академических часа. По мере физической адаптации участников продолжительность занятий можно увеличить.

Программа рассчитана на год обучения в количестве 216 часов и в дальнейшем имеет неограниченные временные рамки продолжения реализации.

Реализация программы предполагалась в три этапа:

– *подготовительный этап* (анализ уровня физиологических особенностей и диагностика физических способностей участников);

– *основной этап* (приобретение участниками теоретических и практических навыков управления коляской, упражнений для развития скорости, физической активности индивида, систематизация тренировочных занятий, включающих кардиоразвитие, с учетом индивидуальных особенностей).

– *заключительный этап* (побуждение участников к дальнейшему саморазвитию, диагностика уровня развития физиологического состояния, социальной активности, психологической уравновешенности средствами бальной хореографии).

Организационной формой реализации программы является хореографический коллектив, состоящий из людей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата. В основные формы работы входят: занятия (урок), тренинги, анализ видеозаписей выступлений, участие в конкурсах.

При разработке программы используются следующие принципы:

1) проблемно-целевой и проблемно-ситуативной ориентации программы – определяет проблему и цель программы «Танцы на колясках»;

2) допустимого порога модификации и модернизации объекта программы и соразмерности проектируемых перемен – устанавливает объект проблемы. Это деятельность инвалидов-колясочников во время заня-

тий танцами, которая не должна ухудшать их самочувствие, быть для них посильной;

3) оптимизации зоны ближайшего развития личности участников – состоит в том, что задания на занятиях иногда надо давать «на опережение» разучиваемых упражнений;

4) реалистичности и комплексности – означает, что цели программы «Танцы на колясках» реальны, системны, комплексны;

5) социальной и личностной целесообразности – основан на актуальности программы для участников (инвалидов-колясочников) и общества в целом.

План реализации программы представлен в таблице.

В качестве оценочных методик замера *результата* использовались: 1) педагогическое наблюдение; 2) анкетирование; 3) диагностика результатов (диаграммы, таблицы).

План реализации программы «Танцы на колясках»

№ п/н	Мероприятия	Сроки проведения
	1. Подготовительный этап.	
1	Проведение информационно-диагностического этапа: – знакомство с целевой группой, анализ интересов; – оценка психологического климата группы; – анализ специализированной литературы по реабилитации инвалидов средствами физической активности, особенности исполнения специальных упражнений и их результативность на практике; – проведение анкетирования среди потенциальных участников программы (желание участвовать в программе, степень осведомленности в хореографии, выявление наличия замкнутости, комплексов, коммуникативных проблем)	Сентябрь 2016 г.
	2. Основной этап	
2.1	Приобретение участниками теоретических и практических навыков: – анализ резерва физической активности индивидов в условиях практических занятий; – выбор режимов упражнений для развития скорости, физической активности индивида, точности в управлении коляской; – систематизация тренировочных занятий, включающих кардиоразвитие танцоров, с учетом индивидуальных особенностей. Тренировочный процесс строится по форме групповых занятий с использованием видеоматериалов, а также лекционных занятий. Первичные занятия посвящены темам изучения основных ритмов и темпов танцев бальной хореографии, развитию физических данных, изучению и отработке точного управления коляской, разучиванию отдельных элементов на коляске, таких как повороты, точной остановки после движения, исполнение движений при правильной постановке корпуса	Октябрь 2016 г. – Январь 2017 г.
2.2	Подготовка и участие в новогоднем мероприятии с показательными выступлениями участников программы	Декабрь 2016 г.
	3. Заключительный этап	
3.1	Подготовка массовых и отработка дуэтных сценических номеров для выступлений	Февраль–март 2017 г.
3.2	Подготовка и выступление участников программы на различных мероприятиях: – краевой конкурс талантов «Ра-Свет» среди людей с ограниченными возможностями здоровья; – международный конкурс-фестиваль «Солнечный бал» 2017–2019 гг.; – фестиваль творчества людей с ограниченными возможностями здоровья «Свет нашей души» (2019 г.); – мастер-классы по основам бальных танцев на коляске (АГИК 2019 г.)	Апрель 2017 г. 2018–2019 гг.

Таким образом, программа социально-культурной реабилитации «Танцы на колясках» инвалидов среднего возраста средствами бальной хореографии является средством для расширения возможностей людей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата, их раскрепощения и веры в себя, ресоциализации и интеграции в современное общество.

В исследовании приняли участие 10 человек среднего возраста с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата (5 женщин и 5 мужчин), проживающих в КГБСУСО «Центральный дом-интернат для престарелых и инвалидов». Будущие участники программы вели закрытый, малоподвижный образ жизни, но после презентации нашей программы (беседы о целях, содержании и планируемых результатах) согласились участвовать в исследовании.

Первоначально было проведено анкетирование будущих участников программы «Танцы на колясках», которое позволило определить отношение данной категории людей к окружающей действительности, к самому себе и своего места в мире, наличие интересов, увлечений, желания заниматься каким-либо видом деятельности, наличие потребностей и др.

Данные анкетирования обрабатывались с помощью методов ранжирования и графически. Полученные результаты показали плохо развитые коммуникативные навыки (малообщительность, отсутствие страничек в социальных сетях, либо наоборот, общение только в социальных сетях) и наличие психологический барьеров личности (рис. 2).

В ходе реализации программы «Танцы на колясках» необходимо было понизить уровень психологических барьеров и создать условия для развития навыков коммуникации.

На основании систематизации данных специальной литературы были подобраны упражнения и методики, которые легли в основу программы занятий бальными танцами на колясках.

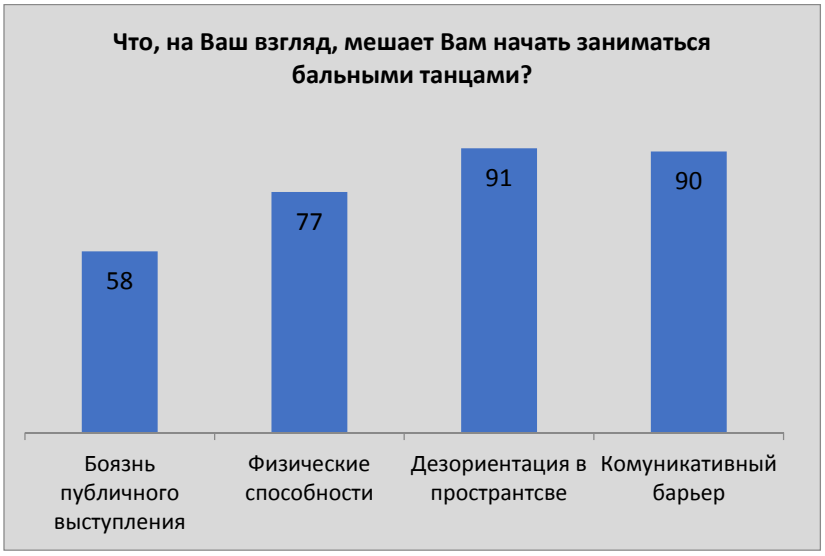


Рис. 2. Результаты обработки данных анкитирования будущих участников программы «Танцы на колясках»

Для реализации задачи по развитию физических данных участников опытно-практической работы проведены многочисленные групповые репетиции парами по методике исполнения отдельных элементов, по спец-тренажу для людей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата, состоялись лекции о пользе танцев и танцевально-двигательной терапии, использованы инновационные методы проведения урока, такие как видеоуроки, а также самостоятельные «уроки-поиски». Помимо общих занятий проводились индивидуальные, где отдельно с каждым индивидом прорабатывались трудновыполнимые элементы, решались индивидуальные вопросы, составлялись учебные и конкурсные вариации, а также ставились сценические танцы.

На заключительном этапе было проведено повторное анкетирование. Полученные результаты показали, что программа по социально-культурной реабилитации людей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата средствами бальной хореографии, а также выбранные в ходе реализации программы принципы и методы работы с людьми с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата дают основание заключить, что она эффективна и актуальна в современной ситуации (рис. 3).

Рис. 3. Результаты повторного анкетирования участников программы «Танцы на колесах»

Из рис. 2 видно, что созданные условия в ходе реализации программы способствовали развитию коммуникативных навыков: если в начале работы почти все участники были замкнуты и не общались друг с другом, то к моменту отчетного концерта сдружились, начали совешать совместные кинопросмотры и

прогулки в условиях дома-интерната. Физическая активность и постоянные нагрузки положительно отразились на физических навыках многих участников. Им стало проще управлять коляской, реже болел поясничный отдел позвоночника.

Еще одним показателем эффективности программы в общем и методики преподавания бальных танцев на коляске в частности являются частые выступления участников программы на творческих концертах и конкурсах («Солнечный бал» 2018, 2019 гг.; «Ра-Свет» 2017, 2018 гг. и др.), получившие высокую оценку зрителей и жюри.

Апробация программы продолжается в настоящее время на базе Алтайского государственного института культуры, где набрана группа танцоров с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата. Занятия проводятся в рамках научно-практической лаборатории под руководством автора программы. Перечисленное позволяет сделать вывод об эффективности программы социально-культурной реабилитации инвалидов среднего возраста средствами бальной хореографии и целесообразности ее дальнейшего внедрения в другие учреждения социальной помощи и реабилитации инвалидов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральная служба государственной статистики. Общая численность инвалидов по группам инвалидности. URL: http: //www.gks.ru/wps/ wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/# (дата обращения: 28.08.2019).
2. Федеральная служба государственной статистики. Распределение инвалидов по полу и возрасту. URL: http: //www.gks.ru/wps/ wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/# (дата обращения: 10.12.2019).
3. Пивторак А.Н., Кутькина О.П. Социально-культурная реабилитация людей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата // Вестник МГУКИ. 2018. № 6. С. 131–136.
4. Веденеева Н.В. Социальные аспекты реабилитации инвалидов Российской Федерации : автореф. дис. … канд. социол. наук. М., 2004. 64 с.
5. Всемирный доклад об инвалидности от 9 июня 2011 г. // Всемирная организация здравоохранения. URL: http://www.who.int/ disabilities/world_report/2011/report/ru (дата обращения: 20.08.2019).
6. Моздокова Ю.С. Коммуникативно-деятельностный подход к интеграции инвалидов: социально-культурный аспект : автореф. дис. … д-ра пед. наук. М., 2006. 48 с.
7. Мацкевич О.Ю. Теоретико-методологические основы социально-культурной ресоциализации личности дезадаптантов : автореф. дис. … д-ра пед. наук. М., 2014. 48 с.
8. Луценко Е.Л. Социокультурная реабилитация инвалидов : автореф. дис. … канд. социол. наук. Хабаровск, 2007. 22 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 12 марта 2020 г.

An Analysis of the "Wheelchair Dance" Authorial Program for Social and Cultural Rehabilitation of Middle-Aged Disabled People by Means of Ballroom Choreography

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 214–220.
DOI: 10.17223/15617793/457/25

Alexandr N. Pivtorak, Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russian Federation). E-mail: alexandr-pivtorak@mail.ru

Keywords: social and cultural rehabilitation; people with disabilities; ballroom dancing; function breaches of the supporting and motor organs; wheelchair dancing; author's program.

The article raises the issue of the need to find new theoretical and practical ways of social and cultural rehabilitation of middle-aged people with musculoskeletal disorders, which required the development of appropriate programs with ballroom choreography as the main means of influence. The aim of the study is the theoretical substantiation and partial experimental approbation of the authorial program for social and cultural rehabilitation of middle-aged disabled people by means of ballroom choreography. Its theoretical core is sociocultural rehabilitology and organization of sociocultural activities in socially vulnerable groups. The study also uses works of scholars in this field (Yu.S. Mozdakova, O.Yu. Matsukevitch, E.L. Lutsenko, N.V. Vedeneeva). The employed research methods are: (1) theoretical: analysis of scientific and methodological literature, generalization and systematization of theoretical material on the subject, comparison, classification; (2) empirical: experiment, quantitative measurements of the data. The study examined the main interpretations of disability terminology and barriers to positive personal development. The models of disability are identified. The social model is particularly relevant for the study as it implies "disability" as a result of social, economic and political inequality within society, which is especially true for Russia. The analysis of programs for rehabilitation of people with musculoskeletal disorders in Russia shows that the fundamental factor of the impact of such programs is psychological support of a person in the new situation and then medical support and occupational therapy. Institutions of social assistance and rehabilitation for disabled people practically do not develop social and cultural programs. Hence, the author developed a program for the sociocultural rehabilitation of middle-aged disabled people by means of ballroom choreography, "Wheelchair Dance". The program is based on special exercises aimed to develop the physiology of the dancer's body and methods for managing the wheelchair; the exercises were selected based on systematization of data from specialized literature. Classes are held in the form of both group rehearsals and individual classes. The testing of the program showed positive results in several parameters: the participants' communication, physical activity and endurance increased, their general psychological state stabilized. Thus, the "Wheelchair Dance" authorial program for the social and cultural rehabilitation of middle-aged disabled people by means of ballroom choreography is effective and relevant.

REFERENCES

1. Rosstat. (2019) *Obshchaya chislennost' invalidov po gruppam invalidnosti* [The Total Number of People With Disabilities by Disability Group]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/wps/ wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/#. (Accessed: 28.08.2019).
2. Rosstat. (2019) *Raspredelenie invalidov po polu i vozrastu* [Sex and Age Distribution of Persons With Disabilities]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/#. (Accessed: 10.12.2019).

3. Pivtorak, A.N. & Kut'kina, O.P. (2018) The Social and Cultural Rehabilitation of the People With Function Breaches of the Supporting and Motor Organs by Means of the Ballroom Choreography. *Vestnik MGUKI – Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*. 6. pp. 131–136. (In Russian).
4. Vedeneeva, N.V. (2004) *Sotsial'nye aspekty reabilitatsii invalidov Rossiyskoy Federatsii* [Social Aspects of Rehabilitation of Disabled People in the Russian Federation]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Moscow.
5. WHO. (2011) *Vsemirnyy doklad ob invalidnosti ot 9 iyunya 2011 g.* [World Report on Disability of June 9, 2011]. [Online] Available from: http://www.who.int/disabilities/world_report/2011/report/ru. (Accessed: 20.08.2019).
6. Mozdokova, Yu.S. (2006) *Kommunikativno-deyatel'nostnyy podkhod k integratsii invalidov: sotsial'no-kul'turnyy aspekt* [Communication- and Activity-Based Approach to the Integration of Disabled People]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Moscow.
7. Matskevich, O.Yu. (2014) *Teoretiko-metodologicheskie osnovy sotsial'no-kul'turnoy resotsializatsii lichnosti dezadaptantov* [Theoretical and Methodological Foundations of Socio-Cultural Resocialization of Maladaptive Persons]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Moscow.
8. Lutsenko, E.L. (2007) *Sotsiokul'turnaya reabilitatsiya invalidov* [Socio-Cultural Rehabilitation of Disabled People]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Khabarovsk.

Received: 12 March 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 221–228. DOI: 10.17223/15617793/457/26

ПРАВО

УДК 340.5, 343.261

Д.А. Добряков, Т.Ф. Минязева, В.М. Поздняков

ТЕНДЕНЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Анализируются законодательная регламентация и практика применения пожизненного лишения свободы в Российской Федерации и некоторых зарубежных странах. Авторы рассматривают это наказание в контексте общемировых тенденций в области уголовного права и политики, а также предлагают возможные пути совершенствования регламентации пожизненного лишения свободы с учетом психологической оценки его влияния на осужденных.

Ключевые слова: пожизненное лишение свободы; уголовное наказание; условно-досрочное освобождение; исполнение наказаний.

Пожизненное лишение свободы является самым строгим наказанием после смертной казни, но если смертная казнь во многих странах мира признается неприемлемой мерой и ушла из практики, то пожизненное лишение свободы применяется практически повсеместно, хотя и сталкивается с частой и обоснованной критикой. Фактически это наказание не слишком отличается от казни – лицо лишается свободы без срока и реальной возможности освобождения [1. P. 305] либо без срока, но с правом ходатайствовать об освобождении после продолжительного периода заключения (который может быть настолько длительным, что возможность полноценного возвращения осужденного к «свободной» жизни практически исключена), что позволяет говорить о пожизненном лишении свободы как о «казни, растянутой во времени», при которой осужденный обречен на бессрочное «страдание вне свободы» [2. С. 55].

При этом нельзя не обратить внимание на ключевое (и наиболее очевидное) отличие пожизненного лишения свободы от смертной казни – государство не отнимает жизнь человека безвозвратно, и это позволяет в случае необходимости исправлять ошибки, которые могут возникать [3] в ходе расследования преступления и осуждения лица. В этом состоит важное и, пожалуй, единственное преимущество бессрочной изоляции перед казнью[1], тогда как задача у этих наказаний схожа и заключается в защите общества от наиболее опасных преступников (притом защите весьма радикальной).

Применительно к таким лицам едва ли приемлемо говорить об исправлении, что подчеркивается и в судебной практике. «Подсудимому… должно быть назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы, так как менее строгим наказанием невозможно добиться целей восстановления социальной справедливости, а также предупреждения совершения подсудимым новых преступлений» [4], т.е. при назначении рассматриваемого наказания речь идет в первую очередь о восстановлении социальной справедливости и превенции, причем именно превенция (как частная, так и общая) является главной целью назначения и исполнения пожизненного лишения свободы [5. С. 38]. Большинством ученых и граждан в мире пожизненное лишение свободы воспринимается как необходимое зло и одновременно как мера, способствующая обеспечению безопасности законопослушных граждан рациональным и гуманным (из приемлемых) способом – посредством изоляции от общества лиц, совершивших особо тяжкие и жестокие преступления, прежде всего, против жизни[2].

О неисправимости таких лиц (или, по крайней мере, трудноисправимости в условиях российской действительности) свидетельствуют и редкие случаи освобождения осужденных к пожизненному лишению свободы. Например, лицо, которое после третьего последовательно совершенного убийства было приговорено к расстрелу, замененному пожизненным лишением свободы, в 2008 г. было освобождено вследствие пересмотра приговора. Уже в 2012 г. это лицо вновь совершило особо тяжкое преступление – причинило тяжкий вред здоровью, повлекший смерть потерпевшего, причем совершило его в весьма характерных обстоятельствах (во время распития алкогольных напитков, пытаясь доказать собеседнику, что легко может убить человека при помощи ножа) [7]. В 2014 г. в России ряд осужденных, приговоренных к пожизненному лишению свободы и отбывших двадцатипятилетний срок заключения, получили право ходатайствовать об условно-досрочном освобождении. При отказе судов на первые ходатайства среди ученых и правозащитников началась дискуссия, в рамках которой было поставлено несколько важных вопросов (как оценивать исправление осужденных; как делать прогноз рецидивного и иных рисков после столь длительного срока пребывания в условиях камерного заключения и проч.) и отстаивалась позиция, что крайне важно ориентироваться не только на правовые, но и на психологические особенности данной категории спецконтингента, в том числе на их психологическую готовность к полноценной просоциальной жизни после освобождения. В этой связи уместно поставить еще один вопрос – о порядке освобождения осужденных к пожизненному лишению свободы (как условно-досрочного, так и осуществляемого по другим основаниям) и целесообразности их освобождения как такового.

Достаточно широко распространено мнение, что в отношении осужденных пожизненно нет необходимости применять весь комплекс средств исправления, и это мнение в некоторых случаях находит отражение в практике исполнения наказаний – часто происходит отказ от обязательного труда таких осужденных и получения ими общего образования [8. С. 43]. С од-

ной стороны, перед исключительной мерой наказания, которой в зависимости от страны может быть как смертная казнь, так и пожизненное лишение свободы, не стоит цель исправления осужденного, а вероятность ресоциализации таких осужденных, как считается, минимальна, поэтому возможные варианты регламентации пожизненного лишения свободы могут предусматривать и полный отказ от условно-досрочного освобождения пожизненно заключенных [9. С. 6].

С другой стороны, нужно все-таки различать смертную казнь и пожизненное лишение свободы. Если перед первой в силу ее исключительности действительно не может ставиться цель исправления осужденного, то при пожизненном лишении свободы к осужденным применяются основные средства исправления со спецификой, свойственной этому наказанию (особые условия содержания, учет психологического состояния осужденных), что в случае Российской Федерации обусловлено также и целями наказания (хотя их перечень и формулировки в действующем уголовном законодательстве заслуживают критики, как, собственно, и сам далекий от совершенства российский уголовный кодекс), формально распространяющимися на все виды наказаний, в том числе и на пожизненное лишение свободы и даже «исключительную» смертную казнь. Более того, условия содержания пожизненно осужденных должны соответствовать универсальным стандартам (по меньшей мере Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными[3] и Европейским пенитенциарным правилам[4]), иначе заключение действительно превратится в изуверскую пытку и данное наказание будет полностью противоречить уголовно-правовому принципу гуманизма и блокировать возможность ресоциализации осужденных. Такой подход должен распространяться на все вариации пожизненного лишения свободы вне зависимости от отказа от возможности условно-досрочного освобождения, которое может оказаться неприемлемым и либо полностью исключаться на уровне законодательства, либо отвергаться судом при рассмотрении конкретных дел или ходатайств осужденных, тем более что в любом случае нельзя исключать освобождение лиц по реабилитирующим основаниям.

В России до начала XX в. пожизненное лишение свободы было известно как каторга и ссылка без срока. Эти наказания состояли в лишении осужденного гражданских прав и перемещении его в отдаленные части Российской империи, которыми тогда считались Сибирь и Кавказ, с привлечением к тяжелым физическим работам по добыче руд, угля и проч. Осужденные могли быть освобождены от работ по болезни, достижению семидесятилетнего возраста или увечности, но с заключением в тюрьмы на срок до двадцати пяти лет. Также допускался перевод осужденных с каторги на поселение по отбытии ими двадцати лет и при условии уверенности в их «нравственном исправлении» [10. С. 1012]. Сохранилось это наказание и в Уголовном уложении 1903 г., которое, однако, не было введено в действие на территории всего государства [11. С. 14–15]. После 1917 г. все формы пожизненного лишения свободы были исключены из российского законодательства, поскольку советская власть сочла их не способными достичь исправления и перевоспитания осужденных [12. С. 99].

Рассматриваемое наказание вернулось в российское законодательство только в 1992 г. в качестве альтернативы смертной казни, назначаемой в порядке помилования (ст. 24 УК РСФСР в редакции закона РФ от 17.12.1992 № 4123-1). При этом пожизненное лишение свободы понималось как акт милости со стороны государства, как проявление гуманизма, выраженное в сохранении жизни осуждаемого преступника, а введение в уголовный кодекс этой меры явилось важным шагом к отказу от применения смертной казни, что, в сущности, и было одной из основных причин включения пожизненного лишения свободы в число наказаний. Однако следует отметить, что советское научное сообщество негативно относилось к пожизненному лишению свободы, полагая эту меру слишком жестокой даже в сравнении со смертной казнью, ну и заодно считая ее экономически невыгодной. В целом такое отношение сохранялось и в дальнейшем, а введение пожизненного лишения свободы как альтернативы смертной казни в 1992 г. было основано не столько на криминологической целесообразности, сколько стало следствием изменений во внутренней и внешней политике Российской Федерации [13. С. 23–26].

До 1996 г. российское законодательство уделяло пожизненному лишению свободы мало внимания, так как эта мера не входила в систему наказаний и не воспринималась отдельно от смертной казни. В соответствии со ст. 24 УК РСФСР (вплоть до последней действовавшей редакции от 30.07.1996) пожизненное лишение свободы назначалось при замене смертной казни в порядке помилования, причем формулировка была следующая: «При замене в порядке помилования смертной казни лишением свободы оно может быть назначено пожизненно», т.е. современного термина «пожизненное лишение свободы» для обозначения более или менее самостоятельного наказания до принятия УК РФ 1996 г. не было. Вместо этого закон предусматривал возможность назначения лишения свободы на определенный срок или – в исключительных случаях – пожизненно, что видится более логичным с позиций юридической техники.

Существенной особенностью ранее действовавшего законодательства было также и то, что к лицам, которым лишение свободы пожизненно назначалось в порядке замены смертной казни, не применялось условно-досрочное освобождение от наказания (п. 4 ст. 53.1 УК РСФСР; здесь, кстати, в качестве основания замены смертной казни лишением свободы пожизненно указывается не только помилование, но и амнистия).

С принятием действующего УК РФ юридическая природа пожизненного лишения свободы качественно изменилась, хотя данное наказание некоторое время формально по-прежнему оставалось лишь альтернативой смертной казни. Пожизненное лишение свободы было включено в систему наказаний (п. «м» ст. 44 УК РФ), где по степени строгости заняло второе ме-

сто после смертной казни. Первоначально это наказание устанавливалось «только как альтернатива смертной казни за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь» и могло «назначаться в случаях, когда суд сочтет возможным не применять смертную казнь» (ч. 1 ст. 57 УК РФ).

В 2004 г. пожизненное лишение свободы получило законодательную «независимость» от смертной казни и стало полностью самостоятельным наказанием, которое теперь могло назначаться «за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против общественной безопасности» (Федеральный закон от 21.07.2004 № 74-ФЗ). Впрочем, поскольку с 1996 г. на исполнение наказания в виде смертной казни в Российской Федерации наложен мораторий, а с 1999 г. это наказание не назначается судами вовсе, в действительности пожизненное лишение свободы заменило смертную казнь в качестве наиболее строгого вида наказания несколько раньше.

Свой нынешний вид регламентация пожизненного лишения свободы в УК РФ в общих чертах приобрела в 2012 г., когда в течение двух дней подряд законодатель дважды изменил ст. 57 УК РФ, расширив круг деяний, за совершение которых может назначаться рассматриваемое наказание, в том числе за счет преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста (Федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ), а также против здоровья населения и общественной нравственности (Федеральный закон от 01.03.2012 № 18-ФЗ). В результате указанных и иных метаморфоз действующая редакция ст. 57 УК РФ предусматривает возможность назначения пожизненного лишения свободы, во-первых, только за совершение особо тяжких преступлений, а во-вторых – если такие преступления направлены против отдельных объектов уголовно-правовой охраны, которые в этой связи можно назвать особенно ценными. Не претерпела изменений со времени принятия действующего УК РФ только ч. 2 ст. 57 УК РФ, запрещающая назначение пожизненного лишения свободы женщинам, лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста. Следует заметить, что данную формулу некоторые лица полагают дискриминационной[5], однако именно в ней состоит основное отличие рассматриваемого наказания от лишения свободы на определенный срок.

Важной чертой современной регламентации пожизненного лишения свободы в Российской Федерации является также и возможность условно-досрочного освобождения осужденных по отбытии ими не менее двадцати пяти лет заключения. В 2003 г. исходное требование признания судом нецелесообразности дальнейшего отбывания пожизненного лишения свободы было дополнено необходимостью установления отсутствия у осужденных злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в течение предшествующих трех лет, а также несовершения в период отбывания наказания нового тяжкого или особо тяжкого преступления (Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ). В целом предполагается, что возможность условно-досрочного освобождения лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, призвана способствовать их ресоциализации [15. С. 149] и стимулировать их правопослушное поведение (что справедливо по отношению ко всем видам лишения свободы [16. С. 50]), она дает осужденным надежду на будущее и определяет смысл их правопослушного поведения во время отбывания наказания.

Вследствие изменений регламентации пожизненного лишения свободы данный вид наказания стал гораздо более частным явлением в российской уголовно-правовой практике (достаточно обратить внимание, что если в первой редакции УК РФ пожизненное лишение свободы было предусмотрено в санкциях пяти статей Особенной части УК РФ, в действующей – в санкциях двадцати статей; впрочем, на доле, которая приходится на пожизненное лишение свободы в общем числе назначенных наказаний, эти изменения практически не отразились – пожизненное лишение свободы так и остается самым редким наказанием, не считая разве что «случайно» назначаемого ареста[6]), а число осужденных, отбывающих лишение свободы пожизненно, постоянно растет.

В 2019 г. в колониях особого режима содержалось 2002 осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, что составило 0,47% от общего числа лиц, отбывающих лишение свободы (всего в исправительных учреждениях Российской Федерации в 2019 г. содержалось почти 424 тысячи лиц). По очевидным причинам данный показатель каждый год увеличивается – в 2007 г. осужденных к пожизненному лишению свободы было 1 432, а их ежегодный «прирост» колеблется и составляет в среднем несколько десятков человек (обычно от 20 до 40, хотя в 2018 г. (т.е. с 2018 по 2019 г.) число пожизненно осужденных увеличилось всего на 11 лиц [17]). Колеблется и число лиц, которые ежегодно осуждаются к пожизненному лишению свободы, однако это число существенно больше прироста заключенных. Например, в 2016 г. рассматриваемое наказание было назначено 94 лицам [18], тогда как прирост заключенных по состоянию на 2017 г. составил всего 34 лица. В 2018 г. при уже названном приросте в 11 лиц пожизненное лишение свободы было назначено 68 лицам [19].

Как уже отмечалось выше, пожизненное лишение свободы применяется в большинстве стран мира. Это наказание (именно формальное пожизненное лишение свободы – в некоторых странах мира такого наказания в законодательстве нет, однако осужденные фактически находятся в заключении до конца жизни, поскольку определенные судом сроки лишения свободы нередко превышают продолжительность жизни) предусмотрено законодательством 183 государств, в 66 из которых осужденные не имеют права на освобождение [20. С. 68].

Весьма примечательна (правда, больше как отрицательный пример) практика применения пожизненного лишения свободы в США, где данное наказание отбывает более 160 тысяч лиц (по состоянию на 2016 г.

точное число осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, составляло 161 957 лиц), из которых более 50 тысяч лиц не имеют права на освобождение (в 2016 г. – 53 290 лиц). Кроме того, более 40 тыс. осужденных отбывают сроки лишения свободы от пятидесяти и более лет [21], которые по вполне очевидным причинам также могут быть отнесены к числу пожизненных – в абсолютном большинстве случаев даже срок в пятьдесят лет предполагает заключение до конца жизни (в некоторых странах как, например, в Хорватии, этот срок подменяет собой формально отсутствующее в системе наказаний пожизненное лишение свободы) [8. С. 152].

Таким образом, всего пожизненное (или приравненное к нему) лишение свободы в США отбывают около 200 тысяч лиц, что составляет примерно 10% от общего числа заключенных (около 2 миллионов лиц) – по данному показателю США вследствие практики «массового заключения» (the mass incarceration) находятся впереди не только всех «свободных» стран [22. P. 199], но и вообще всех стран мира в расчете числа заключенных на 100 тысяч населения (около 700 лиц) [23. P. 1465].

Исполнение наказаний в США децентрализовано, следствием чего является обособление федеральной пенитенциарной системы (управляемой федеральным бюро тюрем – the Federal Bureau of Prisons) от систем штатов, причем пожизненное лишение свободы отбывается как в федеральных, так и в региональных учреждениях, хотя «контингент» осужденных в них различается. В федеральных тюрьмах более 40% осужденных к пожизненному лишению свободы отбывают данное наказание за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (прежде всего, кокаина), а 17,6% – с огнестрельным оружием (с его использованием при совершении тяжких преступлений или подготовке к ним) [24. С. 5], тогда как в целом по стране более половины случаев осуждения к рассматриваемому наказанию приходится на убийство и немногим меньше четверти – на изнасилование. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в США достаточно широко практикуется назначение пожизненного лишения свободы несовершеннолетним, в том числе и без права на освобождение (всего рассматриваемое наказание в США отбывают более 10 тыс. несовершеннолетних, из которых права на освобождение не имеют более 2 тыс.) [21].

Совершенно иначе пожизненное лишение свободы применяется в Великобритании, где, несмотря на близость систем права этой страны и США, отличаются как масштаб, так и основания назначения этой меры. Так, в Великобритании к пожизненному лишению свободы приговариваются лица, признанные виновными в совершении убийства и других тяжких преступлений (например, изнасилования и вооруженного ограбления), но если в случае убийства суд должен назначить именно это наказание, то при осуждении за остальные деяния он может избрать и другую меру [25]. При этом в большинстве случаев осужденный имеет право на досрочное освобождение при условии отбытия им срока заключения, который определяется судьей при рассмотрении каждого конкретного дела. В 1997 г. средний срок лишения свободы, отбытый «пожизненно» заключенными к моменту их освобождения, составил почти четырнадцать лет [26. С. 288]. В 2018 г. данный срок изменился незначительно и составил около пятнадцати лет [27].

Британское законодательство разделяет пожизненное лишение свободы на несколько подвидов по минимальному сроку заключения в зависимости от тяжести и вида совершенного деяния, а также личности виновного. К пожизненному лишению свободы без минимального срока заключения (whole life order) может быть приговорено лицо, достигшее на момент совершения преступления двадцатиоднолетнего возраста и старше, если суд сочтет его деяния (отдельно или в совокупности с другими преступлениями) исключительно тяжкими[7]. Лицо, достигшее к моменту совершения восемнадцатилетнего возраста и совершившее тяжкое преступление, может быть приговорено к пожизненному лишению свободы с минимальным сроком заключения в тридцать, двадцать пять или пятнадцать лет – в зависимости от тяжести деяния и обстоятельств его совершения (Sch. 21 para. 5–6, Criminal Justice Act 2003). Наконец, лица, не достигшие к моменту совершения тяжкого преступления восемнадцатилетнего возраста, приговариваются к пожизненному лишению свободы с минимальным сроком заключения в двенадцать лет (Sch. 21 para. 7, Criminal Justice Act 2003).

При этом освобождение лица после отбытия минимального срока заключения не означает его полного освобождения от последствий наказания – такие лица имеют своеобразную пожизненную судимость и совершение ими нового преступления влечет за собой возобновление заключения [25]. В отличие от США число лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы в Великобритании, невелико в абсолютном выражении, однако выше в процентном отношении и составляет около 13% (от общего числа осужденных, отбывающих лишение свободы в Англии и Уэльсе[8]) [28. P. 3–7].

Большой процент пожизненно осужденных среди заключенных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в целом характерен для англо-американской системы уголовного правосудия. Это касается также Новой Зеландии (более 10%) и, в некоторой степени, Республики Ирландия (более 8%), которая в области уголовного права испытывает «наследственное» британское влияние и одновременно воспринимает многое от европейских стран континентального права. В свою очередь, в таких странах, как Бельгия, Германия, Италия, Нидерланды, Франция и Швеция, число пожизненно осужденных не превышает 5% от общего числа заключенных (в Нидерландах и вовсе составляет менее 0,5%), что, в целом, касается и остальных стран Европы (и также Австралии – около 4%) [29. P. 611–612].

Среди Европейских стран нет пожизненного лишения свободы Испании, Норвегии, Португалии и Хорватии [29. P. 611]. Также нет этого наказания в законодательстве Боливии, Бразилии, Венесуэлы, Колумбии, Уругвая, Эквадора и ряда других стран мира [26. P. 285]. При этом полный отказ от пожизненного лише-

ния свободы либо является проявлением «предельного гуманизма» вследствие высокого развития общества, либо носит политический характер. В последнем случае как некогда пожизненное лишение свободы появилось в постсоветском законодательстве России для улучшения образа страны на общеевропейском уровне, так и некоторые государства категорически отвергают пожизненное лишение свободы, чтобы противопоставить себя «цивилизованным» странам и использовать это обстоятельство в популистской риторике.

Вместе с тем отказ от пожизненного лишения свободы не представляется криминологически обоснованным. Более того, предпочтительным видится подход стран, где данное наказание может назначаться действительно пожизненно, т.е. без права осужденного (или отдельных категорий осужденных) на условно-досрочное освобождение. Если отказ от смертной казни за наиболее тяжкие преступления против жизни в Российской Федерации является окончательным (на что в свете ситуации вокруг конституционных поправок 2020 г. остается только надеяться), лица, совершающие такие преступления (особенно сопряженные с террористической деятельностью), из практики никуда не исчезают. Именно к этим лицам и целесообразно применение пожизненного лишения свободы без права условно-досрочного освобождения, поскольку российские пичушкины, норвежские брейвики и другие им подобные индивиды чужды раскаяния, а применение исправительного воздействия в их отношении совершенно бессмысленно. При этом даже для таких лиц должна остаться возможность на «торжество справедливости» при открытии новых обстоятельств или пересмотре дела по иным основаниям.

С учетом изложенного можно предложить несколько путей развития пожизненного лишения свободы в России. На наш взгляд, следует закрепить в законодательстве возможность пожизненного лишения свободы без права на условно-досрочное освобождение («абсолютно пожизненное» лишение свободы) наравне с «обычным» («условно пожизненным»), разграничив основания назначения этих разновидностей рассматриваемого наказания по видам и тяжести преступлений (например, предусмотрев возможность назначения «абсолютно пожизненного» лишения свободы только за особо тяжкие преступления против жизни), либо по степени соответствия критериям исправимости (не достижения исправления вследствие отбытия части наказания, а именно исправимости как предварительной оценки личности виновного), либо по сочетанию этих оснований.

При этом степень соответствия личности виновного критериям исправимости, на наш взгляд, должна определяться на основе достижений современной психологической и психиатрической наук, а не базироваться лишь на внешних данных («о поведении осужденного, его отношении к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, об отношении осужденного к совершенному деянию, о возмещении причиненного преступлением вреда»), которые в соответствии с ч. 2 ст. 175 УИК РФ подлежат включению в характеристику осужденного при решении вопроса о его условно-досрочном освобождении. Считаем крайне важным, чтобы для этого проводилась комплексная (и независимая) судебная экспертиза, которая должна, как представляется, отвечать на вопросы, соответствующие группам факторов риска, выделяемым применительно к модели системы оценки готовности осужденных к освобождению.

Как известно, в доктрине выделяются четыре такие группы: социальная (образование, семья, жилье, профессиональная квалификация и проч.), криминологическая (наличие преступных наклонностей, характеристика совершенных осужденным преступлений и проч.), медицинская (наличие аномалий психики, социально значимых заболеваний и проч.) и психологическая (наличие трудностей в общении, эмоциональное неблагополучие, деструктивные установки и проч.) [30. С. 16]. Проанализировав соответствующее заключение, суд мог бы принять решение о назначении виновному наиболее подходящей разновидности пожизненного лишения свободы.

Что касается «условно пожизненного» лишения свободы, здесь определенный интерес представляет собой британская практика, когда законодательство устанавливает несколько минимальных сроков, по отбытии которых лицо получает право ходатайствовать об условно-досрочном освобождении. Можно ограничиться и одним фиксированным сроком, но поскольку длительная изоляция негативно и часто необратимо влияет на психику осужденного, и даже после пяти лет заключения вероятность его реинтеграции в нормальную жизнь практически исключена [31. С. 6; 32. С. 71], такой срок должен быть не более десяти (или хотя бы пятнадцати – в «дань памяти» советской концепции лишения свободы) лет.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Некоторые авторы считают смертную казнь более целесообразной с точки зрения экономики [6. С. 202–205], однако это по меньшей мере спорное утверждение.

[2] Так, приговором к пожизненному лишению свободы осуждено лицо, которое систематически на протяжении длительного времени истязало малолетних дочерей своей сожительницы и, в конце концов, нанесло одной из них (в присутствии другой) не менее 32 ударов руками и ногами по голове и телу, после чего прыгало на потерпевшую до тех пор, пока она не перестала подавать признаки жизни.

[3] Минимальные стандартные правила обращения с заключенными // Конвенции и соглашения ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml/ (дата обращения: 30.03.2020).

[4] The European Prison Rules // Council of Europe. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016806f3d4f/ (accese date: 30.03.2020).

[5] Однако, как указал Конституционный Суд РФ, эти «ограничения не влияют на назначение другим категориям лиц, совершивших преступления, наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности их преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, не ущемляют тем самым их права и, следовательно, не являются дискриминационными» [14].

[6] Согласно статистическим данным Судебного департамента при ВС РФ в 2017 г. арест дважды был назначен в качестве наказания, хотя этот вид наказания до настоящего времени не введен в действие (http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/k4-svod-2017.xls).

[7] Это обычно убийство двух и более лиц, причем каждое из убийств должно быть сопряжено с длительным планированием, малолетством жертвы, садистской или сексуальной мотивацией и проч. (Sub-paragraph 1 (a) para. / Sch. 21 para. 4 (2), Criminal Justice Act 2003).
[8] Общее число «тюремного населения» в Великобритании в 2019 г. составляло примерно 92 400 лиц, из которых 82 676 лиц содержались в пенитенциарных учреждениях Англии и Уэльса. В свою очередь, 13% от этого числа – лица, отбывающие неопределенно длительные сроки лишения свободы (indeterminate sentences).

ЛИТЕРАТУРА

1. Seeds C. Historical Modes of Perpetual Penal Confinement: Theories and Practices before Life Without Parole. Law & Social Inquiry. 2019. № 2 (44). P. 305–332.
2. Воскобоев А.И. Смертная казнь и пожизненное лишение свободы: проблемы применения наказаний. Юристъ – Правоведъ. 2015. № 3 (70), С. 52–56.
3. Meincke P. Juan Rivera wins largest wrongful conviction settlement in U.S. history // ABC7. 2015. March 21. URL: https://abc7chicago.com/news/man-wins-largest-wrongful-conviction-settlement-in-us-history/566716/ (дата обращения: 20.03.2020).
4. Приговор Пермского краевого суда № 2-21/2019 от 30.08.2019 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ilwXoCFKd9V4/ (дата обращения: 20.03.2020).
5. Михлин А.С. Пожизненное лишение свободы: правовая природа, назначение, исполнение // Уголовно-исполнительное право. 2006. № 1. С. 34–40.
6. Иксанов Р.А., Султанбекова Э.Л., Харисова К.А. Экономическая целесообразность применения мер наказания в виде пожизненного лишения свободы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 4. С. 202–205.
7. Горинская А., Петелин Г. Воля для шестерых: как сложилась судьба пожизненно осужденных, которым удалось выйти на свободу // RT на русском. 07.05.2018. URL: https://russian.rt.com/russia/article/510360-tyurma-svoboda-koloniya/ (дата обращения: 20.03.2020).
8. Тепляшин П.В. Европейские пенитенциарные системы (теоретико-прикладное и сравнительно-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2018. 496 с.
9. Тирранен В.А. Высшие меры наказания в России и зарубежных странах : автореф. дис. ... канд. юрид. юрид. наук. Саратов, 2011. 24 с.
10. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая, том II. СПб. : Государственная типография, 1902. 821–1460, XIII с.
11. Новое Уголовное уложение. СПб. : Издание Каменноостровского Юридического книжного магазина В.П. Анисимова, 1903. 253 с.
12. Дикаева М.С. Назначение и исполнение пожизненного лишения свободы в России и зарубежных странах // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 3 (38). С. 99–103.
13. Уткин В.А., Детков А.П. Пожизненное лишение свободы : учеб. пособие. Томск : Изд-во НТЛ, 1997. 136 с.
14. Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2009 № 898-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Купцова Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 57 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
15. Красиков Ю.А. Пожизненное лишение свободы (ст. 57) // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2009. 960 с.
16. Пропостин А.А. Прогрессивная система исполнения лишения свободы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 2 (4). С. 45–54.
17. Характеристика осужденных по срокам заключения (наказания) // Федеральная служба исполнения наказаний. URL: http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/ (дата обращения: 20.03.2020).
18. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2016 год // Судебный Департамент при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/f10_1-svod-2016.xls/ (дата обращения: 20.03.2020).
19. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2018 год // Судебный Департамент при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/k4-svod_vse_sudy-2018.xls/ (дата обращения: 20.03.2020).
20. Хуторская Н.Б. Пожизненное лишение свободы в мире // Уголовно-исполнительное право. 2018. № 13 (1). С. 67–69.
21. The Facts of Life Sentences // The Sentencing Project, December 2018. URL: http://www.sentencingproject.org/wp-content/uploads/2018/12/Facts-of-Life.pdf/ (дата обращения: 25.03.2020).
22. Farmer J.F. Inmate Rehabilitation Revisited: Using Goffman and Perrow to Explain Constraints on Transformational Technologies in Prison. Journal of Social Science Studies. 2014. 1 (2). P. 198–223.
23. Wildeman C., Wang E.A. Mass incarceration, public health, and widening inequality in the USA. The Lancet. 2017. Vol. 389, is. 10077. P. 1464–1474.
24. Schmitt Glenn R., Konfrst, Hyun J. Life Sentences in the Federal System // United States Sentencing Commission. 2015. February. 26 p.
25. Life sentences // Types of prison sentences. URL: https://www.gov.uk/types-of-prison-sentence/life-sentences/ (дата обращения: 25.03.2020).
26. Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть. М. : Юрлитинформ, 2009. 448 с.
27. Roberts S. Life behind bars // The Sun. 2018. April 9. URL: https://www.thesun.co.uk/news/4918269/life-sentence-uk-length-whole-life-order-parole/ (дата обращения: 25.03.2020).
28. Sturge G. UK Prison Population Statistics // Commons Library Briefing. 2019. July 23. 26 p.
29. Griffin D., O'Donnell I. The Life Sentence and Parole. The British Journal of Criminology. 2012. № 52 (3). P. 611–629.
30. Баламут А.Н. Психологическое сопровождение осужденных к пожизненному лишению свободы в рамках подготовки их к освобождению (с учетом возможности предоставления условно-досрочного освобождения) : практ. рук. Вологда, 2017. 74 с.
31. Шклярук М.С. Предисловие // Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.). М. : Центр стратегических разработок, 2017. 76 с.
32. Арсёнова А.А. Проблемы института пожизненного лишения свободы в российском уголовном праве // Наука. Общество. Государство. 2017. № 4 (20). С. 70–76.

Статья представлена научной редакцией «Право» 22 июня 2020 г.

Tendencies of Imposing Life Imprisonment

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 221–228.
DOI: 10.17223/15617793/457/26

Denis A. Dobryakov, RUDN University (Moscow, Russian Federation). E-mail: den-dobryakov@yandex.ru
Tatiana F. Minyazeva, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); Moscow City Teacher Training University (Moscow, Russian Federation). E-mail: minyazeva2020@mail.ru
Vyacheslav M. Pozdnyakov, Moscow State University of Psychology and Education (Moscow, Russian Federation). E-mail: pozdnyakov53@mail.ru

Keywords: life imprisonment; criminal punishment; release on parole; execution of punishments.

The legislative regulation and the specifics of the execution of life imprisonment in the Russian Federation and in foreign countries are examined in this article using the formal legal and comparative legal methods of scientific research. Life imprisonment as a type of punishment is applied in the vast majority of countries all around the world in various forms (such as indefinite life imprisonment or *de facto* life imprisonment, a term of fifty or more years). This punishment can be attributed to exceptional ones, since in terms of severity it is second after death penalty and actually deprives the convicted person not only of freedom, but also of all other rights except the right to life (which is the main difference between life imprisonment and death penalty). It is advisable to impose life imprisonment only for the most grave crimes and only on the most dangerous criminals. However, legislators of some countries do not share this opinion. Life imprisonment may be imposed not only for serious crimes against life, but also for crimes against sexual integrity and freedom, crimes against public safety (the so-called crimes of terrorist nature), as well as for crimes related to drug trafficking. Moreover, in some countries, life imprisonment may be imposed on minors, who in some cases do not have the right to parole. The authors consider the prospects for improving the legal norms on life imprisonment and propose to provide the possibility of imposing this punishment without the right to parole in the criminal legislation of the Russian Federation. The right to parole of persons sentenced to life imprisonment can be completely excluded from the legislation. To do this, the grounds for imposing life imprisonment must be changed (first of all, the list of crimes in the Russian Criminal Code for which this type of punishment can be imposed). The authors find it more acceptable to enshrine in the legislation life imprisonment without the right to parole for especially grave crimes against life and life imprisonment with the right to parole after serving ten or fifteen years of imprisonment, not twenty-five years as stipulated in the current Criminal Code of the Russian Federation. With these two types, it seems necessary to conduct an independent comprehensive judicial examination of a convict's correctability (when judges choose the type of life imprisonment) and results of correction (when judges decide on the release on parole).

REFERENCES

1. Seeds, C. (2019) Historical Modes of Perpetual Penal Confinement: Theories and Practices before Life Without Parole. *Law & Social Inquiry*. 2 (44). pp. 305–332.
2. Voskoboev, A.I. (2015) Death penalty and life imprisonment: problems of punishment application. *Yurist – Pravoved*. 3 (70). pp. 52–56. (In Russian).
3. Meincke, P. (2015) Juan Rivera wins largest wrongful conviction settlement in U.S. history. *ABC7*. 21 March. [Online] Available from: https://abc7chicago.com/news/man-wins-largest-wrongful-conviction-settlement-in-us-history/566716/. (Accessed: 20.03.2020).
4. Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. (2019) *Prigovor Permskogo kraevogo suda № 2-21/2019 ot 30.08.2019* [The verdict of the Perm Regional Court No. 2–21/2019 from 30.08.2019]. [Online] Available from: https://sudact.ru/regular/doc/ilwXoCFKd9V4/. (Accessed: 20.03.2020).
5. Mikhlin, A.S. (2006) Life imprisonment: legal status, imposition and execution. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 1. pp. 34–40. (In Russian).
6. Iksanov, R.A., Sultanbekova, E.L. & Kharisova, K.A. (2018) Economic performance of application of life imprisonment. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk – International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 4. pp. 202–205. (In Russian).
7. Gorinskaya, A. & Petelin, G. (2018) Volya dlya shesterykh: kak slozhilas' sud'ba pozhiznenno osuzhdennykh, kotorym udalos' vyyti na svobodu [Freedom for six: what the fate of life-sentenced prisoners who managed to be released is]. *RT*. 7 May. [Online] Available from: https://russian.rt.com/russia/article/510360-tyurma-svoboda-koloniya/. (Accessed: 20.03.2020).
8. Teplyashin, P.V. (2018) *Evropeyskie penitentsiarnye sistemy (teoretiko-prikladnoe i sravnitel'no-pravovoe issledovanie)* [European penitentiary systems (theoretical and applied and comparative legal research)]. Law Dr. Diss. Krasnoyarsk.
9. Tirranen, V.A. (2011) *Vysshie mery nakazaniya v Rossii i zarubezhnykh stranakh* [Capital Punishment in Russia and Foreign Countries]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
10. Tagantsev, N.S. (1902) *Russkoe ugolovnoe pravo. Lektsii. Chast' obshchaya* [Russian Criminal Law. Lectures. General part]. Vol. 2. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
11. Anon. (1903) *Novoe Ugolovnoe ulozhenie* [New Criminal Code]. Saint Petersburg: Izdanie Kamennoostrovskogo Yuridicheskogo knizhnogo magazina V.P. Anisimova.
12. Dikaeva, M.S. (2015) Infliction and execution of life imprisonment in Russia and foreign countries. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 3 (38). pp. 99–103. (In Russian).
13. Utkin, V.A. & Detkov, A.P. (1997) *Pozhiznennoe lishenie svobody* [Life Imprisonment]. Tomsk: Izd-vo NTL.
14. Legal Assistance System Consultant Plus. (2009) *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 23.06.2009 № 898-O-O "Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Kuptsova Alekseya Aleksandrovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav stat'ey 57 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 23.06.2009 No. 898-O-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Aleksey Aleksandrovich Kuptsov on violation of his constitutional rights by article 57 of the Criminal Code of the Russian Federation"].
15. Krasikov, Yu.A. (2009) Pozhiznennoe lishenie svobody (st. 57) [Life imprisonment (Article 57)]. In: Lebedev, V.M. (ed.) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation]. 6th ed. Moscow: Norma.
16. Propostin, A.A. (2012) Progressive system of executing imprisonment in the light of the concept of criminal enforcement system. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2 (4). pp. 45–54. (In Russian).
17. Federal Penitentiary Service of Russia. (n.d.) *Kharakteristika osuzhdennykh po srokam zaklyucheniya (nakazaniya)* [Characteristics of convicts in terms of imprisonment (penalty)]. [Online] Available from: http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/. (Accessed: 20.03.2020).
18. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Otchet o chisle privlechennykh k ugolovnoy otvetstvennosti i vidakh ugolovnogo nakazaniya za 2016 god* [Report on the number of persons prosecuted and types of criminal punishment for 2016]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/f10_1-svod-2016.xls/. (Accessed: 20.03.2020).
19. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2018) *Otchet o chisle privlechennykh k ugolovnoy otvetstvennosti i vidakh ugolovnogo nakazaniya za 2018 god* [Report on the number of persons prosecuted and types of criminal punishment for 2018]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/k4-svod_vse_sudy-2018.xls/. (Accessed: 20.03.2020).
20. Khutorskaya, N.B. (2018) Life imprisonment in the world practice. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 13 (1). pp. 67–69. (In Russian).
21. The Sentencing Project. (2018) *The Facts of Life Sentences*. [Online] Available from: http://www.sentencingproject.org/wp-content/uploads/2018/12/Facts-of-Life.pdf/. (Accessed: 25.03.2020).
22. Farmer, J.F. (2014) Inmate Rehabilitation Revisited: Using Goffman and Perrow to Explain Constraints on Transformational Technologies in Prison. *Journal of Social Science Studies*. 1 (2). pp. 198–223. DOI: 10.5296/jsss.v1i2.5319
23. Wildeman, C. & Wang, E.A. (2017) Mass incarceration, public health, and widening inequality in the USA. *The Lancet*. 10077 (389). pp. 1464–1474. DOI: 10.1016/S0140-6736(17)30259-3
24. Schmitt, G.R. & Konfrst, H.J. (2015) Life Sentences in the Federal System. *United States Sentencing Commission*. February.
25. GOV.UK. (n.d.) *Life sentences*. [Online] Available from: https://www.gov.uk/types-of-prison-sentence/life-sentences/. (Accessed: 25.03.2020).

26. Dodonov, V.N. (2009) *Sravnitel'noe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Comparative Criminal Law. General part]. Moscow: Yurlitinform.
27. Roberts, S. (2018) Life behind bars. *The Sun*. 9 April. [Online] Available from: https://www.thesun.co.uk/news/4918269/life-sentence-uk-length-whole-life-order-parole/. (Accessed: 25.03.2020).
28. Sturge, G. (2019) UK Prison Population Statistics. *Commons Library Briefing*. 23 July.
29. Griffin, D. & O'Donnell, I. (2012) The Life Sentence and Parole. *The British Journal of Criminology*. 52 (3). pp. 611–629.
30. Balamut, A.N. (2017) *Psikhologicheskoe soprovozhdenie osuzhdennykh k pozhiznennomu lisheniyu svobody v ramkakh podgotovki ikh k osvobozhdeniyu (s uchetom vozmozhnosti predostavleniya uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya)* [Psychological Support of Convicts to Life Imprisonment in Preparation for Their Release (Taking into account the possibility of granting parole)]. Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia.
31. Shklyaruk, M.S. (2017) Predislovie [Foreword]. In: *Ugolovnaya politika: dorozhnaya karta (2017–2025 gg.)* [Criminal Policy: Roadmap (2017–2025)]. Moscow: Tsentr strategicheskikh razrabotok.
32. Arsenova, A.A. (2017) Problems of the institute of life imprisonment in Russian criminal law. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*. 4 (20). pp. 70–76. (In Russian).

Received: 22 June 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 229–242. DOI: 10.17223/15617793/457/27

УДК 347.9

Д.В. Князев

ЭВОЛЮЦИЯ ТРЕБОВАНИЙ К СОДЕРЖАНИЮ ИСКОВОГО ЗАЯВЛЕНИЯ ПОД ДАВЛЕНИЕМ ПОВЫШЕННОЙ НАГРУЗКИ НА СУДЕБНУЮ СИСТЕМУ США

Статья подготовлена при поддержке Федерального государственного бюджетного учреждения «Российский фонд фундаментальных исследований» (выделен грант, проект № 19-011-00202).

Задача исследования – проследить эволюцию требований к содержанию искового заявления в гражданском процессе США. Автор приходит к выводу о том, что в настоящий момент существует неопределенность в толковании правил плидирования как на теоретическом уровне, так и в правоприменительной практике, что в значительной степени является следствием реакции судов на возросшую нагрузку. В настоящий момент федеральные судьи США не имеют четких ориентиров в вопросе определения достаточности изложенных в исковом заявлении фактов.

Ключевые слова: гражданский процесс США; плидирование; содержание искового заявления; основание иска; кризис судебной системы США.

Введение. Степень доступности судебной защиты в значительной мере зависит от характера процедуры, предусмотренной национальным правопорядком для начала судебного процесса. Предъявление искового заявления в суд традиционно является необходимым этапом такой процедуры. Следовательно, требования, предъявляемые к содержанию искового заявления, неизбежно сказываются на доступности правосудия в целом. Согласно действующему федеральному законодательству США исковое заявление по гражданскому делу должно содержать в себе (1) краткое и ясное изложение обоснования юрисдикции суда, если только суд уже не обладает юрисдикцией и в иске нет необходимости указывать новые основания; (2) краткое и ясное изложение иска, из которого следует, что истец имеет право на защиту; (3) требование о предоставлении такой защиты, которое может содержать альтернативные и различные виды защиты (Fed. R. Civ. P. 8 (a)). Требования к исковому заявлению не всегда были так просты, какими кажутся сейчас. Само по себе исковое заявление в парадигме гражданского процесса США традиционно рассматривается в качестве элемента стадии плидирования – этапа гражданского процесса, на котором стороны обмениваются состязательными бумагами (стороны проясняют свою позицию как по делу в целом, так и его отдельные аспекты, в частности существо требований истца, испрашиваемый им способ защиты, основание иска, доказательства). Рассматриваемая фаза судопроизводства в разные периоды истории гражданского процесса США имела различное значение. С давних времен эта стадия процесса в странах общего права отличалась необходимостью соблюдения множества формальностей. Собственно, строгое соблюдение таких формальностей долгое время было основной задачей тяжущихся на этом этапе процесса. Стоит признать, что в таком виде стадия плидирования не преследовала исключительно необходимость решения главных задач судопроизводства, но также служила своеобразным фильтром как на пути как явно необоснованных исков, так и на пути исков, вполне заслуживающих внимания судебной системы. В американской литературе принято выделять три периода в развитии стадии обмена состязательными бумагами в гражданском процессе [1. С. 284]. Первый – это плидирование по правилам общего права (common law pleading), в таком виде оно пришло на территорию современных Соединенных Штатов вместе с остальным английским правом. Начало второго периода развития рассматриваемого института связывают с принятием Процессуального кодекса штата Нью-Йорк 1848 г. (Code of Procedure of the State of New York of 1848), известного также как Кодекс Филда (Field Code)[1]. Названный акт оказал глубокое влияние на развитие гражданского процессуального законодательства на территории США, так как в течение последующих лет был рецепирован большинством остальных штатов[2]. Правила плидирования по Кодексу Филда получили название фактического плидирования (fact pleading) или плидирования по кодексам (code pleading). Наконец, третий период эволюции стадии обмена состязательными бумагами восходит к моменту принятия Федеральных правил гражданского процесса 1938 г. (далее – ФПГП, Правила) и учреждению на уровне отдельных штатов схожих правил.

ФПГП установили решительно иной подход к заявлению иска: требования к исковому заявлению и возражениям ответчика были максимально упрощены (новая система правил плидирования получила название notice pleading – уведомительное плидирование), что значительно облегчило обращение в суд и переход к следующему этапу процесса – раскрытию доказательств. Однако либеризация требований к исковому заявлению, как считается, открыла широкую дорогу для значительно большего количества обращений в суды и послужила одной из причин перегрузки, кризиса судебной системы США во второй половине XX в. (litigation explosion); «дозволение предъявлять иски юристам, не уверенным в их фактическом основании, не продумавшим его правовые аспекты, с самого начала явно позволило и побудило их подавать больше исков» [2. P. 106]. Кризис проявился в кратном увеличении количества обращений в суды, продолжительности рассмотрения дел и судебных расходов сторон (особенно на стадии раскрытия доказательств). В частности, в период с 1962 по 1983 г. от-

мечается прирост количества дел в 4,4 раза (с 54 615 до 241 159 дел в год) [3. P. 1859][3]. Считается, что так называемые иски о защите гражданских прав[4] (civil rights actions) составляют наиболее значительную часть в нагрузке судей, по крайней мере, с точки зрения количества дел.

Реакция правовой системы США на «взрыв литигации» носила многоаспектный характер: превращение судьи из традиционно пассивного наблюдателя в гораздо более активного участника подготовительной стадии процесса (явление получило название case management – управление делом); вменение судьям в обязанность активно способствовать заключению сторонами соглашения по делу и последующее утверждение мирового соглашения в качестве основного способа окончания дела; «укрощение» раскрытия доказательств, т.е. принятие комплекса мер для недопущения злоупотреблений сторонами в ходе этой процедуры; бурное развитие так называемых альтернативных способов разрешения споров; расширение практики отклонения исков и вынесения суммарных решений. Что касается плидирования, в частности требований к содержанию искового заявления, то правила, заложенные в ФПГП в 1938 г. (правило 8), вплоть до настоящего времени остаются неизменными. Вместе с тем практика их применения весьма преобразилась. Под давлением значительно выросшей нагрузки суды стали прибегать к так называемому повышенному стандарту плидирования (heightened pleading), требуя от истцов по некоторым категориям дел более подробного описания (формулирования) основания иска, чем это предусмотрено правилом 8 ФПГП. Это привело к росту доли отклоненных исковых заявлений. Верховный суд США (ВС США) продолжительное время «не замечал» сложившееся положение вещей, реакция впервые последовала лишь в 1993 г. в решении по делу Лезерман, а затем в 2002 г. – по делу Сверкевич[5]. ВС США предпринял попытку переломить обозначенный тренд, призвав суды не отклоняться от «идеалов» уведомительного плидирования, заложенных отцами-основателями ФПГП. Однако в 2007 г., затем в 2009 г. соответственно в Томбли и Икбал[6] Верховный суд США буквально поразил юридическую общественность, предложив новый, более строгий подход к формулированию в исковом заявлении основания иска. Взамен уведомительного плидирования ВС США фактически установил новый стандарт – так называемое правдоподобное плидирование (plausibility pleading), согласно которому истец должен привести в исковом заявлении «*достаточно фактов, чтобы требование о предоставлении судебной защиты внушало доверие уже с первого взгляда* (здесь и далее выделено мной. – *Д.К.*)». Указанные дела вызвали настоящую бурю в юридическом сообществе, так как посягнули на незыблемые с момента принятия ФПГП правила обращения в суд, по мнению некоторых правоведов, создали препятствие на пути к судебной защите.

Задача настоящего исследования состоит в том, чтобы проследить эволюцию «стандартов» плидирования в гражданском процессе США, а именно требований к содержанию искового заявления под давлением чрезмерной нагрузки на судей.

1. Правила плидирования до принятия ФПГП 1938 г.

Плидирование по праву и по «справедливости» [4. С. 80–84] в настоящий момент в США более не применяется ни на федеральном уровне, ни на уровне штатов, однако, как было замечено выше, оно послужило основой для фактического и затем уведомительного плидирования. С учетом этого имеет смысл обозначить ключевые черты рассматриваемого явления в его самом раннем состоянии.

Исторически в Англии сформировались две параллельные судебные системы: королевские суды (суды «закона») и суды Канцлера (суды «справедливости»), в каждой из которых существовали свои собственные процедуры, употреблялась своя терминология, различались способы защиты права, «из Англии дуализм в судопроизводстве, обусловленный противопоставлением материального права (law), положениям “справедливости” (equity), был воспринят в США» [5. С. 12].

Особенности процедуры плидирования в королевских судах (common law pleading). Отметим несколько основных черт, отличающих плидирование по праву в самом раннем его периоде развития от фактического и уведомительного. (1) Существование ограниченного перечня форм обращения в суд и необходимость строго им соответствовать. Форма обращения в суд определяла закон, подлежащий применению, и факты, о которых истец должен был заявить и доказать, она же определяла также дальнейшую судебную процедуру и способ защиты, который мог быть предоставлен судом истцу. Малейшие отступления от заранее предписанных правил формы приводили к поражению истца. (2) Сильная зарегулированность процедуры, ее обрядовость. Процедура плидирования была жестко структурирована и состояла из нескольких этапов. Помимо этого существовала система принципов, которым стороны должны были следовать, что делало процедуру еще более замысловатой.

Так, правила о плидировании объединялись в семь групп [9. P. 128–443; 16. P. 231–432]. Не вдаваясь в детали, отметим только, что принципы плидирования требовали выявления предмета спора, его существенности, единства, слитности, определенности и индивидуальности, призывали к исключению всякой неясности и путаницы, многословия и задержек, а также к необходимости использования специальных словесных формул, очередности поступления заявлений, правдивости заявлений сторон. (3) Необходимость выявления сторонами спорного вопроса факта (issue) с целью передачи его на суд присяжных. Как указывает Дж. Лангбейн (J. Langbein), участие присяжных помогает объяснить то огромное количество ограничений в отношении судопроизводства и в особенности требование о формулировании спорного факта… Это был способ сузить и упростить задачу присяжным, однако часто ценой излишнего упрощения и искажения существа дела [11. P. 71]. Таким образом,

обязанность для сторон выполнять многочисленные требования технического характера затрудняла судебную защиту. Со временем формы обращения в суд устарели и перестали отвечать потребностям жизни. Поэтому тяжущимся приходилось подгонять обстоятельства дела под устаревшие формы обращения в суд, использовать многочисленные фикции.

Плидирование в судах справедливости (equity pleading). Процедура плидирования по «справедливости» была не намного проще, чем в судах права, истец обращался с жалобой (bill of complaint), требуя предоставления защиты, и если по существу такая защита могла быть предоставлена, при этом не нарушалась компетенция суда права, суд удовлетворял требование. В отличие от судов общего права с их набором заранее известных форм обращения в суд, истец был свободен от необходимости соблюдения подобного формализма. Однако при этом от истца требовались очень длинные и подробные объяснения фактической и правовой сторон дела [6. P. 528], что также не способствовало доступности правосудия.

Фактическое плидирование (fact pleading, code pleading)[7]**.** Как было показано выше, процедура состязательного обмена как в судах права, так и в судах справедливости характеризовалась необходимостью соблюдения множества формальностей, а разочарование, связанное с жесткостью и несправедливостью этого этапа судопроизводства, привело к появлению системы «фактического» плидирования. Отличительные черты фактического плидирования, которые, по крайней мере, декларировались на уровне принимаемых кодексов, состояли в следующем. Новая система отменила существовавшие в судах права формы обращения в суд (forms of action), разграничение права и «справедливости», была установлена единая форма обращения в суд – гражданский иск (civil action). Теперь судья мог применять любой способ защиты – из права или из «справедливости» – в зависимости от того, какой требовался в целях защиты права. Истцы получили более легкий доступ к правосудию, на их плечах более не лежал непростой выбор между судом права или судом «справедливости». Избавление от архаичных форм обращения в суд открыло путь для восстановления права в самых разных ситуациях, а не только в тех, которые подпадали под имевшийся прецедент. Новая конструкция «простого и краткого» заявления о нарушении права помогла избавиться от бесчисленного множества ловушек, подстерегавших истца при обращении за защитой. В сравнении с прежним порядком, царившим в судах права и требовавшим от истца строгого соблюдения формы обращения, а также с описанным выше порядком, заведенным в судах справедливости, новая процедура была настоящим прорывом. Исковое заявление должно было содержало в себе лишь «*простое и краткое изложение фактов, подтверждающих каждое основание иска, без ненужных повторов*».

Приведенное правило на первый взгляд кажется простым, однако простота оказалась мнимой, в заявлении указывались факты, подтверждавшие *каждое основание иска*, но оставался вопрос о том, что это за факты. Требовалось, чтобы в заявление включались только *основные (окончательные) факты* (ultimate facts). Эти факты, во-первых, не должны были быть доказательственными (evidentiary facts), те, что касались лишь отдельных сторон дела, во-вторых, указываемые факты не должны были быть *суждениями относительно прав*а (conclusions of law). Указание доказательственных фактов и доводов о праве запрещалось. У Ч. Кларка по этому поводу находим: «Кодификаторы пришли к выводу о том, что для смешанной системы, которую они предлагали, доказательственные факты должны быть опущены, должны быть приведены основные факты, в отличие от суждений о праве, а плидирование не должно продолжаться до выявления одного формального спорного вопроса, но должно быть окончено в любой момент с получением ответа» [13. P. 260].

Однако юристы испытывали трудности в разграничении основных, доказательственных фактов и утверждений о применимом праве. Это было непросто. Тонкие различия между ними создавали путаницу, что в итоге вело к отклонению исков. В тысячах случаев истцы сталкивались с тем, что, оказывается, привели *доказательственные* факты, вместо того чтобы привести факты, *составляющие основание иска*, или привели правовое основание, и поэтому суд отклонял иск [14. P. 417]. «Большие надежды, возлагавшиеся на Кодекс Филда, не оправдались. Частично, это можно отнести на счет судебного саботажа», на «холодное, если не сказать бесчеловечное, обращение, которое младенческий кодекс получил от нью-йоркских судей» [15. P. 438]. Затруднительность разграничения основных и доказательственных фактов заключалась в том, что на самых ранних этапах процесса еще существовала неясность относительно того, какие факты действительно имеют место и будут иметь значение для разрешения спора. Однако основную сложность представляла собой необходимость избегать упоминания суждений правового характера. В частности, было очень трудно отличить основные факты от заключений о праве, поскольку многие понятия, такие как соглашение, право собственности и исполнение, содержат смесь фактов и юридических заключений [15. P. 438], так как при упоминании имеющих значение для дела обстоятельств мы неизбежно имеем ввиду нормы права, которые связывают с этими обстоятельствами некие последствия. Простейшее требование из договора займа, когда требование о возврате взятого взаймы с наступлением срока платежа неминуемо подразумевает существование нормы, предусматривающей наличие такой обязанности у ответчика.

Вот как описывал эту проблему У. Кук (W. Cook): «Нет ни одного факта, связанного со статусом личности, который в той или иной степени не подразумевал вопрос права. Если вы утверждаете, что некий человек является старшим сыном двух лиц в браке, вы неизбежно касаетесь вопроса права, потому что вы должны знать, что имел место законный брак, а указанное лицо был первым, кто родился у супругов после заключения ими брака (либо, как предусмотрено в некоторых странах, – до брака)… вряд ли мы найдем факт, который не подразумевает под собой его связи с правом. Если вы утверждаете, что лицо владеет недвижимостью за

10 000 фунтов стерлингов в год, понятие владения – это правовая категория, и она означает существование права… точно так же ни один факт, связанный с категорией недвижимости, не может рассматриваться в отрыве от права» [14. P. 420]. Таким образом, плидирование вызвало сложности даже в самых распространенных исках. Например, факты, детали, необходимые для предъявления требования о халатности, «…регулярно перекалибровывались. Такое фехтование среди юристов привело к застою, что мешало разрешению споров по существу» [15. P. 438]. Правоприменительная практика по кодексам «превратилась в бесконечные технические разногласия по поводу различий между "окончательными фактами", "доказательствами" и "выводами о праве"» [15. P. 438].

В 1930-е гг., период, предшествовавший принятию ФППГП, сказанное выше в отношении фактического плидирования было справедливо лишь для судов штатов, и то не для всех. Около половины штатов приняли процедуру, предложенную Кодексом Филда. Вместе с тем в большинстве остальных штатов, даже без явной рецепции упомянутого кодекса, существовала процедура, в соответствии с которой «одни и те же судьи в одних и тех же судах отправляли правосудие как на основе права, так и сообразно справедливости; даже формальные различия в значительной степени стирались из-за возможности свободно передавать дела из одного суда другому суду и свободно смешивать вопросы права и справедливости в одном и том же деле» [16. P. 393], лишь в «половине дюжины штатов сохранялось четкое разделение процедур по праву и по справедливости» [16. P. 393].

Поскольку федеральные суды работали по собственным правилам, там действовала своеобразная «смесь» процедур из права и из справедливости, порожденная так называемым принципом соответствия[8]. А.Д. Кейлин на этот счет указывал, что «общефедеральные правила судопроизводства подлежали применению при рассмотрении в федеральных судебных учреждениях дел в соответствии с положениями «справедливости» (а также дел морских), в то время как при рассмотрении дел в федеральных судах в соответствии с нормами права применению должны были подлежать правила судопроизводства, принятые в том штате, в пределах которого находился соответствующий федеральный суд» [5. С. 13]. Но, как было показано ранее, в судах штатов с процедурой плидирования дело обстояло далеко не так определенно. В итоге никакой унификации процедуры судов штатов и федеральных судов не получилось, в федеральных судах царил настоящий хаос, «к началу 30-х гг. стало ясно, что только радикальные изменения могут окончательно положить конец этой раздробленной, загадочной и тягостной процессуальной системе» [7. P. 1117].

2. Уведомительное плидирование по ФППГП 1938 г.

ФППГП, принятые в 1938 г., произвели революцию в федеральном процессуальном законодательстве. Подготовительная стадия процесса перестала состоять лишь из этапа плидирования, последнее превратилось в часть подготовительной стадии, которая пополнилась также процедурами раскрытия доказательств (discovery) и самостоятельной досудебной процедурой (pre-trial). Одно из центральных нововведений ФППГП – это упразднение жестких требований фактического плидирования. Вместо этого ФППГП кардинально облегчили требования к изложению искового заявления и возражением на него, «…простая, либеральная процедура плидирования находилась в центре новой процессуальной модели, ее "либеральный этос" очевиден благодаря самой структуре правил, которая должна была гарантировать, что дела будут решаться по существу» [15. P. 433]. Так как Ч. Кларк, будучи основным архитектором новых правил[9], категорически выступал против к состязания с ходе плидирования [8. С. 963], требование о том, чтобы заявление истца было подробным, с деталями, по его мнению, было бессмысленным, расточительным. Новое базовое правило состояло в том, чтобы исковое заявление содержало в себе «краткое и ясное изложение иска, из которого следует, что заявитель имеет право на помощь» (short and plain statement of the claim showing that the pleader is entitled to relief) (Fed. R. Civ. P. 8 (a)(2)). Предполагалось уйти от необходимости для истца ссылаться на «факты» и «основания иска», превратившиеся в столь серьезное препятствие для обращений в суд в системе фактического плидирования, по выражению Ч. Кларка, «стадия плидирования необходма лишь для того, чтобы получить повествование сторон о прошлых событиях, из которых впоследствии должен вырасти судебный процесс» [18. P. 1298].

Цель новых правил состояла в построении такой системы гражданского процесса, при которой гражданские дела разрешались бы по существу (*on the merits).* Предусматривалась единая форма обращения в суд – гражданский иск, единый порядок начала процесса – путем обращения с заявлением в суд. В итоге правило 8 (a)(2) ФППГП, существующее по сей день в неизменном виде, требовало от искового заявления и других документов, содержащих требования (встречный иск, перекрестный иск[10], заявление третьего лица), следующее: (1) краткое и ясное изложение обоснования юрисдикции суда, если только суд уже не обладает юрисдикцией и в иске нет необходимости указывать новые основания; (2) *краткое и ясное изложение иска, из которого следует, что истец имеет право на защиту*; (3) требование о предоставлении такой защиты, которое может содержать альтернативные и различные виды защиты (Fed. R. Civ. P. 8(a)).

В течение нескольких десятилетий после принятия ФППГП ВС США четко следовал тому упрощенному подходу к процедуре плидирования, который был заложен в Правилах [19. P. 340]. Первое значимое толкование Верховным судом США нового правила нашло отражение в деле **Конли против Гибсон**[11] (далее – Конли). Чернокожие работники железной дороги обратились в федеральный суд с иском к своему профсоюзу, руководствуясь Законом о труде на железной дороге, после того как они были уволены, а вместо них были наняты белые работники. Истцы

утверждали, что профсоюз дискриминационно не защитил уволенных работников тем же способом, как он защищал своих белых членов. В ходатайстве об отклонении иска профсоюз ссылался на *ненадлежащее выполнение обязанности по формулированию заявления.* Дело дошло до ВС США, который указал, что «*…заявление не должно отклоняться по причине ненадлежащего выполнения обязанности по формулированию заявления, за исключением тех случаев, когда не остается сомнений в том, что истец не может доказать никаких фактов в обоснование своего заявления, которые дали бы ему право на помощь*». Далее в течение пятидесяти лет после дела Конли СВ США раз за разом цитировал и применял стандарт о «**ясном уведомлении**», заложенный в указанном деле.

Стандарт фактического обоснования иска, учрежденный Правилами, стал именоваться уведомительным (notice pleading). Этим как бы делался акцент на основной функции искового заявления – лишь сообщить ответчику, уведомить его о существе заявленного требования, а более подробное выяснение фактов, на которых истец основывает иск, должно происходить на стадии раскрытия доказательств. Тем самым авторы ФПГП, памятуя о проблемах фактического плидирования, стремились исключить отклонение иска в самом начале процесса и «заставить» суды разрешать вопрос о его обоснованности уже в ходе судебного разбирательства.

3. Повышенный стандарт плидирования

Совместно с описанным выше правилом 8, из которого вытекают простые требования «уведомительного» плидирования, ФПГП предусмотрели особые ситуации, в которых при обращении в суд требуется более обстоятельное изложение фактов. Эти требования в практике получили название повышенного стандарта плидирования (heightened pleading standard). Так, правило 9 (b) требует, чтобы «*во всех случаях мошенничества или введения в заблуждение обстоятельства, составляющие мошенничество или введение в заблуждение, были изложены подробно*». В судебной практике требование о *подробном* изложении в указанных случаях объясняется четырьмя причинами[12]. Во-первых, защитить репутацию ответчика. Во-вторых, предотвратить предъявление явно необоснованных исков и страйк-исков[13]. В-третьих, защитить уже завершенные сделки. Основания для оспаривания таких сделок должны быть достаточно серьезными, чтобы оправдать трудности, связанные с обращением в суд. В-четвертых, обеспечить адекватное уведомление ответчика о существе требования, «из-за присущей заявлению о мошенничестве аморфности необходима большая конкретность, дабы дать ответчику точную информацию о том, какое поведение истец считает мошенничеством» [20. P. 565].

Однако несмотря на то, что повышенные требования к обоснованности искового заявления законом (правило 9 (b) ФПГП) предъявляются лишь к искам о мошенничестве и введении в заблуждение, федеральные суды взяли на вооружение практику применения повышенного стандарта и к другим делам. Выше отмечалось, что судебная система США во второй половине XX в. столкнулась с кризисом. Количество исков по некоторым категориям дел увеличилось особенно сильно. Так, в период с июня 1986 г. по июнь 1987 г. в федеральные суды было подано 43 359 исков о защите гражданских прав (civil rights actions), что составило 18% от общего количества обращений. Для сравнения, в аналогичный период 1966–1967 гг. подобных исков было предъявлено лишь 2 131 (3% от всех заявлений). Таким образом, прирост таких исков в период с 1967 по 1987 г. был лавинообразным и составил около 2 000%, в то время как в целом прирост количества обращений в суды был около 235% [21. P. 935–936]. Названные иски основаны на положениях раздела 21 Кодекса Соединенных Штатов, который предусматривает возможность привлечения к ответственности путем предъявления иска в суд лиц, виновных в лишении другого лица любых прав, привелегий и иммунитета, обеспеченных Конституцией США (42 U.S. Code § 1983). Иски о защите гражданских прав предъявлялись в тот период в значительной степени заключенными. К примеру, в 1987 г. из всех исков о защите гражданских прав около половины предъявлено заключенными, и это около 10% всех обращений в судебную систему [21. P. 937]. Как видно, эти иски представляли собой значительную проблему для судебной системы. Однако обеспокоенность вызывало не только их количество, но и то обстоятельство, что значительная часть из них были явно необоснованными.

Реакция судебной системы на столь значительный рост количества указанных исков состояла в применении судами к ним так называемого повышенного стандарта плидирования. Отметим, что каких-либо изменений процессуального законодательства в отношении требований к исковому заявлению не было, правило 8 ФПГП оставалось неизменным. По существу инициатива шла снизу, рождалась на уровне практики отдельных федеральных судов первой инстанции и апелляционных судов. Это была своеобразная защитная реакция судей на массу зачастую необоснованных исков, которая покоилась на уверенности судей в том, что «суды переживают взрыв дел, основанный на чрезмерном, неправильном использовании, злоупотреблениях в системе гражданского правосудия» [22. С. 171].

Одно из первых таких дел – *Вэлли против Мол*[14]. Истцы подали иск о сговоре в соответствии с параграфами 1983 и 1985 Кодекса Соединенных Штатов против муниципалитета, нескольких сотрудников полицейского управления и частной компании. Окружной суд штата Коннектикут отклонил иск как «*полностью лишенный каких-либо фактических утверждений, из которых следовало бы, что было совершено умышленное лишение прав*». Прямо ссылаясь на необходимость защиты судов от большого количества явно необоснованных исков, суд признал, что «*обычно выполнения требований об уведомительном плидировании достаточно, однако для исков, поданных в соответствии с актами о гражданских правах, были установлены исключения… В последние годы возрос-*

ло количество дел, возбужденных в соответствии с актами о гражданских правах. Значительное количество этих дел возникает по поводу явно необоснованных исков либо они должны рассматриваться в судах штатов; все они вызывают у ответчиков – публичных должностных лиц, полицейских, обычных граждан – значительные расходы, неприятности, возможно, необоснованную дурную славу. Важно… отсеять необоснованные и несущественные дела на ранней стадии судебного разбирательства, и при этом двери федеральных судов остаются открытыми для разумных исков».

Далее практика применения к рассматриваемым искам более жестких требований в части фактической обоснованности разрасталась. Общепризнанным «лидером» по применению повышенного стандарта плидирования считается Федеральный апелляционный суд Третьего округа [15. P. 449]. Практика этого суда свидетельствует о применении повышенных требований к обоснованности искового заявления ко всем искам о гражданских правах. Мотивы те же: «*обращающиеся в суд с иском на основании актов о гражданских правах с большей вероятностью подадут явно необоснованный иск, чем другие истцы в федеральных судах*»[15], что создает значительный риск того, что публичное должностное лицо будет подвергнуто бесполезному домогательству и вынуждено будет нести судебные расходы[16]; исковое заявление должно содержать в себе достаточно фактов, чтобы убедить суд в том, что иск не является заведомо необоснованным[17].

Так, в деле Негрич против Хон[18] истец утверждал, что в то время как он ожидал суда, все ответчики (шесть штатов и служащие графства) применяли к нему жестокое и необычное наказание. Отклоняя иск, суд следующим образом истолковал уведомительное плидирование: «*заявление считается неполным, если оно широкое и безосновательное. Заявление Негрича, по сути, не предоставило ответчикам адекватное сообщение о фактах, так как из него невозможно установить, кто из ответчиков был ответствен за неконституционное обращение с истцом*». В деле Кауфман против Мосс[19] Третий окружной суд сослался на дело Негрич и указал, что *все иски о гражданских правах должны заявляться с применением специальных правил об обоснованности с тем, чтобы в дальнейшем они не были отклонены судом*. В деле Ротоло против района Шарлеруа[20] приведена подобная аргументация. В Frazier v. Southeastern Pennsylvania Transp. суд указал, что «*достаточность указанных в заявлении фактов должна быть определена в каждом конкретном случае… критически важно выяснить, было ли предъявлено фактов достаточно для того, чтобы установить, что заявление не является явно необоснованным, и предоставить ответчику достаточно информации, чтобы сформулировать ответ*»[21]. Федеральные суды других округов также активно примеяли повышенные требования к фактическому обоснованию иска по делам о защите гражданских прав[22].

Таким образом, несмотря на то что на уровне законодательства требования к исковому заявлению оставались неизменными, нижестоящие суды, руководствуясь соображениями уменьшения собственной нагрузки, активно применяли повышенные требования к искам о защите гражданских прав.

Реакция ВС США на повышенный стандарт. Помним, что введенные ФПГП правила плидировния были нацелены на минимизацию влияния этого этапа процесса, а функции искового заявления должны быть сильно ограничены: оно лишь инициирует судебное разбирательство и в общих чертах обозначает для суда и для ответчика природу требований истца. Однако рассмотренный выше особый «повышенный» стандарт фактического обоснования исков о защите гражданских прав явно противоречит духу «уведомительного» плидирования, заложенному в ФПГП, так как он «создает уникальный класс судебного разбирательства… это процессуальное требование больше не предъявляется ни к каким другим делам» [21. P. 953].

Требование некоторых судов о более тщательном обосновании исков о защите гражданских прав вызывало множество вопросов у юридического сообщества. И в 1993 г. ВС США в деле **Лезерман против Отдела по борьбе с наркотиками округа Таррант**[23] (далее – дело Лезерман) впервые высказался относительно сложившейся в судах практики и по сути признал ее порочной. Согласно фабуле дела сотрудник полиции обнаружил химический запах, связанный с метамфетаминами около дома гражданина Лезермана. Полиция получила ордер на обыск дома, обыск был проведен в отсутствие хозяев. В ходе обыска были застрелены две собаки, принадлежавшие подозреваемым, наркотики не были найдены. Лезерманы подали иск на основании параграфа 1983 раздела 42 Кодекса Соединенных Штатов (42 U.S.C. § 1983), утверждая, что поведение офицеров полиции нарушило их права на Четвертую поправку. Суд первой инстанции отклонил иск со ссылкой на то, что *истцы в заявлении не выполнили повышенный стандарт плидирования, применяемый в Пятом апелляционном округе*. Апелляционный суд Пятого округа поддержал решение первой инстанции, указав, что в заявлении о привлечении муниципалитета к ответственности на основании параграфа 1983 факты должны быть изложены *с особой тщательностью*. Верховный суд отменил решения нижестоящих судов, указав, что федеральный суд не может применять «повышенный стандарт плидирования» в делах о привлечении муниципалитета к ответственности по искам о гражданских правах. Суд пришел к выводу, что «*повышенный» стандарт плидирования «невозможно согласовать» с тем фактом, что Правило 8 (а) (2) требует лишь «краткое и ясное изложение требования, из которого следует, что заявитель имеет право на помощь», суд решительно поддержал уведомительное плидирование, заложенное в правиле 8: «в Конли против Гибсон мы фактически сказали, что Правило означало то, что было сказано*».

В 2002 г. в деле **Сверкевич против Сорема**[24] (далее – дело Сверкевич) Верховный суд снова подверг критике более жесткие требования нижестоящих судов к искам о защите гражданских прав. А. Сверкевич, 53-х лет, уроженец Венгрии, работал в компании Sorema N.A. в качестве старшего вице-президента и ру-

ководителя отдела андеррайтинга (CUO). Sorema N.A. принадлежала и контролировалась французской компанией. Почти через шесть лет после приема на работу генеральный директор понизил в должности истца и передал многие его обязанности 33-летнему гражданину Франции, еще годом позже назначил последнего руководителем отдела андеррайтинга (CUO). Сверкевич подал иск о дискриминации по признаку возраста и национальности в нарушение Закона о дискриминации по возрасту в сфере занятости 1967 г. и раздела VII Закона о гражданских правах 1964 г. Суд первой инстанции постановил, что «истец не привел достаточно фактов в поддержку заявления о дискриминации». Апелляционная инстанция оставила решение без изменений. Верховный суд указал, что в исковом заявлении о дискриминации при приеме на работу необязательно указывать конкретные факты, так чтобы все аспекты дела были понятны «с первого взгляда». Суд вновь поддержал позицию Верховного суда, изложенную в деле Конли против Гибсон (*иск не может быть отклонен по причине ненадлежащего выполнения обязанности по формулированию заявления, за исключением тех случаев, когда не остается сомнений, что истец не может доказать никаких фактов в обоснование своего заявления*), еще раз отметил, что *суд может отклонить иск, только если ясно, что никакая помощь не может быть предоставлена на основании тех фактов, на которые ссылается истец, даже если они будут доказаны.* Суд подчеркнул, что приведенная позиция применима не только в отношении случаев дискриминации в сфере занятости. Отнюдь, упрощенный стандарт плидирования, установленный правилом 8 (a), применяется ко всем гражданским искам, если иное не предусмотрено Федеральными правилами или федеральным законом [23. P. 1530].

Несмотря на то что Верховный суд в делах Лезерман и Сверкевич обозначил свою позицию в отношении повышенных требований к фактическому обоснованию исковых требований, «в некоторых федеральных судах продолжала накапливаться напряженность по конкретным типам дел, когда имелись серьезные опасения по поводу явно необоснованных и мошеннических судебных процессов» [7. С. 1120–1121]. К. Фэирман (Ch. Fairman) указывает, что в этом в значительной степени повинен сам ВС США, так как он оставил в деле Лезерман некоторые оговорки, отметив, что «суду не представилось возможности решить, необходимо ли в случаях квалифицированного иммунитета[25] требовать выполнения повышенного стандарта плидирования по делам, затрагивающим отдельных должностных лиц правительства» [20. P. 583]. Это привело к тому, что федеральные суды по-разному толковали пределы, установленные в деле Лезерман, – от широкого применения Лезерман до игнорирования позиции Верховного суда по некоторым категориям дел [20. P. 584–585]. К. Мерсер (K. Mercer) указывает, что уже после дела Сверкевич, в частности, в Четвертом округе судьи практиковали подход, игнорирующий позицию Верховного суда, и требовали от истцов ссылаться на факты, «подтверждающие существование каждого элемента основания иска, часто с достаточно детальным указанием фактов» [24. P. 1178–1179].

Таким образом, несмотря на то что ВС США в Лезерман и Сверкевич ясно обозначил свое отрицательное отношение к повышенному стандарту обоснованности искового заявления, нижестоящие суды продолжали его применять, зачастую игнорируя позицию ВС США.

4. «Вероятностное» плидирование (plausibility pleading)

В 2007 г. Верховный суд буквально взорвал устоявшийся порядок вещей, приняв решение по делу **Белл Атлантик против Томбли**[26] (далее – дело Томбли). Истцы обратились с иском против нескольких телекоммуникационных провайдеров и утверждали, что между ними имел место сговор относительно того, что они не будут конкурировать друг с другом на определенных территориях в сфере услуг местной телефонной связи и высокоскоростного интернета, а также относительно того, что преградят доступ на указанные рынки конкурентов; эти действия, по мнению истцов, являются нарушением законодательства о защите конкуренции. В частности, истцы утверждали, что, руководствуясь общими мотивами, в целях воспрепятствования конкурентным усилиям других местных операторов телефонной связи и интернета ответчики «были вовлечены в параллельное поведение» в своих зонах обслуживания, чтобы предотвратить рост конкуренции. Действия операторов-ответчиков якобы включали в себя заключение несправедливых соглашений с другими операторами, не являющимися ответчиками, о доступе к сетям, обеспечивающим подключение к сетям более низкого уровня, о взимании более высокой платы и выставляя счета таким образом, чтобы саботировать отношения других местных провайдеров с их собственными клиентами. В исковом заявлении не указывались на какие-либо конкретные соглашения или договоренности между ответчиками, утверждалось лишь, что такие соглашения могут быть выведены из «общей неспособности ответчиков в какой-либо значительной степени использовать привлекательные возможности для бизнеса на смежных рынках, где они обладают существенными конкурентными преимуществами».

Суд первой инстанции отклонил иск. Апелляционный суд Второго округа решение отменил, указав, что правило 9 ФПГП предусматривает случаи, когда требуется особая тщательность при фактическом обосновании исковых требований, однако антитрастовые дела не входят в этот перечень, следовательно, более точного указания фактов при предъявлении иска не требовалось. Кроме того, Окружной суд сослался на традиционную риторику «уведомительного» плидирования, указав, что заявления было «*достаточно, чтобы ясно уведомить ответчика о существе иска и об основаниях, на которых он покоится*».

Однако ВС США занял неожиданную позицию, отменяя решение апелляционной инстанции, заявил, что обращение в суд требует «большего, чем

ярлыки и голословные утверждения», «*приведенных фактов должно быть достаточно, чтобы поднять право на судебную защиту выше спекулятивного уровня*». И дальше ВС США, по сути, отверг подход, изложенный в деле Конли: «*буквальное соблюдение Конли против Гибсона может состоять просто в том, чтобы просто назвать имена истца и ответчика и просить о вынесении решения*», поэтому *Конли «лучше всего забыть как неполный, отрицательный глянец принятого стандарта плидирования», который «заслуживает того, чтобы уйти пенсию*». Затем суд следующим образом истолковал стандарт плидирования по ФПГП: «*требуется указать достаточно фактов, чтобы требование о предоставлении судебной защиты* ***внушало доверие*** *[plausible] уже с первого взгляда*». Суд отчасти пояснил, что означает характеристика «внушающий доверие»[27] в отношении искового заявления и в каких случаях требование о «правдоподобии» заявления нельзя считать выполненным. Во-первых, «просто формальное изложение элементов основания иска» не соответствует стандарту «правдоподобия». Во-вторых, правдоподобие «*просто требует* ***достаточно фактов, чтобы вызвать разумное ожидание*** *того, что раскрытие доказательств выявит доказательства» предполагаемого неправомерного поведения ответчика* [7. P. 1124]. Суд обосновал это требование интересами общества, сослался на «потенциально огромные затраты, связанные с раскрытием доказательств» в антимонопольных делах, заявил, что «суд должен сохранить за собой право настаивать на большей подробности исковых заявлений, прежде чем допустить продолжение разрастания массивного спора о фактах».

После дела Томбли в практике наметились два подхода, связанных с непониманием, стоит ли применять новый «правдоподобный» стандарт ко всем искам либо лишь в отношении антитрастовых дел [23. P. 1531].

В 2009 г. в деле **Эшкрофт против Икбал**[28] (далее – дело Икбал) Верховный суд снова обратился к вопросу о том, насколько подробным должно быть обоснование искового требования. Пакистанский мусульманин, который был арестован и задержан после террористических атак 11 сентября 2001 г., оспаривал конституционность программы для задержанных, проводимой ФБР. Истец утверждал, что ФБР, действуя под руководством директора ФБР, генерального прокурора США Д. Эшкрофта, других федеральных должностных лиц незаконно подвергало истца «жестким условиям содержания под стражей по политическим мотивам, основываясь исключительно на его религии, расе, и (или) национальном происхождении». В подтверждение своих требований истец указал на тысячи арабских и мусульманских мужчин, которые были задержаны как лица, представляющие «большой интерес» после 11 сентября. Он утверждал, что обозначение как «представляющих большой интерес» и последующее заключение указанных лиц под стражу основывались главным образом на расе, религии или национальном происхождении и что Эшкрофт был «главным архитектором» такого дискриминационного подхода.

Верховный суд в своем решении дал понять, что выработанный ранее «правдоподобный» подход к плидированию был направлен на то, чтобы оказать существенное влияние на федеральные стандарты обоснования исковых требований. Суд нашел, что приведенных в заявлении фактов недостаточно, они «голословные и не могут быть признаны правдивыми». По мнению Суда, «*истцами не было представлено никаких конкретных фактов… вывод о конституционно-дискриминационном подходе, без приведения подробного фактического обоснования, был слишком неочевиден, чтобы быть разумным, учитывая другие логические объяснения*» [7. С. 1125–1126]. ВС США ясно обозначил, что изложенное толкование правила 8 (а) применимо во всех материальных отношениях, стандарт «правдоподобного» плидирования должен применяться «во всех гражданских исках и разбирательствах в окружных судах США». Верховный суд разъяснил, что суды должны определить и не принимать во внимание все правовые утверждения в заявлении, которые носят бездоказательственный характер; далее суды должны проверить, действительно ли оставшиеся утверждения, не являющиеся голословными, внушают доверие и дают истцу право на защиту. Определение того, насколько исковые требования внушают доверие, правдоподобны, – это «*задача, решение которой зависит от конкретного контекста, она требует от судьи положиться на собственный судейский опыт и здравый смысл*».

Таким образом, в делах Томбли и Икбал (вместе их также именуют Твикбал) ВС США дал новое толкование правила 8 ФПГП и сути создал новый стандарт плидирования, которым следует руководствоваться по всем гражданским делам в федеральных судах. Суд отверг концепцию фактического обоснования исковых требований, заложенную в деле Конли о том, что «заявление не должно отклоняться по причине ненадлежащего выполнения обязанности по формулированию заявления, за исключением тех случаев, когда не остается сомнений, что истец не может доказать никаких фактов в обоснование своего заявления, которые дали бы ему право на помощь». Вместо этого предложено так называемое правдоподобное плидирование, согласно которому истец, если он не хочет, чтобы его иск был отклонен, на основании правила 12 (b)(6) должен указать в исковом заявлении «*достаточно фактов, чтобы требование о предоставлении судебной защиты* ***внушало доверие*** *уже в первого взгляда». Иск является правдоподобным или заслуживающим доверия с первого взгляда в том случае, если истец приводит такие факты, которые позволяют суду сделать обоснованный вывод о том, что ответчик действительно должен нести ответственность*.

Влияние Твикбал на практику судов. С момента появления решений по указанным делам было проведено множество эмпирических исследований, целью которых было установить влияние Твикбал на практику нижестоящих судов. Далее представлены ре-

зультаты этих исследований в хронологическом порядке:

– доля отклонения исков о защите гражданских прав возросла за четыре месяца после принятия Томбли (2008 г.) [25. P. 1815];

– выявлено более частое применение отклонения исков о дискриминации при приеме на работу, при этом суды цитировали Томбли и Икбал (2009 г.) [26. P. 1011];

– обнаружены доказательства того, что суды принимают Томбли и Икбал со всей серьезностью, после Икбал суды стали чаще удовлетворять ходатайства об отклонении иска (опубликовано в 2010 г.) [27. C. 624];

– обнаружено, что ВС США не внес ожидаемой ясности в вопрос о плидировании, наоборот обнаружен полный разлад в практике нижестоящих судов, непонимание того, что действительно имеется в виду в Твикбал (2010 г.) [28. P. 55];

– опрос адвокатов, которые практикуют дела о дискриминации при приеме на работу, показал, что, что 2/3 респондентов изменили свой подход к составлению искового заявления в связи с необходимостью указания большего объема фактов (2010 г.)[29];

– изучено 208 дел, процент отклоненных исков о расовой дискриминации чернокожих истцов вырос в 2,66 раза (с 20,5 до 54,6%), чернокожих истов по искам о расовой дискриминации, самостоятельно защищающих свои права, вырос в 2,1 раза (с 32 до 67,3%), исследователи также обратили внимание, что белые судьи чаще отклоняют иски чернокожих о расовой дискриминации, чем чернокожие судьи (57,5 против 33,3% соответственно) (опубликовано в 2011 г.) [29. P. 5];

– в результате исследования, проведенного по заказу Федерального судебного центра в 2011 г., установлено, что за период с 2006 по 2010 г. за исключением дел по финансовым спорам, процент удовлетворения ходатайства об отклонении иска на основании правила 12 (b)(6) не увеличился, остался на прежнем уровне. Однако общее количество ходатайств об отклонении иска после Икбал выросло, поэтому авторы приходят к выводу о том, что произошел общий рост количества удовлетворенных ходатайств об отклонении иска[30];

– исследование показало, что нижестоящие суды при мотивировании своих судебных актов не упоминают «правдоподобный» стандарт плидирования, сформулированный ВС США в Томбли и Икбал, из чего авторы исследования делают вывод том, что он малоприменим в каждодневной работе. Вместе с тем установлено, что по делам о дискриминации при приеме на работу и при найме (продаже) жилья после Томбли и Икбал суды стали чаще отклонять иски. Тот факт, что суды не ссылаются на разработанный ВС США стандарт, при этом все чаще отклоняют названные иски, говорит о том, что суды чувствуют одобрение со стороны ВС США (2011 г.) [30. P. 285];

– исследователи пришли к выводу о том, что судьи по-разному толкуют Икбал, что неизменно сказывается на сторонах спора; попытка ВС США внести ясность в правила плидирования провалилась, и Томбли и Икбал создали еще большую неопределенность в этом вопросе (2011 г.) [31. P. 403–404];

– выявлено увеличение отклоненных дел по всему спектру исков (опубликовано в 2012 г.) [32. C. 134];

– установлено, что Твикбал не оказал какого-либо эффекта на показатели отклонения исков (опубликовано в 2012 г.) [33. P. 2];

– Твикбал негативно повлияли как минимум на 21,5% дел, в которых было заявлено ходатайство об отклонении иска (2012 г.) [34. P. 2341];

– использовались данные с середины 2006 г. по начало 2010 г., установлено, что какого-либо значимого с точки зрения статистики прироста доли отклонения судами исков после Томбли и Икбал не произошло (2013 г.) [35. P. 872];

– в 2013 г. Д. Энгсторм собрал данные всех доступных на тот момент эмпирических исследований (всего 12) о вилиянии Твикбал на частоту удовлетворения ходатайства об отклонении иска на основании правила 12 (b) (6), выяснилось, что данные противоречивы, исследователи приходят к противоположным выводам в оценке влияния Твикбал – от значительного до его отсутствия; отмечается, что имеются серьезные проблемы с достоверностью результатов многих исследований из-за различных подходов к подбору данных [36. P. 1204–1206];

– влияние Твикбал оценено как однозначно отрицательное, «праводоподобное» плидирование не привело к более качественным судебным процессам, фактически новые требования сократили доступ к правосудию, «трудно понять, какую ценность новые стандарты плидирования добавили в нашу систему гражданского правосудия» (2015 г.) [37. P. 2170–2171];

– плидирование по Твикбал – по-прежнему загадка, ученые и практики продолжают активно обсуждать, но самые большие трудности возникают у преподавателей и студентов, так как первые не знают, как объяснить существо новых правил, вторые с трудом их понимают (2016 г.) [38. C. 745–746].

Как видно, проведенные исследования не позволяют сделать однозначный вывод о том, как повлияли Томбли и Икбал на правоприменительную практику. Значительная часть исследований позволяет прийти к выводу об активном применении судами нового стандарта. Другая часть приводит к противоположному выводу о том, что судами стандарт не воспринят ввиду сложности его применения.

Осмысление предложенного ВС США стандарта обоснованности исковых требований продолжается и в доктрине, однако единства мнений в настоящее время нет. Так, Твикбал критикуют прежде всего за то, что они установили повышенные требования к обоснованности искового заявления, вследствие чего потенциальный истец теперь будет испытывать недостаток доказательств для подтверждения заявляемых требований [39. P. 474]. Изменение требований к исковому заявлению сказывается на количестве истцов, которым будет отказано в доступе к правосудию на самом раннем этапе судопроизводства. Особое внимание обращается на иски о защите гражданских прав, а среди них – о дискриминации при приеме на работу. В таких делах изначально у истца часто отсутствуют прямые доказательства моти-

вов отказа ответчика в найме [40. P. 122]. Возникает так называемый парадокс плидирования: потенциальный истец по иску о защите гражданских прав не может предъявить иск, так как у него нет доступа к доказательствам (документам, свидетелям), которые, по его мнению, существуют и могут подтвердить его требования; при этом он не может получить доступ к этим доказательствам, пока не предъявит иск и не доберется до стадии раскрытия доказательств [41. P. 927]. Многие американские исследователи единодушны в том, что дела Томбли и Икбал значительно повысили риск удовлетворения судами ходатайства об отклонении иска, по крайней мере, для некоторых категорий дел; негативно оценивается их влияние на доступность правосудия [19. P. 335]. Высказывается мнение, что установленный ВС США «туманный» стандарт плидирования фактически дестабилизирует всю систему гражданского судопроизводства [42. P. 823]. Обращается внимание на то, что ВС США, по сути, не правомочен принимать подобные решения: так как Твикбал противоречат ФПГП, подобные нововведения должны проводиться на уровне законодательной власти [43. P. 885]. По мнению многих, ВС США «проигнорировал, дезавуировал давние прецеденты, чтобы найти новые смыслы в тексте Правила 8 (а), которое выглядит сегодня так же, как и в 1938 г. ... эти решения – не что иное, как “консервативный судебный активизм”» [44. P. 1622].

Вместе с тем довольно часто можно услышать голоса в поддержку «вероятностного» плидирования. Такие мнения можно разделить на три группы. Первые утверждают, что Твикбал не внесли каких-либо фундаментальных изменений в доктрину плидирования, они лишь конктретизировали уровень фактической обоснованности искового заявления, которая на самом деле всегда подразумевалась [45. P. 877, 890; 46. P. 1299]. Вторые, опуская вопрос о сущностном изменении требований к исковому заявлению, фокусируются лишь на изменении правоприменительной практики и утверждают, что влияние Твикбал на нее незначительно или вообще отсутствует[31]. Третья группа авторов заявляет, что Твикбал изменили стандарт плидирования, но эти изменения к лучшему. ВС США, по их мнению, правильно признал, что стадия раскрытия доказательств, которая следует после принятия слабообоснованных исков (и это вина пониженных требований к их фактической обоснованности), очень дорого обходится сторонам, здесь часты злоупотребления. В частности, проблема состоит в том, что истец в ходе раскрытия доказательств имеет возможность манипулировать ответчиком – неявно принудить его к заключению мирового соглашения под угрозой того, что ответчику в противном случае придется понести гораздо более значительные расходы при раскрытии доказательств. Проще говоря, ответчику дешевле «откупиться» от истца, заключив с ним соглашение, чем перейти к полноценному раскрытию доказательств (не говоря уже о том, чтобы дойти до судебного разбирательства) [47. P. 1714].

Заключение. Правила заявления иска в королевских судах и в судах справедливости с давних времен были чрезвычайно сложны, а их невыполнение часто приводило к отклонению вполне разумных исков. Приход с Кодексом Филда 1848 г. фактического плидирования призван был решить эту проблему и значительно упростить требования к содержанию искового заявления. Однако требование о необходимости приведения в исковом заявлении лишь окончательных (ultimate) фактов в итоге перечеркнуло надежды на улучшение доступности правосудия. ФПГП 1938 г. должны были исправить ситуацию, так как авторы Правил предложили максимально либеральные требования к содержанию искового заявления, появилось уведомительное плидирование с его беспрецедентно простыми требованиями к иску. В первоначальный период после принятия Правил Верховный суд США в деле Конли ясно дал понять, что намерен твердо следовать идее уведомительного плидирования, заложенной отцами-основателями ФПГП.

Однако рост количества обращений в суды в период 1960–1980-х гг. сильно повлиял на практику применения судами правил о содержании искового заявления. Так, скачек количества дел о защите гражданских прав привел к тому, что федеральные суды первой инстанции и апелляционные окружные суды стали прибегать к отклонению необоснованных, по их мнению, исков, требуя от истцов более подробного изложения фактов, лежащих в основе исковых требований. «Повышенный» стандарт получил широкое распространение. ВС США в делах Лезерман и Сверкевич предпринял попытку «осадить» суды и призвал их не отклоняться от правил уведомительного плидирования. Однако указания ВС США не возымели должного эффекта, суды, находясь под давлением множества «явно необоснованных» (frivolous) исков, продолжили применять повышенные требования к искам о защите гражданских прав.

Решениями по Томбли и Икбал ВС США окончательно запутал ситуацию. Несмотря на то что правило 8 ФПГП все еще оставалось неизменным, он предложил новый стандарт обоснованности исковых требований, в иске должно быть указано «достаточно фактов, чтобы требование о предоставлении судебной защиты внушало доверие уже в первого взгляда»; иск является правдоподобным или заслуживающим доверия с первого взгляда в том случае, если истец приводит такие факты, которые позволяют суду сделать обоснованный вывод о том, что ответчик действительно должен нести ответственность.

Твикбал навлекли на себя как критику, так и одобрение со стороны юридического сообщества. Их осуждают за то, что предложенный ВС США стандарт – туманный, нечеткий, поэтому влечет за собой более частую дискрецию со стороны судей, избирательность в отношении некоторых споров; за то, что они налагают на истцов обязанность приводить в обоснование факты, которые истцу не неизвестны при обращении в суд, а выявление этих фактов возможно лишь на стадии раскрытия доказательств, до которой истцу не удается дойти в связи с отклонением иска (парадокс плидирования); за то, что ВС США вышел за пределы собственных полномочий, фактически переписав нормы права, заложенные в ФПГП, что является прерогативой законодательной власти; наконец, за то, что создают препятствие на

пути к правосудию для значительного числа лиц, что непосредственно сказывается на доступности правосудия. Другие поддерживают Томбли и Икбал за установление защиты против явно необоснованных исков, указывая, что стадия раскрытия доказательств является самым дорогостоящим этапом процесса и добросовестные ответчики не должны страдать от предъявления явно необоснованных исков, поэтому последние следует отсеивать еще на ранней стадии процесса. Проблема состоит и в оценке последствий Твикбал для правоприменительной практики, так как многочисленные исследования приводят к противоположным выводам. Очевидно, что в настоящий момент федеральные судьи США не имеют четких ориентиров в вопросе определения достаточности изложенных в исковом заявлении фактов, что негативно сказывается на стабильности правоприменительной практики.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Назван так по имени одного из его авторов Дэвида Дадли Филда.

[2] Нью-Йоркский кодекс 1848 г. послужил основой для принятия аналогичных процессуальных актов в Миссури в 1849 г., в Калифорнии в 1850 г., в Кентукки, Айове и Миннесоте в 1851 г., затем в течение 25 лет еще в 24 штатах. В 1925 г. штаты, в которых действовали аналогичные правила: Аляска (1900); Аризона (1864); Арканзас, (1868); Калифорния (1850); Колорадо, (1877); Коннектикут, (1879); Индиана, (1852); Айова (1851); Айдахо (1864); Канзас, (1859); Кентукки (1851); Миннесота, (1851); Миссури, (1849); Монтана (1865); Небраска, (1855); Невада, (1860); Нью-Мексико (1897); Нью-Йорк (1848); Северная Каролина (1868); Северная Дакота, (1862); Огайо (1853); Оклахома (1890); Орегон, (1854); Южная Каролина, (1870); Южная Дакота (1862); Юта (1870); Вашингтон (1854); Вайоминг, (1869); Висконсин, (1856); Порто Рико, (1904) в общей сложности 28 штатов и 2 территории [11. P. 534].

[3] М. Галантер приводит следующие цифры: количество обращений в 1962 г. всего в федеральные окружные суды – 54 615. Далее наблюдается ежегодный рост, в 1975 г. заявлений уже 115 098, а в 1983 г. – 241 159. Пиковым оказался 1985 г. – 273 056 заявлений [4. С. 546].

[4] Иски о защите прав, вытекающие из положений гл. 21 титула 42 Кодекса Соединенных Штатов (42 U.S.C. Chapter 21–Civil Rights).

[5] См. подробно в разд. 3 данной статьи.

[6] См. подробно в разд. 4.

[7] См. подробно: [22. P. 7–847].

[8] Конгресс принял в 1872 г. Закон о соответствии (Conformity Act), который требовал, чтобы федеральные окружные суды следовали процедуре штата, в котором проводится судебное заседание. Изначально указывалось, что акт временный, но законом 1792 г. его действие было продлено на неопределенный срок. В 1912 г. для федеральных судов были приняты Федеральные правила справедливости, которые регулировали рассмотрение споров по правилам equity. По спорам из общего права суды должны были по-прежнему руководствоваться правилами соответствующих судов штатов.

[9] Ч. Кларк был деканом Школы права Йельского университета. В 1935 г. вышли две его статьи о новых федеральных правилах гражданского процесса (Clark C.E. A New Federal Civil Procedure – I. The Background // Yale Law Journal. 1935. № 3; A New Federal Civil Procedure – II. Pleadings and Parties // Yale Law Journal. 1935. № 8), которые легли в основу новых правил. Он «…был, пожалуй, самой важной фигурой в разработке Федеральных правил гражданского процесса 1938 г. и одним из наиболее активных участников в конечном итоге успешной кампании по их принятию» [27. P. 80–81].

[10] Cross-claim – заявляется между соистцами или соответчиками.

[11] Conley v. Gibson, 355 U.S. 41 (1957). URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/355/41/

[12] Harrison v. Westinghouse Savannah River Co., 176 F.3d 776, 784 (4th Cir. 1999) (суд разъяснил, что цель правила 9 (b) состоит в том, чтобы предоставить ответчику достаточно информации для защиты, в защите против необоснованных исков, исключить иски, при которых факты выясняются после процедуры раскрытия доказательств, защитить ответчика от репутационного вреда). URL: https://caselaw.findlaw.com/us-4th-circuit/1423185.html; Acito v. Imcera Group, Inc., 47 F.3d 47 (правило обеспечивает уведомление о фактах, защиту репутации, предотвращает предъявление страйк-исков). URL: https://caselaw.findlaw.com/us-2nd-circuit/1353205.html; Tuchman v. DSC Communications Corp., 14 F.3d 1061 (обеспечивается уведомление ответчика о фактах, защищается репутация ответчика, исключаются страйк-иски и явно необоснованные иски), URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwjwu-bF-onlAhVMlIsKHa9SBucQFjAAegQIABAB&url=https%3A%2F%2Fcasetext.com%2Fcase%2Ftuchman-v-dsc-communications-corp&usg=AOvVaw3 Q59ZnAZw82o9PkPMmEkvs

[13] Иск предъявляется одним лицом или группой лиц с единственной целью – заключить с ответчиком соглашение, по которому последний обязывается к выплате истцам; при этом для ответчика выгоднее заплатить по такому соглашению, чем понести расходы, связанные с судебным разбирательством.

[14] Valley v. Maule, 297 F. Supp. 958 (D. Conn. 1968). URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/297/958/2147302/

[15] Frazier v. Southeastern Pennsylvania Transp, 785 F.2d 65. URL: https://casetext.com/case/frazier-v-southeastern-pennsylvania-transp

[16] United States v. City of Philadelphia, 644 F.2d 187. URL: https://casetext.com/case/united-states-v-city-of-philadelphia

[17] Dist. Council 47, Am. Federation v. Bradley, 795 F.2d 310. URL: https://casetext.com/case/dist-council-47-am-federation-v-bradley

[18] Negrich v. Hohn, 379 F.2d 213. URL: https://casetext.com/case/negrich-v-hohn

[19] Kauffman v. Moss, 420 F.2d 1270. URL: https://casetext.com/case/kauffman-v-moss

[20] Rotolo v. Borough of Charleroi, 532 F.2d 920. URL: https://casetext.com/case/rotolo-v-borough-of-charleroi

[21] Frazier v. Southeastern Pennsylvania Transp. Auth., 868 F. Supp. 757 (E.D. Pa. 1994). URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/868/757/2148668/

[22] В частности, в деле Brown v. City of Oneonta, New York, 235 F.3d 769 суд указал: «…для того, чтобы заявлять иск на основе параграфа 1981 титула 42 Кодекса Соединенных Штатов, истец обязан привести факты в обоснование следующих элементов: 1) истцы являются частью расового меньшинства, 2) имеется намерение ответчика дискриминировать на основе расы, 3) дискриминация затрагивает одно из действий, предусмотренных актом законом» (URL: https://casetext.com/case/brown-v-city-of-oneonta-new-york); Jones v. Community Redevelopment Agency 733 F.2d 646 (1984): «…голословные утверждения, не подтверждаемые фактами, будут отклоняться как недостаточные для заявления иска на основании Акта о гражданских правах» (URL: https://www.leagle.com/decision/19841379733f2d64611252); Cohen v. Ill. Inst. of Tech., 581 E2d 658 (7th Cir. 1978); «…утверждения, приведенные в исковом заявлении, являются недостаточными на основании Акта о гражданских правах, если эти утверждения просто являются голословными» (URL: https://openjurist.org/581/f2d/658/cohen-v-illinois-institute-of-technology-j-t-p); Yusuf v.Vassar College, 827 F Supp. 952 (S.D.N.Y 1993): «…заявление, не содержащее в себе ничего кроме голых утверждений, и в котором не приводятся факты, на основе которых суд мог бы установить нарушение Акта о гражданских правах, свидетельствует о невыполнении обязанности по формулированию заявления согласно правилу 12(b)(6)» (URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/827/952/1458720/); Benskin v. Addison Tp., 635 F Supp. 1014 (N.D. Ill. 1986): «…в контексте параграфа 1983 факты, о которых заявляет истец, должны отражать

нарушение Конституции. Единственное положение Конституции, о котором заявляет истец, это Четвертая поправка. Не упоминается специальное основание…» (URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/635/1014/1438971/).

[23]Leatherman v. Tarrant County Narcotics, 954 F.2d 1054. URL: https://casetext.com/case/leatherman-v-tarrant-county-narcotics

[24]Swierkiewicz v. Sorema N. A., 534 U.S. 506 (2002). URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/534/506/

[25]Доктрина квалифицированного иммунитета в США защищает должностных лиц правительства от предъявления к ним исков, связанных с выполнением ими должностных обязанностей, за исключением тех случаев, когда их действия нарушили права, ясно установленные федеральным законом или Конституцией; «…квалифицированный иммунитет защищает государственных служащих от ответственности за материальный ущерб, если нарушенное конституционное право не "было ясно установлено". Если поведение ответчика было «объективно обоснованным» в свете существующих правовых принципов, регулирующих конкретную область, квалифицированный иммунитет защищает должностных лиц от убытков» [35. P. 27].

[26]Twombly v. Bell Atlantic Corp., 425 F.3d 99. URL: https://casetext.com/case/twombly-v-bell-atlantic-corp

[27]Также можно перевести как «выглядящий разумным», «правдоподобный». Далее по тексту будем использовать эти термины в равном значении.

[28]Ashcroft v. Iqbal, 556 U.S. 662 (2009). URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/556/662/

[29]Summary of Empirical Research on the Civil Justice Process, 2014. P. 4–5. URL: https://iaals.du.edu/sites/default/files/documents/publications/summary_of_empirical_research_on_the_civil_justice_process_2008-2013.pdf

[30]Joe S. Cecil et al., Fed. Judicial Ctr., Motions To Dismiss For Failure To State A Claim After Iqbal: Report To The Judicial Conference Advisory Committee On Civil Rules (2011). P. 33. URL: https://www.uscourts.gov/sites/default/files/motioniqbal_1.pdf) См. также: Update on Resolution of Rule 12(b)(6) Motions Granted with Leave to Amend. Report to the Judicial Conference Advisory Committee on Civil Rules. P. 5. URL: https://www.fjc.gov/sites/default/files/2012/MotionIqbal2.pdf

[31] Joe S. Cecil et al., Fed. Judicial Ctr., Motions To Dismiss For Failure To State A Claim After Iqbal: Report To The Judicial Conference Advisory Committee On Civil Rules (2011). P. 33.

ЛИТЕРАТУРА

1. Freer R.D., Perdue W.C. Civil Procedure: Cases, Materials, and Questions. 5th ed. Carolina Academic Press, 2008.
2. Olson W.K. The litigation explosion : what happened when America unleashed the lawsuit. New York : Truman Talley Books-Dutton, 1991.
3. Main T.O., Subrin S.N. The Fourth Era of American Civil Procedure // University of Pennsylvania Law Review. 2014. Vol. 162, is. 7.
4. Князев Д.В. Плидирование по правилам общего права в гражданском процессе США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 4. 2018.
5. Кейлин А.Д. Судоустройство и гражданский процесс капиталистических государств. Ч. 2: Гражданский процесс. М. : Внешторгиздат, 1958. 359 с.
6. Clark C.E. History, Systems and Functions of Pleading // Virginia Law Review. 1925. Vol. 11, № 7. P. 517–552.
7. Schwartz V.E., Appel Ch.E. Rational Pleading In The Modern World Of Civil Litigation: The Lessons And Public Policy Benefits Of Twombly And Iqbal // Harvard Journal of Law & Public Policy. 2010. Vol. 33, № 3.
8. Subrin S.N. How Equity Conquered Common Law: The Federal Rules of Civil Procedure in Historical Perspective // University of Pennsylvania Law Review. 1987. Vol. 135, is. 4.
9. Stephen H.J., Heard F.F. A treatise on the principles of pleading in civil actions comprising a summary view of the whole proceedings in a suit at law. 9th American ed. Philadelphia, 1867.
10. Perry R. Ross Common-Law Pleading: Its History and Principles ; Including Dicey's Rules Concerning Parties to Actions and Stephen's rules of Pleading. Boston : Little, Brown, and Company, 1897.
11. Langbein J.H. Bifurcation and the Bench: The Influence of the Jury on English Conceptions of the Judiciary, in Judges and judging in the history of the common law and civil law: from antiquity to modern times (Paul Brand & Joshua Getzler eds., 2012).
12. Van Santvoord G. A treatise on the principles of pleading in civil actions under the New York code of procedure, 1873.
13. Clark C.E. The Complaint In Code Pleading // Yale Law Journal. 1926. Vol. 35.
14. Cook W.W. Statements of Fact in Pleading under the Codes // Columbia Law Review. 1921. Vol. 21.
15. Marcus R.L. The Revival of Fact Pleading Under the Federal Rules of Civil Procedure // Columbia Law Review. 1986. Vol. 86.
16. Clark C.E., Moore J.W. A New Federal Civil Procedure I. The Background // Yale Law Journal. 1935. Vol. 3 (44). Article 1.
17. Bone R.G. Mapping the Boundaries of the Dispute: Conceptions of Ideal Lawsuit Structure From the Field Code to the Federal Rules // Columbia Law Review. 1989. Vol. 89.
18. Clark C.E., Moore J.W. A New Federal Civil Procedure II: Pleadings and Parties // Yale Law Journal. 1935. Vol. 8 (44).
19. Steinman A.N. The Rise and Fall of Plausibility Pleading? // Vanderbilt Law Review. 2016. Vol. 333 (69).
20. Fairman C.M. Heightened Pleading // Texas Law Review. 2002. Vol. 2 (81).
21. Blaze D.A. Presumed Frivolous: Application of Stringent Pleading Requirements in Civil Rights Litigation // William & Mary Law Review. 1990. Vol. 31.
22. Graves M. Purchasing While Black: How Courts Condone Discrimination in the Marketplace // Michigan Journal of Race & Law. 2001. Vol. 7.
23. Tesorier L. Pre-Twombly Precedent: Have Leatherman And Swierkiewicz Earned Retirement Too? // Duke Law Journal. 2016. Vol. 65.
24. Mercer K. Even in These Days of Notice Pleadings: Factual Pleading Requirements in the Fourth Circuit // North Carolina Law Review. 2004. Vol. 82.
25. Hannon K.W. Note, Much Ado About Twombly? A Study on the Impact of Bell Atlantic Corp. v. Twombly on 12(b)(6) Motions // Notre Dame Law Review. 2008. Vol. 83.
26. Seiner J.A. The Trouble with Twombly: A Proposed Pleading Standard for Employment Discrimination Cases // University of Illinois Law Review. 2009.
27. Hatamyar P.W. The Tao of Pleading: Do Twombly and Iqbal Matter Empirically? // American University Law Review. 2010. № 59.
28. Redish M.H., Epstein L. Bell Atlantic v. Twombly and the Future of Pleading in the Federal Courts: A Normative and Empirical Analysis // Northwestern Public Law Research Paper. 2008. № 10–13. P. 55.
29. Quintanilla V.D. Beyond Common Sense: A Social Psychological Study of Iqbal's Effect on Claims of Race Discrimination // Michigan Journal of Race & Law. 2011. № 17.
30. Brescia R.H. The Iqbal Effect: The Impact of New Pleading Standards in Employment and Housing Discrimination Litigation // Kentucky Law Journal. 2011. Vol. 2 (100). Article 2.
31. McNamara C. Iqbal As Judicial Rorschach Test: An Empirical Study Of District Court Interpretations of Ashcroft v. Iqbal // Northwestern University Law Review. 2015. № 1 (105).
32. Dodson S. A New Look at Dismissal Rates in Federal Civil Cases // Judicature. 2012. № 127.
33. Hubbard William H.J. Testing for Change in Procedural Standards, with Application to Bell Atlantic v. Twombly // The Journal of Legal Studies. 2013. № 42.

34. Gelbach J.B. Note, Locking the Doors to Discovery? Assessing the Effects of Twombly and Iqbal on Access to Discovery // Yale Law Journal. 2012. 121.
35. Curry J.L., Ward M. Are Twombly & Iqbal Affecting Where Plaintiffs File? A Study Comparing Removal Rates by State // Texas Tech Law Review. 2012. July 2013.
36. Engstrom D.F. The Twiqbal Puzzle and Empirical Study of Civil Procedure // Stanford Law Review. 2013. № 65.
37. Reinert A.A. Measuring the Impact of Plausibility Pleading // Virginia Law Review. 2015. № 101.
38. Bartholomew C.P. Twiqbal in Context // The Journal of Legal Education. 2016. 65.
39. Hartnett E.A. Taming Twombly, Even after Iqbal // University of Pennsylvania Law Review. 2010. № 158.
40. Reinert A.A. The Costs of Heightened Pleading // Indiana Law Journal. 2011. № 86.
41. Kilaru R.N. Comment, The New Rule 12(b)(6): Twombly, Iqbal, and the Paradox of Pleading // Stanford Law Review. 2010. № 62.
42. Clermont K.M. and Yeazell, Stephen C. Inventing Tests, Destabilizing Systems // Cornell Law Faculty Publications. 2010. Paper 201.
43. Bone R.G. Plausibility Pleading Revisited and Revised: A Comment on Ashcroft v. Iqbal // Notre Dame Law Review. 2010. 85.
44. Fitzpatrick B.T. Twombly and Iqbal Reconsidered // Notre Dame Law Review. 2012. № 87.
45. Bone R.G. Twombly, Pleading Rules, and the Regulation of Court Access // Iowa Law Review. 2009. № 94.
46. Steinman A.N. The Pleading Problem // Stanford Law Review. 2010. № 62.
47. Spencer A.B. Pleading and Access to Civil Justice: A Response to Twiqbal Apologists // UCLA Law Review. 6(60); Washington & Lee Legal Studies Paper. 2013. № 4.

Статья представлена научной редакцией «Право» 7 февраля 2020 г.

Evolution of the Requirements for the Content of the Statement of Claim Under the Increased Caseload Pressure on the Judicial System of the United States

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 229–242.
DOI: 10.17223/15617793/457/27

Dmitry V. Kniazev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); West Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Kdv1979@inbox.ru

Keywords: civil procedure in the US; pleading; content of statement of claim; cause of action; litigation crisis in the US.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-011-00202.

The aim of the study is to trace the evolution of the "standards" of pleading in the US civil procedure, namely the requirements for the content of the statement of claim under the pressure of caseload. The requirements for the content of the statement of claim inevitably affect the access to justice in general. The rules for filing a lawsuit in courts of law and in equity courts in England, then in the United States in the old days were extremely complex, and failures to comply with the rules often led to the dismissal of quite reasonable claims. With the Field Code of 1848, fact pleading (code pleading) appeared in the USA; it was supposed to simplify the requirements for the content of the statement of claim. However, the requirement to plead only ultimate facts in the statement of claim also made it difficult to get legal defense in the end. The FRCP of 1938 drastically simplified the requirements for the lawsuit; however, the liberalization of the requirements for the lawsuit opened up a wider path for a significant rise in the number of filings to the courts and served as one of the reasons for the overload, the crisis of the US judicial system in the second half of the twentieth century, which also manifested itself in the increasing cost and delay of judicial proceedings (especially at discovery). The litigation crisis strongly influenced the courts' practice in applying the rules on the statement of claim: the federal courts of first instance and the appellate district courts began to dismiss frivolous actions, requiring plaintiffs to provide more detailed statements of facts underlying their claims. The US Supreme Court in Leatherman and in Swierkiewicz urged the courts not to deviate from the rules of notice pleading, which did not help much because the courts, under the pressure of many frivolous lawsuits, continued the practice of applying the increased standard to civil rights actions. By Twombly and Iqbal, the Supreme Court finally confused the situation as it proposed a new standard for the validity of claims—"plausible" pleading. Twombly and Iqbal attracted both criticism and approval from the legal community, and led to ambiguous consequences in the practice of the courts. The author concludes that, at present, there is uncertainty in the US civil procedure in the interpretation of the rules of pleading, both at the theoretical level and in practice. This work is part of a broader study on the transformation of the US civil procedure. Understanding the processes of restructuring the pleading stage under the pressure of the idea of reducing the judicial caseload seems to be an important step towards this goal.

REFERENCES

1. Freer, R.D. & Perdue, W.C. (2008) *Civil Procedure: Cases, Materials, and Questions*. 5th ed. Carolina Academic Press.
2. Olson, W.K. (1991) *The Litigation Explosion: What Happened When America Unleashed the Lawsuit*. New York: Truman Talley Books-Dutton.
3. Main, T.O. & Subrin, S.N. (2014) The Fourth Era of American Civil Procedure. *University of Pennsylvania Law Review*. 162 (7).
4. Knyazev, D.V. (2018) Common Law Pleadings in Civil Procedure of the USA. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 4. pp. 80–84. (In Russian).
5. Keylin, A.D. (1958) *Sudoustroystvo i grazhdanskiy protsess kapitalisticheskikh gosudarstv* [Judicial System and Civil Procedure of Capitalist States]. Pt. 2. Moscow: Vneshtorgizdat.
6. Clark, C.E. (1925) History, Systems and Functions of Pleading. *Virginia Law Review*. 11 (7). pp. 517–552.
7. Schwartz, V.E. & Appel, Ch.E. (2010) Rational Pleading In The Modern World Of Civil Litigation: The Lessons And Public Policy Benefits Of Twombly And Iqbal. *Harvard Journal of Law & Public Policy*. 33 (3).
8. Subrin, S.N. (1987) How Equity Conquered Common Law: The Federal Rules of Civil Procedure in Historical Perspective. *University of Pennsylvania Law Review*. 135 (4).
9. Stephen, H.J. & Heard, F.F. (1867) *A Treatise on the Principles of Pleading in Civil Actions Comprising a Summary View of the Whole Proceedings in a Suit at Law*. 9th American ed. Philadelphia: Kay Brother.
10. Perry, R. (1897) Ross Common-Law Pleading: Its History and Principles ; Including Dicey's Rules Concerning Parties to Actions and Stephen's rules of Pleading. Boston: Little, Brown, and Company.
11. Langbein, J.H. (2012) Bifurcation and the Bench: The Influence of the Jury on English Conceptions of the Judiciary. In: Brand, P. & Getzler, J. (eds) *Judges and Judging in the History of the Common Law and Civil Law: From Antiquity to Modern Times*. Cambridge University Press.
12. Van Santvoord, G. (1873) *A Treatise on the Principles of Pleading in Civil Actions Under the New York Code of Procedure.* Albany: J.D. Parsons, jr.
13. Clark, C.E. (1926) The Complaint In Code Pleading. *Yale Law Journal*. 35.
14. Cook, W.W. (1921) Statements of Fact in Pleading under the Codes. *Columbia Law Review*. 21.

15. Marcus, R.L. (1986) The Revival of Fact Pleading Under the Federal Rules of Civil Procedure. *Columbia Law Review*. 86.
16. Clark, C.E. & Moore, J.W. (1935) A New Federal Civil Procedure I. The Background. *Yale Law Journal.* 3 (44). Article 1.
17. Bone, R.G. (1989) Mapping the Boundaries of the Dispute: Conceptions of Ideal Lawsuit Structure From the Field Code to the Federal Rules. *Columbia Law Review*. 89.
18. Clark, C.E. & Moore, J.W. (1935) A New Federal Civil Procedure II: Pleadings and Parties. *Yale Law Journal.* 8 (44).
19. Steinman, A.N. (2016) The Rise and Fall of Plausibility Pleading? *Vanderbilt Law Review.* 333 (69).
20. Fairman, C.M. (2002) Heightened Pleading. *Texas Law Review.* 2 (81).
21. Blaze, D.A. (1990) Presumed Frivolous: Application of Stringent Pleading Requirements in Civil Rights Litigation. *William & Mary Law Review*. 31.
22. Graves, M. (2001) Purchasing While Black: How Courts Condone Discrimination in the Marketplace. *Michigan Journal of Race & Law*. 7.
23. Tesorier, L. (2016) Pre-Twombly Precedent: Have Leatherman and Swierkiewicz Earned Retirement Too? *Duke Law Journal*. 65.
24. Mercer, K. (2004) Even in These Days of Notice Pleadings: Factual Pleading Requirements in the Fourth Circuit. *North Carolina Law Review.* 82.
25. Hannon, K.W. (2008) Note, Much Ado About Twombly? A Study on the Impact of Bell Atlantic Corp. v. Twombly on 12(b)(6) Motions. *Notre Dame Law Review*. 83.
26. Seiner, J.A. (2009) The Trouble with Twombly: A Proposed Pleading Standard for Employment Discrimination Cases. *University of Illinois Law Review.* 4.
27. Hatamyar, P.W. (2010) The Tao of Pleading: Do Twombly and Iqbal Matter Empirically? *American University Law Review*. 59.
28. Redish, M.H. & Epstein, L. (2008) Bell Atlantic v. Twombly and the Future of Pleading in the Federal Courts: A Normative and Empirical Analysis. *Northwestern Public Law Research Paper*. 10–13. p. 55.
29. Quintanilla, V.D. (2011) Beyond Common Sense: A Social Psychological Study of Iqbal's Effect on Claims of Race Discrimination. *Michigan Journal of Race & Law*. 17.
30. Brescia, R.H. (2011) The Iqbal Effect: The Impact of New Pleading Standards in Employment and Housing Discrimination Litigation. *Kentucky Law Journal.* 2 (100). Article 2.
31. McNamara, C. (2015) Iqbal As Judicial Rorschach Test: An Empirical Study Of District Court Interpretations of Ashcroft v. Iqbal. *Northwestern University Law Review*. 1 (105).
32. Dodson, S. (2012) A New Look at Dismissal Rates in Federal Civil Cases. *Judicature*. 127.
33. Hubbard, W.H.J. (2013) Testing for Change in Procedural Standards, with Application to Bell Atlantic v. Twombly. *The Journal of Legal Studies*. 42.
34. Gelbach, J.B. (2012) Note, Locking the Doors to Discovery? Assessing the Effects of Twombly and Iqbal on Access to Discovery. *Yale Law Journal*. 121.
35. Curry, J.L. & Ward, M. (2012) Are Twombly & Iqbal Affecting Where Plaintiffs File? A Study Comparing Removal Rates by State. *Texas Tech Law Review*. July 2013.
36. Engstrom, D.F. (2013) The Twiqbal Puzzle and Empirical Study of Civil Procedure. *Stanford Law Review*. 65.
37. Reinert, A.A. (2015) Measuring the Impact of Plausibility Pleading. *Virginia Law Review*. 101.
38. Bartholomew, C.P. (2016) Twiqbal in Context. *The Journal of Legal Education*. 65.
39. Hartnett, E.A. (2010) Taming Twombly, Even after Iqbal. *University of Pennsylvania Law Review*. 158.
40. Reinert, A.A. (2011) The Costs of Heightened Pleading. *Indiana Law Journal*. 86.
41. Kilaru, R.N. (2010) Comment, The New Rule 12(b)(6): Twombly, Iqbal, and the Paradox of Pleading. *Stanford Law Review*. 62.
42. Clermont, K.M. & Yeazell, S.C. (2010) *Inventing Tests, Destabilizing Systems*. Cornell Law Faculty Publications. Paper 201.
43. Bone, R.G. (2010) Plausibility Pleading Revisited and Revised: A Comment on Ashcroft v. Iqbal. *Notre Dame Law Review*. 85.
44. Fitzpatrick, B.T. (2012) Twombly and Iqbal Reconsidered. *Notre Dame Law Review*. 87.
45. Bone, R.G. (2009) Twombly, Pleading Rules, and the Regulation of Court Access. *Iowa Law Review*. 94.
46. Steinman, A.N. (2010) The Pleading Problem. *Stanford Law Review*. 62.
47. Spencer, A.B. (2013) Pleading and Access to Civil Justice: A Response to Twiqbal Apologists. *UCLA Law Review.* 6(60); *Washington & Lee Legal Studies Paper*. 4.

Received: 07 February 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 243–248. DOI: 10.17223/15617793/457/28

УДК 347.78.025

А.Ю. Копылов

УСЛОВИЯ ОХРАНОСПОСОБНОСТИ ПЕРСОНАЖА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Рассмотрены проблемы защиты персонажей художественных произведений как самостоятельных объектов авторских прав. Исследуются трактовки понятия этого объекта, сложившиеся в науке. Анализируется зарубежная и российская судебная практика относительно условий защиты персонажей художественных произведений. Раскрывается условие узнаваемости персонажа при использовании его отдельно от самого произведения. Предлагается оригинальная трактовка определения понятия персонажа как объекта правовой охраны.

Ключевые слова: авторское право; произведение литературы и искусства; художественный образ и персонаж; узнаваемость персонажа.

Охраняемыми элементами любого произведения литературы и искусства выступают художественные образы (образная система), с помощью которых автор воздействует на эстетические чувства публики, формируя в сознании каждого человека представление о своем творческом замысле. Художественный образ является элементом или частью художественного целого, т.е. представляет собой «фрагмент, который обладает самостоятельной жизнью и содержанием и создается автором с помощью творческого использования богатства литературного языка» [1. С. 26]. Как и авторский язык, художественные образы выражают идейно-эмоциональное отношение автора к предмету своего творчества [2. С. 145], с их помощью описываются персонажи, судьбы, явления и события.

Ключевым элементом образной системы художественного произведения является его персонаж (фр. personnage; от лат. persona − особа, маска, лицо) как проявление того художественного образа, который позволяет автору выделить описываемый объект. Будучи «вплетенным» в сюжетную линию, персонаж наделяется индивидуальными свойствами, позволяющими публике воспринимать его отдельно от других подобных творческих элементов. Часто ключевые персонажи связаны с таким творческим элементом художественного произведения, как его название (например, известные мультипликационные сериалы «Маша и Медведь», «Барбоскины» и пр.). В этих случаях, наряду с персонажем, название художественного произведения выступает самостоятельным охраняемым элементом его внутренней формы.

Отечественное законодательство советского периода не закрепляло специальных правовых положений относительно правовой охраны персонажей, которые относились к элементам внутренней формы художественных произведений и являлись частью творческого замысла автора. Правовая охрана предоставлялась произведению в целом, а не его отдельным частям, в том числе названиям и персонажам. На Западе же вопрос о правовой охране персонажей произведений литературы и искусства как самостоятельных результатов творческой деятельности возник одновременно с их коммерческим «вторичным» использованием в середине XX в.

В зарубежной правовой доктрине вопрос об охраноспособности персонажа трактуется неоднозначно. В праве США персонаж определяется через индивидуальные характеристики героя, вплетенного в сюжетную линию произведение, через его имя, образ и внешний вид. Основан этот подход на доктрине существенного сходства (substantial similarity), суть которой заключается в том, что нарушением авторских прав признаются любые изменения формулировок текстов произведений, а также звуковых или визуальных элементов. При разрешении споров, возникающих по поводу незаконного использования персонажей, суды США используют так называемый двухступенчатый тест Кроффта, по названию судебного дела, при рассмотрении которого он впервые был применен [3]. Этот двухступенчатый тест включает в себя «внешний тест» (extrinsic test), который направлен на установление концептуального сходства, сходство в самой идее, лежащей в основе произведения, и «внутренний тест» (intrinsic test), позволяющий установить сходство в ее внешнем выражении, в объективной форме. Применительно к персонажам применение этого теста заключается в том, что если между двумя персонажами будет установлено сходство только в идее (концепте), но отсутствует сходство в элементах формы ее выражения, то нарушение авторских прав отсутствует, поскольку идея сама по себе не охраняема.

Данная доктрина неоднократно применялась судами США, в том числе и в спорах, связанных с нарушениями авторских прав на персонажи. Например, в 1995 г. она была использована судом в деле кинокомпании Metro-Goldwyn-Mayer. Co., inc против American Honda Motor. Co., inc, где истец требовал прекратить неправомерное использование в рекламных роликах ответчика сцен и персонажей из фильмов о Джеймсе Бонде. Окружной суд Калифорнии признал художественный образ, воплощенный главным героем Джеймсом Бондом, объектом авторского права и, применив доктрину существенного сходства, обязал ответчика прекратить использование охраняемых персонажей, одновременно высказав мнение о том, что обладатель авторского права на фильм одновременно обладает правами на все существенные персонажи, которые в нем задействованы [4].

В целом основой англоамериканского подхода является так называемый стандарт различительной способности (distinct delineation standard), суть которого в

том, что суды устанавливают насколько высока степень творческой выразительности персонажа при минимальной заурядности. Следует отметить, что практически во всех подобных делах суды, руководствуясь вышеуказанным стандартом, устанавливали соответствие персонажа определенным критериям. Во-первых, это наличие физических и смысловых качеств. Во-вторых, персонаж должен соответствовать стандарту различительной способности, что выражается в наличии оригинальных признаков, позволяющих отличить персонаж истца от персонажа, используемого ответчиком. В-третьих, эти признаки должны сохранять постоянство и неизменность при последующих творческих переработках (аранжировках, экранизациях), а значит, персонаж должен быть узнаваемым несмотря на все последующие переработки. Во всех подобных спорах именно на истца возлагается бремя доказывания оригинальности персонажа, права на которые он считает нарушенными, так же истец должен доказать, что ответчик незаконно заимствует как идею персонажа, так и форму его воплощения.

В Великобритании практика разрешения подобных споров основана на норме п. «а» ч. 3 Закона Великобритании по авторскому праву, промышленным образцам и патентам 1988 г., согласно которой ограничено несанкционированное правообладателем действие в отношении всего произведения или любой его значительной части (substantial part) [5].

Аналогичная практика существует и в странах Европейского союза. Например, в решении по делу Infopaq International A/S v. Danske Dagblades Forenung [6], Европейский суд отметил, что для того, чтобы разобраться с вопросом об объеме охраняемых авторских прав, нужно рассмотреть объект нарушения. При этом, ссылаясь на ст. 2 Директивы об информационном обществе [7], Европейский суд указал, что части произведения охраняются авторским правом постольку, поскольку они разделяют оригинальность целого произведения. Иначе говоря, различные части произведения заслуживают авторско-правовой охраны, если они содержат элементы, которые являются выражением интеллектуального творчества автора произведения.

В России судебная практика выработала условие охраноспособности персонажа и других частей художественного произведения, которые в пп. 81, 82 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10 был поименовано как *узнаваемость его при использовании отдельно от самого произведения*. Данное условие не следует из содержания п. 7 ст. 1259 ГК РФ и является порождением исключительно судебной практики. Ряд авторов подвергают критике данную позицию. Так, В.И. Еременко усматривает в этом выход Верховного Суда РФ за пределы своей компетенции, утверждая, что в этом случае имеет место «новая норма права, а не разъяснение особенностей применения существующей нормы права» [8. С. 6], а В.С. Витко считает выделение этого условия излишним, поскольку оно «поглощается критерием творчества» [9. С. 6].

Трудно согласиться с такими категоричными утверждениями, поскольку условие узнаваемости персонажа определяется комплексом отличительных признаков, с помощью которых устанавливается факт наличия творческого характера. Поэтому речь идет именно о толковании нормы п. 7 ст. 1259 ГК РФ, а не о создании нового правила, противоречащего ее содержанию. Это означает лишь то, что суды предъявляют специальное требование к оригинальности персонажей произведения – должны быть представлены доказательства его узнаваемости именно как действующего лица конкретного произведения [10].

Например, в одном из апелляционных постановлений суд прямо указал на то, что предложенные ответчиком на интернет-сайте к продаже торты содержат фигурки с изображением до степени смешения персонажей: «Дружок», «Лиза», «Малыш», в полной мере сохранили индивидуализирующие черты персонажей, что делает их узнаваемыми, как часть конкретного произведения – анимационного сериала «Барбоскины». Таким образом, истец доказал факт нарушения его прав действиями ответчика [11].

По мнению Л.А. Новоселовой, вопрос о таком критерии охраноспособности, как узнаваемость, «является частью вопроса об оригинальности, и с этой точки зрения он может быть рассмотрен» [12. С. 6]. При этом признаки «оригинальность» и «узнаваемость» не являются тождественными.

В авторском праве оригинальность трактуется как уникальность и неповторимость результата интеллектуальной деятельности, т.е. оригинальными считаются такие творческие результаты, которые не повторяются при параллельном творчестве лиц, работающих независимо друг от друга. Узнаваемость же, как условие предоставления персонажу правовой охраны, в литературе по авторскому праву не рассматривалась. Широко распространен данный термин в маркетинговых исследованиях, посвященных когнитивному воздействию рекламных персонажей на сознание потребителя, в результате чего такой персонаж (брэнд-персонаж) приобретает свойство узнаваемости [13. С. 265]. Такая узнаваемость повышается за счет известного психологического закона – «эффекта накопления» [14. С. 100], когда с каждым рекламным роликом персонаж становится для потребителя все более «своим» и привычным. Разумеется, не стоит проецировать представления об «узнаваемости бренда», сложившиеся в маркетологических исследованиях, на отношения, возникающие при использовании персонажей произведений полностью, поскольку задачи у них совершенно другие, не связанные с правовой защитой исключительных прав.

Одна из компетенций в составе трудовых функций профессионального стандарта художника-аниматора предписывает ему «использовать разработанные модели анимационных персонажей и способы управления ими для визуализации характерного движения с сохранением *узнаваемости персонажа*» [15]. Таким образом, узнаваемость персонажа представляет собой одно из проявлений его оригинальности как результата самостоятельной творческой деятельности. Узнаваемость как и оригинальность в целом может быть объектом именно внешней оценки, в том числе и со стороны суда. В этой связи возникает вопрос, любые ли персонажи могут соответствовать этому качеству?

Решение этого вопроса имеет практическое значение, в зависимости от того, как будет квалифицирован персонаж – как часть произведения, которая не является самостоятельным результатом творческого труда, либо как обособленный объект, охраняемый по правилам п. 7 ст. 1259 ГК РФ. Для ответа на этот вопрос и возникает необходимость провести классификацию персонажей в зависимости от возможности узнаваемости персонажа при использовании его в отрыве от различных произведений в целом.

Во-первых, это персонажи произведений художественной литературы, которые представляют собой описания внешнего облика, личностных характеристик и действий литературных героев. Такой персонаж является художественным образом субъекта действия, наделенного духовным ядром, особыми чертами наружности и поведения. При этом персонаж должен быть описан настолько детально и образно, чтобы читатель был способен осуществить его «внутреннюю визуализацию», представить себе его внешний облик. Подобная внутренняя визуализация персонажа обусловлена индивидуальными особенностями конкретного читателя, является свойством его личности и основана на развитом воображении.

Психологи трактуют воображение как психический процесс создания образа предмета или ситуации путем перестройки имеющихся представлений, как сложную форму психической деятельности, *преобразующую* зафиксированную информацию [16. С. 35]. Поскольку речь идет о явлении психологической сферы, соответственно, и уровень воображения у всех читателей разный, каждый человек индивидуально воспринимает те художественные образы и персонажи, которые представлены на страницах произведения художественной литературы. Поэтому описанный на страницах такого произведения литературный персонаж объективно лишен такого признака, как «узнаваемость». И только будучи преобразованным трудом художника-иллюстратора, он может приобрести такое свойство в глазах читателя. Художник-иллюстратор в этом случае создает самостоятельное произведение изобразительного искусства – изображение персонажа произведения литературы, приобретая тем самым право авторства.

Во-вторых, это персонажи аудиовизуальных произведений, в том числе и мультипликационных фильмов. С учетом того, что в п. 1 ст. 1263 ГК РФ закрепляется легальное определение аудиовизуального произведения, его персонаж и является тем самым «изображением», о котором идет речь в данной норме. Такой персонаж фиксируется в аудиовизуальном ряде других изображений благодаря игре актеров или творчеству художника-мультипликатора. Таким образом имеет место *внешняя или объективная визуализация* действующего лица (персонажа), которая является результатом самостоятельного творчества, автор которого известен.

В-третьих, это персонажи произведений музыкально-сценического искусства (опера, оперетта, балет, мюзикл и спектакль), в которых художественные образы и воплощающие их персонажи, содержащиеся в либретто, представлены игрой, песнями и танцами сценических артистов. И в аудиовизуальных, и в музыкально-сценических произведениях персонажи являются частью образной системы, «субъектами действия», умело вплетенными автором в сюжетную линию. Воспринимающий субъект способен закрепить в своем сознании эти художественные образы в движении, а впоследствии «узнать их в отрыве» от самого произведения.

В-четвертых, не менее узнаваемыми могут быть персонажи различных «статичных» произведений (изобразительного искусства, графики, дизайна), которые выражены в объективной изобразительной или объемно-пространственной форме. Если человек среднего культурного уровня способен «узнать» произведение изобразительного искусства при взгляде на изображение отдельно используемого его персонажа, то «узнаваемость» как объективный критерий свидетельствует одновременно и об оригинальности этого персонажа.

Из данного основания классификации следует исключить ряд произведений, поименованных в п. 1 ст. 1259 ГК РФ, в которых либо отсутствует система художественных образов, либо отсутствует возможность их визуализации. В первом случае речь идет о произведениях науки, содержание которых обусловлено целью научного исследования – получение нового знания, в силу чего художественные образы и персонажи отсутствуют, и произведениях картографии. Во втором случае это различные музыкальные композиции (как с текстом, так и без текста) и произведения с незначительным уровнем творчества, в которых творческий замысел автора воплощен в виде абстрактной идеи или образа. Таким образом, творчески самостоятельным характером обладают лишь такие произведения, при восприятии которых публикой имеется возможность как внутренней, так и внешней визуализации.

Персонажи произведений литературы и искусства можно разделить и по критерию творчества на охраняемые и неохраняемые. Охраняемыми будут все те персонажи, которые соответствуют тем же критериям охраноспособности, что и произведение в целом: наличие творческого характера деятельности автора при создании такого персонажа и объективная форма его выражения. Самостоятельная правовая охрана таких персонажей зависит от совокупности элементов, определяющих их оригинальность: изображение, имя, черты характера и т.д., из которых складывается совокупный образ персонажа [17. С. 45]. К неохраняемым относятся фольклорные персонажи, которые являются частью неохраняемых произведений народного творчества, не имеющих конкретных авторов (п. 6 ст. 1259 ГК РФ). Например, персонажи итальянской «комедии дель арте» (commedia dell'arte) Панталоне, Пульчинелла, Арлекин и др., сказочные персонажи – Змей Горыныч, Баба Яга и др.

В зависимости от источника создания персонажа можно выделить вымышленные персонажи, источником которых является исключительно авторское воображение, и реальные лица (прототипы), как правило, исторические личности или современники автора, послужившие основой для формирования художе-

ственного образа. При этом наиболее значительным творческим потенциалом наделен вымышленный персонаж, поскольку именно при его описании автор опирается исключительно на свое воображение, именно такой персонаж в большей степени оригинален в сравнении с реальным персонажем, который может быть использован другими лицами при создании своего произведения.

Вымышленный персонаж наделен собственным содержанием и формой, составляющими единство его восприятия публикой. При оценке творческого уровня такого персонажа необходимо выделить в его составе основные элементы: идейное ядро, эмоционально-волевой мир, мир сознания, формы поведения. Названные элементы в традиционном логическом разделении формы и содержания произведения относятся к уровню предметной изобразительности, с их помощью автор описывает вымышленную реальность. Вместе с тем они не являются просто средствами изображения персонажа, т.е. чем-то вторичным и вспомогательным. Они неотделимы от самого существа изображенных лиц и сами по себе обладают достаточной характерностью. Персонажи не только воспринимаются со стороны, но и сами включены в процесс общения с другими персонажами произведения, которые также представлены в аспекте своей содержательной формы. Поэтому такие персонажи представляют собой своего рода двуединую целостность, порожденную как авторским психоэмоциональным описанием, так и восприятием, той оценкой, которую дает публика. Поэтому при прочтении произведений литературы, просмотре кинофильмов мы непроизвольно не только погружаемся в созданную автором вымышленную реальность, но и начинаем «жить» среди его персонажей, сочувствуем им, ненавидим их иначе говоря, воспринимаем их как «живых» субъектов, «узнаем» в рекламных роликах и товарных знаках. Все это свидетельствует о том, что такой персонаж является самостоятельным результатом творчества.

Если, например, аудиовизуальное произведение является оригинальным с точки зрения формирования творческого замысла режиссера, то представленные в нем художественные образы действующих лиц – персонажи также оригинальны и в совокупности с другими охраняемыми элементами образуют единое произведение. В тех случаях, когда автор-сценарист создает сценарное произведение путем творческой переработки другого литературного произведения, то посредством сложной режиссерской работы по подбору актеров соответствующих типажей происходит «внешняя визуализация» персонажей литературного произведения. Поэтому сложно установить полное соответствие описания художественного образа героя литературного произведения тому образу, который визуализирован в результате творческой деятельности режиссера и исполнительского творчества актера. С полной уверенностью подобный вывод можно применить и к созданию мультипликационного фильма как разновидности аудиовизуального произведения, с тем лишь отличием, что внешним «визуализатором» здесь выступает художник-аниматор.

Поскольку подобное аудиовизуальное произведение является результатом творческой переработки ранее созданного литературного произведения, то такое использование требует разрешения первоначального или производного правообладателя (автора или его правопреемника), что прямо вытекает из взаимосвязанного толкования норм пп. 9 п. 2 ст. 1270, п. 1 ст. 1229 ГК РФ. Описанный на страницах литературного произведения персонаж не обладает сам по себе признаком узнаваемости, каждый читающий субъект визуализирует его прежде всего исключительно в своем сознании (внутренняя визуализация) и лишь затем через рисунок (произведение изобразительного искусства) или через игру актера соответствующего типажа, подобранного режиссером через кастинг и действующего согласно сценарию, этот персонаж воплощается в объективной форме (внешняя визуализация). Поэтому не требуется разрешения правообладателя на использование каждого из персонажей литературного произведения в составе аудиовизуального произведения, поскольку все они в совокупности являются элементами внутренней формы литературного произведения и вне его ни один из них не наделен признаком узнаваемости.

Следовательно, самостоятельными результатами интеллектуальной деятельности в составе аудиовизуального произведения могут быть лишь такие персонажи, в отношении которых процесс внешней визуализации имел место ранее в творчестве других лиц, в силу чего они приобретают свойство узнаваемости, которое является условием их самостоятельной правовой охраны. Подобное творчество можем наблюдать при создании новых версий известных аудиовизуальных произведений, в том числе и мультипликационных – ремейков и сиквелов, в которых их авторы могут сохранять элементы внутренней формы ранее созданных аудиовизуальных произведений. Явление это в киноиндустрии довольно распространенное, при этом в оригинальном фильме и его ремейке творческий коллектив, включая актеров и продюсеров, как правило, разные лица. Если оригинальный фильм и его новая версия основаны на единой сюжетной линии одного литературного произведения, то создатель ремейка ограничивает свое заимствование неохраняемыми элементами, а персонажи создают свои посредством переработки литературных образом соответствующих персонажей романов и повестей. Но если в основе кинофильма лежит оригинальный сценарий, не являющийся творческой переработкой ранее созданных произведений других лиц, то заимствование персонажей с целью их переработки и последующего использования в новой версии требует разрешения правообладателя.

Таким образом, самостоятельным объектом правовой охраны может выступать не любой персонаж.

Во-первых, персонаж должен обладать свойством «объективной узнаваемости», являющейся следствием внешней визуализации его изображения. Если информированный потребитель, в роли которого может выступать эксперт, способен при приобретении соответствующего товара выстроить ассоциативную связь «товар – персонаж – произведение» и сделать соответ-

ствующий выбор в пользу приобретения товара, внешняя форма которого воспроизводит любимого героя, то это значит, что автору удалось сообщить описанному им персонажу необходимые для идентификации индивидуальные признаки. Проводя аналогию с понятиями такого института права интеллектуальной собственности, как права на средства индивидуализации, можно в этом случае утверждать, что такой персонаж обладает достаточной степенью «различительной способности». Безусловно, что это является актом проявления самостоятельного творчества и свидетельствует о необходимости самостоятельной правовой охраны.

Во-вторых, свойством объективной узнаваемости может обладать исключительно изображение персонажа, его внешняя визуализация в объективной форме – графической, объемно-пространственной или иной, которая позволяет публике воспринимать его и «узнавать» в отрыве от самого произведения. Такими свойствами обладают персонажи аудиовизуальных произведений, произведений изобразительного искусства и подобные произведения, в которых внешняя визуализация произведена самим автором, путем придания такому персонажу узнаваемых признаков. Персонажи произведений художественной литературы, описанные в виде текста, могут быть объектом исключительно внутренней визуализации как результата субъективного восприятия и воображения читателя и, как следствие, при этом они не наделены свойством объективной узнаваемости. Такие персонажи могут быть лишь объектом творческой переработки в процессе деятельности художника-мультипликатора, в результате которой появляется изображение персонажа, обладающее свойством объективной узнаваемости.

В-третьих, признание персонажа самостоятельным объектом авторско-правовой охраны возможно только в отношении тех произведений, в которых присутствуют описания лиц в качестве элементов образной системы. Таковыми являются исключительно вымышленные персонажи, источником которых является авторское воображение. Именно такие персонажи являются оригинальными результатами творческой деятельности автора с точки зрения субъективно-объективного критерия.

Таким образом, определенный персонаж является самостоятельным объектом правовой охраны при наличии следующих условий: а) обладает свойством «объективной узнаваемости»; б) имеет изображение; в) является элементом только тех произведений литературы и искусства, в которых присутствуют описания лиц, в качестве элементов образной системы.

В этой связи охраняемый авторским правом *персонаж произведения литературы и искусства* можно определить как внешне визуализированное изображение, описывающее вымышленное лицо, являющееся результатом интеллектуальной деятельности, выраженным в объективной форме и позволяющим его использовать в гражданском обороте независимо от самого произведения, частью которого от является.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова Е.Б. О содержании понятий «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике» // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2009. Вып. 37, № 35 (173). С. 20–26.
2. Скиба В.А., Чернец Л.В. Введение в литературоведение. Литературное произведение. Основные понятия и термины / под ред. Л.В. Чернец. М., 1999. 368 с.
3. Sid & Marty Krofft Television Productions Inc. v. McDonald's Corp. URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/562/1157/293262 (дата обращения: 10 ноября 2019 г.).
4. Metro-Goldwyn-Mayer, Inc. v. Am. Honda Motor Co., Inc., 900 F. Supp. 1287 (C.D. Cal. 1995). URL: https://h2o.law.harvard.edu/collages/4394 (дата обращения: 10 ноября 2019 г.).
5. Copyright, Designs and Patents Act 1988. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/contents.
6. Infopaq International A/S v. Danske Dagblades Forenung. URL: https://swarb.co.uk/infopaq-international-v-danske-dagblades-forening-ecj-17-jul-2009.
7. О гармонизации некоторых аспектов авторских и смежных прав в информационном обществе: директива № 2001/29/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф.
8. Еременко В.И. О Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10: авторское право и смежные права // ИС. Авторское право и смежные права. 2019. № 8. С. 5–22.
9. Витко В.С. Вопросы авторского права в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10 // Патенты и лицензии. 2019. № 6. С. 5–16.
10. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 22.02.2018 г. № С01-1159/2017 г. по делу № СИП-544/2017 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф.
11. Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.03.2020 г. № 14АП-1049/2020 по делу № А66-16333/2019 г. // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф.
12. Пискунов Я. Создание специализированных судов по интеллектуальным спорам – общемировая тенденция / [Интервью с Л.А. Новоселовой] // Закон. 2015. № 11. С. 6–19.
13. Марочкина С.С., Вегенер Ю.С. Коммуникативные возможности героев рекламы // Омский научный вестник. 2014. № 1. С. 263–267.
14. Нуркова В.В. Память. Общая психология : в 7 т. / под ред. Б.С. Братуся. 2-е изд. М., 2008. Т. 3. 318 с.
15. Об утверждении профессионального стандарта «Художник-аниматор»: Приказ Минтруда России от 25.12.2018 г. № 844н (ред. от 11.02.2019 г.) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф.
16. Дудецкий А.Я. Теоретические вопросы воображения и творчества. Смоленск, 1974. 152 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 21 июля 2020 г.

Conditions for the Protectability of the Character of a Work of Art

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 243–248.
DOI: 10.17223/15617793/457/28

Andrey Yu. Kopylov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: akop67@mail.ru

Keywords: copyright; work of literature and art; artistic image and character; character recognition

The study examines laws on intellectual property in terms of the legal protection of characters as independent elements of works of art, the judicial practice of their application, as well as the doctrinal judgments about the legal nature of such characters. The most

memorable characters that often act as independent results of artistic creativity and are used as part of other works, trademarks and brands, attracting potential consumers' attention to relevant goods and services, are subject to legal protection. In this regard, the problem arises of protecting such a character separately from the work itself. The article provides an assessment of the doctrine of "substantial similarity" existing in US law. The doctrine is based on Krofft's "two-step verification" that assesses the "standard of identity": the courts establish how high the degree of a character's creative expression is in term of its originality. Russian judicial practice has developed a similar condition for the protection of a character in case of its independent use—"recognition". This condition does not follow from the content of the law and is the product of judicial practice exclusively. The author considers the opinions on the identity of the categories "recognition" and "originality" available in the literature to be erroneous. Originality is understood as the uniqueness of the result of intellectual activity, that is, creative results are original if they are not repeated in parallel creative activities of persons working independently from each other. Recognition of a character is one of the manifestations of its originality as a result of independent creative activity. The author comes to the conclusion that only the image of a character can have the property of objective recognition, its external visualization in an objective form (graphic, three-dimensional, spatial or other), which allows the public to perceive and "recognize" it separately from the work. As a result of the research, an original interpretation of the character of a work of art was formulated. The character of a work of art is an outwardly visualized image describing a fictional person; it is the result of intellectual creative activity expressed in an objective form that allows using it (the character) in civil circulation regardless of the work of which it is a part.

REFERENCES

1. Borisova, E.B. (2009) O soderzhanii ponyatiy "khudozhestvennyy obraz" i "obraznost'" v literaturovedenii i lingvistike [On the content of the concepts "artistic image" and "imagery" in literary criticism and linguistics]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*. 37:35 (173). pp. 20–26.
2. Skiba, V.A. & Chernets, L.V. (1999) *Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie. Osnovnye ponyatiya i terminy* [Introduction to Literary Studies. A Work of Fiction. Basic Concepts and Terms]. Moscow: Vysshaya shkola.
3. JUSTITIA. (1977) *Sid & Marty Krofft Television Productions, Inc. and Sid & Marty Krofft Productions, Inc., Plaintiffs-Appellants, v. Mcdonald's Corporation and Needham, Harper & Steers, Inc., Defendants*. [Online] Available from: https://law.justia.com/cases/federal/appellatecourts/F2/562/1157/293262. (Accessed: 10.11.2019).
4. H2O. (1995) *Metro-Goldwyn-Mayer, Inc. v. Am. Honda Motor Co., Inc., 900 F. Supp. 1287 (C.D. Cal. 1995)*. [Online] Available from: https://h2o.law.harvard.edu/collages/4394. (Accessed: 10.11.2019).
5. Legislation.gov.uk. (1988) *Copyright, Designs and Patents Act 1988*. [Online] Available from: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/contents.
6. Swarb.co.uk. (2009) *Infopaq International A/S v. Danske Dagblades Forenung*. [Online] Available from: https://swarb.co.uk/infopaq-international-v-danske-dagblades-forening-ecj-17-jul-2009.
7. Consultant Plus. (2001) *O garmonizatsii nekotorykh aspektov avtorskikh i smezhnykh prav v informatsionnom obshchestve: direktiva № 2001/29/ES Evropeyskogo parlamenta i Soveta Evropeyskogo Soyuza* [On the harmonization of some aspects of copyright and related rights in the information society: Directive No. 2001/29/EC of the European Parliament and the Council of the European Union]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=50255#03012305279933103.
8. Eremenko, V.I. (2019) O Postanovlenii Plenuma Verkhovnogo Suda RF № 10: avtorskoe pravo i smezhnye prava [On the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10: Copyright and related rights]. *IS. Avtorskoe pravo i smezhnye prava – Intellectual Property. Copyright and Related Rights*. 8. pp. 5–22.
9. Vitko, V.S. (2019) Voprosy avtorskogo prava v Postanovlenii Plenuma Verkhovnogo Suda RF № 10 [Issues of copyright in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10]. *Patenty i litsenzii*. 6. pp. 5–16.
10. Consultant Plus. (2018) *Postanovlenie Prezidiuma Suda po intellektual'nym pravam ot 22.02.2018 g. № S01-1159/2017 g. po delu № SIP-544/2017* [Resolution of the Presidium of the Intellectual Property Rights Court of 22.02.2018 No. C01-1159/2017 in Case No. SIP-544/2017]. Moscow: Consultant Plus.
11. Consultant Plus. (2020) *Postanovlenie Chetyrnadtsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 26.03.2020 g. № 14AP-1049/2020 po delu № A66-16333/2019 g.* [Resolution of the Fourteenth Arbitration Court of Appeal of 26.03.2020 No. 14AP-1049/2020 in Case No. A66-16333/2019]. Moscow: Consultant Plus.
12. Piskunov, Ya. (2015) Sozdanie spetsializirovannykh sudov po intellektual'nym sporam – obshchemirovaya tendentsiya [Creation of Specialized Courts for Intellectual Disputes Is a Worldwide Trend]. *Zakon*. 11. pp. 6–19.
13. Marochkina, S.S. & Vegener, Yu.S. (2014) Communicative Possibilities of Advertising Characters. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin.* 1. pp. 263–267. (In Russian).
14. Nurkova, V.V. (2008) *Pamyat'. Obshchaya psikhologiya: v 7 t.* [Memory. General Psychology: In 7 Volumes]. 2nd ed. Vol. 3.Moscow: Akademiya.
15. Consultant Plus. (2019) *Ob utverzhdenii professional'nogo standarta "Khudozhnik-animator": Prikaz Mintruda Rossii ot 25.12.2018 g. № 844n (red. ot 11.02.2019 g.)* [On the approval of the professional standard "Artist-Animator": Order of the Ministry of Labor of Russia of 25.12.2018 No. 844n (As amended on 11.02.2019)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_316033/.
16. Dudetskiy, A.Ya. (1974) *Teoreticheskie voprosy voobrazheniya i tvorchestva* [Theoretical Issues of Imagination and Creativity]. Smolensk: Smolensk State Pedagogical University.

Received: 21 July 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 249–255. DOI: 10.17223/15617793/457/29

УДК 342.92

Е.А. Лебедева

КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ СОЗДАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕННО-МОДИФИЦИРОВАННЫХ ОРГАНИЗМОВ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14065.

Рассматривается механизм обеспечения безопасности здоровья человека и окружающей среды при осуществлении органами государственной власти России и Германии контрольно-надзорной деятельности в области генной инженерии. Сделаны выводы о том, что контрольно-надзорная деятельность в сфере генной инженерии в Российской Федерации осуществляется в форме лицензирования, регистрации, проверки, мониторинга, а также контроля за выпуском ГМО; контрольно-надзорная деятельность в сфере генной инженерии в России и Германии строится на общих началах и принципах.

Ключевые слова: административное право; генно-инженерная деятельность; безопасность; контрольно-надзорная деятельность.

Интенсивное использование генетических технологий обеспечивает создание продуктов питания, лекарственных препаратов нового поколения, внедрение современных процедур диагностики и лечения заболеваний человека, позволяет предупредить угрозы биологического характера.

В настоящее время результаты исследований в генной инженерии активно применяются в таких отраслях, как медицина, фармацевтика, сельское хозяйство, обеспечение экологической безопасности, топливно-энергетический комплекс и многие другие [1. С. 66]. Однако основной областью применения методов генной инженерии исторически было сельское хозяйство. В ряде стран, преимущественно экспортеров сельскохозяйственной продукции (США, Канада, Австралия, Аргентина), допускается сравнительно свободное использование ГМО при производстве продуктов питания; в странах Европейского союза наблюдается противоположная тенденция. Российская Федерация, сохраняя баланс публичных и частных интересов, стремится создать благоприятные условия для осуществления генно-инженерной деятельности.

Новый импульс генной инженерии дан в 2019 г. в связи с утверждением Правительством Российской Федерации Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2027 гг. [2].

Названные факторы обусловливают необходимость совершенствования контрольно-надзорной деятельности в этой сфере.

В теории административного права вопрос соотношения государственного контроля и административного надзора остается дискуссионным. Оба способа обеспечения законности имеют схожие черты.

Сущность государственного контроля состоит в проверке соблюдения органами исполнительной власти и их должностными лицами законности, а также обеспечении целесообразности и эффективности в своей деятельности [3. С. 320], целью административного надзора является выявление нарушений требований действующего законодательства. Вместе с тем представляется справедливой точка зрения о том, что в области генно-инженерной деятельности осуществляется государственная контрольно-надзорная деятельность, сочетающая в себе отдельные черты контроля и надзора [4. С. 150].

Определение контрольно-надзорной деятельности в этой сфере требует установления правовых рамок деятельности в области использования и применения генетических технологий.

Правовую основу генной инженерии в России составляет Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» [5] (далее – Закон о государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности).

Рассматривая сферу действия Закона о государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности, следует отметить, что предметом его регулирования являются общественные отношения, возникающие при осуществлении генно-инженерной деятельности в сфере природопользования, обеспечения экологической безопасности, охраны окружающей среды и здоровья человека.

Анализ нормативных определений «генная инженерия», «генно-инженерная деятельность», «генно-инженерный-модифицированный организм», сформулированных в Законе, показал, что генно-инженерная деятельность осуществляется с использованием методов и технологий выделения генов из организмов, изменения генетической программы, внесения генов в другие организмы и предусматривает создание искусственного организма (образования), способного к воспроизводству или передаче наследственной информации (ГМО).

Вместе с тем результатом генно-инженерной деятельности является возможность использования ГМО в здравоохранении, сельском хозяйстве, добывающей и перерабатывающей промышленности, а также производстве продукции, содержащей ГМО или созданной с использованием ГМО (ГМ-продукция). Недостаточная изученность последствий применения искусственных организмов выводит на первый план проблему охраны здоровья человека и окружающей среды. Это повлекло необходимость проведения гос-

ударственными органами контрольных мероприятий и внесения в Закон о государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности соответствующих дополнений. В настоящее время предусмотрена обязательная регистрация ГМО и ГМ-продукции, мониторинг воздействия ГМО на здоровье человека и окружающую среду, контроль за выпуском искусственных организмов и продуктов, созданных с их использованием. Однако данные мероприятия, строго говоря, не входят в сферу осуществления генно-инженерной деятельности, а проводятся после создания ГМО. В этой связи целесообразно обратиться к опыту зарубежных стран.

Единство принципов построения континентальной правовой системы и подходов к осуществлению государственного управления в сфере генной инженерии повлекло схожее правовое регулирование генно-инженерной деятельности в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия.

В настоящее время в ФРГ действует закон Германии «О регулировании генно-инженерной деятельности» (Gesetz zur Regelung der Gentechnik – GenTG), принятый в 1990 г. [6]. Первый параграф GenTG определяет, что одной из целей закона является защита от вредного воздействия ГМ-продуктов и принятия мер предосторожности против возникновения таких опасностей. Законом Германии прямо закреплено его применение при размещении продуктов, содержащих или состоящих из ГМО.

Рецепция данных положений и распространение действия Закона о государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности в Российской Федерации на отношения по использованию результатов генной инженерии обеспечат совершенствование регулирования контрольно-надзорной деятельности в этой сфере.

Свое непосредственное назначении контрольно-надзорная деятельность находит в обеспечении законности в вопросах безопасного использования ГМО, что обусловливает установление в качестве одного из основных направлений государственного регулирования генно-инженерной деятельности определение механизма, обеспечивающего безопасность граждан и окружающей среды при осуществлении генно-инженерной деятельности и использования ее результатов.

Важное значение для системы безопасности имеет выпуск (внесение) ГМО в окружающую среду, а также их обращение в открытых и замкнутых системах. В замкнутой системе устанавливаются специальные барьеры, ограничивающие контакт ГМО с человеком и окружающей средой, которые отсутствуют в открытой системе. При осуществлении генно-инженерной деятельности в замкнутой системе установлено четыре уровня риска потенциально вредного воздействия на здоровье человека в зависимости от степени опасности.

Обеспечение защищенности граждан и окружающей среды при осуществлении генно-инженерной деятельности и использования ГМО составляет содержание контрольно-надзорной деятельности органов государственной власти.

Данная деятельность производится как на стадии создания ГМО, так и в период выпуска ГМО в окружающую среду и последующего использования ГМ-продукции.

Представляется верным для данной сферы государственного управления подход, предполагающий отсутствие непосредственного вмешательства государственных органов в осуществление генно-инженерной деятельности, что создает необходимые условия для формирования и усовершенствования методов и технологий генной инженерии.

Вместе с тем в Законе установлены требования для допуска к осуществлению генно-инженерных работ, к которым относится генетические манипуляции на молекулярном и клеточном уровнях для создания ГМО, а также в целях генной терапии и генодиагности, все виды испытаний с искусственными организмами, утилизация отходов ГИД, совершение гражданско-правовых сделок с ГМО и иная деятельность, связанная с генными технологиями. На юридических и физических лиц возложены обязанности провести оценку риска при планировании, подготовки и проведении ГИД, обеспечить биологическую и физическую защиту граждан и окружающей среды.

В Российской Федерации генно-инженерные работы III и IV степени потенциальной опасности для здоровья человека подлежат обязательному лицензированию Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека в соответствии с положением, утвержденным Правительством Российской Федерации [7], и административным регламентом Роспотребнадзора [8]. Обращаясь к данному вопросу, следует отметить, что названные работы предусматривают использование возбудителей инфекционных заболеваний человека и животных.

Контрольная деятельность при лицензировании генно-инженерных работ проявляется в проверке соответствия соискателей на получение лицензии лицензионных требованиям. В частности, у соискателя лицензии в зависимости от видов выполняемых работ должны иметься здания, помещения, оборудование и иное материально-техническое оснащение, необходимое для осуществления лицензируемой деятельности; руководитель юридического лица или индивидуальный предприниматель должны иметь высшее или среднее профессиональное образование и стаж работы не менее трех лет по соответствующей специальности, требования о наличии профильного образования также распространяются на работников соискателя лицензии.

Необходимой частью надзорной деятельности является проверка наличия правовых оснований и соблюдения установленных требований при выдаче лицензий. В процессе осуществления лицензионной деятельности проводится выявление нарушений санитарных правил по обеспечению безопасности работ.

Аналогично российскому закону параграфы 7 и 9 GenTG подразделяет генно-инженерные работы на четыре уровня безопасности, при этом для проведения работ III и IV уровней требуется специальное разрешение. Процедура получения соответствующих

разрешений подробно регламентирована непосредственно самим федеральным законом. Отдельно федеральное правительство Германии после консультации с комиссией по биологической безопасности и разрешения Бундесрата устанавливает меры безопасности для каждого из четырех уровней.

Представляется целесообразным сохранение в Российской Федерации регулирования системы лицензирования на уровне подзаконных нормативных актов с учетом положений Федерального закона от 4 мая 2011 года № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности». Одновременно с этим использование немецкого опыта по принятию мер биологической и физической защиты для отдельных работ каждой степени потенциальной опасности является необходимым. При осуществлении контрольных мероприятий и установлении требований по безопасности также не будет излишним привлечение представителей научного сообщества и практикующих биологов.

Содержанием контрольно-надзорной деятельности органов государственной власти в области соблюдения требований по безопасности ГМО и ГМ-продукции является ведение регистрационного учета предназначенных для выпуска в окружающую среду ГМО и ГМ-продукции в соответствии с видами разрешенного целевого использования ГМО посредством внесения информации о регистрируемом объекте в сводный реестр на основании оценки соответствия предоставленных о нем сведений установленным требованиям с присвоением ему регистрационного номера, а также выдачи свидетельства о государственной регистрации ГМО и ГМ-продукции.

Созданные и ввезенные на территорию России и предназначенные для выпуска в окружающую среду ГМО, а также продукты, произведенные с использование модифицированных организмов или содержащие такие организмы, регистрируются в зависимости их целевого использования:

– при производстве лекарственных средств для медицинского применения – Министерством здравоохранения Российской Федерации;

– при производстве медицинских изделий – Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзор);

– при производстве продовольственного сырья и пищевых продуктов – Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор);

– при производстве кормов и кормовых добавок для животных, лекарственных средств для ветеринарного применения; разведении и (или) выращивании модифицированных растений и животных (за исключением растений и животных, содержащих генно-инженерный материал, внесение которого не может являться результатом природных (естественных) процессов), а также микроорганизмов для сельскохозяйственного назначения Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзор) [9].

Центральной частью контрольных мероприятий при регистрации ГМО и ГМ-продукции является изучение результатов молекулярно-генетического исследования, а также, в зависимости от вида целевого использования, медико-биологической оценки безопасности, санитарно-эпидемиологической экспертизы, биологической безопасности, сведений о наличии положительного заключения государственной экологической экспертизы. Непредставление указанных результатов влечет принятие решения об отказе в регистрации ГМО или ГМ-продукции.

Сведения о ГМО и соответствующей продукции размещаются в сводном государственном реестре, который ведет Министерство здравоохранения Российской Федерации. Продукция, произведенная с использованием генно-модифицированных организмов или содержащая эти организмы, подлежит обязательной сертификации или декларированию соответствия и имеет соответствующую маркировку.

Выдача разрешения на выпуск и размещение ГМО и ГМ-продукции в Германии урегулирована параграфами 14–16, 16d GenTG. Органы государственной власти самостоятельно рассматривают заявки о выдаче соответствующие разрешений и принимают по ним решения.

Вместе с тем регулирование генно-инженерной деятельности на территории Германии осуществляется в соответствии с правовыми нормами Европейского Союза. В компетенцию общеевропейского регулятора входят вопросы построения общего рынка, единого внутреннего рынка, проведения общей сельскохозяйственной и торговой политики, а также осуществления мер по охране окружающей среды на территории государств-членов ЕС. Регламентация правоотношений в указанных сферах подразумевает решение вопросов, связанных с получением и выращиванием ГМО [10. С. 157–164]. Актом прямого действия, регулирующим отношения в сфере генно-инженерной деятельности, является Директива ЕС 2001/18/ЕС от 12 марта 2001 г. о преднамеренном выпуске в окружающую среду генетически модифицированных организмов [11. С. 1]. Разрешения на выпуск ГМО и ГМ-продукции, выданные государствами-членами, действуют на всей территории Европейского союза.

GenTG предусматривает возможность федерального правительства устанавливать упрощенную процедуру для преднамеренного высвобождения генетически модифицированных растений в соответствии с решением Европейской Комиссии 94/730/ЕС от 4 ноября 1994 г. Аналогичная возможность определена пунктом 6 статьи 7 Директивы ЕС 2001/18/ЕС от 12 марта 2001 г. Усовершенствование процедур контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации путем их упрощения при регистрации отдельных видов ГМО и ГМ-продукции представляется целесообразной.

В целях определения воздействия ГМО на здоровье человека, состояние окружающей среды и выявления нарушений при внесении ГМО в окружающую среду осуществляется мониторинг, а также контроль за выпуском ГМО. Осуществление государственной деятельности по мониторингу и контролю возложены на Роспотребнадзор в части использования ГМО для производства пищевой продукции [12] и Россель-

хознадзор в отношении модифицированных растений и животных, ГМО сельскохозяйственного назначения, а также используемых при производстве кормов и кормовых добавок для животных, лекарственных средств для ветеринарного применения [13].

При осуществлении мониторинга контрольные органы производят сбор информации о воздействии ГМО и ГМ-продукции на здоровье человека и окружающую среду, используя данные о государственной регистрации, а также сведения органов иных государств и международных организаций. Собранная информация подлежит анализу с использованием материалам научных исследований и данных, представляемых организациями, осуществляющими генно-инженерную деятельность. Средством получения информации об уровне риска и принимаемых мерах по обеспечению безопасности генно-инженерной деятельности являются обязательные для исполнения запросы. Следует отметить, что на Роспотребнадзор и Россельхознадзор возлагаются обязанности по доведению до всеобщего сведения информации о влиянии ГМО и ГМ-продукции на здоровье человека и окружающую среду.

По результатам мониторинга в случае выявления негативного воздействия ГМО на здоровье человека и окружающую среду могут быть приняты решения об аннулировании свидетельств о государственной регистрации ГМО или продуктов с ГМО; установлены специальные условия использования ГМО и внесены соответствующие указания в свидетельства; внесены в Правительство РФ предложения о запрете ввоза ГМО или определенных продуктов.

Представляется, что мониторинг является разновидностью контрольной деятельности, обеспечивающей соблюдение установленных законодательством требований к ГМО и информирование населения о безопасности искусственных организмов. Практическое содержание результатов контроля состоит в запрете вредных ГМО на территории Российской Федерации либо установление правил их безопасного использования.

GenTG предусматривает наблюдение за ГМО и ГМ-продуктами в формах общего и конкретного наблюдения. Общее наблюдение схоже с мониторингом, осуществляемым в России. Его целью является определение вредного воздействия ГМО на здоровье человека и окружающую среду, которое не было предусмотрено при оценке риска. Наблюдение за конкретными случаями имеет своей целью подтверждение предположения о том, что ГМО может оказать вредное воздействие, выявленное при оценке риска.

Полагаем, что мониторинг негативного проявления конкретного ГМО после выпуска в окружающую среду с учетом установленной ранее степени риска отвечает более высоким требованиям обеспечения безопасности. В связи с чем имеется необходимость внести дополнения в правила осуществления мониторинга воздействия ГМО и ГМ-продуктов на здоровье человека и окружающую среду, определяющие основания и порядок осуществления наблюдения за конкретными видами ГМО и ГМ-продуктов, а также предусмотреть необходимые полномочия федеральных органов исполнительной власти. При этом целесообразно учитывать положения параграфа 25 GenTG, который предоставляет возможность должностным лицам, исполняющим требования закона, в частности осматривать земельные участки, помещения, проводить исследования, а в случае необходимости осматривать жилые помещения «в любое время дня и ночи». Обязанности лица, производящего и (или) использующего ГМО (уведомитель), и полномочия компетентного органа на территории Германии в случае появления информации об опасных последствия для здоровья человека и окружающей среды в связи с выпуском ГМО в окружающую среду, а также до такого выпуска определены ст. 8 Директивы ЕС 2001/18/ЕС от 12 марта 2001 г. Компетентный орган может предписать изменить условия преднамеренного выпуска, временно его приостановить или прекратить, а также проинформировать об этом общественность. Уведомитель незамедлительно обязан принять необходимые меры для защиты здоровья человека и окружающей среды; проинформировать компетентный орган до осуществления любых поправок или, как только появятся сведения о ненамеренном изменении, а также при появлении новой информации; пересмотреть меры, изложенные в уведомлении.

Предусмотренные российским законодательством меры, принимаемые по результатам мониторинга, в виде аннулирования свидетельства о регистрации, внесения в него сведений о специальных условиях использования, явно недостаточны, поскольку не обеспечивают отзыв ГМ-продукции с потребительского рынка. В целях совершенствования законодательства требуется разработка правового механизма незамедлительного прекращения реализации ГМ-продуктов, запрещения рекламы и иного продвижения данных продуктов на рынке, установление конкретных мер оповещения населения о вреде генно-инженерного организма.

Контроль за выпуском ГМО в Российской Федерации осуществляется с целью выявления и пресечения нарушений при внесении генетически модифицированных организмов в окружающую среду, а также устранения последствий выявленных нарушений. К этим отношениям применяются положения Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [14].

Контрольно-надзорная деятельность проводится в форме плановых и внеплановых, документарных и выездных проверок, в ходе которых проверяется соблюдение требований по безопасности, проведению мероприятий, связанных с предупреждением и ликвидаций заболеваний, исполнению предписаний должностных лиц; применяются методы систематического наблюдения, анализа и прогнозирования состояния исполнения обязательных требований. Органы государственного надзора при проведении проверок могут проводить экспертизы, обследования, расследования, исследования и испытания.

В рамках осуществления контрольно-надзорной деятельности Федеральное ведомство по защите прав потребителей и безопасности пищевых продуктов ФРГ и уполномоченные органы исполнительной власти федеральных земель вправе применять контрольно-предупредительные, административно-пресека-тельные и административно-восстановительные меры при осуществлении проверок организаций, осуществляющих деятельность в области генной инженерии [15. С. 121]. В числе мер, ограничивающих выпуск в окружающую среду ГМО и поступление на рынок ГМ-продукции, в Германии применяются полный или частичный запрет эксплуатации генно-инженерной установки, а также утилизации соответствующего оборудования. В целях совершенствования контрольно-надзорной деятельности в России целесообразно ввести аналогичные меры в законодательство Российской Федерации.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что контрольно-надзорная деятельность в сфере генной инженерии в России осуществляется в таких формах, как лицензирование, регистрация, проверки, мониторинг, а также контроль за выпуском ГМО.

Все они направлены на обеспечение безопасности граждан и окружающей среды [16] при осуществлении генно-инженерной деятельности, а также использования ее результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шилюк Т.О. Организационно-правовые основы управления в области генной инженерии // Административное право и процесс. 2019. № 10. С. 66–68.
2. Постановление Правительства РФ от 22.04.2019 № 479 «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2027 годы» // СЗ РФ. 2019 № 17. Ст. 2108.
3. Попов Л.Л., Мигачев Ю.И. Административное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. Л.Л. Попов. М. : Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина, 2020. 728 с.
4. Богатырева В.Н. Контрольно-надзорная деятельность в области генной инженерии // Правовая политика и правовая жизнь, № 2. 2016. С. 148–151.
5. Федеральный закон от 5 июля 1996 года № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 28. Ст. 3348.
6. Закон Германии О регулировании генно-инженерной деятельности (Gesetz zur Regelung der Gentechnik – GenTG) // http://www.gesetze-im-internet.de/gentg/__1.html
7. Постановление Правительства РФ от 16.04.2012 № 317 «О лицензировании деятельности в области использования возбудителей инфекционных заболеваний человека и животных (за исключением случая, если указанная деятельность осуществляется в медицинских целях) и генно-инженерно-модифицированных организмов III и IV степеней потенциальной опасности, осуществляемой в замкнутых системах» // СЗ РФ. 2012. № 17. Ст. 1991.
8. Приказ Роспотребнадзора от 18.06.2014 № 489 «Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека государственной функции по осуществлению лицензионного контроля деятельности в области использования возбудителей инфекционных заболеваний человека и животных (за исключением случая, если указанная деятельность осуществляется в медицинских целях) и генно-инженерно-модифицированных организмов III и IV степеней потенциальной опасности, осуществляемой в замкнутых системах» // Российская газета. 2014. № 223.
9. Постановление Правительства РФ от 23 сентября 2013 г. № 839 «О государственной регистрации генно-инженерно-модифицированных организмов, предназначенных для выпуска в окружающую среду, а также продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы, включая указанную продукцию, ввозимую на территорию Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 39. Ст. 4991.
10. Соколов А.Ю., Богатырева Н.В. Административно-правовое регулирование применения геномных технологий в сельском хозяйстве Испании // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 3. С. 157–164.
11. Директива 2001/18/EG Европейского парламента и Совета от 12 марта 2001 г. о преднамеренном выпуске генетически измененных организмов в окружающую среду и по упразднению Директивы 90/220/EWG Европейского совета [Директива о выпуске генетически измененных организмов] // ABl. L 106 от 17 апреля 2001 г.
12. Постановление Правительства РФ от 13 марта 2017 г. № 281 «О порядке осуществления Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека мониторинга воздействия на человека и окружающую среду генно-инженерно-модифицированных организмов и продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы, и контроля за выпуском таких организмов в окружающую среду» // СЗ РФ. 2017. № 12. Ст. 1724.
13. Постановление Правительства РФ от 8 декабря 2017 г. № 1491 «Об утверждении Правил осуществления Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору мониторинга воздействия на человека и окружающую среду генно-инженерно-модифицированных организмов и продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы, и контроля за выпуском таких организмов в окружающую среду» // СЗ РФ. 2017. № 51. Ст. 7805.
14. Федеральный закон от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.
15. Соколов А.Ю., Локаев О.А. Административно-правовое регулирование применения геномных технологий в растениеводстве по законодательству ФРГ // Вестник Российской правовой академии. 2019. № 3. С. 62–68.
16. Ведяшкин С.В. Административные процедуры охранительной направленности // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 206–211.

Статья представлена научной редакцией «Право» 24 марта 2020 г.

Control and Supervision Over the Use of Genetically Modified Organisms in Russia and Germany

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 249–255.
DOI: 10.17223/15617793/457/29

Ekaterina A. Lebedeva, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russian Federation). E-mail: adv.lebedeva@gmail.com

Keywords: administrative law; genetic engineering; security, control and supervision.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-29-14065.

The article considers the mechanism for ensuring the security of human health and the environment when the state authorities of Russia and Germany carry out control and supervisory activities in the field of genetic engineering. The author determines the essence of state control and supervision in the field of genetic engineering and examines various forms of state control and supervision over GMOs and GM products in Russia and Germany. The research methods are used in the study are: systems analysis, analysis and synthesis, induction and deduction, as well as dialectical, logical, comparative legal methods. The analysis shows that licensing at all its stages, from the receipt of a license to the following license control, is one of the main forms of state control. Another form of state control is registration of GMOs and GM products intended for release into the environment in accordance with the types of the authorized target use of GMOs. Depending on their intended use in Russia, GMOs and GM products are registered by the Ministry of Health of the Russian Federation, the Federal Service for Health Supervision (Roszdravnadzor), the Federal Service for Supervision of Consumer Rights and Human Welfare (Rospotrebnadzor), the Federal Service for Veterinary and Phytosanitary supervision (Rosselkhoznadzor). Other forms of state control over genetic engineering activities are certification and conformity assessment, verification, monitoring, as well as control over the release of GMOs. In the Russian Federation, like in Germany, the state management approach in the field of genetic engineering does not assume a direct intervention of state bodies in the implementation of these activities, which creates the necessary conditions for the formation and improvement of methods and technologies of genetic engineering. As a result of the study, the author concludes that control and supervisory activities in the field of genetic engineering in Russia and Germany are based on similar principles and strategies, and also have a similar system of forms of state control. However, measures that Russian laws provide based on the results of state control, including the cancellation of the registration certificate and the introduction of information on special conditions of use into it, are clearly not enough as they do not ensure the withdrawal of GM products from the consumer field.

REFERENCES

1. Shilyuk, T.O. (2019) Organizational and Legal Bases of Management in the Area of Genetic Engineering. *Administrativnoe pravo i protsess – Administrative Law and Procedure*. 10. pp. 66–68. (In Russian).
2. Russian Federation. (2019) Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 22.04.2019 № 479 "Ob utverzhdenii Federal'noy nauchno-tekhnicheskoy programmy razvitiya geneticheskikh tekhnologiy na 2019–2027 gody" [Decree of the Government of the Russian Federation of 22.04.2019 No. 479 "on Approval of the Federal Scientific and Technical Program for the Development of Genetic Technologies for 2019–2027"]. *SZ RF* [Collection of Laws of the Russian Federation]. 17. Art. 2108.
3. Popov, L.L. & Migachev, Yu.I. (2020) *Administrativnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Administrative Law of the Russian Federation]. Moscow: Kutafin Moscow State Law University.
4. Bogatyreva, V.N. (2016) Kontrol'no-nadzornaya deyatel'nost' v oblasti gennoy inzhenerii [Control and Supervision in the Field of Genetic Engineering]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 2. pp. 148–151.
5. Russian Federation. (1996) Federal'nyy zakon ot 5 iyulya 1996 goda № 86-FZ "O gosudarstvennom regulirovanii v oblasti genno-inzhenernoy deyatel'nosti" [Federal Law of 05.07.1996 No. 86-FZ "On State Regulation in the Field of Genetic Engineering"]. *SZ RF*. 28. Art. 3348.
6. Gesetze. (1990) *Gesetz zur Regelung der Gentechnik – GenTG*. [Online] Available from: http://www.gesetze-im-internet.de/gentg/__1.html.
7. Russian Federation. (2012) Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 16.04.2012 № 317 "O litsenzirovanii deyatel'nosti v oblasti ispol'zovaniya vozbuditeley infektsionnykh zabolevaniy cheloveka i zhivotnykh (za isklyucheniem sluchaya, esli ukazannaya deyatel'nost' osushchestvlyaetsya v meditsinskikh tselyakh) i genno-inzhenerno-modifitsirovannykh organizmov III i IV stepeney potentsial'noy opasnosti, osushchestvlyaemoy v zamknutykh sistemakh" [Decree of the Government of the Russian Federation of 16.04.2012 No. 317 "On Licensing Activities in the Field of Using Causative Agents of Human and Animal Infectious Diseases (Except for the Case if the Specified Activity Is Carried Out for Medical Purposes) and Genetically Modified Organisms of III and IV Degrees of Potential Hazard Carried Out in Closed Systems"]. *SZ RF*. 17. Art. 1991.
8. *Rossiyskaya Gazeta*. (2014) Prikaz Rospotrebnadzora ot 18.06.2014 № 489 "Ob utverzhdenii Administrativnogo reglamenta ispolneniya Federal'noy sluzhboy po nadzoru v sfere zashchity prav potrebiteley i blagopoluchiya cheloveka gosudarstvennoy funktsii po osushchestvleniyu litsenzionnogo kontrolya deyatel'nosti v oblasti ispol'zovaniya vozbuditeley infektsionnykh zabolevaniy cheloveka i zhivotnykh (za isklyucheniem sluchaya, esli ukazannaya deyatel'nost' osushchestvlyaetsya v meditsinskikh tselyakh) i genno-inzhenerno-modifitsirovannykh organizmov III i IV stepeney potentsial'noy opasnosti, osushchestvlyaemoy v zamknutykh sistemakh" [Order of Rospotrebnadzor of 18.06.2014 No. 489 "On Approval of the Administrative Regulations for the Federal Service for the Oversight of Consumer Protection and Welfare to Implement the State Function of Exercising Licensing Control Over Activities in the Use of Pathogens of Human and Animal Infectious Diseases (Except for the Case if the Specified Activity Is Carried Out for Medical Purposes) and Genetically Modified Organisms of III and IV Degrees of Potential Hazard, Carried Out in Closed Systems"]. 223.
9. Russian Federation. (2013) Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 23 sentyabrya 2013 g. № 839 "O gosudarstvennoy registratsii genno-inzhenerno-modifitsirovannykh organizmov, prednaznachennykh dlya vypuska v okruzhayushchuyu sredu, a takzhe produktsii, poluchennoy s primeneniem takikh organizmov ili soderzhashchey takie organizmy, vklyuchaya ukazannuyu produktsiyu, vvozimuyu na territoriyu Rossiyskoy Federatsii" [Decree of the Government of the Russian Federation of 23.09.2013 No. 839 "On State Registration of Genetically Modified Organisms Intended for Release Into the Environment, as Well as Products Obtained Using Such Organisms or Containing Such Organisms, Including the Specified Products Imported to the Territory of the Russian Federation"]. *SZ RF*. 39. Art. 4991.
10. Sokolov, A.Yu. & Bogatyreva, N.V. (2019) Legal Regulation of Genomic Technologies Application for Agriculture of Spain. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya – Humanities and Law Studies*. 3. pp. 157–164.
11. EUR-lex. (2001) *Directive 2001/18/EC of the European Parliament and of the Council of 12 March 2001 on the deliberate release into the environment of genetically modified organisms and repealing Council Directive 90/220/EEC*. [Online] Available from: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2001/18/oj.
12. Russian Federation. (2017) Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 13 marta 2017 g. № 281 "O poryadke osushchestvleniya Federal'noy sluzhboy po nadzoru v sfere zashchity prav potrebiteley i blagopoluchiya cheloveka monitoringa vozdeystviya na cheloveka i okruzhayushchuyu sredu genno-inzhenerno-modifitsirovannykh organizmov i produktsii, poluchennoy s primeneniem takikh organizmov ili soderzhashchey takie organizmy, i kontrolya za vypuskom takikh organizmov v okruzhayushchuyu sredu" [Decree of the Government of the Russian Federation of 13.03.2017 No. 281 "On the Procedure for Monitoring the Impact on Humans and the Environment of Genetically Engineered Organisms and Products Obtained With the Use of Such Organisms or Containing Such Organisms, and Control Over the Release of Such Organisms Into the Environment by the Federal Service for the Oversight of Consumer Protection and Welfare"]. *SZ RF*. 12. Art. 1724.
13. Russian Federation. (2017) Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 8 dekabrya 2017 g. № 1491 "Ob utverzhdenii Pravil osushchestvleniya Federal'noy sluzhboy po veterinarnomu i fitosanitarnomu nadzoru monitoringa vozdeystviya na cheloveka i okruzhayushchuyu sredu genno-inzhenerno-modifitsirovannykh organizmov i produktsii, poluchennoy s primeneniem takikh organizmov ili soderzhashchey takie organizmy, i kontrolya za vypuskom takikh organizmov v okruzhayushchuyu sredu" [Decree of the Government of the Russian Federation of 08.12.2017 No. 1491 "On

Approval of the Rules for the Monitoring of the Impact on Humans and the Environment of Genetically Modified Organisms and Products Obtained Using Such Organisms or Containing Such Organisms, and Control Over the Release of Such Organisms Into the Environment by the Federal Service for Veterinary and Phytosanitary Supervision"]. *SZ RF*. 51. Art. 7805.

14. Russian Federation. (2008) Federal'nyy zakon ot 26 dekabrya 2008 goda № 294-FZ "O zashchite prav yuridicheskikh lits i individual'nykh predprinimateley pri osushchestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i munitsipal'nogo kontrolya" [Federal Law of 26.12.2008 No. 294-FZ "On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Implementation of State Control (Supervision) and Municipal Control"]. *SZ RF*. 52 (1). Art. 6249.
15. Sokolov, A.Yu. & Lokaev, O.A. (2019) Administrative and Legal Regulation of Genomic Technologies in Crop Production According to the Legislation of Germany. *Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii – Bulletin of the Russian Law Academy*. 3. pp. 62–68. (In Russian). DOI: 10.33874/2072-9936-2019-0-3-62-67
16. Vedyashkin, S.V. (2017) Administrative procedures of protective direction. *Tomsk State University Journal*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 422. pp. 206–211. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/422/29

Received: 24 March 2020

УДК 343.9

Л.М. Прозументов, А.В. Шеслер

КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ТЕОРИЙ СРЕДНЕГО УРОВНЯ В КРИМИНОЛОГИИ

Рассматриваются критерии выделения теорий среднего уровня в криминологии: отнесение криминологии к социально-правовым наукам; воплощение в этих теориях выводов не о всех элементах предмета криминологии, а об отдельных их аспектах; занятие этими теориями промежуточного места между изучением общих вопросов криминологии и прикладными криминологическими исследованиями; отнесение криминологии к развивающимся наукам; формирование на основе теорий среднего научных школ в криминологии.

Ключевые слова: криминология; теория среднего уровня; предмет криминологии; метод криминологии; социально-правовая наука; научная школа.

Появление теорий среднего уровня в криминологической науке принято связывать с позитивистским периодом ее развития, т.е. со второй половиной XIX в. Этот период обусловлен, во-первых, необходимостью объяснить рост преступности в ведущих европейских странах. Объяснительный потенциал классического периода развития криминологии, исходившей из того, что совершение преступления отдельным человеком обусловлено его свободной волей, был исчерпан. От криминологии требовалось объяснить существование преступности, а не причину совершения отдельного преступления. Во-вторых, возникновение и развитие позитивистского периода в развитии криминологии были обусловлены развитием гуманитарных и естественных отраслей знаний, которые уже могли претендовать на статус самостоятельных наук (психиатрии, антропологии, статистики, социологии и др.). Эти науки давали криминологам теоретические подходы к объяснению поведения человека, отдельных социальных групп и социума в целом [1. С. 41]. Философской основой таких исследований был позитивизм, наиболее отчетливо проявивший себя в работах французского философа первой половины XIX в. Огюста Конта. Предложенная этим исследователем философская система удачно преодолела противоречие между эмпирическим и схоластико-теоретическим подходами научного познания.

Эмпиризм характеризуется абсолютизацией чувственного познания и роли фактов, принижением значения абстрагирования и обобщенных знаний. Схоластика, напротив, отличается абсолютизацией абстрактно-догматического мышления, оторванностью познания от фактов [2. С. 59–62]. В дальнейшем в философии исследователи выделяли два уровня научного познания: фактический (познание фактов) и теоретический (обобщения различной степени, основанные как на обычном здравом смысле, так и на теориях высокого уровня, а также на теориях, занимающих между ними промежуточный уровень). Отметим, что трехуровневое теоретическое познание выделяется и в социальных науках, в частности: социальной философии [3. С. 9–10], социальной психологии [4. С. 52–53], социологии [5. С. 47–74], политологии [6. С. 61]. Методологической основой криминологических исследований позитивизм назвать нельзя, так как его представители отрицали необходимость познания философскими учениями мировоззренческих проблем. Такие проблемы поднимались теми философскими учениями, которые в качестве методологии познания использовали диалектику, основанную на познании явлений природы и общества в неизменной их сущности, либо метафизику, основанную на познании таких явлений как неизменных по своей сущности, не зависимо от меняющихся форм проявления этой сущности [7. С. 183–184, 187, 209, 245–254]. Однако теории среднего уровня вместе с общенаучными подходами образуют общенаучные методы познания, в том числе в криминологии.

В отечественной криминологии применение данного термина только обсуждается, поскольку направления научных исследований, которые могут быть объединены этим термином, только формируются, а четких критериев того, что можно (нужно) включить в теории среднего уровня, не существует. В этой связи М.П. Клейменов отмечает, что криминологические теории среднего уровня заполняют вакуум между фундаментальной криминологией и конкретными криминологическими темами, освещаемыми в Особенной части учебников по криминологии. В то же время М.П. Клейменов наряду с семейной криминологией, политической криминологией, виктимологией и др. к теориям среднего уровня относит теорию организованной преступности и экономическую криминологию [8. С. 5–8]. Вместе с тем эти теории отражают исследования конкретных видов преступности, которые изучаются в рамках Особенной части учебного курса криминологии. Аналогичную по сути позицию занимает Д.А. Шестаков, который выделяет общую криминологию, исследующую преступное множество, механизм его воспроизводства; контроль со стороны государства и общества над преступностью, частную криминологию, исследующую различные типы преступного поведения (преступность несовершеннолетних, организованную, неосторожную и т.д.), и отрасли криминологии (семейную, политическую, экономическую и др.), изучающие преступность какого-либо социального института: семьи, политики, экономики и т.д. [1. С. 25–39]. Представляется, что автор относит к отраслям криминологии то, что является предметом изучения детерминант преступности на различных уровнях их действия: общество, социальная группа, личность и в различных сферах: экономика, политика, быт и т.д. Результаты такого изучения не образуют теорию среднего уровня,

поскольку такое изучение является макроисследованием, предметом которого выступает один из элементов криминологии – детерминанты преступности.

Мы считаем, что к теории среднего уровня следует относить комплексные научные исследования отдельных видов преступности. Например, к такому следует отнести исследование групповой преступности, особенностью которой являются составляющие ее элементы (групповые преступления, лица, их совершившие, преступные группы), ее повышенная общественная опасность по сравнению с общественной опасностью лиц, совершивших преступления в одиночку, ее детерминанты, связанные в значительной мере с деятельностью малых социальных групп, специфика ее предупреждения, состоящая в том, что основным объектом предупредительного воздействия являются преступные или криминогенные группы [9. С. 9–10].

Для обоснования возможности использования этих теорий в криминологии обратимся к выводам, содержащимся в работах Р. Мертона, который, по нашему мнению, внес наибольший вклад в разработку общих основ теории среднего уровня.

В качестве исходного критерия теории среднего уровня автор указывает на относимость явлений, обобщенных в результатах научных исследований, к социальным явлениям: «…теория среднего уровня занимается…аналитической проблемой выяснения социальных механизмов…» [10. С. 71]. В конечном счете это следует понимать как применимость данного термина к социальным наукам, предметом которых являются социальные явления. Криминология, безусловно, принадлежит к определенному виду социальных наук. Предметом криминологии являются такие социальные явления, как преступность, детерминанты преступности, личность преступника, предупреждение преступности [11. С. 7–16].

Преступность социальна по своей сущности, так как состоит из такой разновидности актов социального поведения, как преступления, посягающих на важнейшие социальные ценности и причиняющие социальный вред обществу. Личность преступника характеризует прежде всего ее социальная сущность, состоящая в антисоциальной (криминогенной) мотивации (корыстной, насильственной, корыстно-насильственной, безответственно-пренебрежительной и т.д.), лежащей в основе конкретного преступного поведения. Детерминанты преступности (ее причины, условия и факторы) носят по преимуществу социальный характер, вытекают из социальных условий существования общества, характеризуют его социальные пороки. Биологические детерминанты занимают достаточно скромное месте в обусловливании преступного поведения. Прежде всего эти детерминанты проявляют себя не на уровне преступности в целом, а только на уровне ее отдельных видов или отдельных преступлений. В частности, эти детерминанты имеют определенное значение применительно к рецидивной преступности и преступности несовершеннолетних, неосторожной преступности, связанной с эксплуатацией источников повышенной опасности, насильственной и корыстно-насильственной преступности. Влияние биологических детерминант на преступное поведение состоит в том, что они играют роль не причин, порождающих его, а роль условий, способствующих формированию этой причины либо способствующих ее проявлению. Например, слабоумие в степени дебильности затрудняет позитивную социализацию личности, способствуют негативному воздействию на нее криминогенной среды, затрудняют выбор правомерного варианта поведения в сложной жизненной ситуации. Кроме того, среди биологических свойств личности определенное криминогенное значение имеют те из них, которые тесно связаны с ее социальной сущностью, например акцентуации характера [11. С. 119–123].

Меры предупреждения преступности по объекту воздействия (преступность, ее детерминанты, личность преступника) и своему содержанию (правовые меры, организационные, социальная помощь, воспитательное воздействие и т.д.) являются в основном социальными. Именно поэтому наибольшее распространение в практике противодействия преступности получили стратегии, сочетающие в себе социальные по сущности меры, в частности стратегия правовой превенции, предполагающая в основном уголовно-правовую репрессию, преимущественную деятельность органов уголовной юстиции, или стратегия социальной превенции, предполагающая смещение акцента на реализацию общесоциальных программ, улучшающих условия жизнедеятельности населения. Меры, связанные с лечебным воздействием на лиц, совершивших преступления под определенным влиянием психического расстройства, не сложились в мировой практике в какую-либо цельную стратегию и всегда носили ограниченное применение. Причем в российской практике подобные меры (принудительные меры медицинского характера) сопряжены с исполнением назначенного судом наказания, являющего по своей сущности социальной мерой (ч. 2 ст. 99, ст. 104 УК РФ).

Социальный характер элементов предмета криминологии обусловил применение криминологией методов исследования, разработанных в других социальных науках, прежде всего в социологии и статистике. Среди социологических методов при изучении преступности используются различные виды опросов лиц, совершивших преступления, их родных и близких, населения (анкетирование, беседа, интервью), экспертная оценка для выявления мнения судей, сотрудников прокуратуры и правоохранительных органов о состоянии и противодействии преступности, анализ документов (документов первичной и вторичной статистики, уголовных дел, учетно-профилактических дел, дел оперативного учета и т.д.), наблюдение за преступной средой и деятельностью органов уголовной юстиции по противодействию этой среде. Статистические методы применяются для характеристики количественно-качественных показателей преступности (состояния, структуры, динамики, вреда). Для исследования преступных и криминогенных образований используются социометрические и стратометрические методы. Они позволяют наглядно отразить в социограмме схему межличностные отношения в группе, а также в социометрической матрице – схему межличностного выбора

участников группы друг друга. На основании применения этих методов делается вывод о механизме образования, динамике развития преступных и криминогенных групп, дается их классификация, выявляется количество участников группы, их статус в группе, устанавливается структура группы, определяются формы воздействия на них (разложение или переориентация). Методы иных наук (естественных, технических и т.д.) в криминологии либо вообще не получили применение, либо применялись ограничено, например математические методы. Научная практика показала, что использование их в отдельных исследованиях не дало каких-либо ощутимых результатов для развития криминологии и практики противодействия преступности.

Вместе с тем, являясь наукой о социальных явлениях, используя методы исследования, разработанные другими социальными науками, криминология – это социально-правовая наука. Основной предмет этой науки – преступность, которая складывается из системы преступлений, определяемых как деяния уголовно-противоправные в уголовном законе. Без правового признака (указания в законе деяния как преступления) общественно опасное деяние может изучаться криминологией только в качестве социально-отклоняющегося поведения, не образующего преступность. В отдельных случаях такое деяние может рассматриваться как «фоновое» явление, создающее определенные благоприятные предпосылки для отдельных видов преступлений (например, проституция для организации занятия проституцией, которое предусмотрена как уголовно наказуемое деяние в ст. 241 УК РФ, потребление наркотических средств и психотропных веществ для организации либо содержания притонов для потребления этих предметов, которые предусмотрены как уголовно-наказуемое деяние в ст. 232 УК РФ).

Отметим, что социально-правовой характер криминологии обусловливает особенности применения в криминологических исследованиях методов других социальных наук. Например, применение статистических методов дает ограниченные возможности получения с их помощью информации о преступности, так как уголовная статистика оперирует только с данными о зарегистрированной преступности, отраженной в документах первичного учета. Применение социологических методов также характеризуется определенной спецификой. Например, закрытость преступной среды не позволяет использовать метод включенного наблюдения. Метод опроса участников преступных групп, их родных и близких дает довольно часто искаженные сведения либо не может быть применен в силу того, что указанные лица вообще отказываются от опроса. Ограниченной является сфера применения эксперимента. Он касается только отдельных аспектов деятельности органов уголовной юстиции, в частности деятельности по оказанию ими помощи хозяйствующим субъектам в создании системы криминологической безопасности от преступных групп.

Вторым критерием выделения теорий среднего уровня является их предмет, к которому относятся не все явления, составляющие предмет определенной науки, а отдельные явления или отдельные их аспекты. «Теории среднего уровня… касаются совершенно определенных аспектов социальных явлений. Мы говорим о теории референтных групп, социальной мобильности или ролевого конфликта и формирования социальных норм…», – утверждает Р. Мертон [10. С. 65]. В криминологии эти теории должны содержать обобщенную характеристику отдельных видов преступности (групповой, корыстной, насильственной и т.д.), их детерминант (причин, условий, факторов), типового портрета личности, совершающей соответствующие виды преступлений (ее уголовно-правовых, социально-демографических, социально-ролевых, нравственно-психологических качеств), особенностей предупреждения отдельных видов преступности (его общесоциальных и специально-криминологических аспектов). Таким образом, в этих теориях получают воплощение выводы, полученные в результате криминологических исследований, не о всех элементах предмета криминологии, а об отдельных явлениях или отдельных их аспектах.

Третий критерий выделения состоит в особом месте теорий среднего уровня в теоретическом познании: они занимают промежуточное место между обобщенными наиболее абстрактными знаниями, составляющими предмет определенной социальной науки, и обобщением простых эмпирических исследований. «…это теории, находящиеся между второстепенными, но необходимыми рабочими гипотезами, появляющимися в изобилии в ходе проведения рутинного исследования, и всеобъемлющими систематическими попытками разработать общую теорию, которая объяснит все наблюдаемые закономерности социального поведения, социальной организации и социального изменения… Теория среднего уровня используется в социологии в основном как ориентир для эмпирического исследования. Она находится между общими теориями социальных систем, слишком далекими от частных классов социального поведения, организации и изменения, чтобы объяснить наблюдаемые явления, и теми подробными четкими описаниями частностей, которые совершенно не обобщены» [10. С. 73]. Применительно к рассматриваемой нами проблеме это означает, что криминологические теории среднего уровня в криминологическом познании занимают промежуточное место между изучением наиболее общих вопросов предмета криминологии (например, сущности преступности как социально-правового явления, ее родовых признаков) и прикладными криминологическими исследованиями конкретной проблемы (например, посвященными особенностям преступности в определенном регионе, на отдельном объекте и т.д.).

Четвертый критерий состоит в том, что эти теории характерны для развивающихся наук. В этой связи Р. Мертон отмечает, что «многие социологи воспринимают достижения физики как образец для самооценки… Но при такой точке зрения не учитывают, что физику двадцатого столетия отделяют от социологии двадцатого столетия миллиарды человекочасов непрерывного, организованного и совокупного исследования. Вероятно, социология пока не готова к появлению своего Эйнштейна… социология… лишь нача-

ла накапливать эмпирически обоснованные теоретические обобщения в скромных масштабах…» [10. С. 74–75]. Криминология, пользуясь терминологией цитируемого автора, является новой наукой о древнем предмете [10. С. 72]. Криминологии как отрасли знаний меньше двух веков. Четко не определился предмет криминологии, ее место в системе наук, отсутствуют свои методы исследования. До сих пор в криминологической литературе идут споры о том, включать ли в предмет криминологии наряду с преступностью, личностью преступника, ее детерминантами и предупреждением преступности девиантное поведение, прогноз преступности, причины конкретного преступления, исторические аспекты криминологических исследований, механизм преступления, виктимологические аспекты поведения жертвы и предупреждения преступлений, криминологические прогноз и планирование, преступное поведение, жертву преступления, методы, формы и технику деятельности по профилактике преступлений, последствия преступности, криминализацию и декриминализацию деяний и др. [11. С. 7–15]. Свои методы исследования у криминологии отсутствуют. Криминологи используют философские методы (диалектику и метафизику), общенаучные методы (системный подход, учение о человеческой деятельности и др.), а также частнонаучные методы, в основном, как уже отмечалось, социологические и статистические. Место криминологии в системе наук тоже не определено. Одни исследователи полагают, что отечественная криминология представляет собой отрасль науки уголовного права, поскольку криминология возродилась в рамках этой науки и использует терминологию, разработанную наукой уголовного права [12. С. 52]. Вместе с тем есть исследователи, которые считают, что криминология является результатом применения социологического метода при изучении преступности и является наукой об обществе [13. С. 9–19]. Третьи считают криминологию наукой социально-правовой, поскольку она сформировалась на стыке социальных и правовых наук [14. С. 34–35]. В этой связи можно утверждать, что криминология относится к развивающимся наукам.

И, наконец, критерием выделения в социальных науках теорий среднего уровня является их роль в научном познании, которая состоит в том, что они служат основой для разных научных школ. «Многообразие систем, каждая из которых претендовала на звание подлинной, вполне естественно привело к созданию школ, и в каждой была своя группа учителей, учеников и эпигонов», – утверждает Р. Мертон [10. С. 73]. Теории среднего уровня, разработанные в криминологии, несомненно, являются основанием для формирования научных школ. Например, рассмотрение в криминологии преступника как психологически отчужденной от общества личности из-за утраты ею эмоциональных связей в основных сферах человеческого общения, создало основы для формирования и существования психологического подхода к изучению такой личности, рассматривающего такую личность как определенный психологический тип [15. С. 4]. В соответствии с таким подходом преступление является результатом психологической защиты отчужденной личности, испытывающей состояние тревожности за свой социальный или биологический статус. Если лицо испытывает чувство тревожности по поводу своего социального статуса, то оно совершает корыстные преступления: кражи, мошенничество, получение взятки и т.д. Если лицо испытывает тревожность по поводу своего биологического статуса, то совершает насильственные преступления: против жизни и здоровья, телесной и психической неприкосновенности, половой свободы и неприкосновенности) [16. С. 53–57]. Особенности этого подхода обусловливают использование специфических методик криминологического изучения такой личности, которые разрабатываются в психологической науке. В частности, при изучении личности преступника использовалась методика ТАТ (тематический апперцептивный тест), позволяющая установить зависимость восприятия личности от прошлого ее опыта, содержания ее психической деятельности и индивидуальных особенностей [17. С. 4–16]. Использовались также тесты Роршаха (методика чернильных пятен), раскрывающие реакцию личности на стандартные стимуляции в виде таблиц с чернильными пятнами разных цветов [18. С. 17–24].

Итак, вышеизложенное позволяет нам сделать вывод о том, что сформировавшиеся в криминологии подходы к изучению ее предмета можно назвать теориями среднего уровня в связи с тем, что криминология относится к социально-правовым наукам; в этих подходах содержатся выводы не о всех элементах предмета криминологии, а об отдельных их аспектах; эти подходы занимают промежуточное место между изучением общих вопросов криминологии и прикладными криминологическими исследованиями; криминология относится к развивающимся наукам; на основе этих подходов в криминологии формируются научные школы. Безусловно, высказанные суждения носят предварительный характер и могут послужить предметом научной полемики среди криминологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шестаков Д. А. Криминология. СПб., 2006. 561 с.
2. Кармин А.С., Бернацкий Г.Г. Философия. СПб., 2001. 536 с.
3. Момджян К.Х. Введение в социальную философию. М., 1997. 448 с.
4. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1999. 363 с.
5. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М., 2006. 618 с.
6. Мухаев Р.Т. Политология. М., 2000. 400 с.
7. Кохановский В.П. Философия и методология науки. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 576 с.
8. Клейменов М.П. Введение в этнокриминологию. Омск, 2004. 244 с.

9. Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. 32 с.
10. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. 873 с.
11. Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть. Томск, 2017. 284 с.
12. Герцензон А.А. Уголовное право и социология. М., 1970. 276 с.
13. Ковалев М.И. Основы криминологии. М., 1970. 160 с.
14. Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 2010. 548 с.
15. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследование преступлений. М., 1996. 172 с.
16. Антонян Ю.М. Криминогенная роль психологического отчуждения личности // Советское государство и право. 1988. № 8. С. 53–57.
17. Антонян Ю.М. Методика ТАТ в изучении личности преступника // Личность преступника: методы изучения и проблемы воздействия. М., 1988. С. 4–16.
18. Антонян Ю.М., Гульдан В.В. Использование теста Роршаха в криминологическом исследовании // Личность преступника: методы изучения и проблемы воздействия. М., 1988. С. 18–24.

Статья представлена научной редакцией «Право» 24 марта 2020 г.

Criteria for Identifying Middle-Range Theories in Criminology

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 256–260.
DOI: 10.17223/15617793/457/30

Lev M. Prozumentov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krim_tsu@mail.ru
Aleksandr V. Shesler, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: sofish@inbox.ru

Keywords: criminology; middle-range theory; object of criminology; method of criminology; social and legal science; school of thought.

The article discusses the criteria for classifying middle-range theories in criminology. The middle-range theory was developed by the American sociologist Robert Merton in his *Social Theory and Social Structure.* The article aims to analyze the specifics of applying the criteria of the middle-range theory to criminological research. General (analysis, synthesis, systemic-structural) and specific (biographical analysis, statistical analysis, comparative historical analysis, expert assessment) methods were used in the study. As a result of the study, the following conclusions were obtained. The developing nature of criminology is due to the fact that its object and place in the system of legal and social sciences are not clearly defined; criminology has no independent research methods and uses methods developed in other sciences, primarily sociology and statistics. Scientific schools in criminology are possible as they employ various and unique approaches to the study of its object, specific methodologies for studying particular problems, and have founders and followers of such approaches. The systems approach used in the study allowed the authors to consider the place of criminological research in social sciences and to determine other criteria of middle-range theories in criminology. These criteria include: the attribution of criminology to social and legal sciences; conclusions about specific phenomena or their specific aspects (rather than about all elements of the object of criminology) in these theories; attribution of some research to an intermediate link in scientific knowledge. Criminology is classified as a social science because of its subject matter, which includes such social phenomena as crime, the determinants of crime, the identity of the criminal, and crime prevention, as well as its methods developed by other social sciences. The attribution of criminology to legal sciences is due to the fact that its main object of study is crime, consisting of offences defined by the criminal law. Criminological middle-range theories do not contain conclusions about all elements of the object of criminology; they contain the results of studies of certain types of crime, the identity of the offender, the determinants of crime, crime prevention. The fact that a number of studies occupy an intermediate place in scientific knowledge means that middle-range theories are located between research on the most general issues of criminology and applied criminological research on a specific problem.

REFERENCES

1. Shestakov, D.A. (2006) *Kriminologiya* [Criminology]. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
2. Karmin, A.S. & Bernatskiy, G.G. (2001) *Filosofiya* [Philosophy]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo DNK.
3. Momdzhyan, K.Kh. (1997) *Vvedenie v sotsial'nuyu filosofiyu* [Introduction to Social Philosophy]. Moscow: Vysshaya shkola, KD "Universitet".
4. Andreeva, G.M. (1999) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Moscow: Aspekt Press.
5. Sorokin, P.A. (2006) *Prestuplenie i kara, podvig i nagrada: sotsiologicheskiy etyud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i morali* [Crime and Punishment, Feat and Reward: A sociological study on the main forms of social behavior and morality]. Moscow: Astrel'.
6. Mukhaev, R.T. (2000) *Politologiya* [Politology]. Moscow: Izdatel'stvo "PRIOR".
7. Kokhanovskiy, V.P. (1999) *Filosofiya i metodologiya nauki* [Philosophy and Methodology of Science]. Rostov-on-Don: Feniks.
8. Kleymenov, M.P. (2004) *Vvedenie v etnokriminologiyu* [Introduction to Ethnocriminology]. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs.
9. Shesler, A.V. (2000) *Gruppovaya prestupnost': kriminologicheskie i ugolovno-pravovye aspekty* [Group Crime: Criminological and criminal-legal aspects]. Abstract of Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
10. Merton, R. (2006) *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow: AST, Khranitel'.
11. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2017) *Kriminologiya. Obshchaya chast'* [Criminology. General part]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Gertsenzon, A.A. (1970) *Ugolovnoe pravo i sotsiologiya* [Criminal Law and Sociology]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
13. Kovalev, M.I. (1970) *Osnovy kriminologii* [Fundamentals of Criminology]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
14. Kuznetsova, N.F. (ed.) (2010) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow: Prospekt.
15. Antonyan, Yu.M., Enikeev, M.I. & Eminov, V.E. (1996) *Psikhologiya prestupnika i rassledovanie prestupleniy* [Psychology of a Criminal and Investigation of Crimes]. Moscow: Yurist.
16. Antonyan, Yu.M. (1988) Kriminogennaya rol' psikhologicheskogo otchuzhdeniya lichnosti [The criminal role of psychological alienation of the individual]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 8. pp. 53–57.
17. Antonyan, Yu.M. (1988) Metodika TAT v izuchenii lichnosti prestupnika [TAT methodology in studying the personality of a criminal]. In: *Lichnost' prestupnika: metody izucheniya i problemy vozdeystviya* [Personality of the Criminal: Methods of study and problems of influence]. Moscow: VNII MVD SSSR. pp. 4–16.
18. Antonyan, Yu.M. & Gul'dan, V.V. (1988) Ispol'zovanie testa Rorshakha v kriminologicheskom issledovanii [The use of the Rorschach test in criminological research]. In: *Lichnost' prestupnika: metody izucheniya i problemy vozdeystviya* [Personality of the Criminal: Methods of study and problems of influence]. Moscow: VNII MVD SSSR. pp. 18–24.

Received: 24 March 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 261–265. DOI: 10.17223/15617793/457/31

УДК 343.97

О.В. Филиппова

ОБЩЕСОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Современная российская преступность характеризуется высокими показателями рецидива. Каждое второе расследованное преступление совершается лицами, ранее совершавшими преступления. Указанное обусловливает необходимость выявления детерминант рецидивной преступности. Раскрыты общесоциальные детерминанты рецидивной преступности, т.е. явления и процессы, действующие на уровне общества в целом, выражающиеся в противоречиях экономической, политической, социальной и духовной сфер жизни общества.

Ключевые слова: рецидив; преступность; общесоциальные детерминанты; причины преступности; криминогенные факторы.

Современная российская преступность характеризуется высоким уровнем рецидивной преступности. По данным статистики, каждое второе расследованное преступление (58,3% в 2018 г.) совершается лицами, ранее совершавшими преступления, т.е. теми, кто за предыдущее преступление уже привлекался к уголовной ответственности [1]. Совершение преступления после того, как к лицу были применены меры уголовно-правового воздействия, свидетельствует о несовершенстве таких мер, показывает их несостоятельность в деле предупреждения новых преступлений и обусловливает необходимость изучения причин и условий рецидива. Установление и классификация множества взаимосвязанных детерминант будут способствовать совершенствованию превентивной деятельности в сфере противодействия рецидивной преступности.

В литературе в качестве детерминант рецидивной преступности рассматриваются различные социальные явления и процессы, совместное действие которых порождает рецидив. При изучении причин данного феномена авторы используют разнообразные подходы. Так, Н.С. Артемьев, Р.В. Симонов выделяют объективные и субъективные факторы рецидивной преступности. К объективным они относят разнообразный круг обстоятельств организационного, правового, воспитательного характера, социальную среду, содержащую обстоятельства, приведшие лицо к совершению первого преступления, а также обстоятельства, созданные преступной деятельностью рецидивиста или ранее назначенным ему наказанием. Субъективными детерминантами, по их мнению, выступают характеристики личности рецидивиста, так как преступник становится рецидивистом в силу антиобщественной направленности личности [2. С. 6].

Другие авторы, подразделяя причины и условия рецидивной преступности на первичные и вторичные, первичными называют те, которые обусловили совершение первого преступления, вторичными – факторы, которые повлияли на рецидивную преступность. К последним данные исследователи относят обстоятельства, обусловившие неблагоприятное протекание постпенитенциарной адаптации, и условия, связанные с различными недостатками в деятельности правоохранительных органов и судов [3. С. 740].

Еще одна группа авторов, отмечая, что рецидивная преступность является частью преступности в целом и испытывает на себе влияние общего причинного комплекса преступности, выделяют общие (для всей преступности) и специальные (для рецидивной) причины и условия. «На рецидивную преступность воздействуют в разной мере две группы обстоятельств: общие для всей преступности причины и условия и специфические обстоятельства, складывающиеся как после совершения преступления, так и после отбытия наказания или заменяющей его меры» [4. С. 190–191].

На наш взгляд, при изучении детерминант рецидивной преступности целесообразно использовать уровневый подход, при котором причины и условия преступности исследуются на трех уровнях: общесоциальном, социально-психологическом и индивидуальном. По обоснованному мнению криминологов, данный подход к воспроизводству преступности является ключевым в российской криминологии, так как позволяет увязать конкретные социальные феномены (одним из которых выступает рецидив преступлений) с общесоциальной проблематикой [5. С. 88].

Общесоциальные детерминанты преступности – это явления и процессы, действующие на уровне всего общества в целом; они выражаются в противоречиях социального бытия и общественного сознания и проявляются в различных сферах жизнедеятельности. На социально-психологическом уровне причины преступности действуют в рамках малых социальных групп, в которых происходило формирование личности преступника. В основе причин рецидивной преступности на данном уровне лежат особенности микросреды рецидивистов, которые оказывают непосредственное влияние на его личность и мотивацию поведения, а также недостатки деятельности различных субъектов предупреждения преступности. На индивидуальном уровне в качестве причин и условий рецидива выступают антиобщественные свойства лица, совершающего преступление после осуждения за предыдущее, и криминогенная ситуация, которые во взаимодействии обусловливают возвращение лица к преступной деятельности.

Существование и воспроизводство рецидивной преступности обусловлены негативными явлениями и процессами, происходящими в обществе. Криминологические исследования указывают на необходимость учета особенностей развития явлений и процессов в таких сферах общественной жизни, как экономика, политика, социальная и духовная сферы. Исследова-

ние общесоциальных детерминант рецидивной преступности предполагает изучение состояния экономических, политических и других отношений и их влияния на состояние рецидивной преступности.

Общеизвестно, что среди детерминант преступности определяющая роль принадлежит тем, которые действуют в экономической сфере, поскольку экономика в главном и основном обусловливает социальные, политические и духовные процессы в обществе [6. С. 150]. В последние годы экономика нашей страны сталкивается с рядом проблем, которые в самом общем виде проявляются в неустойчивости экономического развития, в снижении темпов производства и абсолютном сокращении объемов производства как отдельных предприятий, так и целых отраслей национальной экономики. Безработица и инфляция оказывают негативное влияние на состояние производства и сдерживают экономический рост. Снижение результатов производства в реальном секторе экономики сказывается на доходах бюджетов всех уровней, приводят к банкротству не только мелких, средних, но и крупных предприятий [7. С. 130].

В условиях рыночных отношений, жесткой конкуренции на рынке труда, хозяйствующие субъекты не заинтересованы в использовании труда осужденных. Администрации муниципальных образований обладают весьма ограниченным перечнем объектов для отбывания наказания в виде обязательных и исправительных работ. Предприятия, особенно в сельских районах, не располагают необходимым количеством рабочих мест, не желают принимать на работу осужденных, у которых зачастую отсутствует образование и квалификация соответствующего профиля. Поэтому значительное число осужденных к обязательным и исправительным работам, а также условно осужденных не работают в период нахождения на учете в уголовно-исполнительной инспекции.

Высокий уровень безработных сохраняется среди осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы – около трети (264 тыс.) [8]. Так, промышленный сектор уголовно-исполнительной системы испытывает трудности в виду отсутствия необходимых объемов работ, значительного износа оборудования, с одной стороны, и отсутствия у осужденных трудовых навыков и экономического стимула к труду – с другой.

Как подчеркивается в Федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 гг.)», высокий уровень неработающих осужденных создает серьезные проблемы для органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации при решении задач по трудоустройству лиц, освободившихся после отбывания наказаний. Значительный перерыв в трудовой деятельности и отсутствие профессиональных навыков у этой категории граждан затрудняют их трудоустройство, создают социальную напряженность в регионах и приводят к росту рецидивной преступности. Отсутствие рабочих мест не позволяет осужденным в должной степени возмещать ущерб, причиненный гражданам и государству, оказывать материальную помощь семьям, рассчитываться за полученное питание и вещевое имущество, приобретать дополнительные продукты питания и предметы первой необходимости. Денежные средства, заработанные осужденными в период отбывания наказания, зачастую являются единственным источником их существования после освобождения [8].

Кризисные явления в финансово-экономической сфере отрицательно сказываются на состоянии социальной сферы. Изменения социально-имущественной структуры населения страны в последние годы характеризовались такими тенденциями, как увеличение численности населения, уровень обеспечения которого ниже прожиточного минимума, и рост имущественной дифференциации [9. С. 165]. Низкий уровень жизни населения, высокая степень дифференциации его доходов, а также значительный уровень бедности традиционно рассматриваются в числе причин преступности, в том числе рецидивной. По результатам проведенного нами опроса сотрудников уголовно-исполнительной системы большинство (71,6%) среди общих причин рецидивной преступности назвали такой фактор, как низкий уровень жизни основной части населения, значительное расслоение населения по имущественному признаку[1].

По официальным данным, численность населения России с доходами ниже прожиточного минимума в 2018 г. составляла 19 млн человек; уровень бедности (отношение количества человек с доходами ниже прожиточного минимума к общей численности населения) – 13,3% [10]. Однако, по экспертным оценкам, реальные показатели уровня бедности в стране значительно выше официальных. По данным экспертов, около 50% населения России живет за чертой бедности (70–75 млн человек) [11. С. 320]. Доходы большинства населения ниже официальной среднемесячной зарплаты; в связи с инфляцией и увеличением обязательных выплат реальные доходы граждан в последние годы сократились еще заметнее.

Неудовлетворенность уровнем жизни является серьезным криминогенным фактором. Отсутствие у людей законных способов обеспечения потребностей приводит к поиску способов их удовлетворения незаконным путем, в том числе путем совершения преступлений. Верность данного утверждения подтверждается уголовной статистикой – среди лиц, совершивших преступления, свыше 65% не имеют постоянного источника доходов [1].

Основная деформация социальной сферы российского общества состоит в резком имущественном расслоении населения. Мировая практика показывает, что предельно критическим значением является соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных групп населения как 10:1. Превышение этого соотношения приводит к дестабилизации общества, усилению социального напряжения и агрессии. В России в среднем, по официальным данным, 10% наиболее обеспеченных граждан в 16,8 раза богаче 10% самых бедных. В реальности этот показатель выше, так как официальные данные не учитывают скрытые доходы, незаконную прибыль и коррупционные факторы. Так, по расчетам Института социально-экономических проблем народонаселения Российской

академии наук, это соотношение составляет 30:1; по данным Московского отделения Росстата в Москве в 2014 г. – 50:1 [11. С. 321]. Кроме того, в России сложилась недопустимая разница в уровне социально-экономического развития регионов: разрыв между наиболее и наименее экономически обеспеченными регионами страны по показателю подушевого регионального продукта составляет 60-кратную величину, по уровню безработицы –50-кратную.

В трудном материальном положении оказываются лица, освободившиеся из мест лишения свободы. Как отмечалось выше, во время отбывания наказания у многих осужденных отсутствует возможность заработать денежные средства на первое время жизни после освобождения. При этом значительная часть осужденных утрачивает социально значимые контакты и связи. Из мест лишения свободы ежегодно освобождается около 220 тыс. человек [12] По данным сотрудников уголовно-исполнительной системы, около трети осужденных, отбывающих наказания в исправительных учреждениях, не имеют регистрации и постоянного места жительства; практически каждый второй после освобождения сталкивается с проблемами трудоустройства.

Низкая конкурентноспособность на рынке труда бывших осужденных обусловлена отсутствием у многих из них соответствующих профессиональных навыков и мотивации, а также нежеланием работодателей принимать на работу лиц с судимостью по причине их низкой трудовой дисциплины и нередко наличия алкогольной (наркотической) зависимости. Таким образом, освобожденные фактически остаются без средств к существованию; их бытовая и трудовая неустроенность способствует повторному совершению преступлений. В такой ситуации необходимым условием профилактики рецидива должны быть меры содействия со стороны государства и общественных формирований бывшим осужденным в социально-бытовом устройстве.

Однако на сегодняшний день в стране отсутствует единая скоординированная система оказания такой помощи освобожденным из мест лишения свободы. Во-первых, на федеральном уровне не сформирована необходимая законодательная база, регламентирующая различные аспекты государственной поддержки отбывших наказание, во-вторых, не созданы специальные службы, целенаправленно и комплексно занимающиеся трудовым и бытовым устройством таких лиц. Федеральный закон от 26.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» в самом общем виде закрепляет ресоциализацию в числе форм профилактического воздействия, определяя ее как комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера. При этом конкретных органов и учреждений, участвующих в системе социальной реабилитации, а также их полномочия не называет.

Уголовно-исполнительным законодательством предусмотрено содействие в трудовом и бытовом устройстве освобождаемых осужденных, обеспечение их одеждой, продуктами питания; Уголовно-исполнительный кодекс РФ (ст. 180, 181) также предусматривает оплату осужденным проезда к месту жительства, выдачу единовременного пособия при освобождении из исправительного учреждения. Федеральный закон от 10.06.2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания» регламентирует содействие при решении вопросов трудового, жилищно-бытового устройства лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, а также в решении вопросов, связанных с оказанием им медицинской помощи и предоставлением иных гарантий со стороны общественных объединений. То есть уголовно-исполнительное законодательство определяет меры помощи осужденным в процессе отбывания наказания, а также в рамках их подготовки к освобождению. Правовое регулирование мер государственной поддержки лиц после освобождения от наказания выходят за рамки уголовно-исполнительного права.

Вопросы ресоциализации бывших осужденных в некоторой степени урегулированы региональным законодательством. Так, в ряде субъектов РФ (Республика Башкортостан, Архангельская, Кировская, Тюменская, Ульяновская область, Еврейская автономная область и др.) приняты специализированные законы о социальной адаптации бывших осужденных. В отдельных регионах (Республика Карелия, Саха (Якутия), Татарстан, Камчатский, Краснодарский край и др.) предусмотрено квотирование рабочих мест, а также иные меры экономического стимулирования работодателей, трудоустраивающих граждан, освободившихся из мест лишения свободы. Мероприятия по оказанию поддержки лиц, отбывших наказания, включены в региональные программы социальной поддержки и содействия занятости населения, а также программы профилактики правонарушений. Вместе с тем, как показывают исследования, реализация мероприятий в большинстве регионов фактически заморожена, в связи с отсутствием финансирования. Кроме того, имеет место формальный подход к выполнению задач: большинство мероприятий не предполагают реального оказания помощи освобожденным, о чем свидетельствуют их оценочные формулировки (например, «создание условий», «оказание содействия») [13. С. 38].

Указанные недостатки и пробелы свидетельствуют о деформациях в политико-правовой сфере, детерминирующих рецидивную преступность. Игнорирование государством вопросов трудового и бытового устройства бывших осужденных оборачивается совершением новых преступлений. К числу детерминант рецидивной преступности в данной области следует отнести негативные последствия гуманизации уголовного законодательства, которые привели к необоснованному смягчению уголовной ответственности за рецидив преступлений. Внесенные Федеральным законом от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ изменения значительно сузи-

ли рамки рецидива, ввели ограничения при признании рецидива опасным и особо опасным, установили одинаковый нижний предел наказания при любом виде рецидива в виде одной трети от максимального срока наиболее строгого наказания. После введения таких изменений удельный вес лиц, признанных совершившими преступления при опасном и особо опасном рецидиве, сократился в 2,5 раза (в 2005 г. по сравнению с 2003 г.). Устойчивая тенденция снижения доли опасного и особо опасного рецидива в структуре преступности лиц, имеющих неснятую или непогашенную судимость, имела места до 2008 г. Однако с 2009 г. наблюдается устойчивый рост доли лиц, совершивших преступления при опасном или особо опасном рецидиве. Таким образом, попытки законодателя сократить рецидивную преступность путем искусственного сужения его границ не привели к желаемому результату [14. С. 126]. Более того, как отмечалось выше, доля рецидивных преступлений в структуре российской преступности выросла в два раза. Таким образом, изменения уголовного законодательства не только не дали положительного результата, но и отрицательно сказались на динамике рецидивной преступности.

Гуманизация уголовного законодательства также проявилась в расширении видов освобождения от уголовной ответственности, смягчении его оснований, вследствие чего значительная масса (примерно 20%) выявленных лиц, совершивших преступления, освобождается от уголовной ответственности. Однако, по данным статистики, в последние годы наблюдается учащение фактов повторного совершения преступлений после освобождения от уголовной ответственности за ранее совершенное преступление. Так, среди лиц, повторно совершающих преступления, 48,4% – тех, кто за предыдущее преступление был освобожден от уголовной ответственности. В связи с этим уместно упомянуть о безнаказанности как серьезном криминогенном факторе. Неадекватное реагирование на преступное деяние лиц, неоднократно совершающих преступления, формирует у них чувство безнаказанности и препятствует полному восстановлению социальной справедливости.

Развитию рецидивной преступности способствуют деформации в духовно-нравственной сфере, обусловленные сложившимся в российском обществе кризисом духовно-нравственных ценностей. Существовавшая длительное время в стране система ценностей и ориентаций была отвергнута, а новая система окончательно не сформировалась, вследствие чего образовались пробелы морального регулирования, получила распространение моральная безнравственность.

Низкий уровень жизни в стране, значительная имущественная дифференциация предопределила преобладание у большинства населения примитивных потребностей, мотивов выживания и борьбы за элементарный уровень существования. В сознании большинства членов общества доминируют не духовные, а материальные ценности. Государство практически самоустранилось от задачи формирования духовной культуры, воспитания нравственности, должного правосознания. Резко ослабла государственная поддержка и финансирование системы образования, науки и культуры [15. С. 254].

К криминогенно значимым деформациям в духовно-нравственной сфере относятся деформации правосознания, которые выражаются в правовой неграмотности, в неправильном отношении к праву и к исполнению правовых предписаний. Низкий уровень правосознания способствует повторному совершению преступлений, так как проявляется в пренебрежительном отношении лиц к уголовно-правовым запретам, неуважении к закону, утрате страха перед наказанием. Следование и пропаганда рецидивистами норм преступной субкультуры способствует криминализации общества. Преступный мир насаждает нравы и обычаи, традиции и нормы, базирующиеся на ценностях криминальной субкультуры, не только допускающие, но и оправдывающие, поощряющие, открыто провоцирующие нарушения уголовно-правовых запретов [9. С. 433].

Таким образом, указанные проблемы, сложившиеся в экономической, социальной, политической и духовно-нравственной сфере, на макросоциальном уровне стимулируют развитие рецидивной преступности и выступают ее общесоциальными детерминантами.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Приведены результаты опроса сотрудников уголовно-исполнительных инспекций и исправительных колоний Управления Федеральной службы исполнений наказаний России по Республике Бурятия в рамках исследования причин и условий рецидивной преступности. Опрос проводился в течение августа 2019 г. по специально разработанной анкете, состоявшей из 20 вопросов, сформулированных в открытой форме. Всего в опросе участвовало 134 сотрудника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Состояние преступности. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics
2. Артемьев Н.С., Симонов Р.В. Причины и условия рецидивной преступности и основные меры ее предупреждения // Уголовно-исполнительное право. 2006. № 2. С. 6–9.
3. Криминология / под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юр. норма ; НИЦ ИНФРА-М., 2007. 912 с.
4. Криминология : учеб. пособие. Стандарт третьего поколения / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб. : Питер, 2013. 304 с.
5. Шестаков Д.А. Возвращение к криминологической теории причинности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 2 (37). С. 88–97.
6. Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть) : учеб. пособие. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. 284 с.
7. Михайлов В.В. Кризисные явления в экономике России и пути их преодоления // Управленческое консультирование. 2017. № 4. С. 129–144.
8. Федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 гг.)», утв. Постановлением Правительства РФ от 06.04.2018 № 420 // СЗ РФ. 2018. № 16 (ч. II). Ст. 2374.

9. Причины преступности в России / Ю.М. Антонян, Е.М. Тимошина [и др.]. М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России» ; СПб. : Нестор-История, 2013. 348 с.
10. Без просвета: бедных в России стало больше. URL: https://www.gazeta.ru/business/2018/12/10/12090253.shtml (дата обращения: 12.11.2019).
11. Купрещенко Н.П., Федотова Е.А. Дифференциация доходов и бедность населения как угроза экономической безопасности России // Вестник экономической безопасности. 2016. № 3. С. 320.
12. Статистические данные Федеральной службы исполнения наказаний. URL: http://fsin.su/statistics/
13. Климанова О.В. Ресоциализация лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, в нормативных актах: проблемы и противоречия // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4, № 2. С. 34–40.
14. Огурлиева А.А. Современные проблемы рецидива преступлений: причины неэффективности борьбы с рецидивной преступностью // Юридический вестник ДГУ. 2015. Т. 14, № 2. С. 124–127.
15. Номоконов В.А. Причины преступности в современной России: проблема обостряется // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 2. С. 247–257.

Статья представлена научной редакцией «Право» 13 февраля 2020 г.

Society-Wide Determinants of Recidivism

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 457, 261–265.
DOI: 10.17223/15617793/457/31

Olga V. Filippova, East Siberia State University of Technology and Management (Ulan-Ude, Russian Federation).
E-mail: ovalfilippova@yandex.ru

Keywords: recidivism; crime; society-wide determinants; causes of crime; criminogenic factors.

This article discusses the society-wide determinants of recidivism, which has increased significantly in recent years, in Russia. In modern studies, the determinants of recidivism are reduced mainly to the characteristics of offenders and the negative impact of microenvironments on them. Society-wide determinants are insufficiently analyzed. Researchers use various approaches to explain the causes of recidivism. They distinguish objective and subjective factors, primary and secondary, general and specific. When studying the determinants of recidivism it seems expedient to apply a tiered approach. According to this approach, the causes and conditions of crime are considered at three levels: society-wide, sociopsychological, and individual. At the society-wide level, the determinants of crime are contradictions of social being and public consciousness—phenomena at the level of society as a whole. At the sociopsychological level, the causes and conditions of recidivism are the criminogenic effect of recidivists' microenvironment and the low efficiency of preventive work. At the individual level, the causes of recidivism lie in recidivists' antisocial features and in the criminogenic situation, which lead to another offence. In the course of the study, the author examined statistics on recidivism, identified its negative trends, summarized criminological views on the determination of recidivism, analyzed information on the state of the economy, politics, social and spiritual-moral spheres, made conclusions about the impact of negative phenomena on the recurrence of crimes; identified gaps in the current criminal law leading to re-commissions of crimes; conducted a survey of employees of the penitentiary system. As a result of the study, the author came to the following conclusions. Society-wide determinants of recidivism are: aggravation of socioeconomic problems against the backdrop of the global financial crisis, a decrease in the pace and volume of production resulting in the lack of jobs and thus of a permanent source of income for persons with a criminal record; disinterest of business entities in employing such persons as they possess no professional skills and have a low motivation to work; poor organization of assistance in the social adaptation of former convicts; deficiencies in the criminal policy in relation to persons who have previously committed crimes; deformation of legal consciousness and prevalence of criminal subculture standards in society.

REFERENCES

1. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (n.d.) *Sostoyanie prestupnosti* [The state of criminality]. [Online] Available from: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics.
2. Artem'ev, N.S. & Simonov, R.V. (2006) Reasons and conditions of re-offending and main measures for its prevenuion. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 2. pp. 6–9. (In Russian).
3. Dolgova, A.I. (ed.) (2007) *Kriminologiya* [Criminology]. 3d ed. Moscow: Yur. norma; NITs INFRA-M.
4. Burlakov, V.N. & Kropachev, N.M. (eds) (2013) *Kriminologiya* [Criminology]. Saint Petersburg: Piter.
5. Shestakov, D.A. (2015) Return to the criminological theory of causality. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2 (37). pp. 88–97. (In Russian).
6. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2017) *Kriminologiya. Obshchaya chast'* [Criminology. General part]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Mikhaylov, V.V. (2017) The crisis phenomena in economy of Russia and the way of their overcoming. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie – Administrative Consulting*. 4. pp. 129–144. (In Russian).
8. Russian Federation (2018) Federal'naya tselevaya programma "Razvitie ugolovno-ispolnitel'noy sistemy (2018–2026 gg.)", utv. Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 06.04.2018 № 420 [Federal target program "Development of the penal system (2018–2026)", approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of 06.04.2018 No. 420]. *Corpus of legislative acts of the Russian Federation*. 16 (2). Article 2374.
9. Antonyan, Yu.M. et al. (2013) *Prichiny prestupnosti v Rossii* [Causes of Crime in Russia]. Moscow: FGKU "VNII MVD Rossii"; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
10. Gazeta.ru. (2018) *Bez prosveta: bednykh v Rossii stalo bol'she* [No Hope: The number of the poor in Russia have grown]. [Online] Available from: https://www.gazeta.ru/business/2018/12/10/12090253.shtml. (Accessed: 12.11.2019).
11. Kupreshchenko, N.P. & Fedotova, E.A. (2016) Differentiation of income and poverty as a threat to economic security of Russia. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 3. pp. 318–322. (In Russian).
12. Federal Penitentiary Service of Russia. (2019) *Statisticheskie dannye* [Statistical Data]. [Online] Available from: http://fsin.su/statistics/.
13. Klimanova, O.V. (2018) Resocialization of persons who have served criminal penalty and were released from it in regulatory acts: legal gaps and contradictions. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta – Juridical Journal of Samara University*. 2 (4). pp. 34–40. (In Russian). DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-34-40
14. Ogurlieva, A.A. (2015) Modern problems of recidivism: the reasons for the ineffectiveness of the fight against recidivism. *Yuridicheskiy vestnik DGU – Law Herald of Dagestan State University*. 2 (14). pp. 124–127. (In Russian).
15. Nomokonov, V.A. (2017) Causes of crime in contemporary Russia: the problem is getting worse. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 2 (11). pp. 247–257. (In Russian).

Received: 13 February 2020

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБДУЛЛИНА Ульяна Владимировна – магистрант Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: ulya-a@bk.ru

АНДРЕЕВ Артём Андреевич – преподаватель Сибирского института практической психологии, педагогики и социальной работы (г. Новосибриск). E-mail: artsun8@yandex.ru

БАДМАЕВА Екатерина Николаевна – д-р ист. наук, директор международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на евразийском пространстве» Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста). E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

БЕЛЕВИТИН Владимир Анатольевич – д-р техн. наук, профессор кафедры автомобильного транспорта, информационных технологий и методики обучения техническим дисциплинам Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Челябинск). E-mail: belewitina@mail.ru

БЕХТЕРЕВ Сергей Львович – д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Удмуртского государственного университета (г. Ижевск). E-mail: sergbehterev@yandex.ru

БЕХТЕРЕВА Людмила Николаевна – д-р ист. наук, главный научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы, заместитель директора Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (г. Ижевск). E-mail: behterevaLN@yandex.ru

ВЛАСОВ Михаил Сергеевич – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (г. Бийск); магистрант факультета психологии Томского государственного университета. E-mail: vlasov_mikhailo@mail.ru

ГАВРИЛОВ Сергей Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уральского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск). E-mail: sv.gavrilov@inbox.ru

ГАРЕЕВА Эльвира Абдулгалимовна – канд. филос. наук, доцент кафедры методики преподавания иностранных языков и второго иностранного языка Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (г. Уфа). E-mail: elvira_gar@mail.ru

ГЕРМАН Павел Викторович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Кемерово). E-mail: lithos@mail.ru

ГИРЕНОК Федор Иванович – д-р филос. наук, зав. кафедрой философской антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: girenok@list.ru

ДОБРЯКОВ Денис Андреевич – канд. юрид. наук, ст. преподаватель кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: den-dobryakov@yandex.ru

ДУБИНИНА Эльвира Вагизовна – канд. социол. наук, доцент кафедры экономико-правового обеспечения безопасности Башкирского государственного университета (г. Уфа). E-mail: edubinina@bk.ru

ЕВПЛОВА Екатерина Викторовна – канд. пед. наук, доцент кафедры экономики, управления и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Челябинск). E-mail: ekaterina@evplova.ru

КИРЬЯШ Наталья Сергеевна – ст. преподаватель кафедры теории и методики физической культуры и спорта Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (г. Омск). E-mail: natasha_240892@mail.ru

КЛЁЦКИН Михаил Васильевич – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и культурологии Самарского государственного медицинского университета. E-mail: samkoms@mail.ru

КНЯЗЕВ Дмитрий Владимирович – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского процесса Томского государственного университета; зав. кафедрой гражданского процессуального права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Томск). E-mail: Kdv1979@inbox.ru

КОПЫЛОВ Андрей Юрьевич – ст. преподаватель кафедры гражданского права Томского государственного университета. E-mail: akop67@mail.ru

КОРНЕЕВ Дмитрий Николаевич – канд. пед. наук, доцент кафедры экономики, управления и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Челябинск). E-mail: korneevdn@cspu.ru

КОСТЫЛЕВА Елена Николаевна – канд. ист. наук, доцент кафедры «Инженерного бизнеса и менеджмента» Рязанского института (филиала) Московского политехнического университета (г. Рязань). E-mail: lena-kostyleva@yandex.ru

КРАВЧУК Анатолий Иосифович – д-р пед. наук, профессор кафедры теории и методики туризма и рекреации Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (г. Омск). E-mail: kravchuk-prof@mail.ru

КХЕМКА Ананд Кумар – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: anandkhemka45@gmail.com

ЛАЗАРЕВА Оксана Петровна – канд. социол. наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации экономико-правовых направлений Тюменского государственного университета. E-mail: opl-tyumen@mail.ru

ЛЕБЕДЕВА Екатерина Алексеевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина. E-mail: adv.lebedeva@gmail.com

МЕЛЬНИК Наталия Дмитриевна – канд. филол. наук, доцент кафедры искусствознания Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения. E-mail: melnik.natalija2017@yandex.ru

МИНЯЗЕВА Татьяна Фёдоровна – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации; профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского городского педагогического университета. E-mail: minyazeva2020@mail.ru

МОРОЗ Наркиза Абриковна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации экономико-правовых направлений Тюменского государственного университета. E-mail: narkiza-moroz@mail.ru

МУХИНА Маргарита Петровна – канд. пед. наук, зав. кафедрой теории и методики физической культуры и спорта Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (г. Омск). E-mail: margarit-mukhin@yandex.ru

ОНИЩЕНКО Сергей Степанович – канд. биол. наук, инженер Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Кемерово). E-mail: onis65@mail.ru

ПЕШКОВ Владимир Федорович – д-р пед. наук, зав. кафедрой теории и методики обучения физической культуре и спорту Томского государственного педагогического университета. E-mail: peshkov@sibmail.com

ПИВТОРАК Александр Николаевич – преподаватель кафедры бальной хореографии Алтайского государственного института культуры (г. Барнаул). E-mail: alexandr-pivtorak@mail.ru

ПОДРЕЗОВ Михаил Владимирович – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры политологии Томского государственного университета. E-mail: mvpodrezov@gmail.com

ПОЗДНЯКОВ Вячеслав Михайлович – д-р психол. наук, зам. декана факультета экстремальной психологии по научной работе, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета. E-mail: pozdnyakov53@mail.ru

ПОЛЕТАЕВА Оксана Борисовна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации экономико-правовых направлений Тюменского государственного университета. E-mail: poletaeffs@mail.ru

ПОРТНЯГИН Дмитрий Игоревич – канд. ист. наук, доцент кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: d.portnyagin@spbu.ru

ПОРТНЯГИНА Наталья Александровна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: n.portnyagina@spbu.ru

ПРОЗУМЕНТОВ Лев Михайлович – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Томского государственного университета. E-mail: krim_tsu@mail.ru

РАЗИНА Анастасия Степановна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: razina-anastasia@yandex.ru

РОСТОВ Николай Дмитриевич – д-р ист. наук, профессор кафедры «Коммуникативные, социокультурные и образовательные технологии» Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (г. Барнаул). E-mail: ndrostov@mail.ru

РУМЯНЦЕВ Петр Петрович – канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета. E-mail: petroom@mail.ru

САВЕЛЬЕВА Анна Сергеевна – канд. ист. наук, научный сотрудник Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Кемерово). E-mail: antverpen@mail.ru

САРЫЧЕВА Татьяна Валерьевна – д-р ист. наук, доцент кафедры физического воспитания и спорта Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: sarycheva_tv_1@mail.ru

СВЯТКО Светлана Владимировна – PhD, научный сотрудник 14ХРОНО Центра по изучению климата, окружающей среды и хронологии Королевского университета Белфаста (г. Белфаст, Соединённое Королевство). E-mail: svetlana_sv@mail.ru

СИДОРИНА Елена Игоревна – ассистент кафедры восточных языков и методики их преподавания Рязанского государственного университет им. С.А. Есенина. E-mail: elesidorina@yandex.ru

СИДОРОВ Василий Александрович – канд. экон. наук, научный сотрудник Института Африки Российской академии наук (г. Москва). E-mail: vasilsid@yandex.ru

СМИРНОВ Евгений Николаевич – д-р техн. наук, профессор кафедры металлургии и металловедения им. С.П. Угаровой Старооскольского технологического института им. А.А. Угарова (филиал) Национального исследовательского технологического университета «МИСиС» (г. Старый Оскол). E-mail: en_smirnov@i.ua

ТРОФИМОВА Ульяна Михайловна – канд. филол. наук, доцент кафедры филологии и журналистики Российского православного университета святого Иоанна Богослова (г. Москва); магистрант кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва). E-mail: umt2005@rambler.ru

ФИЛИППОВА Ольга Валерьевна – канд. юрид. наук, зав. кафедрой «Уголовно-правовые дисциплины» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (г. Улан-Удэ). E-mail: ovalfilippova@yandex.ru

ХИТРУК Екатерина Борисовна – д-р филос. наук, профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета. E-mail: lubomudreg@gmail.ru

ЦАО Юй – аспирант кафедры телевидения и радиовещания Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: cao.yu@mail.ru

ШАТИЛОВИЧ Ольга Викторовна – ст. преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации экономико-правовых направлений Тюменского государственного университета. E-mail: shatiolga@yandex.ru

ШЕИНА Ирина Михайловна – канд. филол. наук, профессор кафедры восточных языков и методики их преподавания Рязанского государственного университет им. С.А. Есенина. E-mail: i.sheina@365.rsu.edu.ru

ШЕСЛЕР Александр Викторович – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права Томского государственного университета; профессор кафедры уголовного права Кузбасского института ФСИН России (г. Новокузнецк). E-mail: sofish@inbox.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2020. № 457. Август

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глущенко

Адрес издателя и редакции
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 31.08.2020 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 33. Усл. печ. л. 31. Тираж 50 экз.
Заказ № 4440 Цена свободная.

Дата выхода в свет 2 октября 2020 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. **Учредитель – Томский государственный университет.** «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru